

Дональд Рейфилд
Грузия. Перекресток империй. История длиной в три
тысячи лет

грузия

ПЕРЕКРЕСТОК ИМПЕРИЙ
ИСТОРИЯ ДЛИНОЙ В ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Дональд Рейфилд

Дональд Рейфилд

Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет

Без сомнения, эта книга еще много лет будет считаться самым подробным и авторитетным источником по истории Грузии.
Financial Times

Donald Rayfield

Edge of Empires: A History of Georgia

© Donald Rayfield, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

КоЛибри®

Предисловие

Критский народ, к сожалению, производит больше истории, чем может переварить.

Саки. Шутки Арлингтона Стрингема

В этой истории Грузия рассматривается, во-первых, политически, то есть как территория с сегодняшними границами (с точки зрения международного права); во-вторых, географически, как закавказские земли, простирающиеся от Черного моря до стечения рек Иори и Куры и от Главного Кавказского хребта до Малого Кавказа, близ устья реки Чороха и верховья реки Куры; наконец, Грузия рассматривается с исторической точки зрения, то есть с границами, которые некогда включали части современной Турции, Азербайджана и Армении. В X веке Грузия, как утверждал церковный юрист Гиорги Мерчуле, была страной, где обедню отправляют по-грузински.

Грузины считают, что грузин – это и уроженец Грузии, вне зависимости от этнической принадлежности, и тот, для кого грузинский язык является родным. Грузинский язык принадлежит к картвельской языковой семье, родственности которой с какой-либо другой языковой семьей ученым пока не удалось установить. Картвельская языковая семья также включает мингрельский (*мегрули*) и лазский языки (оба в принципе являются диалектами одного «занского» языка и отличаются друг от друга главным образом тем, что на лазский влияет ислам и турецкие язык и культура. И мингрельский, и лазский языки близки к грузинскому, как польский к русскому, так что до некоторой степени они взаимно понятны. Двумя тысячелетиями раньше, по всей вероятности, мингрельский и грузинский были просто наречиями одного и того же языка. Четвертый член картвельской группы – сванский, на котором говорят не больше 50000 горцев на южных склонах Главного Кавказского хребта. Сванский является до такой степени архаичным языком, что отличается от грузинского больше, чем, например, румынский от французского. Мингрелы и сваны, как правило, свободно владеют и грузинским.

Последние две тысячи лет Абхазия, пусть даже с длительными перерывами, является составной частью Грузинского государства, хотя абхазский язык, как северо-западный кавказский, не является родственным языком грузинского. Таким же образом закавказские осетины (которых римляне и греки называли аланами) – иранский этнос, потомки древних скифов – давным-давно считаются и грузинскими подданными, которые свободно общаются по-грузински. История Грузии поэтому включает, хотя не постоянно, и историю Абхазии и Осетии. Подобным образом такие меньшинства, как грузинские армяне и азербайджанцы (не

говоря уж о других тюркских народах) и грузиноязычные евреи тоже участвуют в эволюции Грузинского государства.

Вплоть до конца XVIII века хронология некоторых событий грузинской истории часто остается спорной, даже загадочной. Как и в России, до 1918 года в Грузии действовал юлианский, а не григорианский календарь: с 1801 по 1900 год юлианский календарь отстает от григорианского на двенадцать дней, с 1901 по 1917 год – на тринадцать.

Транслитерация грузинского на кириллицу представляет известные проблемы: например, русский [к] может отражать три разных грузинских звука и буквы. Мне показалось проще употреблять приблизительную транскрипцию в повествовании, не отличая, например, придыхательных смычных грузинского языка от глотализованных, а в указателях и библиографии, чтобы не было путаницы, прибегать к латинской транскрипции, которая с помощью диакритических знаков точно воспроизводит очень рациональную грузинскую азбуку. Для личных имен и географических терминов вообще предпочитается транслитерация грузинской формы, то есть, например, Давит, Гиорги, Тамар, Тбилиси, Картли, а не Давид, Георгий, Тамара, Тифлис, Карталиния; русские названия, как, например, река Кура (по-грузински Mt'k'vari, по-турецки Кур, в древности Кирос), как и некоторые другие (Имеретия, Кахетия), сохраняются в порядке исключения.

До 1783 года грузинская историография ограничивается относительно скудным, хотя давно установленным циклом источников. Самым известным из них является начальная грузинская летопись, «Жизнь Картли», *картлис цховреба*, которую подтверждают (и которой иногда противоречат) отрывочные сведения древних византийских и армянских летописцев. Новую информацию предоставляют и археологические раскопки, и только недавно переведенные тексты иранских и турецких историков. С 1783 по 1917 год русские архивы, в особенности *Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией* (13000 страниц удивительно полной документации, опубликованных в начале XX века), а также воспоминания путешественников и чиновников дают очень полное представление о Грузии XIX века. С тех пор как открылись архивы Коммунистической партии и Министерства внутренних дел Грузии, стало возможно полностью составить историю Грузии после 1917 года.

Я многим обязан своим грузинским друзьям и знакомым, среди которых надо поименно поблагодарить Шукию Апридонидзе, Нинель Мелкадзе и Русико Амiredжби, которые помогали мне разыскивать новые и забытые публикации. Я очень благодарен Тбилисской публичной библиотеке, Омару Тушурашвили (директору архивов Министерства внутренних дел) и тбилиским букинистам. Несмотря на сталинскую тиранию, грузинская историография советского периода часто отличается своей объективностью и научной тщательностью. Сегодня, когда независимая Грузия преодолела анархию 1990-х годов, некоторые историки и бывшие государственные чиновники опубликовали монографии, статьи и материалы, которые проливают свет на проблемы и давнего, и недавнего прошлого.

В Европе грузинские материалы разбросаны по многим библиотекам и архивам. Я благодарен Британской академии за грант, который позволил мне ездить по библиотекам и архивам Парижа, Болоньи, Рима и других городов. В Великобритании мне очень помогала библиотека Кембриджского университета. К сожалению, именно тогда, когда я начал эту книгу, лондонская Школа востоковедения (SOAS) затеяла ремонт и зарыла все свои кавказские материалы и старую периодику в старую шахту, тем самым надолго лишив британских историков уникальных источников.

Русское издание отличается от английского тем, что я смог внести поправки и новую информацию: некоторыми улучшениями я обязан зорким глазам своих читателей, особенно грузинских, среди которых покойный Арианэ Чантуриа оказался блестящим корректором. Из французских дипломатических архивов в Нанте и в Париже, относящихся к консульству в Тбилиси, я почерпнул новые материалы для этого издания, за которые я благодарю архивистов французского Министерства иностранных дел.

Хотя я уже полвека занимаюсь русским языком и русской литературой, я сознаю, что англичанин никогда не станет вровень с носителем языка. Поэтому я выражаю безграничную благодарность жене, Анне Пилкингтон, которая проверяла весь текст, устраняла ляпсусы, шероховатости и проливала свет на непонятные места.

Дональд Рейфилд
2013

1

Появление картвелов

Происхождение, или этногенез, картвельского народа, или картвельских народов, как и происхождение любого народа, начинается раньше первых письменных источников. Это утверждение основано скорее на предположениях и мечтаниях, нежели на науке или логике. Главным источником предположений является лингвистика: грузинский язык до сих пор носит на себе следы своих первых контактов и своих субстратов за последние столетия, даже тысячелетия. Топонимика позволяет нам угадывать, на каком языке говорили обитатели любого края; раннюю историю освещает и археология, позволяющая понять многое относительно культуры, численности населения и периодизации, но не способная достоверно установить этнические и лингвистические связи между чертами прошлого.

Еще со второго тысячелетия до н. э. сохранились в Анатолии немногочисленные лаконичные, но четкие надписи на глине и камне, оставленные Ассирийской, Хеттской и Урартской империями. Это списки завоеванных и подчиненных соседей-вассалов, среди которых можно с уверенностью узнать предшественников сегодняшних картвелов (грузин, мингрелов, лазов и сванов). Приблизительно за 500 лет до н. э. греческие историки и географы начинают более пространно писать о нравах и быте обитателей Северо-Восточной Анатолии и Колхиды (Восточного Черноморского побережья), но хронология не всегда надежна, и трудно отличать настоящие наблюдения от легенд и слухов¹.

Самый древний лингвистический материал можно найти в современных картвельских языках: основной запас слов, например *мкерди* – грудь; *куди* – хвост; *згмартли* – мушмула; *рка* – рог; (*к*) *рцхила* – граб; *пири* – лицо; *еквси* – шесть; *швиди* – семь; *тревс* – тащит и т. д., подразумевает связи картвельских языков с каким-то индоевропейским диалектом, в котором согласная система близка к итало-кельтской группе, откуда происходит латинский язык². К тому же названия «благородных» зверей, например оленя и кабана, на которых охотятся аристократы, намекают на индоевропейское происхождение. Мы обнаруживаем аналогичное явление и в английском с его аристократическим нормандским слоем, и в венгерском, где названия «благородных» зверей – исконно венгерские, а «неблагородных» – славянские. Такое явление предполагает завоевание и покорение оседлого народа и языка чужой аристократией и ее языком. Есть в грузинском языке и грамматические черты, особенно в именном спряжении и в глагольной морфологии (временах и залогах), которые очень похожи на индоевропейские модели. Поскольку эти черты встречаются и в сванском, который ответвился от других картвельских языков несколько тысяч лет назад, индоевропейский субстрат в грузинском можно считать очень древним, по времени совпадающим с вторжением индоевропейцев в Анатолию три-четыре тысячи лет назад. (С тех пор грузинский язык щедро заимствует из соседних индоевропейских языков, из древне-,

1 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959 (еще не устарела: это до сих пор непревзойденное исследование предыстории Грузии по анатолийским и древнегреческим источникам).

2 Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1964.

средне- и новоперсидского например³, но эти заимствования можно датировать довольно точно.) Любопытно и то, что грузинские названия некоторых растений, например самшита (*бза*), совпадают с теми неиндоевропейскими названиями, которые мы находим в греческом языке *пиксос* : по-видимому, носители картвельских языков общались с носителями доиндоевропейских языков средиземноморских стран.

Имеющиеся данные доказывают, что после падения Хеттского государства грузины были связаны с Урарту, которое господствовало в Центральной и Северо-Восточной Анатолии с раннего бронзового и железного века (1200–700 до н. э.). Точно неизвестно, какие царства или племенные союзы, с которыми Урарту воевало или вступало в переговоры, включали картвелов, но народы, известные ассирийцам и Урарту в течение четырехсотлетнего периода как мушки, диаухи, уитерухи и кардухи, могли быть картвельскими. До сих пор комбинация согласных *м-с-х*, *м-с-к* встречается в названии города Мцхета (столица до 500 н. э.), юго-западной провинции (сегодня тюркоязычной) Самцхе (земля месхов); в Дагестане еще не так давно грузин называли *месхи* или *мосхи* . Около 1100 года до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар упоминает народ мушки в Юго-Восточной Анатолии: по-видимому, после поражения мушки переселились на север. Греческие источники называют горы около Трабзона родиной мосхов. Позднее мушки-месхи связываются в основном с Восточной Грузией (Иберией или Картли), которая к 300 году до н. э. образовала государство, когда объединились племена, населявшие долину реки Куры. До христианства в Мцхете обожествляли луну (бога Армаза) и Задена, бога плодородия, таким образом продолжая религию хеттов. Тем не менее не исключено, что термины *мушки*, *мосхи*, *месхи* являются «плавающими» названиями, точно так же, как термин *валлийский* для англичан обозначает кельтов, для чехов – итальянцев, а для болгар – румын.

Самым древним известным названием Центральной Грузии, то есть долины Куры, является Иберия. Это слово иногда считают производным от финикийского *эбр* – «там», толкуя его как типичное двойное название, так как восточные страны иногда носят то же название, что и западные. Поэтому существует и испанская, и кавказская Иберия, и балканская, и кавказская Албания (современный Азербайджан). В конечном итоге Иберия происходит скорее от *спери* , северо-восточноанатолийского народа, известного Геродоту как *саспери* ⁴; от *спери* , по всем правилам исторической фонологии, происходит и армянское название грузин – *(и)вирк* . Современное название грузин (*Georgians*) появилось в результате контаминации персидско-тюркского *гурджи* (от армянского *вирк*) с культом святого Георгия, которого почитали грузинские христиане и язычники.

Названия некоторых народов и провинций, которые входили в сферу интересов Урарту, до сих пор сохраняются в названиях современных грузинских провинций: от хурритского (Урарту) *диаухи* вполне разумно произвести современную южную грузинскую (и армянскую) провинцию *тао* (армянское *тайк* : в Урарту суффикс – *хи* , как армянское – *к*, обозначает множественность). Сегодняшнее *Джавахети* (армянский *Джавахк*), несомненно, унаследовано от урартского *Забаххе* ; таким же образом сегодняшняя *Шавшети* на грузино-армянской границе отражает урартскую *Шешет* .

Кардухи являются еще одним народом, упомянутым греками, который мог быть картвельскими подданными Урарту. Некоторые выводят сегодняшний этноним *картвели* именно от *Кардухи*. По всей вероятности, однако, *карт* – родственный термин индоевропейского *гард* и обозначает народ, живущий за укрепленными стенами⁵, как те грузины, которые заселили район около Мцхеты.

3 Gippert J. Iranica Armeno-Iberica. Studien zu den iranischen Lehnwörtern im Armenischen und Georgischen. Bamberg, 1993; Почкуа Б. Лексикология грузинского языка ([Картули енис лексикология. Qartuli enis legsikologia]). Тбилиси, 1974. С. 347–358 (на груз. яз.).

4 Геродот . История. Кн. I (Клио). § 104.

5 Интересно в этом отношении старое скандинавское название России – *Гардарика* , «государство городов».

Несмотря на их историческую связь с Урарту, удивительно, как мало урартский язык отражается на картвельских. Один лишь общий термин бросается в глаза – *kira*, связанный с нырянием или с превращением, а в Урарту – со значением *земля*. В Грузии до сих пор поется архаичная урожайная песня *Иври-арали, тари-арали, ари-арали*, которую можно отождествить с урартским воззванием к богу плодородия: «Господи Арале, мощный Арале, дай, Арале»⁶. Грузинский (и армянский) термин *арцив* – орел – существует и в урартском, но это широко распространенная индоевропейская и хеттская лексема. (Отношения как грузинского, так и армянского языков с языком Урарту довольно загадочны: на удивление мало армянских слов можно сопоставить с Урарту, так что можно сказать, что урартское ярмо не сильно давило на языки соседей и вассалов.)

Когда Грузия переходит из легенд в историю, появляются уже две, а может быть, и три отдельных страны. Первая, Иберия, – это ядро будущего объединенного государства (сегодняшние Картли и Кахетия), то есть страна к востоку от горы Лихи, которая отделяет реки, впадающие в Каспийское море (Кура), от рек, впадающих в Черное море (Риони и Чорох). Вторая страна – Колхида, Черноморское побережье от Трабзона до сегодняшней Гудауты: ее границы с Иберией до сих пор проходят около горы Лихи. Третьей страной можно считать Сванетию, древнюю Суанию, которая две-три тысячи лет назад была гораздо больше, чем сегодня, и простиралась до побережья. Сванетия тогда подчинялась то Колхиде, то Иберии (то их сюзеренам); временами она могла быть поделена на части или существовать автономно. Греческие географы и сам факт того, что в сванском языке до сих пор существуют идиомы о мачтах и парусах, свидетельствуют, что раньше сваны были приморским народом, возможно заселявшим устье Кодора.

Намного раньше Иберии в исторических памятниках упоминается Колхида: Урарту не раз сталкивалось с мощным царством *Кулха* на своих северных границах. До какой степени Колхида тогда была картвельским государством или конфедерацией разных племен, мы не знаем. К VI веку до н. э., судя по легенде о Ясоне и Медее и по археологическим данным, греческие колонии были разбросаны по всему побережью Колхиды от Кавказского хребта до Трабзона (тогдашнего Трапезунда). В Северной Колхиде довольно пестрый племенной союз сохранял независимость и самостоятельность, к тому же уже существовали города вдали от моря и греческих колоний. Один такой город предположительно находился на реке Риони недалеко от Поты (тогдашнего Фазиса) и назывался *Ая* (название может быть связано с полубогатырем Эетом; Гомер отождествляет Аю с островом Цирцеи, а позже греки называли всю Колхиду или сегодняшний Кутаиси *Ая*). Более известен древний колхидский город – Археополь, сегодняшний Нокалакеви («бывший город»), где ведутся обширные раскопки⁷: местные называли его Цихегуджи («крепость царя Куджи»). Еще один город под Кутаиси назывался Родополь (*Вардисцихе*, «город роз»). Главным политическим и культурным городищем, основанным не позже VIII века до н. э., был Вани в Центральной Колхиде.

Врачи школы Гиппократы предупреждали греков, что колхидские болота грозят колонистам зобом и малярией, в результате чего колхи будто стали нездоровыми, приземистыми и смуглыми. В то же время нездоровая жара и влажность делали Колхиду плодородной и богатой землей. Она давно славилась своим льном и другими товарами, хотя торговле мешало отсутствие валюты: колхи пользовались не монетами, а бронзовыми кольцами больше 8 кг весом (стандартными ассирийскими гириями). Существует мало сведений о том, как и кем управлялись картвелы и другие народности Северной Колхиды. Не исключено, что царь Эет был исторической личностью: во II веке н. э. Арриан объезжал Колхиду и докладывал императору Адриану о местах и руинах, оставшихся со времен Эета,

⁶ Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1998. С. 164–207.

⁷ Braund D. Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.

которые ему довелось видеть. Плиний пишет, что некий царь Саулак (скифское имя, изображен на монете II века до н. э.), потомок Эета, был первым золотоискателем в Колхиде⁸.

Странно, что ни один колхидский царь не носит картвельского имени. Куджи, которого грузинские летописцы относят к III веку до н. э., значит по-абхазски «волк». Сам Эет, отец Медеи в греческих легендах, возможно, был абхазом: по-абхазски *Хаит* – бог моря. Среди имен правителей Колхиды во II и I веках до н. э. мы встречаем Аристарха (грека) и Саулака (иранца-скифа). Что касается местного названия Колхиды – Мингрелия (по-грузински *самегрело*), то в нем без сомнения виден картвельский корень *эгр*, который отражен в классическом названии Колхиды, *Эгриси*, и соответствует мингрельским названиям племен, известных Ксенофону и Геродоту как *марг*. Само слово «Колхида» может быть связано с названием южной провинции Грузии Кола, к которому прибавляется урартский суффикс – *хи*, обозначающий «народ». Позже римские историки, пишущие о Колхиде, которую называют Лазика, упоминают еще один картвельский народ – лазов. Название лазы, по всей вероятности, проистекает от сванского *ла-зан*, «страна занов». (Сегодня многие лингвисты считают лазов и мингрелов одним народом – «занами».)

Греческие и римские географы утверждают, что в городе Диоскурия (потом Севастополь, Цхуми, а сегодня Сухум) люди были необыкновенными полиглотами: там говорили на 70 или даже 300 языках. К I веку до н. э. Колхида, вероятно, разделилась на северное сильно эллинизированное государство и на южную конфедерацию разнообразных племен, которая одно время находилась во власти Персии. В начале н. э. Колхида носила название Лазика; когда ослабло византийское влияние, превратилась в Эгриси, а во время объединения Грузии называлась Абхазети. В любом случае страна была этнически очень пестрой; ее племенами, когда они сплотились, правили или абхаз, или зан (мингрел или лаз), или сван, или скиф, или представители ныне уже выродившегося этноса. Уже к 500 году до н. э., богатые греческие портовые города, Фазис (основанный Фемистагором Милетским, недалеко от сегодняшнего Поты с огромной, давно заиленной гаванью), Гиен (недалеко от сегодняшней Очамчыры) и Диоскурия (Сухум), оказывали сильное экономическое, если не политическое влияние на аборигенные внутренние города Родополь, Цихегуджи и Вани (известный грекам как Сулис).

Греческие источники скудны: некоторые просто цитируют утерянные географические учебники. Ассирия и Урарту отмечали только сражения и победы. Первое свидетельство разнообразного состава Колхиды мы находим в записи ассирийского царя Тукулту-Нинурты I (1245–1209 до н. э.), «40 царей на Верхнем (то есть Черном. – *Авт.*) побережье». Археология пока мало что добавляет: Диоскурия лежит нераскопанной под водой или под фундаментами Сухума, а развалины Гиена, который был наполовину подземным городом, и Фазиса до сих пор не найдены. Колхские города были большею частью деревянные и сгорели дотла, когда в 49 году до н. э. с севера напал босфорский царь Фарнак, а через два года с запада – пергамонский царь Митридат. Отношения между греческими колонистами и колхами были в целом мирными. Только в Диоскурии обострились этнические конфликты: бронзовая стела IV века до н. э. свидетельствует о вооруженной стычке. Греческие колонии были однородными, большею частью милетского происхождения, с храмами, посвященными Аполлону. Города, где жила колхская элита, постепенно подвергались греческому религиозному влиянию: главный храм Вани был посвящен Левкотее и имел собственного оракула.

Греческие источники утверждают, что колхским царством правили *скептухи*, «носители скипетра», точно так же, как иранскими провинциями правили *варанака* («носители дубины»): в колхских раскопках уже найден один золотой скипетр. Мы не знаем, однако, свидетельствует ли правление скептухов о том, что управление страной было делегированным или просто находилось в упадочном состоянии. Неизвестен и этнический состав Колхиды: Фазис на севере и Апсари на юге, вполне возможно, отражают абхазский

корень – *пса-* , «вода». Поразительно, что на гробах отсутствуют картвельские антропонимы: Метос, Отойос, Дедатос, Микакадос, Мелабес, Хорсип, Оразо – греческого, анатолийского или иранского происхождения.

Не менее темно происхождение Восточной Грузии (Иберии, или Картли и Кахетии). Самые ранние грузинские летописи, составленные между VIII и XI веками н. э., может быть, пользовались не только более ранними, теперь уже утерянными материалами, но и устными свидетельствами: в течение повествования миф постепенно превращается в правдоподобную легенду и наконец становится фактом, поддающимся проверке. Как многие европейские народы, иберийцы имеют своих «Рема и Ромула» или «Леха и Чеха». У многих древних грузинских городов есть мифический основатель: Мцхетос для Мцхеты, Одзркос для Одзрке, и эти богатыри слывут наследниками Картлоса (брат которого оказывается Гаосом, отцом армян). Сам Картлос является потомком Фогармы, правнука Ноя. Только в IV веке до н. э., когда завоевание Александром Македонским Персии преобразовало Закавказье (которое он все-таки сам объехал), повествования *Жизни Картли* и *Обращения Картли* освобождаются от фантастики и обращаются к действительности.

В надписях, отмечающих урартские царские победы, в *Анабасисе* Ксенофонта и в рассказах Геродота мы узнаем об Иберии еще меньше, чем о Колхиде. К этим редким сведениям кое-что добавляют археологические открытия. Первые анатолийские империи сталкивались с народами Северного Кавказа раньше, чем с картвелами, но тогда, очевидно, предки черкесов и других северокавказских народов находились южнее, чем сегодня. Хеттские надписи (до 1200 до н. э.) упоминают *кашки* в Северо-Восточной Анатолии; тот же народ ассирийцы называли *кашка* , против которых воевал царь Тиглатпаласар около 1100 года до н. э.: по всей вероятности, это *кашог* , как потом называли черкесов. Ассирийцы упоминают *абешла* , наверное, известных грекам как *апсилы* , а нам – как абхазы, в то время как кавказские албанцы, с их столицей Бардави, может быть, были известны ассирийцам как *парда* . Среди соседей и вассалов хеттов названы предки армян, *хайаса* и *зухма* (современная Армения называется Хайастан, а грузины называют армян *сомехи*).

Археологическая история Грузии начинается в каменном веке: страна имела постоянное население *Homo sapiens* уже десятки тысяч лет. В Закавказье выращивали зерно, пасли скот, делали вино, обрабатывали металлы не позже, чем в любой другой части света. Конечно, доказать, на каком языке говорили и к какому этносу принадлежали эти люди каменного века, невозможно. Захоронения дают только минимальную информацию: найдены и длинные скелеты с узкими черепами, и более широкоплечие, приземистые анатолийские типы. Как в других странах, анализ ДНК показывает поразительную постоянность населения в течение тысячелетий. Несмотря на завоевания, смены языка, этноса и культуры, освидетельствованные историей, ДНК у 80 процентов населения воспроизводит ДНК доисторического населения.

В конце неолита, около 1500 года до н. э., особенно в горах Триалети, на юге от Тбилиси, похоронные обряды и могильные предметы, например изображения божеств, очень походили на могильные предметы в Азербайджане, Армении, в месопотамской культуре Миттани и Хеттской империи. В некоторых захоронениях в Триалети есть признаки человеческих жертв (рабов или слуг усопшего).

Около 800 года до н. э. урартские надписи упоминают не меньше семи краев, которые можно считать картвельскими: *Кулха* (Колхида), *Утерухи* (может быть, сегодняшнее Одзрхе), *Катарза* (сегодня перевал Годердзи между курской и чорохской долинами и вообще вся провинция Кларджети), *Забаххе* (современное Джавахети), *Луша* (не исключено, что это лазы), *Эриахи* (может быть, урартское название восточной провинции Эрети, но вероятнее всего, название предков кавказских албанцев) и, наконец, *Иганехи* (может быть, известные грекам как *эниохои* , несмотря на то что Эниохои находились около Диоскурии и на востоке от Трабзона и могли быть или сванами, или мингрелами). Царь Аргишти описывает правителя *Иганехи* (по-урартски *Этиухи*) как царя всего Закавказья. Из всех народов, упомянутых Урарту и Ассирией (а их было шестьдесят на границах этих империй в XII веке

до н. э.), мы чаще всего встречаем *диаухи* : урартские цари по имени называют трех правителей *диаухи* , Сиени, Асна и Утупуршини. (Надо учесть, что люди и места, которые, по всей видимости, были картвельскими, редко носили картвельские имена – подразумевается, что картвельская элита хорошо приспособилась к хеттским или хурритским обычаям, – точно так, как уже в нашу эру грузинские правители часто носят греческие, осетинские или персидские имена.) В 1112 году Сиени, царь *диаухи* , был взят в плен ассирийским царем Тиглатпаласаром. его освободили, когда *диаухи* заплатили ассирийцам дань и отпустили своих пленных. *Диаухи* были единственным достаточно значительным протокартвельским народом, чтобы ассирийцы и урартские цари признавали их «царей». Тиглатпаласар три раза воевал против этих «северных» людей. В 845 году Салманасар III напал на царя *диаухи* Асна и заставил его платить дань; в 790 году столица *диаухи* , Шашилу, была взята урартским царем Менуа. Менуа, судя по всему, занял провинцию Шешети (сегодняшнюю грузинскую Шавшети, около турецкого города Шавшат), унизил *диаухского* царя Утупуршини и заставил *диаухи* сровнять свои крепости с землей. (На востоке от страны *диаухи* лежало *Забахае* , сегодняшнее Джавахети.) Через пять лет Аргишти, наследник Менуа, собрал 15760 пехотинцев и 66 колесниц и опять начал воевать: только в одной провинции он взял 105 крепостей и 453 поселка и заставил Утупуршини отдать ему 20 кг золота, 4426 лошадей и 28510 рабов: очевидно, *диаухи* были богатым народом. Потом Аргишти одержал победу над соседним картвельским племенем *уитерухи* (для греков – *обизерои*, потом для грузин *одзрхе*) и оставил свой гарнизон в их столице Уриенаи. Интересно, что колхидские картвелы не помогали *диаухи* и *уитерухи* в борьбе против Урарту. К началу VIII века до н. э. урартские войска уничтожили государство *диаухи* : прошло 350 лет до момента, когда Ксенофонт в 401 году наткнулся на народ *Таохои* .

Победив восточных картвелов между истоками рек Чорох и Кура и около озера Чылдыра, Урартская империя столкнулась с западными картвелами в Колхиде, которая включала по крайней мере одну провинцию *диаухи* , Хушани. В 743 году царь Сардури II напал на колхского царя Имешу и взял его столицу Илдамуш (у истоков реки Чорох). в Илдамуше Сардури заказал себе «железную печать» от уже знаменитых колхских кузнецов.

Как *диаухи* , так и колхи исчезают с лица истории в 735 году. Урарту просуществовало недолго. Из предгорья Северного Кавказа прискакали кочевники: по Черноморскому побережью – киммерийцы, по берегу Каспийскому – скифы, другие через Крестовый перевал. Эти завоеватели были главным образом иранскими, и среди них находились, по всей вероятности, отряды абхазов и черкесов. Они разорили все Закавказье и Северно-Восточную Анатолию: их войска даже достигли границ Египта. Ассирийский царь Саргон II (772–705 до н. э.) отмечает, что киммерийцы в 720 году разогнали урартские силы на верхней Куру.

Со временем скифские и киммерийские завоеватели осели или как наемные солдаты, или, судя по топонимике, как постоянные мирные жители от Триалети до Каппадокии (оба названия – иранского происхождения). Их путь отмечают не только тысячи бронзовых наконечников стрел, но и курганы, где захоронены лошади и даже колесницы. Свой след они оставили и в грузинском языке: например, *хиди* , «мост», который мы находим и в мингрельском, должно быть, является ранним заимствованием из осетинского языка победителей. В 676 году до н. э. киммерийцы объединились с покоренным ими же урартским царем Русой II. Вместе они разрушили гетерогенную Фригийскую империю царя Мидаса в Центральной и Западной Анатолии. Эта империя известна как империя *мушки* , хотя вряд ли эти *мушки* были связаны с месхами, которые являются предшественниками восточных картвелов. Но западных и восточных *мушки* объединяет религия: и те и другие почитают хеттского бога луны Армаза и лувийского бога Сантуша, то есть иберийских богов Армаза и Задена, свергнутых христианскими миссионерами в IV веке н. э.

Падение Урарту, из-за вторжений киммерийцев и скифов, развязало руки различным картвельским племенам: в последующие триста лет они могли мигрировать и распространяться на запад и на север. Некоторые племена, включая *уитерухи-бизерои* и *катарза-кларджи* , перешли перевал Годердзи в сторону Черного моря, вклинившись между

Северной и Южной Колхидой, и создали обширный ареал для грузинского языка, на котором теперь будут говорить от устья Чороха до слияния рек Кура и Алазани, отрезав мингрельский в Северной Колхиде от родственного языка лазов на юго-западе. К III веку до н. э. антропоним *месхи* всплывает в двухстах километрах к северо-востоку, от провинции Самцхе до города Мцхета: грузинский народ спускается с гор между истоками Чороха и Куры к слиянию Куры и Арагви, из недоступного горного убежища на главный перекресток Закавказья, где пересекаются пути торговцев и захватчиков с севера, востока, юга и запада.

В греческих документах *διαυχι* упоминаются как *ταοχοι*. Геродот, описывая картвельские племена около 450 года до н. э., называет их *саспери*, очевидно, картвельским именем, так как префикс *са-* приставлен к корню *спер*, который является прототипом слова *ибер*. (Современный город Испир в Северо-Восточной Турции, несомненно, связан с этнонимом *спер*.) Геродот считал, что *саспери* представляют собой единственный значительный народ, живший между Колхидой и новой империей (или племенным союзом) мидийцев. (Мидийцы – северо-восточный иранский народ; союзники Вавилона, они разрушили Ассирию в 600 г. до н. э. и потом, как союзники скифов, завоевали Урарту. Только в 549 г. до н. э. они уступили место персидскому царю Киру, основателю империи Ахеменидов, который властвовал по всей Анатолии и Персии, пока Александр Македонский не покорил ее в 330 г. до н. э.)

Под властью мидийцев и Ахеменидов колхские и иберские грузины достигли если не единства, то равенства. *Саспери*, то есть иберийцы, образовали 18-ю сатрапию Персидской империи, а колхи (которых Геродот делит на *мосхов*, *тибаренов*, *макронов*, *моссиноек* и *марсов*) – 19-ю. Сатрапиям были выгодны ахеменидские оперативная полиция, монетизация, дороги и караван-сарай и невыгодны высокие налоги и обязательная военная служба. Судя по всему, каждые пять лет Колхида посылала ахеменидскому царю по 100 мальчиков и 100 девушек: эти переселенцы находились на службе по четыре года, трудясь на таких грандиозных стройках, как сусские укрепления. Военные начальники у *марсов* и колхов и у *саспери*, или иберийцев, носят персидские имена, Фарандат и Масистий⁹. Когда Дарий Великий и Ксеркс воевали против Греции, колхские солдаты, похоже, подчинялись собственным офицерам. Южные части Колхиды и Иберии остались вне сатрапий и подчинялись напрямую Ахеменидской империи, пока Александр Македонский не уничтожил ее.

Поскольку прибрежные греческие города сохранили независимость, надо полагать, что и Северная Колхида не входила в 19-ю сатрапию. Можно только догадываться, до какой степени греческие колонисты Диоскурии, Гиена и Фазиса или греки около «глубокого лимана» (*батис лимен*, сегодня Батум) смешались с туземным населением. Вероятно, колонисты были преимущественно мужского пола и женились на местных женщинах. Есть, однако, некоторые признаки насильственного колониального господства, как, например, поджог прибрежных деревень, где туземцы занимались ткачеством в VI веке до н. э. Вообще же Северная, эллинистическая Колхида процветала. Обрабатывались драгоценные камни, с VI по III век до н. э. чеканили множество мелких серебряных монет, главным образом гемидрахм, некоторые с греческой буквой, указывающей монетный двор, все с мужской головой на аверсе, с бычьей или львиной головой на реверсе. Денежная система была, очевидно, хорошо развита, хотя мелочь была так обильна и такого плохого качества, что охотники XVIII века н. э. пользовались ею как дробью. Обилие импортных товаров – египетские скарабеи, финикийские четки – подтверждают репутацию Колхиды как страны, разбогатевшей на экспорте льна, конопли, дегтя и рабов. (Один колхский раб стоил 153 драхмы, что составляло шестимесячное жалование ремесленника.) От города Фазиса получил свое название фазан: как утверждает Аристофан, греки считали фазанье мясо роскошью из Колхиды. Тяжелые пирамидальные ткаческие гири свидетельствуют о развитой кустарной промышленности. Богатые колхи жили в каменных домах с черепичными

крышами; бедные – под соломенными крышами или в пирамидальных бревенчатых хижинах на буграх, нарытых на колхидских болотах. Судя по железным сохам и большим бывшим пашням, в Центральной Колхиде выращивали зерно, хотя климат, особенно приморский, был благоприятен только для проса. Археологами были найдены большие железные ядра от катапульт, что означает, что у колхов были вооруженные силы с артиллерией. Что удивительно, письменное наследие ограничивается немногим: именами на саркофагах, гончарными буквами, монограммами на греческом и арамейском языках на черном застекленном киликсе, арамейскими буквами на кусочке золотого листа, найденном в Вани. Погребальные обычаи, от кремации в ямах до захоронения в больших кувшинах, указывают, что население было разнообразным: чувствуется и киммерийское, и горнокавказское влияние. Чем ближе к Иберии, тем заметнее влияние Северного Кавказа, примером чего может служить сделанный из золота птичий клюв.

Плутарх, писавший о Колхиде пятьсот лет спустя, утверждает, что тогда Северная Иберия, как и Северная Колхида, были автономны. Археологические находки этого периода показывают, что, хотя массы по всей Грузии жили бедно, начинала появляться поразительно богатая элита: их могилы набиты золотом и драгоценными камнями. При власти Ахеменидов возникали мощные, мастерски построенные каменные центры, например Уплисхихе, Урбниси и Каспи. Количество оружия в могилах свидетельствует, что элита была военная, несмотря на то что она жила под защитой ахеменидского «*pax imperialis*». Из каменных центров один Уплисхихе можно отнести к VIII веку до н. э. Однако в то время как Колхида была густо покрыта торговыми и промышленными поселениями, иберские города были скорее либо укрепленными убежищами на время войны, либо храмами, посвященными анатолийским божествам, предназначенными для жрецов и паломников.

На очень короткое время Черным морем овладела ахеменидская Персия: в 459 году до н. э. она заключила мир с Каллиасом афинским, объединив таким образом впервые в истории Грузии всех картвелов. Первый период иранского господства в Грузии – сначала под властью мидийцев, а потом Ахеменидов – длился триста лет, с середины VII до IV века до н. э. Следов в истории он оставил очень мало. Главным его последствием был процесс лексических заимствований из иранских языков, который будет продолжаться до конца XVIII века н. э. Из малоизвестного языка мидийцев, староперсидского и авестийского религиозного языка грузинский язык почерпнул много основной лексики, например *стумари*, «гость»; корень *маспиндзели*, «хозяин»; *гандзи*, «клад»; *спилендзи*, «медь»; корень *саване*, «обиталище»; *цминда*, «чистый, святой»; *эшмаки*, «чёрт»; *дроша*, «знамя».

В 463 году до н. э. Перикл Афинский отвоевал Черное море и, по всей вероятности, прибрежные города Колхиды. Греческие колонии в Южной Колхиде, например Пичвнари, вблизи от современного Кобулет, во время персидской оккупации продолжали преуспевать. К 410 году до н. э. Ахеменидская империя раскололась в братоубийственной междоусобице; брат царя Артаксеркса завербовал греческих наемных солдат. Переворот не удался. Отступление греков-наемников описано в *Анабасисе* Ксенофонта. Основной заботой Ксенофонта было вернуться домой, но его путевые наблюдения являются первым свидетельством очевидца о нравах и быте древних грузин. Ксенофонт излагает, что колхи, макроны (вероятно, мингрелы) и *кардухи* освободились от персидского ярма; похоже, *кардухи*, самые восточные картвелы, тогда воевали с армянами, а *эспери* (*саспери*, или иберийцы) были подвластны армянину Тирибазу, вероятно, сатрапу 18-й персидской сатрапии. Ксенофонт считает *таохои* самым агрессивным картвельским племенем: многие не подчинялись сатрапу, запираясь в крепостях, защищаясь камнями от вражеских сил, прибегали к массовому самоубийству, прыгая с утеса, если поражение неминуемо. Граница между 18-й персидской сатрапией и «свободной» Иберией тогда проходила через территорию *таохои*.

Когда люди Ксенофонта спустились в устье Чороха, они наконец могли объясниться с туземцами: в прибрежном городе Гимниасе греческий солдат, родившийся в Колхиде и привезенный рабом в Грецию, переводил на мингрельский местных *марсов* и *макронов*.

(цанои , грузинские заны). Ксенофонту казалось, что тибарены и халибы (имя этого народа происходит от их знаменитого сплава чугуна) – те же мингрелы. Единственным некартвельским народом, с которым Ксенофонт сталкивается по пути в Колхиду, были скифы, по всей вероятности, последние потомки кочевников, которые вторглись с севера тремя столетиями ранее. Когда Ксенофонт покидал Трабзон, отправляясь на запад, по пути в Герасун он наткнулся на сварливых *моссиноек* . Несмотря на картвельский префикс *мо-* и сходство этого названия с североколыхскими *санигами* , которые могли быть как сванами, так и мингрелами, несмотря на деревянные дома-башни, *моссиноки* вряд ли были картвелами, так как их название явно происходит от *мосин* , индоевропейского, а может быть, и тракского слова, обозначающего «башню». Ксенофонт вспоминает их с ужасом: они пили терпкое вино, ели мясо дельфинов, открыто совокуплялись и поджигали башни, в которых запирали своих королей.

Когда через семьдесят лет после Ксенофонта греки вернулись в Восточную Анатолию, это гораздо более радикально сказалось на Грузии и на всем известном к тому времени мире.

2

Происхождение Картлийского царства

Летопись Иберии (Иберия – это сегодняшние Картли и Кахетия, то есть средняя полоса долины Куры и долины рек Арагви, Алазани и Иори, которые текут на юг от Главного Кавказского хребта) начинается с вторжения Александра Македонского в Анатолию и разорения им ахеменидской Персидской империи в 334–331 годах до н. э. Грузинские и римские источники утверждают, что Александр завоевал Иберию. Сначала от него отбивались дикие племена на севере от Куры, но в конце концов он их прогнал и посадил на трон в новой столице Мцхете то ли грузина, то ли македонского сатрапа Азона. На самом деле Александр вторгся в Персию через Междуречье и подошел к Кавказу только тогда, когда его войска преследовали иранские силы по Западному побережью Каспийского моря. Следы греческого влияния на Иберию несомненно видны в IV веке до н. э. на таких предметах, как красная черепица аттических размеров (33 см), помеченная греческими буквами¹⁰. Само слово *крамити* («черепица») заимствовано от греческого слова *керамис* . Благодаря уничтожению Ахеменидской империи греками иберийцы получили возможность сами решать собственную политическую судьбу. Если верить грузинскому *Обращению Картли* , царь «Ариан-Картли» (Южной Иберии, находившейся в персидском владении) переселился на северо-восток вместе с десятками аристократов и тысячами других подданных и стал владыкой «внутренних иберийцев», которые уже жили около Мцхеты. Археологические данные подтверждают слова летописца: около Куры строились новые укрепления, в могилах найдено значительное количество оружия. Вообще на археологию можно полагаться больше, чем на летописи, и археология подтверждает связь *месхов* (южных картвелов) с новой столицей Мцхетой. Считается, что Азон привез с собой божества Гаци и Га и воздвиг золотые и серебряные кумиры в Мцхете. Может быть, Азона выдумали летописцы, которые сочиняли историю через девятьсот лет (по армянским летописям, Александр Македонский назначил сатрапом иберийским не Азона, а реально существовавшего Митридата (337–302 до н. э.), отца Митридата I, царя Понтийского, и в то же время назначил Арана царем кавказских албанцев). Так или иначе, кто бы ни был вождем Картли, грузины из Кларджети и Тао завоевали Центральную Иберию. Летописцы осуждают Азона: он был тираном, которого ненавидели за тяжелые налоги и брезгливое отношение к местному населению. Азона поддерживали сто тысяч «римских» (вероятно, греческих) солдат, и, когда эти наемники предали сатрапа, его победил первый царь Картли, Парнаваз¹¹.

10 Furtwängler A. Iberia and Rome. Langenweissbach, 2001.

11 Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963; Toumanoff C. Manuel de gé né alogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasic chré tienne (Armé nie – Gé orgie – Albanie). Rome, 1976; Rapp Jr. S.H.

Для летописцев Парнаваз был богатырем. Единственным, кто подтверждает его легендарное существование, является армянский летописец V века н. э., признавший грузинских царей «потомками Парнаваза». Историческое наследие свидетельствует, что Парнаваз – лицо не фиктивное. Грузия, которая образовалась после его царства, указывает на него как на создателя первого Грузинского государства. Если вести отсчет с более конкретных данных о жизни последующих царей, можно приписать Парнавазу невероятное, ветхозаветное долголетие: он мог родиться в 326 году и царствовать с 299 по 234 год до н. э. Его имя, как и у многих ранних грузинских царей, образовано от иранского корня *фарна* – «божественное сияние». Его мать, судя по всему, была персиянкой, а дядя Самар, воевода мцхетский, – иберийцем. Летопись рассказывает, что благодаря Азону Парнаваз остался сиротой; потом, во время охоты, он наткнулся на клад, привидевшийся ему во сне, и таким образом смог финансировать восстание против Азона. Легче поверить тому, что он заключил договор с Куджи, царем Эгриси (Центральной Колхиды), выдав за него свою сестру. Убив Азона на поле битвы, Парнаваз затем признал верховную власть Селевкидов, наследников Александра, которые в городе Антиохии управляли остатками Македонской империи. Парнаваз разделил Грузию на княжества: в Иберии было семь княжеств, а Эгриси-Колхида стала автономной. Такое деление предвосхищает структуру Грузии уже в византийские времена: скорее всего, летописец просто ретроспективно приписывает его древнему, полумифическому Парнавазу. Значимой чертой реформы Парнаваза является то, что «внутренняя» Картли, ядро Грузии от слияния Арагви и Куры на восток, отдается во власть *спаснети*, воеводы или генерал-губернатора: из-за такого деления власти создается ложное представление, что с тех пор в Иберии существовало двоевластие, как будто один царь владел правым берегом Куры, а другой – левым. На самом деле *спаснети* обыкновенно был близким родственником царя и подчинялся ему.

По преданию, Парнаваз воздвиг огромную статую лунного божества Армаз на горе с видом на Мцхету (поэтому место называлось Армазцихе, «крепость Армаза»). Таким образом, не опровергая старых поверий, Парнаваз дал грузинам общую, единую религию, в которой луна стала главным божеством. (Кстати, Страбон упоминает храм лунного бога на границе Колхиды и Иберии¹².) Продолжая политику объединения, Парнаваз объявил грузинский язык государственным. Ему же приписывают первую грузинскую письменность: если это правда, то письменным языком стал арамейский в своеобразной местной «армазской» форме, которую археологи часто находят в надписях на игорных бабках, языческих алтарях и на гадальных дощечках паломников¹³.

Сам наполовину иранец, Парнаваз олицетворял пестрый этнический состав своего царства еще и тем, что женился на *дзурдзуке* (чеченке или ингушке с Горного Кавказа), а дочь выдал за осетина. Такие семейные союзы помогали будущим иберийским царям влиять на кочевников и горцев Северного Кавказа. Они могли или закрыть им доступ к Дарьяльскому ущелью, или пропускать их в Закавказье, чтобы они нападали на соседей, враждебных Грузии. Страбон пишет, что иберийские горцы «могут собрать многие десятки тысяч и своего народа, и из скифского и сарматского народов в любое время, когда им

Studies in medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, 2003; ожидаются еще два тома в этой серии, для исчерпывающего обсуждения возможной хронологии грузинского престолонаследия; Settiani C. Continuité des élites à Byzance durant les siècles obscurs. Les princes caucasiens et l'empire du VIe au IXe siècle. P., 2006. P. 393–485, 538–546.

12 Страбон. География. кн. 11. гл. 2. § 18.

13 Ts'ereteli K. Armazian Script / Ed. T. Mgaloblishvili // Ancient Christianity in the Caucasus. Curzon, 1998. P. 155–162; Furtwängler A. Op. cit. Langenweissbach, 2001.

что-нибудь угрожает»¹⁴. Парнаваз не только укрепил свою власть на юге, но и расширил империю до берегов верхнего Аракса в Армении и на юго-запад до устья Чороха.

По преданию, от Парнаваза престол перешел к сыну его Саурмагу. Саурмаг значит по-осетински «черная рука»: может быть, Саурмаг был не сыном, а зятем Парнаваза. Саурмаг тоже прожил неправдоподобно долгую жизнь, царствуя с 234 по 159 год до н. э. К иберийскому пантеону Саурмаг прибавил еще два божества, Айнину и Данину, но как в Колхиде, так и в Иберии продолжали почитать «солнце, луну и пятеро планет», как вспоминает автор VII века в «Мученичестве святого Эвстатэ». На бронзовой доске, найденной в Вани в Колхиде, нарушителей клятв предупреждают, что они будут отвечать «матери-земле, солнцу и луне».

Саурмаг, как и его предшественник, старался ассимилировать осетин и чеченцев: он переселил «половину *дзурдзукского* народа» с другой стороны перевалов на верхнюю Арагви: местная топонимика до сих пор подтверждает, что имело место чеченское переселение, обогатившее Иберию грозными бойцами, а иногда необузданными грабителями. Согласно разным источникам, в 169 году до н. э.¹⁵ в квартале Занави Мцхеты появилась еврейская община (беженцы с юга): там найдены ивритские надписи и еврейские могилы с I века н. э. Ясно, что Саурмаг придерживался политики привлечения полезных иностранцев. Скоро в городах Иберии (как и в Кавказской Албании) проживали сирийцы (говорящие на арамейском), армяне и иранцы.

Саурмаг подчинялся Селевкидской империи, которая все еще правила Анатолией и Сирией. Но к концу царствования Саурмага единству Селевкидской империи положило конец крепкое Понтийское царство Юго-Восточного Черноморского побережья. Правитель Понта Фарнак I расширил территории, завоевав почти все южное побережье: вскоре армяне потеряли Трабзон, и Понт напал на восток, поглотив Южную Колхиду и угрожая Иберии. Теперь иберийцы и Селевкиды нуждались во взаимной помощи. На востоке и юго-востоке Иберии появилась еще одна враждебная сила – воинственные иранцы Парфийского царства. В 247 году до н. э. царем Парфии стал Аршак: в течение короткого времени Парфия и Иберия вместе воевали против Армении, которая возродилась благодаря междоусобицам, ослаблявшим власть Селевкидов. К тому времени, когда Саурмаг умер, армяне уже отобрали у картвелов южную часть Тао (на север от сегодняшнего Эрзурума).

За исключением Египта, великая империя Александра Македонского уже была разрушена. В начале II века до н. э. к Анатолии подступала новая Римская империя. В Греции римляне сражались с селевкидским царем Антиохом III и в 188 году до н. э. вынудили его отдать им всю Анатолию севернее Таврских гор. В то время как до прихода в Иберию первых римских легионеров пройдет еще сто лет, Армения воспользовалась победой римлян над Селевкидами незамедлительно, завоевав и мидийские, и иберийские территории. Грузия, объединенная Парнавазом, раздробилась: провинция Аргвети, где Колхида граничит с Иберией, вернулась к Колхиде; на десятки лет Средняя Колхида, если не вся страна, стала автономным государством. Уже в III веке до н. э. были колхидские монеты с надписью «Царь Акес»¹⁶. К 150 году до н. э. Колхида опять чеканила собственные серебряные монеты (при Парнавазе и Колхида, и Иберия чеканили золотые монеты, похожие на статеры Александра Великого). В некоторых районах Колхиды теперь поселились иранские захватчики: Плиний

14 *Страбон*. География. кн. 11. гл. 3. § 3.

15 *Mgaloblishvili T., Gagoshidze I.* The Jewish Diaspora and Early Christianity in Georgia / Ed. T. Mgaloblishvili // *Ancient Christianity in the Caucasus*. Curzon, 1998. P. 39–58; *Mamistvalishvili E.* [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 21 (на груз. яз.).

16 *Tsetskhladze G.* Die Griechen in der Colchis. Amsterdam, 1998 (Акес может быть просто сокращением более длинного иранского имени).

Старший упоминает, что во II веке до н. э. царь Саулак (по-осетински *саурлаег* означает «черное лицо») вывозил из Колхиды и золото, и серебро¹⁷.

Потеряв власть над Колхидой, Саурмаг разрушил все содеянное Парнавазом: возможно, поэтому иберийские аристократы восстали против него и он сбежал к *дзурдзукам*, надеясь там найти войска, которые подавят восстание, и создать новую элиту. У Саурмага не было наследника мужского пола: он усыновил иранского царевича Мириана и выдал за него свою дочь.

Мириан I царствовал предположительно со 159 по 109 год до н. э.: отразив нападение дзурдзуков на Кахетию, он перешел перевал и разорил Чечню; во избежание последующих нападений он укрепил Дарьяльское ущелье. Мириан не смог остановить экспансии Понта и Армении. В 111 году до н. э. царем Понта стал Митридат VI Евпатор, который постепенно аннексировал всю Колхиду, кроме северной части. Хуже того, Митридат VI заключил союз с Арменией, удвоив тем самым опасность для Иберии.

От Мириана I трон унаследовал его сын Парнаджом, который царствовал до 90 года до н. э. Летописцы упоминают только одно достижение Парнаджома: над новой крепостью по ту сторону реки от Армаза он воздвиг памятник еще одному анатолийскому божеству, Задену. То ли из-за этого, то ли в результате того, что Иберия продолжала уступать территорию врагам, Парнаджома убили собственные аристократы, поддержанные армянами. Его сын (будущий Мириан II) попросил политического убежища у парфянского двора и иберийский престол предложил Аршаку (в римских и греческих источниках Аршак известен как Артаксий), который слыл сыном армянского царя Артавазда, но мог претендовать на иберийский престол, так как был женат на княжне из рода Парнаваза. Сведения о царствовании Аршака (с 90 по 78 до н. э.) очень скудны, возможно, потому, что на время утихли междоусобицы и войны. Странно только то, что Аршак, будучи армянином по происхождению, будто бы укрепил город Цунда в Джавахети на границе Иберии и Армении.

С 78 по 63 год до н. э. в Иберии царствовал Артаг, по-видимому сын Аршака. О начале царствования сведений нет, но позже он стал первым иберийским царем, известным римлянам (Аппиан, Кассий Дион, Евтропий и другие летописцы римских войн с Митридатом Евпатором называют его Артокий), и существует довольно точная информация о его действиях к концу царствования. Из-за Митридата VI римляне решились вторгнуться в Иберию, так как понтийский царь угрожал римской гегемонии, завоевав греко-сарматское Боспорское царство около Азовского моря на границе тогда известного мира и потом занял Северо-Западную «Малую» Армению и Колхиду, готовясь напасть и на Анатолию. Царь Великой Армении Тигран II встал на сторону Митридата VI, направил свои войска в Северо-Западную Парфию и овладел Кавказской Албанией, воспользовавшись тем, что римляне были озабочены появлением армии Митридата и в Греции. В конце концов Митридата выгнали из Греции и из большей части Анатолии не только римляне, но и местные бунтовщики. Тем не менее Митридат VI в 73 году до н. э. начал свою третью, последнюю, войну против Рима: изначально в 69 году до н. э. римляне направили своего генерала Лукулла против союзника Митридата, Тиграна II. Иберийцы и кавказские албанцы боролись рядом с армянами: особенно страшны были копыя иберийцев. Мы не знаем, ради армян ли воевал Артаг или чтобы защитить Иберию от римлян, но в любом случае участие Артага в этой войне неизбежно привело к нашествию римлян на иберийские земли.

Зимние холода и бунтующие солдаты заставили Лукулла отступить; в 66 году до н. э., однако, Гней Помпей возобновил военные действия и одержал блестящую победу. Митридата выгнали из Анатолии (по пути, в долине Чороха, он столкнулся с враждебными ему иберийцами), и он прошел всю Колхиду. До Босфора он не добрался: сын Митридата VI Махар, который наследовал босфорский престол от отца, отказался принять его, и Митридату пришлось вернуться в Диоскурию. Еще один неблагодарный сын, Фарнак, восстал против отца, и в 63 году до н. э. Митридат покончил с собой. Тиграну II, мечтавшему вернуть себе

трон, узурпированный его сыном, тоже Тиграном, пришлось заключить довольно унижительный договор с римлянами, пожертвовав западными владениями и обещав в качестве союзника Рима платить ему дань. Гней Помпей все еще продолжал преследовать Митридата, но важнее для него было сделать и Иберию, и Кавказскую Албанию либо союзниками, либо вассалами Рима: закрыв высокие перевалы, оба царства могли запретить северным кочевникам спускаться в Закавказье; римляне считали этих кочевников самой серьезной угрозой своей власти. К тому же Помпей хотел захватить «шелковый путь» от Индии и Китая через Каспийское море (воды которого Помпей лично вкусил), Кавказскую Албанию, Иберию и Колхиду до Черного моря. В декабре 66 года до н. э. царь Артаг и албанский царь Ороиз с 70000 иберийцев и кавказских албанцев напали на римлян на Куру: битва закончилась перемирием. Помпей перезимовал на верхней Куру и весной спустился в Иберию, убив 9000 иберийцев и взяв в плен 10000, прежде чем спуститься дальше, чтобы расправиться с кавказскими албанцами. Как и Тигран II, Артаг послал к Помпею своих уполномоченных и просил мира; но в отличие от Тиграна он подстерегал римлян вблизи Мцхеты. Помпей, однако, опередил Артага и захватил мцхетский гарнизон. Артаг перешел Куру и сжег мосты. Помпей сначала завоевал Внутреннюю Иберию на южной стороне Куры, а когда в летнюю жару реки обмелели, перешел и Куру, и Арагви вброд, вырубил леса и разгромил войска Артага. Иберийский царь вынужден был отдать своих сыновей в заложники и подарить Помпею «золотые кровать, стол и трон», клянясь остаться верным римским подданным. Только после этого он мог сдаться, не опасаясь, что его увезут в кандалах в Рим. (Когда для Помпея потом устроили триумфальное шествие в Риме, он продемонстрировал народу трех иберийских аристократов, одного колхидского *скептуха*, двух кавказских албанцев, сына Тиграна II, пятерых сыновей Митридата VI и двух дочерей иудейского царя Аристовула.)

Покорив Артага, Помпей перешел из Иберии в Колхиду, расширив тропинку через перевал Лихи, чтобы по ней могли проехать его колесницы. С помощью угроз и насилия он дошел до берега моря и назначил грека Аристарха губернатором подавленной, если не полностью покоренной, Центральной Колхиды. Помпею не хотелось сталкиваться с враждебными северными племенами – сванами, абхазами и черкесами: цель была достигнута, так как Митридата уже выгнали и лишили всякой опоры. В конце концов Помпей вернулся в Иберию, чтобы таким же образом наказать кавказско-албанского царя Ороиза, как раньше он наказал Артага. К 64 году до н. э. Закавказье фактически состояло из трех царств, тесно связанных с Римом: протекторат Колхиды находился в том же положении, ибо Аристарх подчинялся напрямую Дейотару, проримски настроенному правителю Пафлагонии. В Сухуме найдена одна драхма с надписью «Аристарх Колхидский», но без всякого княжеского титула.

О жизни в артагской Иберии можно получить представление из описаний Страбона, который использовал доклады Феофана Милетского, в 66 году до н. э. сопровождавшего армию Помпея. Страбон подчеркивает отличия иберийских горцев от жителей долин: горцы выглядели как скифы, а жители долины – как персы: вероятно, разницу можно приписать тому, что иберийские цари селили на севере осетин и чеченцев с Кавказа, а в долине осталось первоначальное картвельское население. Страбон осуждает систему правления, при которой часть власти передается в руки брату или тезке правящего или предыдущего царя (что навело некоторых историков на недостаточно обоснованное предположение о том, что в Иберии существовало двоевластие), и отмечает теократическую власть жрецов, которые служили и законодателями, и посредниками. Третье сословие, по Страбону, составили свободные фермеры и военные (кстати, слово *ери* тогда значило и «народ», и «армия»), а также «царские рабы» или крепостные. Другие слои общества, например чужеземцы, жили в коммунах. Страбон описывает архитектуру городов и говорит, что дома хорошо отстроены, с черепичными крышами. Но иностранных торговцев или поработанных военнопленных Страбон не упоминает¹⁸. Археологи отмечают, что во II веке до н. э. могилы часто были

лишены погребальных даров, мертвецов иногда хоронили в огромных винных кувшинах (*квеври*) , что указывает на постепенную смену военного общественного строя мещанским и ремесленным.

Римляне взяли заложниками не всех сыновей Артага. В 63 году сын Артага Парнаваз II (в грузинских летописях его называют Бартом или Братман) унаследовал престол, и его двадцатилетнее правление было для Иберии-Картли периодом спокойным и мирным.

О Колхиде тех времен мы знаем гораздо меньше. Должно быть, она была достаточно хорошо развитой страной: Страбон насчитал не меньше 120 мостов на дороге от пограничного города Шорапани до Фазиса. Без сомнения, митридатские войны и войны наследников Митридата VI, не говоря уже о римской гражданской войне 49 года, когда Цезарь сражался с Помпеем и с Дейотаром Пафлагонским, разорили Колхиду: побережье страдало, когда в 66 году до н. э. Митридат VI бежал на север; в 48 году сын Фарнак, царь Боспорский, вторгся с севера, пытаясь напасть на Малую Армению и проримский Понт. После битвы при Фарсале в 48 году Цезарь одержал окончательную победу (Помпей вскоре умер в Египте) и через год выгнал из Колхиды Фарнака (именно тогда он воскликнул «*Veni, vidi, vici* – Пришел, увидел, победил»). За это время, однако, Фарнак успел ограбить всю Колхиду, особенно храм Левкотеи в Вани, который он сровнял с землей; но, вернувшись в Босфор, Фарнак пал жертвой своего наместника Асандра. Боспорское царство Цезарь отдал своему союзнику Митридату Пергамскому, который тоже погиб от руки Асандра: и этот конфликт не только помешал восстановлению Колхиды, но нарушил мир и в Иберии. Вплоть до своей смерти в 18 году Асандр занимал часть Колхиды. После 47 года остальная Колхида, средняя и южные области, перешли к понтийскому царю Полемону I на сорок лет; потом Пифодора, вдова Полемона, принесла своему второму мужу Архелаю, царю Каппадокии, Колхиду в приданое. Колхида оказалась на время частью семейной империи, ибо Зенон, сын Полемона, стал царем Армении с 18 по 34 год н. э. В 17 году н. э. император Тиберий попытался вернуть Колхиду в Римскую империю, но к 38 году и Понт, и Колхида уже принадлежали Полемону II, внуку Полемона I, на время получившему во владение и Боспорское царство, в то время как его брат Котис стал царем Малой Армении. Империя эта просуществовала недолго: уже в 69 году Полемону II пришлось подавить восстание, которое поднял в Понте его бывший раб, а теперь адмирал его флота Аникет.

К 63 году, когда Нерон развязал войну против Парфии, римляне утвердили свою власть, и Трабзон, где стояли легионы Корбулона, стал столицей римских провинций Понта и Колхиды. В Колхиде, однако, римская власть не распространялась за границы прибрежных гарнизонов. Жители Трабзона были большею частью картвелы, «генниохи и макроны», а на севере от устья Чороха, в Гонию, где разместился главный римский гарнизон, территория была заселена лазами и иберийцами. Фазис, Диоскурия и другие греческие поселения еще не восстановились после войн предыдущего века, и Трабзон как свободный город с собственным монетным двором стал и коммерческим, и политическим центром восточной части Черного моря.

Северной Колхиде приходилось страдать от конфликтов между северо-восточными кавказскими племенами, а ее портам и греческим колониям – от пиратства варваров. Согласно Иосифу Флавию, римские гарнизоны, которые располагали всего 3000 пехотинцами и сорока судами, могли защищать только гавани. В 50 году н. э. самый северный порт Питиус (сегодня Пицунда) полностью разрушили, по всей вероятности, сваны. В том же 50 году жертвой грабителей пала и Диоскурия, которой в предыдущие сто лет, вероятно, владел сванский царь с огромной армией и советом в 300 человек.

Из-за гражданских войн Рим постепенно терял господство над Иберией, Арменией и Кавказской Албанией. Парфия же становилась все более могущественной: в 53 году до н. э. она разгромила армию Марка Лициния Красса, заставив Армению искать других, восточных союзников. (В 53 году для армянского царского двора ставили пьесу Еврипида *Вакханки* , и этот спектакль оказался последним событием эллинистической Армении: представление

испортили солдаты, подбросившие голову Красса на сцену к актерам, которым пришлось импровизировать.) К 40 году до н. э. Парфия уже отняла у Рима бо2льшую часть Анатолии. Через четыре года Марк Антоний нанес ответный удар, но атака была неудачная, так как Армения, Иберия и Кавказская Албания встретили римлян враждебно. Марк Антоний вернулся со второй армией под командой Публия Канидия Красса. Этого было достаточно, чтобы иберийский царь Парнаваз II передумал, объявил себя другом римлян и вынужден был помогать Крассу воевать против соседа, албанского царя Зобера, который тоже подчинился римлянам. Этот эпизод был слишком унижителен, чтобы быть упомянутым в грузинских хрониках, но описывается Кассием Дионом вполне убедительно. Парнаваз II недолго переживал свое унижение, так как Мириан (сын Парнаджома, сбежавшего за пятьдесят лет до этого в Иран) вернулся с парфянскими войсками в Картли. У Парнаваза II еще оставался один колхидский союзник, его зять Картама (имя осетинское), потомок Куджи, колхидского царя и союзника Парнаваза I, но и тот и другой погибли после нашествия армии Мириана II. От семьи Парнаваза II уцелела только дочь, которая сбежала в Армению и там родила от Картама сына Адерки.

Когда Мириан II восстановил династию Парнавазидов на иберийском престоле, он был уже стар и процарствовал всего десять лет. Все эти годы он сотрудничал с Римом и блокировал перевалы на Кавказе, чтобы северные мародеры не тревожили римлян. Рим больше не нападал на Иберию: император Август официально объявил, что Иберия и Кавказская Албания заслужили «римскую дружбу». Судя по монетам этого времени, на протяжении всего I века Иберия доминировала и в Колхиде. Уход Римской империи, однако, оставил пустое место: теперь целостности Иберии угрожали Парфия и ее союзница Армения, хотя настоящие конфликты начались только через пятьдесят лет после смерти Мириана (в 20 до н. э.).

После Мириана II царствовал Аршак II (или Арсук), армянин по матери. Уже в 1 году н. э. против Аршака II восстал Адерки, сын колха Картама и дочери Парнаваза II Артаксиадской династии. Войска Адерки убили Аршака II, свергнув уже второй раз династию Парнаваза. Царь Адерки (которого летописцы зовут Рок) стал известен за границами Грузии под именем Парсман (Фарасман) I.

При Парсмане I Иберия начала жить в мире и согласии с соседями, даже с воинственными племенами Северного Кавказа. Союз с горцами предостерегал южных и восточных соседей от любых провокаций по отношению к Парсману, который к тому же пользовался покровительством римлян. Тацит пишет, что в 23 году четыре легиона стояли на границе Иберии и Кавказской Албании, но он противоречит грузинским летописям, приписывая действия Парсмана I следующему иберийскому царю, Митридату (Михрдату) I. Благодаря содействию Рима Парсман смог аннексировать Армению, которая давно колебалась, не решаясь, у кого искать защиты, у римлян или у парфян. В 18 году император Тиберий возвел Зенона, сына понтийского царя Полемона, на армянский престол. Назвавшись Арташ, Зенон царствовал до 34 года, когда парфянский царь Артабан III сверг понтийскую власть и сделал собственного сына Аршака царем Армении. Но парфянская знать отвергла выбор Артабана и попросила Тиберия назначить им царем армянина Тиридата.

Парсман I заявил, что римляне уже обещали передать Армению Иберийской царской династии: в следующем году, с помощью кавказских албанцев и северных иранцев, Парсман напал на Армению, выгнал парфянские силы, подкупил армянских аристократов, взял столицу Артаксату на реке Аракс и возвел своего брата Митридата на армянский престол. Парфянский царь Артабан III собрал армию, сделал генералом своего сына Орода и сам вербовал албанских и сарматских наемников, чтобы отбить у иберийцев Армению. У Парсмана уже были свои сарматские наемники, которые закрыли кавказские перевалы и тем лишили Артабана доступа к подкреплению. Битва между парфянской конницей и иберийско-сарматской пехотой закончилась тем, что Парсман I лично расколол шлем Ороду одним ударом: Ород ускакал, но слухи о его гибели привели парфян в полное смятение.

С помощью скифских войск Артабану III все-таки удалось выгнать из Парфии Тиридата, назначенца Тиберия, но свергнуть Митридата, брата Парсмана, с армянского престола он не смог, поскольку нападение на иберийцев грозило ему столкновением с легионами Вителлия.

Армянский венец оказался для Митридата тяжеловат: через несколько лет его вызвал в Рим император Калигула и заковал в кандалы, поскольку он, надо полагать, пытался вывести у парфян о возможности союза, чтобы угодить пропарфянской армянской элите. К счастью, в 47 году император Клавдий реабилитировал Митридата, после того как парфяне воспользовались его заточением, чтобы вновь вступить в Армению. Римляне старались помочь Митридату, разрушая армянские крепости и давая иберийцам занимать северные равнины Армении; к тому же Клавдий запретил армянскому царю Котису вмешиваться и лишил парфянского генерала Демонакта армянских подкреплений. Вернувшись на престол, Митридат, однако, возбудил сильное недоверие своего старшего брата Парсмана тем, что опять начал заискивать перед парфянами и отказался просить у римлян легионы, которые бы помогли Парсману напасть на кавказских албанцев. (В конце концов Митридат и без римской помощи одержал победу над албанцами.) В 51 году Парсман подослал в Армению своего сына Радамиста, будто бы с согласия римлян, чтобы подорвать власть Митридата.

Теперь Парсман I оказался повелителем трех царств – Иберии, Великой Армении и Кавказской Албании. Римлянам показалось, что их клиент и союзник зазнался. Сын Парсмана Радамист появился при армянском дворе под видом перебежчика из Иберии и убедил дядю Митридата, что поссорился с отцом. На самом деле он тайком подкупал армянских аристократов, чтобы они перешли на сторону Иберии. Вскоре Радамист опять сбежал. Вернулся он уже с иберийской армией и осадил армянскую крепость Горнея. Радамист уговорил римский гарнизон покинуть крепость. Возмущенный командир гарнизона Касперий поехал в Иберию, требуя, чтобы Парсман снял осаду. Парсман же вместо этого приказал Радамисту взять Горнею, и Радамист, подкупив еще одного римского генерала, добился выдачи Митридата. По приказу Парсмана и Радамиста Митридат вместе с семьей был убит.

Ни Рим, ни Парфия не могли простить Иберии завоевания Армении. В то время как римской армии из Сирии и Каппадокии не удалось взять летнюю резиденцию армянских царей, парфянский царь Вологас (Валарш, ц. 51–80) без труда выгнал всех иберийцев из Армении. Однако парфяне покинули Армению, пораженную и чумой, и голодом. На короткое время Радамист восстановил свою власть, но его вскоре выгнала армянская знать. В конце концов на престол вззошел брат парфянского царя Тиридата, положив конец двадцати годам иберийской власти в Армении.

То ли ради укрепления союза с римлянами, то ли для предотвращения государственного переворота, то ли просто из бессердечной мнительности, но по приказу Парсмана I его сын Радамист был убит. Тацит подозревает, что Парсман подослал Радамиста в Армению просто для того, чтобы скрыть его от ненавидящей пасынка мачехи, которая хотела, чтобы престол передали ее собственному сыну Михрдату (Митридату); да и вообще Радамист якобы презирал отца за «боязливость». В 58 году, когда Парсман умер, Иберии все-таки досталась часть Армении, так как император Нерон послал легионы Корбулона, чтобы наказать Тиридата. Хотя Тиридат сохранил престол, он потерял территорию на северных и западных границах Армении, которые римляне раздали царям Полемону Понтийскому, Аристобулу Малоармянскому, Антиоху Коммагенскому и Парсману Иберийскому.

Вторая жена Парсмана добила своего: в 58 году царем Иберии стал ее сын Митридат-Михрдат I. Теперь римские историки и археологические данные оказываются неопровержимыми по сравнению с грузинскими летописями, которые были составлены через 700 лет, когда устные предания успели исказить, а исторические факты стереть или придумать. Грузинские летописи вообще молчат о Михрдате, зато утверждают, что два других сына Парсмана I, Картам и Братман (оба не известны ни археологам, ни римским историкам), унаследовали престол, после чего будто бы царствовали несколько поколений

диархов (Парсман с Каосом, Азорк с Армазелом). Михрдат, кажется, царствовал 48 лет: не исключено, что за это время царствовал еще один иберийский правитель. Однако арамейская (армазская) надпись упоминает мать Михрдата, что намекает на то, что Михрдата короновали ребенком, когда его мать-вдова еще была регентом. Армянский историк Хоренаци убежден, что Митридат был еще жив в конце 70-х и что уже в царствование императора Домициана его заменил Картама, грузинские же летописи относят аланские нашествия именно к этим годам и к царствованию Азорка и Армазела. Хронологию еще сильнее запутывает серебряная миска, найденная в богатой армазской могиле, на которой читается арамейская надпись: «Я, царь Флавий Дадес, подарил эту миску Берсумасу, *витаксу* ». Вряд ли Митридат приобрел себе римское прозвище, хотя потом один абхазский царь назвал себя Юлианом. Или же эта надпись относится к неизвестному нам царю IV века, который принял имя Флавия, чтобы показать свою близость к императору Константину¹⁹; или Дадес – это вариант имени Цатэ, которым звали двух достоверных царей Колхиды?

Главным событием царствования Михрдата I был мир, заключенный в 63 году между Римом и Парфией, в результате которого Великая Армения стала вассалом Парфии, а Рим получил символические полномочия назначать новых армянских царей. Это обеспечило мирное сосуществование Рима, Парфии и Иберии на последующие пятьдесят лет. Армения, впервые получившая гарантию стабильности, стала ведущей региональной державой. Михрдат тем временем использовал осетин для укрепления мощи Иберии и в 60-х годах дал им возможность напасть на римлян и на парфян, открыв Дарьяльский перевал. В 72 году осетины заняли Армению: царь Тиридат уцелел только потому, что срезал аркан, брошенный ему на шею, и заключил мир, женившись на осетинской княжне Сатиник. Император Нерон, в свое время приветствовавший Тиридата в Риме, планировал кампанию против осетин и помог армянам. В конце концов, римляне помогли армянам отогнать осетин за Куру, убить их вождей и сломать иберийско-осетинский союз. Тем не менее без осетинской помощи вряд ли Михрдат мог бы отнять у армянских захватчиков южную часть Иберии на правом берегу Куры.

Проармянские настроения иберийских аристократов делали новые вылазки нежелательными. Чтобы воспрепятствовать осетинам, император Веспасиан послал легионеров укрепить Армази, что подтверждает надпись 75 года на греческом языке, найденная на берегу Куры, в которой Михрдат называется «другом цезарей и царем любящих Рим иберийцев». (Другие надписи в Армази, на арамейском и на греческом, именуют Михрдата «сыном великого царя Парсмана»; в армазском некрополе четырнадцать строк на арамейском от имени *витакса* (по-персидски *питуахи*, «визирь») Шарапаса восхваляют военные успехи Михрдата.) Конфликты с Арменией продолжали вспыхивать до конца царствования Михрдата (Картама). В одном случае в Дарьяльском ущелье заточили армянского генерала, в другом – армянские войска взяли Мцхету и не отступали, пока Иберия не отступила от пограничной зоны; в конце концов армянская армия потерпела поражение в Джавахети, и Иберия вернула себе пограничные земли и крепость Цунду, установив мир между Иберией, Арменией и Осетией-Аланией.

Как тогда поступили римляне, до сих пор неясно. Судя по надписи на латыни, найденной в 70 километрах от Баку, XII легион Фульмината даже после 84 года еще стоял в Кавказской Албании. Вряд ли римляне тогда помогали иберийцам властвовать над кавказскими албанцами, так как оба царства еще были союзниками Рима. Император Траян развязал войну с Парфией в 114 году, в то время как открытые военные действия между Иберией и Кавказской Албанией впервые начались в 130-м.

После смерти Митридата в 106 году престол унаследовал Амазасп I, вероятно, брат усопшего. Амазасп участвовал в кампании Траяна против Парфии: погиб он около Нисибиса (сегодня Нусайбин, в Юго-Восточной Турции) в 116 году. В Риме сохранилась (на греческом) его эпитафия: «Амазасп, отпрыск славного царя, брат царя Михрдата, чье отечество

19 Braund D. King Flavius Dades // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1993. № 96. P. 46–50.

находится у каспийских ворот, ибериец, сын иберийца, здесь похоронен у священного города, построенного Никатором. У реки Мигдонии, которая орошает оливы, этот соратник вождя героических сынов, явившийся к своему командиру, чтобы сразаться с парфянами, погиб, не успев запятнать свою мощную руку, увы, вражеской кровью: о копье, о лук, о меч – пехотинец и кавалер, скромный как девушка». Победа Траяна превратила Армению сначала в римскую провинцию, а потом в подвластное Риму царство под династией Аршакидов. Для Иберии Армения уже не представляла опасности, как и Парфия, которая следующие 45 лет жила с Римом в мире.

Сын Амазаспа, Парсман II, взойдя в 117 году на престол, скоро прославился как Парсман Храбрый. Грузинские летописи намекают, что близость Армении и Рима заставила Парсмана II договариваться с Ираном. Несомненно и то, что Парсман, истинный космополит, владевший арамейским, греческим и персидским, порвал с Римом и в 129 году перестал почитать императора Адриана и платить ему дань. В этот момент Адриан находился в Каппадокии, откуда прислал Парсману подарки (включая живого слона) более ценные, чем любому другому азиатскому или закавказскому царю. Парсман II глубоко оскорбил Адриана, отправив ему в ответ лишь шитые золотом плащи. Результат оказался плачевным: вместо иранской протекции Парсман II столкнулся с римским гневом. Как и его предшественники, Парсман отбивался от римлян, открывая перевалы и пропуская осетинские дружины через Иберию, чтобы грабить римские протектораты Армению и Кавказскую Албанию. Пострадала и Парфия: ее царю Вологасу II пришлось заплатить дорогой выкуп.

При Адриане римляне решили установить более тесные связи с колхскими племенами, и в 131 году император послал в Грузию своего верного советника Флавия Арриана, губернатора Каппадокии. Арриан объездил всю Колхиду не только как разведчик, но и из любопытства, желая осмотреть все уже легендарные городища и храмы. В своем докладе Арриан описывает бурную смену племенной власти и границ: от Трабзона до Диоскурии он перечисляет враждебных, анархических мингрелов и лазов, сванов, махелонов и хеннихов (которыми правил царь Анхиал, признанный императором Траяном), потом зудрейтов (неизвестный нам этнос) в устье Чороха; картвелы-лазы, кажется, тогда господствовали по всему побережью Колхиды от Чороха до Диоскурии²⁰. В Диоскурии Арриан узнал, что саниги (сваны) и абазги (абхазы) не подчинялись Риму. Другие кавказские племена, например апшилы, стали более влиятельными: по крайней мере одного царя, переименованного Юлианом и просившего защиты у римлян, признал император Траян. (Через шестьдесят лет император Марк Аврелий сослал армянского сатрапа Тиридата за то, что он убил царя апшилов.)

Несмотря на римскую протекцию, Колхида II века н. э. была в относительно варварском состоянии. В III веке наблюдаются новые способы захоронения, которые можно приписать раннехристианскому влиянию, но в отсутствие сильной государственной власти Колхида была не в состоянии ни подавить, ни принять новую религию.

В Иберии же римское влияние оставило неизгладимый след. Римский известковый раствор скреплял более высокие каменные крепости; иберийские аристократы строили себе виллы по-римски – с ваннами и обогревом полов; римские серебряные монеты заменили в Иберии парфянские драхмы. В 131 году Арриан приехал в Иберию уже, кажется, римским послом и составил для императора Адриана многосторонний и достоверный обзор Иберии. В 134 или в 138 году, когда императором стал Антонин Пий, римско-иберийские отношения вдруг укрепились. Парсман II решил поправить дело: он уступил некоторые территории, потом поехал с женой и сыном в Рим. Там его приняли сердечно и пригласили принести жертву на Капитолийском холме и полюбоваться на свою конную статую в храме Беллоны²¹.

20 Арриан Ф. Путешествие вокруг моря. СМОНК, IV. Тифлис, 1884. С. 14–51.

21 Дион К. Римская история. LXIX. § 15. СПб., 2011.

Пребывание иберийского царя подтверждает неразборчивая надпись на каменной плите в Остии, которая относит поездку к консулату Фабиана. Как часто бывает в ранней грузинской истории, хронология противоречива: Фабиан служил консулом с 141 по 144 год, а Парсман II, по всей вероятности, умер в 138 году. Если гостем Антонина Пия был Парсман III, внук Парсмана II, то он был слишком молод, чтобы приехать с женой и ребенком, ибо он родился в 134 году и царствовал под регентством матери до 155 года.

Вслед за Парсманом поехал в Рим парфянский царь Вологас (II или III), который жаловался римлянам на двурушничество иберийцев и просил вернуть ему престол. Парсман, однако, торжествовал: его дипломатические успехи сделали его богатырем в грузинских легендах, где он будто бы побеждал в поединках с персидскими борцами со львами, и в летописях, где он будто бы выгнал самозванца, нанятого иранцами. Но последними смеялись парфяне: Парсмана Храброго отравил подосланный ими повар.

Кто унаследовал престол после Парсмана, не совсем ясно. Грузинские летописи упоминают некоего Гадама (может быть, Радамиста), который продержался недолго. Более убедительна армазская могильная надпись на греческом и на арамейском: «Я – Серафита, дочь Зеваха-младшего, питиахша царя Парсмана, и жена Йодмандагана победоносного, победителя многих состязаний, гофмейстера Ксефарнуга, великого царя иберийцев, и сына Агриппы, гофмейстера царя Парсмана. Плачьте, плачьте о той, которая умерла, когда ей был всего двадцать один год». Может быть, после Парсмана II Иберией управлял Ксефарнуг, который, судя по странному неупоминанию его родителей или прав на престол, не говоря уж о его осетинском имени, мог быть самозванцем либо обывателем, вознесенным счастливым браком на трон.

Гадам или Ксефарнуг (может быть, одно и то же лицо) умер через три года, завещав престол младенцу Парсману III, который царствовал очень долго и мирно. В 185 году престол унаследовал сын Парсмана Амазасп II: он отбил атаку осетин, но потом должен был бороться с бунтующими аристократами, будто бы подкупленными армянами и осетинами. В 189 году Амазасп II погиб на поле битвы, и его племянник Рев I, один из бунтовщиков, захватил власть.

Несмотря на то что Рев отобрал у дяди престол насильственным путем, его зовут Справедливым, может быть, просто для красоты, как тогда звали парфянских царей. Но христианские летописцы отдавали должное Реву, возможно, потому, что он с терпимостью относился к христианам, появившимся тогда в еврейской общине в Иберии. Все это время Иберия была свободна от войн, может быть, из-за семейных связей Рева: по некоторым источникам он был сыном армянского царя Вологеса (установив тем самым династию Арсакидов в Иберии), к тому же он женился на Сефелии, греческой княжне. В 216 году Рев умер: на трон взошел его сын Вачэ, который в 234 году завещал престол сыну Бакуру I: тот умер в 249 году, и царем Иберии стал Михрдат II. Только в грузинских летописях упоминаются эти четыре царствования, которые, очевидно, никаких следов вне Иберии не оставили. Тем не менее цари Вачэ и Михрдат II очутились лицом к лицу с возродившейся Персией, когда царь Ардашир (ц. 226–241), победив парфянского царя Артабана V, основал династию Сасанидов и вдохновил всю Персию пламенной зороастрийской верой. Единственным свидетельством иберийско-персидского контакта в это время является арамейская надпись на серебряной чаше, вероятно, подаренной каким-нибудь послом и найденной в армазском саркофаге: «Папак, питиахш божественного Ардашира, подарил эту чашу Арзамасу, питиахшу страны Гурзан (Иберия)». Монета, найденная в саркофаге, датирует саркофаг периодом после 253 года.

Странно, что во II и в III веках нет никаких признаков политического объединения или даже сближения Иберии с Колхидой. По археологическим материалам видно, что торговля и культура переходили с запада на восток и наоборот, но ни династических браков, ни договоров между Колхидой и Иберией не было. До Рима было далеко: римляне оставили гарнизоны только на берегу Черного моря, несмотря на то что в начале III века император Септимий Север на короткое время покорил Лазику (как теперь называли Колхиду). Все, что

можно предполагать о колхидской политике этого времени, – это то, что преобладающая власть была за картвелами-лазами и что лазский царь Пакор (по-персидски Бакур) был признан императором Антонином Пием.

После 150 года Иберия стала сильной и мирной. Процветала международная торговля, которая, когда беспорядки в Колхиде-Лазике мешали провозу, шла горными путями через Осетию. Непрístupные крепости еще стерегли оба берега Куры, но на мирное состояние страны указывают богатые, просторные аристократические усадьбы, расположенные около Мцхеты.

Через сто лет Парфянская империя развалилась, агрессивный сасанидский Иран шаха Шапура I (ц. 242–272) начал угрожать всему Закавказью: еще раз Иберия была вовлечена в бурную эпоху войн. Сасанидские надписи упоминают Амазаспа III как царя Иберии с 260 по 265 год. Поскольку это совпадает с концом царствования Михрдата II, Амазасп III был, по-видимому, иранской марионеткой. После Михрдата II и призрачного Амазаспа III престол перешел к Аспагуру I: он был из Арсакидов и, вероятно, сын Михрдата II. Лютая борьба Аспагура с сасанидским Ираном, его союз с римскими императорами Аврелием и Каром вовлекли Иберию в историю классического мира. Но римская поддержка была слишком слаба, чтобы спасти престол Аспагура (которого римляне звали Аспакур), и иберийский царь попросил убежища у осетин, умерев в осетинской ссылке около 284 года. Сасаниды сильно влияли на иберийскую жизнь: в грузинский язык входит огромное количество среднеперсидских слов. Такие заимствования красноречиво описывают иберийское общество в III веке: *азнаури* («свободный гражданин, дворянин»); происходит от иранского корня *ара-* «дородный»; *рочки* (от персидского *роч*, «день») означает «ежедневный паек раба»; *харки* (от персидского *хараг*) – «налог, дань». Как и язык, ландшафт и общество сильно менялись. Внушительные укрепления и оросительные каналы, впоследствии расширенные целым рядом иберийских царей, требовали рабского труда. (В IV веке царь Кавказской Албании Урнайр заставлял военнопленных греков работать каменщиками и гончарами.)

Шапур I напал не только на Иберию: он пошел еще дальше на запад через Армению в Колхиду-Лазик и покорил махелонов и геннихов. Рим уже не был в состоянии помогать ни Колхиде, ни Иберии. Незадолго до того, в 253 году, напали остготы, которых все путали со скифами, разорив все восточное побережье Черного моря и изгнав римские гарнизоны и мирных граждан (уцелел только римский гарнизон в Пителисе-Питунде). Одновременно и на Дунае, и на Рейне на римлян нападали готы и другие германские племена. Иранцам такой шанс показался заманчивым, и Шапур, как и Ксеркс, решил захватить Черное море. Шапуру повезло: в 260 году он покорил всю Лазик и захватил в плен императора Валериана (по словам римлянина Юлия Капитолина, иберийцы хлопотали за выкуп Валериана). Сасанидская надпись на трех языках объявляет Колхиду и «Махелонию» иранскими землями, хотя лазы изгнали иранцев из Колхиды-Лазики. Рим надолго потерял свое влияние, и Лазика попала под власть ирано-сарматского царя Саурмата.

Шапур одновременно объявил Иберию своим вассалом и признал царем Иберии своего ставленника Амазаспа III, которого он считал четвертым по рангу из всех властителей Сасанидской империи. Грузинская летопись *Жизнь Картли* признает, что Амазасп обладал реальной властью, но упрекает его в «пристрастии к персам»; летописец рассказывает, что Амазасп III боролся против осетинского нашествия, потом против римлян и мингрелов из Колхиды, не говоря уж о своих же аристократах, но в конце концов погиб в битве, в которой потерпел поражение и сам Шапур.

Нисибисский мирный договор 297–298 годов между римлянами и иранцами наконец положил конец войнам. Целых сорок лет ничто не нарушало мира: иранцы признали над Иберией и Арменией римский суверенитет, выражавшийся в том, что каждый иберский или армянский царь должен был принимать символы власти от римлян. Но Колхида осталась вне западного мира, куда она вернулась, только когда император Константин перенес свою столицу в Византию-Константинополь, в 315 году послал наместника в Фазис (Поти) и построил новые гарнизоны на колхидском побережье.

Абешура, дочь Аспагура, вышла замуж за Михрана, сасанидского князя (*Жизнь Картли* настаивает, что Михран на самом деле – сын нам неизвестного иберийского царя Лева. Имя Михран указывает на то, что этот князь происходил из михранидского племени парфян). Абешура умерла, когда Михран еще был ребенком, но в 284 году он все-таки стал иберийским царем, учредив новую династию Хосроидов. Михран был приемлемым и для Ирана, и для Иберии, несмотря на то что никакой реальной связи с первоначальным Парнавазом он не имел. Вопреки своим иранским предкам и сасанидской власти, Михран оказался необыкновенно независимым: приняв христианство, он стал Мирианом III и за свое долгое царствование радикальным образом изменил политическую ориентацию Иберии, которая отныне будет тянуться к эллинистическому миру.

3

Обращение

Айет: «Я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам... Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они, по справедливости, будут обходиться с нами дружественно».

Агафий Миринейский (Схоластик). О царствовании Юстиниана

Первые тридцать лет царствования Мириана III прошли спокойно: иберийский монарх ограничивал права местных аристократов-губернаторов, которые еще не стали удельными князьями, их все еще назначал царь. Прошла воинствующая эпоха Шапура I: империи Римская и Иранская подверглись нашествиям степных кочевников, а на Грузию внешние силы уже не давили, как раньше. Вплоть до Нисибисского мира 298 года Мириан вел себя в течение сасанидско-римских войн как вассал и принимал сторону персов. А после Нисибиса он стал клиентом Рима. Судя по *Табуле Пеутингерияне*, карте IV века для римских торговцев²², Грузию пересекали международные торговые пути, от Колхиды до Иберии, от Себастополя (раньше Диоскурия, теперь Сухум) до Каспи, Мцхеты и дальше, в Армению и в Иран. В Колхиду и, может быть, уже в Иберии, проникала христианская религия (Прокопий утверждает, что «церковь у лазов давно существует»). К 300 году христианство, несомненно, уже нашло себе опорный пункт в прибрежных городах Колхиды: первое послание Петра было адресовано христианам в Понте, и в 325 году Питиус (Пицунда) отправил своего епископа Стратофила на Никейский собор. (Именно в Питиус императрица Евдокия сослала святого Иоанна Златоуста в 404 году.)

Объявление христианства государственной религией было не делом совести, а политическим решением. Благодаря Нисибисскому мирному договору 298 года Иберия вместе с Колхидой перешли в римскую сферу влияния: торжество императора Константина Великого, который в 313 году издал Миланский эдикт о веротерпимости, восстанавливающий права христиан на собственность, привел к военным победам и к объявлению Константинополя, бывшей Византии, новой столицей империи, на полторы тысячи километров ближе к Грузии. Армения первая, затем Иберия и, наконец, Кавказская Албания оставили язычество или персидский зороастризм и приняли христианство.

Летопись этой большой перемены, *Обращение Грузии*, можно считать самым богатым творческим достижением средневековой грузинской литературы. Ученые большей частью считают, что *Обращение* было составлено в XI веке (некоторые настаивают на VIII)²³ из

22 Tabula Peutingeriana / Ed. L.M. Surhone et al. Betascript Publishing, 2010.

23 Ханп., Aleksidze Z. New Recensions of The Conversion of Georgia and 13 Syrian Fathers recently discovered on Mt Sinai // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 409–426.

более раннего материала, впервые записанного уже в VI веке²⁴. Сегодня уже стало невозможно распутывать сложную ткань из легенд и фольклора. Грузинские источники рассказывают, что Нино, рабыня (слово *ткве* тогда означало еще и пленного, и чужеземного человека) и монахиня, бежала из Каппадокии, что ее заметили, когда она проповедовала христианство в еврейской общине, и что она прославилась тем, что вылечила царицу Нану (жену Мириана) от смертельно опасной болезни. Потом, когда Мириан отправился на охоту, произошло затмение солнца, которое засветило опять только после того, как Мириан помолился Богу. Он понял, что Бог его предупреждал, что надо искать просвещения у Нино, и приказал построить в Мцхете собор Животворящего Столпа (по-грузински *свети цховели*), так называемый потому, что ангелы воздвигли за ночь столп, слишком тяжелый для работников. (Только следы этой первой церкви остались в фундаменте средневековой церкви, которая заменила ее.) По традиции Мириан III обратился в православие в 334 году, но солнечное затмение в этом году было видно не ближе, чем в Александрии Египетской²⁵. Единственный год в IV веке, когда затмение солнца произошло над Мцхетой, – 317-й. Кажется, решение обратиться в христианство было преждевременно, до Никейского собора 325 года, когда и Рим и Византия объявят христианство государственной религией, но эта ранняя датировка соответствует хронологии обращения армянского царя Трдата в 301 году. Армянские летописи описывают, как Трдат бросил своего секретаря-христианина святого Григория Просветителя в яму и как в 288 году в Армению пришли в поисках убежища монахини родом из Рима, скрываясь от преследований императора Диоклетиана. Царь Трдат потребовал, чтобы самая красивая из них, Рипсима, вышла за него замуж, а когда она отказалась нарушить клятву целомудрия, Трдат замучил 37 монахинь. Только через тринадцать лет, когда Трдат превратился, хоть и в переносном смысле, в кабана, святого Григория вытащили из ямы, чтобы вылечить царя и обратить его в православие. Григорий Просветитель стал первым католиком Армении: тогда спасшаяся монахиня по имени Нунуа переехала в Иберию, чтобы проповедовать веру грузинским торговцам. (По средневековому преданию, первым христианским царем Иберии был Бакур, двоюродный дед по матери Петра Иберийца, которого часто отождествляют с богословом Псевдо-Дионисием Ареопагитом (411–491). В одной грузинской летописи есть вставка, которую поддерживают интересные, но скудные археологические данные²⁶, утверждающая, что апостол Андрей в 37 году обратился в христианство тех лазов, которые проживали около перевала в Хуло, и что он потом обосновался в Ацкури. В 402 году римский историк Руфин Аквилейский, переводя *Историю церкви* Евсевия Кесарийского, подтверждает два пункта в грузинской летописи: пленная женщина вылечила царицу и затмение солнца обратило царя в христианство²⁷. По летописи Грузинской православной церкви, первый архиепископ Картли, Иованэ, служил с 335 по 363 год, положив начало череде католиков и патриархов, нарушенной впервые в 1811 году, когда Зусская православная церковь отменила грузинскую автокефалию²⁸.

Трдата III убили в 330 году армянские аристократы-язычники. Мириану III повезло: он безнаказанно разбил старые идолы и обратился в христианство если не горцев, то жителей

24 *Rapp Jr. S. H.* Georgian Sources. Proceedings of the British Academy. Т. 132. 2007. Р. 183–220.

25 www.eclipse.gsfc.nasa.gov/solar.html (показывает исторические карты солнечных затмений).

26 *Licheli V.* St. Andrew in Samtskhe – Archaeological Proof? / Ed. T. Mgaloblishvili // *Ancient Christianity in the Caucasus*. Curzon, 1998. Р. 25–37; что касается интерполяции, см: *Thomson R. W.* Rewriting Caucasian History. Oxford, 1996. Р. 355–359.

27 *Outtier B.* La christianisation du Caucase // *Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia*. Spoleto, 1996. Р. 553–570.

28 *Salia K.* History of the Georgian Nation / tr. Katharine Vivian. P., 1983. Р. 74–76; *Rapp Jr. S. H.* Studies in medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, 2003. Р. 299 (список грузинских патриархов-католиков).

долины. (Нино заболела и умерла, когда собиралась пойти в горы.) Может быть, иберийцам тем легче было принять христианство, что при Шапуре I в середине III века многие уже стали манихеями, и пророк манихейства Мани, хотя обожествлял свет и огонь, сам был «крестителем», признавал Христа Мессией и осуждал плотские пороки. К тому же христианство уже пустило корни в Колхиде (для римлян Лазика, для иберийцев Эгриси), где церковь в Археополе-Нокалакеви была построена уже в IV веке. Именно тогда, по византийским источникам, обратились и лазы, и апшилы (сегодняшние абхазы), хотя в VI веке цари Лазики иногда поддавались иранскому давлению и отступали от веры. С 487 года церковь в Иберии объявила автокефалию, подтвержденную Синодом 681 года в Константинополе. А лазские епископы еще шестьсот лет подчинялись патриархату в Константинополе, хотя к VII веку Поти уже имел своего митрополита, а Сухум – архиепископа.

Западные и восточные грузинские церкви поэтому остались отдельными. В Иберии, как дар за обращение в христианство, несомненно осуществленный византийскими лингвистами и миссионерами, появилась собственная азбука, великолепная *асомтаврули*, литургия и Новый Завет на грузинском. В Лазике греческий остался единственным церковным и письменным языком. Церковная служба на грузинском способствовала объединению картвельских племен в Иберии, но цари и племена Лазики, как и ее церковный язык, не обладали силой, которая могла бы объединить государство. Тем не менее христианство сблизило два картвельских государства, и грузинские христиане из Лазики и из Иберии скоро прославились за рубежом: Евагрий Понтийский, который приехал в Египет с Черноморского побережья, был известным аскетом IV века²⁹, а в V и VI веках Петр Ибериец (он же, возможно, Псевдо-Дионисий Ареопагит), внучатый племянник князя Вараза-Бакура Иберийского, основал в Иерусалиме монастырь. С 400 года грузинские монахи вместе с монахами других народов в иерусалимском монастыре Святого Креста (где найдена грузинская мозаическая надпись 430 года) отправляли церковные службы на своем родном языке. Скриптории, где грузинские монахи переводили с греческого, сирийского и армянского, появились в начале V века: в Палестине – Мар Саба, в Сирии – Антиохия, в Египте – Фивы.

В 338 году христианская Иберия подверглась испытанию: Мириан объявил войну северным кавказцам, которые без предупреждения перестали поддерживать Иберию наемными силами и совершали набеги с гор, разоряя страну. Годом раньше умер император Константин, который всем внушал страх; тогда персидский шах Шапур II (309–379) затеял двадцатипятилетнюю войну, чтобы восстановить древнюю персидскую гегемонию в Анатолии и Закавказье. Армяне, как и Мириан III, старались угождать и Шапуру, и Риму. К 360 году армянские и иберийские цари получали субсидии и подарки от римлян, поощряющих сопротивление персам.

В 361 году Мириан умер. Хотя, судя по всему, в последние шестнадцать лет царствования он делил власть с сыном Ревом II, престол унаследовал не Рев, а Саурмаг, который был чужим и, судя по имени, осетином. Саурмаг II начал свое царствование с того, что вместе с Римом объявил войну Ирану. Император Юлиан осадил персидскую столицу Ктесифон, но атаку отбили, и Юлиан умер от ран два года спустя. Следующий император уступил Персии всю Армению, и в мирном договоре 363 года Иберия даже не упоминалась. Саурмагу II не осталось иного пути, кроме союза с армянским царем Аршаком II (ц. 345–367). Оба царя боролись против персидского нашествия. Аршака взяли в плен и казнили, а в следующем году персы вступили в Иберию, свергли Саурмага II и возвели на трон второго сына Мириана III, Вараза-Бакура (известного Западу как Аспакур).

Император Валенс считал, что этот переворот нарушил мирный договор 363 года. В 370 году он послал генерала Терентия с двенадцатитысячным войском в Иберию. Вараз-Бакур согласился на компромисс: раскол Иберийского царства на две части. Саурмаг II управлял

правым берегом Куры вместе с территорией, граничащей с Лазикой и Арменией, а Вараз-Бакур и его наследник Михрдат III, который тоже считался вассалом Персии, управлял левым берегом Куры, то есть Северо-Западной Иберией. Раздел продлился восемь лет: 9 августа 378 года в городе Адрианополе римляне сокрушили готы и аланы: Рим уже не был в состоянии защищать Иберию. В 384 и 387 годах, подписав Акилисенский мирный договор, римляне отказались от Иберии и от большей части Армении, которая раскололась на Малую Армению (римский протекторат) и на большую Персармению (которая в 428 году, когда царя Арташира IV свергли, стала персидской провинцией).

К 378 году Вараз-Бакур окончательно прогнал Саурмага II: Иберия стала полностью сасанидским княжеским уделом. После смерти Вараза-Бакура недолго царствовал Михрдат III, который завещал престол Варазу-Бакуру (Аспакур) II. Вараз-Бакур II, довел до конца дело Мириана III. От византийских императоров и патриархов Иберия получала епископов, священников и архитекторов. Строились церкви, в которых, по византийскому обычаю, отправляли службу и читали тексты (сначала Новый Завет, псалмы и литургию) на родном, то есть грузинском, языке. Даже по современным понятиям византийцы оказались блестящими лингвистами и каллиграфами: они создали для иберийцев, как уже создали для армян и создадут для кавказских албанцев, уникальную, идеальную азбуку, не только вдохновенную греческой и финикийской азбуками, но и хорошо приспособленную к своеобразным согласным грузинского языка: каждому звуку соответствовала одна буква. Единственный недостаток был в том, что эти буквы легче резать в камне, чем писать на бумаге³⁰. Хотя первая грузинская надпись датируется 430 годом, вероятно, азбука была создана на несколько десятилетий раньше. Грамотность станет таким же важным двигателем политического объединения и религиозного обращения в государственную монотеистическую веру, каким являлся и союз с Римом-Византией. Как только Иберия приняла христианство, она начала распространять его. Недавно обнаруженный церковный язык Кавказской Албании – староудинский язык – заимствовал некоторые ключевые термины из грузинского: старогрузинский *агвсеба*, «пасха», – староудинский *ахсиба*; *мадли*, «благодать», – *мадил*; *савардзели*, «трон», – *са'оврзел*; *сахе*, «образ», то же по-староудински. Через грузинский язык в староудинский вошли и греческие слова. Кавказско-албанские цари славились набожностью: в 463 году царь Вачэ II отрекся от престола и принял монашество (хотя тремя годами раньше иранцы заставили его стать апостатом); в 489 году царь Вачаган II воздвиг памятник Григорию Просветителю. После кавказских албанцев очередь была за осетинами, которых еще пятьсот лет иберийцы старались с византийской помощью обратить в христианство.

Несмотря на Акилисенский договор 387 года, по которому Армения делилась между Римом и Персией, и преобладающее влияние Сасанидов, Вараз-Бакур II не прекращал строительства церквей. Персия колебалась, решая, подавлять или терпеть христианство и другие незороастрийские религии. Сам Шапур II мечом заставил армянских христиан почитать Зороастра, а его внук Шапур III (ц. 383–388) назначил христианина губернатором Персармении. После Акилисенского договора мир долго не нарушался; тем не менее Персия все это время могла подчинять Иберию своей воле, как уже подчинила Армению. Только на западе римляне удерживались: тайком они осваивали Кларджети, из юго-западных провинций Иберии самую близкую к Понту и к Черному морю.

В 394 году царем Иберии стал Трдат, брат жены Вараза-Бакура II; через двенадцать лет сын Вараза-Бакура Парсман IV взошел на престол. По сирийским источникам, Парсман служил, пока он был наследником, при константинопольском дворе, но ему пришлось вернуться домой, когда разоблачили его связь с императрицей Евдокией. Парсман IV царствовал всего три года, но успел утвердить независимость страны, отказываясь платить персам налоги и в то же время натравливая белых гуннов на римлян. Михрдат IV, младший

30 *Gamqrelidze T. Alphabetic Writing & The Old Georgian Script. Tbilisi, 1989* (по-грузински с резюме на русском).

брат Вараза-Бакура II, унаследовал престол и продолжил борьбу на двух фронтах. Ему удалось отнять у римлян Кларджети, но на восточном фронте его взяли в плен: он умер в плену у персов (точно неизвестно когда – не раньше 411-го, не позже 425 года). Сын Михрдата, Арчил I, царствовал около двадцати лет, а к концу своего царствования оказался лицом к лицу с гораздо более страшным врагом, сасанидским шахом Йездигердом II (ц. 438–457), который твердо решил навсегда отменить независимость и царства Кавказской Албании, и Иберии. Йездигерд вызвал знать всех трех закавказских стран в Персию и приказал их принять зороастризм: когда они возвращались домой, их сопровождала группа зороастрийских священников. Народные мятежи были подавлены, но один храм (*атеш-га*) V века, недавно раскопанный в Тбилиси, свидетельствует, что религиозная кампания Йездигерда прошла не без успеха. Следующий шах Пероз (ц. 459–484) формально аннулировал Кавказско-Албанское царство, но позволил сыну Арчила, Михрдату V, царствовать дальше в Иберии. По словам *Жизни Картли*, Арчил вел себя довольно дерзко, даже нападая на соседнюю Кавказскую Албанию. Возможно, из-за того, что Михрдат IV был женат на Сагдухте, дочери персидского князя Барзабоды, враждебно настроенные сасанидские власти его щадили.

Весь IV век, пока Иберия отбивалась от травящих ее Западной и Восточной империй, Лазика извлекала пользу из сложного положения и спланивала собственный народ, от пригородов Трабзона до Питиуса-Пицунды, от Черного моря до горы Лихи. К 395 году, когда император Феодосий умер, знать Лазики властвовала над смешанным населением – лазами, мингрелами, сванами и абхазами. Лазика даже отняла у Иберии пограничную провинцию Аргвети и ключевые торговые пункты Шорапани и Сканду. Лазское хозяйство расцветало: тогда река Риони была судоходна от самого моря до Шорапани, и лазские зерно, лен, лес, ремесленные изделия и сами ремесленники вывозились в Византию. Византия считала Лазика стратегически необходимой для своей безопасности. После нападений готов предгорьем Северного Кавказа владели хунны, и сванские, и абхазские перевалы, которые принадлежали лазам, служили воротами в Римскую империю: их надо было стеречь. Тем не менее в 395 году хунны проникли через Каспийские ворота и угрожали спокойствию всего Закавказья, пока через сто лет они не стали наемниками Византии.

В отличие от Иберии у Лазики не было независимости: для византийской казны она была источником доходов и поэтому должна была получать одобрение от Константинополя при восхождении нового царя на престол. К V веку, сообщает Прокопий Кесарийский, Лазика перестала платить налоги и поставлять рекрутов, а византийское утверждение нового лазского царя стало проформой. Лазский царь сам назначал людей из своей знати, чтобы править абхазами и сванами, и себастопольский (сухумский) гарнизон был уже не византийским, а лазским. Но у Лазики и Византии еще были общие интересы: надо было защищаться от нашествий хуннов, осетин и персов. В 456 году царь Губаз (или Гумбаз) I (его имя означает по-осетински «передняя нога быка») объявил независимость Лазики; византийские войска, которых отправили через море, чтобы расправиться с царем, не смогли устоять и отступили. Теперь обе стороны просили у Ирана поддержки, но зря, так как Иран тогда боролся с тюркскими эфталитами (белыми гуннами). Борьба была такой отчаянной, что на время Иран и Византия забыли взаимную ненависть и стали союзниками, пока тюркских кочевников не изгнали в Среднюю Азию. Губаз отправил уполномоченных в Константинополь и, чтобы умиротворить императора, передал лазский престол своему сыну (который уже был соправителем Лазики). В 465 году Губаз получил личную гарантию неприкосновенности и сам приехал в Константинополь, в персидской одежде и с «мидийской» свитой. Губаз очаровал императора Льва I остроумием и яркой христианской набожностью³¹: Лазика поплатилась за свой мятеж только тем, что она уступила Византии гражданскую власть на побережье от Трабзона до Батума. Следующие шестьдесят лет Лазика

31 Carile A. Il Caucaso e l'Impero Bizantino (sec. VI–XI) // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 9–84.

провела в мире и согласии с Византией. Единственный конфликт у Губаза возник со сванами, которые хотели завладеть собственными крепостями и тщетно искали поддержки у Ирана.

К середине V века в Иберии произошло возрождение: на престол вступил молодой Вахтанг I *Горгасали* (волчья голова). Он оказался таким же обаятельным и сильным царем, как Парнаваз I или Мириан III. Подобно Парнавазу, он объединил, пусть на короткое время и не полностью, западных и восточных картвелов в одно государство; ему тоже удалось сбросить персидское ярмо. Жизнеописание Вахтанга I, как и жизнь Парнаваза I или Мириана III, – путаница из мифов, фактов и выдумок: *Жизнь Вахтанга*, написанная Джуаншером, может быть, в VIII веке и включенная в *Жизнь Картли*, оказывается нашим главным источником. По-видимому, Вахтанг был сыном Михрдата V и персиянки Сагдухт; он унаследовал престол в семь лет, под регентством своей матери. Царица Сагдухт, как послушная дочь, съездила к своему отцу Барзабоду, тогда иранскому *пйтиахиу* (генерал-губернатору) в кавказско-албанской столице Бардави, и уговорила его хлопотать перед шахом, чтобы Вахтангу разрешили остаться христианином. Барзабод и шах благородно ответили, что отныне и христианство, и зороастризм являются государственными религиями: они отправили в Мцхету верховного мага, который занял место рядом с христианским архиепископом. С 410 года Персидская христианская церковь пользовалась доверием иранских властей, так как ее несторианская и потом монофизитская доктрина отчуждала ее от враждебного Ирану византийского православия.

Семидесятипятилетнее царствование Вахтанга кажется сказочным: его смерть на поле битвы от стрелы, выпущенной бывшим рабом, который знал, где щели в панцире царя, будто бы случилась в 522 году. Получается, что Вахтанг погиб, когда ему было 82 года (с чем можно сравнить лишь хорошо засвидетельствованное участие в бою, тоже с персами и на лошади, семидесятипятилетнего царя Эреклэ II в 1795 г.). Не исключено, что иберийский царь Гурген, который, по словам Прокопия, помогал Юстину в 520 году бороться с персами, был не Вахтангом Горгасали, а его наследником, не упомянутым грузинским летописцем.

Как и прославленные предшественники, Вахтанг сблизил Иберию с обеими соседними империями, заключая династические браки. В девятнадцать лет он женился на Балендухт, возможно, дочери шаха Хормизда III (ц. 457–459). Она умерла, рожая царевича Дачи, и Вахтанг женился на Елене, родственнице, хотя и не дочери, императора Зенона (у Зенона были две дочери с другими именами, и вообще византийский закон запрещал императору отдавать своих дочерей чужеземцам). Джуаншер утверждает, что целью Вахтанга было сохранение политического равновесия: он являлся председателем закрытого совета, в котором вторым лицом был *спаснети* (главный командир), но в который входили и христианский епископ, и зороастрийский маг.

Прежде всего, однако, Вахтанг был бойцом. Он всю жизнь сражался против одной из двух империй или за нее, в зависимости от интересов Картли. Уже в 16 лет он отличился доблестью, нападая (как союзник персов) на осетин и гуннов, спасая свою сестру Мирандухт от гуннского плена и делясь добычей с кавказско-албанскими и персидскими союзниками. Потом осетины и гунны перешли на сторону иберийцев (их оружие найдено в общих братских могилах). Из-за этой войны Вахтанг мог надолго ограничивать или давать доступ осетинам, чеченцам и дагестанцам через перевалы Кавказского хребта. Без сомнения, именно за доблесть шах отдал ему свою дочь Балендухт.

Уверенный в поддержке шаха и даже персидской армии, в конце 460-х годов Вахтанг боролся за объединение Лазики-Эгриси с Картли. Он уже расширил свои владения на восток и на север, присоединив к царству и современную Кахетию, и Сванетию: следующей задачей было отвоевать у Лазики пограничную провинцию Аргвети. До этого он уже забрал у Византии свою юго-западную провинцию Кларджети, назначив Артаваза, своего молочного брата (в кавказских культурах молочный брат считается близким родственником), губернатором Кларджети и приказав ему строить церкви, монастыри и укрепленные города, из которых главным будет столица Артануджи. Несмотря на свою христианскую и прогрессческую идеологию, Вахтанг все-таки дорожил персидским наследством: артануджские

камни расписаны типичными сасанидскими мотивами – лани пьют у источника жизни, и латинские кресты переплетаются с зороастрийскими мотивами. Горный ландшафт Кларджети стал для грузин убежищем, недоступным персидским войскам, даже если им удалось преодолеть Центральное Картли; к тому же дороги и перевалы, ведущие к Черному морю и к реке Чорох, шли через Кларджети. В то же время Вахтанг укрепил летний дворец Уджарму на дороге от Тбилиси в Кахетию, чтобы защищать Картли от Персии, Армении или Кавказской Албании. Эрети, крайняя восточная провинция, на границе Кавказской Албании, стала княжеством, управляемым царевичем.

Иберия была уже большой страной: власть надо было перераспределить. Столицами Мцхета и Тбилиси с окрестностями управлял *спаснети* с титулом великого князя; по Джуаншери, назначили еще девять правителей провинций, которые властвовали над всеми недавно завоеванными Вахтангом территориями, включая Эгриси и Сванетию (правитель – князь Самнагир). Абхазия сохраняла автономию, и большая часть Лазики осталась под византийской опекой.

Как и византийцы, Вахтанг короткое время поддерживал шаха Пероза в борьбе против эфталитов, которые угрожали границам Северо-Восточного Ирана; в 472 году он даже принял сторону Персии против Византии, получив в награду власть над всей Лазикой. За пять лет до этой смены политики, в 467 году, когда Иран еще не воевал с Византией, Вахтанг попросил императора признать автокефалию иберийской церкви: он хотел, чтобы епископов назначал не патриарх в Константинополе, а царь в Мцхете. В результате епископы Иберии и потом Лазики теперь подчинялись царю, который часто назначал епископами своих родственников, тем самым объединяя церковь и государство. Утверждение автокефалии грузинской церкви можно считать неизбежным последствием *Энотикона* императора Зенона, который таким объявлением церковного единства хотел положить конец расколу между православными диофизитами и теми монофизитами, которые управляли армянской и другими восточными церквями. В 467 году Вахтанг поссорился со своим архиепископом Микаэлом: Микаэл ударом ноги сломал царю зуб; царь отправил его в Константинополь, чтобы Микаэла наказали за оскорбление царского величества. (Микаэла заточили в диофизитский монастырь.) В Антиохии, а потом в Константинополе помазали католикосом Иберии Петрэ, более гибкого церковника. Византийский патриарх по просьбе Вахтанга помазал Самоэла I (467–502) архиепископом и назначил еще двенадцать епископов, угодных царю. На долгое время иберийская церковь перестала быть яблоком раздора между константинопольским и антиохийским патриархатами. (Что касается грузинской литургии, например включения слов «который был распят» в *Трисагион (Трисвятое) (Свят, свят, свят)*, грузины предпочли константинопольским обычаям обычаи Антиохии и епископов Амасии.) Почему Вахтанг поссорился с Микаэлом, трудно сказать: может быть, потому, что царь осудил монофизитство (армянский историк Парбеци порицает Вахтанга за то, что тот «бросил армян на произвол судьбы»); может быть, царь решил подчиниться не Константинополю, а Антиоху; вероятнее всего, архиепископ противился царю, захватившему власть у церкви.

Чтобы удалиться от буйных епископов в Мцхете, Вахтанг назначил столицей Иберии Тбилиси, в тридцати километрах на восток, а в Мцхете построил новый собор, чтобы город оставался духовной столицей страны. (Летопись рассказывает стереотипическую легенду о том, как во время охоты Вахтанг спустил сокола, который сбил фазана над горячим источником («Тбилиси» значит «теплый (источник)»). Вахтанг построил еще один великолепный собор в Болниси (473–495), где, как в Артануджи, христианские мальтийские кресты переплетаются с пальмовыми ветками и изысканными зороастрийскими золотыми узорами.

Стратегически важные пограничные провинции, Кахетия и Эрети, тоже стали новыми епархиями. Там, где образовывали новые епархии, распространялись православная вера и грузинский язык, даже у национальных меньшинств, говорящих на чеченском или

осетинском. Тем не менее лазские епископы все еще подчинялись не Самоэлу в Мцхете, а патриарху в Константинополе.

В 470-х годах царь Вахтанг Горгасали чувствовал себя вне опасности с политической, военной и экономической точки зрения, тем более что он был родственником императора: теперь ему казалось, что можно смело отмежеваться от Персии. К концу этого десятилетия он изгнал зороастрийских магов из Картли, попросив военное подкрепление у Византии. Константинополь молчал целых четыре месяца, а за это время персидские войска успели прорваться в Центральное Картли: когда посол приехал из Константинополя, единственная помощь, которую он предлагал, – это посредничество в составлении мирного договора между Вахтангом и шахом Перозом. Иберии пришлось заплатить дань и предоставить Персии вооруженные силы; единственной уступкой Пероза было обещание больше не распространять в Грузии зороастрийскую веру.

В 482 году, однако, и иберийцы, и персы потерпели поражение в войне против эфталитов: это стало для Вахтанга предлогом отказаться от мирного договора. В Тбилиси он задержал и казнил персидского *пипиахша* (генерал-губернатора), который давно принял зороастризм и стал скорее персидским наместником, чем чиновником Вахтанга. (В первом шедевре грузинской прозы *Мученичество Шушаник*, будто написанном епископом Иакобом Цуртавели, духовным отцом мученицы, Варскен предстает как неисправимый злодей, замучивший свою армянскую жену Шушаник за то, что она не захотела отречься от христианства.) Армяне восприняли казнь Варскена как благородную месть, а шах Пероз – как смертельное оскорбление: шах только что назначил Варскена *пипиахишем* Кавказской Албании, где власти уже не смотрели дружелюбно на иберийского царя, с тех пор как его дядя Барзабод и двоюродный брат Вараз-Бакур умерли. Вахтангу казалось, что именно теперь настало время для конфронтации: шах Пероз только что отозвал армию из Армении, чтобы подавить восстание в Кавказской Албании; отец мученицы Шушаник, армянский князь Вардан II, поддерживал Вахтанга. Но армянский командир Вахан Мамиконян не доверял собственным войскам и говорил: «Я знаю силу и бесстрашие иранцев и слабость и коварность византийцев». Мамиконян все-таки послал Вахтангу подкрепления, и, с помощью отряда провизантийских гуннов, иберийцам сначала повезло на поле битвы: им удалось изгнать целую персидскую армию. Иранская месть была страшна: в 483 году армии Михрана и Атрнерсе полностью сокрушили силы Иберии и Армении. Вахтанг убежал в горы, умоляя армян помочь ему: сначала армяне одержали победу над иранцами, но гунны в этот раз дезертировали, и армянская знать разочаровалась. Когда готовились к бою на низких берегах Куры, армянская знать подослала к иранцам послов, предлагающих перейти на иранскую сторону. Покинутая на поле битвы, кавказская армия была полностью деморализована. Армяне отступили в Тао; Центральную Армению разорил персидский генерал Хазаравухт, который потом отправился в Иберию, чтобы задержать, выгнать или убить Вахтанга, а потом вернуться в Северно-Восточный Иран и напасть на эфталитов. Вахтанг оказался в отчаянном положении: собственная знать бросила его, и Византия, озабоченная борьбой в Италии с остготами, отказывала ему в помощи. Царь сбежал в Лазику. Он вернулся в Иберию, кажется, в 484 году, после того как шах Пероз погиб в бою с эфталитами. Генерал Хазаравухт уже вернулся в Персию, а следующий шах, Балаш, еще неуверенный в прочности его престола, добивался перемирия на северо-западном фронте.

Мир длился всего семь лет: в 491 году новый шах Кавад I затеял семнадцатилетнюю войну против Византии, после того как император Анастасий, потесненный на всех фронтах, отказался платить дань. Вахтанг не захотел присоединиться к Каваду, который сразу напал на Иберию. В этот раз Вахтанг отправил семью вверх по Куре в неприступное убежище, а сам собрал силы в Мцхете и в Уджарме. Персы выжгли всю Восточную Иберию. В конце концов (в 502 или в 522 г.) в Уджарме состоялась решительная битва: Вахтанг отбросил персов на восток, до Рустави, сам въехал в персидский лагерь и лично убил Бартама, сына шаха, но позже умер в Уджарме от ран. Смерть Вахтанга воодушевила персов: они взяли и Тбилиси, и Мцхету. В 520-х годах Византия и Иран наконец подписали мирный договор, по которому все

старые границы восстанавливались. Уже в 518 году Тбилиси управлял персидский *марзпан* (губернатор, как правило, из местного этноса), Пиран Гушнасп из знатного рода Михранов. Пиран только что обратился в христианство и вскоре стал мучеником.

Не исключено, что мифический царь Гурген, упоминаемый некоторыми историками, – это не искаженное имя Вахтанга Горгасали, а другой царь-лишенец, даже византийская марионетка. Прокопий рассказывает, что этот «Гурген» нашел приют в Лазике и что Пераний, Пакурий (по-грузински Бакур) и Фазас, отпрыски Гургена, служили в византийской армии. Рассказ Прокопия подтвердить нечем. Во всяком случае, археология доказывает, что грузинская армия тогда бежала вверх по реке Куре: там вдруг появляется множество каменных крестов и христианских стел³².

Царствование Вахтанга кончилось неудачей, но он так близко подошел к победе и к полному объединению Грузии, что стал для следующих царей образцовым правителем, а его цели – стержневыми. В фольклоре он был легендарным. Странно, что от него вне Кавказа следов осталось мало. Фреску в иерусалимском монастыре Святого Креста побелили в XVIII веке; гемма, сохраненная в Британском музее, с надписью *в-р-танги* (среднеперсидское *варан-хосрв-танг*) была последним его изображением³³.

Пока Вахтанг Горгасали воевал за независимость, Лазика наслаждалась шестидесятилетним миром, если не учитывать передачу Аргвети Иберии или персидское нашествие 484 года. В 520 году Персия объявила широкомасштабную войну на суше и на море против Византии, и Лазика стала полем битвы двух империй. Лазские цари колебались, чью сторону принять, каждый раз уповая, что одна из них окажется менее жестокой и хищной, чем другая. Сама Лазика разваливалась. В Севастополе-Сухуме возникло уже в начале VI века наследственное княжество, поддержанное Константинополем: *архон* (губернатор провинции) Анос, вероятно, из абхазского племени Анчба, превратился в князя. Как абхазы, так и сваны пошли собственным путем. Уже в 542 году Византия обратила всех абхазов в Пицунде в христианство: под надзором императорского евнуха Эйфрата абхазы отреклись от обрезания и от торговли рабами. Севастополь и Пицунда стали основой новой Абхазии, которая постепенно разрослась, пока не окружила всю опустошенную Лазикку.

Около 520 года лазский царь Цатэ I, отрекшись от христианства, просил подтверждения не у Византии, а у шаха Кавада. Накануне войны Сеос, персидский посол в Константинополе, объявил, что Лазика является по историческим законам персидской провинцией. В 523 году Цатэ вызвали в Константинополь, где он взял назад свою клятву Персии и вновь принял христианство. К счастью, Иберия уже восстала и помешала персидским силам отомстить Лазике. Все, что шах Кавад смог, – это жаловаться Византии на вероломство Цатэ. В 528 году иранская армия перешла через всю Иберию и взяла у Лазики пограничные крепости Шорапани и Сканду. Ответ императора Юстиниана (ц. 527–565) был решительным: византийцы захватили Лазикку. Через четыре года не менее энергичный шах, Хосров Ануширван (ц. 531–579), унаследовал иранский престол. И Юстиниан, и Хосров царствовали долго и беспощадно, решительно расширяя свои империи, так что и Лазика, и Иберия оказались в продолжительной, изнуряющей войне, хотя в 532 году на короткое время персы признали, что Лазика принадлежит к сфере византийского влияния, и даже в мирном договоре разрешили иберийским гражданам, которые нашли убежище в Лазике, вернуться домой. Мирный договор даже не упоминает царство Иберия, подразумевая, что Персия в самом деле молчаливым согласием отменила независимость Иберии.

В 532 году византийские гарнизоны заняли города Лазики, укрепили столицу Цихегуджи и основали главную военную базу в новой крепости Петра (еще неизвестно, где

32 *Machabeli K.* Early medieval stelæ in Georgia / Ed. T. Mgaloblishvili // *Ancient Christianity in the Caucasus*. Curzon, 1998. P. 83–96.

33 [Sakartvelos ist'oria I] / Ed. N. Vachnadze. Tbilisi, 2008. P. 134. (Шалва Амиранашвили рассказывает, как он видел гемму коронованной особы (в профиль) в Британском музее: *T'qeshelashvili O.* [Tbilisshi aghmochenil gemma-sabech'davze gamosakhuli p'irovnebis vinaobistvis'] // [Sabch'ota xelovneba]. 1962. Vol. V. P. 58–60.)

находилась Петра), не обращая внимания ни на интересы, ни на желания местного населения. Византия назначила губернатора-*стратега*, который оказался жуликом; его заменили Иоанном Цибэ, который вел себя еще хуже, забрав в свои руки всю лазскую торговлю. Царь Губаз II и лазская знать, ограбленные и обездоленные Цибэ, послали к шаху Хосрову своих уполномоченных, которые предлагали открыть персам доступ к Черному морю, если они освободят Лазику от византийцев.

В 542 году Хосров вступил в Лазику и был лично принят Губазом II: началась двадцатилетняя война (с короткими перерывами) между Ираном и Византией. Персы и лазы убили *стратега* Цибэ, заняли Петру и поставили там персидский гарнизон. Скоро персов отвлекло от оккупации Лазики византийское нашествие под руководством знаменитого полководца Велисария. Губазу и его народу пришлось быстро раскаяться в новом союзе. Персы привезли с собой большое число зороастрийских магов и установили и религиозный, и экономический гнет. ходили слухи, что Хосров собирался убить Губазу и переселить крестьян из Ирана в Лазику. В самом деле в 548 году персидские власти подослали убийц к Губазу, которого предостерег Парсман – человек из лазской знати. Испуганный Губаз направил послание Юстиниану, извиняясь за свое апостатство и умоляя императора помочь ему. В ответ Губаз получил армию из 7000 византийцев под командой Дагисфея и тысячу мингрельских наемников (*цанои*): таким образом византийско-иранская война возобновилась. Губазу с византийцами, однако, не удалось захватить Петру, и они вдруг оказались лицом к лицу с персидским генералом Михр-Михрое (которого греки называли Мермерой). Дагисфея перехитрили, хотя Губаз смог удержать власть над большей частью Лазики и главные персидские силы отступили, чтобы сражаться в Армении. Тем не менее 5000 оставшихся персидских солдат перебили византийско-лазскую армию. В 550 году вторая персидская армия под командованием генерала Хориана вторглась в Лазику и была разгромлена на реке Цхенисцкали.

Несмотря на победу, Лазика переживала смутное время. Юстиниан заменил Дагисфея другим полководцем, Бессом. Против Губазу и Бесса восстали сначала сваны, потом абхазы. Абхазы были возмущены тем, что византийские генералы отменили их автономию. Вождь сванов, Сепарна, даже прибег к персидской протекции, а абазг Опситэ, потерпев поражение, сбежал от византийцев через Кавказ, чтобы искать убежища у гуннов. Вплоть до VII века Абхазия, которой правил виантийский *архон*, оставалась разгромленной и разоренной. Апшилы, разъяренные тем, что иранский генерал попытался изнасиловать командира их гарнизона, помирились с Губазом и с византийцами. В 555–556 годах произошел второй сванский мятеж: византийский генерал Сотерих провозил через Сванетию субсидию для осетинских союзников Византии, а сваны подозревали, что Сотерих намеревался передать осетинам сванские пограничные крепости. Сваны перегородили дорогу Сотериху; тот приказал высечь сванов. В ответ сваны убили Сотериха, его двух детей и свиту, забрали деньги, предназначенные для осетин, и попытались уговорить иранцев, которые теперь отступали в Персию, напасть совместно на византийцев. Византия отомстила, но Лазика непоправимо распадалась.

Защищаясь от персов, византийцы взяли крепость Петра и сровняли ее с землей, чтобы она не попала еще раз во вражеские руки. Скоро, в 551 году, Мермерой вернулся: сначала он осадил Археополь, но осада не удалась, и он окопался в Мухури, недалеко от Кутаиси, тем самым отрезав Северную Лазику от византийцев и изнуряя южные крепости голодом. Вся Северо-Восточная Лазика оказалась в руках персов. В 552 году по очередному мирному договору Византия признала персидский суверенитет в Лазике.

В следующем году Мермерой захватил еще больше территорий. Царь Губаз пожаловался Юстиниану, что византийское руководство не справилось. Юстиниан отозвал генерала Бесса, а два других византийских генерала, Мартин и Рустиций, донесли Юстиниану, что Губаз опять пытается договариваться с персами. Юстиниан приказал своим вождям привезти, если нужно – насильно, Губазу в Константинополь. В 554 году царя Губазу пригласили в Хопу на Черном море, арестовали и убили.

Лазскую и мингрельскую знать разгневало убийство царя: Агафий Миринеийский докладывает, что созвали народный совет, на котором некий Эет предложил лазам принять сторону персов, а некий Фартаз (Партадзе) отговорил народ и рекомендовал известить Юстиниана³⁴. Проголосовав, совет принял рекомендацию Партадзе и послал вестников, которые просили Юстиниана наказать Мартина и Рустиция за убийство и признать Цатэ II, брата Губаза II, тогда пребывавшего в Константинополе, царем Лазики. Византийский сенатор Афанасий заточил Мартина, Рустиция и брата Рустиция Иоанна, но в 555 году отложил суд за цареубийство, так как персидская армия вступила в Лазику и добралась до берега Черного моря в Поты. Через год византийцы уничтожили эту армию; побежденный генерал Нахораган отступил в Картли, и шах Хосров его казнил, заживо содрав с Нахорагана кожу.

После решительной победы Юстиниан устроил в Лазике показательный суд, по решению которого два генерала, которые, вероятно, просто исполняли императорскую волю, были публично обезглавлены (Мартина пощадили). Чтобы умиротворить нового царя Цатэ II, Юстиниан велел построить миниатюрное подобие собора Айя-София в лазской столице Археополе-Нокалакеви. Персы уже оставляли Лазику в покое: Хосров понял, что Лазика была защищена морем на западе и лесными дебрями на востоке и что еще одна неудачная война с Византией может стать катастрофичной для персидского престола. В 557 году начали обсуждать серьезный мирный договор и через пять лет подписали Дарашский мир, по которому Хосров признал византийский суверенитет в Лазике в обмен на ежегодную денежную компенсацию. Тем не менее Персия настаивала на своих правах в Сванетии. Дарашский мир отменил царство Лазики: страна стала просто византийской провинцией, а царь – просто *патриkiem*. Центр власти перенесли на северо-запад, от Фазиса и Родополя до Себастополя и Питиуса-Пицунды; лазские и мингрельские солдаты поступили на службу в византийскую армию. Лазика освободится от византийского ига только через сто лет, благодаря арабскому нашествию.

Дарашский мир был нарушен через девять лет. В 571 году император Юстин II решил использовать смуту в Персии и мятежи в Армении и Иберии: к 575 году с помощью лазов, абхазов и осетин византийцы изгнали персов из Сванетии.

Персы давно – с тех пор, как Гурген, или Вахтанг, сбежал из Иберии в Лазику, – добивались в Иберии того, чего византийцы добились в Лазике. Уже в 570 году персы фактически отменили Иберийское царство. С тех пор все три закавказских царства, Иберия, Армения и Кавказская Албания, составляли часть северного края (*кустак*) Атрапатакана, который персы делили на десять провинций (*шахров*), назначая в каждой провинции *марзпана*, под надзором которого командиры управляли гарнизонами укрепленных городов. Тем не менее грузинские летописи перечисляют не менее пяти царей после смерти Вахтанга Горгасали (или его наследника Гургена) с 522 по 580 год. Если эти пятеро царствовали, то неудачно, может быть, чисто символически, так как власть в течение юстинианских войн оказывалась монополией персидских *марзпанов*. В 540-х годах *марзпаном* Иберии был Эрванд Гушнасп, вероятно, сын того замученного Гушнаспа, которому автор *Мученичества Эвстатэ* приписывает абсолютную власть в Иберии; в 550-х годах *марзпаном* стал Вежан Бузмир. Жития святых этого периода указывают на то, что в Тбилиси иберийский царь считался лишь *мамасахлиси*, «главой царского рода».

По словам летописца, в 522 году Дачи, состарившийся сын Вахтанга, унаследовал престол и царствовал двенадцать лет. Дачи будто бы достроил укрепления Тбилиси, но проживал в Уджарме на границе Кахетии, где старался обращать горцев в христианство. Леон и Михрдат, сводные братья Дачи, родившиеся от гречанки, второй жены Вахтанга, эмигрировали на юго-запад, где правили Кларджети и Джавахети. Кларджети осталось под византийским влиянием: именно оттуда начнется возрождение Грузинского царства.

34 Миринеийский А. История войн Юстиниана, 3.9.10, 3.10.11.

Если верить летописям, в 534 году сын Дачи, Бакур II, начал царствование, продлившееся тринадцать лет. Византийский летописец Иоанн Малала пишет, что в 535 году в Константинополь приехал грузинский царь вместе со своей свитой, чтобы заключить союз с Юстинианом. Малала передает его имя как *Саманазос*, может быть пытаясь воспроизвести грузинскую фразу *дзма Дачиса*, «брат Дачи»: если так, то это был или Леон, или Михрдат. Грузинский летописец Джуаншер утверждает, что у Бакура II не было взрослого наследника; другие летописцы пишут, что сын Бакура II Парсман V царствовал с 547 по 561 год, его сменил племянник Парсман VI, а потом сын Парсмана VI Бакур III, который скончался в 580 году. Правление Бакура III не распространялось дальше его дворца в Уджарме, и абсолютная сасанидская власть в Иберии после его смерти просто узаконила реальный персидский суверенитет, который являлся последствием отмены Иберийского царства в 520-х годах. При этом дальними иберийскими провинциями, в которых персы не были заинтересованы или где персидские *марзпаны* считали народ неуправляемым, все еще правили князья царского племени – прашуры будущих правителей Грузинского царства и источник неустранимой проблемы для будущего Грузии: они становились феодальной знатью, которая не чувствовала себя обязанной подчиняться центральной власти и смотрела на свои уделы как на царства в миниатюре.

Своим возрождением Иберийское царство было обязано Византии. Иберийская знать попросила императора Мавриция назначить из числа царских родственников правителя и губернаторов. В 588 году византийское и иберийское признание получил некий Гурген (в грузинских летописях Гуарам). Гуарам-Гурген, если не был внуком Вахтанга Горгасали по матери от неизвестного нам отца, мог быть сыном князя Кларджети Леона, который сам был сыном Вахтанга Горгасали. Летописец Сумбат Давитисдзе посмертно объявляет Гуарама законным правителем, доказывая, что его отец был Багратидом армяно-еврейского происхождения. Гуарам присвоил титул *куропалат*, буквально «начальник двора», по византийской иерархии всего одним рангом ниже «цезаря» или «нобилиссимуса». С 572 года Гуарам-Гурген скрывался в Константинополе: до этого он был сторонником армянского князя Мамиконяна в восстании против персов. (Восстание было подавлено, несмотря на поддержку императора Юстина II и убийство Сурена, *марзпана* Двина, столицы Армении.) К 589 году, однако, Персия потеряла Иберию: воевода Бахрам Чобин сверг и ослепил шаха Хормизда IV и изгнал сына Хормизда Хосрова II, который сбежал в Константинополь и умолил императора Мавриция помочь ему вернуться к власти. Мавриций согласился, но дорогой ценой: Хосров II вынужден был обещать восстановить царя Иберийского, хоть с рангом *куропалата*. Гуарам-Гурген поселился в Мцхете, где основал монастырь Джвари, всего в тридцати километрах от персидского *марзпана* в Тбилиси. Гуарам-Гурген царствовал недолго, но уверенно: он был первым правителем Иберии, который сам чеканил монеты (сасанидские серебряные драхмы, перечеканенные буквами «Г» «Н») ³⁵.

Восстановить верховную власть для куропалата труднее, чем для царя: после двух поколений князья Иберии считали себя помещиками, ода2ренными шахом или императором, а не губернаторами, поставленными грузинским царем. Провинциальная знать не хотела подчиняться столичному двору. Сын и наследник Гуарама-Гургена, Степаноз I, который властвовал с 591 года, когда Византия и Персия жили в мире, не смел провозгласить себя царем: его звали великим князем (*еристав-еристави*), то есть первым среди равных друг другу князей (*еристави*).

Одна-единственная серебряная монета с надписью «Дж О» указывает на то, что до Степаноза I, пусть и короткое время, правил еще один великий князь, Джуаншер. Но Степаноз I оставил более конкретные следы в истории: мы видим его портрет на серебряных монетах 590-х годов и на каменном барельефе Джварского монастыря, который он достроил, его называют *патриkiem* Картли. Впервые на монетах Степаноза I отчеканено не священное

35 Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970; Lang D.M. Studies in the Numismatic History of Georgia в Transcaucasia. N. Y.: The American Numismatic Society, CXXX, 1955.

зороастрийское пламя, а христианский крест. Несмотря на этот крест, летописец Джуаншер называет Степаноза I «неверующим, Бога не боящимся»: может быть, он был монофизитом и сотрудничал с Персией, терпящей монофизитство; несомненно, он конфисковал бывшие царские земли, которые раньше были дарованы монастырю Мгвиме. В 604 или 605 году Степаноз I умер, и царем стал его родственник Адарнасэ. (До сих пор видно различимые на стене Джварского монастыря портреты и Адарнасэ, и рядом с ним Степаноза: судя по одеянию, у Адарнасэ был ранг византийского ипатоса (буквально «верховного правителя», а на самом деле «консула»). (Летописец Джуаншер пишет, что Степаноз царствовал до 627 года, когда император Ираклий взял тбилисский гарнизон и заживо содрал с его персидского командира кожу.) Адарнасэ уже приходилось отбиваться от персидского давления, так как в 604 году персы опять напали на Византию, расколотую внутренними мятежами и расшатанную аварским нашествием. В Тбилиси власть перешла в руки проперсидского *пиптиахша*, а Адарнасэ с двором переселились вверх по Куре.

Назло Персии, в угоду Византии, иберийский католикос Квирион II (595–610) списался с папой Григорием I, чтобы уточнить православную доктрину, и потом вызывающим образом объявил Иберию-Картли диофизитской христианской страной, то есть признал двойственную природу Христа – Божественную и человеческую³⁶. Таким образом, иберийцы приняли роковое решение, навсегда отколов Иберию от своего самого близкого союзника Армении. Армения выбрала монофизитство, признающее только Божественную природу Христа, чтобы сохранить и христианское вероисповедание, и мир с Персией. Объявление в 608 году диофизитства и приверженности к Халкидонскому (451 года) собору значило объявление союза с Византией. До этого византийский раскол монофизитства и диофизитства мало влиял на отношения закавказских царств, так как собор закавказских церквей в армянской церковной столице Двин принял *Энотикон*, провозглашение терпимости императора Зенона. Если верить Прокопию, то к 525 году самыми верными диофизитами в Персидской империи являлись иберийцы. А в 551 году армянская церковь выбрала монофизитство и начала обращать в эту веру кавказских албанцев. (Результатом этой смены вех было вырождение кавказско-албанского письменного языка, так как их Священное Писание было диофизитское, для армян кощунственное, подчеркивающее полное воплощение Христа, вместе того чтобы отвергать его человеческую природу как «переодевание в человеческую форму»: с тех пор албанцы слушали обедню по-армянски.) Объявление Квириона II оскорбило армян тем глубже, что до 599 года он был армянским епископом. Мосей, армянский епископ Цуртави (епархия была смешанная, и грузинская, и армянская), в 605 году сбежал в Армению: оттуда началась сердитая полемическая переписка. В 608 году армянский католикос Абраам запретил любые отношения, кроме коммерческих, с иберийцами или албанцами. Грузинского католикоса Квириона заклеили «лгуном и предателем»; грузин обвинили в том, что они убили «словно волка» епископа Петрэ, который отговаривал их от раскола с армянами³⁷. В обратную сторону, в Грузию, сбегали армянские диофизиты, чтобы там основать свои церкви. Когда персидская церковь в Ктесифоне запретила диофизитство, еще одним потоком диофизиты эмигрировали в Иберию. К 700 году, когда армянским патриархом стал Саак III, раскол стал непоправимым, так как арабские победы над Византией поощряли монофизитство.

Когда Адарнасэ и Квирион объявили диофизитство, персы резко отреагировали, изгнав патриарха Квириона из Иберии. В Тбилиси Адарнасэ и так больше ни на что не влиял: он даже перестал чеканить монеты. Адарнасэ вернули к власти только в 622 году, когда император Ираклий отбросил персидскую армию, которая одно время осаждала пригороды Константинополя. Иберия вновь стала диофизитской страной, но Адарнасэ пришлось

36 *Tamarati M.* L'Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 244–245 (с римско-католической предвзятостью).

37 *Mahé J. -P.* La rupture arméno-géorgienne au début du VII s. et les réécritures historiographiques // *Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia.* Spoleto, 1996. P. 927–962.

бороться со своими феодалами за власть. В 626 году Ираклий с хазарской армией, пришедшей из южнорусских степей, вторглись в Иберию. Тбилиси тогда охранялся гарнизоном, состоящим из тысячи персов и грузин-монофизитов. Целых два года гарнизон не сдавался, а со стен крепости солдаты глумились над императором, обзывая его «бородатым козлом», а хазарского генерала – «безобразной тыквой». Когда гарнизон в конце концов сдался, Ираклий оставил его солдат на произвол хазаров, которые заживо содрали кожу с командира, разграбили город и пролили реки крови. В 626 году шаха Хосрова II убили собственные сыновья, и ошеломленная Персия сдалась византийцам, которые теперь овладели и Лазикой, и Иберией. Грузинские государства теперь считались византийскими вассалами: их правителей называли *патрикии*. (Титул *василеос*, «царь», византийцы мало кому присваивали – персидскому шаху, Карлу Великому и болгарскому царю.) Тем не менее можно сказать, что император Ираклий на время объединил Грузию.

Около 570 года, когда умер царь Цатэ II, власть в Лазике перешла к *патрикию* в Абхазии. Эти абхазские *патрикии* незаметно сделали наследственными царями, получившими византийское признание в VIII веке. Они были сильно эллинизированы: с 640 года они принимали греческие христианские имена: Деметрий, Феодосий, Константин. Но все они были из абхазского рода Анчба; их власть простиралась на всю Лазик-Колхиду-Эгриси, которая скоро стала известной иберийцам как Абхазия (старогрузинская *Апхазети*). В VII веке, пока Византия воевала с Персией, Абхазия жила мирно, хотя византийские и хазарские войска, проходящие через страну, должно быть, приносили немало вреда.

В Картли-Иберии жизнь, казалось, восстанавливалась. В 647 году сын Адарназ Степаноз II унаследовал престол. (Он изображен мальчиком на двух барельефах на стене Джварского монастыря.) Степаноза II летописец называет «самым набожным из всех царей Картли, верой чист и строитель церквей». Тем не менее джварский каменный барельеф, изображающий Адарназэ, Степаноза и Деметрэ, брата Степаноза I, переплетает христианские с местными языческими традициями: Степаноз II одет по-сасанидски и опоясан тюркским поясом с металлическими заклепками, а Деметрэ носит парфянский халат, кавказские сапоги и войлочную бурку, как горец³⁸.

На решке своих монет Степаноз II чеканил крест и алтарь. Триста лет пройдут, пока другой грузинский царь не начнет чеканить монеты. Мир и единство, принесенные византийцами, внезапно кончились. Арабы появились, принеся с собой мусульманство. В 651 году арабы убили персидского шаха Йездигерда III и начали набеги на Закавказье. В последние годы Степанозу II все-таки пришлось признать верховную власть арабского халифа над Иберией.

4

Арабское нашествие

В Закавказье арабы вторглись так быстро – всего через двадцать лет после смерти пророка – и их непобедимая конница так ошеломила византийцев и персов, что пораженные народы не успели оказать сопротивление. Первый арабский конкистадор, молодой Хабиб ибн Маслама, появился в 643 году как разведчик и грабитель, но в 654–655 годах он вернулся завоевателем и наткнулся на отчаянное сопротивление византийской армии. Потерпев в Армении поражение, византийский генерал Мавриан окопался в Иберии, поставив ее правителя Адарназэ II (сына Степаноза II, умершего в 650 г.) перед выбором: уничтожение или капитуляция, Адарназэ II стал вассалом Арабского халифата. *Жизнь Картли*, однако, относит смерть Степаноза II к 663 году и считает Адарназэ II просто правителем Кахетии, а сыновей Степаноза Михра (ц. 663–668) и Арчила (ц. 668–718, наследник Адарназэ II)

38 Thierry N. Iconographie sacré e et profane en Transcaucasie // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 963–1014.

*патрикия*ми Картли. Кто бы он ни был, правитель Картли должен был хорошо понимать, что арабы проявят милосердие к тем государствам, которые покорились добровольно, и беспощадность к тем, которые не сдавались (как, например, Армения и Кавказская Албания). Иберийские послы обещали Хабибу, что они сдадутся, и просили считать Иберию вассалом. Хабиб приехал в Тбилиси, договорился о *джизии*, налоге в один денарий с каждого христианского очага, и обещал неприкосновенность церкви и местному *патрикию* (по-арабски *батрик*). Арабы с терпимостью относились к христианам: обращение в мусульманство было добровольно для всех, кроме чиновников халифата, так как христиане платили *джизию*. Арабы ограничили размер *джизии*, при условии что *батрик* Иберии не будет объединять очагов, чтобы уменьшить налог, и пообещает поставлять трудовые ресурсы, материалы и даже солдат для арабских войн, платить налоги на караван-сарай и мельницы, селить и кормить мусульманских путешественников. Хабиб подписал охранную грамоту для Картли (*джурзан* по-арабски), уточняя: «Если на вас нападут и вас заставят подчиниться, мы не можем вам помочь, но мы не будем считать вас злодеями и не будем за это призывать вас к ответу».

В принципе *батрик* Картли был волен царствовать дальше. Но его власть ограничивалась Центральной Иберией, так как грузинская знать спасалась как могла, каждый по-своему властвуя над своим уделом и договариваясь отдельно с арабами. Арабы не возражали: разрозненной Иберией легче было управлять. Хабиб ибн Маслама заключал отдельные соглашения с князьями в Кларджети, Триалети, Кахетии и с горцами, которые платили налоги с очага и с пашни. Некоторые восточные княжества, например Кахетия, поставляли вместо денег товары.

Арабские успехи, однако, подрывала междоусобица 656–661 годов в Багдаде. Муавия и его Омейядская династия захватили халифат. Адарнаэ II воспользовался беспорядками и вместе с армянами и кавказскими албанцами подстрекал – исподтишка в 660-х годах, а в 681–682 годах насильно – народ, уже взбудораженный арабскими налогами. Три года подряд иберийцы отбивались от арабов; византийцы и хазары были введены в заблуждение мнимой слабостью халифата и сами вторглись в Картли с запада и с севера. Хазары грабили и порабощали народ: в 684 или 685 году Адарнаэ II, скорее всего, погиб в бою с этими работоторговцами. Арабы назначили Гуарама II, тогдашнего князя Кларджети и Джавахети, наследником Адарнаэ. (Летописи противоречат друг другу: *Жизнь Картли* утверждает, что, когда в 668 году умер Михр, его брат Арчил, тогда правитель Лазики, вернулся в Кахетию *патриkiem*.)

Византийцы торжествовали, и в 686 году халифат согласился на мирный договор: Багдад делил с Константинополем доходы от иберийских налогов. Но через два года Юстиниан II и хазары вторглись в Иберию и объявили войну халифату. Гуарам II вышел из-под арабской опеки и получил от Византии титул картлийского *куропалата*.

Однако, когда к власти пришел халиф Абд ал-Малики, арабы полностью вернули себе все потерянное. Гуарам II умер около 693 года, когда арабские войска, на этот раз вместе со своими союзниками хазарами, захватили Закавказье. Гуарам III (сын или внук предыдущего Гуарама) стал *куропалатом* чисто номинальным: к 704 году арабы до такой степени укрепились в Тбилиси, что начали там чеканить свои монеты – дирхамы, которые будут находиться в обращении еще двести лет.

Второе арабское нашествие заново объединило всю Грузию, хотя и ненадолго: в 697 году *патрикий* Лазики, Серги Барнукидзе, поссорился с Византией и пригласил в Лазику арабов. Между 707 и 711 годами арабы захватили всю Лазику, кроме некоторых портов и Западной Сванетии. Они опустошили Кутаиси и Цихегуджи, но, кроме кратковременного захвата порта Анакопии, к северу от Сухума, ни побережье, ни Абхазия были для них недостижимы³⁹. Лазика долго терпела вероломство Барнукидзе: контингент армянских

39 *Seibt W.* Erfolge und Miß erfolge des Islams in der Kaukasregion // *Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia.* Spoleto, 1996. P. 571–610.

военнопленных, освобожденных арабами из Ирака и отправленных в Константинополь, разорил Поти⁴⁰. В конце концов, однако, власть в Лазике удержал *архон* Константин I и потом его сын Феодор, оба верные Византии. В отместку за захват Лазики византийцы отправили на восток против арабов армию, составленную из осетин, их новых союзников.

Вплоть до 730-х годов арабские карательные экспедиции то и дело мучили Иберию. Гуарам III умер в 748 году, никогда не став более чем декоративным *куропалатом*. Арчил, известный тем, что был замучен арабским генералом и прославлен летописцем Джуаншером, остался просто правителем Кахетии и дальше не продвинулся, несмотря на то что женился на правнучке Вахтанга Горгасали. Единственное, что достоверно известно об Арчиле, – это то, что он стал мучеником и святым. До сих пор идут споры о том, когда именно он был замучен. Некоторые относят его смерть к 786 году, когда арабы вели себя особенно жестоко и казнили святого Або и, вероятно, Степаноза III, и обвиняют Хузайму бин Хазима, который будто бы потому убил Арчила, что тот не захотел сказать, где император Ираклий спрятал свой клад. Другие источники утверждают, что в 736 году Арчил бежал в Лазику, чтобы поддержать абхазского *архона* Леона I и защитить Анакопию от арабов. Православная церковь убедительно относит мученичество Арчила к 744 году как последний зверский поступок Марвана Глухого до того, как тот вернулся в Багдад, чтобы стать халифом. Вполне возможно, что летописцы путают двух разных Арчилов: даты, приводимые историком Вахушти (718 г.) и церковным календарем (744 г.), исключают правдоподобность или даже возможность того, что святой Арчил стал зятем царя Тао-Кларджети Ашота Великого, который, по достоверным источникам, правил с 813 по 826 год.

В 720-х годах все Закавказье было сплошным полем битвы, где арабы боролись скорее с хазарами, чем с армянами и иберийцами. В 724 году генерал ал-Джара бин Абдуллах ал-Хаким предложил иберийцам вернуться к относительно мягким условиям Хабиба ибн Масламы: для арабов всего важнее стало обложение налогами, и они превратили *джизию* в поголовный налог на каждого немусульманского мужчину от 15 до 59 лет, но к этому налогу прибавили налоги на землю и на скот, так как Иберия больше не считалась добровольно покорившимся вассалом. В 725 году халиф послал своего незаконнорожденного сына Масламу бин ал-Малика, чтобы раз и навсегда укротить Закавказье. Хазар изгнали через Кавказ, а наследника хазарского хана убили. Война была жестокая, так как с иберийцами обращались как с врагами. Сам халиф сошел с ума, заковав своего победоносного генерала в кандалы и отдав его побежденным хазарам. Но самое ужасное еще предстояло: в 733 году Маслама уехал в Дамаск, а на смену ему прислали его племянника и товарища Марвана ибн Мохаммеда, который прославился в Грузии как Марван Глухой, не слушающий ни советов своих офицеров, ни стонов страдающего населения и с крайней жестокостью подавляющий всех противников в Закавказье – и истинных, и мнимых.

Арабская оккупация стала более агрессивной: в 735 году Марван вторгся в Картли с такой многочисленной армией, что хазарский хан сразу обратился в мусульманство и присоединился к Марвану. Не только Картли, но и вся Грузия обезлюдела: летописцы пишут, что народ разбежался по всему Кавказу, скрываясь в лесах и ущельях. Арабы блокировали перевалы и сровняли города с землей. Восточная Иберия была опустошена, так как Марван очистил ее от кахетинцев и попытался переселить туда двадцать тысяч славянских семей (славяне тогда были вассалами хазаров). Но славяне убили собственного вождя и разбежались: Марван переловил и казнил всех, кого мог.

Пройдут века, пока люди отреставрируют города, которые разрушил Марван Глухой. Беженцы переселились в горы по верхнему течению Куры, а потом ушли на запад, в горы Кларджети, куда арабская конница не могла доехать. Гуарам III (или Михр, или Арчил, согласно разным летописцам) понял, что сопротивление бесполезно, и сам бежал со своим народом. Джуаншер пишет, что за *батриком* -беженцем скакал Марван, опустошая Лазику

40 Esbroeck M. van Lazique, Mingré lie et Apkhazie IV–IX s. // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 195–223.

так, как он уже опустошил Иберию. В пограничной провинции Аргвети Марван сокрушил армию местных князей Давита и Константинэ и вблизи от Кутаиси казнил князей за то, что они не захотели принять мусульманство. По словам летописца Джуаншера, именно тогда арабы дошли до Абхазии, но отступили от Анакопии из-за сопротивления осажденных и эпидемии дизентерии. В битве за Анакопию, кажется, погиб царь Михр.

Летопись, наверное, не преувеличивает, жалуюсь, что к 736 году «земли Картли, Армении и Кавказской Албании были разорены, и нигде не было ни домов, ни еды, ни корма для скота». Наконец в 744 году Марван отправился сначала на Северный Кавказ, а потом в Багдад, чтобы захватить халифат, и бойня в Грузии прекратилась. Везде царила анархия, кроме Тбилиси, где Марван назначил эмира, который был подотчетен не *вали* в Двине, а самому халифу в Багдаде. Эмир должен был сделать Тбилиси мусульманским городом, северным аванпостом халифата; такое преобразование будет оплачиваться из налогов, выжатых из скудного населения Иберии (так как арабы решили не оккупировать Лазику). Сердцевина Иберии теперь стала арабским эмиратом, сначала включавшим не только Тбилиси, но и Рустави и Манглиси и граничившим с самой Арменией. В политическом смысле Картли-Иберия передвинулась вверх по Куре до Тао-Кларджети.

Летописи относят возвращение Арчила в Иберию к 756 году, через двенадцать лет после ухода Марвана Глухого. Арчил начал восстанавливать свое царство, несмотря на аббасидскую гегемонию: он выдал своих племянниц (дочерей Михра) за феодальных князей. Таким образом, князья уже не чувствовали себя автономными правителями: родственные связи будто бы укрепляли единство Иберии. Вне зависимости от того, был ли Арчил еще жив, или уже умер, использование родственных связей и децентрализация были, вероятно, реальной политикой. Между 748 и 780 годами реальную власть в Иберии, кажется, делили тбилисский эмир и Адарнасэ II, зять Гуарама III. Мы можем быть уверены, что Адарнасэ III пользовался определенными правами, так как Византия пожаловала ему титул *куропалата*.

Постепенно, по мере того как Иберия в 760-х годах восстанавливалась после разорения Марвана Глухого, иберийцы стали оказывать арабам сопротивление все с большей смелостью. Сын Адарнасэ III Нерсэ разгневал халифа ал-Мансура, который в 772 году заточил его в Багдаде на три года. Нерсэ был освобожден следующим халифом ал-Махди, но через четыре-пять лет арабы изгнали Нерсэ из Иберии, и он просил убежища сначала у хазаров, потом у Леона II в Абхазии, где уже нашла убежище его семья. Халиф отобрал у Нерсэ царские права и передал их его племяннику Степанозу III, но разрешил Нерсэ вернуться в Иберию простым гражданином. В 786 году Нерсэ стал свидетелем двух убийств. Сначала арабы казнили его секретаря, святого Або, араба, который принял христианство (и вдохновил Иоанна Сабанисдзе на написание блестящего жития); потом арабский наместник Хузайма ибн Хазим казнил племянника Нерсэ Степаноза III; о потомках Гуарама больше ничего не известно.

О столетии со времени ухода Марвана Глухого до карательной экспедиции не менее устрашающего Буги ал-Кабира ал-Шараби («Турок») не существует почти никаких достоверных записей. Тем не менее очевидно, что в иберийской политике произошел большой сдвиг. Разрушение Багдада в 813 году непоправимо ослабило халифат. Сама Картли-Иберия переместилась на юго-запад, в Тао-Кларджети, где разрасталась новая династия Багратидов⁴¹. Тбилисский эмират стал мусульманским торговым городом, самым крупным в Закавказье после Дербента; эмиры уже не передавали халифату доходы от налогов, а тратили их на себя, так как чувствовали себя защищенными от халифата соседними христианскими государствами: они утверждали независимость эмирата. Буга Турок вторгся с пятидесятитысячным войском не только чтобы угнетать армянских и иберийских христиан, но и испепелить деревянные дома Тбилиси и убить зазнавшегося эмира Исхака ибн Исмаила ибн Шуаба вместе с сорока тысячами граждан. На этот раз

41 *Toumanoff C. The Bagratids of Iberia from the eight to the eleventh Century // Le Museon, LXXIV. Louvain, 1961.*

картвелы продемонстрировали единство: царь Абхазии-Лазики Теодоси II (или, если он умер в 837 году, его наследник Деметрэ II) вместе с кахетинским князем Костанти-Кахи и с эмиром Исхаком сражались с Бугой. Грузины и эмир потерпели ужасное поражение. Несмотря на пролитую кровь, кахетинцам позже удалось выиграть несколько битв, и Буга ушел из Иберии, чтобы опустошить Кавказскую Албанию. Он воевал в Двине в Армении, потом двинулся по Куре до перевала через гору Лихи и еще по Арагви до подножия Дарьяльского перевала, но не дошел ни до Лазики, ни до Северного Кавказа. Иберия вновь обезлюдела и лежала в развалинах, но арабы уже не могли удерживать власть в Закавказье.

Междоусобицы в Багдаде окончательно освободили Иберию от арабов, но последняя война расшатала Картли. Кахетия же укрепилась. Она теперь простиралась от Дарьяльского ущелья, отвоеванного у арабов, до Кавказской Албании. Три столетия войн между византийцами и персами, а потом между хазарами и арабами меньше сказались на Кахетии, чем на Картли. Кахетинские города, поля и виноградники уцелели. Джуаншер пишет, что царь Арчил даже построил себе столицу в Цукети в осетинских горах и крепости в верхней долине Иори, которые были лучше защищены от арабов, чем Уджарма в долине. После 770 года Кахетия была уже независимой страной, которую арабы называли *Санария* (от Цанаров, клана, владевшего Горной Кахетией), а термин *Джурзан* теперь обозначал остальную Иберию и Грузию. Цанары отказались платить *джизию*; бунтовали и кахетинцы в долинах. Когда в 770 году Хусейн ибн Кахтаба, арабский *вали* в Двине, попытался навести порядок, его армия потерпела поражение: арабам пришлось послать еще 20000 солдат, которые убили 16000 цанаров. В конце концов цанары согласились платить налоги не деньгами, а своими знаменитыми лошадьми и баранами⁴². Тем не менее Кахетия сохранила власть над дарьяльским торговым путем. Под господством Цанаров в горах, недоступных арабским карательным отрядам, Кахетия стала *хорепископатом*, то есть смесью епархии с княжеством, где вождь феодальной знати одновременно был и епископом, и князем. Багратидский историк Вахушти, который в 1750-х годах пользовался источниками, с тех пор утерянными, пишет, что первым князем Кахетии был Джуаншер, а за ним в 787 году правил Григол. Григол владел Кахетией до 827 года; он стремился овладеть всей Грузией и потому напал на Ашота, *куропалата* Тао-Кларджети, и на царя Теодоси II Эгриси-Абхазии. Эта междоусобица кончилась только со смертью Григола в 827 году, когда кахетинский престол унаследовал Вачэ (в летописях Дачи). В 829–830 годах нашествие араба Халида ибн Йазида заставило всех грузин помириться друг с другом. Халид вернулся в начале 840-х годов и напал на наследника Григола Самоэла (ц. 839–861), но в 842 году кахетинцы вместе с тбилисским эмиром Исхаком ибн Исмаилом заставили сначала Халида, а потом и его сына Махмеда ибн Халида отступить в Кавказскую Албанию.

Хотя в 853 году Буге Турку удалось убить тбилисского эмира, его армия не смогла подняться к горному убежищу цанаров: потерпевший поражение от кахетинцев, Буга повернул назад. Феодальная знать из Южной Кахетии (тогдашней Кухети, соседней с эмиратом страны) почуяла, что арабы обессилели, и смело свергла цанаров. Кахетия разрослась, отобрав территорию у восточного соседа князя Эрети Григола Хамама. Хорепископ Фадла (ц. 881–893) оказался особенно предприимчивым: он подружился с тбилисским эмиром, и оба порвали с халифатом. После 881 года появилась новая кахетинская династия, Аревманели: ряд хорепископов, Квирикэ I (ц. 893–918), Фадла II (ц. 918–929) и Квирикэ II (ц. 926–976), в результате либо войн, либо совместных действий с Абхазией-Эгриси захватили территории Эрети и Картли (но оставили эмират нетронутым). Эта политика не всегда удавалась: в 959 году брат Квирикэ II Шурта предательски отдал Уджарму абхазскому царю Гиорги II, Кахетия и Абхазия могли продолжать грабить крепости Картли только тогда, когда в Абхазии пришел к власти царь Леон III.

42 Bibikov M. Productivity and Social Organization in the Medieval Caucasus // Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia. Spoleto, 1996. P. 363.

Самая восточная провинция Иберии, Эрети, оказалась самой уязвимой: Эрети раньше всех испытала арабское владычество. Народ в Эрети был смешанный – кавказские албанцы, различные дагестанские этносы, армяне, персы и грузины. Города разбогатели на торговле с Персией и с Арменией. К тому же Эрети была единственной провинцией, оставшейся верной монофизитству. В IX веке Эрети сделала попытку стать независимой: в 822 году первый ее правитель Сахил ибн Сумбат (ц. 815–840) перебил кавказско-албанскую царскую семью и объявил себя шахом Аррана (как тогда звали Кавказскую Албанию); Сахил пытался выслужиться перед халифатом, захватив и передав в Багдад еретика-зороастрийца Бабака Хоррамдина, и получил за свой подвиг царский венец, халат и лошадь. Потом арабы заподозрили Сахила в измене, арестовали и сослали в Багдад. Сахила сменил сначала его сын Адарнаэ I (ц. 840–865), а потом внук Григол Хамам (ц. 865–893). Наследнику Хамама, Адарнаэ II (ц. 897–943), византийцы пожаловали титул *патрикия*, его царство уцелело после нападений кахетинцев, но вынуждено было уступить Кавказскую Албанию ирано-тюркским соседям – саларидам⁴³. Григол Хамам женился на Динар, дочери Адарнаэ Багратиона из Тао-Кларджети: Динар заставила Эрети отречься от монофизитства и присоединиться к Грузинской православной церкви. Когда Григол умер, Динар царствовала вместе со своим сыном Ишхаником: диофизитство осталось официальной религией. Внук Григола и Динар, царь Иоанэ Сенекерим (ц. около 965–995), хотя коронованный монофизитским архиепископом Кавказской Албании, был тем не менее благословлен диофизитским царем Давитом III Таоским, а также мусульманским саларидским ханом азербайджанцев. При широких религиозных взглядах Иоанэ Сенекерима Эрети смогла отбиться от притязаний кахетинских и мусульманских соседей и даже отвоевать часть Кавказской Албании и Кахетии, но в конце концов потеряла независимость, сначала попав под власть диофизитских епископов, а потом, в начале XI века, кахетинских и абхазско-эгрисских правителей.

После арабов над Восточной Грузией нависла новая мусульманская угроза – персидский эмират из современного Азербайджана. Мухаммад ибн Абу'л Садж и следующие за ним Саджиды вторгались несколько раз с 908 по 914 год, будто бы как представители халифата. Юсуф ибн Абу'л Садж (которого грузины называют Абул Касим абу Садж) выгнал правителя Армении в Абхазию, потом вторгся в Тбилиси, но заключил мир с эмиром Джаффаром I ибн Али. Саджиды напали на Кахетию и разрушили Уджарму: только хорепископ Квирикэ сумел договориться о мире и спасти Кахетию. Захватчики повернули в Картли, которую тогда оборонял абхазский царь Костанти III (ц. 899–915): чтобы крепость Уплисцихе не попала в руки Саджидов, Костанти снес ее. Абул Касим позже осадил несколько крепостей в Тао-Кларджети и обезглавил гарнизонного командира крепости Квели, *азнаура* Микаэла Гоброна, который не захотел принять мусульманство (Абул Касим уже в 914 г. казнил по той же причине армянского царя Смбата). Главной целью Абула Касима, однако, было восстановление арабских налогов и гегемонии; как и Буга шестьдесят лет тому назад, он цели не достиг, но его лютая жестокость оставила Иберию в таком состоянии, что ей понадобилось два поколения, чтобы прийти в себя. К счастью, Саджиды поссорились с халифатом и после последнего вторжения 937 года в Кахетию просили мира в Закавказье.

К 1000 году войны за разъединение сменились войнами за объединение. Кахетинский хорепископ Квирикэ заключил союз с абхазским-эгрисским царем Костанти, и оба правителя отобрали часть территории у *патрикия* Адарнаэ: если бы не саджидская угроза из Азербайджана, Адарнаэ потерял бы все свои владения в Картли. Ссоры феодалов в Кахетии кончились тем, что южные кахетинцы из Гардабани умолили абхазского царя Гиорги II (ц. 915–960) помочь им: он отправил своего сына, будущего Леона III (ц. 960–969, после чего стал картлийским князем), который утихомирил Шурту, брата Квирикэ II, и заставил кахетинцев отдать столицу Уджарму, ключевые крепости и в конце концов всю провинцию Гиорги II. Картлийская знать испугалась. Но Леон не успел удержать того, что захватили

43 *Papuaashvili T. Ranta da kakhta samepo* (VIII–XI s.). Tbilisi, 1982.

абхазы: он заболел и умер. В любом случае в конце 950-х годов Кахетия пережила нашествие Иоанэ Сенекерима из Эрети; Сенекерим объявил себя царем цанаров, что объединило Кахетию и Эрети. Кахетинский хорепископ Деметрэ в ответ устроил анархию в Абхазии, подбив Теодоси III (ц. 975–978) на бунт против собственного брата Деметрэ III (наследника Леона III). По всей Грузии прокатилась волна таких беспорядков, что кахетинцы смогли вторгнуться в Картли, откуда *куропалат* Давит тщетно пытался их изгнать. После 1000 года стремление к централизации стало таким сильным, что эретской царице Динар и хорепископу Квирикэ пришлось подчиниться объединенной Грузии царя Баграта III.

Источником объединения Грузии стала расцветшая династия Багратидов из Тао-Кларджети, а укрепилось оно со сменой власти в Лазике-Эгриси, где после столетий войн и византийских поисков надежного союзника против восточных захватчиков политическая власть сдвинулась на север в Абхазию. Уже к 800-м годам племя Анчба, которое миновали арабские и хазарские ужасы, постепенно освобождалось от марионеточной зависимости и создавало царскую династию, тесно связанную с Византией, но уже не управляемую ею. Леон I (ц. 745–766) завоевал авторитет, остановив арабское наступление к Черному морю и кавказским перевалам; Леон II (ц. 766–811) подчинил себе почти всю античную Колхиду, от Чороха до Псоу, после того как эгрисский престол опустел благодаря смерти или дряхлости потомков царя Арчила, Иоане и Джуаншера. Леон II не зависел ни от арабов, ни от греков. Он был внуком хазарского царя и двоюродным братом византийского императора Леона IV, поэтому он посмел провозгласить себя «царем» абхазов, сванов, мингрелов и других картвелов, разделить свое царство на восемь княжеств и реставрировать внутри страны два крупных города, Шорапани в Аргвети (на границе Картли), и Кутаиси в сегодняшней Имеретии. (Уже в 790 году Леон II объявил Кутаиси столицей, но Византия еще не признала его царем: когда император пожаловал ему золотое кольцо, на нем было написано только *архон* или *эксусиаст* (губернатор), с прилагательным «сиятельный» (тогда правителя Великой Армении звали «самый сиятельный», а *куропалата* в Тао-Кларджети «самый благородный».) Таким образом, Византия пока еще считала Абхазию рангом выше северокавказских, но ранга на два ниже других закавказских государств.

Несмотря на абхазское происхождение, род Анчба, по всей вероятности, использовал грузинский для государственного общения, и к тому времени абхазские подданные были, вероятно, большей частью картвелами. Церковь все еще была подчинена Константинополю, и церковным языком остался греческий. Леон II продолжал работу по укреплению северных и восточных границ: он выдал дочь за хазарского хана, который помогал ему сопротивляться византийскому давлению. (Этот абхазско-хазарский союз спас жизнь Нерсэ, картлийскому правителю, в 770-х годах изгнанному арабами.) Когда нужно было, абхазы вместе с армянами, лазами и славянами участвовали в антивизантийских мятежах, например в восстании Фомы Славянина 831–833 годов. Иногда византийцы напоминали абхазам, кто в Восточном Черноморье хозяин, отправляя флот к абхазским гаваням в 832 году и два раза в 840 году (хотя главным врагом, против которого направляли флот, были арабы). Византийские предостережения были неубедительны: у империи были другие, более неотложные дела, например борьба с иконоборцами и болгарами. Больше никаких попыток повлиять на абхазскую политику Византия не предпринимала.

Неприкосновенность нового государства и этнические соображения требовали, чтобы столицей стал расположенный внутри страны Кутаиси, а не приморский греко-абхазский Себастополь-Сухум. Вместе с государством преобразовалась и церковь: в начале X века лазская, абхазская и джикская (черкесская) епархии порвали с Константинополем и подчинились иберийскому патриарху в Мцхете (провинция Аргвети уже давно признала авторитет Мцхеты). Создавались новые епархии, среди которых самой влиятельной стала мингрельская епархия Чкондиди. Мцхета отправляла литургию не на греческом, а на более доступном прихожанам грузинском. Когда в 950 году царь Ишханик и царица Динар окончательно отреклись от монофизитства, Грузия объединилась духовно, что делало политическое объединение неизбежным. Самое убедительное определение Грузинского

государства мы находим у Гиорги Мерчуле («церковный юрист») в IX веке: «Мы можем считать Великой Грузией любое место, где обедню и молитвы отправляют по-грузински».

Начиная с 750-х годов абхазскому царству удалось избежать самых тяжелых арабских нашествий, хотя императору Феофилу и его генералу Варде Фоке приходилось бороться с арабскими захватчиками в 830-х годах. Тем не менее арабский историк Масуди утверждает, что одно время Абхазия платила налоги халифату. В 853 году абхазский царь Деметрэ II помогал Картли в борьбе против Буги Турка, после того как тот казнил эмира Исхака Тбилисского. Когда в 907 году саджидский Абул Касим объявил войну Армении и вторгся в Картли, Абхазия предложила армянскому царю Смбату убежище, а правителю Картли помощь. Сама Абхазия прямого участия в войне не принимала и набиралась сил, пока Абул Касим громил Картли и Армению.

С 825 по 978 год, когда Баграт III стал первым царем всей Грузии, в Абхазии держалась стойкая наследственная монархия: некоторые цари, например Деметрэ II (ц. 825–861), Гиорги II (ц. 922–957), царствовали дольше тридцати лет. Изредка брат царя искал поддержки у феодалов Месхи на южной границе Абхазии, но перевороты удавались редко. Мятежные феодалы, например Липарит Багваш из Аргвети в 880-х годах, предпочитали перебираться в Тао-Кларджети. Границы – черноморские гавани, перевалы через Кавказский хребет и через Лихи – были хорошо защищены и укреплены. В Абхазии были в ходу и византийские, и арабские монеты, что свидетельствует о сильной экономике. Престол спокойно переходил от отца к сыну, за редким исключением, когда брат унаследовал трон вместо сына или после смерти царя Гиорги I Агцепели в 868 или 878 году, когда власть захватили два свана Шавлиани – Иоанэ, а потом его сын Адарнасэ. (Адарнасэ Шавлиани женился на дочери тао-кларджетского феодала Гуарама Багратиони и сражался на стороне своего тестя против местного *куропалата* Давита.) Законный наследник абхазского престола, Баграт I, сын Деметрэ II, отплыл в Константинополь; с помощью византийцев он вернулся в 887 году, убил самозванца Адарнасэ и женился на его вдове. В начале X века осторожный царь Гиорги II (ц. 922–957) сослал двоих из своих пятерых сыновей в Константинополь: «чтобы после моей смерти не было ссор между ними». Трое из них (Леон III, Деметрэ III, Теодоси III) успели поцарствовать до того, как Абхазия в 978 году слилась с объединенной Грузией; четвертого сына, Костанти, позже назначили правителем Картли, так как царь Гиорги II замышлял объединить Грузию сетью межплеменных браков, усыновлений и назначений. (В джавахетской церкви Кумурдо до сих пор существует барельеф, на котором дочь Гиорги II Гурандухт, которая родит первого всегрузинского царя Баграта III, изображена рядом с братом Леоном III.) Сам Костанти оказался слишком своевольным, и отцу пришлось его свергнуть. В 960-х годах, когда сын Гиорги Леон III смог назначить своего человека правителем Джавахети, влияние Абхазии стало еще крепче.

Уже в IX веке стало ясно, что Абхазское царство главенствует в Грузии: южные провинции Тао-Кларджети, Самцхе и Джавахети уже отчасти зависели от абхазов, которые к тому же предоставляли картлийцам убежище от арабов. В 880-х годах Баграт I помог своему зятю Насри вернуться из константинопольской ссылки и захватить Одзрхе и еще две крепости в Самцхе. После нашествия Абула Касима в 907 году Центральная Картли перешла в абхазскую сферу влияния. Заключив союз с Кахетией против Эрети, Абхазия получила не только новые земли, но и доступ к Кавказской Албании и к перевалам, ведущим к Дарьяльскому ущелью, что открыло для нее богатые торговые пути. В начале X века Костанти III послал армию к осетинам, где с помощью византийского патриарха Николы Мистика он предпринял очередную попытку обратить осетин в христианство. Никола Мистик попросил следующего абхазского царя Гиорги II самого назначить осетинского архиепископа. Именно Гиорги II превратил церковь в Чкондиди (по-мингрельски «великий дуб»), построенную в VII веке на развалинах храма, где язычники совершали человеческие жертвоприношения, в самый известный собор Западной Грузии. Под руководством абхазского царя грузины крестили осетин и черкесов и строили церкви.

То, чего боялся Гиорги II, сбылось: его сыновья боролись за престол. Деметрэ III первый унаследовал власть и сослал младших братьев Теодоси и Баграта в Константинополь. Теодоси сговорился с мятежными феодалами из Картли, Месхи и Абхазии, вернулся в Абхазию и попытался захватить власть. В борьбе участвовали еще правители Тао и кахетинский хорепископ. На время Деметрэ согласился уступить брату власть, но в 975 году он выколол ему глаза. Слепой Теодоси III царствовал еще три года, но его слепотой воспользовались кахетинцы, чтобы вторгнуться в Картли.

Если в IX веке Абхазия оказалась самой стабильной из грузинских земель, а Кахетия самой богатой, то Тао-Кларджети по праву считалась культурным центром Грузии. Здесь на троне восседали прямые наследники Гуарама III, Степаноза III и Адарнасэ III, иберийских царей, наделенных авторитетом Мцхеты и Тбилиси. Для арабской конницы Тао-Кларджети с ее узкими ущельями и страшными крепостями вроде Одзрхе была недоступна. В относительном спокойствии в Тао-Кларджети развивались культурные центры, монастыри Опица, Зарзма, Хандзта. Хотя многие образованные грузины давно бежали за границу, на Синай или Афон, а самые талантливые генералы уже служили в византийской армии, в Тао-Кларджети осталось достаточно талантов, чтобы заново построить государство.

Главная причина возрождения Тао-Кларджети – вливание свежей крови. Дочь Гуарама III вышла за беглого армянина Васака Багратуна, по некоторым версиям – сына Ашота III, Ашота Слепого (690–762), армянского царя, признанного халифатом, а потом свергнутого и ослепленного феодалами из рода Мамиконян. (Некоторые историки утверждают, что грузинские Багратиды происходят не отсюда, а от уже существовавших иберийских Багратидов: во всяком случае, прозвище Багратион (Багратун), вероятно, иранского происхождения.) После 807 года у Васака и его грузинской жены родился сын Адарнасэ I, который потом унаследовал Кларджети и Джавахети вместе с Джуаншером и Михрандухт, детьми замученного святого Арчила. Адарнасэ выдал свою дочь Латаври за своего соправителя Джуаншера, разгневав тем самым мать Джуаншера, вдову Арчила. По всей вероятности, она была возмущена не союзом с армянскими Багратунами, а единокровностью новобрачных (Латаври приходилась Джуаншеру племянницей – дочерью двоюродного брата). Багратуны-Багратиды, очевидно, считали, что их церковные запреты на инцест не касаются. трактат *Об управлении империей* Константина VII («Порфирородного») объясняет: «Должно знать, что ивиры, а именно – люди куропалата, похваляясь, утверждают, что происходят от жены Урии, прелюбодействовавшей с Давидом. <...> Поэтому мегистаны ивилов беспрепятственно берут в жены своих родственниц, полагая, что соблюдают древнее законоположение».

Как будто в наказание за инцест, Джуаншер и Латаври детей не имели, и в 813 году вся Кларджети-Джавахети перешла в руки брата Латаври и сына Адарнасэ, Ашота Великого (теперь Святого), первого Багатида с титулом «иберийский *куропалат* ». В начале своего царствования Ашот спасался от арабов и искал протекции у византийцев, но у озера Паравани в Шавшети, в Западной Кларджети, он сумел за себя постоять: обезлюдевшая, чумная Шавшети стала вотчиной Ашота Великого. Здесь он очутился ближе к дружеским византийцам и к армянским княжествам, владениям его родственников Багратунов. По мужской линии Гуарамиды (династия Гуарама III), Хосроиды (династия Арчила) и Нерсэниды (династия Нерсэ) выродились. Поэтому Ашот решил закрепить свое мнимое право на Картли, но встретил сопротивление тбилисских эмиров Исмаила ибн Шу'айба, Мухаммеда ибн Атаба. Тем не менее, поскольку Ашота поддерживали Византия и абхазский царь Теодоси II, за которого он отдал свою дочь, он мог с уверенностью заселять свои земли пришельцами и расширять территорию. Скоро он управлял значительным царством, от только что отстроенной укрепленной столицы Тао-Артануджи, которая давала доступ через перевалы к Черному морю, вплоть до тех частей Картли, которыми не владел тбилисский эмир, и до Кахетии и даже Кавказской Албании. Ашот также стал хозяином торговых путей, связывающих Трабзон с Восточной Грузией и с Арменией. Теперь его владения назывались *самтавро* («княжество»), и собственные епископы называли его *мене* («царь»). В 818 году

Ашот столкнулся с тбилисским эмиром Исмаила ибн Шу'аиба, который тогда бунтовал против Багдада. Благодарный халиф признал Ашота «князем» Иберии и принял его сторону против кахетинцев. Но арабская милость была коварна, и когда армянский *вали* Халид ибн Йазид отстоял свои бывшие права над Восточной Грузией, Ашота оттеснили назад к Тао-Кларджети. В 826 или в 830 году Ашота убили феодалы, возможно подкупленные арабами, на алтаре вблизи слияния рек Чорох и Цхенисцкали (по другим источникам, в Гардабани, в Южной Кахетии).

Ашот Великий построил в Тао-Кларджети столько монастырей и церквей, что страна, естественно, испытывала сильное церковное влияние. *Житие Григола, аббата Хандзтского*, написанное Гиорги Мерчуле, ясно показывает, до какой степени церковь влияла на временную власть: «Но дьявол сбил властителя с праведного пути: он привел в крепость распутную женщину, с которой грешил, так как демон любви очень разжигал его. Его нрав прежде этим не отличался, но злой грех одолел его. Услышав о таком растлении души, блаженный Григол сильно огорчился. Старец святой Григол был признан церковью и почитаем и Богом, и людьми и пользовался репутацией чудотворца. Царь обратился к нему и имел с ним беседу, после которой дал обет оставить грех и отослать женщину туда, откуда он ее привел».

Ашот допустил и политическую ошибку: он завещал княжество всем троим сыновьям. Второй сын Баграт I (ц. 826–876) получил, вероятно от византийцев, престижный титул *куропалата* и управлял районом Кола и большей частью Тао, уже включавшей часть Анатолии и поэтому составлявшей стратегическое ядро ашотовских владений: в будущем наследники Баграта I могли серьезно претендовать на всегрузинский престол. Старший сын Адарнасэ II (ц. 826–869) считался великим князем (по-грузински *ериставт-еристави*) и управлял столицей Артануджи, провинциями Шавшети и Западной Кларджети, где Ашот начинал свое правление. Младший сын Гуарам (ц. 826–882) владел севером: Самцхе, Джавахети и Триалети (в Западной Иберии): ему пожаловали самый скромный титул *мампали* («правитель»).

Как только Ашот умер, арабы захватили картлийские земли его наследников и потребовали, чтобы все трое сыновей платили налоги на остальное имущество. К тому же тбилисский эмир начал сеять раздор между братьями. Баграт поступил крайне хитро: он заключил союз с генералом халифата, Халилом ибн Йазидом, против тбилисского эмира Исхака и кахетинцев; в 842 году ему пожаловали титул «князя картлийского», но, когда эмир одержал победу, титул отобрали. В 853 году Баграт поддержал Бугу Турка и еще раз завоевал Картли, но его изгнал абхазский царь Деметрэ.

Из трех сыновей Ашота Великого больше всех повезло Гуараму *мампали*. В 880 году он похитил Габулоца, последнего эмира-Шайбанида в Тбилиси, заковал его и отправил в Константинополь. За такой трофеей ему присудили Западную Картли (Триалети) и Джавахети. Женившись на сестре армянского царя Ашота V, Гуарам приобрел территорию и в Армении. Тем не менее история помнит только альтруизм Гуарама: он дарил землю братьям и своему армянскому шуруну; он передал Кддекари, главную крепость Триалети, феодалу Липариту Багвашу под суверенитетом будущего Давита I *куропалата* (своего племянника и сына Баграта). Таким образом, Липарит Багваш, который уже владел Аргвети на границах Абхазии и Картли, стал опасным и мощным. То, что Гуарам сделал не сына, а племянника верховным правителем Триалети, глубоко оскорбило старшего сына, Насри. Сам Гуарам, очень набожный, отрекся от всего, что выиграл или отыграл у соседей. Он постригся в монахи, ничего не завещав Насри, который в 881 году попытался захватить Триалети и убить своего двоюродного брата Давита I *куропалата*. (Младший сын Гуарама *мампали* умер до отца, а дочь Гуарама вышла замуж за абхазского самозванца Адарнасэ, а потом за абхазского царя Баграта I, казнившего ее первого мужа.)

Из сыновей Ашота Великого первым умер старший, *ериставт-еристави* Адарнасэ II. Он уже заточил свою жену, дочь абхазского царя Баграта I, в монастырь, а его второй сын рано умер. Его удел Тао-Кларджети перешел к двум еще живым сыновьям, Гургену I

(таоскому *куропалату* , после того как в 881 г. Насри убил старшего сына Баграта Давита I) и Сумбату, который взял в свои руки Кларджети.

Гурген I *куропалат* управлял Тао всего десять лет: он умер в 891 году от ран, сразившись со своим двоюродным братом (сыном Давита I), Адарнасэ IV, который сам тогда стал *куропалатом* . До этого Византия считала Адарнасэ слишком молодым, чтобы властвовать. Смертельная ссора Гургена и Адарнасэ была неожиданна: раньше Гурген поддерживал Адарнасэ, и вместе с армянским царем Ашотом они захватили и казнили Насри, убийцу Давита *куропалата* . (Насри сам рисковал жизнью, вернувшись из византийского политического убежища, потому что надеялся на абхазскую поддержку, чтобы отвоевать свои картлийские земли – ведь царь Баграт I приходился ему зятем.) Адарнасэ IV оскорбил Гургена *куропалата* тем, что, подражая армянскому царю Ширака, он присвоил себе царский титул.

Женившись на дочери армянского царя Смбата VIII Багратуна, за десять лет своего правления Гурген смог расширить свои владения. Благодаря счастливому браку сыновья Гургена считались как по отцовской, так и по материнской линии Багратидами, но этой таоской багратидской династии суждено было закончиться через два поколения. Один сын Гургена I, великий князь Ашот *Кухи* («неспелый»), который умер в 918 году, прославился тем, что построил замечательную церковь в Тбети. Там до сих пор стоит его статуя-монумент. Он заказал у Степанэ Тбетского прекрасное житие *Мученичество Микаэла Гоброна*. Заслуга другого сына Гургена, великого князя Адарнасэ III, в том, что его сын Гурген II Великий, который унаследовал престол от Ашота *Кухи* в 918 г., напал на своих двоюродных братьев и зятя и захватил бо2льшую часть Тао, Кларджети и Джавахети, что дало ему возможность финансировать постройку собора Хандзта. Гурген II умер в 941 году: его вдова оказалась первой, и последней, грузинской царицей-воеводой: она довела до конца завоевание своего родного города Артануджи, но ее деверь и зятя отобрали у нее Артануджи, и потомство Гургена II выродилось.

После казни Насри в 888 году и смерти Гургена I в 891 году Византия признала Адарнасэ IV *куропалатом* . Присвоив территорию Гуарама, он провозгласил себя царем и Картли, и Тао-Кларджети, то есть фактически всей Южной и Восточной Грузии. После того как Тао, совместно с Арменией, напали на закавказского арабского *вали* , армянский царь Смбат I в 899 году венчал Адарнасэ IV на царство. Затем оба царя напали на абхазского царя Костанти III, состязаясь в стремлении отхватить у Костанти как можно больше картлийской территории. Их союз развалился, когда растущее влияние Адарнасэ внушило Смбату столько подозрений, что он освободил пленного царя Костанти. В конце концов жадным и безжалостным союзникам пришлось дорого поплатиться. В 914 году сажидский захватчик Абул Касим, совершив набег из Азербайджана, захватил царя Смбата и замучил его, по всей вероятности по просьбе Адарнасэ IV. Затем Абул Касим выгнал царя Адарнасэ из Картли, несмотря на то что раньше Адарнасэ помог Абулу изгнать оттуда Костанти III. Адарнасэ IV опять оказался правителем одной лишь Тао, хотя византийцы позволили ему расширить Таоскую провинцию на юг, почти до Эрзурума. До смерти в 923 году Адарнасэ IV спасался, занимаясь строительством бесчисленных церквей.

Давит II, старший сын и наследник Адарнасэ, претендовал на царское звание, хотя византийцы признавали его даже не *куропалатом* , а *магистром* : его власть простиралась только на Нижнюю Тао и на Джавахети. Младший брат Ашот II стал *куропалатом* и владел Кларджети, где он превратил монастыри Хандзта и Опиза в знаменитые скриптории⁴⁴. Когда в 937 году Давит II умер, Тао-Кларджети и претензии на часть Картли перешли к брату, Сумбату I, ставшему *куропалатом* только в последний год жизни, после смерти Ашота II в 954 году. В 958 году Баграт II, сын Сумбата I, унаследовал все отцовские титулы, кроме *куропалатства*: когда он пришел к власти, ему был только 21 год, и всю жизнь его звали Баграт *Регвени* («простодушный»).

44 Djobadze W. Early Medieval Georgian Monasteries in historic Tao, Klarjeti and Shavsheti. Stuttgart, 1992.

Вместо Баграта *куропатом* стал его двоюродный брат Давит III Таоский (внук Ашота II и правнук Адарназ IV). Рожденный в 930-х годах, Давит III унаследовал в 966 году таоский престол от «простодушного» Баграта, стремительно поднялся из незначительной ветки багратидского племени и стал славным Давитом Великим, благодаря своим войскам, которые выручили грозного императора Василия II Болгаробойцу и отвоевали византийскую Анатолию у восставшего генерала Варды Склира. Вместе с армянско-византийским генералом Вардой Фокой император Василий с трудом выманил грузинского *церостратига* (монаха-военного) Иоанэ Торникэ из иберийского монастыря на Афоне, чтобы тот убедил Давита III, что Варда Склир представляет смертельную опасность не только для империи, но и для Южной Грузии. Генерал Варда Фока, Давит III, Иоанэ Торнике и Пери Джоджик, во главе двенадцатитысячной грузинской конницы, а также византийской и армянской пехоты, разгромили Варду Склира в Панкалийской битве (недалеко от сегодняшнего Кайсери), заставив его искать спасения у мусульман. (Надписи древесным углем на стенах церкви Зарзма в Самцхе гласят, что церковь построена Давитом III, но строителей забрали сражаться с Вардой Склиром.) Благодарные византийцы поэтому признали Давита III *куропатом*, и император пожаловал ему пожизненное, если не наследственное владение «верхними землями» – то есть Южной Тао вплоть до Карну-Калаки (сегодняшнего Эрзурума) и до источников Евфрата, Аракса и Чороха. Иоанэ Торнике император разрешил оставить за собой и передать иберийскому монастырю на Афоне все то, что он награбил в этих «верхних землях».

К несчастью, Давит возобновил союз с генералом Вардой Фокой именно тогда, когда тот сам поднял восстание против императора (в начале Фока сотрудничал с бывшим врагом Склиром, а потом заточил своего союзника в тюрьму и действовал один). Очень скоро Варда Фока завоевал всю анатолийскую часть Византии: поэтому Давиту III показалось разумным вступить в союз с Фокой и послать ему 10000 солдат. В 989 году Фока потерпел поражение, и его союзников ожидала месть императора Василия. Давит III спасся, дав императору клятву, что после смерти завещает все свои владения Византийской империи. До сих пор не ясно, завещал ли он только ту Верхнюю Тао (включая армянские княжества и мусульманские эмираты до озера Ван и реки Аракс), которую благодарная Византийская империя уступила ему, или Василий II толковал это обещанное завещание как возврат всей Тао-Кларджети в империю после смерти Давита. (Может быть, это «завещание», которое упоминает только один арабский историк XI века, Яхья Антиохийский, но о котором умалчивают армянские и грузинские летописцы, является фальсификацией.) В любом случае, будто закрепляя сделку, в 990 году Василий II еще раз пожаловал Давиту *куропатство*.

Пока он еще владел и Верхней, и Нижней Тао, Давит III богател от пошлин на торговый путь, пролегающий через его земли из Армении в Трабзон. Доходы он тратил на города, крепости, монастыри и церкви, например Ишхани, Ошки, Тбети. Почти на каждой горе в сегодняшней турецкой провинции Артвин есть развалины собора или монастыря, построенных Давитом III. Археологи считают, что в Тао-Кларджети, на общей территории площадью 10000 квадратных километров, до 1000 года было построено около 300 церквей, монастырей и крепостей, не говоря уже о бесчисленных мостах, больницах и караван-сараях, которые почти бесследно исчезли⁴⁵. Каменщики у Давита были настоящими мастерами, строившими стены так, что не было видно скрепляющего их цемента. Знаменитая церковь Ошки была подобием константинопольской Айя-Софии в миниатюре, не только архитектурой (новой формы *триконха*) и материалами (алебастровыми окнами), но и использованными ресурсами: судя по надписям, на стройку ушло целых десять лет и она обходилась ежегодно в 20000 драхм, 5000 амфор с вином, 250 телег с зерном; в работе участвовало 70 каменщиков и кузнецов, 80 чернорабочих, 30 волов и 30 ишаков⁴⁶. К таким

45 Djobadze W. Op. cit.

46 Ibid.

соборам, как Ошки, пристраивали семинарии, где готовили ученых монахов. Тао-Кларджети стала духовным центром Грузии, у нее появилось собственное Министерство иностранных дел: например, в 937 году ишханского архиепископа Степанэ помазали не в грузинской церковной столице Мцхета, а в Трабзоне. К 950 году, когда грузинские монашеские центры за рубежом получили не только всегрузинское, но и мировое культурное значение для православных, Иоанэ и Эквтимэ основали Иверский монастырь на Афоне. Именно оттуда Давит III заказывал переводы главных греческих религиозных текстов на грузинский.

Давит сделал Артануджи (сегодняшний город Ардануч, в тридцати километрах на восток от Артвина) настоящей столицей. Со времен Сасанидов, он стал первым грузинским правителем, который чеканил монеты (на аверсе было написано «Христе, помилуй Давита», на реверсе были изображены крест и инициалы Давита *куропалата*). Наконец Давит завершил процесс объединения Грузии, но нечаянно. Так как детей у него не было, он посоветовался с влиятельным картлийским феодалом Иоанэ Марушидзе, который, как и Давит, мечтал о единой Грузии. Марушидзе убедил Давита, что тот должен найти наследника и для себя, и для Внутренней (*шида*) Картли, не то страна будет раздроблена феодальной знатю и соперничающими государствами, Абхазией, Кахетией или Тбилисским эмиратом. В 975 году Давит III усыновил своего племянника, пятнадцатилетнего Баграта, будущего царя Баграта III. Молодой Баграт был сыном Гургена (который сам в 994 году провозгласит себя «царем царей», *мепет-мепе*); его матерью была Гурандухт, княгиня Абхазская; деды – абхазский царь Гиорги II и Баграт II Простодушный, который был еще жив и являлся титулованным картлийским царем и правителем Северной Тао. Давит увез молодого Баграта вместе с его родителями Гургенем и Гурандухт в крепость Уплисхихе, которую осаждали кахетинцы. Кахетинцам стало ясно, что вся Западная и Южная Грузия объединились против них: и они покорно приняли объявление Давита, что Баграт «есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын, воспитанный мною, а я являюсь его руководителем и помощником», и отступили в Кахетию. Но через некоторое время картлийские и кахетинские феодалы еще раз заняли Уплисхихе и увезли Баграта, Гургена и Гурандухт в Кахетию. Давиту пришлось вернуться и принять решительные меры. Уже в 980 году молодой Баграт вел свои войска через перевалы в Северо-Западную Картли: на битве Могриси он разгромил содружество *азнауров* , которыми руководил Кавтар Тбели, известный буйным своеволием. Часть *азнауров* погибла, часть сбежала, остальных лишили доходных уделов и мест. Баграт назначил других, более верных феодалов правителями Картли, освободил мать от царских обязанностей в Уплисхихе и увез ее с собой в Кутаиси.

Давит действовал так решительно, чтобы Баграт смог унаследовать и абхазский престол. По матери Гурандухт молодой Баграт приходился племянником и наследником слепому и бездетному абхазскому царю Теодоси III. В 975 году, пока Теодоси еще был жив, Давит пригласил армянского царя Смбата Багратуна сопровождать его, Баграта и Гурандухт в Кутаиси, где Баграта торжественно помазали на абхазское царство (хотя Теодоси не переставал называться царем, его сослали в Тао на три еще остававшихся ему года).

Баграт оказался не по летам прозорливым и беспощадным до такой степени, что Давит жалел, что усыновил его. В 989 году Давит даже подозревал, что Баграт, теперь уже тридцатилетний абхазский царь, замыслил нашествие на Тао и убийство приемного отца. Мнительного Давита успокоило только личное уверение Баграта, что на самом деле тот посылал армию не в Тао, а в Картли, чтобы осадить крепость Клдекари и покорить мятежного феодала Рати (сына бедокура Липарита). В любом случае Давит уже принял меры и разгромил армию, посланную в Клдекари Гургенем (настоящим отцом Баграта): на несчастного Гургена набросились собственный отец (Баграт II) и брат, и ему пришлось искать убежища в крепости Шхеви в Эгриси. Не зря Давит подозревал молодого Баграта в измене: Баграт вел свою армию не на восток, а на запад (чтобы обмануть Рати, объяснял он): возможно, что император Василий II подкупил Баграта, чтобы наказать Давита за предательство в отношении империи. Однако Рати Багваш сконцентрировал столько власти в Центральной Картли, что серьезно угрожал соседям. Баграт закончил тем, что обессилил

племя Багвашей, пусть и ненадолго, сослав Рати с семьей в родную провинцию Аргвети. Вместо Рати, Баграт назначил верного Звиада Марушиани князем Триалети.

Баграт II, дед молодого Баграта III, помог Давиту III и армянским войскам лишить курдских и азербайджанских эмиров своих владений. Даже подчинившись императору Василию, Давит III продолжал с жадностью расширять свое княжество, изгоняя мусульман (особенно только что пришедших тюркских кочевников) и заселяя освобожденную территорию грузинами и армянами. Он не брезговал никакими средствами: при осаде Хлата, города с армянским населением, но под мусульманской властью, Давит превратил армянскую церковь в конюшню и штаб: даже мусульманские власти были оскорблены, услышав, что Давит считал, что монофизитская церковь не лучше, чем мечеть. Тем не менее с армянскими князьями, их соперниками и наследниками Давит III сумел поддерживать хорошие отношения и часто выступал посредником. Например, в 980 году, когда царь Смбат из Ани попытался захватить Карс у племянника Мушега, Давит с миротворческими войсками вмешался в конфликт.

В конце концов завещание-обещание, данное раскаявшимся Давитом императору Василию II, погубило его. Накануне Страстной пятницы 1000 (или 1001) года заговорщики отравили царскую чашу вина для причастия. Кто бы ни нанял убийц – Василий II, Баграт II или даже обозлившаяся картлийская знать, – им надоело дожидаться, когда они завладеют территорией или престолом, завещанным Давитом III. Как только император Василий, зимовавший с армией в Тарсусе, узнал, что Давит умер, он проехал всю Восточную Анатолию, чтобы взять в руки свое «наследство», то есть большую часть Тао. Грузинская и армянская знать сдалась византийцам, но только после кровопролитной ссоры с 6000 русских (тогда известных как «варяги»), наемников византийцев, которые убили тридцать грузинских феодалов за украденный фураж.

Завещание Давита III в пользу императора Василия было оспорено Багратом II, но император уступил обделенному наследнику – приемному сыну лишь титул *куропалата*. Отец Баграта Гурген, *магистр* в Северной Тао, попытался отнять у императора захваченную территорию: в 994 году, за шесть лет до убийства Давита, Гурген *магистр*, будучи наследником Баграта Простодушного, до того зазнался, что провозгласил себя «царем»; Гурген еще решил назначить себя регентом своего сына Баграта в Картли, а когда Баграт стал в 978 году абхазским царем, Гурген вел себя, как будто он уже соправитель Картли, конфликтуя с необузданной картлийской знатью. Гургеном двигало оскорбленное самолюбие: он не мог забыть унижения, которое ему нанесла Византия, произведя его сына Баграта в *куропалаты*, а его назначив всего лишь *магистром*, и в 1001 году он спровоцировал византийцев, осадив Олтиси, но был отбит генералом Никифором Ураном. К несчастью, таоские феодалы, среди которых был Пери Джоджик, любимый генерал Давита III, связали свою судьбу с византийцами, которые наградили их имперскими землями и чинами; к тому же мусульманские эмиры, например Мумаид ал-Даула из Апахуника, который сильно пострадал от нападков Давита, тоже поддерживали византийцев против Гургена. Конфликт кончился тем, что император Василий занял крепость Хавачичи в Южной Тао, куда он вызвал Гургена. Император уступил символическую территорию и восстановил на десять лет мир между Византией и обиженными грузинами.

Сам Баграт терпеливо ждал, пока его отец Гурген не умер в 1008 году, и только тогда провозгласил себя царем Западной и Центральной Грузии – Картли, Тао-Кларджети, Абхазии-Эгриси. За это время Тао-Кларджети расцветала, благодаря византийской оккупации: Василий II опекал города и церкви, например заплатив вместе с братом Константином VIII за новую крышу для собора в Ошки. К тому же императоры охотно назначали грузин и армян, например самого Пери Джоджика, губернаторами вновь присоединенных земель.

После смерти Гургена в 1008 году никто не оспаривал прав Баграта III на престолы Тао-Кларджети, Картли или Абхазии. Идея объединенной Грузии показалась осуществимой. Кахетия и Эрети неизбежно в конце концов сдадутся, и только тбилисский эмират еще влачил

существование. (С 970 года было еще одно маленькое царство, Лоре, или Ташир-Дзордзоргети, на границе Армении и Южной Картли: там правила династия Квирикэ I, как называл себя некий Гурген, сын ширакского царя Ашота III. Лоре удалось отхватить часть Тбилисского эмирата и даже чеканить свои монеты, но ее политика зависела целиком от Давита III в Тао и от следующих всегрузинских царей, и через сто лет Лоре волилась в единое Грузинское царство.)

Точно так же, как сегодня Китай терпит Гонконг, несмотря на напоминания, как страну унижали иностранцы, так и грузинские цари терпели Тбилисский эмират, хотя власть халифата давно ослабла. Арабские путешественники с восхищением вспоминают эмират, особенно под властью джафаритских эмиров 880-х годов с гораздо более передовыми, чем в любой другой стране Закавказья, правосудием, полицией, чиновничеством, таможней, блюстителями нравственности и городским управлением. Важность Тбилиси как центра торговли перевешивала неловкость оттого, что бывшая столица страны все еще находилась под чужой властью. Город удивительно быстро оправился после того, как Буга Турок перебил половину населения. К 1000 году население Тбилиси составляло около ста тысяч человек, почти столько же, сколько в Париже или Самарканде. Его «лимонообразные» бани подогревались горячими источниками; через Куру был переброшен понтонный мост; эмир чеканил серебряные дирхамы, которые находились в обращении по всей Грузии. Судя по надписям на стенах, отмечающим нашествие Буги Турка, христианский собор все-таки остался открытым. На левом берегу Куры жила мусульманская знать со своей крепостью; на правом берегу – грузинские мещане со старшинами и собором. Для торговцев X века недостатками Тбилиси были ужасные дороги в Картли и в Армении, по которым приходилось проезжать земли неверных, пока не доберешься до этого островка суннитского мусульманства⁴⁷, и встречи на улицах с женщинами без вуали и без сопровождения. Ибн Хаукаль – арабский географ и путешественник X века из Багдада – так описывает свое пребывание в 977 году⁴⁸: «В Тифлисе – плavучие мельницы, на которых мелют пшеницу и зерновой хлеб. Жители Тифлиса отличаются радушием и очень пекутся о безопасности иностранцев, они питают дружеское расположение ко всякому, пришедшему к ним случайно... Они придерживаются веры приверженцев сунны... Тифлис, в отличие от Армении, целиком мусульманский город... Гость не может провести ни одной ночи дома [*так щедро гостеприимство*]». В любом случае Баграт III и его наследники еще не были в состоянии завоевать эмират, несмотря на то что халифат в Багдаде уже не интересовался этим аванпостом. Арабский Тбилиси был не только источником коммерческого процветания, он служил защитой против притязаний картлийской знати, например Багвашей. К тому же нападение на эмират могло повлечь за собой стычку с другими мусульманскими эмиратами, с которыми Грузия была не в силах воевать.

5

Объединение

Новое десятилетие в Грузии с самого начала обнадеживало всех: десять мирных лет, энергичный, молодой, неоспоримо законный царь, вновь обустроенные города, процветающие сельское хозяйство и культура. Народы Грузии, по-видимому, одобряли единое самодержавие. Язык обогащался арабскими и армянскими заимствованиями: *калаки* (город), *убани* (пригород), вытеснили старое *цихе* (крепость), отражая ускоренный процесс урбанизации. Города, раньше центры для паломников или беженцев, становились центрами торговли и ремесел. Купцы объединялись в гильдии под руководством *вачартухуцеси* (главного купца). Возникли новые города: на юге Ахалкалаки и Ахалцixe («новый город»,

47 СМОМПК 29, 1–73.

48 СМОМПК 38, 1–130.

«новая крепость»); на востоке – Телави. В Абхазии-Эгриси старые столицы, например Цихегуджи, уступали место Кутаиси, Сухуму (тогда Цхум) и Анакопии. Развивалась новая промышленность: Тбилиси и Рустави прославились стеклом и глазурью; крепость Дманиси превратилась в фабричный город, производящий стекло, сырой шелк и ткани. Нижняя Картли, Сванетия и Аджария славились чугуном и булатом. Благодаря арабам, которые ввели *гутани*, глубокорежущую железную соху, которую тянули восемь или даже шестнадцать волов, крестьянам приходилось сообща владеть тягловым скотом (*гутани* пахали в Грузии до середины XIX века). Крестьяне также занимались шелководством, одевая господ, или пчеловодством, производя церковные свечи и мед. Феодализм пускал глубокие корни, личная свобода низших слоев ослабевала, производство росло. Политическая и экономическая стабильность, новые центры для молитвы и науки, не говоря уж о доходных земельных участках, принадлежащих церкви, привлекали грузинских монахов и ученых с Афона, Синая, из Антиохии и Иерусалима на родину, где они слагали гимны и жития. В Кутаиси Баграт III чеканил монеты, которые провозглашали его политические цели: на аверсе было написано по-грузински «Христос, возвеличь Баграта, абхазского царя» и по-арабски «Нет Бога, кроме единого Бога», а на решке «Мухаммед пророк Бога»⁴⁹.

Баграт начал царствование с усмирения таких мятежников, как Рати Багваша. Баграта поддерживали не только мать Гурандухт, вдовствующая царица Абхазии, но и картлийский князь Звиад Марушиани (феодалы Марушиани, в отличие от остальной картлийской знати, одобряли централизованную монархию: именно Иоанэ Марушисдзе убедил таоского царя Давита III усыновить Баграта и таким образом объединить две главных царских семьи). Ключевым помощником царя оказался им же в 1001 году назначенный патриарх всей Грузии, Мелхиседек I, который заменил иберийского католикоса Симеона III. Баграт решил, что церковной столицей будет Бедия в Абхазии, но все-таки, как только страна успокоилась, разрешил Мелхиседеку в 1011 году восстановить патриархию в ее первоначальном центре Мцхете. Затем Мелхиседек поехал в Константинополь, чтобы еще раз утвердить автокефалию грузинской церкви, символом чего явилась реконструкция церкви Живого Столпа в Мцхете⁵⁰. (Эта поездка, вероятно, состоялась около 1022 года, когда на время утих конфликт между императором Василием II и грузинским царем Гиорги I.) Баграт заказал постройку еще нескольких церквей, в особенности чуда средневековой архитектуры – Никорцминды в Раче. В Кутаиси он построил царский дворец, а новый собор на правом берегу Риони стал самым великолепным зданием Грузии. Длинной в сорок пять метров и шириной в тридцать пять он представлял собой увеличенную копию церкви в Ошки, построенную таоским царем Давитом III. (Это здание является первым в Закавказье, где год постройки отмечен арабскими цифрами.) На торжественное открытие собора приехали многочисленные грузинские и иностранные знаменитости. На камнях фундамента есть только имена Баграта и Гурандухт, хотя еще одна надпись просит, чтобы Христос «много увеличил могущество Баграта», и упоминает всю его ближайшую родню. Мы также видим только имена Баграта и Гурандухт на золотом алтарном потире, подаренном патриаршему собору в Бедии.

После смерти Гургена *магистра* Баграт продолжил дело объединения, вторгнувшись в Кахетию и Эрети. (Вполне возможно, что он уже предпринял попытку вторжения в 1003 году, так как рукопись этого года из Шаори близ Ткибули кончается колофоном, отмечающим, что именно в этом году разорили Кахетию.) Но первый раз Баграт воевал в 1010 году против кахетинского хорепископа Давита; через год Давит умер, и хорепископом стал Квирикэ III Великий, который провозгласил себя царем Кахетии и Эрети. (В монастыре Зедазени есть барельеф, изображающий Квирикэ III, заключающего мирный договор с осетинским

49 Pakhomov E. A. Monety Gruzii. Tbilisi, 1970; Lang D. M. Studies in the Numismatic History of Georgia // Transcaucasia. N. Y.: The American Numismatic Society, CXXX, 1955.

50 Какабадзе С. С. Грузинские документы в собрании ленинградского отдела Института востоковедения. М., 1987, № 6 (Дотации Мелхиседека и императора Василия Мцхете).

правителем Урдурэ.) Штаб Баграта находился в Мцхете; кахетинцы сдавали крепость за крепостью, но два года отбивались от Баграта III, пока не признали его суверенитета. (У Квирикэ III Баграта все-таки не отнимал царского титула.) Арранский (кавказско-албанский) эмир Фадл I ибн Мухаммад, увидев бедственное положение Кахетии и Эрети, напал с востока, но Баграта вместе с армянским царем Гагиком I завоевал Шамкор, столицу эмира, и сделал его своим вассалом.

Баграта III отличалась беспощадностью, энергией и везением. Даже когда бушевала война с Кахетией, он улучил время, чтобы съездить в свою таоскую крепость Панаскерт, куда вызвал двух своих троюродных братьев, кларджетских князей Сумбата и Гургена, для «совещания». В Панаскерти братьев с детьми арестовали, перевезли за сто пятьдесят километров через горы и заточили в Тмогви – новой крепости на верхней Куре. Сын Сумбата, Баграта, и сын Гургена, Деметре, сбежали к византийцам, а самих Сумбата и Гургена убили. После искоренения кларджетских Багратидов у наследников Баграта больше не было соперников. На всякий случай Баграта потом заказал себе родословную «Диван абхазских царей», доказывающую, что он – законный наследник трехсотлетнего абхазского царского рода Анчаба. Следующее его сочинение было «Свод законов Баграта», который впервые составил список всех преступлений против личности, от оскорбления до убийства, и денежной кары за каждое преступление. (Из всех царей по имени Баграта от 1000 до 1400 г. именно Баграта III считается вероятным заказчиком этого свода.)

Баграту было всего пятьдесят два года, когда 7 мая 1014 года он умер именно в Панаскерти, куда заманил своих обреченных троюродных братьев. Верный придворный Звиад Марушиани увез его тело на север, чтобы похоронить Баграта в Бедийском соборе. О семье Баграта мы знаем мало. О жене Марте, которая играла меньшую роль в правлении, чем его мать Гурандухт, мы знаем только, что она родила ему двух сыновей, наследника Гиорги I и Басилэ и что она, вероятно, умерла раньше мужа. За короткое время Баграта достиг большего, чем даже Вахтанг Горгасали пятьюстами годами ранее. Грузия наконец стала единой, с сильной центральной властью и свободной от иностранного господства. Конечно, Баграта свершил этот подвиг только благодаря тому, что Византийская империя была озабочена болгарской угрозой и что новая волна тюркских кочевников отвоевывала халифат у арабов.

Гиорги I, как и его отец, был ребенком, когда пришел к власти (в средневековой Грузии шестнадцатилетний подросток считался взрослым). Как только Баграта III умер, царство его стало расшатываться: Квирикэ III опять объявил себя суверенным царем Кахетии и Эрети, хотя продолжал поддерживать остальную Грузию против внешних врагов. Гиорги начал неудачно, поссорившись с советником отца Звиадом Марушиани и арестовав его. Поэтому мятежные Багваши опять подняли голову. Хотя Гиорги вернул Триалети Липариту (внуку того Липарита, которого Баграта лишил этого удела), молодой Багваш сбросил маску преданного феодала и проявил наследственные жадность и честолюбие.

Вступив на престол, Гиорги нанес внешнему врагу удар в самой уязвимой точке, в Южной Тао. Четыре года подряд он побеждал, отвоевывая у византийцев ранее уступленные им крепости. Но в 1018 году император Василий II уже подавил болгар и смог предъявить грузинам ультиматум. Гиорги отказался от переговоров: он завербовал египетского Фатимида султана ал-Хакима, который взялся атаковать византийцев на море и на суше. Но султан скоропостижно умер, и атака не состоялась. Затем Гиорги обратился к армянскому царю Гагику, которого, вместе с другими армянскими царями, византийцы в 960-х годах тоже лишили территории. Гиорги был тесно связан с Арменией: его первая жена Мариам была дочерью царя Сенекерима II Арцруна из Васпуракана, и он дружил с ширакским царем Ованэ-Смбатом, который был обязан своим престолом грузинскому посредничеству.

Наконец, в 1021 году император Василий собрал огромную армию, чтобы овладеть всей территорией, когда-то принадлежавшей таоскому Давиту. Нападение застало Гиорги врасплох: от первой конфронтации в Басиани (в Южной Тао) он отступил в крепость Олтиси, которую поджег, чтобы византийцы не могли ею воспользоваться. Потом император

разгромил тыл грузинской армии у озера Чылдыр и гнал грузин вплоть до Триалети, сжигая и грабя все по пути. В Триалети, с кахетинской поддержкой, армия Гиорги смогла сплотиться. Император заставил армянских союзников Гиорги сдаться: Ованэ-Смбат дал византийцам клятву верности, а Сенекерим завещал свое царство империи, взамен назначения губернатором своего бывшего царства. Тем не менее Василий II временно отступил, чтобы перезимовать в Трабзоне на берегу моря.

Весной следующего года византийский флот штурмовал грузинские гавани на Черном море: Гиорги согласился на мирный договор. Ему показалось, что он будет спасен неожиданным переворотом: Никифор, сын мятежника Варды Фоки, с помощью грузинского генерала Андроникэ (который приходился Гиорги шурином, а Пери Джоджику, генералу Давита III, – сыном) организовал заговор против императора. Заговорщиков предали и казнили, и Василий воевал дальше, захватив у Гиорги не только Тао, но и Кларджети, Колу и Джавахети. Византийцы объединили эти провинции вместе с захваченными армянскими землями в новую Иберийскую провинцию и назначили наместником императорского губернатора (правда, грузина по происхождению). Затем Гиорги потерял сына: трехлетнего наследника Баграта, рожденного ему Мариам, взяли заложником на три года в Константинополь.

В 1024 году Гиорги еще раз попытался отобрать потерянную территорию. На этот раз он воспользовался дипломатическими средствами, но вдруг заподозрил в двурушничестве своего уполномоченного, епископа Закарэ Валашкертели, и запретил ему возвращаться из Константинополя. (Закарэ в ссылке занимался заказами рукописей для грузинских церквей.) Затем Гиорги прибег к военным мерам. С помощью византийского губернатора Васпуракана Никифора Комнина, чьи родственники вскоре узурпируют византийский престол, Гиорги отвоевал Триалети и Джавахети. Василий II умер в 1025 году, и его брат Константин VIII сразу выслал карательную экспедицию. Константин прозевал, однако, похищение молодого заложника Баграта, которого грузинские посланники тайно забрали домой. Гиорги еще не исполнилось тридцати лет, когда 16 августа 1027 года он неожиданно умер во время этой затяжной войны. Грузия оказалась беззащитной: враги нарушали границы, а запутанная семейная жизнь Гиорги осложнила престолонаследие. Судя по всему, он развелся с Мариам, которая родила ему одного сына и трех дочерей (из этих дочерей одна, Гурандухт, стала наложницей похотливого императора Константина IX Мономаха). Сама Мариам стала игуменьей, когда Гиорги женился на осетинской княжне, Алдэ, которой он подарил дворец в Анакопии на берегу моря. Алдэ, как член осетинской царской семьи, вряд ли была простой наложницей: византийские летописцы считают ее дочерью союзника империи, которой император определил уделом Анакопию, так как по завещанию Гиорги она была совершенно обездолена. Алдэ родила Гиорги сына Деметрэ, которого феодальная знать выдвинет на престол в попытке свергнуть следующего царя, Баграта IV.

Когда Баграт IV унаследовал престол, его мать Мариам вышла из монастыря, чтобы помогать ему и давать советы. Как его отец и дед, Баграт IV начал царствовать еще мальчиком. Его помазали в великолепном таоском соборе Бана⁵¹, построенном Адарнасэ в конце 800-х годов именно для царских коронаций и похорон. Как и дед, но в отличие от отца Баграт мог доверяться матери, способной давать деловые советы: она была и дочерью, и вдовой царей. Мариам оказалась незаурядной советчицей и дипломатом, легко справляясь с феодалами, особенно с Липаритом IV Багвашем, с которым на время ей приходилось делить регентство над мальчиком-царем. Как игуменья, она владела греческим так же свободно, как грузинским и армянским. Она продемонстрировала свои таланты в 1028 году, когда император Роман III напал на Тао и некоторые феодалы и епископы перебежали к византийцам, как и крестьяне, с которыми Византия обращалась намного мягче, чем грузинская знать. (В Кларджети те Багратиды, которых Баграт IV лишил земель, но не успел убить, в особенности Деметрэ Кларджи, который претендовал на престол, естественно,

51 *Djobadze W.* Early Medieval Georgian Monasteries in historic Tao, Klarjeti and Shavsheti. Stuttgart, 1992.

поддерживали византийцев.) Из знати лишь немногие, например Эзра Анчели да Саба из Тбети, остались верными Баграту IV. Императорскую армию остановил Липарит IV в Триалети, а полностью поразили Саба из Тбети в Шавшети. Именно Мариам с регентами добились перемирия: она пригласила всеми уважаемого игумена Гиорги Мтацминдели, который покинул Афон и собрался приехать в Грузию похлопотать о перемирии (и вдобавок преобразовать грузинскую церковь).

Вооруженные стычки помешали приезду Гиорги Мтацминдели, но в 1031 году Мариам сама поехала в Константинополь, чтобы лично договориться о мире с Романом III Аргиром. Ей это удалось блестящим образом: наступил мир, император пожаловал Баграту IV *куропалатство*, и Мариам вернулась домой с гарантией долговечного мира, с девушкой-невестой для сына, Еленой, племянницей Романа. Как только Мариам с Еленой высадились на берег Грузии, императорскую племянницу и молодого царя обвенчали в том же соборе, Бана, где четыре года тому назад его короновали.

К несчастью, через несколько месяцев невеста заболела и умерла. Византийцам больше незначало было дружить с Грузией. Императорский флот захватил Анакопию, где жил Деметрэ, сводный брат Баграта IV, с матерью, осетинской княгиней Алдэ. Деметрэ с Алдэ (которые, вероятно, боялись – не без причины, – что Мариам и Баграт лишат их жизни) привезли в Константинополь, где они стали марионеточной второй грузинской царской семьей. В последующие двадцать лет византийский двор избегал открытых конфликтов с Грузией, но поощрял всякие заговоры с феодалами, заинтересованными в свержении Баграта IV.

Молодой Баграт IV скоро опять женился, на этот раз на Борене, сестре будущего осетинского царя Дорголеда. Борена родила ему наследника, будущего Гиорги II, и дочь, которая будет оберегать Грузию от византийских претензий, выйдя замуж (под именем Марии Аланской⁵²) за императора Михаила VII Дуку. Два стратегических брака, Баграта IV, а потом Марты, вселили в грузин новый оптимизм: в 1032 году церковь Ишхани, построенная в 650 году беглым армянским патриархом-диофизитом Нерсесом III, и расширенная грузинами в 830 и 954 годах, превратилась в настоящий собор, как и тбетская церковь, знаменитая своей суровой каменной скульптурой, изображающей кларджетского Ашота Великого.

Оптимизм подорвали, однако, феодальные клики. В 1032 году Липарит IV Багваш и Иване, один из пятерых братьев Абазасдзе, вторглись в Тбилисский эмират и захватили не только нового эмира Джаффара III ибн Али, но и крепость Биртвиси, которая охраняла Тбилиси с юга. Феодалы доставили пленника к Баграту и Мариам, но царь и его мать спохватились, что Липарит и Абазасдзе, ставшие слишком мощными, представляли угрозу куда как более опасную, чем просто корыстный тбилисский эмир. Царь вернул Джаффара в Тбилиси. Разъяренный Липарит в последующие двадцать пять лет сделает все от него зависящее, чтобы подорвать царствование Баграта. Липарит не сразу раскрыл свои карты: в 1037 году, когда Баграта сочли взрослым и способным командовать армией, царь с Липаритом дружно осаждали Тбилиси. Но в 1040 году, когда эмир собирался покинуть голодающий город, Баграт предложил ему мир в обмен на Парцхиси, южный аванпост эмирата. Джаффар сохранил свой эмират, а Липарит кипел от досады. Если бы он не боялся, что эмир Гянджи пришлет подкрепления в Тбилиси, Липарит послушался бы царя и напал на эмират.

Даже в Тбилиси от мусульманства оставались лишь символические следы. На аверсе монет Баграта IV мы видим Богородицу с греческой надписью, а на решке уже нет арабской надписи: есть только грузинские инициалы, хотя в искаженной форме, что подразумевает, что на монетном дворе еще работали арабские мастера. Баграту IV было выгодно приберечь послушный мусульманский эмират, так как с помощью тбилисского эмира легче было запугивать Кахетию и Эрети. В 1040 году он сжег укрепленный дворец Бододжи в верхней

52 Garland L., Rapp Jr. S. H. Mary of Alania: woman and empress between two worlds // Byzantine Women: varieties of experience / Ed. L. Garland. Aldershot, 2000. P. 89–121.

долине Иори: усыновленный наследник Квирикэ III, Гагик (ц. 1039–1058), назначил Бододжи своей столицей. Кахетинцам пришлось сделать Телави на реке Алазани своей новой столицей. Но Липарит вдруг перебежал к кахетинцам и заставил Баграта отступить, хотя и понимал, что не может победить без византийской помощи. Чтобы уговорить буйного феодала, Баграт назначил его правителем всей Картли: но честолюбие Липарита не было удовлетворено, и завистливые братья Абазасдзе чувствовали себя обиженными.

Не достигнув цели на востоке, на юго-западе Баграт IV воспользовался небрежностью византийцев, оставивших свою иберийскую *фему* в руках наместника грузинского происхождения и войск, состоявших из местного населения. Баграт без труда отобрал у византийцев Тао, отрезав морской путь от Константинополя захватом порта Хопа. Империя ответным ударом послала Липарита-мятежника и Деметрэ-самозванца с наемными варягами⁵³, говорят, под командой будущего норвежского короля Харалда III Хардрады. Усиленные кахетинцами, варяги в Картли одержали победу над Багратом в Сасирети, недалеко от Каспи. (Хронология противоречит летописцам: сасиретская битва состоялась между 1045 и 1047 годами, но Харалд к тому времени, по-видимому, вернулся в Россию.) Затем Липарит вместе с Давитом, «царем» Лоре, византийцами и озлобленными грузинскими феодалами совершили попытку государственного переворота, но все развалилось: самозванец Деметрэ умер в 1042 году, и крепость Атени (на юге от Гори) отбила нападение Липарита.

Повернув на запад, Баграт опередил византийцев, захватив прибрежную Анакопию, но на поле битвы ему сообщили, что умер Джаффар III, тбилисский эмир. Баграт предоставил поле битвы своему абхазскому генералу Отаго Шервашидзе (Чачба). Доскакав до Дигоми, на окраине Тбилиси, Баграт соединился с конницей тбилисских грузинских старшин: вместе они подъехали к дворцу эмира – последнему мусульманскому зданию на правом берегу Куры. Там Баграт поставил царский гарнизон. На левом же берегу мусульмане оказывали сопротивление именно тогда, когда прибыли войска Липарита, который намеревался взять Тбилиси для себя. Армии Баграта пришлось выехать из города, чтобы отбить Липарита.

Липарит был неистощим: в 1047 году он добился поддержки кахетинцев, армян и византийцев и еще раз вторгся в Картли, на время поселившись в Уплисхихе, пока Баграт IV не пошел в контратаку. Липарит уже открыто принял сторону Византии, управляя всей территорией, захваченной византийцами в 1020-х годах, помогая генералу Катаколону Магистру и армянину Весту Аарону защищать иберийскую *фему* от турок-сельджуков. Баграт несказанно обрадовался, когда в 1049 году сельджуки захватили Липарита в плен. Все будто бы наладилось: после столкновения с грузинскими старшинами сыновья Джаффара III, Мансур и Абу'л-Хаиджа, были свергнуты: в 1050-х годах Тбилиси был эмиратом только номинально, а в действительности республикой. Ближайший эмир, Али бин Фадл в Гяндже, не угрожал грузинской власти ни в Тбилиси, ни в Лоре: он сам оказался лицом к лицу с сельджуками и нуждался в союзнической поддержке Баграта.

На юге Баграт наступал не вооруженной силой, а дипломатией: он отправил свою мать Мариам в Армению. Как дочь царя Сенекерима она добилась получения девяти крепостей около Ани и там оставила грузинские гарнизоны. Даже византийцы начали признавать преимущество Баграта и повысили его ранг с *куропалата* до *нобелиссимуса*. Но лавров Баграт пожать не успел: в 1051 году византийцы заплатили выкуп и сельджуки освободили Липарита, который пробрался в Грузию.

Вместе с матерью и придворными Баграт поехал в Константинополь, чтобы прояснить отношения. Пока он был в разъездах, мальчик-наследник, будущий Георгий II, царствовал в Кутаиси. Но поездка превратилась в трехлетнее заложничество, и коварный Липарит уговорил доверчивую царицу Борену, что Баграт больше никогда не вернется. В результате Борена разрешила Липариту перевезти Георгия в Иберию в собор Руиси, где Липарит венчал

⁵³ Met'reveli R., Samushia J. Meper mere Giorgi II. Tbilisi, 2003. P. 20–21 (утверждает, как и другие историки, что варяги сражались на стороне Баграта).

Гиорги на иберийское царство под регентством Гурандухт, сестры Баграта, и себя самого, взявшего роль дядьки нового царя. Борена, должно быть, затосковала: муж был заложником византийцев, а сын марионеткой Липарита; ей приписывают строки, написанные некой Бореной под образом Богородицы в одной сванской церкви:

О Дева, которая смыла вину Евы, сказав Габриэлу:
«Я есмь раба Господня», спаси меня, твою сторожевую,
Многострадальную Борену, бродящую по земле.
Пусть та сила ослабнет, что пили с первой кровью⁵⁴.

Византийцы, естественно, хотели, чтобы Грузия раскололась точно так же, как раскололась Армения, хотя единое сильное грузинское самодержавие против сельджукской угрозы им было бы больше на руку, чем мешанина из сварливых маленьких княжеств. К середине 1050-х годов Византия поняла, в чем состоит выгода: по просьбе Гурандухт они освободили Баграта, но при условии, что его не по чину умная мать останется еще на два-три года в Византии. Мариам ездила по святым местам и монастырям Анатолии: ее с трудом отговорили от поездки в Иерусалим, на который уже покушались сарацины. Византийцы продолжали признавать царство Баграта, к 1062 году называя его даже *севастом*. Липарит тем временем делал вид, что подчиняется: у него были влиятельные друзья среди сельджуков и греков, он решал судьбу наследника Гиорги и сам объявил себя пожизненным царем (*архонтом*) Самцхе, то есть почти всей Юго-Западной Грузии.

Судьбу Липарита предопределило именно это заявление. Местная знать в Самцхе, в особенности Сула Калмахели и его родня, возненавидела наглого выскочку. В 1058 году Баграт без сопротивления арестовал Липарита вместе с сыновьями Иванэ и Няней, повез их в Кутаиси и, лишив самозванца потомственного удела (Триалети), привязал к виселице. Вместо того чтобы казнить мятежника, Баграт сжалился, постриг его в монахи и сослал в Константинополь. Сыновей тоже сослали: Няня умер в Армении, Иванэ, хотя его пустили на исконные земли Багвашей в Аргвети, добровольно поехал в Византию. Из Константинополя Липарит написал Баграту, предлагая отдать царю все владения Багвашей, если только Баграт позволит сыну Иванэ опять поселиться в Грузии. Согласившись, Баграт допустил роковую ошибку.

Упрочив государство, в 1060-х годах Баграт IV мог спокойно обратить свое внимание на культуру. Сопоставление и редактирование легенд и ранних летописей, входящих в *Жизнь Картли* (главного, а иногда и единственного, источника наших сведений), были осуществлены Леонти Мровели, епископом Руиси, при несомненной поддержке царя в 1060-х годах (запись, свидетельствующая о постройке грота епископом Мровели, относится к 1066 г.). В то же время Баграту удалось заманить в Грузию с Афона престарелого Гиорги Мтацминдели, с которым теперь дружила его мать. На Афоне Гиорги превратил Иверский монастырь в такой деятельный центр науки, что завистливые греческие монахи, которые науке предпочитали пассивное созерцание или сельскохозяйственный труд, начали травить «чрезмерно эрудированных еретиков» грузин и выгонять их с Афона. Вернувшись домой, Гиорги взял на себя преобразование грузинской церкви, и Баграт послал его назад в Византию вместе с восьмьюдесятью грузинскими сиротами, которые пополнили бы контингент ученых монахов. (Об этом мы узнаем из латинской редакции *Жития Гиорги*, к которой надо относиться иногда с недоверием, так как она повествует, что византийский император, всего через десять лет после раскола восточной и западной церквей, восхищается доводами Гиорги, утверждающего, что армяне – еретики, греки – в заблуждении, а римляне – единственные верные христиане.) Грузинские монахи в монастыре Святого Симона на Черной горе вблизи Антиохии тоже преследовались греками, которые доносили на них

54 *Silogava V.* Borenas ts'arts'era-leksis garshemo // Lit'erat'uruli Sakartvelo. 2.01.1999 (доказывает, что та Борена, которая сочинила эти строки, была сванской женщиной XIII века).

антиохскому патриарху; патриарх, однако, объявил, что такие грузины, как Гиорги Мтацминдели, являются настоящими учеными и православными. Реальным источником разлада на самом деле было то, что грузинская церковь продолжала настаивать на своей автокефалии, независимости от Антиохии, а тамошний патриарх стремился подчинить Грузию, ее царя и епископов своей власти. Гиорги Мтацминдели предъявил доказательство, что грузинская церковь искони была автокефальной, но напряжение стало невыносимым. К 1100 году грузинские монахи повально возвращались на родину, где они могли свободно трудиться и молиться. Сам Баграт проявил личный интерес к монастырю Креста в Иерусалиме. Основанный Прохором Грузином, монастырь получил в 1040-х годах щедрое пожертвование от царицы Мариам, так что он заменил древний палестинский монастырь Мар Саба: именно в монастырь Креста стремились теперь паломники, там переписывали и переводили рукописи, а после латинского завоевания в 1099 году там встречались грузинские и европейские уполномоченные.

Баграт никогда не пренебрегал военным делом: он опять начал завоевание Кахетии. Сначала он помешал кахетинцам, напавшим на Тбилиси, когда старшины города искали у соседних правителей защиты от сельджуков. Тбилисцам отказал Абул Асуар, шеддадидский курд, который владел Ани, хотя он благоволил к христианам: Абул Асуар боялся Баграта. Агсартан, кахетинский и эретский царь с 1058 года, заинтересовался судьбой Тбилиси, но Баграт подкупил его и ввел в Тбилиси собственный гарнизон и посадил своего наместника, по-арабски *шихна*. Затем Баграт объявил войну Агсартану. Испуганный Агсартан в 1064 году договорился с очередным сельджукским султаном Алп-Арсланом, принял мусульманство и ценой обрезания добился тюркской протекции.

Последние восемь лет своего цаствования Баграт боролся с Алп-Арсланом. Когда сельджуки вторглись в Тао, Баграт, Мариам и вся семья только чудом избежали плена. Баграт не успел достроить укреплений Ахалкалаки⁵⁵: Алп-Арслан взял город, в три дня перебил или поработил обитателей и потом отступил в Армению. По условию мирного договора Алп-Арслан потребовал, чтобы Баграт IV отдал ему свою племянницу Марехи. Баграт был не против, но по матери несчастная Марехи приходилась племянницей и лорскому царю Квирикэ: тот уперся. (Квирикэ был женат на Гурандухт, сестре Баграта⁵⁶.) Раздраженный отказом шурина, Баграт послал в Лоре войска под командованием близкого помощника Вараза-Бакура Гамрекели, который уговорил лорскую знать задержать и Квирикэ, и его брата Смбата. Как Липариту, так и Квирикэ угрожали казнью: в конце концов ему пришлось в виде наказания не только отдать Алп-Арслану Марехи, но и сдать картлийцам свою северную крепость Самшвилде. (Вскоре Алп-Арслан уступил Марехи своему визирю, мудрому Низаму ал-Мулку.)

В то же время, в 1065 году, Баграт добился равно полезного и совершенно добровольного союза, отдав свою дочь Марту в Константинополь: там ее называли Мария Аланская и выдали замуж за Михаила VII Дуку, сына Константина X. В детстве Марта вместе с отцом была заложницей в Константинополе; тогда грузинский монах Гиорги Мцире предсказал, что она вернется императрицей. На самом деле императрицей она стала дважды, так как в 1078 году после свержения и пострижения в монахи Михаила Дуки Марта вышла за его врага, Никифора III. Последнюю часть своей жизни Марта-Мария посвятила всяким козням, чтоб ее сын Константин стал императором, и набожной благотворительности, направленной на процветание грузинских монастырей на территории Византии. Судьбы Марехи и Марты показывают, что благосостояние Грузинского царства зависело настолько же от выгодно выданных замуж дочерей и племянниц, насколько от удач царских сыновей и племянников.

55 «Ахалкалакский уезд в археологическом отношении», SMOMIK, 25. С. 1–136.

56 *Met'reveli R., Samushia J.* Op. cit. P. 42–43.

В отличие от византийских императоров, однако, Алп-Арслан, если ему казалось это политически выгодно, пренебрегал семейными узами. Когда Баграт IV успешно воевал на востоке против Кахетии, Алп-Арслан вторгся с востока и оттеснил его в Картли. Алп-Арслана поддерживал не только его вассал, кахетинский Агсартан, которому уже вернули крепости в Кахетии, но почти каждый, кого Баграт когда-нибудь оскорблял: униженный Квирикэ III; ал-Фадл ибн Мухаммад, который благодаря сельджукам стал эмиром и Кавказской Албании, и Тбилиси и командовал 33000 войск. Турки и союзники глубоко проникли в Картли, причинив огромный ущерб, и дошли до Свири, всего в шестидесяти километрах от Кутаиси. Царство Баграта спасла невыносимая для Алп-Арслана невиданно лютая зима, длившаяся с 10 декабря 1068 года по февраль 1069-го. Баграт IV послал к врагам прощенного мятежника Иванэ Багваши, чтобы договориться о мире. Сначала Алп-Арслан требовал дань, но морозы так его одолели, что он уехал, не дождавшись ответа. По пути на восток он заново захватил Тбилиси и Рустави и передал их во власть эмира ал-Фадла. Постепенно Баграт отвоевал потерянное: он вторгся в Тбилиси и изгнал ал-Фадла. Несчастливого эмира тогда захватил кахетинец Агсартан, который, поощренный Алп-Арсланом, перепродал эмира Баграту в обмен на несколько крепостей. В Тбилиси посадили другого, более кроткого эмира.

Теперь Баграту пришлось в голову попросить подкреплений у шурина, осетинского царя Дорголепа Великого: брат царицы Борены прислал через Крестовый перевал десятки тысяч осетинских конных, которые помогли Баграту ограбить Гянджу и вернуть почти все потерянные города и крепости. Баграт даже осмелился перестать платить сельджукам дань: он утолил жадность Алп-Арслана одноразовой посылкой подарков. К счастью, Алп-Арслан уже наметил более богатую добычу, Византийскую империю, и потерял интерес к закавказским победам. Торжество Алп-Арслана наступило в 1071 году, когда в ходе битвы при Манцикерте он захватил в плен императора Романа IV: император умер в плену, и византийское господство в Малой Азии было обречено. 24 ноября 1072 года умер Баграт IV, уже давно болевший животом. (По иронии судьбы через три недели на берегах Амударьи Алп-Арслана заколол взбунтовавшийся военнопленный.) Баграта IV похоронили в Чкондидском монастыре. Царица Мариам пережила всех своих детей.

В восемнадцать лет наследник Гиорги II получил, как ему казалось, мирное царство и благополучный престол. К тому же Византия уже признала его *куропалатом* и сразу пожаловала титулом *нобелиссимуса*. Советники у Гиорги были превосходные, хоть и престарелые: бабушка царица Мариам и знаменитый церковник Гиорги Мтацминдели. Вплоть до середины 1073 года враги Грузии затихли: новый вождь сельджуков, Малик-шах, еще собирал силы. Но летом Гиорги прошел испытание характера: Иванэ Багваши вступил в заговор с двумя мощными феодалами – Няней Куабулидзе и сванским князем Варданом. Бунтовщики заняли часть Картли и захватили Кутаиси, ограбив царскую казну. Армия Гиорги разгромила бунтовщиков, но Гиорги начал политику умиротворения, которую он потом продолжит, не наказывая предателей, а откупаясь от них. Естественно, Багваши еще раз восстали, на этот раз вместе с Орбелиани: опять они потерпели поражение, но им подарили две ключевые крепости в Картли – Самшвилде и Клдекари. Липарит (сын Иванэ) Багваши тогда захватил еще одну крепость, Гаги, в двадцати пяти километрах от Тбилиси вниз по реке, и продал ее гянджскому эмиру. Тем же летом Малик-шах набросился сначала на Гянджу и потом на Грузию. Предательство Багвашей превзошло все границы: Иванэ послал своего сына Липарита V к султану Малик-шаху, но мнительный султан задержал Липарита. (Он уже задержал гянджинского эмира ал-Фадла, которого освободил, когда ал-Фадл вместе с двинским и дманисским эмирами соединились с сельджуками.)

Липарит понял свою ошибку и порвал с Маликом: мстительные сельджуки разорили прежде всего территорию Багвашей, а потом уж остальную Грузию. У Гиорги II пока был один союзник, кахетинский царь Агсартан, и осенью 1075 года они отбили атаку сельджуков

в битве при Парцхиси⁵⁷ (на реке Алгети, на юго-востоке от Тбилиси). Подбодренный успехом, Гиорги повернул на запад, чтобы занять без боев грузинские земли, раньше отнятые византийцами; в Абхазии он захватил Анакопию и еще несколько крепостей, а на юге широкую полосу от Кларджети до Джавахети. Византия уже не претендовала на закавказскую территорию: Грузия была ей нужна больше всего как союзник против сельджуков: император провозгласил Гиорги II *цесарем* и подарил ему Карс, который византийцы покинули, оставив город в руках своего *доместика* Григолу Бакуриани (Григория Пакурианоса), грузина по происхождению. Гиорги подарил Карс мощному феодальному племени Шавшели.

Грузины два года одерживали победы. Однако в 1077 году Малик-шах убедился, что Византия уже не в состоянии помогать Грузии, и сокрушил сначала Тбилиси, потом Эрзурум и Олтиси, крайний аванпост страны. 24 июня 1080 года сельджуки заняли замок Квели в Северной Тао: они захватили государственную казну и арсенал и чуть не схватили царя. Некоторые феодалы даже связали свою судьбу с турецким генералом эмиром Ахмадом: Гиорги загнали на север в Абхазию, чуть не в Черное море. Турки тоже добрались до берега моря, но им важнее было ограбить Кутаиси и Артануджи, превратив и новую, и старую столицы Багратидов в необитаемые развалины. Такая кампания стала обычаем для Малик-шаха: он зимовал к югу от гор, а весной возвращался, чтобы истреблять и порабощать грузинских крестьян, в то время как новый сельджукский султанат расширял свои границы по всей Анатолии до Черного, Средиземного и Эгейского морей. Сельджуки приходили вместе с табунами и со скотом, заселяли землю и портили пашни и виноградники. Из-за перебоев в сельском хозяйстве голод распространялся даже на горные места, куда турецкие войска не дошли. Три года подряд повторялось катастрофическое нашествие: летопись царя Давита Строителя, наследника Гиорги II, гласит: «Запустела страна и превратилась в лес, и вместо людей зверь и дичь полевая поселились в ней. И было бедствие нестерпимое над всеми жителями страны, несравненное и превосходящее когда-либо бывшие и прошедшие опустошения. Ибо святые церкви сотворили домом коням своим, алтари же Божии местом мерзости своей. И священники некоторые при самом принесении священной жертвы там же мечом принесены были в жертву, и кровь их смешалась с Господнею. И некоторые в горькое отданы были рабство, старцы не были пощажены, девы же поруганы, юноши избиты, младенцы расхищены». Как в Грузии, так и в Армении наступило полное отчаяние.

В 1083 году анонимный монах кончает свою рукопись колофоном: «Я – ученик во времена горя и тоски, преследования и рабства, разорения и смерти, когда вся Самцхе полностью разрушена... и остатки ее крепостей внушают только жалость и волнение»⁵⁸. Ни Гиорги, ни его царство не были в состоянии дольше терпеть; они не могли даже созвать армию, чтобы отбиваться от захватчиков. Гиорги посоветался со своими министрами: было решено предложить Малик-шаху дань. В Исфahan поехал сам Гиорги: его принял сельджукский двор и обещал прекратить нашествия на Грузию в обмен на крупную ежегодную дань и на отбывание военной службы. (На такую же унижительную капитуляцию в 1086 году пошли Филарет Варажнун, армянский правитель Киликии, и Фарибурз, правитель Ширвана.) Летописец Давита IV, который противопоставлял гениальность сына безалаберности отца, описывает, как униженного Гиорги II встретил Малик-шах, по словам летописца «несравненный, образом сладости и благодати возвышенный над всяким человеком, о котором много есть и других бесчисленных известий – правосудия, милости, любви к христианам». В самом деле под влиянием своего мудрого персидского визиря Низама ул-Мулка Малик-шах умел вести себя не только как кровожадный кочевник, но и как благодетельный монарх.

⁵⁷ Met'reveli R., Samushia J. Op. cit. P. 75–82 (заново датирует битву при Парцхиси, которую историки раньше относили к 1074 году).

⁵⁸ Met'reveli R., Samushia J. Op. cit. P. 111.

Тюркские нашествия и грабеж, однако, не прекращались. Гиорги II еще раз походатайствовал перед Малик-шахом. На этот раз, по чьему наущению – мы не знаем, Малик-шах придумал новые условия: он признает Гиорги II царем Кахетии, если Гиорги присоединится к сельджукскому вторжению в Кахетию. Даже по макиавеллиевским обычаям Закавказья такая смена вех показалась неслыханно циничным поворотом. В октябре 1084 года сельджуки и картлийцы вместе осаждали крепость Веджини в Южной Кахетии. Коварная атака стала просто нелепой комедией после того, как тяжелые снегопады свели на нет тактику осаждающих. Гиорги II вдруг стало скучно, и он уехал, чтобы охотиться в близлежащих лесах⁵⁹, а сельджуки проводили время, грабя долину Иори. Затем Малих-шах и царь Агсартан вдруг сговорились. Кахетинец еще раз подтвердил, что принял мусульманство, и вместе с сельджуками набросился на Картли, преследуя армию Гиорги вплоть до перевалов через Лихи. К кахетинцам присоединились и некоторые картлийские феодалы: Дзаган Абулетисдзе передал Агсартану замок Мухрани и пограничную крепость Зедазени.

Двор в Кутаиси мог простить Гиорги коварство, но полная его некомпетентность была невыносима. Грузинское царство быстро сократилось: осталась практически только Абхазия-Эгриси: Картли и Тао вырождались из-за зверской жестокости сельджуков. Это ужасное десятилетие стало известно, как уже упоминалось, «Великим турецким игом». Напрасно Гиорги пытался умиротворить свою знать, жалую им землю, деньги, привилегии. 1089 год начался страшными землетрясениями, которые всем показались знамениями гнева небесного. В Сирии город Пальмира был уничтожен, и Грузия оказалась на пороге полного краха. Министры Гиорги, по инициативе его главного советника епископа Чкондиди, заставили царя отречься от престола и уступить власть своему шестнадцатилетнему сыну Давиту, уже проявлявшему удивительные политические и военные способности. Не исключено, что Давит сам сыграл роль в свержении отца, но, в отличие от своих предшественников, в собственной семье новый царь Давит был лишен мудрых и опытных советников. Жена Гиорги II Елена, о которой ничего не известно, уже умерла. Рядом с новым царем стоял только его учитель и первый министр, Гиорги, епископ Чкондиди, коему Давит был обязан своим не по годам развитым умом.

6

Давит Строитель

Ни один правитель Грузии не достиг таких успехов, как Давит IV *Агмашенебели* («Строитель» или «Восстановитель»). За его царствование с 1089 по 1125 год он заново объединил царство и изгнал всех захватчиков, создал процветающее гражданское управление, воскресил армию, правовой порядок, преобразовал церковь и феодальную иерархию и вдохновил светскую культуру, превратив Грузию на сто лет во всеми признанную мощную державу. Давит был незаурядного ума лингвистом и ученым, но в то же время решительным военным, способным на самокритику, с творческим прозрением, которое помогало ему уловить в политике или в войне редкие, но всё решающие моменты. Он смог оживить разрубленное, смертельно больное государство, которое унаследовал⁶⁰. Давита Строителя вообще считают IV, считая его предшественниками Давита III Тао-кларджетского (930–1000/1), Давита II, титулованного царя Картлийского (ц. 923–937) и Давита I Куропалата (ц. 876–881). Отец Давита IV, Гиорги II, изображенный на аthenских стеновых росписях

59 *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. Tbilisi, 2009. P. 202–203 (дает более положительную оценку крутого политического поворота Гиорги II).

60 *Met'reveli R.* Davit Aghmashenebeli. Tbilisi, 1990, до сих пор стандартная биография; см.: *Дзидзигури III.B.* Летопись Картли. Тбилиси, 1982.

монахом-царем, за которого молились еще в 1103 году, называя его «царь царей» и «цезарь», отошел на задний план: он дожил, может быть, до 1112 года⁶¹.

В 1089 году царь Грузии владел только западной частью страны: когда Давит в первый раз охотился на востоке от горы Лихи, пришлось выслать разведчиков на тот случай, если сельджукские мародеры подстерегут царя. Летописец вспоминает, что тогда «в городах и поселках ни души не было видно». В 1190-х годах Давит еще откупался от сельджуков, но Малик-шах прекратил свои грабежи в Грузии. Крестьяне, которые скрывались в лесах и в горах, начали возвращаться домой, чтобы пахать в долинах и строить в городах. В 1092 году кто-то убил мудрого сельджукского визиря Низама ул-Мулка, и сам Малик-шах умер при загадочных обстоятельствах. Среди сельджуков завелась смута: шла борьба за престол, крестьянство бунтовало, новые секты, среди них исмаилиты, соперничали друг с другом. Давит IV сбросил чужеземное ярмо. Он отрекся и от своих византийских титулов, даже перестав быть *иперсевастом* («верховным правителем»). Уже не тревожащийся из-за соседей, Давит решил обуздать своих мятежных феодалов: в 1093 году он обвинил в заговоре Липарита Багваши, правителя Клдекари и, таким образом, почти всей Триалети. Липарит признался и получил прощение. Через два года Давит арестовал его за предательство и в 1097 году сослал в Константинополь. Такими мерами Давит дал понять знати, что вся земля принадлежит царю и что они могут владеть своими уделами только при условии, что честно будут служить государю. Самые коварные феодалы выражали раскаяние преувеличенной набожностью: не один Багваш заказывал переводы святого Иоанна Златоуста на грузинский или жертвовал крупные суммы монастырю Шио-Мгвиме.

Чтобы предупредить дальнейшее предательство, Давит создал службу безопасности, *мстоварни* («доносчики»), которые подчинялись *мандатуртухуцеси* («главный полицейский», или «министр внутренних дел»). *Мстоварни* разоблачали заговоры феодалов и давали царю полную картину того, что происходило и в армии, и в церкви. Благодаря мудрым советам епископа Гиорги Чкондиди Давит уничтожал вредные планы в зародыше. Его летописец признает: «Во-первых, о лицемерии и лукавстве и какой-нибудь измене никто из великих или малых не дерзал и вспомнить, не то что высказать кому-нибудь, хоть бы супруге и сожительнице своей, или ближнему своему, или отрокам своим. Поскольку твердо ведал всякий человек, что при самом исходе из уст слов царю неизменно сделается известно. И многие были наказаны и обличены за таковые. Потому-то никогда никто и не помыслил измены во дни его, но от всех имел почтение и боязнь». Виновных карали выкалыванием глаз, оскотечением или казнью.

Неожиданно, впервые почти за тысячу лет, для Грузии открылось окно в Западную Европу. В 1095 году объявили Первый крестовый поход против мусульман, захвативших Святую землю, и к 1097 году крестоносцы вторглись через Западную Анатолию, захватив Дамаск в 1098-м и Иерусалим в 1099 году. Европейское нашествие объединило всех мусульман Ближнего Востока – турок, арабов, курдов, – защищавших сельджукских султанов. Война на двух фронтах была бы губительна; поэтому мусульманские враги Грузии оставили Закавказье в покое, чтобы спасти Сирию и Палестину. В 1099 году Давит перестал платить сельджукам⁶²: сбереженное Давит тратил на восстановление разваленных городов и разложившейся армии. Сначала пришлось обеспечить верность армии не феодалам, а царю, а потом начинать хорошо продуманные кампании. В 1103 году Давит смог захватить Кахетию, сразу вернув себе пограничный замок Зедазени⁶³, который мятежный картлийец Дзаган Абулетисдзе отдал кахетинцам. Давит лишил Дзагана его владений (он уже наказал брата Дзагана, архиеерея Модиста, противостоявшего церковным реформам). Дзаган попросил

61 *Met'reveli R. Saist'orio nark'vevebi*. Tbilisi, 2009. P. 211–212; *Zhordania T. Kronik'ebi I*. Tbilisi, 1893. P. 239.

62 *Met'reveli R. Saist'orio nark'vevebi*. P. 206–208; *Davit Aghmashenebeli*. Tbilisi, 1990. P. 82–86.

63 *Met'reveli R. Ibid*. P. 208–209 (в те времена западной границей Кахетии считали реку Ксани).

убежища в монастыре Шио-Мгвиме, но игумен его передал в руки Давита, за что монастырь получил фонды на постройку новой церкви. В том же году умер Рати, сын Липарита Багваша, и Давит конфисковал все наследство, включая замок Клдекари и провинцию Триалети. Падение крупных феодалов Абулетисдзе и Багвашей отрезвило честолюбивую картлийскую знать.

Царская армия вошла в Кахетию без сопротивления. Кахетинский царь Квирикэ IV умер в 1102 году, и его неопытный сын Агсартан II был захвачен кахетинскими и эретскими аристократами, которые, не видя проку в сопротивлении, сдали несчастного Агсартана Давиту. (С тех пор об Агсартане II ничего не известно.) Одна группа кахетинских феодалов попросила поддержки у мусульманского атабага в Гяндже, но армия Давита блестяще выиграла битву в Эрцухи (в Западном Азербайджане) и разгромила войска Гянджи и Кахетии. К 1105 году все провинции Грузии объединились. Кахетия обогатила Грузию: благодаря мирному договору между Агсартаном I и сельджуками Кахетию миновало разорение; ее неисчерпаемые сельскохозяйственные и человеческие ресурсы воскресят экономику всей Грузии. К тому же завоевание Эрети дало Давиту доступ к прибыльным пастушьим тропам, по которым зимой из Дагестана ходили бараны и возвращались обратно летом.

Эрцухская битва придала Давиту почти божественный ореол: царь сам вел войска в бой, под ним пало три боевых коня, а когда он вернулся в штаб и снял пояс, кровь хлынула потоком, приведя его придворных в ужас, пока они не поняли, что кровь – от разрубленных Давитом кахетинцев и гянджан. Все его царствование беспокойный и бесстрашный Давит рисковал жизнью, будь то в бою или на охоте: раз он упал с лошади и три дня находился на грани жизни и смерти.

Даже до того, как он отвоевал Кахетию, Давит начал коренным образом переделывать и государство, и церковь. Одной из первых решительных мер, о которой свидетельствуют источники, был созыв церковного собора в Руисской церкви и монастыре Урбниси в 1104 году⁶⁴. Давит сам присутствовал на всех обсуждениях, будто бы скромным мирянином, но в действительности был режиссером собора. Цель собора заключалась в том, чтобы навсегда покончить со злоупотреблениями, которые, несмотря на реформы, проведенные Гиорги Мтацминдели в 1060-х годах, теперь превратили церковь в «притон грабителей». Рукописные протоколы собора показывают, что Давит хотел помешать феодалам накапливать через церковь богатства и власть: знатные люди назначали своих безграмотных недорослей епископами, которые, в свою очередь, возводили в священнический сан за взятки невежд священников, а те венчали единокровников, занимались мужеложством и т. д. Собор запретил такие злоупотребления и указал минимальный возраст и образовательный ценз для венчания несовершеннолетних, возведения в сан священников, помазания епископов, чем «огорчил» многие монастыри, которые давно привыкли вести себя как развратные республики. Собор также установил канон литургических книг и признанных святых и утвердил строгую иерархию епископов под властью католикоса и главного министра Давита, епископа Чкондиди. Арсен Монах (позже игумен академии Икалто и ближайший соратник Давита) отредактировал заключения собора в трактате, который состоял из введения и девятнадцати статей. Восемнадцатая статья, самая длинная, осудила мужеложство как самый мерзкий грех, который «низвел к уровню диких зверей высокое царствование персов и вечное царствование римлян».

В 1104 году Давит объединил епархию Чкондиди (которую создал в 920-х гг. абхазский царь Гиорги) с постом главного секретаря (*мцигнобартухуцеси*), впервые назначенного Багратам IV. На самом деле *мцигнобартухуцеси* стал и премьер-министром, и прокурором Священного синода. Первым таким министром-епископом стал Гиорги, уже бывший главным советником царя и остававшийся на посту до самой смерти в 1118 году. После Гиорги главой правительства стал Свимон, который тоже долго держал бразды правления (до 1141 г.). Давит

64 Met'reveli R. Davit Aghmashenebeli. P. 121–124.

не только обеспечил стабильность режима: ему удалось подчинить церковь государству еще более тесно, чем Вахтангу Горгасали или Баграту IV. Так же тесно он связал восток с западом, объединив картлийские епархии Ацкури и Самтависи с мингрельской Чкондиди и подчинив западную епархию Хони центральной архиепархии Мцхета.

Чтобы одновременно поднять престиж церкви и добавить ей обязанностей перед государством, в 1106 году Давит основал академию-монастырь Гелати вблизи Кутаиси. За тридцать лет Гелати стал интеллектуальным центром христианского Закавказья. Монастырь был и царским мавзолеем, и университетом, который обменивался учеными и учащимися с Константинополем и заманивал домой из болгарских, греческих, иерусалимских, кипрских, антиохийских монастырей грузинских монахов, среди которых был знаменитый богослов и переводчик Иоанн Петрици. Эрудиция и красноречие Петрици способствовали дотоле невиданному развитию синтаксиса грузинского языка и философии. Монастырь Петрици, где Петрици учился, был основан в 1083 году в Болгарии недалеко от Пловдива таоским грузином Григолом Бакуриани: сначала монастырь служил мавзолеем для брата и сына Григола, но вскоре приобрел больницу, три гостиницы, рыболовное озеро и большую территорию; тогда он начал готовить грузинских мальчиков к принятию духовного сана. Именно Петрици вдохновил Давита на создание Гелати. Поэт Иоанн Шавтели называл Гелати «новым Римом, Элладой, где покоятся мощи святых». В Кахетии появился близнец Гелати, монастырь-академия Икалто, где советник царя, Арсен, преподавал по византийской программе геометрию, арифметику, музыку, риторику, грамматику, философию и астрономию. И в Гелати, и в Икалто приходили грузины, получившие первую степень в *Магнаура Пандидактерион*, университете Константинополя.

Нашествие крестоносцев и в самом деле гнало грузинских ученых и монахов домой. В начале XII века латинские короли Иерусалима начали вымогать налоги у православных монастырей, а иногда даже конфисковали и грабили их: сам Петрици был разорен крестоносцами во время Третьего Крестового похода в 1189 году.

Постоянные военные действия Давита IV, оказалось, плохо сочетались со старыми традициями царского двора, где было принято встречаться с царем и с министрами в одном и том же месте, по расписанию. Поэтому Давит организовал более современное министерское правительство в Кутаиси: там был апелляционный суд (*сааджо кари*), который слушал серьезные уголовные и гражданские дела, раньше находившиеся в царском ведении. По понедельникам *мцигнобартухуцеси* слушал вдов, сирот и нищих. По другим дням другие министры, особенно *мандатуртухуцеси* (министр внутренних дел) слушал петиции граждан.

С 1100 года Давит постоянно повышал эффективность армии, которая все меньше зависела от солдат, поставляемых феодалами, и сосредоточивался на 5-тысячной царской гвардии, *мона спа* (служебная рать), на которую он мог положиться. Первым заданием армии было очистить Картли от последних турецких гарнизонов и поселенцев. Гарнизон Самшвилде на юге от Тбилиси захватили войска, под предводительством Тевдоре, племянника епископа Гиорги Чкондиди, и верного кахетинца Абулети: они уже разоружили большую часть гарнизонов около Тбилиси. Тюрки, которые зимой пасли лошадей и рогатый скот в долине Куры от Тбилиси до Бардави в Кавказской Албании, были изгнаны: их пастбища опять стали пашнями. Христианская власть еще десять лет наступала на восток, захватывая крепость за крепостью и замок за замком: в мусульманских руках пока оставался только город Тбилиси (в 1116 г. тбилисцам пришлось платить Давиту ежегодный налог в 100000 денариев, и Давит ввел в город символический гарнизон из всего десяти человек под номинальным губернатором). В 1115 году пал город Рустави, в двух часах езды на лошади от Тбилиси; в 1117 году – главная крепость Эрети, Гиши. В следующем году грузинские войска повернули на юг и захватили Лоре, армянскую пограничную территорию. Тюрки собрали армию на берегах Аракса, но их атаку отбили.

Захватив огромную территорию и ограбив богатые города, раньше поработанные турками, Грузия обогатила свою казну. В те времена весь Ближний Восток страдал от

дефицита серебра: несмотря на добычу, которая влила целый поток византийских драхм и арабских дирхамов в денежный оборот Грузии, Давиту пришлось уменьшить свои собственные драхмы от трех до одного грамма или меньше и чеканить медные монеты с номинальной стоимостью серебра. Обесценение не уменьшало, однако, самоуверенности казны: монеты все еще провозглашают Давита «царем кахетинцев, абхазов, кавказских албанцев», и только на решке написано по-арабски предупреждение *хусам ал-масих* (меч Мессии).

В то же время Давит упрочивал политические союзы посредством разводов, новых браков и стратегической выдачи замуж своих дочерей. Около 1106 года он обеспечил безопасность восточных границ с Ширваном (Ширванское государство, тюркское по языку, иранское по культуре, выросло на почве разваленной Кавказской Албании), выдав старшую дочь Тамар за наследника ширванского престола, будущего Манучехра III (тот придет к власти в 1120 году и прославится как основатель города Баку). В 1113 году Давит добился еще более блестящего альянса, отправив младшую дочь Кату в Константинополь (где она приняла имя Ирина) и стала женой Исаака Комнина, второго сына императора. Давит мог теперь хвастаться тем, что он – родня в византийском императорском доме.

К 1109 году у Давита была постоянная армия с 40000 верных царю войск, с элитной, хорошо обученной конной гвардией в 5000 человек, отрядами особого назначения для гарнизонов в только что захваченных городах, не говоря уж о традиционных батальонах феодальной знати и группах наемников (часто из крестоносцев, сбежавших из мусульманского плена или не стремившихся вернуться домой). Армия, всего двадцать лет назад истощенная и разложившаяся, была заново снаряжена, приведена в порядок и ободрена: храбрых награждали, на трусов надевали женскую одежду. Запрещали ругань, драки и «бесовские» песни. Дисциплина была строгая. Армия уже не жила грабежом: солдатам давали жалованье и хорошо кормили. Служба безопасности, *мстоварни*, занималась и военной разведкой. Над армией надзирал *мандатуртухуцеси*. Пост занимал сначала Варданисдзе, а потом феодалы из семьи Орбели, которых обыкновенно назначали и *амирспасалари* (главнокомандующим). В 1110 году эта новая армия оправдала заботы и расходы царя, отобрав у турок Самшвилде, крепко укрепленный город огромного символического значения, и целиком освободив долины Куры и Иори. Сельджукский султан собрал 100-тысячную армию, которая была разогнана в течение одной ночи сравнительно маленькой армией Давита, к удивлению самого царя. В 1115 году епископ Гиорги Чкондиди не только захватил Рустави, тем самым отрезав Тбилисский эмират от моря, но и овладел всем торговым путем от Каспийского до Черного моря. Зимой 1116 года, скорее хитростью и обманами, чем подавляющей силой, Давит одержал победу над турками в Тао. Два следующих года отмечены смелыми захватами в Джавахети и в Лоре. И все-таки, несмотря на большую подвижность, огромное число телег, выючных лошадей и ишаков, хорошие осадные орудия, грузинская армия была несравненно меньше мусульманских, которым оставалось только объединиться, чтобы ее одолеть. Чем сильнее становилась Грузия, тем неизбежнее было нападение мусульманской коалиции.

Европейские Крестовые походы отвлекли сельджуков и дали Давиту передохнуть. Еще более широкие возможности открыл для Грузии великий князь Киевской Руси Владимир Мономах: в 1103 году шаткий союз русских князей загнал за Дон кипчаков (или половцев), тюркских кочевников, которые угрожали русским княжествам, а теперь собирались в северокавказском предгорье, борясь с местными осетинами за пастбища. В 1118 году Давит повел до главного перевала через Кавказ достаточно войск, чтобы покорить осетин; затем он при помощи ловкого дипломатического хода помирил кипчаков с осетинами и сделал кипчакам предложение, от которого они не были в состоянии отказаться. В Грузии было расселено 40000 кипчакских семей, которым были пожалованы участки и пастбища, летние и зимние; в обмен каждый кипчакский очаг обязывался поставлять царской армии по одному мужчине с лошастью.

Кипчаки уже были известны как наемные солдаты: даже русские князья иногда пользовались их услугами в своих междоусобных войнах, а арабские правители ценили кипчаков так высоко, что офицеры халифата учили кипчакский язык; позже кипчаки будут служить в венгерских и в египетских армиях и сольются с местным населением. Кипчаки, которые переехали в Грузию, отправлялись в те места, где Давит предполагал возникновение конфликта, – на юг и на восток, чтобы напугать мусульманские эмираты, или во Внутреннюю Картли, чтобы обуздать ропщущих феодалов. Без сомнения, потребовалась дипломатическая тонкость, чтобы убедить великого князя Владимира Мономаха, что Давит не приютил, а устранил самого страшного врага Киевской Руси. Вряд ли Давит когда-либо встречался с Владимиром, но Грузия не могла не посылать своих уполномоченных в Киев, чтобы согласовать переселение кипчаков. Русские летописи утверждают, что именно великий князь Киевский открыл «железные ворота» (из Дарьяльского ущелья на перевал) и через них прогнал кипчаков. Арабский историк Павел из Алепа, который в XVIII веке осматривал русские документы, с тех пор исчезнувшие, заключил, что русские солдаты помогли Давиту IV переселить кипчаков⁶⁵.

Чтобы увековечить свои связи с кипчаками, Давит развелся с царицей Русудан, армянской матерью своих детей, и женился на Гурандухт, дочери кипчакского вождя Отрока (или Атраки). Новый альянс еще сильнее укрепился, когда Давит сосватал свою дочь Русудан (тезку матери) за Джадарона, наследника Осетинского царства, и таким образом обеспечил грузинский суверенитет на Северном Кавказе⁶⁶. Бывшая царица Русудан отправилась со своими придворными и подарками в Иерусалим, в монастырь Креста, где она получила протекцию иерусалимского короля Бодуэна I. Отверженная царица ввела крестоносцев в заблуждение, убедив их, что она не брошенная жена, а вдова царя Давита; ее подарок, серебряный крест, в который будто был вложен осколок Истинного Креста, был переслан с благодарностью и благоговением парижскому архиепископу вместе с довольно бестолковым письмом: «Давит, царь Грузинский, который, как и его предшественники, держал и стерег Каспийские ворота, сдерживающие Гога и Магога, и чье дело продолжено его сыном, чья земля и царство для нас является своего рода валом против мидийцев и персов, всегда жил с глубочайшим благоговением и восхищением перед этим Крестом. Теперь, когда он умер и его сын унаследовал царство, его вдова, которую набожность отличает больше, чем благородное происхождение, постриглась и облачилась в монашескую рясу и, принеся этот Крест и много золота, приехала в Иерусалим, чтобы никогда не вернуться домой, а дожить здесь свою жизнь в молчании, мире и молитвах, и она попросила, чтобы часть того золота, которое она принесла, отдали соборам Священного города, а часть чтобы раздали милостыней нищим и паломникам»⁶⁷. (Письмо, присланное вместе с крестом, от *прецентора* (главного певчего) Иерусалима к архиепископу Герберту (или, возможно, Галону), раньше относили к 1108 году, но теперь известно, что крест получили в Париже именно в воскресенье 1 августа 1120 г.⁶⁸, так что мы можем отнести развод Русудан с Давитом к 1117–1118 гг.).

К кипчакам изначально относились с большим недоверием: из 40000 воинов никогда не ангажировали больше 16000. Но благодаря кипчакским подкреплениям Давит легко мог участвовать в международных войнах. Кипчаки постепенно превращались в христиан, говорящих по-грузински, но в течение нескольких поколений грузинский народ считал их

65 *Метрели Р. В.* Внешняя политика Грузии в средние века: XII век. Тбилиси, 1995.

66 *Golden P. B.* The Case of Pre-Chingisid Rus' and Georgia' / Eds. A. Khazanov, A. Wink // *Nomads in the Sedentary World*. Richmond, U. K., 2001.

67 *Lasteyrie R. de.* Cartulaire générale de Paris. P., 1887. P. 172; *Avalishvili Z.* The Cross from Overseas // *Georgica*. 1936. Vol. 1. № 2–3.

68 *Bautier G.* L'envoi de la relique de la Vraie Croix a Notre-Dame de Paris en 1120 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1971. Vol. 129. P. 387–397.

разбойниками, на что намекает народная баллада *Повстречался кипчак мне* : «Он вина попросил – дал вина я ему... Он жену попросил – как отдам я жену, коль везу ее в гости к родителям? <...> Замахнулся я саблей и вместе с конем разрубил вероломного надвое»⁶⁹. Еще досаднее было *сакивчако* , налог, которым облагали народ еще двести лет, чтобы платить за этих новых наемников.

Вылазка Давита IV на Северный Кавказ надолго повлияла на судьбу Грузии: осетины, элита которых была христианской и уже тесно связанной с Багратидами прежними браками, приняли грузинский суверенитет, и даже чеченцы на время поддались грузинскому влиянию⁷⁰, о чем свидетельствуют развалины древних церквей по всей Чечне и грузинские заимствования в чеченском языке (например, *кира* (воскресенье), как и грузинское *квира* из греческого «день Господа») и, наконец, сегодняшние 2000 бацбийцев или цова-тушинов в Северной Грузии, чеченцы, чьи язык и культура многим обязаны христианству и грузинскому языку.

Неизбежная международная война готовилась к концу 1110-х годов: армия Давита, подкрепленная кипчаками и сотнями «франков» (бывших крестоносцев), представлялась соседям Грузии настоящей угрозой. Теперь, когда умер престарелый епископ Гиорги Чкондиди, Давит назначил на его место Свимона с еще более широкими правами: Свимон стал епископом и Бедии в Абхазии, и Алаверди в Кахетии. В 1120–1121 годах армия Давита носилась из одного конца страны в другой, от Пицунды на Черном море до Ширвана и Бардави в бывшей Кавказской Албании, постоянно аннексируя чужие земли. Независимый эмират Тбилиси чувствовал, что обречен. Мусульманские граждане предлагали город Наджму ад-Дин Илгази, правителю некогда армянской провинции Маяфарикина на верхнем Тигре: Наджм ад-Дин отказался, опасаясь отмщения со стороны Давита. Потом тбилисские и гянджинские купцы вместе воззвали к сельджукскому султану: тот с братом Тугрулом из Нахичевани сколотил антигрузинскую коалицию под командой Наджма ад-Дин Илгази. Они даже завербовали зятя Давита, ширванского правителя Манучехра III, возмущенного набегами тестя Давита на ширванские земли.

В августе 1121 года у Давита насчитывалось около 56000 воинов, включая 16000 кипчаков и нескольких крестоносцев: они разбили лагерь в ущелье Ничаби в сорока километрах к западу от Тбилиси. Обе стороны объявили священную войну. Армия противника состояла из сельджуков и была, вероятно, в три, может быть, в пять раз больше грузинской. Основную часть армии Давит оставил в самом ущелье, а сына Деметрэ послал наверх с левым и правым крыльями, чтобы окружить врага. Он обеспечил победу беспощадными предупредительными мерами: завалив ущелье деревьями и глыбами, чтобы его собственным воинам некуда было отступить; затем он послал в сельджукский штаб двести конных, вооруженных до зубов. Конные выдали себя за дезертиров, а когда их привели в штаб, начали рубить мусульманских вождей, приведя армию в полную панику. Тяжелая конница, включая франков-крестоносцев, завершила победу. Эта Дидгорская битва 12 августа 1121 года длилась всего три часа, но она уничтожила мусульманскую гегемонию над Грузией и Арменией. За последние три с половиной года царствования Давит обустроил свое государство на основе этой победы. Грузия стала неприступной христианской крепостью, которая еще сто лет будет властвовать на территории от Черного моря до Каспийского и от северных кавказских степей до Восточной Анатолии.

Через год после Дидгори Тбилиси вернули, не без кровопролития, в Грузинское государство: три дня подряд грабили северную, мусульманскую, часть города, а потом учредили свободный режим, терпевший все вероисповедания: христиане даже платили больше налогов, чем мусульмане. (В год мусульмане платили три денария, евреи четыре, а грузинские христиане пять: весь город обязался выплачивать каждый год в казну 10000

69 Rayfield D. The Literature of Georgia. L., 2010. P. 225–226.

70 Чантиева М. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958. С. 18.

денариев.) В угоду мусульманам и евреям в Тбилиси было запрещено резать свиней. Вместо совета старейшин город управлялся наместником (*шихной*) ⁷¹.

В 1123 году, несмотря на стычку между грузинскими и кипчакскими солдатами на подступах к ширванской столице Шемаха, Давиту удалось захватить весь эмират Ширван: западную, преимущественно христианскую часть он включил в состав своего царства и назначил Свимона, епископа Бедии и Алаверди, наместником; восточную, преимущественно мусульманскую, часть Давит отдал своей дочери с мужем Манучехром. Через год Давит стоял на берегу Каспийского моря и захватил Дербент; тогда армянское население города Ани пригласило Давита прийти и властвовать над ними. 60-тысячное войско Давита три дня осаждало город, пока он не сдался. Давит сослал мусульманского правителя и передал Ани в руки своего генерала Абулети и его сына генерала Иванэ Абулетисдзе. Давит теперь считался освободителем Армении, и его гербы объявляют его царем не только всех грузин, но и всех армян: ведь он вернул великой мечети Ани ее первоначальные формы и назначение христианского собора. Захватив столько спорных вассальных владений вокруг грузинских границ, Давит был вынужден ввести новый военный и сословный ранг, монапире (пограничник): как немецкие маркграфы, *монапире* охранял границы, разведывал смежную вражескую территорию и снабжал царя данью и разведданными. В свою очередь, *монапире* получал феодальные права и даже мог завещать свой ранг сыновьям.

В то же время Давит председательствовал новым церковным собором, который пытался примирить армянские монофизитские и грузинские диофизитские христологические концепции. Грузинский католикос Иоанэ и выдающиеся богословы, например Арсен Икалтоели, который блестяще выступал на Руис-Урбнисском соборе, девять часов обсуждали вопросы раскола. Как можно было ожидать, две церкви не смогли объединиться, тем более что сам Арсен переводил на грузинский много антимонофизитских трактатов; тем не менее на армянских территориях, которые вошли в Грузинское царство, Давит IV сумел на время создать обстановку терпимости.

Если верить *Собиранию милостыни*, своеобразному сочинению из смеси фактов и вымысла, написанному в начале XIX века Иоанэ Батонишвили, использовавшим документы, тогда доступные Багратидам, а теперь утерянные, иерусалимский король Бодуэн II, переодетый дервишем, встретился с Давитом IV. Хотя это маловероятно, будущий Бодуэн II в 1117 году действительно находился в Гаргаре, части Армении, только что освобожденной грузинами: от Гаргара до Двина, столицы Армении, рукой подать ⁷². Весть о победных битвах Давита уже дошла до Иерусалима, когда первые крестоносцы начинали опасаться, что мусульманские силы возродятся: западным летописцам казалось, что грузинский царь воплощал собой легендарного царя-священника пресвитера Иоанна, грядущего с востока, чтобы спасти христианские народы.

Давит оставил своим потомкам только одно неоконченное дело, взятие Гянджи, мусульманского коммерческого и культурного центра. Его остальные завоевания уже привели к результату большого политического значения – появилось новое, неуничтожаемое слово, *Сакартвело*, буквально «земля картвелов», всеобъемлющее определение Грузии. Наследство Давита распространялось не только на политику. Грузинская культура была преобразована: Ширванский эмират, где слились кавказские албанцы, арабы и турки с иранцами, стал цветущим центром персидской культуры ⁷³. Новоперсидский язык пользовался арабским шрифтом, и грамотность была теперь доступна не только эрудированным магам, а любому образованному человеку. Политическая мощь Персии ослабевала, зато поток персидской поэзии в новоиспеченных тюрко-ирано-арабских государствах был неисчерпаем. Ширван,

71 Brosset M. -F. *Éclaircissements a l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité*. P., 1851. P. 243.

72 Khubashvili L. Davit Aghmashenebelis presk'is zogierti sakitkhisatvis / Ed. B. K'udava. // [Ist'oriani: sametsniero k'rebuli]. Tbilisi, 2009. P. 181–193.

73 Крымский А. Е. Низами и его современники. Баку, 1981. С. 157–161.

когда Давит захватил его, был родиной поэта Хакани; в смежном эмирате Гянджа появилась череда придворных поэтов, самым гениальным представителем которой стал Низами Гянджеви. Вместо строго суннитского ислама распространялись терпимые исмаилитские и суфийские секты. Низам ал-Мулк, визирь сельджукского султана Малик-шаха, написал блестящий трактат об управлении. До 1100 года грузинская литература, подражая византийской, оставалась преимущественно духовной, но завоевание Ширвана открыло для Грузии новую, светскую культуру лирики, эпоса, философии, мистики с героической и романтической тематикой. Персия опять выдавливала Грецию из грузинского сознания, но в культурной, а не политической сфере. Влияние, однако, было взаимное: мусульманские правители, особенно ширванские, обращались к грузинскому царю с изысканным подобострастием, называя его «царем абхазов, осетин, и русских»; поэт Хакани даже заявляет: «Я стал носителем грузинской речи»⁷⁴. Грузинская религиозная литература не переставала быть византийской по жанру и мировоззрению, но смыкание с восточным миром оживило и православные жанры: например, буддистская легенда *Лалита-Вистар*, преобразованная в христианскую повесть *Балахвар и Джосафат*, проникла через арабский вариант в грузинский, прежде чем распространиться, в переводе с грузинского на греческий, на Запад. Переводы с персидского сначала порождали грузинские подражания, а затем самостоятельное творчество, прославляющее царствование Тamar, правнучки Давита. Как ни странно, рыцарские ценности персидской поэзии сближали грузинскую культуру с миром крестоносцев и трубадуров, в отличие от сурового византийского духовного мира. Арабское слово *раинди*, раньше «обуздатель лошадей», теперь в грузинском недаром обозначало «рыцарь».

Именно в царствование Давита грузинский язык подвергся коренным изменениям: сдвинулись времена глаголов, у глаголов появились приставки, но, что более существенно, под влиянием Ширвана в лексику влился персидский запас слов, хотя предыдущие арабские и тюркские нашествия оставили относительно слабые следы на языке. Так же как церковнославянское влияние на русский, или норманно-французское на английский, иностранный язык обогатил грузинский бесчисленными синонимами и новшествами. К тому же, когда царский двор переселился из моноязычного Кутаиси в космополитичный Тбилиси и обстановка стала не церковной, а мирской, у феодальной знати пробудилась жажда к рыцарской литературе и веселому времяпрепровождению. Даже старый алфавит вышел из употребления и для мирян и солдат был заменен новой прописью *мхедрули* (для конных), больше подходившей для пера и бумаги нетерпеливых солдат и придворных, чем монументальный *асомтаврули*, созданный, чтобы писать долотом на камне. Замечательно, что одним ранним примером нового алфавита является записка, написанная самим Давитом.

Давит возил с собой библиотеку, даже когда воевал: он был одержим богословием, астрологией и историей, «деяния которой», по словам летописца, «он знал лучше любого другого царя». Судя по всему, и Коран, и персидские стихи он читал в подлиннике. В поэзии, как и в политике, Давит стремился к совершенству и создавал образцы для подражания для многих последующих царей Багратидов. От творческого наследия Давита остались только его одиннадцать *Гимнов покаяния*, свободных подражаний псалмам библейского царя Давида. Он отождествлял себя с ним и считал своим предком, потому что власть обоих покоилась на совершенных ими смертных грехах. Может быть, мы не должны толковать эти стихи как биографическую исповедь (например, чувство вины за то, что он сверг собственного отца)⁷⁵, но они доказывают, что Давит был одаренным поэтом, способным на самокритику и обладавшим прозрением:

74 *Todua M.* Kartul-sp'arsuli et'iudebi III. Tbilisi, 1979. P. 33.

75 *Жордания Ф. Д.* Завещание Давида Обновителя. М., 1895 (для толкования чувства вины у Давида IV за то, что он насильем взял власть); *Met'reveli R.* Saist'orio nark'vevebi. P. 213–214.

Каинов убийственный помысел,
Сифа сынов бесчиние,
непотребство исполинское,
скверну жителей пятиградия
многократно умножил я,
уподобясь потоку зла,
неудержимо вспять стремящемуся.
Египтян жестокосердие,
обычаи ханаанские,
и жертвоприношения,
и кудрей сплетение,
колдовство, волхвование –
все, что претит воле Твоей, –
перенял я кощунственно,
превзойдя примеры бесчиния.
...грешники,
среди которых – и первый я,
и средний, и последний,
как пучина бездонная
вобравший в себя потоки мерзости.

Изредка *Гимны покаяния*, возможно, намекают на политическую карьеру Давита: «Я пределы нарушил дерзостно, и прибавил дом к дому, и присоединил поле к полю, у немощных отнял их долю, об одном лишь лелея помыслы, чтоб соседей у меня не было, чтобы только один я населял всю эту землю»⁷⁶.

Давит предвидел, что рано умрет, и умер 24 января 1125 года. Его похоронили в Гелати, в комплексе собора, монастыря и семинарии, который он основал и который еще строился. Царь приказал, чтобы его тело положили под порогом, чтобы каждый входящий наступал на него. Он оставил два завещания (*андердзи*): первое, составленное в 1124 году по наущению его духовного отца Арсена Икалтоели, передает монастырю Шио-Мгвиме земли, конфискованные у мятежников, с просьбой поминать его в каждой службе⁷⁷. Второе завещание, написанное накануне смерти, короче и более спорное: Давит выражает свое удовлетворение тем, что оставляет после себя царство от Никопсии (сегодняшнего Туапсе) до Дербента, от Осетии до Арагаца (горы между Ани и Ереваном) и хвалит сына и наследника Деметрэ как самое дорогое ему благословение от Бога: «мудростью, и мощью, и мужеством превосходящего меня, и святостью». Но завещание самым неожиданным способом распоряжается престолонаследием:

«И детям, и царице моей вменяю, при посредничестве Божиим, чтобы Деметрэ брата своего Цвата воспитал, и, если пожелает Господь и будет хорош, после себя сделал царем над отечеством, и сестер своих почтил, как детей моих возлюбленных». [Слово «цвата» большей частью специалистов толкуется как вариант наречия *цота* (немножко), но некоторые заключали, что «Цвата» – это прозвище Вахтанга, мальчика, которого родила вторая жена, Гурандухт.]

Второе завещание дошло до нас только в виде копии XIX века. Не исключено, что оно является подделкой. Само условие «если пожелает Господь и будет хорош» неуместно, когда говорят о престолонаследии Богом помазанного царя, и даже мысль о том, что наследник престола должен быть регентом младенца-брата, а не передавать престол своему

⁷⁶ *Агмашенебели Д.* Покаянный канон // Пер. А.А. Гогешвили, Л. Григолашвили. Тбилиси, 1989. С. 30–39.

⁷⁷ Davit Aghmasheneblis anderdzi Shiomghvimsadme / Ed. A. Gogoladze. Tbilisi, 2000; *Silogava V. Anderdzi Davit Aghmasheneblisa Shiomghvimisadmi.* Tbilisi, 2003.

собственному сыну, противоречит всему, что Давит и его предшественники делали, чтобы обеспечить неоспоримый переход власти от царя до царя. Спрашивается, не вставила ли это условие кипчакка Гурандухт, вторая царица, и ее сторонники, чтобы в конце концов ее шестилетний Вахтанг, наполовину кипчак, унаследовал престол? (У Гурандухт была и дочь Тамар, еще моложе Вахтанга, которая потом, как ее сводная сестра, тоже Тамар, вышла замуж за члена осетинской царской семьи.) Сознательно или нет, Давит, по-видимому, завещал бомбу замедленного действия, которую его сын и внук смогли обезвредить с огромным трудом. Арсен Икалтоели, тридцать лет дававший Давиту «надежду и путеводство», сочинил для Давита эпитафию, в 1127 году высеченную на надгробной плите в Гелати. На ней до сих пор можно прочитать:

Некогда в Начармагеви я угостил семерых царей,
Турок, персов, арабов из границ своего царства изгнал.
Рыб из здешних рек перебросил в тамошние.
Все это исполнив, я сложил руки на груди.

Сам Давит написал эпитафию попроще: «Вот мое покоище между одной вечностью и второй. Этого я желал, и здесь я поселился».

7

Деметрэ и Гиорги III

Когда в 1125 году двадцативосьмилетний Деметрэ I пришел к власти, он оказался в сложном положении. Во-первых, отец умер, не успев венчать его на царство перед духовенством и знатью; во-вторых, существовало второе завещание, по которому Деметрэ являлся просто регентом младшего брата. Грузия была фактически боевым фронтом с соседними мусульманскими государствами от Черного моря до Каспийского, сквозь Центральную Армению и Азербайджан: угроза превосходила силы даже крайне подвижной грузинской армии, несмотря на то что Давит IV своими завоеваниями оставил наследнику объединенное и хорошо защищенное царство. Давит завещал сыну «знамя мое счастливое, и доспехи мои царские, и хранилища мои верхние и нижние». Враги нового царя решили ковать железо, пока горячо: уже в 1125 году Деметрэ пришлось сражаться с сельджуками, которые осаждали Дманиси, крепость, охраняющую Тбилиси с юга (в 1130-х гг. Деметрэ потеряет, а потом вернет себе Дманиси). Все-таки Деметрэ смог захватить Хунани, на полпути к Гяндже, и таким образом превратить Триалетские горы в преграду дальнейших нашествий.

В следующем году Ширван восстал против грузинской власти, хотя эмиратом управлял зять Деметрэ Манучехр III. Ширваншаха и его мусульманский народ, искавших полной независимости, поддерживали сельджуки. С помощью своей сестры Деметрэ пошел на компромисс, и в 1129–1130 годах Ширван заново разделили, проведя новые границы по реке Тетрицкали (Аксу). Северо-западную область, частично христианскую, включили в Грузинское царство, а Манучехра признали эмиром юго-восточной, ограничив его независимость условием, что он будет платить Деметрэ налоги и в случае войны поставлять «столько тысяч человек, сколько потребуется». С другой стороны, такое подчинение оказалось спасительным для Ширвана, так как Грузия теперь защищала его от таких соперников, как Дербентский эмират. Деметрэ до некоторой степени стеснил свободу и Дербента, выдав свою дочь (имя неизвестно) за эмира Абу ал-Музаффара. Деметрэ доверял эмиру: все свое царствование тот держал важного дидгорского военнопленного в дербентской крепости. Ладить с мусульманскими соседями было для Деметрэ нетрудно, и не только потому, что он унаследовал обаяние отца: Грузия, как и Ширванский эмират, тогда гордилась своей религиозной терпимостью. На время Деметрэ нанял своим секретарем Ибн ал-Азрака, летописца Маяфарикина. Ибн ал-Азрак почти с недоумением вспоминает, что по пятницам

Деметрэ ходил в тбилисскую мечеть, выслушивал проповедь от начала до конца и раз подарил мечети 200 золотых денариев: «От него я видел такое уважение к мусульманам, какого они не испытывали, даже будучи в Багдаде». Как Давит, так и Деметрэ чеканил монеты с арабскими надписями, освобождал мусульман от тяжелых налогов и жаловал им религиозные привилегии.

Для Деметрэ и его наследника Гиорги III труднее всего было удерживать армянскую столицу Ани. В то время как армянские христиане обрадовались освобождению от мусульманской власти, армянская и грузинская знать боялась, что потеряет автономию, и считала, что мусульманское вассальство для них будет более выгодным. Деметрэ отреагировал быстро, выпустив из тюрьмы Абулсуара, мусульманского губернатора, которого задержал Давит. В 1126 году Фадл, сын Абулсуара, вернулся из ссылки в Хорасане; он дал Деметрэ ложную клятву верности, чтобы взять в свои руки власть над Ани у грузин Абулети и Иванэ Абулетисдзе. Спрашивается, почему Абулети и Иванэ, возможно, без согласия Деметрэ, но, без сомнения, при потворстве местных старшин без протеста сдали город Фадлу? Армянские историки оговаривают сдачу тем, что Абулети сначала хотел спасти только себя самого, а потом свою семью и христианских сограждан. Но через несколько лет стало ясно, что Иванэ Абулетисдзе уже задумал свержение Деметрэ.

В 1130 году Насир ад-Дин Сукман, султан Хлата (тогда столица Шах-Армении на озере Ван, а сегодня Ахлат), предпринял первую попытку изгнать грузин из остальной Армении: эти попытки будут повторяться еще тридцать лет. Эмир Фадл тоже старался расширить свою территорию, захватив сначала Двин, а потом Гянджу. Деметрэ пришлось договариваться с этим энергичным захватчиком, и они решили, что собор Ани останется христианским храмом и что Деметрэ будет «защитником» местных христиан. Напряженное противостояние длилось двадцать лет, пока еще более могучий мусульманский правитель, эрзурумский эмир Салдух, не пришел и не взял Ани.

Сдав город Фадлу, Абулети с сыном бежали в Дманиси. Почти сразу стало понятно почему. В 1131 году Абулети узнал, что его сын Иванэ вместе с тринадцатилетним самозванцем Вахтангом, сводным братом царя, замыслил убийство Деметрэ. Абулети разоблачил сына, но и отца, и сына заточили в Дманиси, пока не поймали третьего заговорщика, после чего их всех вместе отдали под суд. Суд оправдал Абулети и, к общему удивлению, учитывая, что каждое второе поколение семьи Абулети было изменниками, простил Иванэ Абулетисдзе. Прощение было, однако, показное: Иванэ назначили военным командиром в Гарни, вблизи от Еревана, и там по приказу Деметрэ его благоразумно обезглавили. Сын Иванэ Тиркаши бежал в Шах-Армению, где эмир назначил его губернатором Аршаруникской провинции, и двадцать лет дожидался смены политического климата. Вахтанга Деметрэ не пощадил: он приказал выколоть ему глаза, и искалеченный двадцатилетний Вахтанг в 1138 году умер.

Деметрэ выдался передых всего на два-три года. В 1137 году на границах Грузии образовалось могучее новое государство: Шамс ад-Дин Элдигюз (бывший кипчакский раб, женившийся на вдове султана Тугрула)⁷⁸ основал династию, которая охватит Южный Азербайджан, Северо-Западный Иран и бывшую Кавказскую Албанию. Деметрэ спасло землетрясение 1139 года, разрушившее Кавказскую Албанию, сровнявшее Гянджу с землей, унесшее больше 20000 жизней⁷⁹. Деметрэ сразу вторгся в разоренную страну, разграбил развалины, уничтожил оставшихся в живых обитателей, снял ворота Гянджи с петель и перевез их в монастырь Гелати, где высек на них: «Я, царь Деметрэ, разбил Кавказскую Албанию и взял навсегда эти ворота». Ворота он повесил у гроба отца.

Сельджукский султан и азербайджанский Атабаг решили отомстить и в 1143 году попытались вернуть Гянджу. Деметрэ выиграл битву, но потерял город по мирному договору:

⁷⁸ Brosset M. -F. *Éclaircissements a l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité*. P., 1851. P. 247.

⁷⁹ Brosset M.-F. *Op. cit.* P. 243.

выдав дочь Русудан за мосульского султана Масуда Темирка, он сделал Гянджу ее приданым. (Масуд умер в октябре 1152 г.; Русудан затем стала последней женой хилого хорасанского султана Гияса ад-Дин Санджара-шаха, умершего в 1157 г., так что бездетная Русудан вернулась в Грузию, обогащенная опытом мусульманских дворов, и стала советницей своего брата Гиорги III и племянницы царицы Тамар.) В 1154 году, к концу своего царствования, Деметрэ таким же неудачным способом выдал свою младшую дочь (имя неизвестно) за волынско-vlадимирского князя Изяслава Мстиславовича. Альянс был многообещающим: Изяслав приходился внуком великому князю Владимиру Мономаху. Но как только медовый месяц закончился, Изяслав умер, и никакого политического союза между православными странами не последовало. Как в шахматной игре, Деметрэ двигал тремя дочками: по крайней мере одна из этих пешек стала в конце концов влиятельным ферзем.

В 1140-х годах грузинские феодалы уже подозревали, что Деметрэ невзлюбил своего старшего сына Давита и назначил младшего Гиорги наследником. Почему отец с сыном поссорились, неизвестно. Может быть, у Давита были пороки; не исключено, что семья Абулети и статус города Ани оказались яблоком раздора. Те феодалы, которые раньше поддерживали самозванца Вахтанга, теперь возмущались, что Деметрэ лишает Давита наследства, но агитировали за сдачу Ани мусульманам. Недовольство было подпольным, ибо *мстоварни*- разведчики работали так же хорошо при Деметрэ, как при Давите. Впервые оно проявилось в 1155 году.

Еще раз из-за Ани вспыхнула война. Арабский историк ал-Фарик (который находился при дворе у Деметрэ в 1154–1155 гг.) отмечает, что в 1153–1154 годах правитель Ани, Фахр ад-Дин Шаддад, нарушил клятву верности и пригласил эрзурумского эмира Салдуха взять город под опеку, так как Эрзурум обещал брать с граждан меньше налогов, чем Тбилиси. Когда Деметрэ узнал об этом приглашении, он уже стоял так близко от Ани, что за один день его армия дошла до городских стен. Грузины схватили эрзурумского эмира и отвезли его в Тбилиси, но по непонятным причинам освободили в обмен на выкуп в 100000 денариев. Феодалы (включая некоего Васака с братом), устроившие выкуп эмира, были именно те, которые поддерживали царевича Давита против отца и младшего брата. Соборяне и старейшины Ани все-таки не уgomонились: через год они свергли Фахра ад-Дина и назначили его брата Фадла правителем города.

К концу 1155 года грузинские бунтовщики нанесли удар: против своей воли Деметрэ постригся в монахи, и престол перешел к Давиту V. Давит сразу награждал сторонников, пригласив Тиркаши, внука Абулети, вернуться из ссылки, чтобы стать главнокомандующим (*амирспасалари*). Двоих из мятежников, братьев Сумбата и Иванэ Орбели, продвижение Тиркаши разгневало. Через шесть месяцев Давита V отравили братья Орбели, подстрекаемые то ли бывшим царем Деметрэ (который будто бы в монастыре все молил Бога, чтобы его старший сын погиб), то ли младшим братом Давита, Гиорги. На это темное дело документы света не проливают. По установленному порядку и по закону, после смерти Давита престол должен был унаследовать его молодой сын Демна. Согласно одному источнику, Деметрэ, узнав о смерти Давита, вышел из монастыря, чтобы венчать своего младшего сына Гиорги на царство; другие источники утверждают, что Деметрэ, как и Давит, неожиданно умер не своей смертью, а Гиорги III незаконно забрал власть в свои руки. Армянские летописцы не осуждают Давита V, а утверждают, что Давит на смертном одре назначил Гиорги регентом молодого Демны: последнее неправдоподобно, учитывая взаимную ненависть братьев. На самом деле Деметрэ то ли вернулся в монастырь Давита-Гаресджа, то ли никогда не покидал его: он переименовал себя в Дамианэ и писал гимны, из которых самый известный – чрезвычайно красивый и трогательный *Хвала Богородице*: «Ты – виноградная лоза, вновь распустившаяся; ветвь нежная, в Эдеме посаженная; и сама собою ты солнце сияющее». Единственные следы Деметрэ-Дамианэ после 1156 года – это персидская ода на его смерть, сочиненная ширванским поэтом Фелеки (небесный) в тюремной камере (Фелеки сам умер в 1160 г.), а также портрет 1194 года, изображающий покойного царя в монашеской рясе.

Деметрэ умер одновременно со своей сестрой Тамар, бывшей в то время игуменьей в монастыре Тигва.

Когда в 1156 году Гиорги III унаследовал престол, то ли благодаря убийству, то ли по всем законам престолонаследия он уже женился на изумительно красивой Бурдухан, дочери осетинского царя Худдана. У них долго не было детей, а когда наконец Бурдухан начала рожать, она рожала только дочерей. (Две дочери Гиорги III, Тамар и Русудан, были воспитаны его два раза овдовевшей сестрой Русудан.) Так как не было сына-наследника, Гиорги III знал, что само существование его племянника Демны, сына Давита V, подвергало его царствование опасности и возбуждало у феодальной знати желание утвердить потерянные права. Тем не менее феодалы решились на попытку государственного переворота лишь через двадцать лет. Они откладывали бунт, потому что Гиорги сразу принял меры: он преследовал всех, кто поддерживал Давита V. Тот Васак, который помог эрзурумскому эмиру Салдуху избежать плена и потом принял сторону Давита, вместе с братом уехал в Эрзурум, где благодарный Салдух назначил его командующим армией и приказал ему предпринять наступление против Грузии. Братья Орбели, убившие царя Давита V, негодовали, что им тем не менее отказали в повышениях и наградах (Иванэ Орбели уже служил главнокомандующим), и сами участвовали в заговоре против Гиорги. Молодой Демна перестал казаться Гиорги опасным только после того, как его удалили из Тбилиси в дом Иванэ Орбели, обязавшегося воспитать молодого цесаревича. Гиорги тешился мыслью, что честолюбие Иванэ Орбели утихло. В любом случае, когда Демна стал взрослым, он женился на дочери Иванэ Орбели, и это исключило для него возможность престолонаследия, так как грузинские цари могли жениться только на дочерях или сестрах иностранных царских семей, иначе грузинские феодальные семьи могли бы либо кичиться родными связями с царским домом, либо завидовать тем, у кого такие связи были.

Пока бунтующие феодалы только кипели, Гиорги III занимался военными достижениями. Ани уже был в его руках, так как Васак взял его для Грузии, прежде чем сбежать. Не обращая внимания на угрозы эрзурумского эмира, в 1160 году Гиорги вдруг потребовал у эмира Гянджи будто бы годами неоплачиваемые налоги и приказал недоимщику-эмиру самому явиться с наличными. Эмир ответил, что он идет не с деньгами, а с армией, которая будет осаждать Тбилиси. Гиорги проиграл и битву, и недоимку. Через год город Ани обманул его надежды: Гиорги назначил губернатором Садуна, который ему казался верноподданным. Как только Садун приехал в Ани, он укрепил город, и Гиорги пришлось арестовать и казнить его. Ани отдали двум феодалам, Иванэ Орбели (приемному отцу и будущему тестю Демны, и Саргису Мхаргрдзели (длинноплечий), члену могучего полугрузинского, полуармянского рода. Саргис Мхаргрдзели, как многие его потомки, стал и *амирспасалари* в армии, и *мандатуртухуцеси* в государстве.

К 1162 году турки в Диярбакыре, Эрзуруме и Хлате объединились против Грузии, и Гиорги пришлось собрать коалицию из военных, министров, главного секретаря (*мцигнобартухуцеси*), конного командира и горстки надежных феодалов, чтобы отразить их и отогнать от грузинских границ. Блестящая и кровавая победа над более многочисленными силами, чем грузинские⁸⁰, кончилась тем, что Гиорги освободил всех горожан Ани и передал им свои доходы от грабежа, чтобы заново построить церкви и дворцы. Эта победа заставила Шамса ад-Дин Элдигюза и его азербайджанские войска отказаться от замышлявшегося ими нападения на союзный Гиорги Ширван. Однако зимой 1163 года Элдигюз повернул на запад, соединился с эрзурумскими войсками и разрушил армянскую крепость Гаги; направляясь к Ани, Элдигюз разорил всю Северную Армению. Ответным ударом Гиорги еще раз напал на Эрзурум и захватил Салдуха: но и в этот раз Салдуха выкупили – его сестра Шах-Бануар, жена правителя Хлата, послала Гиорги очень ценный подарок. В конце концов через два года все мусульманские армии отступили: весь Азербайджан на северо-западе от Гянджи опять был в грузинских руках. На сдачу Ани, однако, эмиры еще не были согласны: Элдигюз

придумал компромисс, который Гиорги принял: в 1165 году Ани стал формально грузинским вассалом, но управлял городом Махмуд из рода Элдигюзов. Тем временем на севере дербентский эмир, пренебрегши признанным им грузинским суверенитетом, собирал многочисленную и многонациональную армию из осетин, хазаров, кипчаков-перебежчиков и русских: к концу 1160-х (или в начале 1170-х) он вторгся в Ширван, которым тогда управлял двоюродный брат Гиорги, Ахсартан I. Гиорги отозвался на просьбу Ахсартана о помощи, и грузинские армии жестоко наказали Дербент, отдав Ширвану часть дербентской территории, так что власть Ахсартана теперь распространилась до Каспийского моря⁸¹. В этой победоносной войне блестяще и героически сражался и Мануэл Комнин, отец будущего трапезундского императора (вместе с женой Русудан, дочерью Гиорги, Мануэл приехал в Тбилиси к тестю в гости).

По словам летописца, Гиорги III мог теперь царствовать «в радости, отдыхая и охотясь». Но десять лет победных войн исчерпали людские и денежные ресурсы страны и обострили недовольство во всех слоях общества. Гиорги пришлось отменить освобождение церковных поместий от налогов, тем самым вызвав отчуждение самой могучей, кроме феодальной знати, политической силы. Гиорги тешился мыслью, что военные доблести делали его почти равным деду Давиту IV. Хакани, ширванский придворный поэт, сочинитель не только философской лирики, но и панегириков, именовал Гиорги по-персидски: «новым Августом... более великим, чем Иракл... непревзойденным в этом мире... верховным защитником Креста... мечом Мессии... воплощением Христа».

В 1170-х годах Грузия уже не воевала с соседями, но ее генералы не могли сидеть сложа руки. Они объявили, что не хотят «воздерживаться от боя и грабежа», и занялись этнической чисткой, изгоняя последних турецких кочевников из Тао и из долины Куры. Только летом 1172 года Гиорги прибег к силе: он занял Двин, армянскую духовную столицу, разграбил город, но предоставил его местному феодалу, Анании. К концу 1174 года Ани стал наконец полностью грузинским владением: Гиорги заточил шаха мусульманской Армении и назначил Иванэ Орбели губернатором.

Но Иванэ Орбели был неискрапим: через год он решил, что получит больше денег и почтения от турок, и собрался отдать Ани Элдигюзу и эмиру Арслану. Ему воспротивились и горожане, и духовные лица. Епископ Басег остался верным Гиорги III, который отблагодарил его тем, что выкупил Апирата, брата епископа, у турок и назначил его анийским эмиром. Эмир Арслан был пленен, и Ани стал неоспоримым грузинским владением. Элдигюз и Арслан в последний раз сделали попытку нападения, вторгшись с азербайджанскими и хамаданскими войсками в Северную Армению, но в 1175 году их изгнали из Лоре и Дманиси, и они отступили в Двин, который остался мусульманским до конца века.

К концу 1170-х годов Грузия была до такой степени изнурена войной, что она могла предпринимать только мелкие стычки в Западном Тао-Кларджети, вместе с армянскими солдатами отбирая территорию, которую Давит Таоский отдал византийцам и которая осталась в руках сельджуков. (Несмотря на послевоенное истощение, литературное творчество в Грузии расцветало: сочинялись крупные прозаические сочинения, например рыцарская эпопея *Амирандареджаниани*, с гениальной изобретательностью свободно переводились с персидского такие свободомыслящие и эротические поэмы, как *Вис и Рамин* Фахра ал-Дина ал-Гургани.) Наконец Гиорги III обратил внимание на внутренние неурядицы. Около 1170 года был введен суровый закон против разбоя и воровства. Впервые в Грузии преступления против личности и собственности нужно было искупать не *вергельдом* (денежной компенсацией), а отбыванием установленного законом наказания. Вдобавок к уже созданной службе безопасности *мстоварни* Гиорги III учредил новую полицию – «вороловы», *мпаравтмедзебелни*. К концу 1170-х годов, когда разбой стал настоящим

81 Мамедов С. Стратегическая операция объединенных сил ширвано-грузинских войск по отражению нашествия русов, хазар / Ред. Б. Кудавя // Историани. Тбилиси, 2009. С. 211–218 (дает ширванскую точку зрения на эту кампанию, как она отразилась в поэзии Хакани).

бедствием, вышел декрет, чтобы воров и разбойников вешали на деревьях рядом с их добычей, если она найдена. В то время пытка, кроме выкалывания глаз и осклопления государственных изменников, была в Грузии редким явлением. К обезглавливанию изменников прибегали только тогда, когда ссылка и анафема оказывались недостаточным устрашением, и тогда палачами назначали негрузин. Но смертная казнь через повешение осталась драконовской мерой для разбойников на целый век, даже в царствование мягкосердечной царицы Тамар.

В 1177 году Демне исполнился 21 год, и, хотя он женился не на иностранной царевне, а на дочери рядового феодала, Иванэ Орбели показалось, что пора возводить его на трон. За такую поддержку Орбели требовал в награду царство Лоре, которое пока было всего лишь его уделом как главнокомандующего армией. (Орбели сохранил эту должность и удел, несмотря на то что его уволили с поста в Ани.) Для такого переворота Орбели искал поддержки мусульманских правителей и привлек на свою сторону кое-кого из знати, например Саргиса Мхаргрдзели и даже таких вельмож, как командир конницы. Заговорщики собрались в Коджори, на горе в двадцати километрах от Тбилиси, чтобы ночью схватить Гиорги, который будет молиться близ иконостаса. Иванэ Орбели намеревался убить царя, но уверил остальных заговорщиков, что они просто объявят царю, что Демну уже короновали. Местный ребенок случайно услышал это обсуждение и побежал к царю с докладом. Гиорги сел на лошадь и галопом доехал до Тбилиси, где вызвал Кубасари, главу кипчакских дивизий, с пятьюстами солдатами. Хотя заговорщики имели в своем распоряжении тридцатитысячное войско, они в смятении отступили в Лоре; некоторые, в особенности Саргис Мхаргрдзели, передумали, когда царь им посулил министерские должности, раньше занятые братьями Орбели; другие заговорщики, в особенности командир конницы (*амирахори*), отправили посланников к армянскому шаху и к Махмуду Элдигюзу в Азербайджан, умоляя их помочь. Предложения были заманчивы, но недостаточны, так как ни шах, ни Махмуд не хотели навлечь на себя месть Гиорги. Остальных мятежников осаждали несколько месяцев, пока они не предложили мирные условия: разделить царство на две части, чтобы Гиорги и Демна каждый управлял одной половиной Грузии. Гиорги, естественно, отверг этот нелепый компромисс. Царь и мятежники обменялись письмами, привязанными к стрелам. Гиорги пригласил Иванэ Орбели к себе вместе с Демной, «причиной твоего злодеяния и злодеяний многих других». Орбели ответил, что он не волен нарушить свою клятву «только ради нескольких дней царского почтения». Тогда царская армия, которая теперь включала лезгин и других горцев, воздвигла леса около городских стен, взяла крепость штурмом и сокрушила мятежников. Иванэ Орбели удалось переслать свои деньги и драгоценные камни в Самшвилде, а одного брата, Липарита, и двух племянников – на двор к Элдигюзу. (Из этих племянников один остался в Иране, а другой, Иванэ, в конце концов добился прощения, вернулся в Грузию и в царствование Тамар вернул себе поместья и продолжил род Орбели.) Остальные Орбели очутились в западне. Демна сам вышел из замка, с веревкой вокруг шеи в знак покорности, и умолил Гиорги, чтоб его не казнили.

До сих пор существует клочок пергамента, на котором Гиорги написал свой декрет⁸², начинающийся словами: «В двадцать первый год моего царствования, путем дьявольских уловок и ухищрений некоторые князья и дворяне нашего царства вошли в заговор и использовали нашего племянника против нас и причинили нам много горя и испытаний. Но Божье великое милосердие и всеведение обезвредило их деяния и испортило их замысел и заговор и расстроило все их усилия: кое-кто пал в Персии, кое-кто умер или отыскал убежище, кое-кого зарубили в нашем царстве под нашими ногами». Гиорги приговорил своего племянника Демну к выкалыванию глаз и к осклоплению: наказание оказалось смертельным. Иванэ Орбели выкололи глаза, других Орбели, в том числе Кавтара, командира конницы, казнили. Само имя Орбели проклинали и запретили упоминать. Вместе со своим государственным советом (*дарбази*) Гиорги приговорил других мятежников к ссылке и к

анафеме, лишив их поместий и армейских чинов. Кипчаку Кубасари Гиорги подарил земли, конфискованные у Орбели, и назначил его *амирспасалари*. Отнять у грузинского феодала и передать кипчаку такой высокий пост было делом неслыханным, но Гиорги пошел еще дальше в своем пренебрежении аристократическими правами, когда назначил холопа Апридона великим князем Картли.

Утверждая свою абсолютную власть, Гиорги все-таки пошел на одну уступку. На расширенном церковном соборе, куда пригласили всех епископов и игуменов, он счел целесообразным еще раз освободить от налогов на поместья свою верноподданную церковь, которая напомнила ему, что она всегда молилась за царя. Гиорги представил эту уступку как добровольное пожертвование для полезного дела. Его декрет, отмечающий сокрушение мятежа Орбели, кончается словами: «Пусть все монахи и епископы нашего царства, от запада до востока, пусть католикос, главный духовный отец, и все еремиты скажут и объяснят нам бедствия церкви и случаи, когда справедливость нарушается».

Его собственное оспоренное престолонаследие и недавний переворот, который мятежникам едва не удалось свершить, послужили царю суровым уроком. Свою главную проблему – отсутствие у него и Бурдухан сына-наследника – Гиорги разрешил, повенчав на царство как сомонарха свою старшую дочь Тamar (его младшая дочь Русудан, вышедшая замуж за Мануэла Комнина, скоро родит первого трапезундского императора). В 1178 году, в древнем замке Уплисцихе, перед всеми старшими духовными лицами и аристократами, чтобы после его смерти не было распрей, Гиорги III лично положил Тamar корону на голову и опоясал дочь царским поясом. Впервые за последние шестьдесят лет престолонаследие казалось обеспеченным.

В следующем году Гиорги опять занялся беспорядками в обществе, созвав законодательный собор: опять воров, независимо от социального положения, вместе с краденными товарами вешали на деревьях и, как говорят летописцы, истреблялись крысы и бродячие собаки⁸³.

8

Царица Тamar

Шесть последних лет царствования Гиорги III, когда он управлял страной совместно с дочерью, почти не оставили следа в истории. Судя по всему, в начале 1180-х годов настал относительно мирный период: именно тогда появились самые великие литературные сочинения грузинского золотого века. *Витязь в барсовой шкуре* Руставели начинается с того, что царь Ростеван венчает на царство свою дочь Тинатин, оправдав этот шаг словами: «Львенок львенком остается, будь то самка иль самец», что, несомненно, отражает если не слова, то мысли Гиорги III. На самом деле в поэме изображены самоуверенность, новые рыцарские ценности и персидская культура той Грузии, которую создал Гиорги.

Гиорги умер в Кахетии накануне Пасхи 1184 года. Патриарх сначала уведомил его сестру Русудан в Самшвилде, а потом уж доложил Тamar в Тбилиси. Царский дворец все еще был окутан трауром, когда вспыхнула стычка между, с одной стороны, первой полноправной царицей в истории Грузии вместе с ее верными придворными, а с другой – с негодующими феодалами. Феодалы и церковь предъявляли будто бы оправданные требования: надо было заново помазать Тamar, на этот раз в Кутаиси, чтобы она приняла венец от кутаисского епископа Антона Сгиридзе и меч от западных князей, Кахабера из Рачи и Вардана Аманели. Ведь деда Тamar Деметрэ так же венчали второй раз в 1125 году, хотя Давит IV (как изображено на фреске в Мацхвариши) уже опоясал его мечом, как Гиорги опоясал Тamar. Тamar подверглась этой второй церемонии: именно тогда, по всей вероятности, она сочинила новую церемонию венчания для потомства, в соответствии с которой помазание царя на власть стало делом не знати, а Бога и царских предков.

83 Brosset M. -F. Op. cit. P. 257.

Вслед за второй коронацией к Тамар явилась депутация феодалов, требующих, чтобы Тамар аннулировала указы отца, продвигающие «подлый» народ и негрузин. И в этот раз Тамар послушалась: бывший холоп Апридон лишился и поста *мсахуртухуцеси* (канцлер), и поместий, а кипчакского генерала Кубасари (которого в любом случае разбил инсульт) отстранили от поста *амирспасалари*, хотя не трогали его удельных земель.

Ободренные освобождением этих двух крупных постов феодалы потребовали, чтобы рядом с царским дворцом в Исани (на окраине Тбилиси) построили для них *карави* (буквально «палатку», а в переносном смысле «палату лордов») и чтобы члены этой палаты имели исключительное право назначать министров и проводить законы, которые только потом передадут царице на формальное подтверждение. Во главе непокорных феодалов стоял царский министр финансов (*мечурчлетухуцеси*) Кутлу Арслан⁸⁴, выходец из аристократического западного рода Джакели; его тюркское имя («счастливый лев») было, вероятно, придумано сельджукской нянькой, иначе он не смог бы возглавить исключительно грузинскую фракцию. Вряд ли Кутлу в самом деле был тем «ублюдком» (*бичи*) или «ишаком», каким обзывает его летописец, влюбленный в царицу Тамар. С другой стороны, Кутлу Арслан еще меньше походил на английского барона Симона де Монфора, и его фракция не добивалась какой-нибудь «Магна Карты», которая ограничила бы власть самодержца и ввела бы правовой порядок. Бунтовщики просто выжимали побольше власти из царицы, которую считали слабой и неопытной, и Кутлу Арслан жаждал стать *амирспасалари*. Летописец Тамар осуждает этот мятеж за то, что он был «персидского типа»: может быть, феодалы хотели, чтобы Тамар действовала по советам Низама ал-Мулка, визира Малик-шаха, который в своей «Книге об управлении» (*Сиясет-Наме*) учил, что царь не должен принимать решений без одобрения министров.

Тамар приказала арестовать Кутлу. Мятежники грозили, что прибегнут к насилию, если она его не освободит. Тогда царица подослала на переговоры двух женщин, Хуашак Цокали (мать картлийского князя) и Краву Джакели, на переговоры, нарочно затягивая переговоры, чтобы выиграть время для подготовки вооруженного ответа. Хуашак и Крава предложили прощение всем, кто раскается, кроме Кутлу Арслана. Мятежники не могли договориться между собой и сдались. Не совсем ясно, чего они добились и на какие уступки пошла Тамар: в конце концов Кутлу простили, но он ушел из политики. Некоторые союзники Кутлу (которые вскоре примут участие в очередном восстании) получили министерские должности. Тем не менее никакой «палаты лордов» Тамар не создавала и со своим советом (*дарбази*) она держалась не более почтительно, чем предшествующие грузинские монархи.

Главное препятствие на раннем этапе царствования Тамар представлял престарелый католикос-патриарх Микел Мирианисдзе. Он сумел добиться того, чтобы его предшественник, Николоз Гулаберисдзе, досрочно ушел в отставку: Николоз, прослужив с 1150 по 1178 год, уехал за границу не паломником, а посланником Гиорги III, чтобы расширить деятельность иберийского монастыря на Афоне. Потом он отправился в Иерусалим, чтобы откупить у латинского короля Бодуэна IV виноградники и поместья грузинского монастыря Креста, конфискованные крестоносцами, уговорить не брать налогов с грузинских монахов и паломников и не мешать им. Но Микел, будучи епископом и Самтависи, и Ацкури, пользовался огромной властью; выдворив всеми уважаемого Антона Глонистависдзе, Микел сделался вдобавок епископом Чкондиди и тем самым *мцигнобартухуцеси* (главным секретарем – фактически премьер-министром). Антона Глонистависдзе заточили в монастырь Давита-Гаресджа, а для убийства двух братьев Антона наняли Кахаберидзе, богатого феодала из Рачи и потомка пресловутых Багвашей. Микел забрал в свои руки все бразды правления.

Против церковного беспредела в 1185 году Тамар попробовала тактику своего прадеда Давита IV: созвала церковный собор, который должен был заставить замолчать

⁸⁴ Bakht'adze M. Qutlu-arslanis dasis gamosvlis shedegebis shesakheb / Ed. B. K'udava // Ist'oriani. Tbilisi, 2009. P. 220–231.

оппозиционные голоса. Католикос Микел не был приглашен для участия в соборе, зато из Иерусалима был вызван Николоз Гулаберисдзе, чтобы он вместе с другим ненавистником Микела – епископом Кутаисским – руководил прениями. Заседание открыла сама царица. Собор счел, что не имеет права ни свергнуть патриарха, ни уволить главного министра монарха, и Микел сохранил всю свою власть. Все, что Тамар удалось, – это заменить некоторых враждебно настроенных епископов своими сторонниками.

Тамар предстояло еще одно сражение с двором и с церковью, которые настаивали, чтоб она вышла замуж и родила наследника. В этой борьбе участвовали не только патриарх, но и ее два раза овдовевшая, но бездетная тетя Русудан. К тому же феодалы хотели, чтобы своим браком Тамар заключила союз с крупным и мощным христианским государством. Византия к тому времени уже приходила в упадок, и единственной великой христианской державой была Киевская Русь. Обсудив вопрос, *дарбази* выбрал самого близкого, подручного киевского князя, Юрия Андреевича Боголюбского. Боголюбскому было всего двадцать четыре года, но он уже стяжал себе блестящую славу в бою против своих родственников. За женихом не надо было даже далеко ехать: изгнанный родным дядей Всеволодом из своего новгородского удела, Боголюбский ютился у кипчаков в Селендже на Северном Кавказе (кипчаки возвращались в Селенджу после набегов на Киевскую Русь). Тамар не хотела выходить замуж, тем более второпях и за совершенно ей неизвестного чужеземца. Но тетя Русудан, католикос Микел и тбилисский купец Абуласан (грузин, несмотря на арабское имя) послали Занкана Зорабавели, видного еврейского купца из Тбилиси, через перевал за женихом. (Потом обнаружилось, что Абуласан и Зорабавели представляли тех купцов, которые были сильно заинтересованы в тесных коммерческих связях с Россией: как только Боголюбский приехал, Абуласан сделал себе карьеру, став крупным землевладельцем и потом министром финансов⁸⁵.) Несмотря на сопротивление Тамар, свадьба была сыграна незамедлительно. Юрия объявили монархом (*мене*), а Тамар осталась верховной правительницей (*менета-мене, дедопалта-дедопали*, монарх монархов, царица цариц).

Юрий скоро оправдал себя в бою, как это мог сделать только мужчина-монарх (Тамар обычно сопровождала армию до последней церкви или монастыря на грузинской территории и там обращалась к своим войскам и молилась за победу). Юрий вторгся в Армению, осадил Двин, напал на Карс, сжег всю сельджукскую землю вплоть до Басиани (на севере от Эрзурума) и привез домой огромную добычу. На грузинских монетах чеканили инициалы Юрия и надпись «Боже, возвеличи царя и царицу»; армянские надписи с 1185 до 1191 года называют Юрия «Георгий Завоеватель». Прославленные после еще одной кампании монархи-завоеватели поехали в гости к Ахсартану, правителю Ширвана. Все свое царствование Тамар с большой охотой ездила по своему царству и по царствам дружественных вассалов, гостя у князей и у родственников, совершая паломничества в монастыри и церкви.

Кроме военных успехов, однако, союз Боголюбского с Тамар никаких плодов не приносил: о русско-грузинских связях не было ни слова, кроме мнимого участия грузинских ремесленников, строивших Дмитриевский собор во Владимире⁸⁶. В частном плане брачные отношения оказались катастрофичными: вряд ли они были даже осуществлены. Летописец обвиняет Юрия в мужеложстве: «У русского стали обнаруживаться скифские нравы: при омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать». Для увещевания мужа Тамар подослала монахов. Но он «не только не уразумел советов, но стал совершать еще более губительные проступки, безо всякой причины подвергнув уважаемых людей избиению и пыткам путем вырывания их половых органов». Наконец, в 1188 году, после двух с половиной лет невыносимого унижения и издевательств,

⁸⁵ *Met'reveli R.* Мере Тамари. Tbilisi, 1991. P. 129–155; *Mamistvalishvili E.* Kartvel ebraelta ist'oria (anti'k'uri da peodalizmis khana). Tbilisi, 1995. P. 280 (на груз. яз.) (есть Зорабавел в Евангелии от Матфея I:12).

⁸⁶ *Ватейишвили Д. Л.* Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 3. Кн. 1.

Тамар потребовала, чтобы *дарбази* и епископы аннулировали ее брак. Епископы, решив, что содомитское поведение еще хуже любых избиений и пыток, единогласно аннулировали брак, щедро заплатили Юрию золотом и драгоценными камнями и отправили его морским путем в Константинополь.

В том же году умер патриарх и *мцигнобартухуцеси* Микел Мирианисдзе. Летописец замечает: «Никто из-за него не предавался горю, ни великий, ни малый, потому что все презирали его». Руки у Тамар наконец были развязаны, она освободила бывшего главного министра Антона Глонистависдзе из монастырского заключения, и церковь назначила патриархом брата Микела, Тевдоре, который оказался уступчивым человеком. Когда в 1190 году умер всеми любимый генерал Гамрекели Торели, Тамар смогла назначить на этот пост того Саргиса Мхаргрдзели, который во время осады Орбели и других бунтовщиков перебежал к ее отцу; два сына Саргиса, Закарэ и Иванэ, показали себя самыми одаренными из сторонников Тамар как в военном деле, так и в политике. К группе приверженцев царицы принадлежал и Чиабери, приемный сын Гиорги III и фактически брат царицы, который раньше возглавлял Министерство финансов, а теперь стал *мандатуртухуцеси*, министром внутренних дел (хотя потом этот последний и самый влиятельный пост стал наследственным у семьи Мхаргрдзели). У Мхаргрдзели и так были огромные поместья и в Грузии, и в Армении; учитывая их политическую власть и таланты, другие феодалы пока закрывали глаза на их курдско-армянское происхождение, но тот факт, что они оставались монофизитами, порождал серьезные конфликты. В 1208 году дело дошло до того, что католикос Иоанэ всенародно отстранил «еретика» Закарэ от причастия. Закарэ пришлось созвать грузино-армянский церковный собор в поисках компромисса, но грузинские диофизиты были непреклонны. (Иванэ же решил заново креститься диофизитом.)

Освобожденная от ненавистного мужа, Тамар могла выбрать жениха по сердцу — уникальный случай в истории царских бракосочетаний. Ее тетя Русудан приходилась приемной матерью молодому осетинскому цесаревичу, Давиту Сослану, воспитанному вместе с Тамар. Его прозвище Сослан происходит от осетинского полубога-полубогатыря Сослана («высеченного из камня и вскормленного волчьим молоком»), а на кипчакском языке «сослан» просто значило «грозный». Точно так, как грузинских царевичей, бывало, воспитывали в Византии, осетинских цесаревичей воспитывала грузинская царская семья, что поощряло хорошие отношения между православными государствами. В любом случае Давита Сослана можно было считать уже Багратидом, так как он был прямым потомком Гиорги I от второй жены, осетинки Алдэ, и являлся родственником Давита IV, который выдал двух дочерей за осетинских царевичей. Хотя с точки зрения политики союз с Осетией принес Грузии мало пользы, как царский супруг Давит Сослан подходил идеально. Военным он оказался не менее доблестным, чем Боголюбский, а мужем куда более адекватным: других, более престижных женихов, *дарбази* уже не искал. Бракосочетание состоялось в 1189 году, и в 1192 году Тамар родила будущего Гиорги IV «Лашу», а через год дочь Русудан. В политике этот союз был таким же плодотворным, так как Давит Сослан умел быть суровым с изменниками, в то время как Тамар могла проявлять только милосердие.

Все ссоры и споры, раскалывавшие грузинский двор с начала царствования Тамар до ее второго брака, дали мусульманским соседям возможность оправиться от грузинского гнета. Возобновлять войны Гиорги III стало намного труднее, после того как 2 октября 1187 года Салах ад-Дин, айюбидский султан Египта, завоевал Иерусалим. Для Тамар самой срочной задачей было обеспечение привилегий для грузинского монастыря Святого Креста. Она отправила два посольства к Салаху ад-Дину: второе в 1192 году добилось привилегий для грузинских паломников и освободило монастырь от налогов, при условии что Тамар обещала не воевать на территории ни одного айюбидского султана. Существует документ на арабском, в котором Тамар обещает «во имя Отца, Сына и Святого Духа быть другом Ваших друзей, врагом Ваших врагов, пока я живу, иметь самые лучшие намерения, никогда не нападать на Ваши города, государства, крепости». (Возможно, однако, что Тамар обращалась не к Салаху,

а к сельджукскому султану Килиджу Арслану II, с которым, как и с Салахом, Грузия никогда не воевала.)

Давит Сослан предпочитал представлять свои кампании как оборону, а не нападение. В 1190 году он набросился на сельджуков, совершавших набеги на Тао, разгромил их и привез в тбилисский двор большую добычу. Затем местный феодал Гузан изгнал из Тао эрзурумского султана. В 1191 году разразилась настоящая война, международная и гражданская. В Эрзуруме вдруг появился Юрий Боголюбский, и эрзурумский султан с радостью приветствовал предлог освободиться от грузинского суверенитета. В Эрзурум были приглашены все знатные поклонники Боголюбского, большей частью из Тао-Кларджети; среди них оказались два министра, канцлер Вардан Дадиани и Боцо, государственный казначей и *спасалари* (командир) Самцхе, то есть всех южных провинций. В партии сторонников государственного переворота оказались и тбилисские купцы, которые так проворно перевезли Боголюбского через Кавказский хребет. Главным бунтовщиком, однако, оказался тот Гузан таоский, который всего год назад так самоотверженно защищал царицу. Сторонники Боголюбского вторглись глубоко, до царского дворца в Гегути на окраине Кутаиси, и там венчали Юрия на царство. Как только Тамар оправилась от потрясения, она послала посредниками патриарха Тевдоре Мирианидзе и кутаисского епископа. Бунтовщики отказались от переговоров и разделили свою армию на два крыла, отправив северное на восток через гору Лихи, чтобы занять крепости Начармагеви да Гори, пока южное крыло сжигало Одзрхе и готовилось захватить Тмогви, Ахалкалаки и весь юго-восток. Тамар каким-то образом узнала о планах бывшего мужа и послала верные войска, чтобы отбить его атаки. Южных бунтовщиков разгромили на востоке от Тмогви, а северная армия пришла в смятение, услышав о разгроме южной. Вожди обоих крыльев сдались в плен, надев на шеи веревки, и предложили сдать самого Боголюбского, если Тамар поручится не казнить его.

Тамар отозвалась с характерной мягкосердечностью: Юрия опять сослали в Константинополь, в этот раз без алиментов; главные повстанцы лишились постов, но сохранили голову. Вместо них Тамар назначила проверенных людей, верноподданных Иванэ и Закарэ Мхаргрдзели, канцлером и главнокомандующим. Гузан тайком пробрался домой и там сдал свой замок Таоскари вместе с другими крепостями мусульманскому правителю Шах-Армении, а затем напал на царские войска с горы Кола, но был взят вместе с семьей в плен. На этот раз Давит Сослан опередил свою милосердную жену (отвергавшую любые пытки, увечья и казни) и еще до того, как Гузана отдали под суд за измену, выколол ему глаза. Сын Гузана попытался выручить мать и детей, но и его поразила царская армия, которая затем вернула все крепости, отданные врагу Гузаном.

По грузинским традициям, рождение наследника отмечалось не только царскими подарками и амнистией для пленных, но и проявлением военной мощи. В 1192 году, когда родился Гиорги Лаша («свет мира» по-абхазски), Давит Сослан вторгся в Азербайджан и взял древнюю столицу Кавказской Албании, Бардави. Потом он возглавил карательную экспедицию в Эрзурум, который он взял, несмотря на то что врагу помогал карсский султан Насреддин Салдух. Эти вторжения, более для острастки, чем для завоевания⁸⁷, вызвали мощный ответный удар: сельджуки воззвали к Халифу ал-Насиру в Багдаде о поддержке, и халиф велел всем мусульманским правителям объявить *джихад* против Грузии.

Вождем мусульманской коалиции стал азербайджанский атабаг Абу-Бакр: он пришел к власти в 1191 году, убив предыдущего атабага Кизила Арслана из династии Элдигюзов (верного вассала иракского султана Рукна ад-Дина Тогрула), затем умертвив или изгнав своих родных братьев. Сначала Абу-Бакр напал на союзный Грузии Ширван и изгнал ширваншаха Ахсартана (сына грузинской царевны); после нашествия Абу-Бакра случилось землетрясение, которое истребило бо2льшую часть населения Ширвана. Ахсартан вместе с зятем Амиром Михраном (братом Абу-Бакра, с которым он поссорился) попросили помощи у Тамар и Давита Сослана, которые оказали им роскошный и радушный прием и обещали

87 Met'reveli R. Op. cit. P. 169–170 (для другой версии).

поддерживать Ширван. У Амира Михрана были грандиозные амбиции: он хотел не только захватить империю Абу-Бакра, но и властвовать в Иране, и предложил передать Грузии столько и какой угодно территории в обмен на помощь. Тамар и Давит были слишком опытны, чтобы поощрять дикие мечты Амира Михрана, но все-таки решили напасть на Абу-Бакра.

Властолюбие Юрия Боголюбского тоже было неутолимо: в 1193 году он вернулся из Константинополя, чтобы служить азербайджанскому атабагу, назначившему его губернатором северной провинции Ар-Ран на границе Грузии. Здесь Юрий женился на дочери кипчакского генерала, собрал армию и разграбил Камбечан, юго-восточную провинцию Грузии. Его очень быстро разбил Сагир Махатлисдзе, князь Хорнабуджи (столицы Камбечана); куда потом пропал Боголюбский, неизвестно. Армянские источники предполагают, что его заточили в монастырь Лурджи в Тбилиси, но его могила не найдена.

В этом же и в следующем году другие грузинские войска под командой Закарэ Мхаргрдзели сражались на берегах Аракса, вторгаясь в города Двин, Амберд и Биджнис. 2 июня 1195 года на рассвете главная армия под руководством Давита Сослана билась в Шамкоре в Азербайджане с целой мусульманской коалицией, после того как Сослан, «действуя, как Ахилл», выручил братьев Мхаргрдзели, сбитых с коней, проломил городские ворота и зашел в тыл врага. Шамкорская победа по доблести и бесповоротности равна Дидгорской победе, одержанной за семьдесят четыре года до этого. В Шамкоре захватили знамена халифа, которые Тамар подарила хахульскому монастырю, и город был взят. Грузино-ширванская армия затем повернулась к Гяндже, где горожане сдались без сопротивления. Давит Сослан устроил торжественный прием в султанском дворце, а затем отдал Гянджу Амиру Михрану, который властвовал там как грузинский вассал.

Ликование закончилось, когда Абу-Бакр ускользнул из окружения и сбежал в Нахичевань: через три недели агенты Абу-Бакра отравили Амира Михрана, и сам Абу-Бакр вторгся в Гянджу: военные стычки между Грузией и Гянджей (и соседними частями Азербайджана) на целые десять лет превратили Гянджу в развалины. Армия Сослана продолжала продвигаться на юг, погружая Абу-Бакра в такое отчаяние, что он запретил своим министрам даже упоминать о грузинских успехах, а потом спился и скоро умер. В 1197 году грузины дошли до Нахичевани и заставили этот знаменитый «персидский базар» платить пошлыны. Захват Нахичевани и Шемахи наполнил грузинскую казну. (Не важно, что Грузия не смогла взять Гянджу даже после смерти Абу-Бакра в 1195 году.) Грузинский триумф внушил такое уважение, что некоторые иранские и тюркменские государства, соседи Азербайджана, даже протягивали Тамар и Сослану руку дружбы. Но через двадцать лет эти триумфы вызовут у объединенного Ирана не дружеские, а враждебные и мстительные чувства.

Пока Сослан воевал на востоке, на западе Иванэ Мхаргрдзели вел солдат в бой, систематически отбирая армянские города у мусульман: в 1196 году – Гелакун и Амберд, в 1199 году – Ани, в 1201 году – Биджнис и, наконец, в 1203 году – Двин.

Военные успехи расширяли Грузию слишком быстро и слишком протяженно. Несмотря на рост населения и процветающее хозяйство, Грузии не по силам было выставить достаточно вооруженных людей, чтобы удержать империю в тысячу километров с запада на восток и с севера на юг. К тому же Грузия уже рисковала нарушить суверенитет айюбидских султанов, а значит, и договор между Тамар и Салахом ад-Дином. Сельджукский султан в Руме (известный Рукн ад-Дин) в то время готовился воспользоваться слабостью Византии и захватить все Черноморское побережье: ему мешала укрепленная и агрессивная Грузия. Поэтому в 1201 году Рукн ад-Дин напал на Эрзурум и заменил грузинского вассала Салтук-оглы своим братом Могисом ед-Дином Тогрулом, который отбил от грузинских сюзеренов. Год спустя Рукн уже собирался вторгнуться в саму Грузию и захватить все христианское Закавказье. Конфликт начался с обмена любезностями и подарками, но скоро перешел в брань: Рукн ад-Дин писал Тамар, что «все женщины слабоумны, а Тамар – царица-дура, убивающая мусульман и вымогающая у них налоги». Тамар ответила вежливо:

«Вы уповаете на золото и армию боевиков, а я – на Божью власть»⁸⁸. Вестник привез второе письмо Рукна в Тбилиси: он требовал капитуляции и угрожал, что всех христиан искоренит. У вестника еще был устный постскрипtum: Рукн ад-Дин предлагал жениться на Тамар, если она примет мусульманство, а если нет, то сделает ее своей наложницей. Закарэ Мхаргрдзели ударом кулака сбил вестника и сказал ему, что, не будь у него дипломатической неприкосновенности, он вырезал бы у него язык, а потом отрубил бы голову и что пусть Рукн дожидается Божьей кары, которую принесут ему грузины. Вестник уехал в Эрзурум, не сообразив, что *дарбази* уже объявил войну и что грузинская армия через десять дней отправится в Эрзурум.

Давит Сослан, братья Иванэ и Закарэ Мхаргрдзели, Иванэ Торели и братья Шалва и Иванэ из Ахалцихе повели самую крупную армию в истории Грузии: Тамар сопровождала армию до пещерного монастыря Вардзия, где помолилась за победу. Рукн ад-Дин таким же образом собрал всех, кого смог: ему помог шурина, эрзинджанский султан, но подвел Эрзурум, который вдруг вспомнил, что является вассалом Грузии. По подсчетам арабских и турецких историков, мусульмане собрали 400000 человек, которые разбили лагерь под Басиани в Южной Тао. Ночью 23 июля 1202 года грузинская армия застала турок врасплох, но силы Рукна ад-Дина так быстро и люто оправившись от шока, что грузинской коннице пришлось спешиться. Грузины смотрели поражению в лицо, когда в последний момент два резервных крыла спустились с высот и окружили врага. Историк Ибн Биби винит лошадь султана, которая завязла в болоте, что породило слух о гибели Рукна ад-Дина и погрузило армию в отчаяние⁸⁹. Прошло несколько дней, пока не стало ясно, что грузины выиграли битву при Басиани. Среди пленных были аристократы, включая эрзинджанского султана, которого выкупили за табун породистых лошадей. Добыча была разнообразная: нашли *карабадин*, арабский медицинский трактат, и *мцигнобартухуцеси* Антон Глонистависдзе приказал перевести его на грузинский язык. Перевод *Врачебной книги* стал первым в целой серии руководств по греко-арабской медицине. Теперь медицину можно было включить в программу обучения грузинских академий. (У Антона Глонистависдзе был широкий диапазон интересов: он заказал много новшеств, включая изысканный акведук, снабжающий монастырь Шио-Мгвиме водой.)

Басианская битва создала грузинским вооруженным силам ореол непобедимости. Рукн ад-Дин умер в 1204 году, и какое-то время его наследникам Килиджу Арслану и Кайкаусу I не удавалось отомстить за его поражение. Грузия уже мнила себя главной христианской державой Востока, особенно после того, как крестоносцы в 1204 году разгромили Константинополь. Только после того, как грузинские армии захватили Манцикерт, напали на Хлат (на озере Ван) и подступили к Эрзуруму, мусульмане одержали победу. Оправившись, Грузия в 1206 году заняла и Эрзурум, и Карс, подкупив губернатора Карса, который сдал город. Потеря Эрзурума и Карса, важных центров на пути венецианской торговли между Европой и Ираном, нанесла большой ущерб султанатам. Хлат осаждал Иванэ Мхаргрдзели, но он сам попал в плен и освобожден только тогда, когда грузины согласились на перемирие, заплатили выкуп в 100000 денариев и Иванэ отдал родную дочь замуж за хлатского султана. (Закарэ, брат Иванэ, раньше угрожал горожанам Хлата, что всех перебьет, если Иванэ не отпустят. Когда Иванэ освобожден, в знак благодарности он заказал фрески грузинских святых для монастыря в Ахтале.)

В 1208 году в конфликт вдруг вмешались Айюбиды, с которыми Тамар подписала мирный договор: Айюбиды заняли Хлат и заставили непокорных хлатовцев принять айюбидского правителя, Малика Ахуада. Таким образом, между христианской Грузией и

88 *Shanidze M.* [Ori sit'qva tamaris ist'orik'osta tkhzulebebis t'ekst'shi] / Ed. B. K'udava // Ist'oriani. Tbilisi, 2009. P. 486–487 (первое правильное чтение этого письма).

89 *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Copenhagen, 1959.

султанатами были установлены и граница, и мир, и Грузия больше не претендовала на территорию по ту сторону Аракса.

В 1207 году умер Давит Сослан, и в последующие семь лет имя Тамар почти не упоминается в грузинских летописях. Тем не менее Грузия продолжала агрессивную экспансию на юго-восток, и Элдигюзская империя страдала не только от внутренних конфликтов, но и от грузинского грабежа, пока Грузия не одолела соседнюю Центральную Армению. В то же время грузинская армия все ближе подходила к Ардабилу в Азербайджане. Однако ардабильский султан нанес удар первым: в 1209 году, пока Тамар и ее двор праздновали Пасху во дворце Гегути, султан вторгся в открытые ворота Ани, взял штурмом все церкви, перебил 12000 молящихся армян, разграбил город и отступил. Ответ из Гегути был таким же ужасным и кощунственным: в начале Рамадана грузины набросились на мечети Ардабила и тоже перебили не только тысячи людей, но и самого султана, взяв его семью в заложники.

Неистощимая энергия братьев Мхаргрдзели довела их войска до иранской глубинки: посоветовавшись с *дарбази*, Тамар в 1210 году разрешила наступление по южному берегу Каспийского моря и вторжение в Хорезм. Репутация Мхаргрдзели стала до такой степени грозной, что крупные города Тебриз, Мияне и Казвин просто открыли ворота захватчикам и заплатили дань, чтобы избежать боя. Иранские войска сопротивлялись изредка, и главной задачей для грузинской армии оказался перевоз добычи в Грузию. Обогатились феодалы, государственная казна и церковь, но Тамар умудрилась сделать так, чтобы и нищим досталась хоть часть добычи. Современников озадачивал захват их армией мест, «о которых никогда даже не слыхали». В конце концов Тамар и братья Мхаргрдзели поняли, что перебарщивать не стоит. Уже год назад Грузия получила предостережение. Подбивая армян на восстание против последних их мусульманских сузеренов, грузины опять осадили Хлат; Малик Ахуад вдруг побоялся, что его же люди сдадут город грузинам, и заперся в замке. Тогда Айюбидский султанат объявил, что дальнейшие нарушения договора не пройдут безнаказанно. Грузия смогла присоединить к себе лишь Северную Армению. После такого раздела в 1209 году установился прочный мир. Мхаргрдзели привели грузинских ремесленников и заново отстроили великолепные церкви и собор в Ани⁹⁰.

В то же время возникла более выгодная, менее кровавая и неотложная возможность для расширения государства. После 1204 года Византия, благодаря коварным крестоносцам, сжалась и фактически целиком потеряла Анатолию. Пока румский султан Рукн ад-Дин обдумывал планы, Тамар пошла на решительный шаг. Она захватила длинную полосу Черноморского побережья от Синопа до Трабзона. Здесь жили не только греки, но и лазы, картвельский народ, говорящий на языке, близком к грузинскому. Таким образом Тамар создала подчиненное себе буферное государство. Предлогом для вмешательства в дела Византийской империи было ограбление в Константинополе двух грузинских монахов, везших подарки Тамар в иерусалимский монастырь Святого Креста. Для буферного государства уже подготовили марионеточного императора. Когда в 1185 году в Константинополе императора Андроника убили, а затем ослепили его сына и зятя Тамар, Мануэла Комнина, Тамар пригласила своих племянников, Алексия и Давида, сыновей Мануэла, в Грузию, где их воспитали при грузинском дворе. Эти послушные племянники могли даже считать себя наследниками византийского престола. В 1204 году вместо Константинополя, однако, Тамар подарила Алексию Трабзон, и Алексей I стал первым императором Трапезундской империи⁹¹. В том же году умер Рукн ад-Дин, и сельджуки были в таком смятении, что оказались неспособными раздавить это новое псевдовизантийское государство: грузинские гарнизоны заняли Трабзон, Самсун и другие черноморские города.

90 Март Н. Я. Ани, книжная история города и раскопки. М., 1934.

91 Tumanoff C. On the Relationship between the Founders of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Tamar // Speculum, 1940. Vol. 15. № 3. P. 299–312.

Затем Тамар и Давит Сослан постарались не провоцировать новых войн и перестали вторгаться в чужие территории. Они настаивали, что просто помогали ссыльным византийцам утвердить свои права.

Внешние дела окончились. Для армии оставался только внутренний конфликт: в период с 1210 по 1213 год горцы – чеченцы, дагестанцы, грузинские пшавы – объединились, и в 1212 году, после смерти грозного генерала Закарэ Мхаргрдзели от неизлечимого недуга, до того разнуздались, что Иванэ Мхаргрдзели пришлось разобраться с ними. Сначала он выпросил у Тамар чин атабага Самцхе, новый наследственный ранг, который со временем станет фактически царским в Самцхе. Новый атабаг затем повел армию на вершины, отделяющие Европу от Азии, и окружил чеченцев, так что они бросили мятежников, и в три месяца беспощадно усмирил весь Северный Кавказ. После этого Иванэ смог с гордостью сказать Тамар: «По вашему приказу я разорил упрямые земли дидовцев и пшавов». Эти меры еще больше расширили территорию Грузии: от Синопа в Трапезундской империи до Каспийского моря было тысяча триста километров, столько, сколько от Туапсе (тогда Никопсии) до Нахичевани.

Когда Давит Сослан умер в 1207 году, Тамар венчала их пятнадцатилетнего сына Гиорги Лашу как сомонарха. Ее чувство изолированности и уныние усугубились после смерти ее самых доверенных министров, Антона Глонистависдзе и Закарэ Мхаргрдзели, и ее роль в жизни страны заметно уменьшилась. У нее остался всего один близкий советник, атабаг Иванэ Мхаргрдзели, которого она сделала *амирспасалари*. Тамар была озабочена своей болезнью, вероятно, раком, возможно, чахоткой. Она умерла в январе 1213 года. (Некоторые летописцы ошиблись в подсчетах или плохо переписывали и поэтому предпочитают 1207 год.) Однако точно известно, что Тамар умерла после подавления горцев, и монета 1210 года носит ее инициалы вместе с инициалами Гиорги Лаши⁹². В замке Начармагеви во время заседания она вдруг объявила министрам и духовным лицам, что «долгое время скрывала недуг, не поддающийся лечению, который оказался болезнью, не знающей пользы от лекарств, чтобы никого не беспокоить... при таких продолжительных военных делах... природная слабость женщины не могла позволить телу жить». На паланкине царицу помчали в летний дворец около Тбилиси. Несмотря на заботы врачей и священников, ей стало хуже. Последней отчаянной мерой был перевоз царицы в густой лес на вершину горы в зимний мороз (это наводит на мысль, что она страдала чахоткой), но она почти сразу умерла, поручив своим подданным обоих детей, Гиорги и Русудан, как наследников.

Могила Тамар до сих пор ищут в Гелати, в Вардзии и в монастыре Святого Креста в Иерусалиме. Письмо (датированное 1204 или 1210 г.) от крестоносца Гильома де Буа к Амадеусу, епископу Безансона, говорит только, что «шестнадцатилетний сын» (Гиорги было шестнадцать лет в 1208 г.) надеялся привезти кости матери для захоронения в Иерусалим (но не говорит, что и в самом деле привез)⁹³. В 1976 году два женских скелета нашли в подвале монастыря Святого Креста, но ДНК не брали. Гораздо убедительнее выглядит проверенный факт, что другая Тамар, жена царя Давита Нарына, приезжала в одну молельню Гелати между 1260 и 1293 годами, чтобы молиться у могилы царицы Тамар; с незапамятных времен в Гелати ежегодно 1 (14) мая служат панихиду за упокой души Тамар.

Ни один грузинский царь не вдохновлял столько поэтов и летописцев, при жизни и посмертно, сколько Тамар. Среди горцев она стала полубогиней: они поместили ее в пантеон, как богиню плодородия. Церковь канонизировала ее, а монахи, переписывающие Евангелие, называли ее «четвертым членом Троицы». Памятником ей является *Витязь в барсовой шкуре*

92 Rapp Jr. S. H. The Coinage of T'amar... // Le Musée on, 1993. Vol. 106. № 3–4. P. 309–330.

93 Pahlitzsch J. Georgians and Greeks in Jerusalem (1099–1310) // East and West in the Crusader States / Eds. K. Ciggaar, H. Teule. Netherlands, 1996. P. 38. Note 17; *Ватейшвили Д. Л.* Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 3. Кн. 1. С. 135–140; *Salia K.* History of the Georgian Nation. P., 1983. P. 172.

Руставели⁹⁴, героини которого так же решительны и великодушны, как герои, и где рыцарская культура уже выходит за пределы национальные, даже персидские. В этой культуре сливаются неоплатонизм, христианство и здравый смысл совершенно в новом кодексе ценностей. Поэма Руставели не только дань идеализированной даме: она открывает собой свободомыслящее Возрождение, которому в Грузии, к сожалению, суждено было оказаться мертворожденным.

9

Монгольское нашествие

С самого начала своего царствования Гиорги IV Лаши проявил удивительную военную доблесть и широкий круг интересов. Но двор, и в особенности воспитателя царя атабага Иванэ Мхаргрдзели, тревожили высокомерная самоуверенность и порывистый характер молодого наследника. Как только к престолу пришел новичок, возникла срочная необходимость заново убедить вассалов Грузии, что новый царь с той же решительностью будет продолжать имперскую политику. Азербайджанский атабаг Узбек первый прозондировал почву, задержав выплату ежегодной дани. В ответ Иванэ Мхаргрдзели сразу направил войска в Гянджу, которую он осадил, но не штурмовал, в надежде просто утвердить грузинский суверенитет. Гиорги был недоволен решением своего генерала, отвел 4000 человек из осадных сил и повел их на другую сторону города, чтобы напасть сзади. Гянджинский гарнизон увидел, что отделившийся отряд Гиорги был защищен плохо, вышел из крепости и напал на грузин. Хотя грузины в конце концов одержали победу, потери оказались тяжелыми. (Осажденные горожане так сильно голодали, что в любом случае Узбек был готов мириться.) Дань Гянджа заплатила, но за необузданность Гиорги получил строгий выговор.

Вслед за армией поведением царя возмутилась церковь. Пока Гиорги отдыхал и охотился в Кахетии в деревне Велисхихе, он заметил молодую красавицу недворянского происхождения: Гиорги ее соблазнил и, несмотря на то что она была уже замужем, поселил у себя. В 1215 году она родила ему сына (будущего Давида VII Улу); ребенка Гиорги отдал на воспитание сестре Русудан. Католикос вместе с епископами и с министрами пришли к Гиорги с увещанием: женщина была замужняя и незнатная. В IX веке игумен Григол заставил Ашота Великого отдать свою наложницу в монастырь; теперь Гиорги Лаши заставляли отдать свою возлюбленную монахиням, которые бы отвезли ее к мужу. Но Гиорги твердо объявил красавицу из Велисхихе своей женой и отказывался от всех браков, предложенных его *дарбази*. Он допустил самую серьезную для царя ошибку: не обеспечил государство законным престолонаследником мужского пола. С тех пор Гиорги продолжал сердить придворных и возмущать летописцев тем, что пренебрегал мудрыми советниками матери, а общался «только с ровесниками».

Гиорги искал утешения на брачном поле. Как в Гяндже, так и во всем Азербайджане, Грузия одерживала верх с большим трудом. За последнее десятилетие на востоке от Каспийского моря образовалось новое агрессивное государство – Хорезм. Хорезмские цари задались целью завоевать и объединить Иран, и достижению этой цели мешали не только азербайджанский атабаг Узбек, но и Грузия. В 1215 году хорезмшах Мухаммад II вторгся в Азербайджан и превратил Узбека и Гянджу в своих вассалов. Гиорги IV в ответ вступил в Южный Азербайджан, так что Узбеку пришлось пожаловаться хорезмшаху, который предупредил Гиорги, что весь Азербайджан уже подчиняется Хорезму. В Гяндже с каждого минарета громко восхваляли хорезмшаха и на всех монетах чеканили его изображение. Хорезм смог собрать армию в 50000 человек: если бы в 1218 году в Хорезм не вторглись монголы Чингисхана, все Закавказье было бы завоевано.

94 Лучшие переводы Руставели на русский язык сделаны Константином Бальмонтом и Шалвой Нуцубидзе.

В те годы в странах, подчиненных Грузии, бушевала страшная инфляция. Есть в развалинах церкви в Ани каменная глыба: высеченные на ней девятнадцать строк описывают, как глава грузинской церкви католикос Эпифанэ освятил церковь и примирил враждебных мирян-диофизитов с духовенством. Конфликт возник оттого, что цены на крещение, брак и похороны стали втрое дороже (100 тбилисских драхм), и к тому же священники требовали для себя банкет или целую воловью шкуру. Уступать духовенство не хотело, и миряне перестали ходить в церковь. Эпифанэ приказал, чтобы цены понизили на две трети, а остальное – в зависимости от средств прихожан. Судя по всему, инфляция касалась всех товаров и услуг, и неудивительно, что армянские города больше не хотели платить тбилиским властям налоги. В отличие от востока, где агрессивно настроенный Хорезм обессилил грузинскую армию, на юге Гиорги IV еще мог взыскивать с подчиненных и в 1219 году заставил подвластные ему Нахичевань и Карну-Калак (Эрзурум) платить ежегодную дань. Только Хлат на озере Ван воспротивился и сдался после вторичного завоевания.

К 1220 году Гиорги, по-видимому, восстановил положение Грузии как наиболее значительного государства между Анатолией и Ираном. Он стал известен крестоносцам: папа Гонорий III, который надеялся затеять Пятый крестовый поход, несмотря на промедление императора Священной Римской империи Фридриха II, направил через прелата Пелагия в Дамiette письмо к Гиорги и просил его помочь латинцам освободить Иерусалим от мусульман. Гиорги Лаши уже собирался уехать в Палестину, как вдруг Грузия очутилась совершенно в непредвиденной опасности.

Анонимный летописец вспоминает:

«В стране Солнечной на Востоке, которую именуют Чинмачин, явились некие люди из местности дивной, именуемой Каракорум, чуждые ликом, нравами и внешностью. <...> Они чужды по языку, чужды обличьем, чужды бытом; не знали вкуса хлебного, но мясом и молоком бессловесных питались. Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами, прекрасны и белолицы, с глазами узкими и карими, удлинненными и яркими; большеглавые, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и видны были лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые; совершенно безбородые. <...> Вместе с тем обрели они мужество и были лучниками избранными, безупречно стреляющими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел.

Так были дивны эти люди, что, глядя на них, можно было признать их безумными. Но всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого не было промеж них нигде. Не было у них подобострастия пред лицом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингискаеном»⁹⁵.

Если бы *монапире* стерегли границы как следует, опасность не была бы такой неожиданной: в 1218 году Чингисхан приказал своим генералам Джэбе и Субэдэю завоевать Хорезм и соседние государства. К 1220 году задание было выполнено, и Хорезм, как и вся Средняя Азия, находился в руках монголов. Изгнанный Мухаммад II умер от плеврита на острове в Каспийском море. Оказалось, что монголы были не только опытными лучниками на лошадях неслыханной быстроты и выдержки: они привезли с собой китайские осадные орудия (катапульты и тараны) с китайскими саперами; они сровняли города с землей, грабя и предавая смерти все население. К концу 1220 года 20000 монголов вторглись в Грузию и Армению: очевидно, они пока не интересовались завоеванием – Чингисхан велел генералу Субэдэю, во-первых, схватить хорезмшаха Мухаммада вместе с сыном, грозным Джелалом ад-Дином, а во-вторых, разыскать в долинах Аракса и Куры зимние пастбища для монгольских табунов. Монголы напали из Нахичевани, загнав атабага Узбека из Гянджи в

95 [Kartlis cxovreba (zhamtaaghmc'ere)] / Ed. R. Met'reveli. Tbilisi, 2008. P. 527–528 (на груз. яз.); русский перевод см.: Грузинская книжная легенда о Чингисхане // Советская этнография. № 5. 1973.

Тебриз. В Северо-Восточной Армении Гиорги IV с Иванэ Мхаргрдзели второпях собрали 10000 человек, но монголы учинили им кровавый разгром. Зверское поведение монголов, распарывавших женщинам животы и вырывавших неродившихся еще младенцев, привело грузин в смятение. Гиорги пытался объединиться с азербайджанским атабагом Узбеком (братом ненавистного покойного Абу-Бакра) и с хлатским правителем Маликом Ашрафом: последней их надеждой было то, что монголы не вернутся до следующей весны.

Хотя завоевание Закавказья не входило в задачи Субэдэя, монгольская разведка случайно перехватила военные планы Грузии, Армении и их вассалов: поэтому монголы пошли в атаку в январе 1221 года по якобы непроходимым из-за снега и лютых морозов перевалам, когда и где их меньше всего ожидали. Монголы завербовали курдов и туркмен, руководимых Акушем, коварным подопечным атабага Узбека. В таком составе они подошли к Тбилиси, где сразились с грузинскими войсками. Грузины одержали победу над туркменами Акуша, но монгольский арьергард перебил всех победоносных грузин. Весной, разорив Юго-Восточную Грузию, монголы отступили в Карабах, а потом в Тебриз: губернатор Тебриза Шамс ад-Дин заплатил огромные деньги, чтобы его город пощадили. В августе 1221 года, истребив население Хамадана, монголы повернули на север и обезлюдили Ардабил и Гянджу. Именно тогда они пересекли Восточную Грузию, где их подстерегал Гиорги с 70-тысячной армией: две армии столкнулись в Хунани на берегу Куры. Монголы использовали свою типичную тактику: главная армия напала, сделав потом вид, что отступает, после чего вторая монгольская армия спустилась с гор, чтобы окружить и уничтожить врага. Ошеломленная такой тактикой грузинская армия потеряла половину своих людей. Сам Гиорги был тяжело ранен в грудь: 18 января 1223 года он умер от ран.

Победоносные монголы на время покинули Закавказье: они проехали Дербент, кипчакские пастбища и южный берег Каспийского моря, чтобы выполнить задание Чингисхана: изгнать нового хорезмшаха Джелала ад-Дина через Афганистан до индийских границ. Но Джелал ад-Дин выжил, вернулся из Индии и, несмотря на значительные потери, сумел нанести Субэдэю неслыханный, хотя не окончательный удар. Грузины надеялись, что захватчики, смертельно ранив Гиорги IV, больше не вернутся. Они не обратили внимания на известия о катастрофическом поражении Хорезма и битве на реке Калке, где монголы разгромили русско-кипчакскую армию.

Смертельно раненный Гиорги постарался сделать так, чтобы сестра Русудан унаследовала престол: сначала он ее сосватал с шахом Ширвана. Затем отправился в Багаван у озера Ван, чтобы устроить бракосочетание в одной из самых прекрасных армянских церквей. В Багаване он и умер, так что пришлось отложить свадьбу Русудан до 1224 года, уже после ее коронации.

На самом деле монголы причинили Грузии меньше вреда, чем те народы и армии, которых они переместили. В 1222 году северокавказские кипчаки, разоренные проходом монгольских сил через их территории, направились на юг: когда грузины и армяне отказались принять беженцев, они начали грабить и истреблять народ, пока гянджинский атабаг не поселил их у себя. Несмотря на нападения Иванэ Мхаргрдзели по приказу царицы Русудан, кипчакам удалось отстоять свои права в Азербайджане, но к концу года грузины их разбили, лишили награбленного и отогнали за Кавказский хребет.

В 1223 году *дарбази* некогда было обсуждать вопрос престолонаследия: младшая сестра представлялась им меньшим злом, чем незаконнорожденный ребенок, и Русудан венчали на власть единогласно. В отличие от покойного брата все свое царствование она почтительно слушала своих министров и генералов и проявляла политическую волю только тогда, когда впоследствии подстраховывала наследование трона собственным сыном. К несчастью, Русудан унаследовала материнскую красоту, но не обаяние и мудрость: она постоянно колебалась, и ее нерешительность давала волю бунтующим вассалам и феодалам Грузии. Слабость самодержицы оказалась губительной для страны, которой угрожало не только второе нашествие монголов, но и хорезмские войска Джелала ад-Дина. Брак Русудан с традиционным союзником, ширванским шахом, не состоялся: единственным приемлемым

женихом оказался Могис ед-Дин Торгул, сын эрзурумского султана, который так увлекся красотой Русудан, что отрекся от мусульманства и обратился в христианство. Русудан вскоре родила дочь Тамар, а потом сына-наследника Давита (будущего Давита VI Нарына).

Так как Гиорги IV умер, не установив контакта с Западной Европой и с крестоносцами, Русудан, по совету католикоса Арсен III, заново обратилась к папе Гонорию III⁹⁶. Письма от царицы и атабага Иванэ Мхаргрдзели вручили Давиду, епископу Ани, который передал их папе. Русудан объясняла, что сначала она приняла монголов за христиан, а белого сокола на их знаменах – за крест, что она была уверена, что истребители мусульман должны быть христианами. Она утверждала, что она уже изгнала монгольских захватчиков, убив 25000 и потеряв всего 6000 своих, и спрашивала, могла ли Грузия сочетать свою борьбу с Крестовым походом Фридриха II в Сирию. Атабаг Мхаргрдзели прибавил, что Грузия может поставить 40000 солдат⁹⁷.

Но Русудан не знала, что Фридриху II было не до Крестового похода: как многие европейские правители, он был больше озабочен другой восходящей звездой, оттоманами. Ни Русудан, ни Мхаргрдзели не понимали, что папе и некоторым западным королям Чингисхан показался спасителем: хотя монголы равно истребляли православных и мусульман, они снисходительно относились к христианству (среди монголов были несторианцы-христиане) и искали торговых и дипломатических отношений с католической Европой. Папа отложил свою первую миссию в Монголию до 1245 года, но до этого мало кого на Западе волновала монгольская угроза. Гонорий III поэтому вежливо и уклончиво ответил грузинам в мае 1224 года: он благословил их за то, что они сохранили христианство, не порвав с Римом; он уведомил Русудан, что уже отправил письмо на Сицилию к Фридриху II и что, если грузины хотят участвовать в борьбе за Сирию, все расходы им придется взять на себя.

Через год Джелал ад-Дин разрушил все мечты о Крестовом походе. Он доказал, что был не только неистово хитер и жесток, но и непоколебим: проведя ядро своей армии из Индии через весь Иран, Джелал ад-Дин заставил или уговорил бо́льшую часть правителей Ирана и Ирака признать его суверенитет и образовать антимонгольскую коалицию. В 1225 году монгольские силы вдруг ушли в Монголию, где в 1227 году умер Чингисхан. В 1229 году, после того как *курултай* решил, кто унаследует верховную власть и какие земли они завоюют, они вернулись на запад. За это «мирное время» Джелал ад-Дин решил обезоружить Грузию и таким образом устранить последнего соперника в борьбе за власть в Иране и Азербайджане. Хорезмшах направился на север и захватил весь Азербайджан, кроме Ширвана. Атабаг Узбек выслал семью из Гянджи в Тебриз, но скоро умер, и его вдова попала к Джелалу ад-Дину. К августу 1225 года Джелал ад-Дин с 40000-тысячным войском разбил лагерь под Двином. Русудан была не способна принимать решения, поскольку именно в тот момент рожала наследника Давита, а муж ее Могис не пользовался доверием грузинских вельмож. Поэтому во имя царицы атабаг Иванэ Мхаргрдзели повел 30000 человек в бой. Престарелый воевода придумал странный, губительный план: грузинский авангард сначала будет сражаться один; остальная армия присоединится при счастливом исходе первой битвы, а при несчастном исходе убежит. Таким образом, в битве при Гарниси Джелал ад-Дин победил: хотя грузинский авангард устоял, остальная армия отступила без боя. В этом отступлении одного генерала, Иванэ из Ахалцихе, убила лавина. Гарниси стал легендарным фиаско: Шалва из Ахалцихе, брат Иванэ, боролся с хорезмийцами и попал в плен: его прославили в народной балладе: «тот, кто убил двухсот турок, а потом жаловался, что никто не хочет сражаться». Ан-Насави, авторитетный историк, ученый секретарь и летописец

96 *Tamarati M.* L'église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 414–430.

97 *Ватейшвили Д. Л.* Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 3. Кн. 1. С. 47–49.

Джелала ад-Дина⁹⁸, пишет, что грузины потеряли всего 4000 человек и что Джелал ад-Дин решил не преследовать отступающих грузин. Но Грузия впервые за сто с лишним лет потерпела тяжелое поражение и была совершенно обескуражена, если не обессилена. Русудан оставалось всего несколько месяцев, чтобы составить решительный план дипломатических и военных действий.

Есть мнение, что Джелал ад-Дин пощадил грузин потому, что ему пришлось повернуть на юго-восток, чтобы подавить только что вспыхнувшее восстание в Тебризе. Но грузинские и хорезмийские источники более правдоподобно объясняют, что Джелал ад-Дин надеялся превратить Грузию в союзника, чтобы преодолеть вторую волну монгольских завоеваний. С этой целью он намеревался послать Шалву из Ахалцихе посредником в Тбилиси, но после того, как он перехватил письма Шалвы, передававшие грузинским властям распоряжения хорезмийской армии, Джелал ад-Дин отрубил своему пленнику голову. Тем не менее хорезмшах послал Русудан примирительные предложения, но разъяренная царица оборвала переговоры, когда узнала, что хорезмийцы грабят пограничные зоны Грузии. В конце концов обе стороны согласились на мирный договор и назначили временной границей между Грузией и Хорезмом реку Раздан в Армении. На берегах Раздана учредили демилитаризованную полосу, и на мосту над рекой Джелал ад-Дин встретился с атабагом Авагом Мхаргдзели (сыном опозоренного Иванэ). Но в мирных предложениях Джелала ад-Дина, для заключения антимонгольского союза, были два совершенно неприемлемых условия: Русудан должна развестись с Могисом и выйти за Джелала ад-Дина; если она не примет все хорезмийские условия, то хорезмшах вторгнется в Грузию⁹⁹. Аваг признал, что ни Грузия, ни Хорезм не способны без союзника отбиться от монголов, и вернулся в Тбилиси. Грузинский двор возмутило требование Джелала ад-Дина о разводе Русудан. Ответ был уничтожающим: «Вы с отцом убежали от врага, и враг завоевал твою страну; мы же с презрением отнеслись к врагу, и враг раздумал и оставил нас в покое». Авагу сказали, чтоб он прекратил переговоры. Грузины обманывали себя, полагая, что Джелал ад-Дин – потухший снаряд. В конце 1225 года хорезмшах подавлял восстания в Нахичевани и по всему Северному Ирану, и Грузия не собиралась помогать ему вернуть потерянные территории. Но Джелал ад-Дин о Грузии не забыл.

Хорезмшах преспокойно провел свою армию на Черноморское побережье. Там в дебрях и ущельях его войска, по некоторым источникам, вопреки приказам забавлялись охотой на беженцев, которых продавали в рабство с таким успехом, что цена на раба понизилась на два-три денария. Между тем грузинский двор предполагал, что битва в Гарниси была всего лишь незначительной оплошностью. Феодалы по отдельности запирались у себя в замках со своей частью армии. Джелал ад-Дин так же делил и рассеивал свои вооруженные силы, но с толком, чтобы потом быстро объединить их в одну сплоченную армию. 1 марта 1226 года эта армия направилась к Тбилиси. Русудан впала в отчаяние и открыла перевалы, призвав в Тбилиси наемных осетин, чеченцев и лезгин. Сама царица с придворными бежала в Кутаиси.

Джелал ад-Дин вывел всего 3000 из своих солдат, чтобы выманить грузинский гарнизон из цитадели. Тактика сработала, и грузинскую армию истребила хорошо замаскированная главная хорезмийская армия. В деморализованном городе грузинский генерал Мемна Боцосдзе был убит мусульманином; брат генерала, Боцо, повел уцелевших защитников в замок Исани, но, поняв безвыходность ситуации, они покинули замок. Тбилиси подвергся такой резне, какой город не знал даже при Марване Глухом в 744 году: десятки тысяч убивали с невыразимой жестокостью, по улицам текли реки крови, мозгов и человеческих волос. Награблено было столько, что чиновники Джелала ад-Дина перестали составлять описи. Бойня продолжалась даже после того, как сам Джелал ад-Дин уехал в Ирак, услышав,

98 *Amad Nasaw M. ibn. Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankobirti, Prince de Kharezm / Trad. O. Houdas. P., 1973.*

99 *Samushia J. Bijnisish shekhvedra... / Ed. B. K'udava // Ist'oriani. Tbilisi, 2009. P. 232–249.*

что его вассалы ведут тайные переговоры с монголами: теперь Шараф ал-Мулк, визирь хорезмшаха, надзирал за грабежами и массовыми убийствами от Картли до Тао.

Облегчение наступило только в сентябре, когда Джелал ад-Дин вернулся, чтобы наказать мятежные армянские города: ему удалось захватить Ани, но Карс отбил от одной хорезмийской армии, а Хлат – от второй. Джелал уже не казался непобедимым владыкой: население Тбилиси, как ему стало известно, обратилось к Русудан с просьбой освободить город от хорезмийского гарнизона, и союзник Хорезма, правитель Эрзурума, обратился в христианство и передал грузинам данные о хорезмийских силах, полученные разведкой. К февралю 1227 года даже мусульмане в Тбилиси сопротивлялись хорезмийцам: грузинским солдатам ничего не стоило сокрушить гарнизон и захватить город. Джелал ад-Дин нанес ответный удар – поджег бо2льшую часть города (отступающие грузины сделали вид, что подожгли сами), сгорели библиотеки грузинских рукописей, включая литературные шедевры грузинского золотого века, из которых уцелели лишь немногие.

В конце 1228 года монгольская конница постоянно нападала на иранские территории Джелала ад-Дина, и хорезмийским силам пришлось отступить. Джелал ад-Дин умолил багдадского халифа и даже осажденного правителя Хлата помочь ему: разочарованные произвольным насилием хорезмшаха, даже единоверцы отреклись от Джелала ад-Дина. Несомненно злорадствуя по поводу хорезмийской беды, Грузия собрала собственную коалицию против Джелала ад-Дина: грузины «с обеих сторон горы Лихи», осетины и чеченцы сошлись в замке Начармагеви: 40000 человек, в спешке подготовленные к бою, направились на юг, в Болнис, где стояли силы хорезмшаха. Джелал ад-Дин увидел в грузинских рядах кипчакские знамена и пригласил своих тюркских соплеменников перейти на сторону Хорезма. Так далеко кипчаки не пошли, но взамен льгот воздержались от рукопашной. Таким образом, Болнисская битва 1228 года оказалась для Грузии очередной катастрофой, и огромные территории были разорены. Воодушевленный победой Джелал ад-Дин в 1230 году отомстил за свое поражение в Хлате: он сжег город.

Хорезму пришел конец, и на короткое время грузины смогли перевести дух. Султан Рума и правитель Дамаска Малик Ашраф решили уничтожить не по чину мощного Джелала ад-Дина. В то же время монгольский вождь Угэдэй перешел реку Амударья и вторгся в Иран. Власть Джелала ад-Дина закончилась. Зимой 1230/31 года он попытался бежать инкогнито в Византию, но застрял в Азербайджане и спился. Монголы чуть не поймали его в Диярбакыре, но, несмотря на опьянение, ему удалось сбежать в горы; там его узнали, и какой-то курд, чей брат погиб по вине Джелала ад-Дина в осаде Хлата, копьем прикончил хорезмшаха.

В 1230 году в Кутаиси, чтобы упрочить наследование своего пятилетнего сына Давита (будущего Нарына), Русудан венчала мальчика как соправителя на царствование. Некоторые феодалы предпочитали племянника Русудан, пятнадцатилетнего Давита (будущего Улу), несмотря на то что он был незаконнорожденный. Через пять лет Русудан удалось избавиться от опасного племянника: она сосватала десятилетнюю дочь Тamar своему двоюродному брату Каихосрову: тот в 1237 году стал султаном Рума и в 1240 году женился на Тamar. В обмен на невесту Каихосров схватил Давита, сына Гиорги IV, и заточил его в сельджукской столице Конья на семь лет. Таким образом Русудан не только проложила сыну дорогу к престолу, отстранив соперника, но и заключила стратегический союз с сельджуками.

Русудан ожидала решительного нападения со стороны монголов, которые теперь шли с намерением поселиться в Закавказье с женами и детьми. Эти известия ошеломили феодалов и епископов: Русудан еще раз написала папе римскому и попросила, чтоб он помог Грузии защититься от монголов. В апреле 1233 года она получила ответ от Григория IX: он пришлет ей миссионера, Жака де Руссана, который обратит любых неверных, угрожающих Грузии, а пока он прощает грузинам любой раскол. В следующие два года монголы захватили весь Иран и весь Азербайджан.

Из городов, занятых грузинами, первым, который захватили монголы, оказался Шамкор в Ширване. Губернатор, Варам из Гаги, сбежал ночью в Кутаиси (потом Варам с сыном Агбугой вернулись и служили под монгольским игом). Вслед за Шамкором монголы

завоевали Гянджу, предав население смерти либо обратив в рабство. Русудан, которая только что вернулась в Тбилиси и начала заново строить город, отступила, как Варам из Гаги, в Кутаиси; она приказала тбилисскому губернатору Мухасдзе поджечь город, если монголы подойдут ближе чем на шестьдесят километров. Таким образом Тбилиси еще раз сгорел дотла. Феодалы разбежались по замкам. Шаншэ Мхаргрдзели, *мандатуртухуцеси* (министр внутренних дел), спасся бегством: покинул свой удел в Лоре и вместе с семьей переехал в Аджарию, но оставил в Лоре своего тестя, который должен был сражаться с армией Чагатая, второго сына Чингисхана (Лоре считался южной оборонительной полосой Тбилиси). *Амирспасалари*, атабаг Аваг, уберегся, сдавшись монголам, как только кончился запас воды в его замке Каэни. Аваг уже оставил город Ани на растерзание монголам; в Ани наступила полная анархия; охваченный паникой народ убил монгольских послов, из-за чего монголы разграбили город и перебили всех горожан. В Грузии мало кто сопротивлялся монгольской коннице, и генерал Чормаган смог захватить всю страну, за исключением Кахетии, Имеретии, Абхазии и высоких гор. В самой южной провинции, Самцхе, где крепость Самшвилде считалась недоступной, храбрый князь Иванэ-Кваркварэ Цихисджварели-Джакели держался дольше всех, но и ему пришлось сдаться, когда почти все его воины были убиты или взяты в плен и все офицеры, кроме него, бежали на запад.

Удостоверившись в победе, монголы рассеялись шайками по всей Восточной Грузии, чтобы охотиться на население и истреблять его, даже женщин и детей, скрывающихся в глубоких пещерах и котлованах. Русудан в отчаянии еще раз написала папе Григорию IX: она намекнула, что присоединит грузинскую церковь к римской. Через год они с сыном Давитом получили пространный ответ: папа римский жалел, что не может помочь, так как сарацины беспокоят Испанию и Сирию, так что монгольское иго придется считать ниспосланным свыше испытанием. «Не удивляйся, дражайший мой сын, что армия церкви не пришла помочь тебе против татар... Из-за расстояния Нам трудно даже узнать о твоей беде... Защита религии в Италии, Сирии и Испании требует всех Наших сил. Итак, будучи не в состоянии предоставить тебе иную помощь, Мы решили прислать Тебе хотя бы это письмо». Папа приветствовал просьбу Русудан о присоединении грузинской церкви к римской: он пришлет своих братьев-проповедников в Тбилиси, чтобы указать путь к спасению. В результате этой переписки в 1240 году Тбилиси получил свой первый доминиканский монастырь, который монголы спокойно терпели.

Другого выхода не представлялось: Русудан посоветовалась с Иванэ Джакели и отправила четырех послов (главнокомандующего, атабага Авага Мхаргрдзели, его брата Шаншэ (*мандатуртухуцеси*), Варага из Гаги и Шалву Купри), чтобы договориться с Чагатаем об условиях капитуляции. Монгольский вождь очень благосклонно принял послов и даже освободил грузинских военнопленных. Затем сама царица отправилась в мучительное путешествие на Волгу в столицу хана Батые: она взяла с собой своего главного министра, Арсена, епископа Чкондиди. Пока Русудан была в пути, монголы заняли Восточную Грузию: по своему кочевничьему обычаю они сторонились городов и поселков, предпочитая разбивать лагерь в открытом поле и всегда держаться настороже там, где легче было пасти лошадей и рогатый скот. Только когда Русудан вернулась от Батыя, был заключен мирный договор: монголы будут владеть Восточной Грузией, а Русудан Западной. В 1242 году, однако, монголы разрешили царице жить в Тбилиси, как в столице; они даже признали грузинских феодалов наравне с монгольскими нойонами и Грузии предоставили ее христианские, то есть армянские, территории, хотя лишили царицу таких мусульманских вассалов, как Ширван. Вдобавок монголы будут взимать с Грузии ежегодно 50000 *ипертирои* (около 250 кг золотом) и другие налоги, а главное, Грузия будет поставлять солдат для монгольской армии. Монголы в принципе признали сына Русудан Давита наследником престола, но предварительно он должен был поехать на Волгу. Там он ждал вместе с суздальским князем Ярославом, пока Батый-хан громил Центральную Европу. Посовещавшись с Батыем, Давит и великий князь исчезли в степях Средней Азии: им пришлось направиться в Каракорум, чтобы договор утвердил великий хан Угэдэй и его наследник Гуюк.

Русудан осталось чуть больше трети ее бывшего царства; уже два года не было известий о сыне. Последней ее надеждой и опорой был зять, султан Каихосров II, который все еще отказывался искать утверждения у монголов в Каракоруме. Вместо того Каихосров создал мусульмано-христианскую коалицию против монголов и сразился с ними в Кёше-Даг, в горах над Эрзинджаном. Но Каихосров проиграл битву и стал монгольским вассалом: ему разрешили остаться султаном, а его жену, дочь Русудан Тamar, понизили в статусе: с тех пор она стала просто *гюрджю хатун*, «грузинской дамой».

Русудан затосковала и заболела: в 1245 году она умерла. Всем казалось, что наследника нет: предполагали, что Давит умер на пути в Монголию. Хотя племянник Русудан Давит (сын Гиорги IV) освободился в 1242 году от сельджукского плена, он исключался из престолонаследия по своему внебрачному рождению. Вымершее царство взял в руки Аргун-ага, монгольский хан Закавказья и персидского Ирака: он превратил Грузию в *вилаyet* из восьми провинций (*думна*): на каждую *думну*, которая кормила не меньше 10000 монгольских солдат, назначили губернатором по одному грузинскому феодалу, вне зависимости от того, сопротивлялся он монголам или нет. Первая *думна* состояла из Эрети, Кахетии и Камбечана: ею владел Эгарслан Бакурцихели, который стал фактически предводителем грузинского дворянства; вторая *думна*, Восточная Картли и Курская долина вплоть до Шамкора, попала к Вараму из Гаги, который сохранил свой пост казначея; третью *думну* составляла христианская Армения, которую монголы отдали в руки Шаншэ Мхаргрдзели, *мандатуртухуцеси*; четвертая *думна* стала уделом великого князя Григола из Сурами; пятая, Джавахети, досталась Иванэ Гамрекели-Торели; Иванэ-Кваркварэ Цихисджварели-Джакели получил самую большую *думну* от Самцхе до Эрзурума и таким образом обеспечил наследственное владение семьей Джакели в Самцхе; седьмая, Абхазия и Мингрелия, перешла к Цотнэ Дадияни, что положило начало полукняжеской независимости Дадияни в Мингрелии, а восьмая *думна*, Рача и Имеретия, стала уделом князя Рачи. Западные *думны*, седьмая и восьмая, были свободны от монгольских оккупантов и платили меньше налогов, остальные шесть быстро разорились из-за изощренного монгольского налогообложения.

Раздосадованные феодалы немедленно собрались в Кохтастави в Джавахети, чтобы обсудить, как избавиться от монгольского гнета. Больше всего их огорчала обязательная военная служба: почти сразу монголы призвали 20 % взрослого мужского населения на бесконечные войны против исмаилитов Аламута в Иране. Поредевшее и обнищавшее от налогов крестьянство уже не могло платить оброка и других феодальных сборов. К тому же страна стала до того беззащитной, что пастбища в Тао и Кларджети были нагло заняты 60000 тюркских кочевников. Оккупация стала невыносимым унижением. Из восьми правителей *думн* в заговоре участвовали шестеро (только князь Сурами и Шаншэ Мхаргрдзели не нарушали клятву, данную монголам). Монгольская разведка, однако, работала с телеграфической скоростью. Заговорщики еще не успели уехать из Кохтастави, чтобы собрать армию бунтовщиков, как весть дошла до Каракорума: даже папский посол Плано Карпини получил уведомление о заговоре. Аргун-ага арестовал всех заговорщиков, кроме Цотнэ Дадияни и князя Рачинского, которые раньше, чем положено, уехали домой. К августу 1246 года мятежники уже подвергались пыткам в Ани. Но они упорствовали и не признавались, настаивая, что собрались только для того, чтобы распределить налоговые обязанности. Монголы раздели всех догола, связали руки и ноги и оставили под жарким армянским солнцем, смазанных от головы до ног медом, чтобы их съели муравьи.

Цотнэ Дадияни уже возвращался с дружиной из своей вотчины-думны и переходил перевал Гадо, когда узнал, что заговор провалился; с двумя спутниками он смело отправился в Ани, чтобы сдаться монголам, а когда увидел своих осужденных товарищей, разделся и стал в их ряды. На допросе он отвечал монголам так же, как другие, и требовал, чтоб его казнили, если таков будет приговор. Это произвело такое впечатление, что монголы освободили всех заговорщиков и восстановили их в должности.

Восстановленные феодалы опасались, что Эгарслан Бакурцихели, правитель Кахетии и предводитель грузинского дворянства, накопив столько власти, может захватить пустующий престол. Поэтому феодалы решили опустить факт незаконного рождения и вызвали Давита, сына Гиорги Лаши, чтобы венчать его на престол. Монголы настаивали на том, чтобы и этого Давита послали в Каракорум на утверждение. В 1247 году два Давита встретились в Монголии, и каждый доказывал монголам, что он истинный наследник. Какой-то грузинский посланник уведомил Гуюк-хана, что грузинские законы не могли определить, кто лучше и кто хуже: наследник по отцу, но незаконнорожденный или законнорожденный наследник, но только по матери и по бабушке. Грузины попросили Гуюка, чтоб он решил по монгольским законам. Полигамным монголам тонкости были неинтересны: такие вопросы они решали только по старшинству. Поэтому сын Гиорги Лаши станет царем Давитом Улу (старшим), а двадцатидвухлетний сын Русудан – Давитом Нарыном (младшим). Следующее решение смутило грузин своей соломоновой изобретательностью: оба Давита должны царствовать в Тбилиси, но младший будет подчиняться старшему. (Несмотря на старшинство, летописцы решили, что Давит Нарын – VI, а Давит Улу – VII.)

К концу 1248 года оба царя уже вернулись (несчастный владимирский князь Ярослав II умер в Каракоруме от отравления), и монголы отменили *думны*. Короткое время оба царя Давита сотрудничали и оба подписывали указы и декреты. Сообща они наказали тех феодалов, которые попытались захватить власть, пока цари ждали утверждения в Монголии. Торгуа, князь Панкисского ущелья, даже захватил всю Кахетию: Давит Улу его казнил, хотя монголы мешали новым царям обуздывать мятежных феодалов. Но Саргиса Джакели в Самцхе, предпочитавшего монгольский суверенитет власти новых царей, Давит тронуть не мог: монголы наградили Джакели за поддержку, назначив его атабагом всей Южной Грузии и пожаловав его почти полной независимостью. Не прошло и года, однако, как триумvirат двух грузинских царей и одного монгольского ильхана дал трещину. За обедом Давит Улу начал обсуждать возможности антимонгольского восстания. Монгольская контрразведка сразу приняла меры, и всех заговорщиков вместе с царем Давитом Улу заковали в кандалы. Однако монголы решили, что заговорщики занимались только болтовней, и освободили их в обмен на большой выкуп (за лошадей и за деньги).

Чуть ли не до конца 1250 года совмещались два царя и монгольское управление. Но внешнее давление на страну росло. Хотя монголы уже завоевали все, что могли, их армия еще сражалась от Ирана до Египта. Армия и безудержная бюрократия ненасытно поглощали солдат и деньги, по мере того как монгольские ханы основывали свои собственные государства. В 1254 году Мангу-хан приказал переписать не только население, но и все его имущество. В истории мира такой переписи еще не было. В Грузии и Армении все мужчины от пятнадцати до шестидесяти лет, каждый вол, пруд, каждая мельница, каждый виноградник были учтены: исключили пока только женщин, детей и священников любой религии вместе с церквями и церковной собственностью. Налогообложение стало гораздо сложнее. Кое-какие налоги были разумные: *тамгу*, налог на добавленную стоимость, определили в 3 %; *дзгвени*, зарплата чиновников, равнялась одному ягненку с каждой тысячи очагов и одному барану с каждой десяти тысяч; *канчери* было налогом на рогатый скот и составляло один процент от всего стада в год. Некоторые налоги были полезны: *саламе* оплачивало караван-сараи и ремонт дорог; *базжи*, пошлина на товары, перевозимые через мосты и дороги, мешала разбойникам и помогала монголам следить за любыми передвижениями по стране; *улако* поддерживало систему почтовых лошадей (никогда, до или после монгольского нашествия, не было в Грузии таких хороших путей сообщения). Но вместе взятые налоги на землю, скот, дома (кроме обязательного труда *бегара*) превратили крестьян в голодающих нищих: по некоторым расчетам 30 % крестьянских доходов или урожая уходило к монголам, еще 30 – к грузинским феодалам, а 10 % взымали монгольские чиновники. К тому же были одноразовые налоги, например во время голода, и *тузгу* (или *самузгуе*), разные сборы с богатых феодалов и купцов; монгольская армия требовала фуража и питания; в Армении домовладельцы каждый год должны были сдавать, кроме 60 серебряных *тетри* налогами, пуды зерна,

амфоры вина, сыры, бечеву, скот на убой, даже стрелы и подковы. Все эти налоги росли, так как бессовестные чиновники хапали больше, чем положено, и откупщики, которые платили в казну определенную сумму, выжимали из населения последние капли. Хуже всего для людей оказалась *кулани* (обязательная военная служба): после переписи в 1254 году каждого девятого домовладельца обязали поставлять по одному солдату. (Грузинская армия поставляла тогда 90000 человек, из чего можно заключить, что население Грузии и христианской Армении было тогда около двух с половиной миллионов.) Грузинские военные славились своей репутацией, поэтому они сражались в авангарде, но монгольские командиры чаще всего не давали грузинам участвовать в грабеже. Войны были утомительны: семилетняя война за Аламут окончилась в 1256 году, но затем монголы воевали два года с Багдадским халифатом, прежде чем напасть на египетского султана.

Церковь освободилась от налогов и отделилась от народа, так как бесстыдно разбогатела, задешево скупая землю у обнищавших крестьян и феодалов. При монгольском иге в Грузии строили только церкви и монастыри; ремесленники, которые обрабатывали серебро, золото и камень, работали исключительно для церкви. Когда монголы после 1300 года приняли мусульманство, они опять ввели *джизию* (налог на неверующих), но скоро отменили ее, чтобы не было всенародного бунта.

Бунты все-таки начали вспыхивать с 1259 года, прежде всего в Азербайджане. Затем Давит VI Нарын поднял собственное восстание. Хулагу-хан приказал Аргун-аге в Тебризе собрать армию, которая перебила и взяла в плен много грузин, но тем не менее страну не усмирила. Пока Аргун возвращался в Тебриз за подкреплениями, Давит Нарын бежал на запад. В Кутаиси феодалы провозгласили Давита VI Нарына царем абхазов (тогда термин «Абхазия» подразумевал Имеретию и всю Западную Грузию). Страна еще не раскололась, ибо в следующем году Давит VII Улу также восстал против воинской повинности и налогов Хулагу-хана и в особенности против тех монгольских чиновников, которые кормились в царских кухнях и брали царский скот взамен налогов. Для Давита Улу последней каплей оказалось требование монголов, чтоб он заплатил недоимки Давита Нарына. Давит Улу поехал в Джавахети и там посоветовался со знатью. В этот раз его поддержал Саргис Джакели, и царь решил не сдаваться монголам. Давит Улу завербовал бо́льшую часть своих феодалов, но допустил ошибку, предоставив картлийским феодалам свободу выбора. В результате некоторые старшие феодалы, включая Иванэ Мхаргрдзели и Каху Торели-Гамрекели, государственного казначея, решили остаться верными монголам. Эти последние вернулись в крепость Сурами и приняли участие в походе Аргун-аги, который с 20000 солдат отправился в карательную экспедицию против обоих мятежных царей Давитов. На всякий случай Аргун арестовал царицу Гванцу, жену Давита Улу, и ее сына, будущего царя Димитри II: царицу и царевича отправили в Тебриз в штаб монгольской орды.

У Давита Улу было всего 8000 воинов; вряд ли они могли бы поразить монгольскую армию. По советам Саргиса Джакели, царь вывел свою армию из безопасных ущелий на армянской границе и набросился на монголов под Гори. Монголам советами помогал Каха Торели-Гамрекели, так что в декабре 1260 года Давита Улу разбили. Аргун повторно съездил в Тебриз за подкреплениями; когда он вернулся, монголы двадцать дней подряд жгли и грабили всю Самцхе. Целая группа грузинских феодалов перебежала к монголам. Тем не менее Аргун не смог взять главную крепость Цихисджвари: ему пришлось прекратить поход. Зато, чтобы наказать Давита Улу, Аргун казнил царицу Гванцу вместе с *амирспасалари* Закарэ Мхаргрдзели, который согрешил только тем, что стал зятем Саргиса Джакели. (Гванца была третья, и единственная, грузинская жена Давита Улу: его первая жена Джигда-ханум умерла в 1252 году, и он расторг свое двоебрачие с осетинкой Алдун; в 1268 году он женится на монгольской княжне Эсукни Чорбалон.)

Жестоко наказанные Давит Улу и Саргис Джакели поняли, что борьба безнадежна, и поехали к Давиту Нарыну в Кутаиси. Несмотря на свободу от монгольского гнета, два царя быстро перессорились, как и вся западногрузинская знать. Цари нашли самый нелепый выход из разлада: они решили делить все на две части: Кутаиси, Тбилиси, казну, феодалов.

Дележка помогла ненадолго: через два года Давит VI Нарын сказал, что он останется единственным царем Западной Грузии, и в 1262 году Давит VII Улу с Саргисом Джакели направились в Тбилиси в надежде, что смогут договориться с монголами.

Несмотря на накопившуюся обиду на Давита Улу, монголы проявили неожиданную милость. За последние годы Восточная Грузия пусть даже и без марионеточного грузинского царя казалась им неуправляемой. Казна опустела, так как купцы, особенно тбилисские евреи, как сам Марко Поло заметил в 1272 году, переселились на запад, где жизнь была относительно благополучной (к XIV веку Иосеф из Тбилиси стал старшиной крупной еврейской общины в Гаграх, уже известных своим раввином Иегудой бен Яковом). Другие тбилисские евреи уехали в Тебриз¹⁰⁰. Пока Давит Улу жил в ссылке, власть в Тбилиси перешла в руки самого богатого купца, Шадина, который, по мнению монголов, зазнался. Аргун-ага допрашивал обоих кающихся грузин, и Саргис Джакели взял на себя ответственность за неподчинение царя, объяснив, что от монгольского налогообложения жить стало тяжело. У грузин был талантливый переводчик, Садун Манкабердели, человек низкого происхождения (монголы доверяли грузинам-недворянам): переводя слова Давита Улу, Садун подслащивал царские извинения. Но не подхалимство, а неожиданное совпадение спасло Давита Улу. Допрос прервался, когда появился вестник и Аргун узнал, что огромная армия Берке-хана из Золотой Орды переходит Кавказский хребет, чтобы сокрушить Южную Орду. Начинался развал западной монгольской империи: Хулагу-хану и Аргун-аге необходима была такая Грузия, которая помогла бы им на поле брани. В 1263 году Давита Улу послали в Западный Азербайджан, где он сразился с Золотой Ордой. В 1264 году ему разрешили царствовать в Тбилиси. Но Грузия уже раскололась на два царства и могла расколоться на еще более мелкие части.

10

Расколотовое государство

Как только Давит VI Нарын начал царствовать, Западная Грузия (уже известная как Имеретия, буквально «та страна») почувствовала облегчение от бремени монгольских налогов и воинской повинности. Давит Нарын царствовал так долго, с 1258 по 1293 год, что население впервые за сорок лет могло быть уверено в будущем. Внешняя политика царя была направлена против монгольских ильханов: Давит дружил с кровным врагом ильхана, Северной Золотой Ордой: он приютил монгольского мятежника Тегудера и беженца Галгура, которые воевали с ильханом Абагой¹⁰¹. Давиту Нарыну удалось заключить союз с антимонгольскими мусульманами в Анатолии и в Египте, так как его сестра Тамар (*гюрджю хатун*), после смерти первого мужа султана Каихосрова II в 1246 году, вышла за сына султанского визиря, Сулеймана первана Муин ад-дина, признанного самым хитрым и могучим политиком в султанате. К тому же Давит в 1264 и в 1268 годах послал уполномоченных в Каир к султану Бейбару. Царь поставил политику выше семейного счастья: он расторг брак с Тамар Аманелисдзе, матерью трех наследников, Константинэ, Микела и Вахтанга, и женился на Феодоре, дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога. Таким образом он упрочил союз с Византией и получил еще одного наследника, Александрэ. Немудрено, что Давит получил прозвище Ловкий. Чтобы независимость царства была неприкосновенна, Давит реформировал и церковную иерархию. Католикос в Тбилиси оставался патриархом всей Грузии, а церковь Западной Грузии теперь подчинялась абхазскому католикосу.

100 Mamistvalishvili E. [Kartvel ebraelta ist'oria: ant'ik'uri da peodalizmis khana]. Tbilisi, 1995.

101 Bedrosian R. G. The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13–14th Centuries (докторская диссертация). Columbia University, 1979. <http://rbedrosian.com/dissert.html>.

И все-таки иностранная политика Давита Нарына имела свои недостатки. Дружины Тегудера стоили дорого: они требовали в год 500 коров, 600 лошадей, 2000 баранов и огромное количество вина; монгольские дружины сеяли страх в восточных пограничных территориях Имеретии. Тегудера пришлось обуздать. В 1276 году беженец Галгур решил помириться с ильханом Абагой и, вместе с рачинским князем Кахой Кахабером, поймать Давита Нарына и отдать его монгольской орде на казнь. Абага предоставил заговорщикам 30000 воинов, которые перешли гору Лихи и напали на Кутаиси. В это время Давит мылся: он выбежал из дворца, не успев одеться. Следующее покушение на жизнь царя тоже провалилось, но Давит все-таки простил Каху Кахабера и восстановил его княжеские права. В 1278 году мятежники наняли монгольского *ноина*, который должен был задержать Давита: этот третий заговор был вовремя раскрыт. Давит казнил всех заговорщиков, включая Каху Кахабера (родственников Кахабера Давит сослал в Константинополь).

Трапезундская империя тогда еще считалась вассалом Западной Грузии, но Давит Нарын уже терял свою власть над трапезундскими императорами. Уже в 1244 году Трабзон пригласил не грузин, а монголов, чтобы отразить захватчиков из Сельджукского султаната. Византия тоже вытесняла Грузию с трапезундского двора: Иоанн I Трапезундский (ц. 1282–1297) женился на дочери византийского императора. В 1282 году Давит Нарын вторгся в Трабзон, но он не смог ни взять город, ни помешать Иоанну вернуться из Константинополя на свой престол.

Новые силы уже боролись за доступ к Черному морю, ослабляя хватку Давита на Трабзоне: расширилось княжество Самцхе, забрав лазские территории у Трапезундской империи в обмен на вооруженную помощь. В 1266 году, как только Грузия раскололась на две части, Саргис Джакели уговорил ильхан-монголов, с которыми дружил, что можно считать Самцхе (тогда всю землю от Аджарии на Черном море до Западной Джавахети на юге от Тбилиси) *инджу* («казенными землями»), а его, Саргиса, наследственным князем. Таким образом, Самцхе стала третьим грузинским государством, платившим монголам только умеренные налоги. Хотя Самцхе пострадала от нашествия Золотой Орды, когда в начале 1260-х годов ее хан Ала Темур преследовал ильханов по Южной Грузии, к концу десятилетия она уже преуспевала. Относительная свобода от налогов и воинской повинности привлекала тут беглых крестьян и ремесленников из Картли; во второй половине XIII века только в Самцхе строили церкви, монастыри и города и вводили в действие новые законы. Такая свобода устраивала монголов: при Саргисе Джакели и его сыне Беке Самцхе располагала армией в 12000 воинов, защищавших границы страны и пастбища Тао от набегов турецких кочевников, отбиваться от которых местный феодал Заза Панаскертели был не в силах.

В Картли и Кахетии жизнь под властью монгольского вассала Давита VII Улу была суровой. Ильханы постоянно сражались с Золотой Ордой за пастбища в Азербайджане и торговые пути между Европой и Азией. Грузинских солдат заставляли участвовать в бесконечных междоусобных войнах состязающихся друг с другом ильханов. Разорив Самцхе, Ала Темур попытался перейти Грузию с юга на север, но его заставили выбрать другое направление, и он прошел вместе с армией и сопровождавшими ее женщинами по Куре до Кахетии: многие турки и монголы в этой армии Золотой Орды осели в долине реки Куры. Когда две орды столкнулись в Дербенте на Каспийском побережье, царь Давит Улу и атабаг Саргис Джакели повели армию ильхана Хулагу в бой против Берке-хана, который недавно принял мусульманство и считал войну против Хулагу джихадом. Наибольшие потери понесли Давит Улу и Саргис Джакели, но Берке отступил. В 1263 году Хулагу начал строить могучую систему валов и окопов («*сибу*») по реке Тетрисцкали, границе между Ширваном и Грузией. Грузинского царя вместе с армией заставили трудиться на этих валах и окопах, и стройка унесла больше жизней, чем битвы с Берке-ханом. Тысячи крестьян стали каторжанами и больше не пахали: в 1263 и 1264 годах были неурожаи; к тому же Грузия была отрезана от богатого соседа Ширвана. Монгольские междоусобицы обострялись. Берке-хан вторгся во второй раз и разорил левый берег Куры от Ширвана до Тбилиси, в то время как Давит Улу и Абага-хан разоряли правый берег, так что пашни остались на двадцать лет

неплодородными и годились только как зимние пастбища или охотничьи заповедники. Ирригационные каналы были непоправимо разрушены. На Пасху 1264 года Берке-хан сровнял Рустави с землей, включая собор и епископский дворец в Марткопи, и перебил население: тысячи изрубленных скелетов, раскопанные в испепеленном городище, свидетельствуют о свирепости Берке-хана. Не только Рустави, но и другие процветающие центры, например Хорнабуджи и Хунани, были преданы уничтожению.

Тегудер-хан, который объявил свою независимость от Золотой Орды, сделал передышку в Нахичевани, но вскоре предпринял новую попытку свергнуть ильхана Абагу и соединиться с остальной Золотой Ордой на Каспийском побережье. Тегудер воевал с 1265 по 1270 год и проиграл: с остатками своей армии он просил убежища у Давита Нарына, поставив по генералу с кланом верных ему людей на каждом из трех перевалов через Лихи и Гадо, ведущих из Имеретии в Картли. Конфликт между Тегудером и Абагой плачевно сказался на Западной Картли. Наконец, Давит отказал Тегудеру в убежище и блокировал его отступление. Самого Тегудера взял в плен Абага, а его последняя тысяча воинов направилась к Черному морю с 300 верблюдами и 150 телегами, нагруженными добычей: все погибли в Аджарии под лавинами, так часто уносившими людей и обозы.

Ильханы не выказали благодарности ни Давиту Нарыну, ни Давиту Улу за помощь в подавлении Тегудера и Золотой Орды. Наоборот, монголы пригласили в Грузию целые колонии осетин. В 1260 году Хулагу нанял осетинских солдат, чтобы подкрепить Давита Улу. Теперь же осетины потоком шли в грузинские города, в Тбилиси и Дманиси. Среди них была Лымаен-цав, вдова последнего осетинского царя, с молодыми наследниками Пареджаном и Баегатыром¹⁰², которым монголы подарили за заслуги хорошие земли и большие деньги. Вторжение осетин расстроило этническое равновесие Картли и Кахетии. Тем временем скот и лошади ильхана два раза в год пересекали Грузию по пути с армянских зимних пастбищ к летним горным пастбищам и назад, уничтожая посевы и хлеба, лишая Картли продуктов. Монголов в грузинских городах не было видно: Тебриз, Марага, Казвин и Бардави стали столицами Орды. Но монгольская конница, объезжая страну вместе с семьями, скотом и барахлом, истощала деревню.

От этого истощения, от налогов, воинской повинности и голода картлийские крестьяне бежали за границу. Церквам и монастырям приходилось освобождать крестьян и даже феодалов от всяких оброков. Прихожанам стало не по карману платить священнику за крещение, венчание или похороны. Феодалы дарили монастырям крепостных в надежде, что церковь сможет их прокормить и защитить. Трудно было нанимать работников или взимать с крестьян достаточно, чтобы платить монгольские налоги. Даже феодалы стали безземельными, и земля, если была обложена налогом, обесценилась: не было покупателей, не было денег. Только у церкви было достаточно доходов, чтобы скупить поместья обанкротившихся феодалов. «Золото дорого, деревня дешевле», – гласит один церковный документ. Купчие крепости XIII века показывают, до какой степени обнищало царство Давита Улу. Купцы нашли выход из этого тупика, создав кредитные общества: член общества, *ортаги*, ездил в Багдад, тогда центр монгольской коммерции, и скупал по дешевке драгоценные камни и металл. Например, некий Каха Торнели, выгодно продав багдадские товары, купил поселок Хохле, раньше проданный грузином Агбугой консорциуму, состоящему из еврея, мусульманина и армянина (в конце концов поселок перешел в руки церкви).

Обедневшие феодалы боролись, чтобы вернуть земли, отнятые у них церковью. Церковь упиралась и на соборе 1263 года оспаривала попытки Давита Улу затребовать обратно потерянные казенные земли. Царя поддерживал даже Басилэ, епископ Чкондидский и *мцигнобартухуцеси*, который определил, какие земли, ранее пожалованные царем, надо вернуть казне. Церковь грозила царю анафемой, но Давит все-таки объявил, что права на все

102 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958 (реконструирует по грузинской транскрипции осетинские имена, напр. Лымаен-цав, «приятная походка»).

дарованные царем земли утрачивают законную силу, если новый царь при вступлении на престол не подтвердит дарственную грамоту: Давит считал, что ему, как Богом помазанному царю, принадлежит вся земля и что именно он будет платить монголам налоги. Поэтому простой народ и те феодалы, которые не имели церковных должностей, поддерживали царя; но церковь вела подрывную работу против царского двора. Она даже свергла Басилэ Чкондидского и вытянула из царя компенсацию за те поместья, которые он потребовал обратно. В результате легче не стало ни казне, ни крестьянству. Церковь не давала монголам забыть, что освобождена от налогов на собственность и на крепостных, так как Чингисхан приказал, «чтобы монголы боялись всех богов и оказывали им всем почтение». (Немудрено, что православные духовные лица в Грузии, как и в России, иногда смотрели на монгольское иго как на Божью благодать, а не только как наказание за грехи и полагали, что монголов прислал сам Бог.)

В 1270 году Давит VII Улу умер от брюшного тифа на нездоровых монгольских валах и окопах между Ширваном и Грузией. Его старший восемнадцатилетний сын, которого родила Джигда Ханум, умер двумя годами раньше. Наследником Давита Улу стал Димитри (или Деметрэ) II, одиннадцатилетний сын второй царицы, Гванцы, обезглавленной Хулагу. Мальчика воспитывал тот же Садун Манкабердели, который переводил, когда Давита Улу, обвиненного в измене, допрашивал Хулагу. (Садун был раньше крепостным у Мхаргрдзели, но благодаря монголам теперь пользовался министерской властью.) В 1272 году нового царя Димитри повезли в столицу Орды; там Абага-хан велел ему назначить Садуна атабагом. Таким образом Садун получил княжеский чин и в качестве наместника властвовал в Картли и Кахетии в угоду Абага-хану. Садун стал также командиром грузинской армии и приобрел обширные поместья.

Страна, которую Димитри унаследовал, стала меньше: восточная граница проходила по реке Тетрисцкали; южную треть отрезал Саргис Джакели, хотя Димитри еще владел Ани и Карсом. В 1281 году, после смерти Садуна, Димитри наконец действительно стал царем. Даже подростком Димитри погряз в многоженстве: в 1272 году он уже женился на дочери «великого кормчего» трапезундского императора Мануэла I: она родила ему четверых сыновей и дочь. Затем он заключил гражданский брак с Солгар, дочерью монгольского эмира Буги: она ему родила сына и двух дочерей. В 1280 году он женился на Нателе, дочери Беки Джакели, атабага Самцхе. (Сын Димитри и Нателы станет Гиорги V Блестящим, который унаследует две трети Грузии и таким образом заново объединит страну.) Церковный собор осудил Димитри за то, что он безнравственно женился «по-монгольски». В отличие от Гиорги Лаши царь Димитри не обращал внимания на увещания патриарха: в 1280 году патриарх Николоз II подал в отставку. Горожане же любили царя: ночью Димитри ходил по улицам Тбилиси, раздавая милостыню.

Димитри энергично сражался за монголов. Вначале, как отец, он служил на великом пограничном валу; затем он участвовал во все более неудачных войнах монголов против Египта. В битве 16 апреля 1277 года было убито много грузин: бо́льшая часть 30-тысячной армии, состоящей из грузин, армян и греков, погибла в 1280 году. В 1281 году сам Димитри чуть не лишился жизни в битве при Амасии, в которой polegло 5000 грузин.

Хотя монголы высоко ценили доблесть Димитри, он пал жертвой монгольских интриг. Винават был отчасти сам царь: после смерти Садуна Манкабердели Димитри назначил сына Садуна, Хутлу Бугу, главнокомандующим, но не захотел утвердить Хутлу атабагом, назначив на эту должность врага Хутлу, Тарсаича Орбели. Хутлу Буга почувствовал себя глубоко окорбленным, но пока таил обиду. В 1282 году Абага-хан умер, и к власти пришел его брат Ахмад; сын Абаги Аргун взбунтовался. Вначале Димитри поддерживал Ахмада, но вдруг передумал и перешел к сторонникам Аргуна. Димитри рассчитывал, что Аргун подтвердит его власть и к тому же сделает его атабагом Лоре. К несчастью, благосклонности Аргуна царь не добился: эмир Буга, действительный губернатор Закавказья и тесть царя, был уличен в заговоре против Аргуна и 17 января 1289 года казнен. По монгольскому закону все

родственники изменника подлежали казни, и Димитри, как зять заговорщика, был обречен. Аргун вызвал его в Мовакан, столицу Орды.

Димитри созвал на *дарбази* всех министров, высшую знать и главных епископов. Все сознавали, что, если царь не поедет в Мовакан на казнь, монгольская армия вторгнется в Картли и Кахетию и обезлюдит страну. Некоторые советовали царю отступить в горную Мтиулети, где легче будет бороться с монголами; некоторые – искать убежища у двоюродного дяди Давита Нарына в Абхазии-Имеретии. Но царь принял совет католикоса-патриарха Абрама I (который в отличие от ханжи Николоза II безоговорочно поддерживал Димитри) и отправился в Мовакан. В надежде смягчить сердце Аргуна Димитри взял с собой младенца-сына Давита, католикоса и ценные подарки. Как только царский обоз подъехал к Мовакану, монгольские чиновники захватили царя и весь его багаж. Монгольские уполномоченные поехали в Тбилиси, чтобы составить опись всей личной собственности царя и конфисковать ее. Димитри подвергся ускоренному суду и был приговорен к смерти. Сначала Аргун откладывал казнь, так как он не находил среди сыновей Димитри достойного престолонаследника. Но мстительный Хутлу Буга, который жаждал смерти Димитри, сделал Аргуну предложение: Вахтанг, старший сын Давита VI Нарына, пригодится как наследник Димитри, и этот выбор понравится грузинам, так как страна опять объединится. Аргун согласился, и в десять утра 12 марта 1289 на берегу Куры на глазах у всех Димитри был обезглавлен. Патриарх Абрам выкупил тело, купцы отправили его в Мцхету на похороны, и церковь канонизировала святого Димитри *тавдадебули* (пожертвовавшего собой).

Как предсказал Хутлу, феодалы в Картли и Кахетии охотно поклялись в верности новому царю Вахтангу II и приняли его как объединителя страны. Вахтанга послали к монголам на утверждение как царя сначала только Восточной Грузии, а когда его отец Давит Нарын умрет, тогда и Западной. Аргун выдал свою сестру Олджат за Вахтанга, и Хутлу Буга в конце концов получил статус атабага.

Преждевременная смерть Вахтанга в 1292 году расстроила монгольские планы и грузинские надежды. Его похоронили в Гелати, в царстве отца: но в следующем году умер и царь Давит Нарын. Ни в Имеретии, ни в Картли-Кахетии не было приемлемого для всех престолонаследника. Спокойно было только в Самцхе, где в семье Джакели всегда оказывалось достаточно наследников. В Картли-Кахетии власть перешла после смерти Аргуна к его брату, иранскому ильхану Гайхату, известному развратом в личной жизни, смелостью в финансовых делах и любовью к христианам-несторианцам. Гайхату назначил царем Картли-Кахетии Давита VIII, девятнадцатилетнего сына казненного Димитри. В 1295 году как отец, так и сын приняли рискованное решение поддержать монгольского бунтовщика, Байду-хана, который носил нателный крест, против Гайхату, его двоюродного брата. Сначала выбор показался правильным: Гайхату задушили в наказание за то, что он вызвал беспорядки, заставив багдадских купцов пользоваться бумажными деньгами. Но Байду управлял страной всего несколько месяцев, пока его не сверг сын Аргуна, пламенный мусульманин Махмуд Газан. Тот упрочил свою власть на целых десять лет, и, хотя Давит VIII быстро одобрил переворот, Газан все-таки решил наказать молодого царя точно так же, как Аргун наказал Димитри *тавдадебули*. Давит VIII не забыл страшной казни, при которой он присутствовал мальчиком восемь лет тому назад, в 1297 году, и отказался ехать в Тебриз к монголам. Он сбежал в Мтиулети, укрепил город Жинвани валами монгольского типа и скрылся в своей замке *Модимнахе* (буквально «приди ко мне в гости» – типично ироническое название грузинской крепости). В борьбе за царство Давит не останавливался ни перед чем: он даже предложил Северной Золотой Орде свободный проход через кавказские перевалы. Когда переговоры прервались, Газан пригрозил, что заменит Давита VIII одним из его многочисленных братьев; затем хан уговорил грузинских феодалов предпринять вместе с монголами карательную экспедицию, которая razорила и Картли, и Мтиулети.

В 1299 году Газан выполнил угрозу: он заменил Давита самым младшим его братом, десятилетним Гиорги V, но власть Гиорги ограничивалась городом и окраиной Тбилиси. Гиорги Газана не удовлетворил (хотя через несколько лет Гиорги вернется к престолу как спаситель Грузии), и в 1302 году Газан назначил царем среднего брата Давита, Вахтанга III. Вахтанг без особого усердия воевал против старшего брата. Монголы разбили лагерь в Мухрани, заняли бо2льшую часть Картли и несколько лет подряд нападали весной и осенью. Давит VIII иногда побеждал, убив, например, в битве при Цхавати 500 монголов, но враги часто устраивали удачные облавы на Давита, и в этом монголам помогали некоторые грузинские феодалы – ксанский князь Шалва Квенипневели, южанин Шанше Мхаргдзели с месхийской армией – и осетины из Гори. Только горцы твердо стояли за Давита VIII, поэтому монголы решили предать огню горную Картли и Мтиулету. В конце концов Газан предложил перемирие: он свергнет Вахтанга III, если Давит VIII согласится напасть вместе с ильханами на Золотую Орду. Посредниками были Хутлу Буга, грузинский атабаг на службе у монголов, католикос-патриарх Абрам, тбилисский кади (мусульманский судья) и Иванэ Бурсели (которого монголы потом казнили): переговоры состоялись в Мухрани в монгольском штабе под Тбилиси.

Эти переговоры ни к чему не привели. Вахтанг III сохранил свое царство, согласившись вместе с братом царствовать над Восточной Грузией. Но монголы решили, что выгоднее послать Вахтанга за границу командиром грузинских и армянских войск в монгольских войнах в Сирии и в Палестине. Вахтанг таким образом помог монголам увезти в Дамаск городские ворота Иерусалима; эта победа произвела такое впечатление на Запад, что в 1300 году папа Бонифаций пригласил монголов в Ватикан на юбилейные торжества как освободителей Иерусалима. На короткое время монголы, при помощи грузинских войск действительно сделали Иерусалим открытым городом, осуществив то, о чем грузинские цари могли только мечтать¹⁰³.

Партизанская борьба Давита VIII продолжалась целое десятилетие, до 1304–1305 годов. Его призрачное горное царство разоряли не только монголы и брат Вахтанг III, но и хищнические дагестанские набеги. Пришел к власти Навруз, новый ильхан; в отличие от Аргуна и Газана Навруз был строгий мусульманин и христианских вассалов не жаловал. Восточную Грузию уже нельзя было считать государством; города стали безлюдными селами; разгромленные кварталы Тбилиси вспахали, чтобы посадить виноградные лозы. Торговые пути проходили не через Грузию, а через монгольские центры, Тебриз или Багдад. К 1300 году валовой внутренний продукт был, возможно, в четыре раза меньше, чем в 1200 году. Сельское хозяйство вымерло; люди ели пададь. Поля и дороги были завалены трупами. Все, кто мог, пешком добирались до Самцхе. Церковные летописцы называли 1290-е и 1300-е годы великим гнетом (*вицроеба*). Картли раздирали этнические конфликты: осетинские переселенцы рядом с монголами и с самцхейским атабагом Бекой Джакели сопротивлялись царям Картли и Кахетии.

Беспредел ошеломил даже Газана: он умолил свои войска ограничить грабеж и больше не пытаться женщин и детей; чиновникам он дал наказ не обездоливать и не обезлюдивать страну. В 1303 году Газан запретил феодалам убивать или порабощать крестьян; он попытался приостановить бегство крестьян новым декретом: грузинские крестьяне отныне были прикреплены к земле, и их владельцы получили на тридцать лет право ловить и возвращать беглых. Теперь Газан собирал налоги только два раза в год и давал феодалам и крестьянам срок в двадцать дней. Так как эти меры уменьшили доходы монгольских генералов, Газан раздал военным отрядам казенные земли вместе с крепостными. Газан даже начал восстанавливать разоренные города, кроме тех, которые были сожжены его карательными экспедициями.

Наконец воюющие стороны поняли, что даже монгольская конница не могла истребить мятежного грузинского царя, окопавшегося в непроходимых горных дебрях. Почти все свое

103 Tamarati M. L'église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 436–437.

царствование Давит жил как затравленный зверь: и тем не менее каким-то чудом ему удалось многого добиться. Его поддерживал египетский султан Бейбар, который в 1305 году доказал свое сочувствие, заново освятив иерусалимский грузинский монастырь Креста (Константинэ, тогдашний царь Имеретии, оплатил реставрацию фресок), несмотря на то что в 1273 году церковь превратили в мечеть. Султан разрешил грузинским паломникам приезжать в Иерусалим, и арабские конвоиры сопровождали грузин по пути из Алепа.

К 1305 году монголы так глубоко завязли в Сирии и Северном Иране, что перестали преследовать Давита VIII и даже позволили ему царствовать не только в недоступных горах, но и в Южной Джавахети. В 1308 году Давит умер; через три года его брат и наследник Вахтанг тоже умер, не успев завладеть Картли и Кахетией. Монгольский ильхан Олджейтию назначил царем малолетнего сына Давита, Гиорги VI *мцире* (меньшего) и приказал уже свергнутому в 1302 году дяде Гиорги V управлять страной в качестве регента. Столица Орды подтвердила решения Олджейтию, но не разрешила Гиорги V и VI взять имеретинский престол и объединить Грузию.

Смерть Давита VII Нарына в 1293 году привела к полному развалу в Имеретии. Как только Константинэ, старший сын Давита Нарына, вступил на престол, Микаэл – второй сын и уже рачинский князь – взбунтовался и захватил пограничную провинцию Аргвети. В Восточной Грузии также царствовали два царя, Вахтанг III в столице и Давит VIII в горах: теперь и в Западной Грузии Константинэ в столице цеплялся за власть до самой смерти в 1327 г., а Микаэл сидел в горной провинции, выжидая смерти брата (Микаэл царствовал с 1327 г. до своей смерти в 1329 г.).

Гиорги VI еще подростком погиб в 1313 году при загадочных обстоятельствах; на царство был опять коронован Гиорги V, на этот раз прочно занявший престол. С самого начала он решил стать царем всей Грузии: в этом деле ему способствовали монголы, в особенности его сюзерен эмир Чобан, который охотно пожаловал Гиорги автономию и доходы от налогов при условии, что грузинские войска будут помогать эмиру подавлять монгольских мятежников. (Выполнив это условие, в 1315 г. Гиорги повел экспедицию в Анатолию, но кампания оказалась последней совместной монголо-грузинской операцией.) Договорившись с Гиорги V, ильхан Абу Саид вызвал царя в Орду, и в 1317 году его утвердили царем всей Грузии, включая «сынов царя Давита (то есть Абхазии-Имеретии) и месхских сынов Беки (то есть Самцхе)».

Как только Гиорги таким образом освободился от монгольских ограничений, он обуздал своих феодалов: монголы дали ему право утверждать, увольнять и карать их, в зависимости от их верности царю. Когда враги монголов, в особенности египетский султан, поняли, что грузинский царь пользуется независимостью, они установили с ним дипломатические отношения. В 1316 и 1320 годах Гиорги V послал посольства в Каир (последнее посольство включало дьякона Иоане Бандаисдзе и Пипу Шалвасдзе, ксанского князя, несмотря на то что отец последнего сопротивлялся старшему брату Гиорги, Давиту VIII). Гиорги, как и его предшественники, просил, чтобы больше не ограничивали прав грузинских паломников и заграничных монастырей; взамен он предложил султану военную поддержку. Посольство было удачным: Гиорги дали ключи к Гробу Господню и вернули часть Истинного Креста; султан разрешил грузинам бесплатный въезд в Иерусалим и больше не заставлял их въезжать на дамском седле.

Даже в Риме узнали о возрождении Грузии. В 1321 году папа Иоанн XXII написал Гиорги V: «Нам не нужно ваших богатств, Нам нужны ваши души. Какая будет радость, если Ты, кому дан титул главы и князей Твоего народа благодаря превосходству Твоего ума <...> благосклонно примешь те предложения, которые Наши вестники мира привезут Тебе, и вернешься в лоно Католической церкви <...> Францисканцы везут к Тебе подарки <...> Если бы Мы считали, что прелаты принесли бы Тебе больше прока или удовольствия, мы бы прислали их. Дай францисканцам охранную грамоту, чтобы они могли ездить к татарам и к народам еще более отдаленным, с которыми у Тебя есть бесценный мирный договор»¹⁰⁴.

Католики подкрепили свою миссию в Тбилиси; миссионерами становились и грузины: в 1321 году некий Деметрэ был замучен в Индии. В 1328 году папа перевел епархию из Смирны в Тбилиси, где епископ Иоанн флорентийский служил до 1347 года (католические епископы, то францисканцы, то доминиканцы, жили в Тбилиси несколько столетий подряд). Вместе с Иоанном приехал Клеменс Галанус, театинец и востоковед, который, судя по всему, первый перевел на грузинский язык католические катехизисы (из которых ни один не сохранился). Грузинская православная церковь, однако, протестовала, и католический епископ в Сухуме (тогда еще Севастополь) жаловался, что «восточные христиане» притесняют католиков-торговцев из Генуи.

Когда в 1327 году хан Абу Саид убил эмира Чобана (своего воспитателя), Грузия полностью сбросила монгольские оковы. В следующем году Гиорги V пригласил группу промонгольских феодалов из дальних провинций на торжественное *дарбази*, которое он устроил на горе Циви над городом Каспи и где все они были умерщвлены на месте. Затем Гиорги забрал все казенные земли, которые попали в руки церкви или ростовщиков. Следующая акция – закрепощение или изгнание картлийских осетин, замок за замком, деревня за деревней – заняла целых три года. Еще дольше затянулась последняя акция, когда царь усмирал в долинах Арагви и Ксани грузин, воевавших между собой, чтобы завладеть Мтиулету. Эта война кончилась в 1327 году кровопролитной битвой на горе Ломиси. Из враждующих племен, которые управляли ключевыми путями к кавказским вершинам, Гиорги сумел создать верноподданную армию. Горцы из Арагви и ксанцы под командой князя Виршели затем напали на осетин, двалов (судя по всему, чеченцев из долины Труссо, говоривших на осетинском языке) и другие непокорные горные племена, сопротивлявшиеся закрепощению. Грузинское влияние снова распространилось на Северный Кавказ, судя по хундзским записям XIV века, сделанных грузинским шрифтом.

В 1329 году, когда умер абхазско-имеретинский царь Микаэл I, Гиорги занял Кутаиси, осадил замок и сверг малолетнего сына Микаэла, Баграта I («недоросля»). Назначив мальчика Баграта князем пограничного района Шорапани, Гиорги V теперь провозгласил себя царем обеих Грузий. Когда Саргис II Джакели умер, его брат и наследник Кваркварэ I понял, что бесполезно сопротивляться своему могучему племяннику (мать Гиорги V Натела приходилась Кваркварэ сестрой). Таким образом в 1334 году расколота Грузия полностью объединилась, и Гиорги V заслужил свое прозвище Блистательный (*бръцкинвале*). Несмотря на то что страна избавилась от монгольского налогообложения, она была разорена. Гиорги начал восстанавливать порядок и благополучие. Семь лет он посылал карательные отряды против горцев, которые убивали царских чиновников и феодалов, нарушающих права их анархических общин, но в конце концов все мятежные замки были разрушены и горцы завербованы в армию, чтобы, в свою очередь, усмирить осетин около Гори. В 1337 году новый монетный двор в Каргаджи в Кахетии чеканил монеты, на которых еще двадцать лет сохранялись мусульманские надписи). Виноградники и фруктовые сады доставляли правительству доходы. В Тбилиси грузинские, еврейские, армянские, мусульманские и католические купцы оживили торговлю, так что в очередном своем письме 1329 года папа Иоанн XXII смог похвалить царя за то, что он воскресил «очень важный, многолюдный, справедливый и богатый город».

Гиорги многим был обязан тридцатилетнему монгольскому миру: ильханы боролись теперь только между собой, Чобаниды в Азербайджане с Джалаиридами в Ираке. Гиорги мог спокойно сближаться с египетскими султанами, расширяя привилегии грузинских паломников и монастырей в Палестине; он установил связи не только с Ватиканом, но и с венецианскими и генуэзскими купцами. Грузинам опять выказывали почтение в Трабзоне и в Константинополе.

Блистательность Гиорги больше всего проявилась в законодательстве. В 1335 году, объехав все горные районы Картли и Кахетии, покорив племена в долинах Арагви (Мтиулету), он положил конец их варварскому беззаконию, обнародовав кодекс законов

«Установление памятника» (*дзеглис дадеба*)¹⁰⁵. Новые законы наказывали преступления горцев – похищение женщин и рогатого скота, язычество, разврат и племенную междоусобицу, – подчинив их центральной власти. Кодекс Гиорги во многом подражал кодексу его деда по матери, Беки Джакели¹⁰⁶, который воспитывал Гиорги после казни его отца Димитри. Запретив кровную месть горцев (согласно которой, например, убийство брата или сына не подлежало наказанию), Гиорги V ввел старинный грузинский вергельд, согласно которому цена отнятой жизни определялась чином, а виновники облагались надлежащей долей такой цены за нанесенные увечья, от ослепления до выбитого зуба. Такие же кары налагали за похищение женщины, а оскорбленный муж, например, имел право в течение одного года сжечь дом любовника жены или избить (но не убивать) любовника. Даже словесные оскорбления и мелкие ранения оплачивались «штрафом за неуважение». Средневековая грузинская система кое в чем похожа на современное страхование, с той разницей, что тогда жертвы не платили взносов, и возмещение платил виновник, а не страховая компания. Недостаток кодекса Гиорги, конечно, был в том, что бедным было не по карману убивать богатых, а богатые могли позволить себе убивать бедных. Система была выгодна тем, что государству не приходилось строить тюрьмы или нанимать палачей. Вергельд царского чиновника в Мтиулети оценивался в 12000 *тетри* (серебром до 36 кг), а если чиновник был недворянского происхождения, то всего 6000 *тетри*; убийство старшины в общине стоило 1200 *тетри* (в долинах Картли жизнь крестьянина стоила от 400 до 1000 *тетри*.) Тот, кто убил феодала, подвергался наказаниям, которые применялись и к его родне: к конфискации поместья, анафеме, ссылке. Тот, кто убил человека, у которого еще была жива мать, или кто убил монаха или священника, должен был заплатить вдвое больше. Вору приходилось заплатить втрое больше стоимости ворованного. Тот, кто разрушил замок соседа, должен был восстановить замок за свой счет и заплатить половину вергельда. Кодекс охватывал не только преступления, но и социальное обеспечение: вдовам павших в бою платили возмещение. Гиорги редко издавал экономические декреты, но он недолго любил ростовщиков и ограничил проценты на заем 20 %, вне зависимости от срока.

Отрезанные от центра во время монгольского нашествия горные племена превратили христианство в своеобразный синтез язычества и культа святых; священником у горцев стал *хевисбери* (старшина ущелья), который священнодействовал как шаман: Гиорги V пришлось заново заставить горцев соблюдать таинства – крещение, венчание, отпевание, а также пост и литургию. Так как *дарбази*, созданный Гиорги, не был компетентен в духовных вопросах, сам католикос предпринял спасение душ в долине Арагви, а в долине Ксани – самтависский епископ. Горцы были прикреплены к церкви Домниси.

Чтение «Постановления монаршего двора» (*хелмцинебис карис гаригеба*) дает еще более глубокое представление о системе и духе управления Гиорги V и его предшественников до монгольского нашествия: «постановления» были сочинены около 1334 года и наполовину сохранились в копии XVIII века¹⁰⁷. *Дарбази*, созданный царем, принял эти постановления, которые, вероятно, просто пересмотрели и обновили. Постановления кодифицируют правление абсолютного монарха, которому помогают кабинет министров, или визирей (*сабчо*), и законодательный собор феодалов и епископов (*дарбази*). И *сабчо*, и *дарбази* собираются по приказу царя и не имеют права противоречить ему. Восстановив исключительное право феодальной знати на министерские должности, постановления Гиорги

105 Dolidze I. S. [Kartuli samartlis dzeglebi. Tom I]. Tbilisi, 1963. P. 401–421 ([samartali mepis Giorgia]); Charachidze G. Introduction a l'étude de la féodalité géorgienne: le Code de Georges le Brillant. P., 1971 (лучшее издание, хотя во французском переводе: *дзеглис дадеба*).

106 Dolidze I. S. Op. cit. P. 426–449 (samartali Bekasi).

107 Surguladze I. [Kartuli samartlis dzeglebi]. Tbilisi, 1970. P. 1–200 (текст «постановлений монаршего двора» с русским переводом, примечаниями, словарем).

V отменили демократические нововведения монголов, предпочитавших министров из простого народа.

В *сабчо* заседали шестеро министров. Премьер-министром, *мцигнобартухуцеси*, по обычаю, был епископ Чкондиди (у Гиорги V Басилэ¹⁰⁸). Премьер-министра описывают как «подобие отца царя»: он дает указания остальным пятерым министрам, надзирает над казной, проводит заседания как верховный судья, особенно когда дело касается апелляций или вдов и сирот; два раза в год премьер-министр подписывает все протоколы и пересматривает все новые назначения; он решает вопросы войны и мира, управляет архивом государственных дел и облагает гербовыми сборами (с которых берет долю для себя) земельные дотации и жалование особых прав. Вместе с ректором академии Гелати премьер-министр надзирает и за церковными делами, в особенности за «царскими» монастырями Давита Гаресджа, Шио-Мгвиме и Анчи. Под ним работают двадцать четыре простых секретаря и его собственный миниатюрный кабинет – казначей, который укладывает государственные документы в кожаную сумку, придворный камергер, который устраивает государственные приемы, и целый ряд чиновников. Когда он идет домой, его сопровождают два факельщика (других министров – только один), и каждый день ему выдают по пять листов бумаги (другим министрам – два-три.) (Министры получали жалование и льготы в той же пропорции.) У премьер-министра были два высокопоставленных помощника: оружейный секретарь, который тоже отвечал *амирспасалари*, и секретарь царской опочивальни (*сацолис мцигнобари*), который, как придворный, сотрудничал с главой полиции и службы безопасности (*мандатуртухуцеси*).

Вторым после премьер-министра, хотя без своего секретариата, был атабаг: этот титул считался выше, чем чин удельного князя. Атабаг чаще всего принадлежал к родне Мхаргрдзели; ему поручалось обслуживание царской семьи. Как Бека Джакели, атабаг Самцхе, он воспитывал наследника. Третьим по рангу был главнокомандующий (*амирспасалари*). Во время войны он командовал армией; в мирные времена учил и снабжал воинов (во время монгольского суверенитета он командовал армией только тогда, когда царь был не в состоянии этого делать, и тогда должности атабага и главнокомандующего объединялись). В *сабчо* главнокомандующий открывал обсуждения военных дел и переговоров, когда речь шла о том, уступить или затребовать территорию или дань. *Амирспасалари* сотрудничал с оружейной, за которой надзирал премьер-министр. У *амирспасалари* были младшие министры, которые заседали в *сабчо*, но говорили только тогда, когда им задавали вопросы: как, например, *амирахори*, командир конницы, который ездил рядом с царем и возил подарки, раздававшиеся царем. Этот *амирахори* имел своих курьеров и чиновников, заведовавших упряжью, сбруей, табунами и т. д. Все эти мужчины носили мечи во время службы.

На равном, то есть третьем месте с *амирспасалари*, числился *мандатуртухуцеси*. Буквально его титул значил «церемониймейстер», но у него были обязанности министра внутренних дел. И эта должность часто отдавалась человеку из семьи Джакели: первым *мандатуртухуцеси* у Гиорги V был его дед и воспитатель Бека Джакели. Только этот министр и его главный камергер (*амиреджиби*) пользовались неограниченным доступом к царю (они могли оставаться, когда царь раздевался и ложился). *Мандатуртухуцеси* на службе носил дубину, которую в присутствии царя он должен был сдавать камергеру. У этого министра служили 300 *мандатури*, из которых трое были дворянами, а остальные – крестьянами: они стерегли заседания *сабчо*, следили за порядком во дворце и занимались контрразведкой; к тому же они надзирали за казенными работниками, особенно за теми, кто работал в огромных царских виноградниках. Камергеры приносили депеши, принимали подарки от имени царя, кормили дарителей, подавали закуски – грецкие орехи, соусы, сыр, чечевицу – заседающим министрам, отвечали за полевые кухни и т. д. У *мандатуртухуцеси*

108 Met'reveli R. Davit IV Aghmashenebeli. Tbilisi, 1990. P. 139 (дает имена и даты девяти других известных *мцигнобартухуцеси-чкондиди* с 1104 года до конца XIV века).

было множество обязанностей: например, он заведовал царскими дотациями, из которых он со своими подчиненными брал свою долю (*кртами* , в современном грузинском языке – «взятка»).

Пятым по рангу министром являлся главный казначей (*мечурчлетухуцеси*), несмотря на то что его министерство было основано раньше всех. Он заведовал таможней, подоходным налогом, налогами на торговлю, денежным запасом, драгоценными камнями, металлом, особенно серебряной посудой и обеденными сервизами, ценными маслами для освещения; вдобавок он надзирал за мэрами и их расходованием денег.

Самым последним министром являлся царский канцлер, *мсахуртухуцеси* . Эту должность часто занимал человек из княжеского рода Сурами: он заведовал двором и его подсобными хозяйствами: стадами баранов, поездками, багажом, одеждой, ишаками, наличными деньгами. У него самым важным чиновником был старший казначей, который носил кольцо с царской печатью и через которого проходили все царские грамоты, подписанные премьер-министром. Слуги канцлера приносили царю миски с фруктами и орехами, дрова и воду для царской ванны; ухаживали за царскими гончими (охотничий сезон продолжался с января до начала Великого поста). Царские слуги состояли из 700 камергеров (из которых всего восемь – крестьяне): некоторые, вооруженные копьем, стерегли царскую опочивальню; другие умывали ему лицо и руки, одевали его, приносили ужин и читали вслух. Только канцлеру и его людям позволялось приходить к царю, когда он уже был в постели.

На заседаниях *сабчо* присутствовали царь, шестеро министров и три министерских помощника. Царь и министры садились за стол, на стулья, обитые льном и золотом, один за другим, в зависимости от ранга, когда приказывал царский канцлер. Помощники стояли у стены. *Амирахори* стоял на трибуне, в то время как секретарь камергера сидел за столом и должен был составлять протоколы заседания. *Амиреджиби* отвечал за безопасность во время заседания. (И *амирахори* , и *амиреджиби* были обязаны хранить молчание.) За дверью поджидали другие чиновники, которые уносили сообщения или исполняли другие поручения. Заседания были строго засекречены, и сторожа отгоняли чужих.

Намного более редкими, но такими же значительными были заседания *дарбази* . Они проводились, по всей вероятности, четыре раза в год, в том числе в Рождество и на Пасху, но царь их объявлял и в случае необходимости, например, в январе 1289 года, когда монгольская орда требовала выдачи царя Димитри, или в 1328 году, когда Гиорги V решил истребить промонгольских феодалов на горе Циви. Заседания *дарбази* могли быть и «большими», и «малыми», в зависимости от чрезвычайности положения. Как в *сабчо* , так и в *дарбази* главными лицами были шестеро министров, но тут равную роль играли четыре «монаха» (епископ Чкондиди, конечно, присутствовал и как министр, и как «монах»). Другими «монахами» были католикос Восточной Грузии (одновременно и патриарх всей Грузии), католикос Абхазии (то есть Западной Грузии) и игумен-ректор (*модзгуатмодзгуари*) Гелатской академии. Все князья и епископы, игумены царских монастырей и двенадцать схимников из Самцхе, не говоря о самых важных придворных чиновниках, тоже участвовали в *дарбази* . Как министры и князья, так и епископы строго соблюдали старшинство: епископы Кутаиси и Бедии, которым по обычаю поручали царские похороны, стояли гораздо выше, чем, например, епископ Ишхани в Самцхе; только епископ Тбети (*мтебари*) имел право носить меч и щит¹⁰⁹. Заграничные монастыри представлял епископ Голгофы из Палестины. Как на церковных соборах, старшие епископы сидели высоко на подушках и носили сафьяновые туфли, а младшие епископы сидели на деревянных скамьях и носили обычные туфли.

Хотя *дарбази* был Законодательным собранием, его законы без царского одобрения не проходили. *Дарбази* мог назначать чиновников или подтверждать назначения; он решал дела

109 Какабадзе С. С . Грузинские документы в собрании ленинградского отдела Института востоковедения. М., 1982. № 19 (порядок епископов).

церемониальные, например что царские корона и скипетр должны храниться не в Тбилиси, а в Кутаиси. *Дарбази* мог обсуждать, но не оспаривать решения *сабчо*. После заседаний члены *дарбази*, опоясавшись мечом, сидя на деревянном стуле или на подушках, если так подобало, присутствовали на царском банкете; потом факельщики сопровождали их до места пребывания. (Младшие члены *дарбази* получали паек на месте службы.)

Вообще «Постановления монаршего двора» изображают довольно изысканное феодальное царство, восстановленное Георги V по образцу XII века. Но это запоздалое возрождение оказалось недолговечным. В 1338 году монгольские Чобаниды и Джалаириды сражались уже на территории Южной Грузии: азербайджанец Хасан Кючюк боролся с иракским Хасаном Бузургом. Георги V пришлось изгнать азербайджанцев из Армении. В 1342 году на азербайджанский престол взошел брат Хасана Кючюка, Ашраф, который назначил ильханом Ануширвана. Последствием этого назначения было жуткое и зловещее кровопролитие на границах Грузии.

Тучи собирались и на западе: в Трапезундской империи византийцы вытеснили грузин: Андроникэ Комнин перебил своих прогрузинских сводных братьев Азу Хутлу и Агбугу. Войскам Георги V и трапезундским лазам все-таки удалось в июле 1341 года свергнуть императрицу Ирину Палеолог и возвести на трапезундский престол бывшую монахиню Анну Хутлу, дочь Алексия II и его грузинской жены (Джакели из Самцхе). Однако в Трабзоне сразу началась смута, и в империю вторглись туркмены. Пришедшие через год византийцы и генуэзцы свергли Анну Хутлу и задушили ее. Грузинские войска проиграли кровавую битву и навсегда потеряли власть над Трапезундской империей. Более того, вновь обретенному благосостоянию Грузии пришел конец – в 1343 году сибирская язва истребила не только грузинский скот, но и большую часть населения.

Георги V умер в 1346 году. К власти пришел его сын Давит IX (вероятно, его мать была трапезундская княжна). Но именно в этот год в Золотой Орде разразилась чума, распространившаяся на Анатолию и Закавказье, а потом и за Черное море. Грузия, как бо́льшая часть Европы и Ближнего Востока, лишилась половины населения: чума оказалась намного хуже монгольского нашествия. Монах-писец Авгароз Бандаисдзе лаконично замечает в 1348 году: «Писец переписал эту священную книгу в течение года большого обнищания, отсутствия пергамента, гражданской смуты и озабоченности». Но ученые монахи продолжали свое дело: даже в 1350-х годах Ларгвиси в Ксанской долине оставался центром иконописи, переписывания рукописей и каллиграфии. Почти все грузинские архивные бумаги и рукописи были уничтожены к концу XIV века, поэтому о царствовании Давита IX нам известно мало. В отличие от его предшественников, у которых был свой анонимный хронограф, записывающий подвиги и неудачи, у Давита IX не было летописца. Современники, однако, не забыли о Грузии: авиньонские лжепапы отправляли в Тбилиси новых епископов, а когда один из них принял сторону Ватикана, прислали ему замену. Давит IX чеканил монеты для соседей, в особенности недолговечных азербайджанских ханов, и в 1349 и 1350 годах царь платил ильхану Ануширвану ежегодную дань в 400000 денариев, чтобы тот не вторгся в Грузию. Тем не менее Давиту пришлось уступить Трапезундской империи не только лазские земли, но и часть Южной Тао, и ильхан Ануширван захватил Карс, Нахичевань и Гарниси. Последними вассалами были северокавказские земли, например Осетия. В поисках союзников Давит IX женился на Синдухтар, дочери атабага Самцхе Кваркварэ I Джакели, и выдал свою дочь Гулкан (которая приняла имя Евдоксия) за родственника трапезундского императора.

В 1360 году престол унаследовал сын Давита IX Баграт V: его короновали в Кутаиси, подчеркивая, что он будет царствовать и на западе, и на востоке. Он, как и его отец, управлял страной, изнуренной чумой, бушевавшей вплоть до 1366 года. Именно в этом, последнем году чума унесла жизнь царицы Елены, родившей Баграту V двух сыновей, Георги и Давита. Через год Баграт женился на Анне, дочери трапезундского императора Алексия III, она родила третьего наследника, Константинэ. (У Баграта была одна дочь, которая вышла за придворного камергера Каху Чиджавадзе и, овдовев, ушла в монастырь под именем

Улумпия.) Своими военными победами и стрельбой из лука (отмеченными армянскими и трапезундскими летописцами) Баграт заслужил себе прозвище Великий, но других свидетельств его доблести не осталось. Может быть, именно доблесть обрекла его: в 1385 году он стал союзником монгольского вождя Тохтамыша, который объединил Золотую Орду, покорил Россию, а затем перешел Кавказский хребет, чтобы справиться с многообещающим молодым монгольским правителем Узбекистана – Тамерланом. Чингисхан и чума уже искалечили Грузию, Тамерлан нанесет завершающий удар.

11

Тамерлан и разгром Грузии

С 1386 по 1405 год Тамерлан вел захватнические войны по протяженности, параноидальной жестокости и разрушительности сравнимые только с войнами Адольфа Гитлера¹¹⁰. (Единственными мирными перерывами оказались 1390–1391 и 1398 гг.) Грузия перенесла восемь нашествий и испытала те же ужасы, что все страны от Ирана до Анатолии, от России до Ирака, в которые вторгнулся Тамерлан. Первое нападение произошло в начале зимы 1384 года, когда Баграт, по-видимому, позволил Тохтамышу, хану Золотой Орды и главному сопернику Тамерлана, пройти через Кавказские горы по пути в Тебриз, после того как он сжег Москву. В Тебризе грузины сражались на стороне Тохтамыша. Тамерлан решил не пускать врага в Закавказье и отправил армию, которая, несмотря на лед и снег, «заполонила долины и горы» от Карса до Тбилиси. Все грузинские феодалы, кроме горсточки молодых воинов, избежали столкновений и заперлись у себя в замках, не сплотившись вокруг царя в Тбилиси. Тем не менее Тбилиси шесть месяцев не сдавался тамерланской осаде: царь Баграт несколько раз в день выезжал на контратаки. Тбилиси пал только тогда, когда Тамерлан подвез к стенам катапульты и начал бомбардировать город камнями. Баграт тем не менее сражался на зубчатых башнях стены вплоть до 22 ноября 1386 года, когда Тамерлан выстрелил из пушки, до тех пор на Кавказе неслыханного и невиданного орудия. Когда гарнизон сдался, Тамерлан пообещал сохранить жизнь Баграта V, царицы Анны (дочери трапезундского императора Алексия III) и царевича Давита, но разрешил своей армии грабить город и истреблять население.

Работоспособных мужчин, особенно ремесленников, отправили пешком под конвоем в Самарканд, столицу Тамерлана: те, кто выжил, тратили последние силы на мегаломанических проектах тирана. В Самарканд также отправили триста верблюдов, нагруженных добычей – драгоценными камнями, серебряными окладами, сорванными с икон, и библиотекой грузинских царей. (Безграмотный Тамерлан любил, чтобы ему читали вслух, и говорил по-персидски так же свободно, как по-турецки и по-монгольски. Библиотеку сгрузили в мечети за железными решетками и дверьми, но она все-таки исчезла.) Затем Тамерлан отметил победу торжественной охотой и повернул вниз по Куре со своими царственными пленниками. По пути он разрушил все замки, но ни в одном не оставлял своего гарнизона. Из завоеванных стран пощадил только Ширван: ширваншах сам вышел навстречу Тамерлану, предлагая ему подарки и покорность. Тамерлан затем разделил армию на две группы: мародерам он предоставил Ширван, а элитных воинов направил в кавказское предгорье. До весны 1388 года монгольская армия зимовала в Карабахе.

Приехав в Карабах, Тамерлан, приверженец шиизма, но часто проявлявший благосклонность и к другим сектам, объявил, что обратит всю Грузию в мусульманство начиная с царя и феодалов. Баграт охотно подчинился Тамерлану как вассал, но отречься от христианства не хотел. В конце концов они с Тамерланом договорились: Баграт примет ханафизм, среднеазиатский вариант ислама, который признавал преимущество разума над верой и разрешал употребление алкоголя (но не виноградного вина). Баграт сделал вид, что

110 *Husaini A.* Mulfazat Timury (воспоминания о Тамерлане). Delhi, 2010; *Nicolle D.* The Age of Tamerlane: Warfare in the Middle East. L., 1990; *Marozzi J.* Tamerlane. L., 2004.

обратился, обменялся подарками и отправился домой: с ним ехали 12000 монголов, которые должны были обратить население Грузии. Но миссионеры вдруг превратились в захватчиков: подъезжая к границам Грузии, Баграт вызвал своих сыновей Константинэ и Гиорги и умолил их спасти его. (Пока Баграт был в Карабахе, Гиорги предложили взойти на престол, но он отказался, опасаясь, что такой поступок послужит Тамерлану предлогом убить Баграта.) В узком ущелье воины Гиорги подстерегли «миссионеров» Тамерлана, освободили Баграта и отступили в Тбилиси дожидаться монгольской мести. В марте 1388 года разъяренный Тамерлан во второй раз набросился на Тбилиси: население разбежалось по горам, а сам Баграт связался с Золотой Ордой Тохтамыша. В войне армия Тамерлана понесла большие потери, но грузинские силы вынуждены были опять забаррикадироваться в замках.

В Имеретии князь Александрэ заключил, что Картли обречена, и в Гелати сам провозгласил себя царем Имеретии. Но Баграта спасло известие, что в Иране взбунтовались против Тамерлана и что Золотая Орда не сегодня завтра набросится на тирана: Тамерлан решил отступить. В последующие шесть лет Грузия смогла прийти в себя, пока Тамерлан заново завоевывал Хорезм, усмирял Золотую Орду и подчинял себе Багдад и Сирию, почти целиком окружив Грузию. В 1389 году имеретинский царь-самозванец Александрэ умер, и Баграт смог утвердить себя еще раз царем всей Грузии.

Весной 1393 года Тамерлан послал четырех генералов в Самцхе: главным их заданием были разведка и грабеж, пока Тамерлан забавлялся охотой. В следующем году Грузия подверглась третьему и четвертому нашествиям, летнее нашествие разрушило церкви и монастыри Тао и Самцхе. Тамерлан собрал награбленные драгоценные камни, чтобы подарить их новорожденному внуку. Осеннее нашествие оказалось хуже: монголы пересекли Грузию с юга на север, взбираясь по Арагви до Кавказского хребта. Баграт и горцы отчаянно боролись, ни он, ни Тамерлан пленных не брали. Как и раньше, Тохтамыш находился за хребтом на Северном Кавказе, но в этот раз Тамерлан его разгромил на Тереке и преследовал до окраины Москвы; на обратном пути в 1395 году Тамерлан, предав огню столицу Золотой Орды и Астрахань, разрушил все христианские памятники на Северном Кавказе. Прежде чем вернуться в Тебриз и Самарканд, монголы отдохнули в Ширване: ширваншах был единственным азиатским правителем, которому Тамерлан доверял.

Следующие четыре года были для Грузии передышкой, пока Тамерлан завоевывал Индию. В 1393 году Баграт умер, и его наследник Гиорги VII (который уже с 1369 года властвовал вместе с отцом) воодушевил всех недовольных в Закавказье на борьбу против тирании Тамерлана и его еще более озлобленного сына (и наместника) Миран-шаха. Кроме грузин, Гиорги завербовал северных кавказцев, азербайджанцев из Шаки; он укрепил грузинскими офицерами замок Алинджак в Нахичевани, который прославился тем, что выдержал осаду Тамерлана. Гиорги то ли выручил, то ли похитил из Алинджака джаларидского князя Тахира, который вслух издевался над хромотой Тамерлана (имя Тамерлана – изначально *Темур ленг*, «Темур хромой»). Вначале грузинам удалось изгнать генерала Миран-шаха, Сейфа ад-Дина, который бежал в Тебриз; новая армия и новый генерал тоже были разбиты грузинами. Эмира Шаки, Сида Али, сразила вражеская стрела, и его голова была отправлена в качестве трофея Миран-шаху в Тебриз, а потом Тамерлану в Самарканд. Гиорги VII и князь Тахир решили отступить в Грузию, так как Тамерлан возвращался с твердым намерением, обратив всех грузин в мусульманство, либо включить их в свою империю, либо истребить.

Зимой 1399 года Тамерлан прорвал восточные границы Грузии: он привел 100000 элитных воинов, которыми командовали ширванский шейх Ибрагим и Сиид Ахмед, сын обезглавленного эмира Шаки. Армия была обеспечена провизией на десять дней: воины перешли Куру по понтонному мосту, топорами прорубили себе дороги через заросли. Обойдя таким образом грузинских часовых, они застали врасплох жителей Кахетии и Эрети, которые не успели ни убежать, ни спрятать собственность. Несмотря на неожиданное нападение, генерал Химшиа увертливой тактикой достаточно долго сдерживал захватчиков, чтобы хоть кто-то смог скрыться в лесах и в пещерах. Воины Тамерлана грабили и жгли церкви и

монастыри и истребляли мирных граждан. Фанатичные противники вина, они выкорчевывали кахетинские виноградники; сдирали кору с тутовников и грецких орехов. Только первый снег и отсутствие фуража прекратили опустошение: армия отправилась в Карабах, угнав как можно больше баранов.

В 1400 году Тамерлан созвал великий *курултай*, который постановил, что Грузию надо завоевать. Весной Гиорги VII принял посланника Тамерлана, заявившего, что или Гиорги отдаст князя Тахира, или Тамерлан уничтожит его царство. Гиорги вежливо предложил подарки, но на уступки не пошел: «Сдача беженцев – против наших обычаев». Тамерлан объявил грузин злостными еретиками, подлежащими искоренению. Во второй раз Гиорги собрал коалицию из северных кавказцев и грузин, у озера Севан в Армении Тамерлан заставил войска коалиции отступить. Тамерлан опять разгромил Тбилиси и, когда грузинская армия скрылась в лесах на имеретинской границе, прочесал весь край. (Армянский летописец пишет, что предатели показали Тамерлану лесные тропинки.) Монголы греческим огнем испепеляли беженцев, спрятавшихся в горных пещерах; грузинские партизаны, взбиравшиеся на веревках по утесам, бросались в пропасть, чтобы не сдаваться монголам. Летописец Тамерлана писал, что после монгольского нападения в деревне «ни один петух не кричал, ни одна собака не лаяла». В Тбилиси Гиорги выстоял против врага, но цитадель пала, и он отступил на запад в Мухрани. Тамерлан попытался его догнать, но задержался в Ксанском ущелье, чтобы освободить монгольских военнопленных, захваченных князем Виршели; царская семья ютилась у князя в замке, и оттуда на Тамерлана обрушился град стрел. Тамерлан поехал вверх по долине Ксани, ровняя с землей все замки и церкви. К середине мая 1400 года он уже направлялся на запад на территорию *амилахори* (командира конницы) Джанибега: Джанибегу пришлось сдаться, и монголы подожгли монастырь Самтависи и пшеничные поля вокруг, угнав весь рогатый скот. В Гори Гиорги VII еще раз выстоял против врага, но Тамерлан превратил город в руины. Гиорги, «как раненый тигр», бежал в лес; монголы опустошили всю Внутреннюю Картли и снесли собор Руиси. Пойманных феодалов Тамерлан подвергал пыткам, чтобы узнать, где прячется царь, но напрасно. В конце концов Тамерлан наткнулся на Гиорги, забаррикадировавшегося в замке Дзоврети вблизи Карели. Дзоврети тогда считался неприступным, но Тамерлан подвез свои катапульты: целую неделю две армии перекидывались камнями и стволами срубленных деревьев, пока монголы не взяли ворота штурмом. Во время рукопашного боя Гиорги VII улизнул: Тамерлан согнал местное население в замок и всех порубил: он оставил гору из трупов, кровь бежала потоком. От замка к замку, из Картли в Имеретию, Тамерлан гнался за Гиорги. Каждую осаду Гиорги удавалось прорвать, и он скрывался во все более диких местах. Воины Тамерлана расходились поисковыми группами, но погоню пришлось бросить. Тамерлан вернулся в Картли и набросился на Самцхе, где осадил атабага Иванэ. Он взял бесчисленное количество пленных, которых либо сделал рабами, либо продал за выкуп; монастыри Ркони и Квабтахеви были разрушены, священники и миряне запирались в церквях, которые Тамерлан поджигал. Не уцелел даже Светицховели в Мцхете, сердце грузинского православия.

Осенью Тамерлана отвлекли турецкие кочевники в Тао, пожаловавшиеся на угнетение христианами генералами. Тамерлан напал на Тао. Таким образом, к зиме Грузия уже подверглась чуть ли не геноциду. 15000 конвоиров заставили 60000 грузин пешком идти в Самарканд; тем, кто падал по пути, голову размозжали камнями. После ухода Тамерлана Гиорги вышел из укрытия. Вместе с князем Виршели и с сурамским князем он поднялся на главный перевал, где теперь бунтовали двалы. (Тамерлан занимался массовыми убийствами в Анатолии, заживо похоронив в Сивасе 4000 армян, поддерживавших оттоманов. Оттуда он поведет кампании против Египта и Багдада.) Но, когда тиран услышал, что Гиорги собрался в Нахичевань, чтобы освободить алинджакскую крепость, Тамерлан еще раз направил армию против Грузии. Алинджак выстоял двенадцатилетнюю осаду Тамерлана, пока не сдался гарнизон, у которого из съестного остались только кожаные пояса.

Очередное появление Тамерлана привело Георги в отчаяние: он отправил к тирану посланников и вызвался лично пойти к нему. Монгольские генералы перезимовали в Грузии, пока Тамерлан завоевывал Багдад, Тебриз и Нахичевань: затем Тамерлан вытребовал у Георги дань, налоги и *джизию* (штраф на немусульман). Георги послал к Тамерлану своего сводного брата Константинэ, который договорился с Тамерланом: на мирном договоре, заключенном в сентябре 1401 года в городе Шамкоре (сегодняшнем Шамкире в Азербайджане), грузины получили безопасность, а царь – охранную грамоту. Взамен подписали пять статей: Грузия будет платить ежегодную дань, поставлять Тамерлану воинские подкрепления, разрешать армиям Тамерлана пересекать страну, будет обращаться с мусульманами и христианами одинаково и не будет проповедовать христианство на мусульманской территории.

На самом деле Тамерлан нуждался в мире в Закавказье. Он собирался громить оттоманов: подарив грузинским посланникам роскошные халаты, он радушно простился с ними, довольный, что «упрямые вложили свои головы в ярмо подчинения».

Очень скоро Тамерлан нарушил договор. Добираясь от Карабаха до оттоманской территории, при переходе Южной Грузии он набросился на замок Тортум, где гарнизон из двухсот грузин налогов не платил и с мусульманами обращался брезгливо. Тамерлан поручил соответствующее наказание 2500 воинам, которые зарубили весь гарнизон. Это было его седьмое нашествие. После этого, к всеобщей радости Европы, 28 июля 1402 года Тамерлан разгромил в Анкаре оттоманского султана Баязита Йылдырыма и, дойдя до Средиземного моря в Измире, раздал четверым сыновьям Баязита по части Оттоманской империи.

Оттоманскую империю на целые десять лет охватил такой хаос, что Тамерлан почувствовал себя вполне свободным. Он планировал восьмое нашествие, окончательное наказание непослушной и зазнавшейся Грузии. Константинэ, сводный брат царя Георги, против воли царя, вместе с атабагом Иванэ Джакели попытался смягчить сердце Тамерлана, предложив ему подарки и извинения: они тянули время, надеясь собрать весь урожай 1403 года до нашествия Тамерлана. Тамерлан сначала поручил ширванскому шейху Ибрагиму сделать опись всех источников богатств царя Георги, но передумал и решил осадить замок Биртвиси, который слыл самым неприступным в Закавказье, так как стоял на отвесном голом каменном утесе в безводном ущелье в семидесяти километрах к юго-западу от Тбилиси, туда вела лишь узкая тропинка, не было ни воды, ни фуража для захватчиков, и в замок можно было пролезть только по спущенной сверху лестнице. Биртвиси раньше служил твердыней тбилисскому эмиру; в 1400 году сам Тамерлан предпочел не штурмовать, а объехать его. Теперь замок защищали тридцать *азнаури* и 150 солдат под командованием Иванэ Торели: у них были пресноводные пруды, бочки с вином и сотни пудов пшеницы. Тамерлан придумал блестящий план осады: он призвал меркитов (прибайкальское монгольское племя знаменитых скалолазов). Монголы трудились круглосуточно, построив два замка и деревянную башню, откуда наблюдали и обстреливали гарнизон. Монголы копали колодцы, чтобы достать воду, и пригнали стадо баранов в качестве провианта. Днем и ночью катапульты осыпали Биртвиси градом камней, которые причиняли мало вреда (замок был слишком высокий), но непрерывным грохотом мешали грузинам спать и подрывали боевой дух. После семи суток обстрел вдруг оборвался, и гарнизон заснул. Тогда один меркит влез по отвесному утесу и привязал к дереву лестницу, сделанную из четырехсот шелковых и хлопчатых ступенек. 12 августа 1403 года, в безлунной ночи, пятьдесят два меркита-добровольца штурмом взяли ворота Биртвиси. Тех немногих из гарнизона, кто уцелел, Тамерлан сразу казнил. Жен и детей монголы раздали своим офицерам (жену Иванэ Торели забрал ширванский шейх Ибрагим в свой гарем). Биртвисская церковь стала мечетью, и весь край подвергся этнической чистке и стал мусульманским уделом монгольского генерала.

С точки зрения стратегии осада Биртвиси была бессмысленна: из-за нее царь Георги VII успел подготовиться к сопротивлению. Тем временем Тамерлан убедил свой *курултай* и измотанную армию, что Грузия наказана недостаточно, так как он еще не опустошил

Имеретию. Тамерлану, как и сельджукам 250 годами раньше, необходимо было разыскать путь через гору Лихи, где вместо густых лесов нашлось бы пастбище для конных. Как сельджуки, так и монголы объехали Лихи северным путем и тремя колоннами прорвались в Кутаиси, истребили народ, подожгли хозяйства, выкорчевали деревья или содрали с них кору, сровняв с землей и опустошив около семисот поселков, хуторов и монастырей. Но путь в Абхазию шел через непроходимые для тяжелой конницы леса и болота. Генералы умоляли Тамерлана искать более удобные места для завоевания.

Теперь Гиорги VII впервые почувал, что может одержать верх: Тамерлану пришлось сделать первый шаг. Тем не менее Тамерлан предлагал суровые условия, чтобы монголы признали Грузию независимым царством, Гиорги должен отчеканить тысячу золотых монет с изображением Тамерлана и подарить ему тысячу лошадей и гигантский рубин. К тому же Тамерлан оставил за собой всю Южную Грузию как удел для внука: возвращаясь к своему штабу в Бейлаган, монголы разрушили по пути все монастыри и церкви. К 1404 году Грузия навсегда простилась с Тамерланом, и в феврале 1405 года он умер, когда отправлялся завоевывать Китай. Его империю разорвали на части сварливые сыновья.

Пока Миран-шах, сумасшедший наследник Тамерлана, боролся со своими сыновьями Умаром и Абубакром за власть в Иране, Гиорги VII вернулся из Имеретии и, насколько возможно, завладел потерянными территориями. В 1405 году он одержал победу над Умаром и захватил Нахичевань и Гянджу. Испанский посол в Самарканде Руи Гонсалес Клавихо¹¹¹ описывает, как Гиорги VII опустошил Ани и Эрзурум и даже совершил налет на Тебриз. В те времена в обезлюдевшем после чумы и Тамерлана Закавказье все армии стали немногочисленными: у Гиорги было всего 5000 воинов, но тем не менее этими силами Гиорги смог по крайней мере временно восстановить бывшие границы Грузии. Ширванский шейх Ибрагим таким же образом поправил состояние своего государства.

Через два года, однако, Грузия и Ширван столкнулись с новыми врагами, с тюркменскими кочевниками кара-коюнлу и ак-коюнлу (черные пастухи и белые пастухи). Гиорги VII и его охрану сокрушила армия кара-коюнлу, и царь погиб, не оставив даже наследника (о царице мы знаем только ее имя – Нестан-Дареджан). Тот факт, что Гиорги дожил до пятидесяти лет, можно считать чудом. Его преследовал не только Тамерлан, но и грузинские заговорщики, которые пытались заколоть его, пока он спал. Царя спас камергер, Иванэ Зевдгинидзе, который случайно узнал о заговоре, лег спать в царскую постель и уцелел – заговорщики увидели, что в постели не царь, а слуга.

Тело царя отвез в Гелати сводный брат Константинэ, который, хотя и был младшим из двух братьев Гиорги, унаследовал престол. О его жизни мало известно: 1410-е годы прошли без летописца. Известно, что внутри семьи вспыхнула серьезная ссора: сын и наследник Константинэ, будущий Александрэ Великий, жил пять лет беженцем у атабага Иванэ Джакели в Самцхе. Сам Константинэ воевал с Кара Юсуфом, вождем кара-коюнлу, но с Египтом и с оттоманами сотрудничал. Ранее, опасаясь Тамерлана, египтяне задержали Кара Юсуфа, но после смерти тирана освободили его. Освобожденный тюрк опустошил Азербайджан, убил Миран-шаха (сына Тамерлана) и создал новое государство, которое скоро стало угрожать и Грузии, и Ширвану. Против кара-коюнлу объединились Константинэ, ширванский шейх Ибрагим и Сиид Ахмед из Шаки. В 1412 году 2000 грузин, разбившие лагерь на берегу Куры, попали в ночную засаду Кары Юсуфа, и сдались. Шейх Ибрагим перескочил окоп, сломал руку, но бежал. Царь Константинэ и триста грузин сдались в плен и до такой степени разгневали кара-коюнлу своим высокомерием, что их всех казнили: сын Кары Юсуфа Пир-Будак лично обезглавил царя Константинэ.

Константинэ прожил еще более короткую жизнь, чем брат Гиорги, но, по крайней мере, царица Натия Амиреджиби родила ему трех сыновей, Александрэ, Баграта и Гиорги. Отправив обезглавленный труп отца на родину, Александрэ вступил на престол. Воспитанный просвещенной и набожной бабушкой (по матери) Русой и дедом Куцной

111 Клавихо Р. Г. де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. М., 1990.

Амиреджиби (грузинским послом в Константинополе), Александрэ сильно отличался от отца и дяди; его мать Натия не раз совершала паломничества в Кахетию в монастырь Улумбия в надежде зачать сына; она обожала Александрэ. Новый царь был миротворцем и строителем церквей, и за это, скорее чем за военную или политическую доблесть, его называли «Великий». После всего двух лет совместной жизни, родив двух сыновей Вахтанга и Деметрэ, первая его жена, Дуландухт Орбелиани, умерла в 1413 году; в 1414 году он женился на Тамар, которая родила трех сыновей (Гиорги, Давита и Заала) и дочь (имя – неизвестно), которая в десять лет вышла за трапезундского императора Иоанна IV. По некоторым источникам, Александрэ назначил старших сыновей – Вахтанга, Деметрэ и Гиорги – соправителями Кахетии, Имеретии и Картли. Если это так, то в том, что после его смерти Грузия разделилась на три отдельных царства, виноват Александрэ. Четвертого сына, девятилетнего Давита, Александрэ постриг в монахи и, если верить летописи, назначил католикосом-патриархом на следующие четыре года. Александрэ оказался первым царем за двести лет, кто интересовался наукой: у него была самая ранняя известная рукопись (утраченная в 1870-х годах) поэмы Руставели *Витязь в барсовой шкуре* ¹¹².

Несмотря на любовь к миру, в начале царствования Александрэ пришлось сражаться. Вместе с иранским шахом Рухом и с правителями Ширвана и Шаки он изгнал турок из Карабаха. В 1416 году Кара Юсуф под предлогом, что перс-апостат кинул свинные кости в мечеть, устроил вместе с местными мусульманами побоище христиан в Ахалцихе. К 1421 году, однако, сын Кары Юсуфа Искандер потерпел поражение в Азербайджане и решил оставить Закавказье в покое. Александрэ теперь мог объединить свое царство по-настоящему: он поехал на запад, где только что погиб наследственный мингрельский князь Мамаи Дадияни, пытавшийся подчинить себе Абхазию, которой управляла семья Шервашидзе. Сын Мамаи Липарит извинился перед царем и получил от Александрэ инвеституру как наследственный Дадияни; вслед за ним и Шервашидзе признал царскую власть. В Самцхе же атабаг Иванэ Джакели взялся за оружие. Царь поймал его в Кохтастави в Джавахети и сильно урезал его княжеские права в Самцхе. Достаточно было, чтобы князь извинился и поклялся в верности, чтобы царь их простил: других мятежников он наказал более сурово, прежде чем вернуться в Тбилиси. Хотя Александрэ, по крайней мере на вид, восстановил и единство страны, и границы в том виде, в каком это было при Баграте V, ему не удалось вернуть себе Ани, а Лоре вернулся в Грузию в 1431 году только потому, что воинственный католикос Теодорэ II изгнал оттуда мусульманских крестьян, за что католикоса наградили целой армянской деревней.

Александрэ царствовал без поддержки министров-визирей и даже без *дарбази*. Из старых должностей реальную власть сохранила только должность атабага. Век беспрестанных войн уничтожил центральные учреждения; дальние провинции уже не чувствовали тяготения к центру. В Самцхе атабаг фактически объявил независимость, отделив церковь Самцхе от католикоса-патриарха в Мцхете: теперь его епископов помазывал антиохийский патриарх, а епископ Ацкури, главного собора в Самцхе, узурпировал пещерный монастырь Вардзия. С 1420 по 1426 год антиохийский патриарх Марк даже запретил, чтобы упоминали имя грузинского царя или мцхетского патриарха в молитвах в Ацкури. Все это должно было досаждал царю Александрэ, самому отреставрировавшему бывшее великолепие собора в Мцхете: такой раскол казался непоправимым.

В Самцхе было и свое законодательство: атабаги соблюдали кодекс «Бека-Агбуга», который, как кодекс Гиорги V Блистательного, определял «кровную цену» за убийство, телесное повреждение и кражу по рангу пострадавшего (неплатежеспособный убийца становился рабом семьи жертвы); этот кодекс тоже устанавливал права землевладельцев на возвращение беглых крепостных и права крепостных искать себе новых хозяев. Закон в Самцхе охранял купцов: кровная цена купца, как члена «почтенного» сословия, была 12000 *тетри*. С крепостными же обращались круто: бывший хозяин даже через тридцать лет мог

вернуть себе беглого крестьянина, а крепостной, уходя к новому хозяину, мог взять с собой не больше одного вола.

Вне Самцхе, однако, Грузинское государство так ослабло, что уже не могло обеспечивать правовой порядок. Судя по архиву монастыря и церкви Самтависи, за соблюдением закона надзирали епископы и игумены, которые вели себя произвольно и корыстно: например, в Картли XV века убийца платил пять волов, и из этой платы одну треть брала церковь «за душу жертвы»; за прелюбодеяние платили четыре коровы, а незаконнорожденного ребенка передавали церкви; тот, кто выдавал дочь за армянина, платил штраф в три коровы¹¹³. Церковь была больше озабочена рангом епископов и рассаживанием их по чину, чем благополучием мирян. Правосудие было вообще продажное: в 1432 году *азнаури* Гуралидзе, феодал, судя по всему, нервного склада, попросил царя назначить ему за любое оскорбление – от изнасилования жены до поджога или покушения на жизнь – астрономическую «кровную цену» в полмиллиона серебряных монет¹¹⁴.

Александрэ занимался реконструкцией разрушенных церквей, стратегически важных крепостей и заграничной собственности, в особенности монастырей в Иерусалиме. С 1425 по 1440 год взимали особый поголовный налог в 40 *тетри* с каждого дома: этот налог являлся чуть ли не единственным источником государственных доходов и оплачивал реставрацию по всей Грузии. Многие феодалы и члены царской семьи, например «бабушка Руса», оплачивали строительство из собственного кармана. Даже после смерти Александрэ в Кахетии, которая меньше пострадала от Тамерлана и народ был лучше настроен, процесс реконструкции продолжался с энтузиазмом. Недоставало только денег да рабочей силы, так как монголы вывезли все серебро из страны, а лучшие ремесленники либо были рабами в Самарканде, либо умерли по пути туда. Крестьян осталось так мало, что некому было кормить работников, а те крестьяне, которые вернулись из горных укрытий, нашли фруктовые сады и виноградники опустошенными. Многие крестьяне и феодалы тонули в долгах, выкупив своих родственников из монгольского плена. Голодающие крестьяне продавали свою землю церкви. По документам XV века видно, как земля и виноградники перепродавались три раза за три года, оказываясь в конце концов в руках то ли брата католикоса, то ли мцхетской церкви. Крепостные убегали от хозяев, которые были не в силах кормить их, в поисках более состоятельных феодалов, потом их ловили и насильно водворяли на старое место жительства.

Александрэ предпринимал посильные попытки поправить дело: он назначал надежных людей, например Автандила Зевдгинидзе, губернатора (*моурави*) Гори, и жаловал им земли в наследственное владение, если они служили верно; переселял горцев в обезлюдившие долины и заставлял церковь, накопившую богатство обнищавших землевладельцев, строить новые деревни. Имеретинцы переезжали в Кахетию (как доказывает топонимика Кахетии); даже татарам дарили волов и зерно для посева, чтобы сделать их оседлыми. Армянские беженцы от мусульманской власти оживляли торговлю. Сам царь раздавал земли, которые раньше конфисковывал. В 1434 году Александрэ выкупил у *азнаури* бывшие мцхетские владения и отдал их в аренду потомкам этого *азнаури*. Хотя церковь сохранила за собой огромную территорию, она сильно обеднела по сравнению с XIV веком. Еще в 1440 году из сорока пяти поселков, принадлежавших церкви в Мцхете, пять были пустынными.

К концу царствования Александрэ Великого, впервые за двести лет, Грузия участвовала в политических и церковных делах Западной Европы. В 1438 году обеспокоенный оттоманской угрозой папа Евгений IV решил попытаться объединить под своей властью католическую и православную церкви и созвал экуменический епископальный собор сначала в Ферраре, а потом, когда в Ферраре вспыхнула чума, во Флоренции. Царь Александрэ

113 Какабадзе С. С. Грузинские документы в собрании Ленинградского отдела Института востоковедения АН СССР. М., 1987. № 44.

114 Какабадзе С. С. Там же. № 31.

послал в Феррару трех представителей – своего брата Гиорги как мирянина, Иоанэ, тбилисского епископа (который привез с собой всю семью – расходы его оплатил папа золотом), и уполномоченного епископа Григола, который приехал с опозданием. На соборе присутствовали и представители трех сыновей-царевичей и уже соправителей, Вахтанга, Деметрэ и Гиорги, вероятно, для того, чтобы не дать ни атабагу Самцхе, ни мингрельскому Дадзиани искать у папы римского поддержки или автономии. Одетые в украшенные драгоценными камнями халаты, грузинские представители считались по чину выше даже русских епископов, и Гиорги, как племянник царя, удостоился папской аудиенции.

Акты Феррарско-Флорентийского собора утверждают, что четыре главных грузинских представителя будто бы подписали Декрет об унии с Римско-католической церковью. Все неитальянские очевидцы, однако, указывают, что грузины отказались подписывать. Епископ Григол оказался одним из всего лишь трех православных митрополитов, которые настояли на консервативной позиции Марка Эфесского и антиохийского патриарха, отказавшихся даже от уступок в доктрине *filioque* (вставка «и Сына» в Символ веры) и от обсуждения независимости православной патриархии. Князь Гиорги отказался от переговоров с папой и уехал в Рим в тот день, когда собирались подписать Декрет об унии. Другой грузин, по-видимому епископ Григол, подвергшийся моральному, если не физическому давлению со стороны Ватикана, раздал свои ризы и деньги и исчез: он сошел с ума, и его нашли три месяца спустя в Модене. Епископ Трнов спас Григола и отправил его в Венецию, откуда он добрался домой. Согласно суздальскому епископу Семену, киевскому митрополиту Исидору (греку по происхождению) и греку Сильвестру Сиропулосу, папские чиновники старались запугать греков, русских и грузин, не захотевших подписать Декрет об унии¹¹⁵.

Конец царствования Александрэ был полон тревоги. В 1439 году он заболел и так страдал, что врачи уже не надеялись. В следующем году ему стало лучше, но к нему пришел посланник кара-коюнлу, требовавший подчинения и дани. Как некоторые предыдущие захватчики, кара-коюнлу вторглись на Пасху и перебили людей, собравшихся в церквях. Вождь кара-коюнлу Джехан-шах взял Самшвилде, воздвиг башню из 1664 отрубленных голов и увез с собой 9000 пленников и так много добычи, что населению нечем было платить выкуп. Когда Джехан-шах направился к Тбилиси, двор не мог решить, оказать ему сопротивление или сдаться. Александрэ больше терпеть не мог: в 1442 году он отрекся от престола и стал монахом. Под именем Атанаси он построил себе скромную обитель в Мцхете у молельни архангелов, умер не позже 1449 года.

Из завещания Александрэ было неясно, кто должен унаследовать престол. Старший сын Вахтанг IV вступил на трон в 1442 году, но царевичи Деметрэ и Гиорги остались соправителями. Вахтангу оставалось жить всего четыре года; его жена Ситихатун Панаскертели умерла за два года до него, и наследника не было. Единственным известным достижением Вахтанга IV является отчаянная, но ничего не решившая битва под Ахалцихе с Джехан-шахом. Вахтанг IV был так слаб, что не мог даже арестовать мятежников: от бунтующего Таки Панаскертели он откупился, назначив его *моурави*.

Неизвестно, почему после смерти Вахтанга IV пришел к власти третий сын Александрэ, Гиорги VIII. Может быть, Вахтанг хотел, чтобы второй сын, Деметрэ, управлял Имеретией, а Гиорги – Картли и Кахетией. Но в 1446 году Гиорги насильно добивался власти над всей Грузией. В Имеретии, Картли и Кахетии признали царя, но остальные провинции уже образовали мозаику из мелких княжеств со своеобразными наследственными правителями, армиями и иностранной политикой. Тбилиси уже не был в состоянии влиять ни насилием, ни покровительством на политику приграничных княжеств.

Самцхе пошла по этому пути дальше всех. Но в 1447 году атабаг Агабуга был свергнут братом, Кваркварэ II, и нашел убежище у Гиорги VIII. Началась гражданская война, в

115 *Ватейшвили Д. Л.* Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 3. Кн. 1. С. 184–187, 215–219 (приводит свидетельство очевидцев); *Tamarati M.* L'église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 453–460 (история с ватиканской точки зрения).

результате которой Агабуга восстановил свою власть. В 1451 году Агабуга умер, и Кваркварэ II стал законным правителем Самцхе. У него оказался макиавеллиевский талант: сорок семь лет он властвовал абсолютным монархом над Самцхе. Кваркварэ, как и его отец Иванэ, отделил церковь от Мцхеты, которая уже не совершала помазания епископов Самцхе. Опять ни царя, ни католикоса не упоминали в молитвах; митрополит-грек присылал священников, беженцев из Антиохии и Иерусалима¹¹⁶.

Давит III Гобеладзе, новый католикос-патриарх в Мцхете, принял строгие меры: он сам поехал в Самцхе, подверг епископа Ацкури анафеме и расстриг помазанных им священников. Прихожане, боясь согрешить, не позволяли местным священникам крестить, венчать или хоронить себя: обнищавшие священники заставили епископов съездить в Мцхету, поклясться в верности царю Гиорги и мцхетскому патриарху и порвать с греческой церковью. Кваркварэ II проиграл конфликт с царем.

К 1451 году Гиорги понял, что без союза с Западом Грузия не выживет. Византийский император Константин X уже овдовел во второй раз и послал в Трабзон и в Грузию секретаря Гиорги Сфрандзи в поисках невесты. Сфрандзи вернулся с портретами; Константин выбрал дочь Гиорги VIII и начал торговаться насчет приданого. Гиорги объяснил, что в Грузии приданого не дают; наоборот, родители невесты получают плату за невесту и во время царского венчания камергер, обнажив меч, зачитывает список всех деревень, подаренных невесте. Но в конце концов Гиорги VIII договорился, что заплатит 56000 дукатов, вместе с драгоценными камнями, изысканной мебелью и роскошной одеждой, и будет платить ежегодно 3000 дукатов. Такие условия обанкротили бы грузинскую казну, если бы брак состоялся. Но Константин X погиб в последнем бою против турок на стенах Константинополя. (Несчастной невестой, может быть, была та дочь, которая тринадцать лет спустя вышла за великого князя Вашика Шабуридзе.) Разочарование этим несостоявшимся браком, по-видимому, затмило ужас перед гибелью Византии, последнего крупного союзника Грузии (Трапезундская империя еще восемь лет влачила свое существование). Грузия была теперь окружена мусульманскими государствами.

Падение Константинополя подтолкнуло грузинских правителей к подобию единогласия. Даже в 1452 году, когда Деметрэ, последний брат царя, упал с лошади и погиб, Кваркварэ II не воспользовался случаем захватить власть. В 1456 году в Грузию приехал папский нунций Лудовико да Болонья: ему поручили узнать о способности царства и церкви сопротивляться оттоманам. По возвращении в Рим Лудовико доложил папе, что, хотя грузинская церковь осталась верной католицизму, грузины его не обнадеживают. «Они поссорились с великой взаимной ненавистью и воюют друг с другом»¹¹⁷. Папа Каликст затем попросил грузин выбрать старшего епископа, который мог бы привезти в Рим делегацию. В сентябре 1459 года, после того как собор 1458 года в Мантуе решил не принимать никаких мер, папа Пий II призвал христиан к новому крестовому походу против оттоманов. К ноябрю на адрес Пия II, покойного Каликста III, Пасквале Малпиеро (венецианского дожа) и бургундского короля Филиппа III пришли пламенные ответы от царя Гиорги VIII и атабага Кваркварэ II. Последний горел желанием освободить Иерусалим и писал венецианскому дожу: «Осведомляем ваше высочество, что мы предлагаем следующее: Я, Кваркварэ, выведу 20000 человек, в основном конницу, царь Георгий обещает 40000 воинов, включая гурийцев и абхазов, его подданных, которые решили выступить с царем против неверных; Бедиани, правитель Мегрелии и кутаисский царь Баграт обещают вывести столько же воинов, сколько и царь Георгий. Император Трапезунда, его зять Узун-Гасан и Бердебек Армениели породнились и обещали открыть нам путь к морю и на суше и всеми силами вместе с нами выступить в поход против османов». Письмо Гиорги VIII уверяло: «Ваш нунций повелел мириться, и мы сейчас готовы начать войну с Османской империей, как только Вы

116 *Rekhviashvili M.* [Samtskhis samtavro XIII–XVI ss.]. Tbilisi, 1992. P. 39–56 (на груз. яз.).

117 *Tamarashvili M.* [Ist'oria k'atolik'obisa kartvelta shoris]. Tbilisi, 1902. P. 56–64.

прикажете. 120000 воинов готовы воевать с императором Мохаммедом в Азии...» Он обещал завоевать всю Анатолию до конца лета, предоставляя европейцам завоевание Греции, и советовал западным королям не упускать случая, а то грузины ничего не предпримут и весь договор и союз отменятся.

Людвик Болонский повторно приехал в Грузию, чтобы сопровождать грузинское посольство по Черному морю и вверх по Дунаю в Вену: в делегацию входили тбилисский епископ Николоз, мингрел Касадан Карчихан, люди из Трапезундской империи и Армении и Махмед, посол Узуна Хасана из Ирана. В 1460 году они встретились в Вене с императором Фридрихом, потом поехали в Венецию и во Флоренцию, где грузины на экуменическом соборе обратились с речью на латинском языке. Папа римский перепутал имена и компетенции своих гостей: ему показалось, что Гиорги VIII – «король персов», а имеретинский князь Баграт (двоюродный брат Гиорги) – «Панкрат, король иберийцев». Когда он оказался лицом к лицу с грузинами, папа извинился, что не смог добиться согласия европейцев на крестовый поход. Папа послал своих гостей в бессмысленную погоню, галопом по Европам: к 1461 году они очутились в Париже, где воинственный Карл X Победоносный умирал, а новый король Людовик XI Осторожный опасался войны; в Сант-Омере грузины встретили Филиппа III Бургундского, который боялся потерять престол, если уйдет в поход. В Генте знать устроила грузинам прием, после чего совершенно разочарованные делегаты вернулись в Париж к 15 августа на коронацию Людовика XI и затем отправились на родину.

Проявление единогласия кончилось ничем: возобновилась междоусобица. В 1462 году Кваркварэ II объявил войну Гиорги VIII и с поддержкой Узуна Хасана выиграл битву. Люди Узуна Хасана, судя по сирийскому источнику, сразу начали убивать священников и разрушать церкви Самцхе. В следующем году, вдохновленный примером Кваркварэ II, имеретинский Баграт решил, что, как князь кутаисского *мокалако* (окраина Кутаиси), он занимает место, недостойное двоюродного брата царя: Баграт разгромил Гиорги VIII в Чихори (в Имеретии) и провозгласил себя Багратором II царем Имеретии; он завербовал сторонников, освободив мингрельского Дадияни и других феодалов от налогообложения.

Затем Кваркварэ II подарил гурийскому князю Кахаберу всю Аджарию и часть Лазистана, так как Кахабер помогал ему убивать и изгонять мятежных феодалов Самцхе. Кваркварэ отметил независимый статус Самцхе, отчеканив серебряные монеты в Ахалцихе. Монеты были грубые: сначала на решке была изображена рыба, позже прибавили имя «Кваркварэ» случайно вывернутыми буквами и, наконец, стали чеканить монеты с факсимиле подписи Кваркварэ.

В 1465 году Гиорги VIII вторгся в Самцхе, но картлийская армия попала в засаду у озера Паравани: Гиорги VIII захватили в плен. Племянник Гиорги, будущий Константинэ II, обвинил Кваркварэ в предательстве и бежал в Гори, куда Кваркварэ повел свою армию. Вырвавшись из осажденного Гори, Константинэ добрался до Кутаиси. Летописец утверждает, что, когда Гиорги был пленником, его уговорили жениться на Тамар, дочери Кваркварэ, несмотря на то что у Гиорги уже была царица и вторая жена Нестан-Дареджан: Тамар родила Гиорги сына и двух дочерей (Вахтанга, Кетеван и Эленэ), не оставивших в истории никакого следа.

Вся политика Кваркварэ II заключалась в том, чтобы в Грузии не доминировала ни Имеретия, ни Картли. В 1466 году имеретинский царь Баграт II воспользовался тем, что картлийского царя Гиорги VIII заточили в Самцхе, выехал из Кутаиси в Картли и, подкупив католикоса-патриарха Давита IV двумя крестьянскими семействами вместе с собственностью, провозгласил себя всегрузинским царем Багратором VI. Наконец Баграт стал тем, кем его представлял папа римский, – «Панкратием иберийцев, теперь именующихся грузинами». Испугавшись внезапного возвышения Баграта, Кваркварэ II освободил Гиорги VIII, чтобы восстановленный в правах царь выгнал самозванца. Добравшись до Тбилиси, однако, Гиорги узнал, что больше никто его не поддерживает: он поехал дальше, в Кахетию, и там начал с нуля как кахетинский царь Гиорги I.

Грузия разбилась на три царства – Имеретию и Картли под Багратом VI, Кахетию под Георги I, Самцхе под Кваркварэ II (уже принявшим титул *мене*) – и три княжества – уже с 1470 года: дадиановскую Мингрелию (или Сабедиано), от Батума до Абхазии, Абхазию под Шервашидзе-Анчбой, и Сванетию, где непокорные племена признавали вождами князей Геловани. (Имеретия и Картли вскоре отделятся, и часть Мингрелии станет гурийским княжеством.) Власть церкви ослабла: никто не отвечал за заграничные монастыри; Имеретия и Картли опять разъединились, когда Баграт VI отнял имеретинскую церковь у мцхетского патриарха и передал ее иерусалимскому и антиохийскому патриарху Михаилу, который помазал Иовакимэ бедийским епископом. Царь еще правил Имеретией, мцхетский патриарх же – нет. В 1468 году Баграт расколол Имеретию и Картли и политически, назначив Константинэ, сына двоюродного брата, будущим царем Картли, а Александрэ, своего единственного выжившего сына, наследником имеретинского престола.

Два венецианских посланника, Джосафат Барбаро и Амброджо Контарини, оставили уникальное описание Грузии 1470-х годов¹¹⁸. Находящаяся под угрозой Османской империи, Венеция в отличие от других европейских государств активно искала в Закавказье и в Иране антиосманских союзников. Барбаро и Контарини, вместе с третьим посланником Джован-Марией Анджолелло, пересекли Грузию по пути в Тебриз, где они надеялись договориться с Узун Хасаном. Судя по их записям, венецианской миссии не повезло. Узун Хасан не захотел сотрудничать: он винил грузин за свои тяжелые потери, когда в 1473 году он боролся с османами, а грузины не захотели участвовать; поэтому Узун напал на Самцхе и Картли в двух кампаниях 1473 и 1474 годов и вторгся в Лоре, землю Бараташвили. В 1477 году Узун сделал вид, что собирается напасть на турок, но повернул на север: 500 солдат-следопытов буквально проложили путь через имеретинские дебри для 3000 солдат и их семейств и начали осаду Тбилиси. В 1475 году тбилисское население сильно поредело от эпидемии чумы: теперь те, кто остался в городе, разбежались, и Узун Хасан взял город без сопротивления. И Баграт VI, и Кваркварэ II просили у Узун мирного договора, но 16000 дукатов, которые Узун назначил ценой мира, были им не по карману. Цари предложили вместо денег четыре бадахшанских рубина высшего качества. Сначала Узун хотел отказаться от рубинов и ограбить Самцхе, но раздумал и передал рубины Джосафату Барбаро на экспертизу. Барбаро подтвердил, что рубины стоят 16000 дукатов, на что Узун посетовал: «Венеция переоценивает бадахшанские рубины» – и украл из Ацкурского собора самую драгоценную икону. Тогда Баграт и Кваркварэ как-то собрали деньги и выкупили икону, пообещав платить ежегодную дань. Узун Хасан ушел, уведя огромное количество пленных и оставив персидские гарнизоны в Тбилиси и Лоре. Узун умер в 1478 году; его наследники поссорились между собой. Но другая тюркско-персидская армия напала на Тбилиси, и Бараташвили не смогли отвоевать Лоре.

Такая разбитая, обессиленная Грузия не могла воодушевить венецианцев. Картли и Имеретия, как показал их собственный опыт, могли кормить путешественников только вином, фруктами, хлебом и плохим мясом. Кахетия, которая не подвергалась нашествиям Узун Хассана, была спокойнее, и ее царь Александрэ (который считал себя царем всей Грузии) «был стройным, красивым, милосердным, мягким и скромным». Но по всей Мингрелии, Имеретии и Картли венецианцев обирал всякий кому не лень – от крестьян до сестры Дадиани. Путешественники рисковали жизнью: Людовика, патриарха Антиохийского, убили в Абхазии (потому, пишут венецианцы, что он собирался доносить в Иерусалим на злоупотребления абхазского митрополита). Картлийцы были «хороши собой», но жили очень бедно. «Город Тифлис славился прежде своею обширностью; но теперь очень разорен». Кроме метехского замка, все было в развалинах; даже царский дворец никого не принимал. Города – Гори, Сухум, Батум – превратились в цитадели; Кутаиси, столица Имеретии, – в «городок». Поты, главный порт, зарос лесом. От Дманиси и Самшвилде остались только

118 *Barbaro J., Contarini A. Travels to Tana and Persia. L., 1873; Путешествие Амвросия Контарини к Узун-Гассану / Ред. В. Семенов // Библиотека иностранных писателей о России (Отделение I, том I). СПб., 1836.*

замки феодалов. Хуже всего было в Мингрелии и в Гурии: «Это дикие люди; они выбривают себе тонзуры наподобие братьев-миноритов. Они выращивают просо, а также немного пшеницы, делают вино, но неважное. Они питаются кашей, которую приготавливают в твердом виде, вроде поленты; это жалкая пища, у женщин еда еще хуже. Они вывозят некоторое количество парусины и воска, но в общем мало. Если бы они были людьми прилежными и трудолюбивыми, то в реке могли бы ловить рыбу сколько пожелают». Контарини «горел нетерпением скорее выбраться из этой проклятой страны, где вытерпел столько страха и неприятностей, во все время странствования нашего по этой проклятой стране вынуждены были ехать непрерывно чрез леса и ужасные горы, останавливаясь для ночлега в норе, возле какого-либо ручейка, и разводя каждый раз огонь по причине сильной ночной стужи». Когда в 1475 году венецианцы вернулись в Гурию после смерти «Бедиани», конные и пехота царя Баграта уже возводили Липарита Дадияни на мингрельский престол, а Шамандавлэ – на абхазский. Кваркварэ II и его жена Дедисимеди, еще горюющие по сыну Бахадуру, произвели хорошее впечатление на венецианцев. «Все соседи с уважением относились к Гогоре», – пишут о Кваркварэ. Баграт же, с которым они повстречались в июле 1474 года и о котором пишут: «Он высок ростом, смугл, у него склад лица татарский; но со всем тем красивый мужчина», – им сильно не понравился. Он обошелся с ними грубо и вытянул у них сто червонцев. К тому же «писцы, делавшие опись небольшому моему имуществу, отобрав те предметы, которые им понравились, требовали настоятельно, дабы я подарил оные их Государю».

Доклад Барбаро и Контарини подтверждают местные факты. Тот факт, что Баграт и Кваркварэ в 1477 году с трудом собрали 16000 дукатов, а Гиорги VIII двадцатью пятью годами раньше смог пообещать в приданое дочери 56000 дукатов, свидетельствует, что царство разорилось. Баграт VI и в Грузии прославился своим стяжательством: его звали Багратором Скупым. Он вымогал у феодалов деньги или вино, прежде чем подтвердить их права на поместье или должность; он отменил наследственность уделов, таким образом обложив феодалов налогом на наследство. Вообще в Грузии, где правили несколько царей, крестьянство обеднело, крепостное право стало суровее, налоги – круче, города – безлюднее. Плохое качество строительства к концу XV века свидетельствует, что в стране уже не было ни ремесленников, ни денег; даже заграничные монастыри зависели от частных подаяний. Монеты еще чеканились, но в обращении их было очень мало, и то только в некоторых городах.

Однако культура еще не вымерла: в 1480-х годах, в молельне, которую он сам построил у собора Кинцвиси, Заза Панаскертели-Цицишвили, царский чиновник в отставке, составил *карабадин*, медицинское руководство, сочетающее галеническую и шумерскую медицину с грузинскими народными лечебными средствами. Заза отредактировал и перевод доктрин Иоанна Златоуста.

Когда в 1478 году Баграт умер, страна стала еще более расколотой и деморализованной. Сын Баграта Александрэ попытался венчаться на царство в Имеретии, но на коронование никто не пришел. Константинэ II, сын двоюродного брата Баграта и также внук Александрэ Великого, вступил на престол в Имеретии, и Картли: в 1479 году он приехал в Имеретию, добился поддержки мингрельского Дадияни и разжаловал сына Баграта Александрэ в князя (Александрэ стал князем горной западной провинции Рачи и Лечхуми, но сохранил право жить в кутаисском замке.) Константинэ II, однако, не удалось включить Кахетию в свое царство: этот престол в 1476 году унаследовал другой Александрэ, сын кахетинского царя Гиорги I (бывшего всегрузинского царя Гиорги VIII).

Два-три года спустя произошло восстание против Константинэ: в 1483 году Кваркварэ объявил войну и в Ардети, на реке Пронэ, одержал победу над царской армией. Предлогом для войны было картлийское дурное обращение с торговцем шелком из Самцхе, а действительной причиной была ненависть Кваркварэ не к царю Константинэ II, а к некоторым феодалам, Цицишвили, Шаликашвили и Мачабели. Этот конфликт помог разжалованному наследнику имеретинского престола, Александрэ Рачинскому, в 1484 году

захватить Кутаиси: в этот раз ему удалось короновать себя царем Имеретии. Константинэ II повел армию против имеретинского узурпатора, но ему пришлось прекратить кампанию, когда в 1486 году туркменский воевода Якуб-Хан напал на Самцхе. У Якуба были пушки, а у грузин до этих пор не было огнестрельного оружия: туркмены взяли Ацкури без боя, захватили и обезлюдили Ахалцихе. Манучар, сын атабага Кваркварэ, отказался защищать Ахалцихе, ацкурский епископ сдал свой собор. Разгневанный государственной изменой Кваркварэ II приговорил Манучара и других к смерти, но затем смягчил приговор: изменников сослали и отлучили от церкви. Укрепляя свою позицию, Кваркварэ связался со старым другом, трапезундским епископом Свимонем, который в 1475 году совершил паломничество на Афон, чтобы помолиться за упокой души сына Кваркварэ Бахадура. Свимон стал католиком Самцхе и епископом Ацкури.

Из-за туркмен у Кваркварэ II и Константинэ II появились общие проблемы, но они все еще не могли действовать сообща. Константинэ принял приглашение Липарита Дадиани привести армию в Мингрелию, чтобы совместно свергнуть имеретинского царя Александрэ. Александрэ спасался бегством, когда Константинэ вдруг узнал, что туркмен Халил-бег уже вторгся в Картли, в нижней части которой он успел построить себе два замка. Воинственные Бараташвили оказали сопротивление, и, ограбив крепость Коджори, из которой гарнизон ночью улизнул в Тбилиси, туркмены отступили. Но после них приходили новые волны туркменских кочевников в поисках территории, которую они могли бы заселить: в конце февраля 1489 года туркмены захватили Тбилиси. Кваркварэ II перешел на сторону кахетинского царя Александрэ, и оба сидели сложа руки, пока Константинэ II боролся с туркменами, а Александрэ из Рачи провозгласил себя царем Имеретии. В конце концов войска Джавахишвили и Бараташвили изгнали туркмено-персидских захватчиков из Тбилиси.

От такого наглого взаимного предательства, продолжавшегося пятнадцать лет, даже корыстным грузинским феодалам становилось тошно. Наконец они поняли, что страна на грани уничтожения, и в 1490 году миряне и духовные лица собрались на *дарбази*, созванном царем Константинэ II. *Дарбази* заключил, что мирное объединение пока неосуществимо, а вооруженная сила только всех погубит, но что каждая провинция уже привыкла к своему правителю и обычаям. *Дарбази* отложил объединение Грузии под властью Картли до такого времени, «когда Бог соизволит». *Дарбази* согласился, однако, составить договор о ненападении и разграничении территории грузинских царств. В 1490 году мирный договор подписали три царя и один князь – картлийский царь Константинэ II, имеретинский царь Александрэ, кахетинский царь Александрэ и также атабаг Самцхе Кваркварэ II: отныне Грузия должна состоять из царств Картли, Имеретии (со Сванетией) и Кахетии и из княжества Самцхе; к тому же под имеретинским суверенитетом должны существовать Мингрельское княжество (с Абхазией) и Гурийское княжество. (Границы у всех этих государств совпадали с сегодняшними региональными границами, за исключением Кахетии, которая тогда простиралась дальше, от Кавказского хребта к востоку от долины Арагви (сегодняшние Пшавия, Хевсурети и Тушети) вплоть до сегодняшнего Азербайджана, и Самцхе, в то время образовавшей большой треугольник, доходящий до окраин Эрзурума и Карса.) Если не объединение, все-таки осуществилось какое-то единство, поскольку всеми тремя главными царствами управляли члены той же Багратидской династии, и Гурийское и Мингрельское княжества, хоть и ненадолго, признали суверенитет имеретинского царя Александрэ. Самым губительным последствием этого раздела, однако, было то, что грузинская армия раскололась. С тех пор как Давит Строитель создал постоянную армию, она состояла из четырех «знамен»: войска Самцхе составляли авангард, Картли – центр, Имеретия – правое крыло и Кахетия-Эрети – левое. Теперь у каждого царства были свои собственные четыре «знамени»: в Имеретии знаменами командовали феодалы, владеющие равниной, Аргвети, Рачой и Лечхуми; в Картли таким же образом царь Давит X, наследник Константинэ II, отдал армию на попечение феодалам. Только Кахетия, благодаря царю

Гиорги I, сохранила царскую армию, где знаменами командовали четыре епископа, назначенные царем.

Достигши политического согласия, грузинские цари решили, что настало время, как раньше в 1459 году, искать поддержки у других христианских государств. В 1491 году кахетинский царь Александр I отправил российскому царю Ивану III письмо и тайное устное сообщение, но ответа не получил, так как тюркские племена закрыли все пути от России на Кавказ или к Каспийскому морю. Константин II же повезло: в 1492 году Нилос, царский посол в Египте, встретил в Иерусалиме испанского посла Мартина Диаса де Ауссе, который рассказал ему о том, как Фердинанд и Изабелла захватили Гранаду и изгнали мавров. Нилос уговорил Диаса поехать с ним в Тбилиси. Там Константин, несмотря на то что его жена, царица Тамар, только что умерла, с энтузиазмом мечтал вслух об одновременном нашествии из Марокко и Грузии, чтобы избавить Ближний Восток и весь средиземный мир от мусульманства. Константин отправил в Испанию Нилоса и Диаса вместе со своим уполномоченным Закарэ и двумя слугами: они поехали через Черное море и Польшу, чтобы не попасть в руки оттоманов. Делегация везла с собой письма (жалобы на мусульманский гнет) к папе Александру VI и к Фердинанду и Изабелле. Константин намекал, что он уже думает, не пора ли обратиться в католическую веру, и просил папу Александра прислать орос Ферраро-Флорентийского собора 1439 г. («Флорентийскую унию»), в котором признавалось главенство папы и добавление филиокве (*filioque*) «и Сына» в Символ веры. Испанцы радушно приняли грузинских посланников, заплатили за гостиницы и совещались с ними, но откладывали решение вопросов. Ответное письмо Фердинанда и Изабеллы добралось до Тбилиси в 1495 году: западные король и королева объяснили, что им понадобилось восемьсот лет, чтобы изгнать мусульман из Испании, что намерены когда-нибудь вторгнуться в Северную Африку, но пока могут предложить грузинам только молитвы и нравственную поддержку. В следующем году Константин получил ответ и от папы Александра: «Мы работаем не покладая рук, чтобы христианские правители жили в мире; таким образом мы обеспечим завоевание Константинополя и Иерусалима; Ты прислал посла, чтобы он Тебе принес определение веры, постановленное Флорентийским собором. Сегодня мы его присылаем с Нашей печатью». Четыре года спустя римские миссионеры пришли в Тбилиси, а через короткое время оттоманы закрыли границы.

После таких трусливых ответов погасли те искры оптимизма, которые в 1490-х годах вспыхнули в Грузии.

12

Братоубийство

К 1500 году грузинские царства и княжества были зажаты между двумя воинственными империями, Оттоманской на западе и Сафавидской на востоке. Во главе последней стоял шах Исмаил I, превративший Азербайджанское государство во всеиранскую империю (Исмаил был сыном первого сафавидского султана, внуком Узуна Хасана и правнуком трапезундского императора Иоанна IV). Грузия стояла перед выбором: она могла стать либо вассалом, либо союзником более сильного, чтобы бороться с более слабым из двух гигантов, пытающихся овладеть всем Закавказьем. Оттоманские армия и бюрократия и иранские войска, где преобладали дикие туркмены-кызылбаши (красные головы), являлись равно опасными угрозами: обе империи владели огнестрельным оружием.

Шах Исмаил выехал из Эрзинджана и напал на юго-запад. В 1498 году умер самцхийский атабаг Кваркварэ II; через два года умер и его сын Каихосро, известный набожностью, и на престол вступил его столь же набожный брат Мзечабук. Приход к власти невоинственных атабагов привлек шаха Исмаила, который разграбил Самцхе, хотя настоящей целью его кампании оставался Ширван, в то время оттоманский вассал. В 1500 году Исмаил уговорил атабага, картлийского царя Константинэ II и кахетинского царя Александрэ совместно с ним напасть на оттоманскую территорию около Тебриза. Чтобы удостовериться

в искренности новых союзников, Исмаил попросил кахетинского царя Александрэ послать своего сына Деметрэ в Ширван, только что завоеванный, и договориться о мире. Царевичу удалось заключить мир с ширваншахом, и Исмаил пообещал Константинэ отменить дань, которую картлийцы все еще платили тебризским ак-коюнлу, как только союзники возьмут Тебриз. У шаха Исмаила было 7-тысячное войско, в которое каждый грузинский правитель послал подкрепление в 3000 человек, так что к 1503 году коалиция смогла отвоевать Нахичевань у оттоманов. Исмаил не сдержал обещания и объявил Картли и Кахетию своими вассалами.

Когда в 1505 году умер Константинэ II, его сын Давит X был не в состоянии отобрать Картли у шаха, властвовавшего от Амударьи до Евфрата. Соседи сознавали бессилие Давита, и в 1509 году имеретинский царь Александрэ захватил Гори и присвоил всю Северо-Западную Картли (он отступил, когда оттоманы отправили из Трабзона в имеретинский тыл лазских бойцов: в отсутствие царя эти дикие солдаты подожгли Кутаиси и Гелати и увезли в Анатолию пленных и добычу¹¹⁹. (В 1510 г. умер Александрэ, и на имеретинский престол вззошел его пятнадцатилетний сын Баграт III.)

Кахетинский Александрэ поддерживал с картлийским царем и с шахом Исмаилом намного более дружеские отношения, чем его имеретинский тезка. Его сын и наследник Гиорги, однако, как и многие кахетинские феодалы, искали момента, когда можно будет свергнуть Давита X и объединить Восточную Грузию под кахетинской властью. Пренебрегши яростью отца, Гиорги повел армию в Картли. Затем Гиорги убил своего разгневанного отца, выколол брату Деметрэ глаза (Деметрэ погиб, а вдова и дети Деметрэ убежали в Картли) и провозгласил себя Гиорги II, «царем Имеретии, Абхазии, Армении, Картли и Кахетии». Целых два года набеги печально известного Гиорги (его называли *Авгиорги*, «Злой Гиорги») были для Картли стихийным бедствием. (Только раз Злого Гиорги мучили угрызания совести: судя по одному документу в Мцхете, он причастился у католикаса Дионисэ, архиепископа Малаки и алавердского священника Иоанэ и, искупив «свое грешное злодеяние», подарил католикосу две деревни и освободил его от всех налогов.) Пока Гиорги грабил страну и преследовал царя Давита, тот прятался от него в крепости Атени. Баграт, младший брат Давита, потерял терпение и насильно принял руководство армией во Внутренней Картли: Баграт провозгласил себя *Мухранбатони* (мухранский государь) и овладел Арагвинской и Ксанской долинами, основав княжество и новую ветвь Багратидов в семидесяти километрах к западу от Тбилиси. В 1513 году Баграт Мухранбатони выдержал в своей неприступной ксанской крепости трехмесячную осаду Злого Гиорги. К концу осады Злой Гиорги послал Баграту большую амфору вина с насмешливой запиской: «не подобает царевичу жить без вина»; Баграт в ответ послал врагу живую семгу из своего пруда. Злой Гиорги понял, что с такими запасами Баграт долго не будет сдаваться, прекратил осаду и начал разорять окраину. До сих пор ксанская крепость известна своим неприличным вызывающим названием *клэ момчаме!*¹²⁰. Летом Баграт подстерег Злого Гиорги, который, направляясь домой с награбленным, решил поохотиться. Злого Гиорги схватили и убили.

Давит X, известный тем, что «ненавидел битвы и беспорядки», тогда выказал нехарактерную для него решительность, объявив насильственное присоединение Кахетии к Картли, а наследников Злого Гиорги – вне закона. Вдова Гиорги Эленэ с сыном Леваном спрятались с помощью камерлана и родственника Эленэ, Гарсевана Чолокашвили. За беглецами отправилась поисковая группа под руководством ксанского князя и князя Амилахори: группа пообедала в замке Чолокашвили, поверив клятвам Гарсевана и не подозревая, что их обслуживает сам царевич Леван, переодетый слугой. Той же ночью Левана перевезли вверх по реке Иори до замка Очониси.

119 *Peçevi I. Tarih-i Peç evî*. Istanbul, 1968–1969; Ankara, 1981–1982.

120 *Darchia B. [Bagrat' Muxranbat'oni]*. Tbilisi, 2011. P. 33. (Как отец и многие его братья, Баграт вдруг постригся в монахи. Под именем Барнабаса он написал сочинение против мусульманства.)

Давит X так и не поймал Левана: разразилась война между оттоманами и шахом Исмаилом. Картли и Самцхе стали для воюющих и спорными территориями, и возможными союзниками. Оттоманско-иранская война будет продолжаться более трехсот лет, очень часто на грузинской земле, с короткими перерывами, ничего не решающими победами и поражениями. В 1514 году оттоманам пришлось отдать захваченный ими Тебриз. Перейдя вброд реки Южной Грузии и Армении, они подверглись беспощадному преследованию имеретинской конницы. Зато в 1515 году оттоманы заставили иранцев сдать Западную Армению и город Мосул, и султан Селим I смог завоевать Сирию и Аравию. Тогда шах Исмаил, заключив союз с Египтом и с государствами на Евфрате, решил добиваться дружбы с Грузией¹²¹. В Самцхе ему удалось очаровать нового атабага Кваркварэ III, но Манучар, прооттоманский дядя атабага, выгнал Кваркварэ, который бежал в Нахичевань и попросил помощи у шаха Исмаила. Шах поручил генералу Диву-Султану Румлу «очистить Грузию от грязи»: в битве при Тмогви Манучар потерпел поражение, и Кваркварэ опять взял в руки бразды правления. Исмаилу и Диву-Султану Румлу нужны были покорные Картли и Кахетия: поэтому, перезимовав в Нахичевани, в 1518 году иранцы вместе с армией Кваркварэ III вторглись в Картли и заняли крепости Гори и Сурами. Давит X подчинился, послав к Диву-Султану Румлу своего второго сына Рамаза с подарками.

Рамаз вернулся от генерала тоже с подарками, но и с суровыми для своего отца условиями. Картли обязалась посылать шаху ежегодно триста верблюдов, навьюченных шелком, – у имеретинского царя Левана и Кваркварэ III Исмаил вымогал не меньше; только Имеретию пока оставили в покое. В то время как Давит X умиротворял шахских кызылбашей, Кахетия снова отделилась от Картли. В тринадцать лет Леван вышел из укрытия и смело взойшел на престол. С разрешения шаха Исмаила Давит в 1520 году повел армию через Гомборский перевал в Кахетию и чуть не схватил Левана в крепости Магнари. Гарнизон Левана, осажденный картлийцами, спасла от голодной смерти оттоманская армия, вторгшаяся в Самцхе. Хотя Давит X засекретил факт вторжения и послал архиепископа и *амилахори* (командира конницы), чтобы добиться сдачи гарнизона, архиепископ проболтался, и гарнизон выстоял осаду, уже уверенный, что Давит не сегодня завтра ускачет в Самцхе. Когда Давит X вернулся в Кахетию, было поздно, и он проиграл битву в Сигнаги.

Каждый раз, когда Давит нападал на соседа, другие соседи пользовались случаем. В 1520 году гурийский Маmia I, самцхийский Кваркварэ III и имеретинский Баграт III сообща вторглись в Картли, будто бы только для того, чтобы положить конец агрессии царя Давита. Потерпевший поражение от атабагской армии, Давит отступил в Тбилиси в поисках подкрепления и потом перехватил врага в Ничабском ущелье недалеко от Мцхеты. Поддерживавшие Давита Баграт Мухранбатони и *амилахори* угрожали Маmia на юге. Стороны начали мириться: Маmia убедил Давита вступить в переговоры с кахетинским царем Леваном, чтобы вся Грузия могла противоборствовать оттоманам. Католикос и многие феодалы тоже давили на Давита: картлийский и кахетинские цари закончили тем, что согласовали границы и совместную защиту от внешнего врага. Шах Исмаил восхищался единством своих вассалов и велел Диву-Султану Румлу привезти двух царей и атабага в Нахичевань на *дарбази*, где подарил каждому по новому роскошному халату и пообещал грузинам автономию, при условии что они будут присылать дань и военные подкрепления.

На вассалов обрушился и гнев Исмаила. Когда кахетинский царь Леван некстати подружился с таркуским (дагестанским) шамхалом Карамусалом и совместно со своим новым другом занял Шаки в Азербайджане, казнив губернатора Хасан-бея, вассала шаха, Исмаил послал карательную экспедицию, которая не только вернула Шаки, но и разгромила столицу Кахетии Греми. Отныне усмиренный Леван, хотя и не переставал вызывающе вести себя с соседями и даже с сузереном, оберегал Кахетию от дальнейших вторжений. Кахетинцы преуспевали и поэтому прощали царю пороки. Леван слыл «любителем блуда и распутства»; Тинатин, гурийская княжна, которая родила ему нескольких детей, развелась с ним и ушла в

монастырь Шуамта, который сама построила на свое приданое. В завещании она просила, чтобы ее похоронили в монастыре как можно дальше от бывшего мужа. Леван женился на дочери таркусского шамхала.

В свои последние годы картлийский царь Давит X вдохновлялся доблестью сына-подростка Луарсаба. Когда в 1522 году Исмаил напал на Картли в качестве наказания за неподчинение, Давит изначально просил мира. Но вызов Исмаила и приказ, чтобы Давит обратился в мусульманство, до того возмутили царя, что он приготовился к иранскому вторжению, укрепив Тбилиси и попросив кахетинцев, самцхийского атабага и северных кавказцев вступить с ним в союз. Под руководством молодого Луарсаба грузины сокрушили иранский авангард. Но гвардия шаха неожиданно ударила в тыл, и, пока Давит ездил во Внутреннюю Картли за подкреплениями, шах Исмаил осадил Тбилиси. Иранцы подкупили командира гарнизона и, разграбив город и поджегши церкви, быстро сколотили мечеть на Авлабарском мосту, единственном в городе. Наказав картлийцев всем в назидание, Исмаил повернул на юг и вернулся через Самцхе.

В 1524 году Исмаил умер, и шахом стал десятилетний Тахмасп. Престолонаследование в Иране почти всегда сопровождалось кровопролитной смутой, из которой иранские вассалы извлекали пользу. Таким образом Давит X смог отвоевать Тбилиси и занять Агджакалу (бывший Гаги), иранский аванпост в Юго-Восточной Картли. Несмотря на этот успех, братья Давита заставили его отречься от престола: он постригся в монахи, сменил имя на Дамианэ и умер в 1526 году. Его брат Гиорги IX недолго продержался на престоле: молодой Луарсаб сразу заявил свои права: царевич уже женился на Тамар, дочери имеретинского царя Баграта III, и тесть возвел Луарсаба на картлийский престол. (Свергнутый Гиорги IX, как и его брат, постригся в монахи: его затем звали Герасимэ.) Помощь тестя дорого обошлась Луарсабу: Баграт присоединил к Имеретии всю Западную Картли от реки Пронэ до горы Лихи, включая крепости Сурами и Боржоми.

Как только Луарсаб получил в руки власть, он начал забирать потерянную территорию. Новая волна османской агрессии очень способствовала его целям: султан Сулейман I Великолепный (ц. 1520–1566), закончив завоевание Балкан, обратил внимание на Закавказье и к 1533 году возобновил войну с Ираном, заняв Тебриз, Багдад и Персидский залив. Эта волна с самого начала захватила Имеретию, так как османы уже считали Западную Грузию своей сферой влияния. Сами турки в атаке не участвовали: они послали подкупленных лазов с юго-запада и черкесов, только что принявших мусульманство, с северо-запада. Черкесы были заинтересованы в Абхазии и Мингрелии, где они ловили рабов для константинопольского рынка. Имеретинский царь Баграт III совместно с гурийским Мамиа и мингрельским Мамиа Дадияни применили новую тактику: они с моря напали на черкесские прибрежные поселки. Десант обернулся фиаско: когда Дадияни поссорился со своими союзниками, мингрелы дезертировали; сына гурийского Мамиа убили, а самого Мамиа, его братьев и большую часть войска захватили черкесы. Выкуп заплатил абхазско-имеретинский католикос. Одновременно Баграт подавил своих мятежных феодалов и вторгся в Самцхе, чтобы отразить возможное османское нашествие. Наконец в августе 1535 года Имеретия, Гурия и дадианская Мингрелия на совещании в Ахалкалаки согласовали план действия: гурийский князь Ростом схватил атабага Кваркварэ III и передал его в руки Баграта: Кваркварэ умер в тюрьме, и Ростом присоединил к Гурии Аджарию и лазское побережье, раньше принадлежавшее Самцхе. Из-за османской угрозы Баграт даже преодолел свою враждебность по отношению к Луарсабу: он помог картлийскому царю занять Джавахети, тоже бывшую территорию Самцхе, и вернул ему Западную Картли.

Против Баграта и Луарсаба ополчались не только османы, но и возмущенные обезземеленные феодалы Самцхе: предводитель самцхийской знати, Отар Шаликашвили, тайком увез Каихосро II, тринадцатилетнего сына Кваркварэ, в Константинополь и попросил султана помочь Каихосро вернуть свое княжество. В 1536 году появилась османская армия, которая нагнала больше, чем могла увезти, но и пальцем не шевельнула, чтобы восстановить права атабага Каихосро. На десять лет Самцхе фактически перестала

существовать: гурийский Ростом и цари Баграта и Луарсаба разделили между собой большую часть территории атабага, а оттоманы превратили юго-запад в мусульманскую провинцию. Затем турки обратили внимание на Европу и Египет, и иранский шах Тахмасп смог затянуть кольцо около Восточной Грузии, для начала превратив Ширван в иранскую провинцию.

Иранская политика окружения уже в 1538 году заставила трех грузинских царей, имеретинского Баграта III, картлийского Луарсаба и кахетинского Левана, выступить единым фронтом. В 1541 году Тахмасп отправил 12000 солдат из Карабаха в Тбилиси: иранцы напали на рассвете, узнав, что Луарсаб и царица Тамар хоронили в Мцхете своего младенца-сына. *Кызылбаши* прокрались в столицу и подожгли ее; половина войск отступила, чтобы разорить Нижнюю Картли, половина осадила цитадель. Гарнизонного командира подкупили охранной грамотой, и он открыл ворота. Затем иранцы оставили в Тбилиси собственный гарнизон и отправились в Мцхету, чтобы поймать Луарсаба. Луарсаб с армией бежали в леса и занялись партизанскими вылазками, подстерегая иранских солдат; феодалы же большей частью заперлись в неприступной крепости Биртвиси. Тахмасп попытался выманить их, пообещав награды за добровольную сдачу в плен. Многие согласились, но тех сдавшихся, которые отказались принять мусульманство, перебили, а жен и детей отдали в рабство и отправили в Иран. Тем не менее Луарсабу и его партизанам удалось расстроить планы Тахмаспа: иранцы отступили с добычей и пленными в Карабах, оставив Тбилиси на произвол *кызылбашей*.

Кахетинский царь Леван всегда оказывался самым прагматичным из грузинских правителей: он обеими руками принял иранский суверенитет и перестал помогать Луарсабу. Благодаря прагматизму царя Кахетия стала на пятьдесят лет островком мира в море опустошения. Леван мог позволить себе такие щедроты, как передача восьмидесяти еврейских хозяйств в дар грузинской церкви в Иерусалиме¹²². Как и Леван, царь Баграта III отрекся от своего зятя Луарсаба: Баграта нуждался в помощи Тахмаспа против Шаликашвили и других прооттоманских самцхийских мятежников. В 1541 году Баграта со своими советниками даже поехал к шаху, который выказал благосклонность, но отказал царю в военной поддержке. Через два года Баграта оказался лицом к лицу с 22-тысячным турецким войском под командованием Муса-паши из Эрзурума, которому султан поручил завоевание Самцхе и покорение Имеретии. На короткое время Баграту удалось уговорить Гурию и Мингрелию защищать Имеретию, но коалиция быстро распалась: Леван Дадиани не мог простить Гурии то, что конфискованными восемью годами раньше самцхийскими землями овладел не он, а Гурия. Когда пришли турки, они нацелили современные пушки на замок Олтиси в Самцхе: у Баграта не было огнестрельной артиллерии, и он пал духом. Баграта отправил Муса-паше подарки, предложив ему ключи к Олтиси, если только Муса уберет пушки. По непонятным причинам Муса-паша вернулся в Эрзурум, оставив в Олтиси и свою артиллерию, и маленький гарнизон. Баграта вместе с гурийским князем Ростомом и картлийскими генералами набросились на гарнизон и получили первую в Грузии огнестрельную артиллерию. Воодушевленный победой Баграта пустился вслед за главной оттоманской армией, утром догнав и убив Муса-пашу в Карагаке на полпути к Эрзуруму: «поле битвы стало багровым, как рубины», вспоминает туркмено-иранский историк Хасан Румлу¹²³.

Через два года турки отомстили: в 1543 году султан Сулейман привел оттоманскую армию в Самцхе. В этот раз Баграту изменил Леван Дадиани, зато Луарсаб живо поддержал его. Битва при Сохоисте (сегодняшнем Пашинлере, недалеко от Эрзурума) бушевала весь день и закончилась победой Сулеймана, когда войска Самцхе, обиженные тем, что Луарсаб и Баграта не разрешали их собственным командирам по древнему обычаю руководить атакой, покинули поле боя. В результате этого оттоманы, с помощью Шаликашвили, полностью

122 Mamistvalishvili E. [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 86.

123 Rumlu H. A Chronicle of the Early Safawis / Trans. S.N. Seddon. Baroda, 1931–1934; Puturidze V. Hasan rumlus tsnobebi sakartvelos shesakheb. Tbilisi, 1966 (персидский текст с грузинским переводом).

оккупировали Самцхе и назначили Каихосро II марионеточным атабагом. Тогда и Леван Дадияни объявил Мингрелию прооттоманским княжеством, обеспечив нейтралитет Гурии тем, что отдал князю Ростому Аджарию. Вдобавок Леван объявил, что Мингрелия отныне будет независимой, несмотря на то что Дадияни по старинным правилам всегда служили имеретинскому царю *мандатуртухуцеси* (министром внутренних дел) точно так же, как гурийский князь служил имеретинским *амирспасалари* (главнокомандующим). Вследствие такой измены имеретинский царь лишился половины министров. Баграту пришлось уехать из Самцхе, увозя с собой единственный трофей – Ацкурскую икону Богородицы. Луарсабу тоже было нечем похвастать, кроме письма от папы Павла III, который хвалил всех грузинских царей и атабага Кваркварэ III за «непоколебимую любовь к Римско-католической церкви» и обещал, что архиепископ Нахичеванский Степан пришлет им папских легатов.

Зверская жестокость оттоманов в Самцхе испугала даже марионеточного атабага Каихосро II: он воззвал к шаху Тахмаспу о помощи, чтобы не только облегчить гнет, но и вернуть в Самцхе Джавахети, похищенную царем Луарсабом. Несмотря на лютую зиму, в январе 1547 года Тахмасп занял Ахалкалаки: замерзшая Кура служила трассой, по которой иранская армия быстро дошла до Картли. Беженцы, женщины и дети, спасались, увязая по пояс в снегу, а армия шаха неслась по льду и завоевывала Джавахети и Нижнюю Картли. Но партизанам Луарсаба удалось нанести иранцам тяжелые потери, и имеретинский царь Баграт III, и кахетинский Леван, почуяв кровь, помогли Луарсабу перехватить отступающих иранцев. Чтобы выйти из переделки живым, Тахмаспу пришлось сильно раскошелиться. Осенью того же года, однако, разразилась очередная оттомано-иранская война, и шах Тахмасп вызвал к себе и Баграта, и Луарсаба, чтобы выжать из Картли и Имеретии деньги и военные подкрепления.

Общая беда не сплотила Баграта и Луарсаба: Баграт добивался иранской поддержки против оттоманов, а Луарсаб упрямо боролся против любого захватчика в Картли. Баграт даже у себя в Имеретии не мог добиться мира: Гурия и Мингрелия не подчинялись. В 1548 году Баграт пригласил Левана Дадияни в Хони на мингрело-имеретинской границе на *дарбази* и заточил его; затем Баграт предложил Гурии разделить с ним Мингрелию. Опытный князь Ростом боялся подвоха и посоветовал Баграту освободить Дадияни. Лукавость Баграта беспокоила не только его собственных феодалов, но и атабага Каихосро, который в 1550 году подкупил князя Хопиландрэ Чхеидзе. Тот пробрался в часовню Гелати, освободил Дадияни и привез его в Ахалкалаки. Там три князя обдумали, как свергнуть Баграта; затем Ростом вернул Дадияни мингрельский престол.

Заговорщиков, однако, опередили неожиданные события. Оттоманы реагировали жестко, когда узнали, что Каихосро и многие феодалы в Самцхе перебежали к иранскому шаху. С помощью французского специалиста барона д'Арамона в августе 1548 года турецкие пушки разрушили укрепления Вани: французам понадобилась решительная оттоманская победа над Грузией и Ираном, чтобы турки могли сосредоточиться на войне с общим врагом, Австрией¹²⁴. Ахмед-паша в августе следующего года захватил за одну неделю двадцать пять замков, десять из которых сровнял с землей, а в пятнадцати оставил турецкий гарнизон. К тому же Ахмед-паша захватил в рабство и сослал в Турцию огромное число молодых людей. Однако усмирить Самцхе ему не удалось. Затем турки попытались отвоевать у Гурии Аджарию. Ростом сразу простил Баграту все обиды и попросил у него помощи: Баграт прислал своего брата Вахтанга с пятисотенной конницей, но и с тайным поручением вклиниться между Мингрелией и Гурией и таким образом отдать Ростому на растерзание туркам. Гурийцам удалось отогнать оттоманов за реку Чорох, но у них не было лодок, чтобы напасть на врага. Оттоманы окопались в старой византийской крепости Гонио. Тем временем Дадияни отбивался от турецкого десанта в Поты. Брат Баграта Вахтанг пытался сеять раздор, предупредив Дадияни, что гурийцы состоят против него в заговоре. Дадияни поверил и

124 Svanidze M. La France et la guerre entre l'empire ottoman et la Perse (1548–1555) // La Géorgie entre Perse et Europe / Ed. F. Hellot-Bellier, I. Natchkebia. P., 2009. P. 37–47.

перестал сражаться, турки захватили все грузинское Черноморье, а к 1550 году и всю Тао-Кларджети, то есть Западную Самцхе, кроме древней столицы Артануджи, после чего эрзурумский паша Искендер провозгласил себя «пашой всей Грузии и Ширвана».

Следующее иранское нашествие произошло, когда шах Тахмасп решил изгнать пашу Искендера. Сначала шаха поддерживали цари Восточной Грузии. Леван даже помог иранцам вернуть себе Шаки, захваченный оттоманами, хотя тридцатью годами раньше сами иранцы изгнали Левана из этого города. Луарсаб занял Восточную Самцхе, Джавахети и Артаани, таким образом закрыв коридор, по которому турки могли бы вторгнуться в Картли. Но Луарсаб оказался одним воином в поле, так как ни Баграт, ни Каихосро не хотели навлечь на себя гнев сверхдержавы, ни шахской, ни оттоманской. Каихосро даже убедил шаха заставить Луарсаба прекратить агрессию, в результате чего в 1551 году иранцы выгнали картлийцев из Самцхе. Хуже того, иранцы напали на монастырь Вардзию, перебили монахов и на глазах самого Тахмаспа похитили собрание рукописей и монастырские ворота для шахской казны. Взамен страшного кровопролития Каихосро получил потерянную территорию и вдобавок южную провинцию Лоре.

Опять не поймав Луарсаба, иранцы решили перезимовать в Карабахе. Через три года шах Тахмасп вторгся в Картли с юга и, направившись прямо во Внутреннюю Картли, занял Гори. Целью вторжения был замок Атени, где находилась царица Тамар, жена Луарсаба, вместе с другими картлийскими феодалами. Грузинские лучники сдерживали врага, но иранцы взяли в плен слугу царицы, который после пыток открыл им, откуда замок брал питьевую воду. Лишенный воды замок сдался, и всех, кто там ютился, отправили в Карабах. Луарсаб сам погнался за арьергардом шаха, но не смог освободить пленников. Царица Тамар покончила с собой. Из тридцати тысяч картлийцев, отправленных под конвоем в Карабах, большинство стало в Иране рабами и лишь некоторые – солдатами или даже чиновниками. Овдовев, Луарсаб сбежал в Имеретию к тестю Баграту. Баграт гордился тем, что дочь предпочла смерть жизни в Иране, и отказался отдать Луарсаба Тахмаспу и потребовал, чтобы *кызылбаши* отдали Имеретии занятый ими Сурами¹²⁵.

Иранцы и оттоманы так устали от войны, что согласились на ничью и начали договариваться о мире. 29 мая 1555 года Сулейман и Тахмасп подписали Амасийский мирный договор, по которому Турция получила Западную Армению, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Западную Самцхе, а Иран – Восточную Армению, весь Азербайджан, Картли, Кахетию и бо2льшую часть Самцхе (долину Куры). (В Амасии будто бы присутствовал грузинский дипломат, но он не смог смягчить условия, которые разорвали его страну на части)¹²⁶. Шахи решили демилитаризовать широкую полосу с севера на юг начиная с Карса, переселив все население в Иран и сровняв все укрепления с землей. Раздел Грузии угнетал Западную Грузию больше, чем Восточную. Кахетия, уже платившая дань Ирану, не замечала разницы. Баграту, Луарсабу и Каихосро же стало намного хуже: они уже не могли сражаться одну империю с другой. Разграничив сферы влияния, Иран и Турция отрезали Западную Грузию от Восточной, а Амасийский трактат исключал возможность объединения страны как вооруженным путем, так и путем заключения стратегических браков. Баграт, Дадияни и гурийский князь с 1555 года должны были платить оттоманам огромную дань. Оттоманы отвечали открытым презрением, наградив Имеретию и ее столицу Кутаиси прозвищем *Башаджык* (простоволосые). Картли и Кахетия, пусть и обложенные такими же тяжелыми податями, чаще всего пользовались уважением иранцев.

Луарсаб не сложил оружия: сперва он участвовал в мелких битвах, захватывая один за другим замки в Нижней Картли. Но, когда попытался морить голодом иранский гарнизон в Тбилиси, он разбудил спящего врага. Командир гарнизона пожаловался представителям шаха в Гяндже, и в 1556 году карабахский султан Шаверд повел армию на север и столкнулся с

125 Fekete L. Zur Geschichte der Grusiner des 16. Jahrhunderts // Budapest: Acta orientalia hungarica. 1951. Vol. 1.

126 Svanidze M. Op. cit. P. 45.

картлийцами в Гариси в долине Храми. Накануне битвы Луарсабу приснилось, что сам он погибнет, но что армия победит и перебьет царевичей. Утром он рассказал католикосу Зебедэ и царевичам о сновидении, подтвердив, что наследником будет его сын Симон, и заставив младших сыновей Давита и Вахтанга подчиниться наследнику. Затем Симон повел армию в атаку и разгромил войска Шаверда, а Луарсаб с католикосом стояли на горе и наблюдали. Враг устроил засаду для пожилых зрителей. Они ускакали, но царская лошадь споткнулась в расщелине, и Луарсаб упал, пораженный стрелами. Хотя иранские захватчики были повержены, сам Луарсаб умер. Увековеченного за непреклонность царя похоронили в Мцхете.

Симон, которому было всего лишь девятнадцать лет, когда он повел армию к победе и унаследовал престол, пошел по стопам отца. Он покинул Тбилиси и выбрал столицей Гори, еще свободный от иранцев. Прошло четыре мирных года, и Картли начала оправляться от опустошивших ее военных десятилетий. В 1559 году Симон женился на Нестан-Дареджан, дочери кахетинского царя Левана: два царства заключили мирный договор, целью которого являлось освобождение Тбилиси от иранской оккупации. Царям удалось выманить гарнизон *кызылбашей* из цитадели, но солдаты гарнизона схватили Арчила, сына Баграта Мухранбатони, а также преданного двоюродного брата царя Симона; иранцы послали Арчила с семьей заложниками в Казвин. Сам царь Леван уклонился от дальнейшего участия, но разрешил сыну и наследнику Гиорги повести немногочисленные войска и осадить замок Дзегви под Тбилиси. Картлийско-кахетинская армия окопалась, и тбилисские *кызылбаши* подвели к Дзегви подкрепления из Гянджи. Гянджинские подкрепления незаметно прокрались через заброшенные восточные пригороды Тбилиси. 6 апреля 1551 года, на Пасху, когда даже грузинские часовые молились в церкви, иранцы заполнили окопы царевича Гиорги и набросились на грузин. Гиорги погиб в бою Цихедиди («Большой крепости»), потрясенные кахетинцы разбежались по домам, и иранцы опять заняли Тбилиси. Отбиваясь от врага, Симон отступил в Гори, и Кахетия осталась мирной.

Прожив четыре года в относительном покое, некоторые картлийские феодалы роптали на возобновление военных действий. Недовольные, в особенности Бараташвили, чьи земли всегда первыми подвергались иранским вторжениям, собрались у брата Симона, Давита. Давит повез их в Казвин на встречу с шахом. Шах Тахмасп принял Давита роскошно, убедил его обратиться в мусульманство и назваться Дауд-ханом: новоиспеченному царю Тахмасп подарил грамоту, по которой шах признал Дауд-хана ханом Тбилиси и также Южной и Восточной (но не всей) Картли. Чтобы занять свое «ханство», Дауд-хан вернулся с собственной маленькой армией. В 1567 году ему пришлось сразиться в Дигоми с армией брата, царя Симона, который совместно с Вахтангом, сыном Баграта Мухранбатони, все еще управлял большей частью Картли. (Около 1539 г. Баграт Мухранбатони постригся в монахи, приняв имя Барнабас, и провел оставшиеся годы, сочиняя антимусульманский трактат *Повесть о безбожной вере ишмаилитов*.) Дауд-хан проиграл битву, но с помощью соседних мусульманских правителей сохранил Тбилиси. В 1569 году Тахмасп решил полностью свергнуть Симона, собрал армию в Карабахе, нанял кумыкских и аварских солдат у дагестанского шамхала и вторгся в Грузию. Известный ренегат Кахабер Корганашвили повел шахский авангард по Алгетской долине. В битве при Парцхиси маленькой грузинской армии удалось отбить атаку *кызылбашей*. Царь Симон, сам поразивший копьём не одного иранского солдата, нечаянно отделился от армии: Корганашвили указал шамхалу Джемшиду на Симона, и шамхал копьём сшиб царя с коня. Симона сковали цепями и, после того как он отказался принять мусульманство, отвезли в неприступную крепость Аламут (на полпути от Тегерана до Каспийского моря): там он томился с другими знатными пленниками до 1578 года.

Народ не признавал Дауд-хана: напрасно он назывался Давитом XI, царем Картли. Ренегату Корганашвили не повезло: его схватил князь Сачино Бараташвили на коджорской дороге и, говоря словами народной баллады, «со связанными руками он слетел с утеса». В Картли наступил странный мир: войны не было, но не было ни торговли, ни культуры.

Грузинские заграничные центры, потеряв контакт с родиной, подвергались оттоманскому гнету: паломники доходили до них редко, и палестинские монастыри обменивали серебряные потиры на хлеб.

Кахетия под властью хитроумного царя Левана избежала беспощадных мер шаха Тахмаспа. Тем не менее иранцы начали отрезать те районы в Кахетии, где жили мусульмане и национальные меньшинства: цахуров (юго-западный дагестанский народ) объявили иранскими подданными¹²⁷; территории в кавказском предгорье отдавали дагестанским вождям. У царя Левана был дружеский союз с тестем, шамхалом Карамусалом, который управлял конфедерацией кумыков и аваров: из-за занятых территорий отношения испортились. К тому же Тахмасп заставил Левана прислать второго сына Иесэ (известного тоже как Вахтанг) заложником в Казвин. Там в 1559 году Иесэ обратился в мусульманство и принял имя Иса-хана, но вскоре отрекся от новой религии и попытался сбежать. Его поймали 23 декабря 1552 года и посадили в аламутскую тюрьму, потом к нему присоединился картлийский царь Симон.

Леван изменил свою политику. Как и его дед, кахетинский царь Алексанрэ, он прощупал почву у российского царя. В 1490-х годах ответа не было, но к 1556 году Иван IV завоевал Астрахань и получил доступ, хотя и ненадежный, к Каспийскому морю и, по реке Тереку до границ Кахетии. Из кавказских народов черкесы раньше всех связались и даже породнились с русскими¹²⁸: черкесы же отрекомендовали грузин христианами, нуждающимися в защите. Россия, последняя могучая православная страна в мире, одновременно прокладывала себе дороги к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям. Кахетинцы получили возможность еще одного выбора, кроме оттоманского или иранского господства. В 1563 году Леван послал в Москву монаха Иакобэ с просьбой прислать солдат и занять правый берег Терека. Через четыре года Иван IV построил Терек-город, крепость на слиянии Сунджи и Терека. Предпринятый демарш, однако, пришлось отменить: оттоманы потребовали, чтобы русские снесли крепость, и армия крымских татар поскакала на север и сожгла половину Москвы. Иван IV, и так утомленный Ливонской войной, снес Терек-город и покинул Кахетию на произвол судьбы. У шаха Тахмаспа были дружеские торговые отношения с Россией, но он никогда не простил кахетинцев за то, что они пригласили на Кавказ русских казаков.

В 1574 году Леван умер, и кончился самый долгий период стабильности за последние 350 лет, Ирану наконец удалось вмешаться в кахетинские дела. У Левана было двенадцать сыновей от двух жен: из сыновей, рожденных первой женой, Тинатин (которая развелась с царем, когда Левану еще не было тридцати лет, и которая прожила еще шестьдесят лет, до 1591 года, в монастыре), старший – Гиорги – погиб в бою за царя Симона, второй – Иесэ – сидел в аламутской крепости, четвертый – Николоз – постригся в монахи (он станет католиком в 1584 г.). Наследником считался третий сын Александрэ, но сводные братья эл-Мирза и Давит, рожденные дочерью шамхала, сопротивлялись. Поэтому Александрэ смог взойти на престол, только призвав на помощь посторонних – «царя» Дауд-хана, картлийского князя Бардзима Амилахори и ксанского князя Элизбара – и поклявшись в верности шаху Тахмаспу.

Обеспечив свое царствование, Александрэ II продолжил политику отца: по словам Джованни Томмазо Минадои, «вместо оружия он всегда прибегал к молитвам и к подаркам»¹²⁹; благодаря его политике, балансировавшей между интересами шаха Персидского, султана Оттоманского, шамхала Дагестанского и царя Российского, Кахетия еще тридцать лет оставалась густонаселенной и преуспевающей страной. В отличие от отца

127 Акты II. С. 1085 (текст фирмана Тахмаспа к цахурскому Ади-Курул-беку).

128 Белокуров С. А. . Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578–1613 гг. М., 1889.

129 Minadoi G. T. History of the Warres between the Turkes and the Persians / Trans. A. Hartwell. L., 1595. P. 63.

Александр женился без всякой политической выгоды: царицей он выбрал дочь Амилахори, вероятно, из благодарности за помощь ее отца в борьбе с братьями за престол.

После Амасийского трактата Имеретия, как и ее враждующие между собой соседи, будучи отрезанная от внешнего мира, стала полярной противоположностью Кахетии. Деньги и продукты, особенно соль (раньше ввозимая из Крыма), стали дефицитом; через черноморские гавани доставляли очень мало, а вывозили почти исключительно рабов. Гурия и Мингрелия находились под гнетом оттоманского пиратства, налогов и порабощения. Имеретинский царь Баграт III платил оттоманам такие большие подати, что крестьянство начало голодать. Когда не было денег, крестьян вывозили работорговцы. Из Мингрелии в один год от двух до трех тысяч молодых людей увезли рабами на константинопольский рынок: вывоз рабов равнялся рождаемости в стране. Потери были хуже, чем во время войны: без молодых женщин следующие поколения были не в состоянии пополнять население.

Против экономической беды Баграт III оказался бессильным. Он попытался обуздать мятежных феодалов, перестроив западнотурецкую церковь. К концу 1540-х годов он переселил католика ближе к центру власти в Гелати из абхазского прибрежного города Пицунды, который стал христианским островом в абхазском и черкесском языческом и мусульманском море. Баграт также превратил Гелати в царский мавзолей. Он раздробил большие епархии и назначил новых, послушных епископов, которые станут единственными надежными исполнителями его воли. Позже, в 1555 году, Баграт созвал в Гелати Всегрузинский церковный собор: в нем принимали участие имеретинский католикос Эвдеменоз, католикос Восточной Грузии Зебедэ I и десять старших епископов Имеретии и Мингрелии. Собор принял *Закон католиков*; первое из двадцати трех постановлений гласило: «Человек, продавший человека, будет ли знатный или незнатный, князь, дворянин или крестьянин, да будет от святых соборов проклят и отвержен. Кто по точном розыске и исследовании окажется продавцом человека, если выкупит и приведет проданного, заплатит штраф, по своему состоянию, и церкви, и епископу, и господину его, а если не приведет, кто бы он ни был: князь, дворянин или крестьянин, ничто его не спасет, было бы незаконно его спасать, он должен быть повешен». Хотя работорговцев в принципе наказывали так же строго, как изменников, Баграт и католикос не смогли помешать такой торговле. (Последнее постановление собора: «Кто оставит свою жену без причины, тот, как проклятый святыми апостолами, да будет наказан смертью» оказалось еще менее применимым к имеретинским нравам.)

После смерти Баграта в 1565 году царем стал Георгий II. Распри гурийской, мингрельской и имеретинской знати не утихали. Царь Георгий совместно с гурийским князем попытался обуздать Георгия III Дадияни; со своей стороны, Дадияни подкупил имеретинских мятежных феодалов и в 1568 году объявил царю Георгию войну. Имеретинский феодал Бежан Немсадзе, решивший возвести своего племянника Хосро на престол, совершил покушение на царя Георгия II, который остался жив. (Заговорщикам удалось только захватить племянника царя Константина.) Георгий долго обдумывал, как отомстить, потом убедил третьего Георгия, князя Гурии (*гуриели*) с 1564 года, сообща напасть на Мингрелию и занять столицу Зугдиди. Георгий III Дадияни отправился в Константинополь, и султан, которому казалось выгодным перессорить всех западных грузинских правителей, предоставил Дадияни девять кораблей и войска из Трабзона и Эрзурума. Этими оттоманскими подкреплениями Дадияни устранил Георгия *гуриели*, с которым Дадияни помирился, получив 10000 драхм в возмещение за позор, когда Георгий *гуриели* развелся с сестрой Георгия Дадияни. (Раньше Дадияни заплатил *гуриели* столько же, когда, поссорившись друг с другом, он сам развелся с сестрой *гуриели*.)

Теперь царю Георгию II пришлось бороться и с Гурией, и с Мингрелией. Сначала он разгромил собственных промингрельских мятежников. Он пригласил Джаваха Чиладзе, вожда бунтовщиков, на банкет, убил его и конфисковал поместья. Напав на Имеретию, гурийцы и мингрельцы заняли эти поместья, которые простирались, как маленькое княжество, по территории всех трех государств, и разделили их между собой. Столкновения продолжались до 1572 года, когда Леван Дадияни (свергнутый отец правящего Дадияни)

сломал себе шею на охоте, и самому Георги III Дадияни, выдавшему свою сестру за наследника Георги II Баграта, помешали родственные чувства.

Из-за мингрельско-имеретинского альянса Гурия очутилась в опасной изоляции. Георги *гуриели* тоже попытался стратегическим браком разоружить врагов: он выдал свою сестру за Мамаи, младшего брата Георги Дадияни, но добился мирного договора только после боя под Зугдиди, когда Георги Дадияни пришлось бежать в Абхазию и уступить мингрельский престол своему брату Мамаи. Царь Георги II потребовал, чтобы Мамаи отдал ему поместья Чиладзе, если он хотел, чтобы имеретинский царь признал его как Мамаи IV мингрельского Дадияни. На несколько дней, с помощью северных кавказцев, вернулся старший брат Георги Дадияни; его еще раз прогнали в Абхазию. В конце концов Георги Дадияни уговорил соседних правителей помочь ему избавиться от младшего брата: он подкупил *гуриели*, подарив ему портовый город Хопу, и сам женился на сестре имеретинской царицы Русудан (Русудан была черкешенкой, но получила воспитание в кутаисском дворце). Обездоленный Мамаи уступил мингрельский престол. Когда Георги *гуриели* потом женился на овдовевшей снохе имеретинского царя Георги, создалось впечатление, что все трое Георги – имеретинский, гурийский и мингрельский – объединились и больше не будут воевать друг с другом. Так и было до конца 1570-х годов. Мир нарушил Батулиа, взбунтовавшийся родственник Дадияни: Георги Дадияни попросил царя Георги и *гуриели* схватить и убить бунтовщика. Гурийцы поймали Батулиа и конфисковали его земли, но Георги *гуриели* не захотел убивать пленника: царь Георги и Георги Дадияни подослали своих людей в тюрьму, и Батулиа задушили.

Самцхе фактически выродилась: западная часть стала оттоманским пашалыком, а восточная часть, которой управлял атабаг Каихосро II, полностью подчинилась иранцам. Оттоманы то и дело совершали набеги на территорию атабага, и Каихосро в 1570 году отправился в Казвин, где и умер через три года, не получив помощи от шаха Тахмаспа. Следующий атабаг Кваркварэ IV находился под каблуком у матери Дедисимеди, настоящей мегеры, которая, заказав убийство феодала Вараза Шаликашвили, так взбудоражила самцхийцев, что они покусились на жизнь Кваркварэ IV. В 1576–1577 годах гражданская война бушевала по всей Самцхе, опустошая Тмогви и другие города. Кваркварэ воззвал к иранцам, но в 1576 году умер шах Тахмасп (у которого пять из десяти жен были грузинками). Следующий шах, полуслепой, нелюдимый Мохаммед Худабанда, оказался равнодушным к грузинским проблемам.

Убедившись, что Худабанда почти слабоумен, оттоманы решили объявить Ирану войну. В 1587 году Лала Мустафа-паша пересек Самцхе и Картли по пути в Ширван, где он намеревался укрепить свою армию крымскими татарами для нападения на Иран. Лала-паша призвал всех грузинских царей и князей к участию в войне. Кваркварэ IV, однако, не решался: против него выступил собственный брат Манучар, которому оттоманы пообещали власть над всей Самцхе, если тот присоединится к туркам. Многие самцхийские феодалы приняли оттоманскую сторону, но мелкое дворянство и крестьяне поддерживали Кваркварэ IV. 7 августа 1578 года армия Лала-паши двинулась по левому берегу Куры; часть оттоманской армии осадила замок Мгелцихе, часть захватила два других замка, истребив гарнизон Каджтацixe. Два дня спустя оттоманы с полудня до заката бились с ирано-грузинской армией у озера Чылдыр. Манучар и его 6-тысячное войско наблюдали с горы: когда турки одержали победу, Манучар спустился с горы и передал оттоманам ключи к близлежащим замкам; затем он наблюдал, как турки обезглавливали тысячи захваченных *кызылбашей* и горящими бревнами клеймили грузинских военнопленных. Манучар возмутился, однако, когда турки разделили Самцхе на восемь оттоманских *санджаков*, и назначил бывшего атабага начальником Хахули, всего лишь одного из новых *санджаков*. Когда турки заняли Ахалкалаки, Кваркварэ IV и Дедисимеди сдались.

Через две недели Лала-паша стучал в ворота Тбилиси. Марионеточный царь Дауд-хан намеревался сопротивляться, но горожане, преследуемые турецкими солдатами, бежали в леса, а за ними и сам Дауд-хан. Власть над Картли захватил Вахтанг Мухранбатони, но он

вместе со старшими феодалами – Бардзимом Амилахори, ксанским князем Элизбаром – сдались Лале Мустафа-паше. Тбилиси стал *пашалыком*, Гори – *санджаком*; оттоманские гарнизоны заняли главные замки в Картли. Затем оттоманская армия направилась в Имеретию, но турок разгромила армия царя Гиорги на перевалах через Лихи.

Имеретинцы таким образом заставили Лала-пашу повернуть на восток, через Кахетию к Ширвану. Когда оттоманы дошли до границы Картли и Кахетии в Сартичале на реке Иори, их встретил царь Александр II и объявил себя турецким вассалом. Турки наградили кахетинского царя, присвоив ему титул *бегларбега* и назначив его сына Эреклэ оттоманским губернатором Шаки в Азербайджане. За это Александр II пришлось платить ежегодно по 30 кип шелка, 20 молодых мужчин и женщин, десять соколов и десять тетеревятников.

Внезапно перебежав к врагу, цари Картли и Кахетии побудили шаха Худабанду к решительным мерам. Он наказал кахетинского царя Александр II, приговорив его наследника Иесэ к пожизненному заключению в Аламуте (где Иесэ и умер в 1580 г.). Чтобы вернуть себе Картли, однако, шаху понадобился царь, пользующийся любовью народа: он освободил царя Симона из Аламута и предложил вернуть ему царство, если он примет мусульманство. Девять лет заточения подорвали упрямство Симона: в 1578 году он принял шахские условия и с 5000 *кызылбашами*, вооруженными пушками, и с генералом Али Кулиханом Симон вторгся сначала в Дманиси, потом в Тбилиси¹³⁰. Восстановленного царя сопровождали другие грузинские заложники, среди них Арчил, сын Вахтанга Мухранбатони. Узнав, что Симон возвращается с *кызылбашами*, Дауд-хан возмутился предательству шаха и сам перебежал к оттоманам: Дауд-хан отдал туркам всю Лоре и попросил убежища в Константинополе, несмотря на то что его аварская царица и царевичи Баграт и Хосро еще находились в Иране. В Константинополе Дауд-хан проводил все свое время у философов и в библиотеках. Последние свои шесть лет он отдал составлению *Компиляции Дауда*, переводу турецких медицинских руководств, которых, по его мнению, не хватало в Грузии, где он сам «видел, как люди умирают без помощи, из-за невежества».

Между тем как брат занимался в Константинополе наукой, царь Симон предпринимал отчаянные усилия, чтобы отбиться от атаки оттоманов. После поражения на имеретинской границе Лала-паша отступил в Эрзурум, но султан Мурад III отправил 60 кораблей в Поты, где турки построили замок. Оттуда их галеры поплыли вверх по Риони в сторону Кутаиси, но их уничтожили хорошо замаскировавшиеся стрельцы имеретинского царя Гиорги II. В то же время Леван, сын Гиорги III Дадияни, снес оттоманский замок в Поты и похитил двадцать пять пушек.

Остальные оттоманские войска подходили к Тбилиси с востока: турецкий гарнизон в Тбилиси исчерпал свои запасы провианта и в поисках еды совершал набеги на пригородные деревни. Партизаны царя Симона до того подорвали оттоманские войска, что они ушли в Самцхе и собрались под руководством Лала-паши. Хотя атабаг Кварквар IV и его мать слушались оттоманов, младший брат Манучар все еще требовал автономии: Лала-паша увез эту сварливую семью в Эрзурум, и там Манучар вызвался помочь туркам завоевать Азербайджан, если уступят Самцхе долю независимости. Турки отказались и подтвердили власть атабага Кварквар IV, отправив Манучара в Константинополь. Приехав в Константинополь, Манучар принял мусульманство, назвав себя Мустафа-пашой; в 1581 году он сверг старшего брата Кварквар II и, как паша Чылдыра, начал владеть Восточной Самцхе. Самцхе уже не считалась частью Грузии.

После непрерывных атак Симона султан уже не надеялся вторгнуться в Тебриз через Картли и решил отрезать пути к Грузии с юга и запада и снести все южные крепости Картли. Этим решением султан погубил собственный гарнизон в Тбилиси: настал такой голод, что пуд пшеницы стоил тысячу серебряных *акче* (около 5 кг), а собака (на съедение) – две тысячи. После четырехмесячной осады в живых осталось всего 700 человек. Лала-паша и дамаский паша отправили в Тбилиси 20000 солдат с провиантом, но они опоздали и попали

в засаду в Дманисском ущелье, где их подстерегал царь Симон и шахский генерал Али Кули-хан. Грузинские партизаны спустились из горных лесов и начали гнать турок в реку Храми. Дамасский паша вовремя спохватился и остановил отступление у выхода из ущелья, где царь Симон ошибочно полагал, что набрасывается на отчаявшихся беглецов. Хорошо замаскировавшиеся турецкие воины разгромили грузин и *кызылбашей*, схватили Али Кули-хана и вошли в Тбилиси.

Оттоманы оказали такое давление на пленного Али Кули-хана, что он показал им более безопасный путь на родину. Царь Симон устроил еще одну засаду, атаковал турецкий тыл и взял добычу, лошадей и пленных. Тем не менее туркам удалось дойти до Карса. Тогда султан Мурад заменил Лала-пашу знаменитым военным Синан-пашой, который завербовал имеретинского царя Гиорги II, пообещав назначить его сына тбилисским *бегом*, когда одержат победу над царем Симоном. Хотя Синан-паша получил только видимость имеретинской помощи и встретил сопротивление картлийских партизан, он все-таки в 1580 году ворвался в Тбилиси и назначил какого-то новообращенного мусульманина тбилисским *бегом*. (Кого именно, неизвестно: *бега* звали Юсуф-паша, но, возможно, ренегатом был Мамаи, сын имеретинского царя Гиорги.) В любом случае, назначив *бега* и снабдив гарнизон, Синан-паша отправился домой в Эрзурум, с боем пробив себе путь через Картли и Самцхе. Ни оттоманы, ни иранцы не смогли одержать решительной победы: в 1582 году начали договариваться о мире.

Чтобы кахетинский царь Александрэ II снова примкнул к иранцам, шах Худабанда задержал заложником в Казвине его четвертого сына, одиннадцатилетнего Константинэ, и взимал с царя большую сумму золотом за каждый год, что он был оттоманским вассалом. Но Картли и Кахетия не смогли ужиться под иранским суверенитетом: как только Симон вернулся в Картли, он поссорился со своим зятем Александрэ. Лично они не встречались, но кахетинская армия разграбила Картли, и Нестан-Дареджан, сестра Александрэ и жена Симона, подверглась сексуальному домогательству. Симон отбил от кахетинской атаки, но мечта шаха об объединении Кахетии, Картли, Ширвана и шамхальских кумыков и авар в одной большой антиоттоманской коалиции оказалась неосуществимой. Все, чего он смог добиться, – это заставить Симона и Александрэ поклясться на Евангелии сотрудничать друг с другом и с Ираном. Через год сын Александрэ женился на дочери Ашотана Мухранбатони, и этот брак теснее связал Картли и Кахетию и привел к настоящему примирению. Дальше Симон не пошел: когда шах попросил его выдать дочь за наследника шаха Хамза-мирзу, царь ответил, что грузинские обычаи запрещают брак христианской княжны с мусульманином.

На новые битвы Симон был согласен. Когда Али Кули-хана освободили из эрзурумского плена, они начали стрелять из только что приобретенных пушек в оттоманский гарнизон в Тбилиси. Для снятия осады из Диярбакыра отправилась турецкая армия вместе с Манучаром Мустафа-пашой и войска из Имеретии, Гурии и Мингрелии. Собравшись в Мухрани, они напали на Картли. Но временные союзники проиграли мухранскую битву. До Тбилиси из оттоманов дошли немногие, и тбилисский Юсуф-паша сбежал в Самцхе.

Манучар Мустафа сам пришел в ужас от разорения Самцхе его же союзниками: почуяв окончательную катастрофу, он тайком от оттоманов начал переговоры с царем Симоном. В любом случае турецкие паши уже винули Мустафу за мухранское фиаско: собрав военный совет, они обсудили, казнить его или нет. Предупрежденный о том, что ему грозит, Манучар окружил палатку паши пятьюдесятью своими воинами, которые должны были спасти его, как только услышат его крик. Манучар вошел, спросил, какие будут приказы, и повернул к выходу. Кто-то схватил его за рукав, он вырвал у захватчика меч и с воплем разрубил его. Самцхийцы ворвались и в последующей драке тяжело ранили одного пашу. Оттоманы отступили в Карс, Манучар обратился в христианство и стал союзником царя Симона.

Турки назначили было правителем Самцхе грузинского мусульманина, но передумали: султан послал Манучару извинения за ложное обвинение в измене. С 1582 по 1585 год Манучара опять признавали атабагом, и он обеспечил свою власть, женившись на Эленэ, дочери царя Симона.

В эти годы Симон очищал Лоре и Самшвилде от турок; на короткое время он даже полностью освободил Тбилиси. В 1584 году вторгся новый оттоманский генерал, Резван-паша. Резван усыпил подозрения, направившись сначала в сторону Нахичевани, но затем оставил в Лоре гарнизон с артиллерией, разрушил Дманиси и двинулся на Тбилиси. На одном берегу Храми стояла армия Симона и Манучара, на другом – оттоманская. Рассказывают, что Симон снял с себя панцирь, перешел реку, объявил, что он просто пришел посредником, чтобы вести переговоры с Резван-пашой, и изучил расположение оттоманских войск, прежде чем вернуться. На рассвете следующего дня грузины окружили оттоманский тыл и атаковали; у турок армия была в пять раз больше, и грузины проиграли битву. Резван разорил Самцхе: если бы замерзшие и голодные турецкие солдаты не взбунтовались, он продолжил бы свою кампанию. В следующем году Симон отвоевал Лоре у турок, и султан прислал очередную армию, чтобы поправить дело.

Летом 1587 года султан замыслил окончательный удар против Симона и Манучара: первая оттоманская армия заняла Ахалцихе, вторая отправилась в Тбилиси и Гори: царь Симон отступил в Самцхе. Там враги Манучара, в особенности феодалы Шаликашвили, решили помириться с оттоманами, в результате чего Самцхе стала целиком оттоманской провинцией под властью чылдырского паши Ахмеда. У Симона больше не было союзника, и на иранцев он уже не надеялся: он также подчинился и в обмен на ежегодную дань добился признания как христианский и вполне автономный царь.

В 1590 году иранцы подписали мирный договор, уступающий оттоманам чуть не всю Грузию, Армению и Азербайджан. Никто – ни грузины, ни оттоманы, ни европейцы (потрясенные тем, что Иран развязал руки Турции) – не предвидел, что исключительно дальновзоркий, энергичный и коварный шах Аббас, в 1587 году возведенный на иранский престол, смотрел на мирный договор как на махинацию, которая позволит ему модернизировать страну и армию и в конце концов стать непобедимым.

Увидев, что против Турции все бессильны, западные грузины растерялись. Гурия и Мингрелия вцепились друг другу в горло: после смерти брата в 1582 году, Маamia Дадияни стал правителем Мингрелии, изгнал Гиорги *гуриели* и водворил в Гурию своего клиента Вахтанга *гуриели*. Через четыре года Вахтанг *гуриели* умер, изгнанник Гиорги вернулся и окопался в крепости Гонио: разразилась братоубийственная война, которая опустошила Западную Грузию. В 1583 году имеретинский царь Гиорги II заточил брата Константинэ и племянника Ростомэ, которые хотели лишиться престолонаследия двенадцатилетнего царевича Левана. Маamia Дадияни похлопотал за пленников, которые вышли на свободу четыре года спустя. Гиорги II умер в 1586 году, и Маamia решил участь Имеретинского царства, обеспечив престолонаследие молодого Левана, умирив его дядю Константинэ. Год спустя Левану пришлось выразить свою благодарность, женившись на Марехи, дочери Маamia Дадияни.

Эти новые связи породили анархию: имеретинские феодалы ввязались в ссору между Гурией и Мингрелией. Условия мирного договора 1590 года связывали оттоманским войскам руки и не давали возможности действовать. Царь Картли Симон, уже в 1588 году захвативший часть Северной Имеретии, где пользовался поддержкой местной знати, решил воспользоваться ситуацией в своих интересах и вторгся в сердце страны. Семнадцатилетний царь Леван тщетно просил помощи у гурийцев и мингрелов, он проиграл битву при Гопанто и бежал на север в Рачинские горы. Симон отвез имеретинских заложников в Картли, несмотря на то что оттоманы приближались к Гори. Он был до такой степени уверен, что сможет объединить всю Грузию, что послал в Италию делегацию с письмами папе Сиксту V¹³¹ и испанскому королю Филиппу II: в письме Симон напоминал Филиппу, что две Иберии похожи, как кровные братья, и просил его начать диверсионную войну против турок. И Сикст, и Филипп ответили требованием, чтобы все три грузинских царя сначала объединились и потом сплотились с Ираном. Симон написал третье письмо императору Рудольфу II, не зная, что Рудольф готовился подписать мирный договор с турками.

131 Tamarati M. L'Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 468–470.

Как только Симон ушел, царь Леван спустился с Рачинских гор и снова начал властвовать. Но два года спустя Мамаи Дадиани напал на Кутаиси и заточил царя Левана в замке Шхепи, где тот умер. Мамаи выдвинул на имеретинский престол двоюродного брата Левана – Ростом. Гиорги *гуриели*, в свою очередь, выдвинул Баграта, сына князя Теймураза, и в 1590 году попытался с помощью турецких солдат возвести его на престол.

Анархия в Имеретии усугубилась, когда царь Симон вторгся во второй раз, занял Кутаиси, сослал в Тбилиси только что коронованного Баграта и изгнал царя Ростом, избранного мингрельцами. Ростом убежал в Мингрелию к Манучару Дадиани, унаследовавшему престол после смерти Мамаи в 1590 году. Мингрельская армия вернула Ростом в Кутаиси, но многие имеретинские феодалы – Абашидзе, Церетели, Чхеидзе – предпочли варвару Манучару Дадиани и его подопечному Ростому царя Симона. Симон вернулся в третий раз, теперь с пушками, впервые примененными в грузинской гражданской войне. Симон захватил замки и Сканда, и Кутаиси, оставил в них свои гарнизоны и изгнал Ростом в Мингрелию. Ростом был последним потомком имеретинских царей: захватив или убив его, Симон легко смог бы объединить Имеретию и Картли. Дадиани даже предложил Симону «мир и подчинение единой Грузии, как во времена Давита Строителя», но не захотел принять условие Симона о выдаче Ростом. Новая картлийско-имеретинская союзная армия тоже брезговала цареубийством – даже в целях объединения страны: феодалы тайком уверили Дадиани, что, если он нападет первым, они просто разбегутся. Так и случилось: на рассвете, при виде армии Дадиани, войска Симона большей частью рассеялись. Картлийцам пришлось отступить и признать Ростом царем, хотя он и был марионеткой Манучара Дадиани. Мечты Симона о новой Грузии не сбылись: Мингрелия, с каждым днем все более самоуверенная, заставляла плясать под свою дудку.

Раскол шел дальше. Абхазия, которой управляло племя Анчба-Шервашидзе, оторвавшись от Мингрелии, подчинилась оттоманам. В Абхазии феодализм развился слабо, и крестьянам жить было легче; Шервашидзе получали доходы от вывоза самшита и рабов в Константинополь, где молодой человек продавался за пятнадцать экю, а хорошенькая девушка за двадцать.

Самцхе стала оттоманской провинцией, хотя Манучар не переставал называть себя царем (*хелмцхе*). Оттоманские бюрократы ввели *бююк дефтер*, великий реестр, в котором числились все подлежащие налогообложению земельные владения и люди, и *кючюк дефтер*, «маленький реестр», по которому решалось, кому из властей имущих передавались подати. За исключением отдельных особенно достойных христиан, только мусульмане могли владеть землей, и с каждого землевладельца брали по одному солдату. Налоги были большие: двадцать *акче* с очага, а немусульмане платили двадцать пять. Крестьяне начали убегать даже в разоренные междоусобицами Имеретию и Картли. Из 1160 самцхийских деревень 364 опустели, а в одном уезде – 41 из 48. Оттоманы попытались заселить Самцхе крестьянами других национальностей, даже христианами; тем не менее бывшая сердцевина Грузии, славившаяся раньше своей экономикой и культурой, превратилась в самое глухое захолустье Анатолии. Церкви превращали в мечети или в строительный материал¹³².

Из всех грузинских земель преуспевала только Кахетия. Благодаря политике царя Александр II развивались сельское хозяйство и торговля с каспийскими соседями. Царь даже жаловался, что из-за ста мирных лет Кахетия стала такой перенаселенной, что осталось слишком мало дичи и невспаханной земли для царской охоты. На самом деле Александр надеялся, что кахетинский мир обеспечит предполагаемая российская экспансия. Переписываться с русским царем было трудно: посол выезжал весной и доезжал не раньше осени, и по пути его могли ограбить, взять заложником или убить. Даже общего языка не было. До 1596 года у Александр была всего одна переводчица, черкешенка Хуршита, владевшая грузинским и русским языками. (У Александр была черкесская сноха и, если верить источникам, черкесская тетка.) Послами в православном мире XVI века служили

духовные лица (важно было, чтобы русские убедились в православном вероисповедании грузин), и общим языком православного духовенства был греческий. Но кахетинскому духовенству было лень ходить на уроки греческого, и только те монахи, которые проводили время в Палестине, еще могли общаться по-гречески. Поэтому все переговоры велись по-турецки: турецкий язык понимала почти вся кахетинская знать и кое-кто из русских дипломатов, но двойной перевод – с грузинского на турецкий, а потом на русский – часто вводил обе стороны в заблуждение и даже провоцировал конфликт.

Русских интересовали прежде всего новые пути для импорта шелка, который Россия ввозила из Ирана; во-вторых, создание антиоттоманского кольца от Кавказа до Ирана; в-третьих, военные возможности Кахетии. Первые русские дипломаты подсчитали, что у Александрэ 10000 конных и 3000 пеших войск, расположенных под четырьмя «знаменами», из которых царевич Гиорги командовал авангардом, а царевич Давит – левым крылом. Уже со времен Ивана Грозного российские цари провозглашали себя сюзеренами Иберии. Со своей стороны, кахетинский царь Александрэ по-своему понимал европейскую политику (он верил, что испанский король Филипп II завоевал Англию): его источниками были агенты-купцы, например армянин Совдагар, побывавший в Москве, в Риме, в Казвине и в Константинополе. Александрэ сделал ставку на то, что русские заселят берега Терека и станут соседями Кахетии, ибо русских и кахетинцев объединяло желание усмирить кумыков и аваров воинственного шамхала. Александрэ также надеялся получить от русских современную артиллерию, в которой ему отказали иранцы, иконографов и сокольничих.

В 1585 году в Кахетию прибыл астраханский сотник Данилов с грамотой царя Федора¹³³, а Александрэ в ответ послал священника Иоакимэ, монаха Кирилэ и черкешенку Хуршиту в Москву. В 1587 году прибыло ответное посольство, включавшее Родиона Биркина, Петра Пивова и переводчика Степана Полуханова, а также грузинских эмиссаров, и представило кахетинскому царю на подписание текст клятвы в верности: 29 августа 1587 года кахетинский царь поклялся, что будет врагом врагов России и другом друзей России и что будет платить ежегодную дань шелковыми тканями. От русских Александрэ ожидал, что они построят крепость в Терек-городе и направят карательную экспедицию против шамхала. Российская сторона попыталась выполнить свои обязательства, но без опыта военных действий в горах не смогла ни напасть на шамхала, ни дойти до Тарки, его столицы. Последствия первых контактов были катастрофичны: в 1589 году шамхал вторгся в Кахетию, и в 1591 году крымский хан объявил России войну.

Послам казалось, что с ними обращаются плохо. Кахетинцы в Москве чувствовали себя как будто под домашним арестом; русские в Кахетии жаловались, что их бросали в лесах на произвол судьбы и посягали на их собственность и жизнь. Живые соколы, подаренные русским царем, умирали в пути. На грузинские просьбы, например о помощи в отливке чугунных пушечных стволов, не обращали внимания. Некоторых русских даже обвинили в изнасиловании и убийстве кахетинских крестьянок. Русских священников смущали литургические злоупотребления в грузинской церкви. Но самым злейшим врагом русско-кахетинской дружбы был новый иранский шах Аббас, которого малейшее подозрение превращало в кровожадного параноика: шах толковал демарши Александрэ как подлую измену, несмотря на то что Россия и Иран тогда относились друг к другу скорее дружелюбно. Кахетинский царь по очереди клялся в верности сначала туркам, потом иранцам, а теперь русским. Шах Аббас прислал Александрэ породистых лошадей и двадцать верблюдов, навьюченных шелковой тканью: но Александрэ сосватал дочь Нестан-Дареджан не шаху, а Манучару I Дадияни. Изначально шах пытался сдерживаться: он ограничился тем, что взял еще одного заложника, Теймураза, внука Александрэ от старшего сына Давита. Но к концу 1590-х годов напряжение между Кахетией и Ираном возросло.

133 Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 / Сост. М. А. Полиевктов. Тбилиси, 1937. С. 144.

Тем временем картлийский царь Симон смотрел на Россию скептически: он хорошо знал, что Россия из-за расстояния и кавказских горцев не сможет прийти на помощь Картли в случае нападения. И он не обманывался надеждой, что папа римский пришлет армию, если Картли присоединится к католической церкви. Пережив имеретинские злоключения, Симон в 1598 году решил полностью освободить Картли от турецкой оккупации. Он осадил гарнизон в Гори, но завладел крепостью только через год, когда его сын Гиорги, сделав вид, что снимает осаду на Великий пост, обманул бдительность оттоманов, ночью взял крепость штурмом и к утру освободил Гори. Тем временем сам Симон вел армию на юг, где войска Джаффар-паши шли из Тебриза в Самцхе, чтоб разгромить взбунтовавшегося Манучара. Хотя грузинская армия и ее командиры еще не были готовы сражаться, Симон настоял, чтобы на следующий день грузины предприняли атаку при Нахидури на реке Алгети. Накануне битвы царь причастился и попрощался со всеми, прежде чем с копьем в руке повести конницу. Враг понес тяжелые потери, но после пятичасового боя оттоманское численное превосходство возобладало, и царю пришлось отступить. Преследуемая оттоманами конница толклась в узком Партцхисском ущелье: царская лошадь споткнулась и упала в болото. Воины старались вытащить царя и лошадь, но турки догнали их и, с помощью перебежчика князя Бараташвили, узнали царя. Симона заковали в кандалы. Сын Гиорги примчался из Гори, но опоздал, не успев выручить военнопленных, хотя и захватил арьергард Джаффар-паши. В 1600 году Джаффар-паша послал в Константинополь живого царя Симона и корзину с отрубленными головами, среди которых была голова Вахтанга, младшего брата царя. Симон стал почетным узником в знаменитой тюрьме Йеди-Кюле: султан послал в Грузию за его внучкой Гулчарой (дочерью Гиорги), которой был поручен уход за стареющим царем.

Во всем, что касалось религии или политики, Симон остался непоколебимым. Его замечательная внучка Гулчара очаровала влиятельную венецианку Сафийе, мать султана Мехмета III, в результате чего Гулчара стала послом Мехмета, а после 1603 года его сына Ахмеда I к шаху Аббасу. Между тем в Картли на престол возшел сын Симона, Гиорги X, который, в надежде выкупить отца из Константинополя, довел казну и феодалов до полного обнищания. Гиорги даже послал заложником к султану собственного сына, тринадцатилетнего Давита. На европейцев при оттоманском дворе Давит произвел впечатление «чрезвычайно красивого молодого царевича», но оттоманы отказались взамен освободить царя, несмотря на то что премьер-министром (*капуджыбаши*) незадолго до того стал грузин по происхождению Мехмет-паша Гюрджю. Когда в первый раз Гулчару отправили на озеро Севан на встречу с шахом Аббасом, ей разрешили взять с собой деда, царя Симона. Но советники Ахмеда I раздумали, сообразив, что Симон может открыть иранцам оттоманские тайны, и на полпути отозвали его в Йеди-Кюле. Гулчара ошеломила европейских послов в Константинополе своей «красотой, величием и красноречием»: они заключили, что «в Грузии вся политика сосредоточена в женских руках». После нескольких дипломатических путешествий и многочисленных нападков со стороны Аббаса в 1612 году Гулчара одержала победу над воинственными турецкими придворными и уговорила султана принять обновленный Амасийский трактат 1555 года, по которому оттоманам запрещалось вмешиваться в дела Картли и Кахетии¹³⁴. Дипломатию Гулчары можно считать прогрузинской, но царь Симон не дожил до нового договора. Протомившись в Йеди-Кюле еще дольше, чем в Аламуте, семидесятичетырехлетний царь умер в 1611 году. Оттоманы вернули в Картли его тело; выкуп же не отдали. Судьба Гулчары неизвестна.

Начало нового века оказалось концом не только картлийского царя Симона, но и кахетинского царя Александрэ. В октябре 1601 года он заболел лихорадкой и пролежал трое суток почти бездыханным. Старший сын Давит возшел на престол, а младший Гиорги

134 Svanidze M. [Sakartvelo-osmaletis urtiertobis ist'oriidan] (XV–XVII ss.). Tbilisi, 1971; Svanidze M. Une ambassadrice géorgienne (sur l'histoire du traité de paix turco-persan de 1612) / Trad. G. Charachidzé // Revue des études géorgiennes et caucasiennes. 1988. № 4. P. 109–125.

согласился стать наследником. На банкете братья поссорились, и Давит испугался, что Гиорги собирается его убить. (До тех пор Давит политикой не занимался: он прославился тем, что перевел персидскую поэму *Калила и Димна* .) Александрэ вдруг встал с постели, но Давит престол не уступил и заставил отца постричься в монахи. В июле 1602 года царь Давит с отцом-монахом приняли Ивана Афанасьевича Нащокина и Ивана Леонтьева, послов царя Бориса Годунова, и еще раз поклялись в верности русскому царю. Как только послы уехали, Давит убил семнадцать феодалов, сторонников брата Гиорги, выбросив двенадцать из окна замка и обезглавив пять. Сам Гиорги сбежал в Мцхету, но Гиорги X, новый царь Картли, сдал беженца кахетинцам, и Давит заточил его в замке Торга. Терпение Александрэ лопнуло, когда Давит зарубил человека, укрывшегося в церкви, и бывший царь торжественно проклял сына. 21 октября 1602 года отцовское проклятие возымело действие, и Давит умер, возможно, от газовой гангрены. Александрэ сменил монастырь на престол и освободил наследника Гиорги. (Кетеван, вдова Давита, побоявшись, что Гиорги отомстит, отправила своего сына Теймураза в Иран на попечение шаха Аббаса.)

Шах Аббас возмутился, когда русский посол в Иране заявил, что Кахетия стала вассалом России, и попросил, чтобы шах вернул в Кахетию сына Александрэ II Константинэ, который едва помнил свою родину. Летом 1603 года между Ираном и Турцией в очередной раз разразилась война. Теперь шах Аббас, сделав своих диких туркменских *кызылбашей* вспомогательными войсками, располагал надежной армией из *гуламов* , главным образом иностранцев, очень часто плененных в Закавказье, вооруженных современными ружьями и обученных европейскими офицерами. Иранцы быстро вернули себе Тебриз и Нахичевань и начали осаду Еревана. Война послужила шаху предлогом, чтобы потребовать от царей Александрэ и Гиорги X подкрепления. Гиорги X согласился и получил в знак благодарности две деревни в Гилане и 300 золотых туманов; Александрэ же боялся попасть в западню, хотя принял вызов из Ирана из рук собственного сына Константинэ. Константинэ убедил отца, что надо подчиниться. В Иране шах встретился с кахетинским царем; оба скрывали взаимное недоверие за комплиментами и подарками. Александрэ получил 700 туманов, но его заставили отдать Саингило, большую часть Юго-Восточной Кахетии, которую шах заселил туркменами. К 1604 году иранское нашествие пришло к концу: оттоманские силы в Эрзуруме и Карсе оказались неожиданно сильными. Шах отпустил царя Гиорги X и арагвинского князя Нугзара в Картли, чтобы там укрепиться; Александрэ он оставил в Иране и не спускал с него глаз.

В 1604 году новые русские послы в Кахетии, можайский наместник Михаил Татищев и дьяк Андрей Иванов, принесли новому царю Гиорги обнадеживающую весть: под командованием воеводы Афанасия Бутурлина русские войска собирались напасть на дагестанского шамхала и царь Борис Годунов искал грузинского жениха для царевны Ксении и грузинскую невесту для царевича Федора. Послам показалось, что для этого подойдут дети покойного Давита – Теймураз и Эленэ. Гиорги с радостью принял предложение: «Нам грозят ножи султана и шаха... Придите и спасите нас». Все, что Татищев мог дать, – это сорок казаков, чтобы подкрепить кахетинскую армию. Династические браки оказались неосуществимы, так как посланник шаха Аббаса уже прибыл в Кахетию и готовился отвезти обоих детей в Иран, где Теймураз станет заложником, а Эленэ очередной грузинской женой Аббаса. Кахетинские феодалы раскололись на две фракции, проиранскую и прорусскую. Хотя никто не предвидел скоропостижной смерти Бориса Годунова и начала Смутного времени, многие почуяли, что Россия по сравнению с Ираном будет ненадежной опорой. Теймураз и Эленэ уехали в Иран; на новый, 1605 год тем не менее Татищев и Иванов приняли от Гиорги клятву верности обреченному русскому царю.

В 1605 году шах был так одержим оттоманской угрозой, что освободил Александрэ, но отпустил кахетинского царя только в сопровождении сына Константинэ, которому, судя по всему, шах приказал убить отца, если тот покажется изменником по отношению к Ирану. По приказу шаха царь и царевич обязались, как только вернутся, повести армию против прооттоманского Ширвана, правителем которого затем будет назначен царевич Константинэ.

В марте 1605 года Александрэ и Константинэ прибыли в Кахетию: Константинэ настаивал, чтобы сразу напали на Ширван; Александрэ же медлил, надеясь, что русская армия пробьется в Кахетию. 12 марта рано утром, когда еще готовились принять русских послов, Константинэ вместе с офицерами *кызылбашами* ворвались в царские терема и потребовали, чтоб Александрэ и царевич Гиорги пришли на заседание военного совета. Константинэ обругал отца и брата за колебание, обнажил меч и отрубил брату голову. Царь Александрэ вмешался, но и его зарубили, вместе с руставским епископом, братом епископа и пятью другими феодалами. Судя по докладу ошеломленных русских послов, в последующих стычках погибло не меньше 700 человек. Чтобы доказать свою верность Ирану, Константинэ послал шаху Аббасу головы отца и брата, тела же он похоронил в монастыре Алаверди. Пока послы как можно быстрее собирались, Константинэ приводил смягчающие обстоятельства: «Отец и брат меня умышляли убить или зельем окормить; и за то над ними так и сталося... Отец мой и брат убиты – не по шахову приказу, нашею меж себя рознью с братом моим с Юрьем. А то в нашем роду – не ново, издавна ведется: отец мой извел отца своего, а моего деда, а брата своего убил [здесь ошибка переводчика: Константинэ имел в виду своего правнука Злого Гиорги. – Д. Р.] А я ныне так учинил; и сам не ведаю – добро ль то будет, худо ль». Царевич винил отца за то, что его послали в Иран и заставили отречься от Христа. Агент шаха Махмет-бег рассказал послам: «А накануне убийства царевич Константин, сын царя Александра, плакал всю ночь. <...> Он думал, «если убью отца, от Бога погибну; если не убью, шах меня убьет»¹³⁵.

Новый царь не захотел клясться в верности России: послы уехали в Картли, и там Гиорги X также отговаривался от клятвы, хотя сам пригласил послов, под предлогом, что в любой момент вспыхнет война с турками. Татищев и Иванов уже рассматривали другую Эленэ, родственницу, как возможную невесту: министр царя уверил их, что она «отлична красна и возрастом не мала; а лет ей 10, толко растунива», но на вид она оказалась «толко тоненка рожаем добра, а не отлична красна». Предложили и жениха, Александрэ из Имеретии «лицом добр и возрастом не мал». Гиорги X, отказавшись поклясться Борису Годунову, не дал послам увезти Эленэ; зато он разрешил им довести до границы другого жениха для царевны Ксении, Хосро, «которого вскормила мать царя как родного брата... по турски горазд, а веры крестьянские греческого закону и грамоте по-грузински горазд, а лет ему 23 годы <...> добр, а не отличен», как описывают его послы. Но послы не дошли и до долины Арагви, как царь Гиорги отзывал приемного брата Хосро и своих послов, архиепископа Теодосэ и *азнаури*, спутников Татищева и Иванова. Гиорги X больше всего боялся навлечь на себя гнев шаха Аббаса, которому он в 1603 году помогал завоевать Ереван и который подарил ему иранские поместья в обмен на одну долину в Лоре.

Когда русские послы вернулись в Москву, Борис уже умер и престол занял Лжедмитрий. Следующий русский посол был убит волжскими разбойниками. Русская дипломатия провалилась, оставив Картли и Кахетию на произвол все более беспощадного шаха Аббаса.

13

Царь Теймураз I

*Теперь меня удивляют замечательные мои достижения,
Как мудрецы советуют, я смело прикладывал руку к делу,
Хотя мне так хотелось залиться горестными слезами,
Требуящими красноречия самого святого Иоанна Лествичника.*
Царь Теймураз I. Мученичество царицы Кетеван

135 Russian Embassies to the Georgian Kings 1589–1605 / Ed. W.E.D. Allen. L., 1970. P. 454–468 («Parricide in Zagem»); *Javakhishvili I.* [Kartveli eris ist'oria]. Tbilisi, 1953. Vol. 4. Ch. 2 ([urtiertoba rusetsa da sakartvelos shoris XVII sauk'uneshi]); *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып I. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 487–488.

После убийства кахетинского царя Александрэ Восточная Грузия распалась. В 1605 году русского воеводу Афанасия Бутурлина и его армию истребил дагестанский шамхал и турецкие подкрепления; Россия надолго отступила из Закавказья. Отправив двоюродного брата Баграта в бесполезную миссию в Москву, царица Кетеван, целеустремленная вдова царя Давита, заказала убийство своего зятя-отцеубийцы Константинэ. Тот уже находился в Ширване, куда по приказу шаха Аббаса он привел 10000 иранцев и кахетинцев на битву с оттоманами, отчаянно защищавшими город Шемаху. Кахетинские мятежники ворвались в палатку отцеубийцы; Константинэ мечом пробил себе путь и сбежал в Ардабил, пока турки штурмовали его штаб. 22 октября Константинэ вернулся из Ардабила с подкреплениями от шаха, но кахетинцы и картлийцы подстерегли его у реки Белакнис-Цкали и убили.

Разгромив армию Синан-паши у озера Урмия, весной 1606 года шах собрал в Карабахе новую армию. Там царица Кетеван попросила его засвидетельствовать ее шестнадцатилетнего сына Теймураза как царя Кахетии. Не подозревая, каким строптивым вассалом станет молодой царь, Аббас «благословил» его. Чтобы обеспечить будущее Теймураза как царя всей Грузии, Кетеван женила его на Ану, дочери Маamia *гуриели*. Молодых обвенчали по политическим соображениям, но Ана дала Теймуразу единственные счастливые годы его жизни.

Аббас был озабочен покорением Картли, чтобы страна не искала, подобно Кахетии, покровительства у России. В том же году от укуса пчелы умер в своем летнем дворце Гиорги Х. Аббас сразу двинулся на север, очистил Лоре и Дманиси от турецких гарнизонов, заставил тбилисский гарнизон сдаться и назначил правителем столицы Дели Махмед-хана. Картлийская знать попросила Аббаса утвердить на царство единственного сына Гиорги Х, четырнадцатилетнего Луарсаба. Как Теймураз, так и Луарсаб показался шаху сговорчивым подростком: Аббас согласился и отступил в Ширван.

Молодой кахетинский царь Теймураз сразу начал вести себя вызывающе: он запретил своей армии помогать Аббасу осаждать Шемаху. Его мать Кетеван в то время жила в шахском дворце. Она предложила Аббасу тысячу собственных гвардейцев (Аббас отказался). Однако в 1608 году картлийский царь Луарсаб II заслужил одобрение шаха, напав на турок в Самцхе: его подстрекала бабушка Эленэ, вдова Манучара II, последнего самцхийского атабага. Прожив уже двадцать пять лет в лесах, Эленэ надеялась с поддержкой шаха и Луарсаба возвести сына, Манучара-младшего, на атабагский престол. (Несколькими годами раньше она обсудила этот план в Исфахане с португальским дипломатом Антонио де Гувей¹³⁶, шахом и кахетинским царем Александрэ.) Хотя молодой Манучар ютился у шаха Аббаса, тот фактически отказался помочь Эленэ, хотя она предлагала Аббасу суверенитет над Самцхе. Кампания Луарсаба не удалась: картлийцы и армяне только на короткое время захватили Ахалцихе, и Эленэ пришлось бежать в Картли.

Оттоманы назначили правителем Самцхе Юсуф-пашу, мусульманского грузина, и сурово наказали Луарсаба за его рыцарство. В июне 1609 года паша направил в Южную Картли крымских татар – «мужчин в волчьих шкурах»¹³⁷: они чуть не поймали Луарсаба в его летнем дворце, но взятый в плен священник, которого татары заставили показать им путь, нарочно ввел захватчиков в заблуждение, за что был подвергнут пыткам и обезглавлен. Царю Луарсабу помогал новый человек, губернатор Тбилиси и военный гений Гиорги Саакадзе: несмотря на большие потери, Луарсаб и Саакадзе оттеснили татар до Ахалцихе. Разгромленные татары, торопливо сколотив мосты через Куру, очутились лицом к лицу с конницей Саакадзе, которая перешла реку вброд и в битве при Ташикари раздробила ружьями татарские сабли. В доказательство своей доблести Луарсаб переслал шаху Аббасу

¹³⁶ Gouvea A. Relaçam em que se trata das guerras. Lisbon, 1611; французский перевод *Relations des grandes guerres*. Rouen, 1646.

¹³⁷ Munshi I. The history of Shah Abbas the Great. Boulder, 1978; Idem. *tsnobebe sakartvelos shesakheb*. Tbilisi, 1969. P. 73.

нерядовых пленников и отрубленные головы рядовых. Это произвело такое впечатление на шаха, что он убрал иранский гарнизон из Тбилиси и доверил город неограниченной власти Луарсаба.

Летом 1610 года шах пригласил Теймураза и Луарсаба вместе охотиться. (Хотя у Теймураза уже родились два сына, Александрэ и Леван, он больше увлекался охотой и пирами, чем политикой.) К тому же шах Аббас сделал своей наложницей сестру Луарсаба Тинатин. Отношения шаха с молодыми царями вскоре испортились. Разлад возник, когда Луарсаб стал слушать советы Гиорги Саакадзе. На двадцать лет старше и более просвещенный, чем царь, Саакадзе происходил из мелкой знати: его отец служил казначеем царя Симона¹³⁸; Саакадзе был убежден, что только развитая экономика и централизованная монархия могут объединить Грузию. Как опытный губернатор провинции (*моурави*), Саакадзе тревожил консервативных феодалов, создав свою политическую партию из так называемых «зависимых мужчин» (*мокидебулни кацни*), большую часть сторонников арагвинского и ксанского князей и князей Мухранбатони. В 1611 году, по некоторым источникам, царь Луарсаб женился на Макринэ, сестре Саакадзе: такое повышение Саакадзе взбудоражило картлийских феодалов, в особенности Шадимана Бараташвили, который убедил царя Луарсаба, что Саакадзе – агент иранцев. Луарсаб развелся с Макринэ и разрешил Бараташвили убить Саакадзе. 20 мая 1612 года Саакадзе заманили на охоту, но угрызения совести заставили одного из заговорщиков, Бааку Херхеулидзе, предупредить Саакадзе (за что Бааке потом отрезали нос). Пятьдесят лет спустя англо-французскому купцу Жану Шардену рассказали другой вариант: мать Луарсаба запретила ему жениться на Макринэ; Саакадзе упрекнул царя за то, что тот обходится с его сестрой как с наложницей, и возмущенный Луарсаб приказал, чтоб Саакадзе убили на банкете. Слуга шепотом предупредил Саакадзе, который сделал вид, что идет в нужник, и без седла галопом ускакал в Иран¹³⁹. Проведя десять лет в Иране, Саакадзе стал воспитателем наследника шаха, а Аббас тем временем копил злобу на Луарсаба.

У Теймураза разыгралась другая драма. У царицы Аны образовалась опухоль горла. Сорок суток она глотала только немного хлеба с коньяком; затем ее оперировали, но неудачно. 10 мая 1612 года сокрушенный горем Теймураз подарил 37 крестьянских дворов алавердскому монастырю за упокой души царицы. Теймураз, как и Луарсаб, теперь разлюбил охоту и отказался провести еще одно лето с шахом. Аббас отреагировал с яростью. Он вдруг настоял на том, чтобы овдовевший Теймураз женился на старшей сестре Луарсаба, Хорашан, несмотря на то что православная церковь запрещала брак с троюродной сестрой (кахетинский царь Александрэ приходился и Теймуразу, и Хорашан дедом). Таким образом Луарсаб и Теймураз оба стали шахскими шуринами.

Терроризируемые шахом цари начали понижать в должности или даже казнить таких проиранских феодалов, как Чолокашвили. Хотя мать Аббаса была грузинкой (как и пятеро его жен) и многие иранские генералы и правители иранских провинций (например, Имам Кули-хан Ундиладзе, который в 1624 г. подвергнет мучительной пытке Кетеван, мать Теймураза) были грузинского происхождения, шаха до такой степени взбесило неподчинение Луарсаба и Теймураза, что в его больной голове зародилась чудовищная мысль: переселить или истребить всех христиан в Кахетии и Картли и заменить их туркменами, таким образом создав преграду русской экспансии в Закавказье.

Западная Грузия уже не испытывала гнева шаха Аббаса. В 1605 году умер бездетный имеретинский царь Ростом; кутаисские феодалы венчали на царство его незаконнорожденного брата, Гиорги III, и сохранили мир в Западной Грузии: все правители были согласны, что только иранцы могут спасти их от турок. Маamia *гуриели* (с 1600 по

138 [Kartul-sp'arsuli ist'oriuli sabutebi] / Ed. V. Puturidze. Tbilisi, 1955. P. 36–37.

139 Chardin J. Voyage de Paris a Ispahan / Ed. S. Yerasimos. P., 1983. Vol. 1. P. 274–275; см.: Шарден Ж. Путешествие шевалье Шардена по Персии и другим странам Востока (сокращенный перевод). М., 1937.

1625 г.), выдав дочь Ану за Теймураза, был уверен, что иранцы будут его защищать; на всякий случай он дружил с Манучаром Дадияни и с мингрельской помощью отвоевал Аджарию у османов. Вся ирония грузинской политики XVII века состоит в том, что восток сопротивлялся иранскому владычеству, а запад искал иранской протекции от османского. Но даже когда Аббас воевал с Турцией, он не мог овладеть ни одним западным грузинским княжеством, так что Имеретии, Мингрелии и Гурии никто не помогал. Мамаи *гуриели* даже попытался завербовать запорожских казаков, которые переплывали Черное море и совершали набеги на черноморские прибрежные города. Безо всякого внешнего стимула Западная Грузия начала создавать свой собственный ад. В 1611 году Манучар Дадияни на охоте упал с лошади и погиб. Мингрельский престол унаследовал четырнадцатилетний Леван II Дадияни, который провел раннее детство в окружении деда, кахетинского царя Александрэ, а потом переселился в Мингрелию к дяде Гиорги Липаритиани. Уже тогда его необузданные страсти приводили страну в смятение.

В октябре 1613 года шах Аббас повел армию в Гянджу, уверив турецких послов, что уважает мирный договор, подписанный благодаря усилиям царевны Гулчары. Весной 1614 года стало ясно, что Аббас целится на Кахетию: он потребовал, чтобы Теймураз отдал обоих сыновей заложниками. Посовещавшись, Теймураз послал в Иран мать, Кетеван, и младшего сына, Александрэ; шах выразил свое неудовольствие. Кахетинцы послали и наследника, Левана. Когда же шах потребовал, чтобы явился и сам Теймураз, разразилась война.

Кахетинцам некогда было подготовиться к атаке. 21 марта 1614 года в Картли вторглась первая иранская армия под командованием Дели Махмед-хана, хорошо знакомого со страной; из Ширвана выступила вторая армия. Кахетинцы большею частью сдавались или разбегались. Не все кахетинцы доверяли Теймуразу после того, как он убил героя Каихосро Оманишвили, разгромившего дагестанских захватчиков и навлекшего на себя ревность Теймураза. Царские войска отступили через перевалы в Мухрани в Картли; к отступлению присоединился и царь Луарсаб, и обе армии искали убежища в Имеретии. Шах Аббас занял столицу Кахетии (тогда Греми), превратил алавердский собор в мечеть, конфисковал все ценности Теймураза и выслал 30000 кахетинских крестьян (те, кто выжил, занялись сельским хозяйством в Центральном Иране), сменив их мусульманами из Карабаха и Ширвана. Пятьдесят дней иранская армия грабила Кахетию. Аббас назначил мусульманина Иса-хана – марионеточным царем, а некоего Давита Джандиери – его визирем.

Вступив в Картли, Аббас занял крепости Гори и Сурами и призвал двух царей на переговоры. Теймураз наотрез отказался: тогда шах поручил ренегату Шадиману Бараташвили схватить царя. Из Гори шах угрожал и имеретинскому царю Гиорги III, что Имеретию он «будет бить кнутами и топорами» и лишит всего, кроме проса, если Гиорги не сдаст беглых царей. Правители Грузии продемонстрировали небывалое единство: в замке Гегути имеретинский царь, Леван Дадияни и Мамаи *гуриели*, посовещавшись с Теймуразом и Луарсабом, ответили: «У нас в Мингрелии есть не только кнуты и топоры». Католикос же настоял, чтобы все три правителя Западной Грузии послали вместе с ценными подарками более примирительное сообщение, напоминающее шаху, что турки могут считать его вторжение в Имеретию поводом к объявлению войны.

В отличие от Теймураза и Гиорги III Луарсабу казалось, что он сможет смягчить сердце Аббаса: сдавшись в октябре 1614 года, он спас Картли от катастрофы, поразившей Кахетию. Аббас увел Луарсаба с собой, сначала в Тбилиси, уже занятый иранским гарнизоном, а потом в Карабах, где шах даже пригласил Луарсаба на охоту. Но иранская разведка узнала от турок, что Луарсаб и Теймураз предложили султану примкнуть к ним, если разразится война между Ираном и Турцией. Луарсабу приказали принять мусульманство. Он отказался, и его заточили в суровой гулабской тюрьме под Ширазом.

Война между Ираном и Турцией, как и ожидалось, вспыхнула в мае 1615 года. Теймураз воспользовался случаем и послал агентов в Кахетию, чтобы задействовать народное негодование против иранских оккупантов. Восстанием руководил сам визирь, Давит Джандиери, перебежавший к Теймуразу: во время праздника он собрал в алавердском

соборе вооруженных «паломников», которые перебили гарнизон *кызылбашей*. В то время царь Теймураз вел маленькую армию из гурийцев и мингрельцев через Северную Картли, чтобы встретиться с Джандиери на реке Арагве, тогдашней кахетинской границе: грузины начали воевать с иранцами по всей Кахетии и даже в Ширване. Но турки отложили вторжение, и Аббас смог собрать 15000 солдат и подавить грузинское восстание: Али Кули-хан вышел из Тбилиси в Цицамури, где проходила единственная дорога, по которой Теймураз смог бы убежать в Имеретию. Грузины в шахской армии передали Теймуразу иранский план действий: царь перешел реку Арагву и, набросившись на лагерь Али Кули-хана, разгромил иранцев, утопил многих в Арагве и Куре и увез так много добычи, что «один верблюд продавался за одну *абазу* (серебряную монету в четыре грамма)». Тем не менее победа ни к чему не привела: никакой поддержки извне Теймураз не получил, и в 1616 году Аббас собрал из своих мусульманских вассалов, особенно дагестанцев, карательную экспедицию. Разбежавшись по лесам, кахетинцы копали рвы и строили валы около своих укрытий, уничтожали паромы и мосты, но иранцы, подобно сельджукам и монголам, превратили страну в пустыню. Затем Аббас назначил сына Дауд-хана, Баграта, марионеточным царем Картли; и, введя армию в Кахетию, он наказал народ «вторым пришествием» за упрямство Теймураза. Не дожидаясь, пока дороги будут перекрыты, Теймураз со своими приближенными устремился в Имеретию.

После того как Теймураз бежал, турки напали на Иран и заставили Аббаса повернуть на юг, чтобы защитить Эрзурум, Карс и Ереван. Кахетия вздохнула с облегчением, но ненадолго. Оттоманское вторжение было оттеснено: наступило перемирие. Когда зимой 1616/17 года кахетинские беженцы плелись домой через сугробы, они натыкались на иранских солдат; несчастных этих грузин, а их были тысячи, сослали в Иран или поработили и отправили в Дагестан. Считается, что около 100000 кахетинцев погибло и вдвое больше было депортировано: в Кахетии осталась всего лишь треть бывшего населения. Весной 1617 года возвращавшихся беженцев опять захватили. Аббас разделил Кахетию на две части. Восточную, на востоке от реки Иори, он слил с Гянджей и отдал Пейкар-хану; западную, под управлением Баграт-хана, он присоединил к Картли. На опустевших полях паслись бараны туркмен. Аббас уехал в Картли, чтобы завербовать новых солдат.

Беспорядочное правление Баграт-хана, восседавшего в Болниси и влиявшего на события только в Нижней Картли, обескуражило страну: картлийцы предпочли непосредственную иранскую власть. Представитель шаха Гиорги Саакадзе вместе со своим родственником Бежаном Саакадзе, душеприказчиком и самым доверенным человеком шаха, успокоили феодалов, отговорили иранских солдат от зверств и даже спасли кахетинцев из Хорнабуджи от переселения.

В это время Западная Грузия отбивалась от оттоманской агрессии. Турки блокировали черноморские портовые города, чтобы лишить грузин соли и железа. В 1614 году Гурия и Мингрелия попросили султана смягчить условия, но султан посадил посланников. В конце концов, 13 декабря 1614 года Омар-паша вместе с миссионером Лодовико Гранджеро встретились в Батуме с Мамия II *гуриели*, и в обмен на дань турки освободили Гурию от блокады. Через несколько месяцев Мингрелия, Абхазия и, судя по всему, Имеретия договорились с оттоманами, но ежегодные подати – четверть куруша (6 граммов серебра) с каждого семейства (абхазы же платили гончими и соколами), не говоря о кипах ткани и десятках молодых рабов и рабынь – сделали народ нищим. Единственное, чего Мингрелия и Гурия добились от турок, – запрет оттоманам вторгаться с оружием. Объединенные общей бедой два княжества и Имеретинское царство забыли распри. В 1616 году запорожские казаки совершали набеги по Южному Черноморью: есть сведения, что казаки высадились в Мингрелии и послали 40 человек, чтобы разведать путь в Иран. Казаки с той же охотой грабили православных гурийцев и мингрелов, что и мусульманских турок: поэтому, по-видимому, имеретинский царь предал 40 казаков-разведчиков туркам, которые их обезоружили.

Теймураз уже находился на западе и оттуда в 1618 году перешел в Турцию, получив обещание от Халил-паши, что турки не только освободят и восстановят Кахетинское царство, но и подарят ему ряд самцхийских крепостей. Поэтому Теймураз объявил, что сольет кахетинскую армию с оттоманскими войсками. Однако турецко-иранский договор 1619 года возобновил Амасийский трактат 1555 года, запретив вмешательство одной стороны в сферы влияния другой и, таким образом, включение кахетинцев в состав турецкой армии.

Уже в феврале 1616 года Теймураз, не зная, что Россия еще не оправилась от Смуты, отправил письма царю Михаилу Федоровичу: правители Кахетии, Гурии, Имеретии и Мингрелии, намекал он, объявили солидарность и просят российского царя защитить христианских царей от иранского гнета. Теймураз знал, что солдат Россия прислать не сможет, но попросил «велети б шаху хотя б отписати от нас»¹⁴⁰. Прямого ответа Теймураз не получил: русский сотник Надобный, услышав о нашествии шаха Аббаса, дальше Терек-города не пошел. Но в Исфахане русский посол потребовал от шаха Аббаса, чтобы он восстановил Теймураза и Луарсаба в их правах, таким категоричным тоном, что шах разъярился¹⁴¹.

За этот демарш Теймураз и Луарсаб были жестоко наказаны. В 1620 году Аббас кастрировал обоих сыновей Теймураза: Леван умер почти сразу, а Александрэ сошел с ума и потом умер. В 1622 году Аббас приказал, чтобы Луарсаба задушили тетивой, и затем развелся с Тинатин, сестрой Луарсаба, и выдал ее за вице-регента Пейкар-хана. Матери Теймураза Кетеван Аббас приказал обратиться в мусульманство; отказавшись, она подверглась 22 сентября 1624 года неопишным пыткам и смерти. Царицу утешал августинский миссионер Амброджо, так как Аббас уже в 1619 году казнил ее базилианского духовника Мосея, заклеив его прелюбодеем. В 1628 году августинцы привезли к Теймуразу на похороны ее голову, сердце и сгусток крови¹⁴².

Договор 1619 года не разрешал Турции помогать Теймуразу. Мнительность параноика-шаха распространялась на всех. Аббас вызвал к себе Гиорги Саакадзе и Зураба, князя Арагви, и взял в заложники Паату, сына Саакадзе, и жену Зураба. Саакадзе подружился с Зурабом, пообещав отнять у Пейкар-хана новую жену Тинатин, сестру Луарсаба, и выдать ее за Зураба: таким образом Зураб станет шурином царей и Картли, и Кахетии. Но Теймураз решил, что лучше связать Зураба с собой, чем с Саакадзе, и заставил Зураба жениться на своей юной дочери, царевне Дареджан, несмотря на то что царица Хорашан презирала зятя нецарского происхождения.

Шах Аббас хотел окончательно решить грузинскую проблему: как только Пейкар-хан в 1625 году намекал, что кахетинцы готовятся восстать против иранцев, шах появился в Картли, будто бы приведя невесту со свадебной свитой, – приехали двенадцать ханов, внука шаха, Джехан-Бану, которую шах сосватал картлийскому царю, Симон-хану, назначенному после смерти Баграт-хана в 1619 году. Но за свадебной свитой весной последовали войска Аббаса: они собрались в пограничном городе Мухрани, чтобы уничтожить всех мятежных кахетинцев. Иранский генерал Карчиха-хан призвал кахетинцев «на войну против Имеретии», затем сказал им, что не доверяет христианам в войне против христиан, и велел им разоружиться и разойтись по домам. Под предлогом, что генерал сначала будет раздавать

140 *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968. С. 61.

141 Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 / Сост. М. А. Полиевктов. Тбилиси, 1937. С. 41. Русские были заинтересованы в хороших отношениях с Ираном, который не являлся союзником против Турции, но разрешал беспошлинную торговлю с Россией и выдавал денежный заем разоренному российскому правительству, вследствие чего послам велели осторожно затронуть вопрос грузинской независимости.

142 *Avalishvili Z.* Teimuraz I and his poem «The Martyrdom of Queen Ketevan» // *Georgica*, 4. U. K., 1937. № 17; *Rayfield D.* Teimuraz I: the Greatest King among Poets, the Greatest Poet among Kings / Ed. H.-C. Gü nther // *Political Poetry across the Centuries*. Brill, 2016. P. 43–56.

подарки на прощание, кахетинцев повели в палатку, где их собирались казнить. Кахетинцы впали в панику и разбежались. Гиорги Саакадзе, тайком перебежав на сторону Теймураза, перехватил у шахского курьера письмо, приказывающее истребить всех вооруженных картлийцев, включая самого Саакадзе. Разоблачив иранский замысел, Саакадзе получил единогласную поддержку всей Картли и всей Кахетии. Саакадзе коварно посоветовал иранскому генералу Карчиха-хану раздробить войска на маленькие отряды и разослать их по всей Кахетии. После этого Саакадзе и его сын Автандил с картлийскими и кахетинскими феодалами без труда разгромили иранский штаб. 25 марта 1625 года, в день Благовещения, грузины одержали блестящую победу при Марткопи, к востоку от Тбилиси: армия Саакадзе и князя Зураба сокрушила 30000 *кызылбашей*, захватила арсенал и осадила тбилисскую цитадель до приезда марионеточного царя Симон-хана. Нового царя оттеснили на юг до Карабаха, а Пейкар-хана – на восток до Бардави. За несколько дней Картли и Кахетия целиком перешли в грузинские руки. (От иранских оккупантов остался только тбилисский гарнизон, но без питьевой воды.) В это время Теймураз в Гонио дожидался корабля, чтобы уплыть в Россию. Весть о марткопской победе заставила его срочно прибыть на восток, где его венчали на царство Картли и Кахетии. Иранские и турецкие летописцы были ошеломлены таким неожиданным переворотом не меньше самого Аббаса.

После грузинских успехов взбудоражились и другие иранские вассалы. У Аббаса случился припадок кровожадной мании, жертвой которой вскоре падут его собственные сыновья. Теперь он обезглавил сына Саакадзе, Паату, и отправил голову Пааты его отцу Гиорги, оставив тело воронам (тело в конце концов доставили в семейный мавзолей Саакадзе). Саакадзе отомстил шаху, послав ему головы нескольких *кызылбашей*, а оттоманскому великому визирю в Диярбакыре – живых иранских солдат. Саакадзе послал оттоманам и своего сына Иорама с предложением сотрудничества, но турки, решив, что важнее захватить Багдад, чем помочь победоносным грузинам, не поддавались уговорам.

В июне 1625 года Аббас нанес Грузии ответный удар. Его армиями командовали ширванский и ереванский ханы и грузин Хосро-мирза, сын Дауд-хана, который скоро станет картлийским царем Ростомом. Иранцы разбили лагерь в Алгетской долине к юго-востоку от Тбилиси. Грузины стояли высоко в Коджорском ущелье. На военном совете Саакадзе предложил подождать в ущелье, слишком узком, чтобы иранцы могли развернуть свои войска. Но его советы отвергли Теймураз, епископы и старшие картлийские и кахетинские князья, желавшие в открытом поле вступить в бой с иранцами, пока те еще собирались. Битва при Марабде доказала, что Саакадзе был прав: когда грузинская конница бросилась на врага, ее скосили иранские артиллеристы, обученные английскими офицерами и защищенные валами и хорошо дисциплинированными рядами стрельцов: первый ряд стрелял с колен, второй – стоя, третий – верхом на лошадях, четвертый – на верблюдах. Только благодаря отчаянной смелости грузины все-таки прорвались; иранские солдаты были потрясены, увидев, как пал смертельно раненный ереванский хан Амиргуне. Победоносные грузины, разгромив *кызылбашей*, разграбили иранскую амуницию и провиант, но в тот момент подошла запоздавшая азербайджанская армия, которая, истребив грузинскую пехоту, оттеснила конницу в Коджори. Марабда оказалась пирровой победой. Картли и Кахетия потеряли 10000 человек, включая лучших воевод, Теймураза Мухранбатони, двух епископов, Давита Джандиери, девятерых братьев Херхеулидзе. Остаткам грузинской армии пришлось применить партизанскую тактику для спасения городов. Тем временем иранцы направились на кавказские вершины, чтобы найти высокопоставленных военнопленных, увезенных Теймуразом и Саакадзе. На обратном пути иранскую экспедицию порубили воины Саакадзе: из всех иранцев один лишь Хосро-мирза улизнул со своими пленными и присоединился к главной армии *кызылбашей*.

Выиграв все битвы, грузины проиграли войну. Иранцы подкупили недовольных феодалов, и Каихосро Бараташвили стал главнокомандующим Нижней Картли и губернатором Тбилиси. Проиранские епископы венчали Симон-хана на картлийское царство: Аббас признал Симона только после того, как он приехал к шаху в Карабах и принял приказ

преследовать Саакадзе и захватить крепости в Самцхе, принадлежащие Саакадзе. Потеряв половину войск, Аббас уже не мог напрямую властвовать над Восточной Грузией. Ему пришлось назначить вассалов и отречься от задуманного им очищения Грузии от христиан.

Несмотря на победы Ирана в 1624 году, часть Самцхе еще находилась в османских руках, и Саакадзе там нашел себе убежище. Атабаг Манучар III, разочаровавшись в шахе, перешел на сторону турок и разрешил дружине Саакадзе подстрекать враждебные Ирану силы на мятеж и даже напасть на Аспиндзу. Когда Манучар поехал в Константинополь, Саакадзе отправил с ним своих посланников. Султан Мурад IV, все еще озабоченный завоеванием Багдада, дал Саакадзе лишь двусмысленную словесную поддержку, но разрешил батумскому бегларбегу помогать грузинскому мятежнику и даже передал Манучару, что он не против, если самцхийским атабагом будет христианин. (В 1628 г. Манучар вернулся в Самцхе, но его отравил дядя Бека, который, в свою очередь, стал атабагом и принял имя Сафар-паша Чылдырский.) В 1626 году Саакадзе уехал в Имеретию совещаться с имеретинским царем Георги, мингрельским Леваном Дадияни и абхазским католикосом: им владела мысль о возможном грузинском единстве.

Единство Западной Грузии разрушила не политика, а прелюбодеяние. В 1620 году Александрэ, наследник имеретинского царя Георги II, отверг жену Тамар, на которой он женился лишь двумя годами раньше. Тамар была дочерью *гуриели* и отличалась, как пишет миссионер Цампи¹⁴³, «редкостной красотой»; Александрэ обвинил ее в прелюбодеянии с кутаисским купцом и отправил ее с сыном Баграмом к отцу в Гурию. *Гуриели* сильно обиделся и добился поддержки мингрельского Левана II Дадияни и абхазского князя. Этот антиимеретинский союз укрепился в 1621 году, когда сестра Левана, Мариам, вышла замуж за Симона, сына Мамии *гуриели*, и сам Леван женился на Тамунии, дочери абхазского князя Сетемана Шервашидзе. Отрезанная мингрельцами от моря, Имеретия голодала. Крупный имеретинский феодал, сварливый Паата Цулукидзе, прозванный *Цуцки* (дворняжка), поссорился с царем Георги, ущемившим его права; перебежав к Левану Дадияни, Паата стал мингрельским визирем. Георги собирался напасть на Мингрелию, когда 9 декабря 1623 года Леван нанес первый удар, изгнал царя Георги и взял в плен имеретинских феодалов. Леван восстановил старинный сельджукский и монгольский обычай: он освобождал военнопленных только за выкуп. Междоусобица в Западной Грузии вдруг стала доходным делом.

Если бы Леван не поссорился с абхазами, он смог бы овладеть всей Западной Грузией. Но Леван обвинил Тамунию в прелюбодеянии со своим новым визирем Цуцки, отрезал ей нос и уши и, отправив жену к тестю, вместе с войсками вторгся в Абхазию и разграбил страну. Затем Леван отравил двух сыновей, которых родила ему Тамуния; Цуцки же он не посмел убить, но поручил его своему зятю Мамии *гуриели*. Одержимый Леван затем похитил Дареджан Чиладзе, жену своего дяди и воспитателя, Георги Липаритиани. Даже мингрельское общественное мнение возмутилось. Георги Липаритиани надел траур и устроил символические похороны похищенной жены. Может быть, к счастью, Георги умер до того, как вспыхнула гражданская война¹⁴⁴.

Леван Дадияни искал судьбу: взбесив абхазского князя и имеретинского царя, теперь он встревожил *гуриели*: тот освободил Цуцки, уже собиравшегося сменить Левана его всеми уважаемым младшим братом Иосебом. К Левану подослали нанятого абхаза, который попытался воткнуть ему кинжал в спину, когда Леван перегибался через балюстраду. Но Леван выжил и выколол Иосебу глаза, конфисковав всю его собственность, кроме нищенской доли; задушив и четвертовав Цуцки, он выстрелил изувеченным трупом из пушки. Леван

143 *Zampi G. -M. Relation de la Colchide et de la Mingré lie // Recueil des voyages au nord. / J.F. Bernard. P., 1715. Vol. 7. (Благодарный Теймураз подарил августинцам несколько деревень и разрешил постройку католической церкви в Гори).*

144 *Lamberti A. Relazione della Colchide hoggi detta Mengrelia... Naples, 1654; Арканджело Л. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. М., [б. д.].*

второй раз разграбил Абхазию, увезя вместо денег борзых и соколов¹⁴⁵. В 1625 году Леван набросился на нового *гуриели* Симона, только что убившего спящего брата Мамию, и сказал ему: «Ты убил брата, поэтому больше не хочу быть тебе шурином: отдай мою сестру». Симон ответил не словами, а оружием, Леван взял его в плен, выколол глаза и через год отпустил. Симон постригся в монахи и уехал в Иерусалим; он жил до 1672 года и все время переписывался с бывшей женой Мариам, проживающей в Мингрелии с братом Леваном. Леван назначил *гуриели* брата Симона, абхазского католикоса Малакиа, и Гурия стала мингрельским вассалом, тем более что земли католикоса большею частью находились в Мингрелии. В любом случае Леван теперь провозгласил себя Леваном Дадиани и *гуриели*.

Только толстые стены кутаисского замка и отсутствие у мингрельской армии огнестрельного оружия спасали Имеретию от мингрельского завоевания. Чтобы отбиться от оскорбленных абхазов, Леван заставил почти всех работников своей страны, включая епископа, построить стену в семьдесят километров длиной от Черного моря до Кавказского хребта; стену сторожили стрельцы в деревянных башнях. После этого Леван то и дело совершал набеги в Имеретию, увозя скот и заложников на выкуп. Имеретия голодала, а Мингрелия, судя по описаниям Эвлии Челеби, преуспевала: в стране было шестьдесят больших деревень, и вдали от моря, куда оттоманы за податями ходить не смели, находились богатые виноградники и фруктовые сады. Султан Мурад IV, судя по всему, был очень доволен обнищанием Западной Грузии, которая уже не была в состоянии созвать 50-тысячную конницу против Турции. Чтобы Имеретия не оправилась от разорения, Мурад пообещал Дадиани послать турецкую конницу в обмен на чугун. Кроме обычных оттоманских налогов, по спискам Челеби, Западная Грузия ежегодно посылала в Турцию от сорока до пятидесяти юношей и девушек и тысячу пар шерстяных чулок.

Осажденный имеретинский царь Гиорги и свергнутый кахетинский царь Теймураз ничего, кроме моральной поддержки, не могли предложить друг другу. Теймураз уже не надеялся на помощь от турок или русских. Католические миссионеры в Гори, Греми и Тбилиси и Пьетро делле Валле, итальянский посол в Иране (который сблизился с грузинами, сосланными в Исфахан, и позже женится на осиротевшей дочери грузинских переселенцев), внушили Теймуразу дикую идею: он уговорит европейцев объявить войну его угнетателям. Сначала Теймураз воспользовался недовольством грузин, служивших шаху, но разочарованных убийством семьи Теймураза: среди таких диссидентов была семья Ундиладзе, включающая Алаверди-хана, губернатора провинции Фарса, имама Кули-хана – Шираза и Дауд-хана – Гянджи, не говоря о других, например эрзурумском Абазе-паше. К тому же Теймураз знал, что шах уже боролся с одной европейской державой, Португалией, за остров Ормуз, тогда ключевой торговый центр.

В ноябре 1625 года Теймураз отправил Николоза Ирубакидзе-Чолокашвили (известного в Европе, как Николас Эрбаки или дон Никефоро Ирбакес)¹⁴⁶ в Мадрид к испанскому королю, а потом к папе римскому. Теймураз писал: «Если христианские правители так решат, мы можем без труда свергнуть Султана... мы готовы пойти на Константинополь через Каппадокию... не в наших собственных интересах, а исключительно чтобы служить нашему Господу Богу... мы будем стараться, чтобы Ваше величество овладели константинопольским престолом». Теймураз дал понять, что он уже католик (посол принес подтвердительное письмо от патриарха Феофана), сможет развернуть 100000 солдат и захватить Ормуз для Испании. Теймураз не уточнял, против кого он хотел воевать – против турок или против иранцев. Он не учитывал того, что испанцы и папа римский были заинтересованы в хороших отношениях с Ираном, чтобы противостоять турецкой угрозе. Он не знал, что с помощью англичан шах уже отвоевал Ормуз у португальцев.

145 *Zampi G.-M.* Relation de la Colchide et de la Mingré lie // Recueil des voyages au nord / *J. F. Bernard.* P., 1715. Vol. 7.

146 *Ватейшвили Д. Л.* Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 1. С. 245–256.

Когда Ирубакидзе впервые встретился с испанским королем (они общались с помощью переводчика с греческого на испанский), он попытался убедить короля и государственный совет, которые уже знали о победе Теймураза и Саакадзе при Марабде, что можно серьезно отнестись к грузинской военной мощи. (Ирубакидзе вряд ли знал, что в 1626 году Теймураз и Саакадзе напали друг на друга в битве при Базалети.) Испанцы подарили Ирубакидзе 2000 дукатов, но отложили решение в долгий ящик: они будто бы сначала должны были узнать мнение папы Урбана VIII и неаполитанского и сицилийского наместников, а потом уже послать в Грузию послов, которые оценили бы обстоятельства. Приехав в Рим, Ирубакидзе понял, что его разоблачили: папа римский знал, что Теймураз остался православным. Папа римский Урбан VIII был хорошо осведомлен о положении в Грузии, во всем Ватикане Теймуразом заинтересовалась только Коллегия по распространению веры: следствием ее интереса была отливка грузинского печатного шрифта и издание первых печатных букваря, словаря и литургических текстов на грузинском языке¹⁴⁷. (Вместе с печатью появились первые признаки грузинского высшего образования: в 1650 году мингрелец Андреа стал первым грузинским докторантом в Риме, но через короткое время умер¹⁴⁸.)

В начале 1626 года Саакадзе и Теймураз опять начали воевать и очищать Картли и Кахетию от иранских гарнизонов. Их поддерживали не крупные князья, а мелкое дворянство; кампания оказалась такой удачной, что власть Симон-хана уже ограничивалась окраиной Тбилиси, и дагестанский шамхал прекратил набеги на Кахетию. Теймураз стал реальным правителем обоих царств, и единственной помехой, как ему казалось, были устремления и обаяние его союзника, Гиорги Саакадзе. Тот уже убеждался, что Теймураз не может объединить всю Грузию, и поэтому, связавшись с имеретинским царем Гиорги II, выдвинул сына Гиорги Александрэ наследником всех трех грузинских царств. Царь Гиорги и Саакадзе обменялись письмами о намерениях; царь сосватал дочь Хварамзе за Автандила, сына Саакадзе, и отправил через Самцхе подкрепления для армии Саакадзе. Посоветовавшись с Леваном Дадияни в Мингрелии и с католикосом Малакиа в Гурии, Саакадзе получил и их клятвенные грамоты. Среди картлийских феодалов Каихосро Мухранбатони (сам из Багратинов) и ксанский князь Иесэ соглашались с Саакадзе, но некоторые возненавидели чрезмерное честолюбие Саакадзе и приняли сторону Теймураза: зять Теймураза арагвинский князь Зураб с лучшими картлийскими воинами поддерживали царя. Яблоком раздора в конце концов стало соперничество царя Теймураза с царевичем Александрэ за престол объединенной Грузии.

Осенью 1626 года разразилась гражданская война. У озера Базалети в сорока километрах к северо-западу от Тбилиси армия Теймураза разгромила армию Саакадзе. Тот с семьей сбежал в Турцию, где два года прожил в надежде на сдвиг к лучшему: во второй раз он обратился в мусульманство, вследствие чего Мурад IV назначил его пашой Коньи. Но Саакадзе не переставал раздражать турок своим пристрастием к вину: 3 октября 1629 года Хюсрев-паша приказал, чтобы Саакадзе, его сына Автандила и сорок дружинников перебили под предлогом, что Саакадзе без разрешения отправлялся в Мингрелию.

Когда в 1629 году Ирубакидзе, обманутый Ватиканом, ограбленный в Константинополе, вернулся домой, история уже обошла его. Умерли и Гиорги Саакадзе, и шах Аббас. Внук Аббаса, шах Сефи, был обязан своим престолом грузинскому серому кардиналу, Хосро-мирзе, будущему царю Ростому. В Тбилиси властвовал назначенный Аббасом Симон-хан. Клан Ундиладзе, когда-то влиятельный, был уничтожен или сослан. Из сыновей Саакадзе только Иорам остался в живых: он в Константинополе напрасно дожидался испанских послов, которые туда даже не собирались. В 1630 году Пьетро делле Валле так же тщетно хлопотал за Теймураза перед папой римским.

147 Paolini S., Irbachi N. Dittionario Giorgiano e Italiano. Rome, 1629.

148 Lomsadze Sh. [Gviani shua sauk'uneebis sakartvelos ist'oriidan: akhaltsikhuri kronik'ebi]. Tbilisi, 1979. P. 78.

После Базалетской битвы Теймураз почувствовал себя победителем и, по молчаливому согласию, разделил Картли между собой (Гори и северо-запад) и Симон-ханом (Тбилиси и юго-восток): шах Сефи, который, похоже, свел к нулю политику Аббаса и избавлялся от сподвижников своего предшественника, даже признал Теймураза царем Кахетии. Избавившись от Саакадзе, Теймураз теперь заподозрил зятя Зураба в узурпации царской власти. В 1630 году Теймураз коварно уговорил Зураба нанять черкесского убийцу Гиорги, который должен был убить Симон-хана, пока тот спал. (Зурабу Теймураз пообещал в удел всю Триалети, а Зураб черкесу – поместье на реке Иори. В этом заговоре Теймураз потом признался, уступив церкви три деревни в знак покаяния.) Убив Симон-хана, Зураб похитил и царицу Джехан-бегум, но решил ее не насиловать, после того как Теймураз напомнил ему, что она – внучка шаха персидского. Затем Теймураз пригласил Зураба на обед и обезглавил его. Отправив голову зятя шаху Сефи, Теймураз сразу поймал двух зайцев: с одной стороны, он доказал, что, как верный подданный шаха Сефи и Хосро-мирзы (дяди Симон-хана), он лично не повинен в смерти Симон-хана; с другой стороны, он смог теперь выдать свою овдовевшую дочь Дареджан за имеретинского царевича Александрэ и таким образом объединить три грузинских царства.

У Хосро-мирзы, однако, были свои планы: он убедил шаха Сефи отдать кахетинский престол не Теймуразу, а ему, переименовавшемуся царем Ростомом. Даже в Иране оспаривали права новоиспеченного царя Ростом: Алаверди-хан Ундиладзе, губернатор Фарса, выдвинул собственного сына, Дауд-хана, карабахского бегларбега и брата ширванского имама Кули-хана. Теймураз присоединился к Дауд-хану, и вместе они разорили Карабах и Барду, где дожидались подкреплений, обещанных армянским католикосом, родственником Дауд-хана. 40000 армянских христианских войск, которые в семь дней освободят Закавказье, оказались мифическими. Теймуразу пришлось ограничиться грабежом; потом он вернулся в Гори вместе с Дауд-ханом, армянским католикосом и вещевым обозом. Рассерженный шах Сефи казнил имама Кули-хана Ундиладзе и потребовал, чтобы Теймураз отдал второго Ундиладзе, Дауд-хана, в обмен на прощение. Но Теймураз помог Дауд-хану бежать в Турцию и навлек на себя гнев и шаха Сефи, и царя Ростом, который в 1632 году взойшел на картлийский престол. (Кахетию тем временем узурпировал Селим-хан: в его армии служило большое число грузин.)

Очутившись в Гори без царства и без подданных, Теймураз затеял переговоры с миссионерами-театинцами. Он требовал не духовного утешения, а 13000 пиастров, которыми они, по его предположению, располагали, чтобы купить оружие. Он намеревался бежать в Имеретию, хотя на нее уже опять нападал Леван Дадияни, и Ростом отправил 2-тысячную конницу, чтобы схватить беглого царя. Тем не менее, по записям горийских миссионеров, 18 февраля 1633 года Теймуразу удалось бежать в Имеретию.

В Тбилиси Ростом старался всем понравиться: он, как и Симон-хан, объявил себя мусульманским царем, который, однако, будет защищать Картли и христианство от иранского и мусульманского вмешательства. Будучи не только мусульманином, но и сыном наложницы Дауд-хана, Ростом оказался вдвойне незаконнорожденным. Хуже того, при вступлении на престол ему было уже 67 лет и, несмотря на первый брак с грузинской княжной Кетеван Абашишвили и на второй брак в 1633 году с Мариам, сестрой Левана Дадияни, у него не было наследника. Ростом добился любви народа своей терпимостью и деликатностью: эти таланты помогли ему выкарабкаться из нищеты в правительственные верха шаха Аббаса; в Иране он дружил с Гиорги Саакадзе, свободно говорил по-грузински и покровительствовал искусствам. Сам шах Сефи смотрел на Ростом как на приемного отца, называя его «мой брат, грузинский *вали*». Таким образом, царствование Ростом с 1632 по 1658 год оказалось давно уже не виданным в Картли периодом мирного изобилия.

Ростом с самого начала проявил энергию: заново построил цитадель в Гори и оставил там гарнизон; заставил феодалов Внутренней Картли целовать ему ноги, разорив земли одного отказавшегося. Потом, в «достаточно уже разгромленной стране», он сменил иранских солдат более приемлемыми ширванцами, а назначенцев Теймураза –

возвращенцами из иранской ссылки. Крестьяне начали пахать и сеять. Политике Ростом сопротивлялись очень немногие: Датуну, арагвинского князя, пригласили на мирные переговоры в Мухрани и убили (после чего Заал, брат Датуну, поклялся в верности Теймуразу).

Женившись с одобрения шаха на сестре Левана Дадияни, Ростом уже соперничал с Теймуразом, как возможный царь всей Грузии. Союз Картли с Мингрелией поощрял иранцев, надеявшихся завоевать Имеретию. Сефи был до такой степени восхищен браком Ростом с Мариам, что помимо свадебных подарков он заплатил Дадияни 50000 *марчилов* (около полутора тонн серебром). (Среди сватов был и дипломат Николоз Ирубакидзе, который привел вместе с женихом и горийских миссионеров, искавших в Гурии и Мингрелии новых приходов, более дружественных, чем в полумусульманской Картли.) Царь Ростом и Леван Дадияни намеревались одновременно заключить бракосочетание и начать вторжение в Имеретию, но имеретинский царь Гиорги стерег границу с Картли, и вооруженной свадебной свите Ростом пришлось объехать Имеретию и въехать в Мингрелию через Ахалцихе. Гиорги столкнулся с Дадияни по пути на бракосочетание, но проиграл битву 1634 года на мосту Кака под Багдати и попал в плен («мост Кака» теперь по-грузински значит «смертельно опасная западня»). В конце концов брак сестры с царем Ростомом сделал Левана Дадияни сказочно богатым. Иранцы боялись, что имеретинцы попросят помощи у русских, и поэтому подкупили Левана за 50000 *курушей* и ежегодную дань в 1000 туманов (30 кг золотом).

Теймураз тайно вернулся из имеретинской ссылки через Дагестан в кахетинский горный город Ананури. Там он собрал кахетинцев и мятежных картлийцев – арагвинского князя Заала и ксанского князя Иесэ. Но войска Ростом вскоре изгнали Теймураза. Тогда Теймураз предложил Ростому мир, а шаху Сефи в невесты – свою дочь Тинатин. В 1634 году Сефи был занят войной с Турцией, но тем не менее женился на Тинатин (потом, возмущенный двурушничеством Теймураза, он приказал, чтоб ее задушили). Став зятем шаха, Теймураз получил 1000 туманов серебром, роскошные халаты и, главным образом, возвращение на кахетинский престол. Тем не менее с 1636 по 1642 год Теймураз не прекращал попыток избавить Картли от Ростом: он даже в бане покусился на его жизнь.

Уже в 1635 году Теймураз опять воззвал к русским о помощи и подписал клятву в верности; он два раза посылал в Москву греческого священника Никифора, который «радеет день и ночь о нашей ыверской земле». Теймураз набросился на дагестанских Дидо, чтобы расчистить горные перевалы для русской армии, несбывшейся его мечты. В октябре 1637 года в Кахетию пришли два русских посланника, Ф. Волконский и А. Хватов, с заранее подготовленными ответами на предполагаемые вопросы Теймураза и с крестоцеловальной записью (клятвой в верности российскому царю). Они встретились с царицей Хорашан, так как Теймураз в то время воевал с арагвинским князем. В июне 1638 года, изнуренные сидением на хлебе и кислом вине, послы были приняты Теймуразом, который медлил с подписью клятвы, но требовал, чтобы русские срочно построили крепость с гарнизоном в 2000 человек, и заставили шаха вернуть ему Картли. Переговоры длились до весны 1639 года, так как Теймуразу часто приходилось уезжать на подавление мятежей. Теймураз подписал крестоцеловальную запись, не получив ни одной конкретной гарантии. В 1641 году, однако, Никифор вернулся из Москвы с «жалованной грамотой», переводчиком и двумя кречетниками с птицами. Теймуразу Россия пожаловала «для его скудности на ратных людей» 20000 ефимков (талеров) и «соболей на 2200 рублей», но отказала в отправке врача («дохтуры люди вольные») и рудных дел мастера («убытки будут немалые»). Теймураз еще надеялся воспользоваться оттоманско-иранской войной, но надежды рассеял очередной мирный договор 1639 года, опять разделивший Грузию, как Амасийский мирный договор 1555 года. Теймураз начал обдумывать возможность перемирия с Ираном и винил Левана Дадияни за то, что тот будто бы перессорил его со всеми – шахом, султаном, российским царем.

В этот раз срок мирного договора продлился (с перерывами) вплоть до 1723 года, отгородив Имеретию под оттоманской опекой от Картли и Кахетии под иранской опекой.

Имеретинский царь Александрэ, унаследовавший престол в 1639 году, уже не был в состоянии помогать тестю Теймуразу в Кахетии: к тому же Кутаиси осаждал ненасытный Леван Дадиани. Дадиани уже исповедовал католицизм и просил папу прислать еще больше миссионеров, но тем не менее воплощал собой все семь смертных грехов, кроме лени: он грабил Имеретию даже на Пасху и Рождество.

Самцхе, как и Имеретия, стала для Теймураза запретной зоной: Сафар-паша, несмотря на то что был Джакели по происхождению, то есть наследственным атабагом, с 1628 по 1651 год делал все от себя зависящее, чтобы провинция стала мусульманской. Сафар брал с христиан одну драхму за каждую душу, одну абазу за корову и два *шаури* за барана. Крестьяне либо эмигрировали, либо обращались в мусульманство, либо были убиты. Христианство становилось подпольной религией; церкви Самцхе превращались в мечети или разваливались. Выжил только грузинский язык. Христиане принимали мусульманство, чтобы не платить *харач* (налог на неверующих); некоторые, однако, стали католиками – католичество в отличие от православия пользовалось оттоманской протекцией. Тем не менее, судя по воспоминаниям таких путешественников, как купец Жан Шарден, в Самцхе жить было легче, чем за сто лет до этого или чем в тогдашней Имеретии. Даже христианские деревни жили мирной жизнью, уже недостижимой в остальной Западной Грузии, опустошенной войной. Грузины под оттоманской властью все-таки имели право и возможность ездить в Имеретию к родственникам и друзьям. Крепостное право в Турции было менее тяжелым, чем в Имеретии или Мингрелии: к тому же христианин в Самцхе, будучи турецким подданным, в отличие от имеретинца или мингрельца не подвергался опасности стать рабом. (Иногда, однако, в Самцхе происходили такие же беспорядки, как в Мингрелии и Имеретии: процветали известные злодеи, например семья Пирагия. Пирагия был священником, принявшим мусульманство и купившим у оттоманов наследственное дворянство в Джавахети. Последний Пирагия отверг жену и отправил ее к тестю, аджарскому атабагу, который затем пришел с армией, осадил замок Пирагия, Хертвиси, где бывший муж подорвался на бочке с порохом.)¹⁴⁹

Теймураз все боролся: в августе 1642 года приехал русский посол Мышецкий с жалованьем (6000 ефимков-талеров) и с живыми кречетами и соболями (на каждого кречета московское правительство выдавало на путь по голубю в день). Мышецкий был приглашен «на стол» в Кахетию и удивился тому, что придворные переоделись в персидские наряды при появлении посланца нового шаха Аббаса II с шахским жалованьем. Кахетинский феодал объяснил, «мы у кызылбашских людей живем в неволе. Только-де нам так не делать, и нам от кызылбашских людей и часу не жить». Теймураз признался Мышецкому: «Древняя у меня о том злоба в сердце, что землю мою всю шах разорил и меня изогнал»; если он не сможет остаться царем, то «побегу к великому государю к Москве». В том же 1642 году, вместе с кумом, католиком Эвдемозом Диасамидзе, Заалом Саакадзе и другими Теймураз уже замыслил убийство царя Ростом, пока тот отдыхал в деревне без телохранителей. Но один заговорщик проболтался, и Ростом заперся в Гори. Теймураз, переждав в Тбилиси, убежал в Кахетию; католика и других поймали. Ростом выколол глаза главным виновникам, а самого католика заточил в Тбилиси, прежде чем задушить и выбросить в окно. Чтобы справиться с Теймуразом и овладеть Кахетией, Сару Таки, главный визирь шаха Аббаса II, отправил племянника царя Ростом, Адама Султана Андроникашвили¹⁵⁰. Но жена и дочери Теймураза умолили Ростом простить Теймураза и его сторонников. Ростом назначил судью, чтобы разобраться в убийстве Симон-хана: судья вынес приговор, по которому Теймуразу пришлось откупиться *вергельдом* в три деревни. Этот приговор Теймураз оспорил: через год он взял назад свои деревни и изгнал чиновников Ростом.

149 Ахалкалакский уезд в археологическом отношении // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 1–136.

150 *Puturidze V.* [Mohamed takeris tsnobebi sakartvelos shesakheb] // [Masalebi sakartvelosa da k'avk'asiis ist'oriistvis]. Tbilisi, 1954. P. 375–425 (на груз. яз.).

Вспыхнули стычки, окончившиеся поражением Теймураза и смертью его единственного оставшегося в живых сына. Теймураз оказался без наследника, без царства и без сторонников. Феодалы хотели его поймать и сдать Ростому. Царица Хорашан умолила Ростом сжалиться и отпустить ее с Теймуразом в Алавердский монастырь. Ростом передал просьбу в Исфахан на рассмотрение. Тогда Хорашан попросила дать лошадь, ишака и охранную грамоту, чтобы они с мужем смогли уехать в Имеретию. Что руководило ответом Ростом — неизвестно: врожденное рыцарство, всепрощающая святость или мудрое соображение, что из Теймураза лучше не делать мученика. В любом случае царь Ростом пожаловал бывшим царю и царице 500 лошадей и ишаков и конвой в Имеретию под руководством нового католикоса Кристепорэ Амилахори. В 1647 году Москва напрасно послала в Иран гонца с просьбой «запретить чинить насилие, обиды и разорения подданному нашему грузинскому царю Теймуразу и всей грузинской земле». Несмотря на положительный ответ, не было для Теймураза спасения в Картли. Второе русское посольство, в этот раз прямо к Теймуразу, до Грузии не дошло: осенью 1647 года посольский корабль утонул, послы погибли, а имущество разграбили шемахский и дербентский ханы.

В 1648 году Теймураза приютил его зять имеретинский царь Александрэ, и Ростом стал признанным царем Картли и Кахетии.

14

Обездоленный Теймураз

Как только Теймураз приехал в Кутаиси, он уговорил зятя Александрэ, имеретинского наследника, усыновить его внука Гиорги, чтобы тот смог унаследовать престолы Имеретии и Картли-Кахетии. Затем Теймураз попытался разрешить двадцатипятилетний конфликт Имеретии с Мингрелией, поехав к Левану Дадияни в его столицу Зугдиди. Но Леван был неумолим. В 1634 году, захватив в плен царя Гиорги, отца Александрэ, он обменял пленника на бо2льшую часть имеретинских запасов серебра и золота и левый берег реки Цхенисцкали, без которого Имеретия стала беззащитной. Леван парализовал экономику Имеретии, переселив еврейских и армянских купцов из Кутаиси в Мингрелию. Имеретия оказалась на краю пропасти: Каихосро *гуриели* присоединил бы страну к Гурии, если бы имеретинские феодалы не возвели наследника Александрэ на престол, когда царь Гиорги был в плену у Левана. Дадияни взбудоражил не только имеретинцев: турок возмутили его связи с Ираном и с казаками-пиратами. Турки высадились в устье Кодора и ограбили монастырь Дранда, после чего Дадияни обещал платить дань и больше не воевать. Год спустя Дадияни отказался помочь туркам вторгнуться в Армению.

Вслед за Теймуразом Дадияни попытался наладить отношения с Москвой; но его посланника, монастырского настоятеля Габриэла Гегенаву, целых два года держали на Тереке, прежде чем пустить в Москву. В России Гегенаву приняли холодно, несмотря на его подхалимское послание, может быть потому, что Теймураз уже предостерег русских дьяков против хищнических навыков мингрельцев и гурийцев. В ноябре 1639 года Гегенава вернулся с двумя русскими послами, Федотом Елчиным и Павлом Захарьевым; они везли с собой, кроме разведочных инструкций, подробные ответы на любые вопросы, которые Дадияни мог задать, и текст клятвы в верности царю Михаилу. Леван целых шесть месяцев не принимал послов: он был в трауре по Дареджан, которая в этот раз действительно умерла. Русские послы объехали все церкви, построенные Леваном¹⁵¹; к счастью, они не умели читать надписи, в которых Леван хвастался убийствами и грабежами, оплатившими серебряные оклады.

151 Белокуров С. А. Посольство дьяка Федора Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиянскую землю (1639–1640 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских: В 2 кн. М., 1887. Кн. 2.

Леван был в самом деле набожным человеком: в 1635 году он подарил храму Гроба Господня в Иерусалиме икону, тридцать крестьянских семейств и большое поместье¹⁵². Иностранцы путешественники и миссионеры удивлялись противоречивому характеру Дадияни: корыстный Леван взял с монаха, просящего епископского сана, 500 экю; коварный Леван водил турок по горным тропинкам и самым бедным деревням, чтобы отговаривать их от обложения податями; жестокий Леван практиковал детоубийство и подвергал обвиняемых или подозреваемых увечью, пытке, испытанию огнем и водой, ордалии, или единоборством. В то же время он приглашал в Мингрелию еврейских купцов и греческих ремесленников, высоко ценил итальянских и французских миссионеров, особенно тех, кто был сведущ в медицине; неумоимо занимался судопроизводством и вникал в любую административную мелочь. Не подлежит сомнению, что Леван Дадияни был благороднее, чем некоторые его подданные: один мингрельский феодал обменял мать на турецкую лошадь; другой захватил, обрил, заковал в кандалы и продал в рабство двенадцать священников, чтобы купить себе невесту¹⁵³. Немудрено, что англо-французскому торговцу Жану Шардену, только что высадившемуся в Поты, миссионер Цампи объявил, что он приехал в «самую варварскую и порочную страну мира»¹⁵⁴.

Когда в 1639 году царь Гиорги умер, Александрэ вззошел на престол. Но его власть расшаталась, когда Дадияни взял в плен французского оружейного мастера и заставил его отлить тридцать пушек: кутаисские стены, которые Александрэ считал неприступными для мятежников и мингрелов, были пробиты. Судя по надписям 1646 года на иконах, заказанных Дадияни, в феврале этого года Александрэ беспомощно смотрел в окна своего замка на подожженную страну и слушал вопли пленников. Мамука, брат Александрэ, оказал сопротивление, его увезли в цепях в Мингрелию. Несмотря на ходатайство Теймураза в 1648 году, Александрэ пришлось отдать Дадияни и Баграта, своего сына от первой, отвергнутой жены. Мамука и Баграт провели много лет заложниками.

Молодой Гиорги, назначенный наследником Имеретии и Кахетии, умер в детстве. Александрэ и Теймураз не видели спасения, кроме как от России. Александрэ поэтому обещал вечно подчиняться России; он уверял русских, что от Черкесии, уже находившейся под протекторатом России, до Имеретии всего семь дней пешком. Со своей стороны, Теймураз просил русского царя похлопотать у шаха, чтобы положить конец его ссылке и преследованию кахетинских христиан. Оба царя еще ждали ответа, когда в 1651 году мингрельская артиллерия сокрушила Кутаиси и Гелати (тогда дворец епископа и будущего католика Закарэ Квариани, главного советника Александрэ). Мингрельцы захватили в плен сорок ссыльных кахетинских феодалов и нескольких стрельцов. Вернувшись домой, Леван Дадияни выколол глаза Мамуке (который умер в декабре 1653 г.). Двадцатью годами раньше картлийские феодалы избрали Мамуку следующим царем Картли и даже тайком провезли его из Имеретии в Картли. Поэтому Александрэ решил пожаловаться царю Ростому на изувечение брата. Ростом, несмотря на то что Леван Дадияни приходился ему шурином, вместе с царицей Мариам (сестрой Левана) торжественно проклял Дадияни за зверское преступление.

13 августа 1649 года Басилэ и Давит, послы двух царей, были приняты в московском Посольском приказе. Они передали письма (на нескольких языках, исключая русский) от грузинских царей. Теймураз говорил: «Только двадцать тысяч воинских людей пришлешь, и здешними местами всеми завладеешь... посади сестру свою царицею во здешних местах и владей ими» – и просил женить его внука Луарсаба на сестре царя, похлопотать перед шахом Аббасом II и финансировать отвоевание Кахетии; Александрэ просил прислать донских

152 *Какабадзе С. С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967. № 52.

153 *Lamberti A.* Relatione della Colchide hoggi detta Mengrelia... Naples, 1654.

154 *Chardin J.* Voyage de Paris a Ispahan / Ed. S. Yerasimos. P., 1983. Vol. 1. P. 177–178.

казаков и справиться с Леваном Дадияни, который «был раб мой... И ныне соединился с царегородским турецким салтаном». Оба царя клялись России в вечной верности. Александрэ уверял: «Царь Теймураз и царики – Твои. И я иного царя христианской веры не имею, опричь Твоего царского величества... Я раб Твоего царства, как и мои бояре, и весь мой народ, и вся земля...» Ничего не зная о сложной ситуации России, воевавшей со Швецией и с Польшей, цари ждали, пока в июле 1650 года два русских посла, Никифор Толочанов и Алексей Иевлев¹⁵⁵, не преодолели один из самых высоких осетинских перевалов и не прошли Сванетию и Рачу по пути в Кутаиси. Опасаясь оттоманского гнева, казаков послы не привели, но принесли текст клятвы («целовальную запись»). Послам поручили «государства его Меретинския земли осмотрити, и его, Александра царя, и ближних его людей привести к крестному целованью на том, чтоб ему, Александру царю, и детям его, и внучатам, и всему его Меретинскому государству быти под нашею царского величества высокою рукою в вечном подданстве». Послы также осмотрели святые места и серебряные прииски: они удивились, что «ходят в саблях в церковь и везде», одобрили изобилие фруктов, меда и меха и видели в Сканде «три пушечки». Александрэ радушно принял Толочанова и Иевлева. Царь «мешкал и государю крест не целовал и манил с недели на неделю», так что послы подкупили епископа Закарэ Квариани и двух феодалов 27 соболями, «сукном в 4 аршина да дороги [парчи] итого на 33 рублей, 42 алтына и восемь денег», чтобы добиться царской подписи. В октябре 1651 года Александрэ подписался за себя, сына и брата. От Левана Дадияни пришли люди с просьбой послать донских казаков в Мингрелию. Послов задержали до следующей весны, пока не открылись осетинские перевалы. С ними в Россию отправились имеретинский казначей Ломкац Джапаридзе и архимандрит Артемон. Имеретинская знать уже раскололась на три фракции: прорусскую, проиранскую и прооттоманскую. Теймураз не хотел отправлять в Россию старшего внука Луарсаба: «никому не отдам, ныне самому не о ком жить и души моей помянуть», но в 1653 году отправил младшего внука Эреклэ: путешествие было опасное, и Эреклэ вернется только через двадцать лет. В том же году в Москву приехала и делегация кахетинских горцев, сторонников Теймураза, – тушей, хевсуров и пшавов, жаловавшихся на безначалие в Кахетии и просивших русской протекции. Когда горцы в 1657 году возвращались домой с русским уполномоченным, они пересеклись с Теймуразом, уже едущим в Москву.

В Москве Эреклэ с молодой женой Эленэ пользовались любовью и почетом, о которых просил Теймураз в своих письмах: «Такой прекрасный царевич николи не бывал к вашему царскому престолу». (Теймураз также просил не давать Эреклэ «горячего вина», но разрешить носить грузинскую одежду.) Вследствие благоприятного впечатления, оставленного Эреклэ, в 1654 году русские послы отправились к Теймуразу, но не с войсками и пушками, которых он требовал, а с 6000 ефимками и 83 связками по сорок соболей в каждой. Приехав на Терек, однако, оба посла умерли. Через год было снаряжено второе посольство, которое застало Теймураза в Имеретии; опять они привезли подарки вместе с отказом в военной помощи и даже в ремесленниках.

Теперь Теймураз меньше, чем когда-нибудь, надеялся отвоевать Картли и Кахетию. Царю Ростому было почти девяносто, но он усыновил и назначил наследником правнука Луарсаба I, тоже Луарсаба. Картлийская знать не хотела принимать очередного мусульманского царя с персидским воспитанием: пуля, которая убила молодого Луарсаба во время охоты, вряд ли была шальной (подозреваемого убийцу приговорили к единоборству, ранили и заточили). Тогда выбор Ростом пал на Вахтанга Мухранбатони, тридцатипятилетнего главу этой ветви Багратидов: нового наследника отправили в Иран, где он снискал доверие шаха Аббаса II, обратившего его в мусульманство и переименовавшего Шахнавазом («любимец шаха»). Шахнаваз-Вахтанг V унаследовал картлийский престол в 1658 году, когда Ростом умер (тело похоронили в Куме, духовной столице Ирана). Кахетию

¹⁵⁵ *Полиевктов М. А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650–1652. Тифлис, 1926.

же Вахтангу V не дали: шах Аббас II назначил кахетинским правителем Селим-хана, который заселил страну сначала 15000 и потом 80000 туркменскими семьями, отведя для переселенцев лучшую землю и построив замки, чтобы защищать их. Тогда в Кахетии вспыхнуло восстание, которое распространилось на всю Восточную Грузию.

Обездоленный Теймураз в 1657 году сам поехал в Москву и обсудил свое положение с царем Алексеем Михайловичем, который деликатно разуверил свергнутого кахетинского царя. На обратном пути Теймуразу сообщили, что еще один внук, Луарсаб, погиб, а приехав в 1659 году в Кутаиси, он узнал, что овдовел. В следующем году умер его зять, имеретинский царь Александрэ. Душераздирающие потери – внука Луарсаба, царицы Хорашан, зятя Александрэ – парализовали Теймураза: он не выходил из летнего дворца в Сканда, а между тем новый царь Картли, Вахтанг V, вторгся в Имеретию и сверг вдову и пасынка Александрэ. Теймураза провозили пленником, пусть даже и почетным, по всей Картли в Иран ко двору шаха Аббаса II. Шах попытался обратить Теймураза в мусульманство, предложил ему мясо в постный день, а когда Теймураз отказался, плеснул ему в лицо вино и заточил его в астарабдскую тюрьму у Каспийского моря. Там Теймураз постригся в монахи и, отправив отчаянное письмо в Россию, в 1661 году умер.

Теймураз пережил двух жен, трех из четверых детей, двух из четверых внуков. От пятидесятилетней политической борьбы следов не осталось. Без дипломатического таланта и терпения его деда, кахетинского царя Александрэ, весь беспощадный ум Теймураза оказался бесполезным. В литературе, однако, Теймуразу удалось без посторонней помощи воскресить грузинскую поэзию. В мирные времена – в первые годы его царствования, в имеретинской ссылке – он переводил персидскую поэзию и сочинил глубоко прочувствованную поэму о мученичестве матери, Кетеван. Его диалоги в стихах, которые пели актеры в масках, развлекали русских посланников в Кутаиси и готовили почву для будущего грузинского театра. Творчество Теймураза стало эталонным для последующих кахетинских и картлийских царей, писавших стихи, в которых подражали его поэзии или обсуждали ее, но редко превосходили.

Замкнутый в Сканда или Астарбаде, Теймураз был свидетелем крушения Кахетии и Картли. Когда туркмены изнасиловали священника, арагвинский князь Заал, ксанский князь Шалва с братом Элизбаром, алавердским епископом, подняли горцев на восстание. Кахетинцы напали на Бахтриони, крепость Селим-хана, и перебили всех *кызылбашей* в окрестности, которая потом называлась Гацкветила («истреблено») в память этой акции. Картлийцы всех сословий принимали участие в этнической междоусобице. Бунтовщики почему-то пощадили лишь иранского губернатора, Муртазу Кули-хана в Агджакале, которого шах затем назначил правителем всей Кахетии. В мае 1660 года Вахтанг V приказал убить племянников князя Заала и послал его сыновей в Иран к шаху. Там они умоляли шаха пощадить их, но вместе с ксанскими братьями Шалвой и Элизбаром были замучены туркменами, родственниками их жертв в Кахетии. Борьба горских партизан – тушей, пшавов и хевсуров – не утихала; внук Теймураза, Эреклэ, то и дело пересекал русскую границу, чтобы поднять горцев в атаку. Шах даже призвал Эреклэ в Иран, намекая, что сделает его царем Кахетии, но Эреклэ отказался.

Как Симон, Ростом и другие цари, назначенные иранцами, Вахтанг V одолевал противников терпением и покровительством. Он предложил сыну заклятого врага, князя Заала, жениться на его дочери (шах велел Вахтангу выдать дочь за другого). В отличие от Ростом у Вахтанга V было много наследников: шесть сыновей и четыре дочери. Назначив в 1660 году собственного племянника Доменти Мухранбатони католикосом, он оказался мусульманином только на словах. В Тбилиси женщины покрывали лицо, но вино и свинина были в продаже; мечеть была спрятана в цитадели. Вахтанг был хорошо образован, избегал насилия и покровительствовал иностранным художникам, миссионерам, врачам, которым он платил вином или даже рабами. Царские врачи Эпифано и Рафаэлло ди Парма учились в Риме. Царь слушал итальянских и испанских певцов, смотрел выступления индийских актеров. Каждый год католические миссионеры обучали греческому, итальянскому и

грузинскому по 25 студентов и посылали лучших в Рим на усовершенствование. Монахи-капуцины часто приходили в дом царицы Мариам и построили церковь для прихожан¹⁵⁶.

Как только Вахтанг взошел на престол, он, по велению шаха, развелся с Руадам Капланишвили-Орбелиани, матерью будущих царей Арчила и Гиорги, и женился на бездетной вдове Ростома, Мариам. (Руадам прожила еще двадцать лет в монастыре.) Большой частью дети Вахтанга служили в управлении или в гаремах Ирана. Царица Мариам занималась грузинской культурой: именно она приказала собрать и отредактировать летопись *Жизнь Картли*. Вахтанг вообще угождал шаху и только раз ослушался, когда помог сыну Арчилу взойти на имеретинский престол. Это возведение нарушило мирный договор Ирана с Турцией, и шах был вынужден перевести Арчила, предварительно обратившегося в мусульманство, на кахетинский престол.

В Кахетии Арчил не стал марионеткой ни шаха, ни отца Вахтанга. Он сразу добился любви народа, отстроив разрушенные города и наведя страх на лезгинских угонщиков скота. В 1670 годах Арчил удивлял кахетинский и картлийский дворы неслыханным новшеством – театральными постановками собственного сочинения: либо воображаемых разговоров царя Теймураза с Руставели, либо победоносных битв, либо праздничных бурлесков. Главной задачей Арчила оказалась защита своей власти от претензий Эреклэ и от партизанства горцев. С помощью царя Вахтанга Арчил осадил замок Эреклэ, Торгу. Переодетая мужчиной, мать Эреклэ вышла из замка для переговоров с Вахтангом, после которых Эреклэ с матерью разрешили вернуться на русскую территорию. Сторонники Эреклэ не сдавались и чуть не убили и Вахтанга, и Арчила. После очередной битвы Вахтанг и Арчил воздвигли башню из тушских черепов; а после следующей Вахтанг выколол противникам глаза. Мятежные племянники Вахтанга сдались в плен, в знак покорности повесив на шею не веревку, а меч. Вахтанг их простил. Под надзором Вахтанга Арчил выбрал своей столицей не Грими, окруженный враждебными горами, а Телави в долине; чтобы подкрепить свое право на кахетинский престол, он женился на Кетеван, внучке Теймураза.

В 1666 году на иранский трон взошел шах Сулейман. В 1674 году он попросил Эреклэ, внука Теймураза, выехать из России, чтобы властвовать в Кахетии под иранским суверенитетом¹⁵⁷. Эреклэ приехал, но от христианства отречься отказался. Его задержали в Исфахане, и Сулейман передал Кахетию в управление *кызылбашам*. Отвергнутый шахом кахетинский царь Арчил решил претендовать на престол Имеретии и попросил своего дядю Луарсаба, зятя рачинского князя, который стал в Имеретии серым кардиналом, договориться с турками, чтобы те разрешили и даже поддержали войсками такой переворот. Отправившись в Западную Грузию и нарушив оттомано-иранский договор, Арчил возмутил шаха Сулеймана: тот винил Вахтанга за преступления сына. Вахтанг уже разгневал шаха своим чрезмерно решительным властвованием в Картли и Кахетии и протестами, после того как шах против его воли выдал Ануку, дочь Вахтанга и вдову шаха Аббаса II, за правителя Луристана. Сулейман окружил Тбилиси новой стеной: Вахтангу казалось, что он в западне, и он уехал из столицы. Тогда шах вызвал его в Исфахан; в сентябре 1675 года Вахтанг, не доехав до Исфахана, умер в Гяндже, и престол унаследовал второй сын, Гиорги.

Чтобы овладеть Картли, Гиорги XI пришлось отстранить тогдашнего губернатора Исфахана, младшего брата Александрэ. Гиорги обратился в мусульманство и принял имя Шахнаваз II. Надо было смягчить гнев шаха на брата Арчила и дядю Луарсаба за интриги в Имеретии, не говоря уже о семейных распрях после второго брака сестры Гиорги XI Ануки. Упрочив власть, Гиорги смог сокрушить цхинвальских осетин, которые не хотели платить податей. Затем как предыдущие мусульманские цари Картли, он стал сторонником

156 Chardin J. Voyage de Paris a Ispahan / Ed. S. Yerasimos. P., 1983. Vol. 1. P. 295–297.

157 Броссе М. - Ф. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861. С. 100; *Vakhushti* [Sakartvelos tskhovreba]. Tbilisi, 1913. P. 193–194 (на груз. яз.). (Намекает, что шах Сулейман считал Эреклэ, Вахтанга либо Арчила кандидатами на престол Кахетии.)

просвещенной политики: поощрял своего родственника, молодого гения Сулхана-Сабу Орбелиани (сына главного визиря [мдиванбеги] и внука Заала, арагвинского князя), который составил первый (и по многим пунктам до сих пор лучший) толковый словарь грузинского языка. Как и его отец Вахтанг V, Гиорги XI был мусульманином только на словах и старался уменьшить иранское влияние. В 1683 году, когда Гиорги XI лишился и мачехи Мариам, и жены Тамар, его начали преследовать мятежные картлийские феодалы: Эреклэ Мухранбатонишвили, приемный сын царя, покушался на его жизнь, а опасного арагвинского князя Иесэ пришлось задушить поясом, когда тот присел на корточки, чтобы облегчиться.

В 1687 году, женившись на Хорашан, троюродной сестре рачинского князя, Гиорги надеялся освободиться от иранских уз. С той же целью 29 апреля 1687 года он послал с отцом Джустино письмо на имя папы римского Иннокентия XII: «Меня радуют победы христианских царей, но ничего не могу сделать из-за подчинения шаху. Теперь армия всей Грузии ждет Твоих приказов». Архиепископ прибавил: «Уста мудрости, наука богословия, обоюдоострый меч, равный апостолам, я целую Вам руку с почтением, ничком у Ваших ног. [потом на латыни] Паси моих овец, и я Тебе говорю, что ты Петр»¹⁵⁸. (В своем ответе папа пожаловал Гиорги XI освобождение от чистилища на десять лет и четыреста дней за каждый его благотворительный поступок.) Это подхалимство перед Римом заставило шаха Сулеймана наконец вмешаться в церковные дела: в 1688 году он уволил католика-патриарха Николоза VI, будто бы за непочтительность к картлийскому царю, и назначил Иоанэ VII Диасамидзе. Еще досаднее для Сулеймана было то, что Гиорги поддерживал попытки Арчила, его брата, взойти на имеретинский престол: Арчил просил турок освободить Кахетию от иранской власти и сам угнетал иранофилов-кахетинцев. В том же году шах взял в заложники Левана, брата Гиорги, и потом Баграта, его единственного сына и наследника. Гиорги, опасаясь, что собственные феодалы и родственники предадут его, если он послушается, против воли отправил брата и сына в Херат. Потом Гиорги сразился с кахетинцами: в одной битве погиб тбилисский епископ Иосеб. Несмотря на победы, Гиорги XI свергли. Его проиранский дядя Тамаз завладел тбилисской цитаделью, и иранская армия возвела Эреклэ I, внука Теймураза, на престол Картли. Эреклэ принял мусульманство, переименовавшись в Назара Али-хана. Шах заставил его также отречься от кахетинского трона, который перешел к Аббасу Кули-хану из Гянджи.

Свергнутый Гиорги XI нашел себе убежище в Раче (куда его брат Арчил убегал каждый раз, когда его сбрасывали с имеретинского престола). В 1691 году Гиорги, начав с помощью Арчила вялую четырехлетнюю гражданскую войну, вторгся в Картли и осадил Эреклэ в Тбилиси. Разгневанный шах попросил турок сдать ему Гиорги и Арчила. Хотя турки отказались, и многие картлийские феодалы охотно поддерживали Гиорги, сам свергнутый царь перестал атаковать. Что касается нового царя, Эреклэ, тот запил. После десятилетий, проведенных при великолепных дворах Москвы и Исфахана, ему в суровом, полуразрушенном Тбилиси, где феодалы смотрели на него искоса, приходилось нелегко. Эреклэ казалось, что он по праву должен властвовать не в Картли, а в Кахетии, и готовился отвоевать это царство. Благодаря своим панибратству и сквернословию Эреклэ легче было общаться с простонародьем. Он назначил новых людей – министров, католикоса, епископов, – которые управляли страной, пока он охотился или пировал. Из-за военных столкновений Эреклэ с Гиорги шах решил еще раз напустить *кызылбашей* на Картли; крестьяне бежали в кахетинские горы. В 1696 году во второй раз овдовевшему Гиорги показалось, что смерть шаха Сулеймана и падение Аббаса Кули-хана в Кахетии открыли для него новые возможности. Новый шах Хосейн пригласил Гиорги в Исфахан и поручил ему и его брату Левану восстановить монаршую власть в Иране. Хотя в 1703 году шах назначил Гиорги вместо Эреклэ царем Картли (Эреклэ стал царем Кахетии, но своего нового царства больше не увидел. Он стал главным телохранителем шаха), Гиорги XI являлся царем лишь формально: подавив афганское восстание в 1704 году, он стал шахским наместником в

Кандахаре (у него при дворе жили два монаха-капуцина). Гиорги был убит паштунским воеводой в 1709 году¹⁵⁹. (Пока Гиорги сражался в Афганистане, в Картли властвовал его племянник, будущий царь Вахтанг VI.) Таким же образом и Эреклэ больше не вернулся на родину: он до самой смерти в 1710 году служил шаху, и вместо него Кахетией управлял его сын Давит II (имам Кули-хан).

В середине XVII века в Западной Грузии появилась мимолетная надежда на порядок: в марте 1657 году Леван Дадиани, заплакав над телом сына, случайно ударился лбом о железную дубину и пал мертвым. Население Мингрелии, утомленное дадианскими крепостничеством и работоторговлей, молилось в церквах и просило милостыни у дворцов, роскошно украшенных благодаря грабежам Левана. Новым Дадиани стал племянник Липарит (сын ослепленного Иосеба), так как Леван отравил законных сыновей. Вамик Липаритиани, сын Дареджан (второй жены Левана) и его дяди Гиорги, уговорил имеретинского царя Александрэ назначить именно его Дадиани: Вамик передал имеретинскому царю пограничные земли, отнятые Леваном, часть казны Левана и нескольких мингрельских знатных заложников. В свою очередь Липарит попросил Каихосро *гуриели*, картлийского царя Ростом и ахалцихского пашу защитить его от свержения. Но картлийские войска отступили, когда генералы поссорились, и пожилой царь Ростом, уже слишком хилый, чтобы сесть на лошадь, не смог их примирить. Таким образом, в битве при Бандзе в июне 1658 года царю Александрэ удалось восстановить преимущество Имеретии в Западной Грузии и утвердить Вамика Дадиани. (Сначала Александрэ предложил мингрельский престол Теймуразу, но тот решил, что лучше поедет в Россию.) Свергнутый Липарит с Каихосро *гуриели* убежали в Константинополь; там Каихосро умер, и новым *гуриели* стал Деметрэ, более сговорчивый двоюродный племянник Каихосро. Самцхийский паша помог Каихосро вернуться к власти в Гурии, но там его дождался убийца, нанятый племянником Деметрэ и царем Александрэ. Сыновья Каихосро спаслись в Самцхе, откуда пытались свергнуть троюродного брата Деметрэ.

У Александрэ не было общепризнанного наследника: от сына первой жены Баграта он давно отрекся; Леонти, сын второй жены, Дареждан, умер, как и Луарсаб, усыновленный им племянник жены и внук Теймураза. Самого Теймураза не было: летом 1657 года он поехал в Москву, где по затягивавшимся переговорам с боярами и дьяками он понял, что Россия заинтересована в мирных отношениях с Ираном и не хочет давать в распоряжение Теймураза достаточно солдат, чтобы он отвоевал Кахетию. В 1659 году, за год до смерти, Александрэ написал российскому царю Алексею Михайловичу с просьбой прислать второго внука Теймураза, Эреклэ (в России его звали Николаем) в Имеретию: «Раньше я имел Леонти, которого я считал моей надеждой и крепостью... я стар, и после моей смерти некого посадить на иверский и имеретский престол...»¹⁶⁰ Царь Алексей отпустил Эреклэ с 92 телохранителями на Терек, однако, чтобы дожидаться призыва в Кахетию, а не в Имеретию. На смертном одре Александрэ пришлось вызвать из Гурии царевича Баграта, которого он сорок лет тому назад сослал как незаконнорожденного, и объявить его наследником. Начинался самый анархический период в истории Имеретии. К концу 1659 года Теймураз уже вернулся в Имеретию, но овдовевший и всеми покинутый царь впал в отчаяние и ничего не предпринимал.

По сравнению с Западной Грузией с 1650-х по 1750-е годы Кахетия и Картли отличались относительным спокойствием и цивилизованностью. Несмотря на припадки мстительной жестокости, иранские шахи высоко оценивали грузинский вклад в свои управление, вооруженные силы и гаремы и давали своим царям-вассалам пользоваться значительной автономией. К тому же такие цари, как картлийские Ростом и Вахтанг V,

159 *Hanway J.* An Historical Account of British Trade over the Caspian Sea. L., 1753 (описывает афганские кампании).

160 *Rekhviashvili M.* Imeretis samepo 1462–1810. Tbilisi, 1989. P. 107.

поступали мудро и тактично. Османским же султанам Имеретия, Гурия и Мингрелия представлялись грязным захолустьем, которое годилось только как источник рабов и преграда против Ирана. В Западной Грузии по сравнению с Восточной уже не было больших городов, торговых или даже духовных центров. Западными правителями овладели вождество, мстительность, идиотизм и отчаяние. История Западной Грузии от смерти Александрэ до коронации Соломона I сводится к водовороту междоусобиц, свержений, восстановлений, похищений, прелюбодеяния, увечий, убийств и измен. Единственное утешение, которое дает изучение истории Имеретии, Мингрелии и Гурии этого периода, – это что терпеть ее было тяжелее, чем читать о ней.

Попробовав 28 февраля 1660 года за обедом сомнительный кусок семги, Александрэ умер 4 марта. На самом деле судьба Имеретии зависела теперь от вдовы Александрэ, царевны Дареджан, так как ее отец Теймураз уже не интересовался имеретинской политикой. В стране больше не было единогласия: за последующие 66 лет произойдет 29 государственных переворотов. Венчав своего пасынка Баграта на престол, Дареджан его тиранила, хотя обоим уже было за сорок. Через три дня после похорон Александрэ Дареджан заставила Баграта жениться на ее племяннице Кетеван; затем все государственные бумаги в Имеретии были подписаны сначала Дареджан («царицей цариц, дочерью царя Кахетии»), а потом уж Багратом. Высокопоставленный феодал, рачинский князь Папуна, умолял Баграта с помощью турецких войск нейтрализовать мачеху, но другие влиятельные люди, например новый католикос Симон I и один из имеретинских послов в России, поддерживали Дареджан. К июлю 1660 года Дареджан забрала всю власть в свои руки: заставила Баграта IV развестись с Кетеван и предложила ему в супруги саму себя. Когда Багат с отвращением отверг инцест, она приказала выколоть ему глаза. (Багат героически примирился с ослеплением: всю остальную жизнь он покрывал повязкой сочащиеся глазницы и за обедом шутил, что больше никого не будет обижать, так как слепой не сможет отбиться от убийцы¹⁶¹.)

Дареджан затем вышла за Багратида-самозванца, Вахтанга Чучуниашвили, которого имеретинцы обозвали *Чучуниа* (ничтожество): чета объявила себя царем и царицей. Теймураз, ошеломленный порочностью дочери, замкнулся в летнем дворце в Сканда, хотя мог бы сам провозгласить себя царем Имеретии. Теймураз отправил вестников в Терек-город, чтобы оповестить внука Эреклэ и русского воеводу об имеретинских событиях. Дареджан и Чучуниа объединили всю знать против себя: Нижняя Имеретия просила Вамика из Мингрелии, а Верхняя Имеретия – царя Вахтанга V из Картли прийти и свергнуть позорную чету. Вамик пришел первым, захватил Дареджан и Чучуниа, которому он выколол глаза, и взошел на престол. Дареджан возвала к Вахтангу V о помощи и предложила ему взять имеретинский престол, а ее только что разведенную племянницу Кетеван сосватать за его сына Арчила. Как только Вахтанг V добрался до Имеретии, он договорился с Вамиком разделить страну между собой и подтвердил этот альянс предложением женить сына Арчила на дочери Вамика. Но Вамик вдруг передумал, выдал дочь за местного феодала князя Бежана Гогоберидзе и увез в Зугдиди на двенадцати арбах все золото и серебро из имеретинской казны вместе с пленной царицей Дареджан.

Вахтанг отомстил, уговорив Деметрэ *гуриели* и феодалов из Верхней Имеретии убить Бежана Гогоберидзе и впустить Вахтанга в Кутаиси. Отступив в Мингрелию, Вамик избегал сражений. Вахтанг занял несколько крепостей, среди них Сканда, где его дожидался Теймураз, и потом вторгся в Мингрелию, захватил Зугдиди, семью и казну Вамика, которого он заменил более сговорчивым Шамандавлэ Дадияни, племянником Левана II, принявшим имя Леван III. Вахтанг выдал за Левана III свою красивую, страстную и коварную племянницу Тамар Мухранбатони. (Когда Жан Шарден в 1667 г. обедал с Тамар, она уже жила в отдалении от Левана, но вела себя так же хищно и похотливо, как муж: когда она трогала Шардена рукой, он не знал, соблазняет она его или грабит.) Вамик убежал в Сванетию, но Вахтанг нанял людей из Лечхуми, которые убили Дадияни. В Зугдиди Вахтанг

V встретился с абхазским князем Шервашидзе, который, как и Деметрэ *гуриели*, дал клятву верности. Тогда Вахтанг объявил своего сына Арчила царем Имеретии, но отдал Северо-Восточную Имеретию во власть картлийского генерала. Вернувшись в Тбилиси, Вахтанг привез с собой двух несчастных бывших царей, хилого Теймураза и слепого Баграта IV.

Таким образом, в 1661 году вся Грузия, кроме Кахетии (находившейся под властью иранского гарнизона и Муртазы Кули-хана), была временно объединена. Но турецко-иранский договор, разделивший Западную и Восточную Грузию на две сферы влияния, запрещал объединение, тем более насильственное, когда картлийский царь вторгся в Имеретию, чтобы возвести своего сына на престол. Оттоманский султан поэтому мобилизовал ахалцихского, эрзурумского и карсского пашей и объявил шаху протест. В 1663 году имеретинцы свергли Арчила: ему пришлось уехать в Иран, чтобы шах его назначил царем Кахетии, но там он подтвердил свои претензии на имеретинский престол, женившись на Кетеван, внучке Теймураза, с которой Дареджан заставила Баграта IV развестись. Вахтанг заплатил 20000 *куруш* серебром, чтобы выкупить Кетеван, которая, как и Дареджан и Чучуниа, стала заложницей ахалцихского паши. Дареджан же никто не выкупал; она посылала письма через племянника Эреклэ и иранского шаха на имя российского царя, но ответов не получала.

Предпочтя Эреклэ, шах выгнал Арчила из Кахетии. Арчилу удалось вернуться в Имеретию, где он горько разочаровался. В 1675 году, после смерти Вахтанга V в Иране, Арчил остался без поддержки: он царил с перерывами, в 1678–1679, 1690–1691, 1695–1696 и 1698 годах, и наконец уехал навсегда в Россию. Анархия Западной Грузии стала притчей во языцех: подкупив турок, Деметрэ *гуриели* овладел и Имеретией, и Гурией и на три месяца провозгласил себя царем всей Западной Грузии. Но как только турецкие войска ушли в 1663 году, Вахтанг V отпустил Баграта IV, и тот взошел на имеретинский престол. Прогнав Деметрэ *гуриели*, Баграт сразу подвергся атаке Левана III Дадияни, который, в свою очередь, попал в имеретинский плен. Даже выдавшие виды итальянские миссионеры тогда покинули Имеретию.

Параллельно с гражданской войной произошла перетасовка жен. Лишившись Кетеван, царь Баграт женился на Татиа, дочери Вахтанга V. С разрешения католикаса Симона, согласившегося на два развода, Баграт женился на более красивой Тамар Мухранбатони, бывшей жене Левана III и двоюродной сестре отвергнутой Татиа. В 1670 году Шарден опять обедал у Баграта в Кутаиси, и Тамар вела себя еще более похотливо, афишируя за столом у всех на глазах свою связь с гелатским епископом. Баграт IV терпел и это и рассказывал шокированному Шардену, что в Имеретии у каждого епископа было по девяти жен, «не считая жен соседей». (Миссионер Арканджело Ламберти замечает, что у мингрельских епископов часто было по четыре жены.) В обмен на Тамар Леван женился на сестре Баграта Тинатин, разведенной с гурийским феодалом. Леван все еще был влюблен в Тамар, но еще один поклонник, Гиорги *гуриели*, «сварливый, безбожный, кровожадный, беспощадный работорговец», решил похитить ее. Гиорги *гуриели*, надеясь получить вместе с Тамар и имеретинский престол, щедро заплатил ахалцихскому паше, чтобы взять в плен Баграта и Тамар, но заговор не удался.

Все это время имеретинский народ страдал все больше: феодалы, католикос, царский двор – все занимались оптовой продажей рабов. (Шарден, увидев, как жертвы, смирившиеся с судьбой, спокойно ждали перевозки в Константинополь, заключил, что рабство в Турции, где красивенькое лицо или шустрый ум могли принести продвижение или освобождение, вряд ли было хуже, чем крепостное состояние в Мингрелии.)

В 1666 году камергер Баграта Сехниа Чхеидзе заточил царя и ввел оттоманский гарнизон; в следующем году кутаисский *моурави* истребил гарнизон и освободил Баграта. В 1668 году Аслан-паша из Ахалцихе, грузин по рождению, вторгся в Кутаиси с новым гарнизоном: Баграт IV убежал в Лечхуми, пока янычары грабили, оскверняли, жгли и

порабощали Имеретию. Тогда чудовищная мачеха Баграта, Дареджан, вместе с Чучуниа, заплатили паше 20000 *куруш* и получили свободу и имеретинский престол.

Чтобы утвердить свою власть, Дареджан воспользовалась древним грузинским обычаем: она дала назначенному ею визирю Хосиа Лашхишвили укусить себе грудь и таким образом стать приемным сыном. Но Лашхишвили, как другие имеретинские феодалы, был так ошеломлен поведением новой царицы, что в 1668 году, когда она обсуждала государственные дела, он с помощниками связал ее и, подкупив янычаров, заколол ее копьем в воротах кутаисского замка. (Чучуниа затем обезглавили.) Но имеретинцы не забыли, что Дареджан Коварная все-таки была дочерью царя Теймураза: Лашхишвили устроил для нее в Гелати царские похороны. Те же имеретинские феодалы потом поймали, ослепили и изгнали Деметрэ *гуриели* и восстановили Баграта IV на престоле. (Аслан-паша назначил *гуриели* Гиорги, сына Каихосро.)

В 1667 и 1668 годах Баграт отправил послов в Москву. Приняв и посла царицы Дареджан, московский Посольский приказ махнул рукой на имеретинский беспредел и оставил все мольбы без ответа. Эреклэ, убедив московский двор, что и имеретинский, и кахетинский престолы предназначены только ему, подверг Баграта остракизму и обвинил имеретинских послов в соучастии в убийстве его тети Дареджан, так что имеретинцев заточили в глухом русском монастыре. В последующие десять лет всеми покинутый Баграт IV отбивался от нападков мингрельцев, гурийцев и своих собственных подданных: то ему приходилось сбегать в горы, то он одерживал верх, применив насилие или подкупив ахалцихского пашу. Однажды Баграта заставили отдать в заложники сына Александрэ (считавшегося незаконнорожденным, так как брак отца с Кетеван почти сразу был расторгнут), но в 1674 году Баграт взял кутаисскую цитадель и обменял ее с Аслан-пашой на заложника, вследствие чего имеретинские феодалы, особенно те, которых Дареджан изгнала из страны, примирились на последующие сто лет с тем фактом, что Кутаиси оккупировал оттоманский гарнизон.

Турки презирали имеретинцев, таких неряшливых и неотесанных, что Имеретию и Кутаиси называли *Башаджык* (простоволосыми). Только лень мешала туркам превратить царство в оттоманский *пашалык*, как Самцхе. Жизнь в Мингрелии и Гурии была не лучше: например, в 1672 году Гиорги *гуриели* завербовал турок, чтобы вместе разграбить Мингрелию, изгнав изнуренных и голодающих крестьян и похитив младенцев для вывоза в Турцию. Через два года миссионер отец Цампи пишет: «Мингрелия больше не существует: ни у кого нет скота, никто не может жить без страха»¹⁶². Затем войска Баграта разоряли Гурию, пока он не передумал, не предложил гурийцам союз и не выдал за Гиорги *гуриели* малолетнюю Дареджан, дочь своей любвеобильной царицы Тамар.

Когда в 1678 году Арчил отнял у Баграта имеретинский престол, тот покинул Тамар и убежал в Гурию. Арчил захватил Тамар в замке Сканда и вернул ее предыдущему мужу, Левану III Дадияни. В августе следующего года, с помощью эрзурумского паши и своего зятя *гуриели*, Баграт сверг Арчила, напал на Левана Дадияни и повез Тамар назад в Кутаиси. Арчил бежал в Горную Рачу, и Рача впервые испытала на себе оттоманский грабеж. Когда в 1681 году Баграт IV умер (в том же году, что и Леван III Дадияни), Имеретию без сопротивления захватил его зять Гиорги *гуриели*, который сразу развелся с девочкой Дареджан и, пренебрегая запретом на инцест, женился на своей теще, овдовевшей, но все еще неотразимой царице Тамар¹⁶³.

Александрэ, сын Баграта от Кетеван, тогда находился в плену у картлийского царя Гиорги XI. Имеретинская знать теперь сочла Александрэ вполне легитимным наследником по сравнению с Гиорги *гуриели*: через ахалцихского пашу имеретинцы попросили царя Гиорги

162 Zampi G. -M. Relation de la Colchide et de la Mingré lie // Recueil des voyages au nord / J. F. Bernard. P., 1715. Vol. 7.

163 Rekhviashvili M. Imeretis samepo 1462–1810. Tbilisi, 1989. P. 135.

освободить пленника, теперь имеретинского царя Александрэ IV. Гиорги *гуриели* вернулся домой, но без Тamar, которая уехала в Мингрелию. Там она, как вдова Дадияни, смогла собрать армию, но скоропостижная смерть помешала самой яркой из роковых имеретинских женщин напасть на Имеретию. Царь Александрэ IV оказался чуть лучше своих предшественников: он был щедрым и храбрым, но «мнительным и работорговцем», он сблизился с кутаисским архиереем Свимоном Чхеидзе, «безбожным блудником, убийцей и работорговцем».

В поисках политической поддержки Александрэ IV связался с самыми крупными феодалами, Абашидзе, и выдал свою сводную сестру Дареджан, покинутую Гиорги *гуриели*, за Паату Абашидзе. Другие феодалы, в особенности рачинский князь Шошита, ненавидели нового царя и сговорились с гурийцами против него. В 1684 году по всей Западной Грузии вспыхнула война: в битве при Рокити погибли не только многие Абашидзе, но и враги царя, так что Александрэ IV выиграл и разбогател, освободив мингрельских и гурийских военнопленных за выкуп. Но имеретинский трон шатался: добываясь дружбы с Картли, Александрэ попросил царя Гиорги выдать за него если не дочь, то племянницу. Гиорги XI отказался наотрез, в чем Александрэ обвинил рачинского князя Шошиту и отправил войска, которые разорили Рачу. Шошита воззвал к Гиорги о помощи; Имеретию случайно спас иранский шах, решивший в 1688 году посадить на картлийский трон Эреклэ вместо Гиорги. Не обращая внимания на протесты Александрэ, свергнутого Гиорги XI приютил рачинский князь. Александрэ опять разорил Рачу, но князь и его гости укрылись высоко в горной деревне.

В конце концов рачинский князь отвоевал свой удел, и бывший царь Гиорги XI пригласил брата, бывшего царя Арчила, вернуться из России и еще раз захватить Имеретию. Москва дала Арчилу 6500 рублей, но не 15-тысячное войско, которого он просил, чтобы очистить Имеретию от врагов. Спускаясь с перевала, Арчил встретился с приветливыми имеретинскими феодалами и с рачинским князем. Но Александрэ IV поддерживали против Арчила кумовья Абашидзе, кутаисский архиерей и оттоманские войска; рачинский князь не мог доверять даже собственным солдатам. Поэтому оба царя, Арчил и Гиорги, спрятались в Мингрелии и в Абхазии, откуда Арчил написал оттоманскому султану. Александрэ тем временем предложил Гиорги Липаритиани, правителю Мингрелии, весь Лечхумский край, если тот перейдет на сторону Имеретии и изгонит Арчила из Мингрелии. Арчилу предложили охранную грамоту и свободный путь в Россию, если он отречется от престола: кротко приняв условия, Арчил повернул назад через Рачу в Осетию. В Осетии, однако, Арчил послал турецкому султану письмо, обещая заплатить имеретинские двадцатилетние недоимки, если его опять возведут на престол. Гиорги XI вдруг навлек на себя подозрения своего защитника Мамии *гуриели*, которому показалось, что бывший царь сам хочет стать *гуриели*: Гиорги уехал в Турцию, где поджидал, чтобы власть в Имеретии перешла в более дружелюбные руки.

Турки сами обдумывали смену власти в Имеретии и опрашивали имеретинских феодалов: Александрэ приказал убить оттоманского агента, но тот вовремя уехал в Ахалцихе с результатами опроса и посоветовал бывшему царю Гиорги: «Приготовьте печати для всей имеретинской знати и возведите Арчила на престол». Гиорги заказал царские печати, собрал кворум имеретинцев, которые послали султану петицию: султан пожаловал Арчилу царские меч и халат, и в августе 1690 года войска эрзурумского паши вернули его в Кутаиси. Александрэ IV уехал в Тбилиси к своему дяде по матери, царю Эреклэ.

Осенью турецкие войска ушли; зимой из-за снегопадов они уже не смогли бы вернуться. Имеретинские феодалы, теперь с мингрельской поддержкой, восстали против нового царя, попытавшегося вернуть прежним хозяевам незаконно приобретенные земли. Без разрешения Эреклэ или иранского шаха, Александрэ IV помчался в Имеретию, но 20 декабря 1690 года, в битве при Годогани вблизи Кутаиси, союзники Александрэ вдруг перебежали к Арчилу. Несмотря на победу, Арчил не смог упрочить свою власть. Подталкиваемый царем Эреклэ, иранский шах попросил султана восстановить Александрэ на имеретинском

престолу. Хотя султан арестовал в Ахалцихе брата Арчила, бывшего царя Гиорги, он все-таки не помешал Арчилу осадить кутаисский гарнизон, который закончил тем, что «варил и ел собственные сандалии». Арчила подвели мингрельцы, вдруг потребовавшие, чтоб в обмен на поддержку отдал им Лечхуми. Арчил откладывал ответ, и мингрельцы освободили турецкий гарнизон, который сразу снес кутаисский собор. Наконец турецкие солдаты привезли Александрэ, и Арчил уехал. В Осетии его подстерег черкесский воевода, которого подкупили, чтоб он поймал Арчила и доставил к шаху. После рукопашного боя с черкесом и при помощи лезгинского дворянина Арчил убежал в Картли. На этот раз Александрэ IV упрочил свою власть, разведясь с матерью своих детей (Симон и Гиорги) и женившись на Тамар, десятилетней дочери самого крупного феодала, Гиорги Абашидзе.

В начале 1690-х за власть в Картли боролись четыре царя: в страну приехал бывший Гиорги XI, освобожденный сочувствующими гражданами Ахалцихе, и заставил царя Эреклэ запереться в тбилисской цитадели. Приехал и Александрэ IV с имеретинской армией, будто бы поддерживавшей Эреклэ, но эта армия столкнулась с войсками Арчила в Ташикари и, бросив награбленное и военнопленных, отступила в замок Сканда. Из-за занятий работоторговлей Александрэ уже сделался ненавистным. Сравнив с землей мирную деревню во время картлийской кампании, он навлек на себя ненависть и молодой жены: Тамар умоляла отца, Гиорги Абашидзе, схватить Александрэ и отдать царю Гиорги. Имеретинские феодалы и католикос с энтузиазмом договорились с царицей и Абашидзе: Александрэ IV взяли в плен и отправили в Руиси, где по приказу Гиорги XI его задушили и похоронили в храме.

Таким образом, в 1695 году Арчил опять очутился на имеретинском троне. Овдовевшая Тамар Абашидзе, однако, сделала предложение Гиорги XI: она станет его женой, если он отберет у Арчила престол. Гиорги не захотел так подло подвести брата: он отказался от предложения и уехал в Исфахан, чтобы служить иранскому шаху. Тогда Гиорги Абашидзе попросил Арчила жениться на его дочери Тамар, обещая, что в этом случае перейдет на его сторону. Арчил тоже отказался от молодой вдовы. Отвергнутый Гиорги Абашидзе при участии мингрельцев откуда-то выкопал другого Гиорги, самозванца, будто бы Багратида, всем известного как *Гочиа* (свиненок), и за этого Гочиа Абашидзе не только выдал свою Тамар, но в 1696 году возвел чету на престол. (Арчил опять отправился в Осетию.) Тамар с «изувеченным крестьянином» Гочиа пользовались доверием еще меньше, чем Дареджан со своим Чучуниа: на самом деле настоящим хозяином, даже в Мингрелии и Гурии, был Гиорги Абашидзе. Через два года даже Тамар стало тошно от этого нелепого брака: Гочиа прогнали со двора.

В 1697 году Арчил, собираясь в Россию, уже покидал Кавказские горы вместе с племянником (будущим картлийским царем Вахтангом VI), когда получил приглашение вернуться от самого Абашидзе. Сначала Арчил отказался и от престола, и от только что разведенной Тамар. Но зима в горах сделала свое дело: придворные настояли, чтобы он вернулся. Александрэ уже открыто презирал «животных, развращенных, фальшивых» имеретинских феодалов и простонародье. Он все-таки вернулся в Кутаиси (но бросил Тамар). Пятое царствование Арчила длилось шесть месяцев: султан приказал ему уступить престол Симону, сыну Александрэ IV, и имеретинские феодалы не противились турецкому выбору. В 1699 году, как только начал таять снег, Арчил поехал в Россию, на этот раз навсегда. Несмотря на крайне отрывочное царствование, Александрэ, однако, кое-чего достиг: он пригласил в Кутаиси польского иезуита Яна Гостковского, которого король Ян Собеский III отправил послом к Вахтангу V в надежде завербовать картлийского царя в антиоттоманский союз. В Кутаиси Гостковский чуть ли не пятьдесят лет боролся с работоторговлей и чумой, от которой и умер в 1738 году¹⁶⁴.

Нового имеретинского царя Симона привезли в Кутаиси из Картли. Неугомонный Гиорги Абашидзе сразу выпросил у католикоса развод для Аники, своей второй дочери, и выдал ее за Симона. С той же решимостью Тамар Абашидзе заставила правителя Мингрелии,

Гиорги Липаритиани, развестись с матерью своих семерых детей и жениться на ней. Тамар, в девятнадцать лет трижды побывавшая замужем, уже была известна, безо всякой иронии, как «царица Имеретии и Мингрелии» (ее отец, Гиорги Абашидзе, также женился в третий раз). Царь Симон пришел в такой ужас от нравов своего царства и от конфликтов невесты Аники с ее сестрой Тамар, что убежал в Картли. Но от имеретинского вихря не было спасения: Симона заманили назад Мамаи *гуриели* и ахалцихский паша. Симон послушно развелся с Аникой Абашидзе и женился на сестре *гуриели*. Гиорги Абашидзе и Гиорги Липаритиани оба сочли этот развод оскорблением. Они обещали Мамаи *гуриели*, что его посадят на имеретинский престол, если он присоединится к их заговору. В 1701 году нанятые Абашидзе стрельцы подстерегли Симона у спальни и застрелили его, когда он шел в нужник.

15 XVIII век

*Осуждать сказитель должен, да кого же – непонятно.
«Русский нам добра не хочет», – клеветали многократно,
Но, почта не стяжавши, с войском граф ушел обратно.
«Возвращаюсь восвояси», – будто вымолвил он внятно.
Бесики Габашвили. На битву при Аспиндзе*

Для Грузии гребни волн XVIII века – возможности объединения и независимости – были высоки, а подошвы волн – оттоманское или иранское опустошение – низки. Век завершился торжеством Российской империи и закатом багратидской династии.

В начале века картлийские цари находились в отсутствии: Гиорги XI в 1709 году командовал иранскими войсками в Афганистане, где пал жертвой убийцы; в 1711 году на том же фронте погиб его племянник царь Каихосро. С 1703 года Картли управлял Вахтанг, старший брат Каихосро: в 1711 году его признали царем, Вахтангом VI, но постоянно отрывали от власти: сводный брат Симон стал в 1711–1712 годах регентом, и в 1714 году Вахтанга держали в Исфахане, пока он не принял мусульманство в 1719 году. В это время Вахтанга заменяли сначала младший брат Иесэ, а потом сын Бакар.

Несмотря на молодость (он родился в 1675 г.) и зависимость от шаха Хосейна, Вахтанг с самого начала занялся преобразованием Картли. С 1704 по 1708 год царь составил кодекс законов, *дастурламали*¹⁶⁵. Как и предыдущие кодексы, *дастурламали* назначил гражданам кровную цену по чину: убийство крестьянина стоило 12 туманов, купца средней гильдии или *азнаури* низкого чина – 48, купца первой гильдии или феодала среднего сословия – 96. Смерть цесаревича стоила 1536 туманов. Крепостная система стала мягче: беглый крестьянин, занявший казенную землю, мог завладеть ею спустя шесть лет. Крестьяне, уже не такие угнетенные, перестали бежать в Дагестан или обращаться в мусульманство, чтобы избежать налогов. Нанимались «сгонщики» (*мкрелеби*), насильно или уговорами сгонявшие беглых крестьян в родные деревни: репатриантов освобождали на год от податей. В этих реформах Вахтангу VI помогали иностранцы, в особенности иезуит-востоковед отец Тадеуш Крусиньски, царский секретарь.

Царская власть сильно централизовалась: городские территории стали казенными, и монетный двор (на монетах все еще были персидские надписи) – казенной монополией. Монополиями Вахтанга и его черкесской царицы Русудан стала и промышленность, в особенности шелководство и красильни. Благодаря обновленным ирригационным каналам и активному севу – пшеницы, ячменя, овса и в долинах льна – сельское хозяйство расцвело; в один год в Картли 2621 крестьянское хозяйство произвело чуть не тысячу тонн зерна.

165 [Kartuli samartlis dzeglebi] / Ed. I. Surguladze. Tbilisi, 1970. P. 211–226, 475–871; *Feldbrugge F.J.M.* Medieval Law in Transcaucasia – On The Periphery Of European Legal History // *Law in Medieval Russia* The Hague. 2009. P. 293–314.

Свиньи, которых не угоняли дагестанские мусульмане, паслись в лесах Тушети. Виноградников стало так много, что пришлось нанимать иностранных работников. Вахтанг даже засеял пустоши около Тбилиси пахучими гиацинтами¹⁶⁶. В Тбилиси оживилась торговля: к середине 1700-х годов было 200 магазинов, защищенных налогами на импорт. На доходы от таможенных пошлин Вахтанг строил дороги и караван-сараи для иностранных торговцев. Тбилисские купцы объединялись в кооперативы (*псонеби*), с филиалами в Астрахани и Тебризе. Медную руду копали и плавил греки, выходцы из Анатолии; в картлийских литейных производили качественный чугун и сталь.

Вслед за Картли оправлялась от разорения и Кахетия, но царь Давит II (имам Кули-хан), который властвовал, пока царь Эреклэ служил в Иране, был не в состоянии усмирить страну: Кахетию мучили дагестанские набеги, несмотря на то что Давит II женился на Ятар, дочери дагестанского шамхала. Города Кахетии, даже столица Телави, были всего лишь укрепленными деревнями. Тем не менее политика и экономика Кахетии пошли по картлийскому пути.

Шах Хосейн, благодарный грузинским царям за помощь в Афганистане, относился с пониманием к тому, что Вахтанг активно поддерживал православие. В 1705 году Вахтанг созвал церковный собор, который назначил католикосом брата царя Доменти IV. Тот только что вернулся из России и придерживался подчеркнуто европейских взглядов. (Он оставался католикосом до 1741 г.; турки подтвердили его назначение в 1724 г., но с 1725 по 1737 г. заточили его, когда «брат Вахтанг сбился с пути».) Таким образом, церковь и государство были тесно связаны. Следующей реформой Вахтанга было создание надежной армии защитников, *мивелта джари*: эта гвардия покорила осетин и обеспечила северные границы Картли.

Когда в 1709 году афганский воевода Мир-Ваис убил Гиорги XI, дядю Вахтанга VI, власть в Картли не дрогнула. Цари Эреклэ и Каихосро (наместник шаха в Картли) с 2000 грузинских солдат от имени шаха Хосейна победили Мир-Ваиса и взяли в свои руки управление городами Тебриз и Барда. Вахтанг VI уговорил благодарных иранцев заменить в тбилисской цитадели гарнизонных иранцев грузинами и прекратить вывоз в Иран грузинских рабов.

В Картли постепенно росло европейское влияние. Александрэ Багратион, сын свергнутого царя Арчила, стал закадычным другом Петра Великого. (Александрэ женился на малолетней Феодосии Милославской, двоюродной сестре императрицы Софии, но она скончалась преждевременно.) В 1688 году Александрэ с Петром объездил всю Голландию, и в Амстердаме, где Петр заказывал шрифты для новой гражданской кириллицы, Александрэ заказал у Николаса Витсена, всемирно известного типографа, шрифт для всех трех грузинских алфавитов. Витсен посоветовался с венгро-валахским типографом Миклошем Мистодфалуши Кишем. К 1689 году все шрифты были отлиты¹⁶⁷. Но Александрэ взяли в плен во время Русско-шведской войны, и Петербург получил грузинские шрифты только через десять лет. В 1703 году в Москве наконец напечатали по-грузински *Псалмы Давида*: издание было намного тоньше и красивее, чем грузинский букварь, напечатанный в Ватикане в конце 1620-х годов. Уже в 1730 году грузинскими шрифтами владела и Академия наук в Петербурге, где печатались другие грузинские издания. Как ни странно, в саму Валахию печать ввел грузинский иммигрант, Антим Ибериец (раб, купленный иерусалимским патриархом на константинопольском базаре и потом обученный языкам и типографскому делу). К 1705 году Антим стал епископом Римника: оттуда отправил в Тбилиси к Вахтангу VI своего ученика Миклоша Мистодфалуши Киша (которого грузины называли Микеилом Венгро-Валахским). В 1709 году в здании, выделенном Вахтангом, напечатали Евангелие на

166 Villeneuve P. de. Mtketh et Ibérie. Notices sur la Géorgie. P., 1875.

167 Ватейшвили Д. Л. Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 294–303; 365–413.

грузинском. В следующие двенадцать лет, несмотря на враждебных мракобесов среди грузинского духовенства, была напечатана двадцать одна книга, включая *Витязя в барсовой шкуре*, отредактированного самим Вахтангом VI¹⁶⁸.

В 1714 году, однако, прогресс в Картли замедлился: шах Хосейн вызвал Вахтанга VI в Кирман, отменил его субсидии, уволил слуг и задержал его, когда тот отказался принять мусульманство. Пока Картли управляли брат и сын, Вахтанг отправил в Европу дядю по матери, ученого писателя Сулхана-Сабу Орбелиани. Став католическим монахом, Сулхан-Саба мог в 1714 году беспрепятственно проезжать через оттоманскую территорию с письмами папе Клименту XI и французскому королю Людовику XIV, умоляющими заставить шаха отпустить Вахтанга, и намекающими, что грузинская церковь готова принять авторитет папы (последнее предложение поддерживал сам католикос Доменти)¹⁶⁹. (Уже в 1708 г. авантюристка Мари Пети, объявившая себя «главой миссии», когда ее любовник Жан-Баптист Фабр, французский посол в Иране, отправился в Ереване, судя по всему, взяла с собой письмо к Людовику XIV от Вахтанга VI; тот за свой счет отправил ее домой после приезда нового посла Жан-Виктора Мишеля¹⁷⁰.) Картлийские феодалы, опасаясь иранского гнева, отрицательно отнеслись к таким контактам. Даже до задержания Вахтанга VI некоторые феодалы предпочитали католицизму мусульманство. Сам Доменти даже ездил в Исфахан и обещал шаху Хосейну расстричься, жениться и стать мусульманином (не исключено, что таким образом он надеялся взойти на престол: отец Доменти, царевич Леван, якобы приказал высечь его за апостатство)¹⁷¹. В 1712 году Симон, сводный брат Вахтанга и Доменти, на время запер последнего в сумасшедшем доме.

В 1714 году шах Хосейн назначил Иесэ, уже известного как Али Кули-хан, правителем Картли; его брат Вахтанг сказал о нем: «боятся его, как врага и черта», но мусульманства своего он не афишировал, кроме как многоженством и выговором тбилисскому гарнизону, сжегшему Кораны (иранских следователей заменили грузинами, которые прекратили дело). Чтобы понравиться подданным, Иесэ принял православие, но картлийцы уже просили Хосейна назначить на его место сына Вахтанга Бакара. Иесэ попытался заточить Бакара, но тот в 1716 году все-таки стал регентом.

Дипломатическая миссия Сулхан-Сабы имела не больше успеха, чем миссии его предшественников. Папа не мог заставить шаха отпускать заложника, а Людовик XIV только что принял сына шаха и подписал очень выгодный торговый договор. Дела шли все хуже. Вскоре Людовик XIV скончался; Людовик XV совсем не интересовался спасением далекого христианского царства. Сулхан-Саба вернулся ни с чем. В 1716 году Вахтанг решил принять мусульманство, но шах Хосейн не торопился свергать Бакара, который, как Шахнаваз-хан, его вполне устраивал. Картли, однако, страдала от повстанцев, верных свергнутому Иесэ, и дагестанцы пересекали Грузию, когда нападали на Иран. Чтобы восстановить порядок, в 1719 году Хосейн освободил Вахтанга, при условии, что он потом будет служить в Афганистане.

Иранские, картлийские и кахетинские интересы кратковременно сошлись. Народ обожал Вахтанга VI, а в Кахетии к власти пришел тонкий и мягкий Теймураз II, брат Давита (имама Кули-хана), так как в 1709 году Давита после смерти его отца Эреклэ держали в Иране шесть лет. Вместе с иранцами и картлийцами царь Теймураз II и алавердский епископ вступили в бой с лезгинами. Даже когда Давит вернулся из Ирана, Вахтанг VI повел картлийцев и кахетинцев в атаку против дагестанцев. Теймураз II, однако, воевать и

168 Rayfield D. Georgia / Ed. M.F. Suarez // The Oxford Companion to the Book. Oxford, 2010. P. 747–748

169 Tamarati M. L. Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 580–604.

170 Lockhart L. La Perse et la France, documents nos. 75–77 // The Cambridge History of Iran. 1986. Vol. 6. P. 405–406; Brosset M. -F. Notice sur un document géorgien (extract from B.H.A.S. XIV. 129–142). P., 1857.

171 Brosset M. -F. Notice sur un document géorgien (extract from B.H.A.S. XIV. 129–142). P., 1857.

властвовать не особенно любил: он был дипломатом и поэтом: его стихотворение «На смерть козы, вскормившей косуленка» пропитано характерной чувствительностью. Союз Картли с Кахетией оказался непрочным: Давит в первой атаке не участвовал, и одного важного союзника, ширванского хана, разгромили и убили дагестанцы. Потом Давит начал давать приют мятежным картлийцам, например ксанскому князю Шаншэ.

Вахтанг VI продолжал упрочивать свое положение: в 1721 году, при поддержке мусульманских ханов Еревана и Карабаха, он стал главнокомандующим северо-иранскими войсками. Захватив дагестанский плацдарм Белакани, он покорил горцев. Вахтанг пользовался доверием всего Ирана – вассальных ханов и христианских армян, чей католикос Эсай Джалалиан надеялся, что Вахтанг сможет восстановить и Армянское царство.

Чем мощнее становился Вахтанг, тем сильнее росло недоверие шаха, опасавшегося, что Вахтанг включит Кахетию в Картлийское царство; он приказал Вахтангу покинуть всю отвоеванную территорию. Вахтанг отказался: он ставил на то, что Россия вскоре вторгнется по западному берегу Каспийского моря. Хотя все предыдущие кахетинские ставки на русскую военную мощь заканчивались разочарованием, если не катастрофой, Вахтанг считал, что Петр Великий – союзник высшего уровня. В 1717 году Артемий Петрович Волынский, русский посол в Иране, рассудив, что грузины и армяне Закавказья и Ирана положительно отнесутся к русскому продвижению, вел переговоры со сторонниками Вахтанга. В инструкции, данные Волынскому Петром в 1715 году, входило «осведомиться, нет ли каких иных в тех странах христианских... где царевич Вахтанг Леонтьевич обретается за арестом и будет мочно снестись с ним... чтобы христианам греческого исповедания никакого утеснения и принуждения в своей вере не чинили... домогаться шаха пристойным образом и о освобождении Вахтанга ис плену»¹⁷². Россия, как и Вахтанг, уже понимала, что иранская сафавидская династия вырождается: Волынский передал информацию о страшных мятежах в Тебризе и Исфахане. Созвав *дарбази*, Вахтанг снарядил тайную военную экспедицию, которая присоединится к русским на Каспийском побережье. Картлийские феодалы поставили условием, чтобы Россия в качестве гарантии добросовестности прислала в Тбилиси не менее 5000 солдат. В ноябре 1721 года Вахтанг написал Петру, что признает Волынского главнокомандующим. Вахтанг обсудил с армянскими князьями и духовными лицами создание армянской армии и послал к католикосу Джалалиану опытных военных. Предлогом для наступления на восток служили лезгины, ограбившие русских купцов в Шемахе, так что нападение на Иран можно было представить карательной экспедицией против лезгин.

Шах был более озабочен афганской войной. Когда погиб брат Вахтанга Ростом, шах назначил цесаревича Бакара командиром гвардии, но Вахтанг запретил сыну принимать этот пост. Афганцы захватили Исфахан; и шах был обречен. Летом 1722 года Петр Великий объявил, что идет в наступление. Эрзурумский паша предупредил Вахтанга, что Турция собирается нанести Ирану смертельный удар, и предложил союз, заманчивым тем, что султан сделает Вахтанга царем всей Грузии. Вахтанг не хотел попасться на эту удочку: он осведомил Петра. Иронией судьбы осажденные шах и его сын Тахмасп тогда попросили Вахтанга принять командование всеми иранскими войсками в Азербайджане. С августа по ноябрь 1722 года Вахтанг вел 30000 человек в Гянджу, вводя иранцев в заблуждение, что поддерживает не Петра Великого, а шаха.

Ставка Вахтанга себя не оправдала. Армия Петра Великого дошла до Дербента, но с Вахтангом не соединилась. Плохое обеспечение, эпидемии, унесшие тысячи солдатских жизней, и страх, что кампания приведет к войне с Турцией, – все это смутило Петра, и он отступил в Астрахань. Подпоручик Толстой обещал Вахтангу, что весной кампанию возобновят, но, когда Петр не сдержал обещания прислать подкрепления в Картли под предлогом, что эрзурумскому паше это не понравится, Вахтанг понял, что его бросили на произвол судьбы. Коварные поступки Вахтанга разъярили шаха Тахмаспа II, наследника

172 Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978. С. 27–29.

Хосейна; турки, не менее возмущенные альянсом Вахтанга с Россией, уже собирались на границе Картли. Только что назначенный царь Кахетии, Константинэ II (Махмуд Кули-хан), когда шах Тахмасп пообещал возвести его на картлийский престол, взялся убить Вахтанга, с одобрения ереванского и гянджинского ханов. Тбилисскую цитадель занял гарнизон с иранцами, лезгинскими наемниками и некоторыми картлийскими феодалами. Три месяца бушевала гражданская война, пока Вахтанг не проиграл битву при Зедазеле (вблизи Гори). В этой битве участвовал юноша Давит Гурамишвили. Став поэтом, он вспоминал:

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, –
Грызли волки их в долинах.

Весной 1723 года Константинэ с помощью иранских войск захватил Тбилиси, и Вахтанг сбежал в Цхинвали. Эрзурумский паша посоветовал Вахтангу подчиниться султану, если он хотел вернуть себе престол; царский *дарбази* решил, что лучше сдаться. Подпоручик Толстой не переставал уверять, что Петр Великий все-таки наступает, так что Вахтанг только сделал вид, что принимает условия турецкого султана¹⁷³. 12 июня оттоманская армия без кровопролития заняла Тбилиси и, свергнув Константинэ, сделала Бакара, сына Вахтанга, губернатором Картли. Константинэ и Бакар несколько недель сопротивлялись туркам. Оба спаслись: Константинэ принял мусульманство, стал оттоманским марионеточным кахетинским царем и был убит в 1732 году в Ахалцихе за то, что сотрудничал с иранцами, – кахетинский престол тогда занял его брат христианин Теймураз II.

Как только турки заставили Петра Великого отступить от Каспийского побережья, Россия махнула рукой на Грузию. Напрасно Вахтанг предлагал туркам двенадцать ишаков, навьюченных драгоценными камнями, и сына Бакара и брата Иесэ заложниками: ему пришлось отречься от картлийского престола в пользу услужливого Иесэ. Бакар вел в Триалети партизанскую войну, бессмысленную, хотя и убил 500 оттоманских солдат. В июле 1724 года русские в Константинополе подписали мирный договор, по которому Турция обещала соблюдать неприкосновенность Ирана, но уступала России Каспийское побережье. Россия признала турецкий суверенитет над всей Грузией, Арменией и Северо-Западным Ираном. Некоторые грузинские феодалы уговаривали Вахтанга бороться, как царь Симон I, пока его не убьют или не возьмут в плен. Ксанский князь Шанше хотел, чтобы Бакар поднял восстание против турок. Но Вахтанг VI предпочел ссылку: летом того же года он с семьей и с 1200 из самых выдающихся людей, ученых и военных, приехал в Астрахань. Отказавшись от престола под турецким или иранским игом, Вахтанг смирился с предательством и убежищем, предложенными Россией. В России он проведет десять лет, как поэт и ученый, утешаясь тем, что в России наберется критическая масса по-европейски образованных грузин, способных когда-нибудь воскресить отечество.

К 1728 году турки составили Великий реестр (*бююк дефтер*), опись всех землевладельцев-налогоплательщиков Картли, и превратили страну в оттоманскую колонию. Под властью Исхак-паши налогами облагались все, от рабов до помещиков, а все, что продавалось или давало доходы, облагали пошлиной: кофейные зерна, шелк, соловьев, воблу, улы, мосты. В этот год Турция получила 30 миллионов *акче* (около 120 тонн серебра) дохода, хотя бо2льшая часть этой суммы ушла на содержание оттоманских войск и

¹⁷³ Brosset M. -F. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861. С. 148–149.

чиновников¹⁷⁴. Те, кто не подчинился туркам, как, например, католикос Доменти, могли считать, что им повезло, если их только заточили. Покинутая знатью, страна впала в отчаяние, сменившееся равнодушием. Как выражался сам Вахтанг, страна вырвалась из когтей рыси, но попала в когти тигра.

В Западной Грузии оттоманская власть укоренилась еще глубже, когда царь Арчил уехал в Россию, а царя Симона убили. Целый год Имеретией управлял Маmia III (Черный или Великий) *гуриели*, но имеретинские казна и феодалы находились в руках Гиорги Абашидзе и его дочери Тамар. Чтобы покрыть расходы, Маmia пришлось продавать собственных гурийских подданных в рабство. В 1703 году он отрекся и замкнулся в Гурии. Тогда Абашидзе провозгласил себя имеретинским царем Гиорги VI (свое право на престол он обосновал тем, что сестра Александрэ IV приходилась ему тетей, так что он был наполовину Багратидом). Гиорги VI Абашидзе помог мингрельцам отвоевать территорию, уступленную абхазам. Картлийский царь Эреклэ угрожал Гиорги войной, но тот отпугнул министров Эреклэ.

Западные грузины ставили на приход Петра Великого даже больше, чем Вахтанг VI. Узнав, что Петр построил флот на Дону и захватил приморский город Азов, так что от России до Мингрелии, казалось, было рукой подать, имеретинцы надеялись, что русский флот им приведет Александрэ, сына Арчила, как только шведы освободят его. Ходили слухи, что совместные британско-русские войска займут Константинополь, что строится Волго-Донской канал, открывающий русскому флоту доступ в Черное море. Петр Андреевич Толстой, русский посол в Константинополе, обещал, что атакует турецкие гарнизоны на побережье Мингрелии; Имеретия уже надеялась стать русским протекторатом. По всей Западной Грузии перестали платить оттоманские подати, и абхазы начали нападать на турецких торговцев.

Турки быстро подавили мятежный дух, опередив русскую интервенцию. Они обещали имеретинский престол другому Гиорги, младшему брату убитого Симона, и царь Эреклэ любезно отправил молодого Гиорги в Ахалцихе, где паша взялся за его образование. Летом 1703 года оттоманские солдаты перешли реку Чорох и укрепили Батум; другие оттоманские войска вторглись через горы в Кутаиси, и турецкий флот высадился в Мингрелии и отправил в Кутаиси второй контингент¹⁷⁵. (Абхазы, воспользовавшись возможностью грабить, перебежали к туркам.) Правители Западной Грузии пытались блокировать дороги и эвакуировать народ, но турки брали замок за замком. Хотя Мингрелия не сдавалась, Гурия и Имеретия, где многие феодалы открывали дорогу туркам, развалились. Турки, однако, хотели только подавить сопротивление. Включать Западную Грузию в свою империю они не намеревались – это не позволило бы поработать народ, получивший оттоманское гражданство, и последним источником новых рабов стали бы Черкесия и Абхазия.

Вторая оттоманская армия готовилась к вторжению, когда Западную Грузию спас мятеж турецких солдат, которым не платили, в результате чего султан Мустафа II был свергнут. Новый султан Ахмед III не хотел финансировать кавказскую войну: его визирь Ахмед-паша, грузин по рождению, предложил царю Гиорги Абашидзе мир, при условии, что тот снесет замок Шорапани на картлийской границе, даст заложников и деньги и признает царем Имеретии Гиорги VII, сына покойного Симона. Гиорги Абашидзе сделал вид, что согласился, но перебил отступающих турецких солдат, из которых только немногие добрались до Ахалцихе. Ахмед-паша был тяжело ранен. 3 августа 1703 года об этой имеретинской «победе» казачий атаман Мазепа известил русских. Но турки заняли все побережье и все замки Западной Грузии. Полное опустошение Имеретии и «безалаберный, корыстный, скупердяйский» характер Абашидзе обрекли его царствование, несмотря на то что картлийский царь Вахтанг VI еще поддерживал его.

174 1728 ts'lis tbilisis vilaetis didi davtari // Eds. S. Jikia, N. Shengelia. Tbilisi, 2009; Shengelia N. [Sami osmaluri ts'qaro tbilisis ist'oriistvis 1730–1732]. Tbilisi, 2008. P. 401–479 (на груз. яз.).

175 *Rekhviashvili M.* Imeretis samepo 1462–1810. Tbilisi, 1989. P. 150–152.

К концу 1703 года турецкий кандидат на имеретинский престол, Георгий VII и его царица Руадам (дочь картлийского Георгия VII, тогда воевавшего в Афганистане) оказались нищими узниками в кутаисском замке. Жениться на Руадам молодого царя уговорил князь Георгий Микеладзе, которому она приходилась внучкой, и, таким образом, по женской линии Георгий VII стал родственником царя Вахтанга VI, от которого он и получил деньги. Тамар Абашидзе (дочь Георгия VI) возненавидела князя Микеладзе за то, что тот помог Георгию VII противостоять ее семье: она уговорила своего нового мужа, Липаритиани, прислать из Мингрелии своих людей, которые конфисковали земли Микеладзе и изгнали князя в Картли. Тем не менее власть Липаритиани, а следовательно, и племени Абашидзе таяла. Брат Липаритиани, Иесэ (женатый на Мариам, тете Георгия VII), решил перебежать к семье жены, и Липаритиани пришлось искать опоры против и Иесэ, и Георгия VII. Поэтому, не уступая своих поместий, Липаритиани назначил следующим Дадияни (правителем Мингрелии) старшего сына Кация и сделал Габриэла, одного из младших сыновей, чкондидским епископом.

Единство Западной Грузии, которое насильно ввел Георгий Абашидзе, быстро развалилось. Гурия и Мингрелия опять занимались работорговлей (в Имеретии такая торговля тогда являлась монополией Георгия Абашидзе). Вахтанг VI предложил Георгию выход: если его сын Леван женится на дочери Вахтанга, тот разрешит Георгию жить в своем картлийском поместье. Но Абашидзе, опасаясь, что Вахтанг пошлет Левана в Иран на «подтверждение», отказался. Вахтанг передумал и стал сторонником Георгия VII, и к 1707 году Георгий VII даже осмелился выйти из кутаисского замка на собственное венчание. Нового царя поддерживали католикос Григол и большая часть феодалов, но Абашидзе все не уезжал. Он вызвал зятя Липаритиани; они собрали армию и в битве одержали победу над Георгием VII и его рачинскими сторонниками. Тем не менее победа не помогла ни Абашидзе, ни Липаритиани. Тамар Абашидзе заболела и умерла; ее пасынки, которые не могли простить Липаритиани то, что тот развелся с матерью, перебежали к Георгию VII, как и три племянника Абашидзе. Вахушти, один из этих племянников, в конце концов женился на Ануке, дочери Вахтанга VI, и переселился в картлийское поместье Абашидзе.

В 1709 году царь Георгий VII, разгромив Абашидзе и его мингрельских и рачинских союзников, обменял военнопленных на так нужное ему серебро. Война бушевала в Мингрелии, Гурии и Раче, но в Имеретии только на территории сторонников Абашидзе. К 1711 году Георгий VII, еще более хищный, чем Георгий Абашидзе, уже не пользовался поддержкой своих подданных, и Маamia III *гуриели* смог захватить престол. Оба царя Георгий, VI и VII, нашли убежище у Вахтанга VI, который положил конец их вражде, взяв сына и дочь Абашидзе в заложники, после чего Георгий Абашидзе вернулся в Имеретию, а Георгий VII, в Ахалцихе. Год спустя Георгий VII тайком вторгся в Имеретию и с помощью Зураба, племянника Абашидзе, сверг Маamia III *гуриели*, на целых десять месяцев вновь заняв имеретинский престол. Проданные в рабство гурийские пленники жаловались: «Нас продали за наше собственное серебро!» (Маamia за свое короткое царствование, как ни удивительно, запретил работорговлю и в Гурии даже открыл школы.)

На Россию уже никто не возлагал надежд. В 1710 году Александр Багратион, закадычный друг Петра Великого, освобожденный шведами, умер в Риге от почечных камней, и через два года скончался от горя его отец, царь Арчил. От самого легитимного имеретинского царя оставалась только женская линия, и никто и ничто не мешало Западной Грузии расшатываться от предательств и вооруженных конфликтов.

При поддержке Бакара и католикоса Доменти, сына и брата Вахтанга, Георгий Абашидзе и Маamia III *гуриели* сговорились, что опять возьмут власть. Георгий VII думал только о личной мести: он возненавидел жену Руадам (дочь Вахтанга) и, влюбившись в Тамар, дочь Абашидзе, выколол ее мужу Нижарадзе глаза. Зимой 1713/14 года имеретинский трон оказался в руках Маamia *гуриели*, и гурийцы начали петь: «Имеретинцы вернули нам наше серебро». Маamia, однако, умер в январе 1714 г., и Георгий VII опять стал царем: по его приказу слепого Нижарадзе сбросили с утеса. Для картлийцев это было слишком: царь Иесэ,

брат Вахтанга, заставил Гиорги VII поклясться крестом, что он возьмет назад Руадам с сыном. Несмотря на клятву, Гиорги отправил жену с сыном в замок, в глушь Сванетии. Через два года Гиорги VII до того рассердил мингрельцев и гурийцев, что те попросили ахалцихского пашу вмешаться. В результате Гиорги IV *гуриели* смог захватить имеретинский престол на несколько месяцев, пока его не свергла собственная мать. (Как и его отец Маamia III, Гиорги *гуриели* открывал школы, пригласив из Синопа архиепископа Пимена, бывшего тушского раба, министром просвещения.) Гиорги VII в последний раз попытался добиться власти: возлюбленная его, Тамар Нижарадзе, скоропостижно умерла, и в Ахалцихе он женился на другой Тамар – «хрустальные щиколотки» (*кочиброла*), дочери Гиорги *гуриели*, не так давно еще бывшей замужем за родственником Дадияни. (Руадам все еще была жива, но ее замок в Сванетии разгромили мингрельцы и имеретинцы.) Эрзурумский и ахалцихский паша, которые не могли решить, кого поддерживать в Имеретии, выслали Гиорги VII в Константинополь. В отсутствие имеретинского царя рачинский и гурийский князья еще более свирепо хватили чужих жен и чужие земли, продавали в рабство или нападали с оружием, и дело дошло до того, что в августе 1719 года (оттоманы всегда предпочитали вторгаться в августе) султану пришлось восстановить Гиорги во власти. Многострадальный народ вздохнул с облегчением, а распоясавшиеся феодалы возмутились: в феврале 1720 года Симон Абашидзе на банкете убил Гиорги VII и продал его придворных в рабство. Гиорги *гуриели* опять вззошел на престол. Имеретинцам надоела анархия: они тосковали по законной и постоянной власти. Когда братья Симон и Леван Абашидзе, по приглашению Вахтанга VI, воевали в Юго-Восточной Картли, оттоманы с одобрения Бежана, в 1710 году ставшего Дадияни после брата Кация, венчали на престол Александрэ V, сына только что убитого Гиорги VII. Александрэ останется на имеретинском престоле целых тридцать два года, пусть и с краткими перерывами.

Сначала власть Александрэ V не простиралась дальше его казенных поместий. Турки управляли Кутаиси, и Бежан Дадияни правил в остальной Западной Грузии, укрепив положение бракосочетанием своей дочери с царем Александрэ V и отменой работорговли. Сам Александрэ зависел от субсидий картлийского царя Вахтанга, чтобы подкупать феодалов, которым он раздавал последние оставшиеся в его распоряжении замки и земли. Мачеха Александрэ V, Тамар «хрустальные щиколотки», вместе с чкондидским епископом (дядей Дадияни) отправилась в Ахалцихе, чтобы организовать заговор против царя. Паша передал эту пару Бежану Дадияни, который заточил Тамар и расстриг своего дядю (известного атеиста и мужеложца).

Александрэ сблизился с Вахтангом, и имеретинцы помогли картлийцам напасть на Гянджу в 1721–1722 годах. Но Александрэ не мог следовать реформам Вахтанга: ему приходилось умиротворять крупных феодалов, таких как Абашидзе, продававших крестьянские семьи в рабство, и он не мог остановить поток крепостных беглецов, спасающихся в Картли или Самцхе. (Когда он был у власти, Гиорги *гуриели* продавал только те крестьянские семьи, за которыми были недоимки.) В оттоманском Ахалцихе имеретинские крестьяне, будь то рабы или беженцы, не тосковали по родине: жизнь там была относительно мирная.

К 1722 году Западная Грузия целиком попала под оттоманскую власть: 500 янычар с тяжелой артиллерией занимали Кутаиси; в Сухуме тоже было 500 янычар, а в Поти – 200. Когда 12 (23) июня 1724 года по Константинопольскому мирному договору Петр Великий уступил оттоманам всю Грузию и проигравший Вахтанг VI уехал в Астрахань, надеяться больше стало не на что. В 1722 году в Россию отправил посланников Александрэ V, а в 1724 году – рачинский князь Шошита. Ответа не было. Гурия перешла на сторону турок; Абашидзе отдал оттоманам пограничную крепость Шорапани. Но ахалцихский паша воздержался от полного вторжения: он боялся, что его отправят воевать в Африку, если он доведет до конца завоевание Имеретии. Султан смотрел на Имеретию как на незначительное захолустье по сравнению с Балканами, и оттоманские гарнизоны, часто составленные из грузин или абхазов, как правило, дружили с народом.

В Картли и Кахетии период с 1724 по 1732 год считался восьмилетней «турковщиной». Царь Константинэ избежал турецкого захвата и, договорившись с лезгинскими разбойниками, поднял восстание. Он отправил в Россию монаха Зебедэ, которого покойный Александрэ Багратион любил, но Москва ничего не предложила, кроме убежища. Константинэ, когда он насильно обращал кахетинских крестьян в мусульманство, был «гордым и готовым убивать подлый народ», но наемных лезгин он не мог обуздать. Лезгины претендовали на часть Картли и совершали набеги и грабежи даже в Самцхе, но, когда они пытались заселять Кахетию, их убивало местное население. Турки отделили Восточную Кахетию в пользу дагестанских авар и цахуров и переселили осетин в глубь Картли. Хотя в Картли царствовал Иесэ, за ним надзирал Исхак-паша из Ахалцихе, и шестью картлийскими провинциями управляли грузинские феодалы, подчиняющиеся не царю, а самому паше.

Двойное налогообложение, царское и турецкое, вынуждало население либо бежать за границу, либо все отдавать ростовщикам. Помещики, не отрекшиеся от христианства, лишались владельческих прав. Купцы уже не могли торговать с Ираном. Оттоманское уголовное правосудие ужасало грузин: повешения, распятия, порки вызывали мятежи, как и унижения феодалов, которые недостаточно быстро доставляли лошадей – их седлали, на них сажали ездока и пороли. Турки опустошили территорию мятежных арагвинского и ксанского князей.

Единственным делом, объединявшим турок и их грузинских подданных, оказалась борьба против дагестанцев, со все большей смелостью угонявших скот и похищавших людей (что приносило ущерб оттоманским налоговым доходам). Совместные картлийские и оттоманские войска в 1732 году оттеснили лезгин, и в 1733 году Мамука Мухранбатони вместе с Исхак-пашой построили оборонную стену. Тем не менее беглые крестьяне не хотели возвращаться: из-за эмиграции, работорговли и эпидемии чумы Картли до такой степени обезлюдела, что дикие звери занимали ранее населенные места и нападали на тех, кто там еще остался.

Константинэ мало интересовался Кахетией: ему хотелось заниматься не восстановлением собственного царства, а завоеванием Картли. 28 декабря 1732 года турки, убедившись, что Кахетия тяготеет к иранцам, убили Константинэ в то время, как он вел переговоры в Ахалцихе с Юсуф-пашой. Его брат Теймураз II, кахетинский наследник, бежал в Пшавию. Турки оккупировали Кахетию и, когда Теймураз сдался, сделали его царем.

Шахом Ирана стал Аббас III, и чаша весов склонялась в его пользу, в то время как Турция оказалась окруженной врагами. В 1733 году арагвинский князь Бардзим и ксанский князь Шанше отправили Вахтангу VI письмо с приглашением вернуться из России. Вахтанг энтузиазма не проявил. В следующем году иранские войска отвоевали у турок Шемаху и через год заняли Гянджу, оттеснив таким образом русских с побережья от Баку до Дербента и помешав вернуться грузинам, в 1724 году эмигрировавшим с Вахтангом. Гиви Амилахори, которого турки назначили правителем Нижней Картли, взбунтовался и изгнал оттоманский гарнизон из Гори; Теймураз II с иранской помощью освободил Кахетию от турок и лезгин. Иранцы и грузины под командованием Тамаза Кули-хана (будущего Надир-шаха) разгромили турок в Тбилиси и Ереване. Турция к 1736 году воевала и с Австрией, и с Россией: она покинула Картли и Кахетию.

Недоверчивый Тамаз Кули-хан заточил некоторых грузин, с которыми вел переговоры в Ереване: иранцы вообще предпочли Теймуразу II его мусульманского племянника Александрэ как кандидата на картлийский и кахетинский троны. В 1736 году Надир-шах, первый и самый страшный из афшаридской династии, завоевал Восточную Грузию и сверг своих предшественников Аббаса III и Тахмаспа II; взяв Кандахар, он вскоре добился полной власти. Он обходился с картлийцами так же жестоко, как турки: Тбилиси заплатил ему 8000 туманов, крестьянство – 2000, не говоря уже о 75000 пудов пшеницы и поставке 2000 солдат. Александрэ, признанный царь Картли и Кахетии, вернулся с иранским генералом Сефи-ханом и еще более крутыми налогами. Хотя некоторые феодалы, такие как арагвинский

князь Бардзим, поддерживали иранцев, другие, например ксанский князь Шанше, перешли к Теймуразу II и не выпускали Сефи-хана из тбилисской цитадели.

В 1737 году иранская армия пришла силой утвердить свой суверенитет. Ксанский князь Шанше бежал сначала в Имеретию, а потом в Россию, где пытался уговорить Бакара, сына Вахтанга, вернуться на родину. Без согласия Бакара и без сочувствия Москвы Шанше вернулся сам и начал борьбу. Надир-шах тогда воевал в Индии и не хотел войны на двух фронтах; он понимал, что христианскому царю легче будет хранить мир в Восточной Грузии. Из предосторожности он увез с собой заложниками в Исфахан Теймураза с сыном Эреклэ и дочерью Кетеван: Кетеван Надир-шах выдал за своего родственника, а Эреклэ, уже показавшего военный талант, отправил на индийский фронт. Через два года освобожденный Теймураз вернулся со свитой и стал царем Кахетии. Учитывая силы Ирана, Теймураз почтительно относился к шаху, который в 1741 и 1744 годах сам назначил католикосов-патриархов. В отличие от Кахетии Картли все еще находилась в хаотичном состоянии: ксанский князь Шанше напал на соседа, арагвинского князя, и перебил его крепостных и солдат.

Для противостояния дагестанским набегам картлийцы, кахетинцы и иранцы объединились: грузины больше не терпели лезгин, спускавшихся с гор в Тбилиси в поисках заложников; иранцы нуждались в плацдарме, чтобы отбиваться от вторжений русских в Закавказье. Война с Дагестаном дорого обошлась грузинам: иранская армия требовала 3000 телег с зерном и 4000 волов. Некоторые грузины принимали сторону лезгин и их оттоманских хозяев. К 1740 году Надир-шах, поняв, что его истерзанные войной ширванские и курдские подданные больше не могут терпеть, решил, что лучше пойти на мирный договор, по которому лезгины не грабили, а дешево покупали зерно и соль. Чтобы выполнить условия договора, Надир-шах сделал опись Восточной Грузии: все дома, животные и виноградные лозы были обложены налогом. Неурожаи 1741 и 1742 годов, вместе с новыми налогами, заставляли крестьян либо убегать в оттоманские земли, либо уничтожать налогооблагаемую собственность, либо продавать детей в рабство по два *тумана* за ребенка.

От гражданской войны жизнь стала еще хуже. Чтобы подавить повстанцев, Теймураз II упразднил Арагвинское и Ксанское княжества и натравил тушских горцев на осетин, живущих в Арагвинской долине. В 1745 году, после пятимесячной осады крепости Сурами, Теймураз захватил последнего мятежника, Гиви Амилахори, и отправил его в Иран. Благодарный Надир-шах освободил Кахетию от дани, назначил Теймураза II царем Картли, а его сына Эреклэ царем Кахетии. Двойной коронацией обоих царей 1 октября 1745 года во Мцхете иранский шах впервые полностью признал христианских монархов в Грузии. (Грузия была многим обязана дипломатическим искусствам царицы Аны, второй жены Теймураза II, выдавшей дочь Кетеван за племянника Надир-шаха, Али Кули-хана, и пробудившей в кремне-шахе несвойственное ему великодушие.)

Тем не менее Надир-шах постепенно делался все более жестоким и мнительным, иногда до невменяемости. Своему узнику Гиви Амилахори он вдруг поручил карательные войска в 30000 человек и затем вызвал в Иран царя Эреклэ. В 1747 году вместо Эреклэ, однако, поехал отец, Теймураз II, который надеялся на свой дар убеждения, чтобы иранцы ему не выкололи глаза: к счастью для Грузии, в июне этого года, до встречи с царем, Надир-шаха убили. Теймураза II в Казвине принял Али Кули-хан, племянник покойного, нуждающийся в поддержке Теймураза в борьбе за иранский престол; в связи с этой борьбой все иранские гарнизоны покинули Грузию.

Пока Теймураз был в Казвине, один из его племянников, Исак-бег, сын Иесэ, попытался захватить картлийский престол. Эреклэ сразился с Исак-бегом, и в Тбилиси никто не мог спать, пока пушки не превратили царский дворец и Сионский собор в щебень. На юге город Дманиси был целиком разрушен. Эреклэ одержал победу и, вторгнувшись в армянское и азербайджанское ханства, объявил их грузинскими провинциями и восстановил границы средневековой Грузии. В 1749 году овдовевший во второй раз Теймураз II вернулся домой: цари Картли и Кахетии стали вдруг вершителями судеб Ирана: английский путешественник и

торговец Джонас Ханвей писал: «До сих пор говорят, что шансы царя Эреклэ выше, чем у любого соперника» и был убежден, что только христианская вера мешает Эреклэ стать шахом Ирана¹⁷⁶. Вскоре Али Кули-хана, племянника Надир-шаха, ослепил собственный брат Ибрагим; затем Ибрагима убили. Сам Теймураз II возвел на иранский престол малолетнего сына Надир-шаха, Шахроха, который вплоть до 1760 года (когда он стал лишь губернатором Хорасана), остался благодарным Грузии. Грузины вернулись из ссылки и плена; Шахрох даже простил картлийцев, перебивших иранский гарнизон в Тбилиси, и ежегодно посылал Теймуразу подарки: Теймураз стал главнокомандующим, а Эреклэ заместителем главнокомандующего северо-западными иранскими войсками.

Ослабление Ирана породило давно не виданный экономический рост восточной Грузии: опустошенные края, где выжил всего один процент населения, начали расцветать. За одно поколение сильно сократившееся население Картли и Кахетии – к 1740 году насчитывалось 42000 очагов, то есть 250000 душ, – удвоилось. В 1747 году феодалы, занимавшиеся работоторговлей, покаялись перед католиком, Антоном Великим (сыном царя Иесэ). У Картли и Кахетии границы были теперь хорошо защищены; предвиделось объединение, так как имеретинский царь Александрэ V связался с Картли политически (через двадцать лет его сын Арчил женится на дочери Эреклэ).

Расцвела культура. С 1749 года в Тбилиси опять печатались книги. Эреклэ II хотел не только литургических изданий, но и стандартного литературного языка. Он отдал типографам десятикомнатное здание рядом с монетным двором, назначив царским типографом сначала турко-армянского типографа, потом грузина Кристепорэ Кежерашвили и затем Абрама, еврея, ставшего игуменом монастыря Гаресджа¹⁷⁷. В последующие сорок лет типография напечатала около 40 названий, главным образом литургических, если не считать рассказа о том, как царь ввез типографию из Константинополя, и переведенной с русского *Мудрости Китая*. Тиражи часто доходили до 1000 экземпляров.

В 1750 годы, отрезанная оттоманами от Картли и Кахетии Западная Грузия сильно отставала. Александрэ V, как и его предшественники, приходилось участвовать в бесконечных междоусобицах: он часто зависел от мингрельца Бежана Дадияни, вполне способного подвести царя, своего зятя, не будь у Александрэ преданных телохранителей. Бежан помог Александрэ отнять у гелатского епископа, брата мощного рачинского князя Шошита, одну крепость, а в 1728 году Дадияни вместе с имеретинским царем сровняли с землей замок Шошита в Сканда. Но против оттоманов на побережье или в таких крепостях, как Гегути и Шорапани, Александрэ был бессилён. В 1728 году Зураб Абашидзе попросил ахалцихского пашу прислать сына Юсуфа в замок Гегути для переговоров. Бежан Дадияни, получив охранную грамоту, пошел на встречу с Юсуфом: его закололи, как только он переступил порог замка.

Смерть тестя Дадияни уняла страхи Александрэ. В 1730 году он мог даже сотрудничать с турецким пашой Потти в борьбе с черкесскими и абхазскими пиратами. Новый Дадияни, Отиа, насторожившись после убийства отца Бежана, смотрел на эту кампанию как на атаку и на Имеретию как на врага. Александрэ слишком поздно понял, что напрасно сотрудничал с Турцией: в тот момент, когда абхазы уже одерживали победу, имеретинцы покинули поле битвы. Тем временем Отиа Дадияни вместе с племенем Абашидзе и рачинским князем сговорились свергнуть Александрэ. Кандидатом на престол выбрали брата Александрэ Мамуку, за которого Отиа выдал свою сестру. Мятежники не давали Александрэ выходить из кутаисского замка, но, опасаясь оттоманской реакции, не смели обстреливать замок пушками. Александрэ ответил собственными стратегическими браками: овдовев, он больше не приходился Дадияни зятем и поэтому женился на дочери Левана Абашидзе; затем, выдав собственную дочь за Маamia IV *гуриели*, он обеспечил гурийский нейтралитет.

176 Hanway J. An Historical Account of British Trade over the Caspian Sea. L., 1753.

177 Mamistvalishvili E. [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 165.

Тем не менее Отиа Дадияни и рачинский князь хотели смерти Александрэ. Царь подкупил Гедевана, гелатского епископа, брата рачинского князя, разрешив ему расстреляться, жениться на картлийской царевне и назначив его «князем долины». Но уступки не помогли: во время тяжелых снегопадов зимой 1732 года вспыхнула гражданская война. На битве при Чихори Отиа Дадияни был ранен и взят в плен, его брата Кация убили, а нераскаявшихся рачинских и мингрельских пленных продали в Турцию.

Александрэ не раз связывался с Россией, но в 1732 году на обратном пути его посланник архимандрит Николоз потерял ответ императрицы Анны. Когда в 1736 году разразилась Русско-турецкая война и русские взяли Азов, Александрэ до того приободрился, что отправил в Россию ксанского князя Шанше (высланного из Картли) с гелатским епископом Габашвили и 35 людьми. Имеретинцы привезли с собой карту Западной Грузии, составленную Габашвили, новый текст клятвы в верности, проект освободительной войны и очередную просьбу прислать 20000 солдат. Но в 1739 году война кончилась Белградским мирным договором, и русским уже стало безразлично турецкое присутствие в Закавказье.

Тогда Александрэ попытался примириться с врагами. Выходив раненого Отиа Дадияни, имеретинский царь предложил ему власть над Лечхуми. Турки, однако, были неумолимо против такого примирения и угрожали Александрэ вторжением, если он не восстановит Отиа Дадияни в Мингрелии. Александрэ сдался, пожертвовав турецкому генералу дочь и своему брату Мамуке, с которым он давно не общался, – поместье. Опустошив казну, пренебрегши увещеваниями католикоса Григола, Александрэ прибег к работорговле, чтобы заплатить оттоманские подати. (В Мингрелии безденежье было еще острее: в докладе 1747 года французскому правительству отмечается, что торговля с Мингрелией невозможна, так как даже католикос из-за отсутствия серебряных монет рассчитывается рабами)¹⁷⁸. Брачные союзы, оказалось, не укрепляли, а ослабляли власть Александрэ: ему пришлось обезглавить зятя Давита Абашидзе вместе с другим изменником, феодалом Папуной Церетели. Горюющий Зураб Абашидзе втянул рачинского князя и восстановленного Отиа Дадияни в новый заговор, но предупрежденный царь приказал ксанскому князю Шанше и 500 лезгинам опустошить территорию врагов. Натравливание мусульман лезгин на христиан грузин считалось кощунственным, и Александрэ пришлось отпустить лезгин и запретить им поработать народ. Без лезгинской помощи Александрэ устроил в Картли захват Вахушти Абашидзе, брата Зураба, ради выкупа. Напрасно католикос Доменти заявил протест: Александрэ повернулся к нему спиной. Юсуф-паша прислал лошадь с роскошной упряжью, шубу и двадцать мешков серебра, но выкуп оказался недостаточным.

Разгневанные упрямством Александрэ V, в 1740 году Отиа Дадияни, Зураб Абашидзе и абхазские феодалы подожгли царский дворец в Варцixe, чуть не погубив царя и царицу. В следующем году армия Юсуф-паши заставила Александрэ уступить престол младшему брату Гиорги и уехать с семьей в Картли. Вначале Александрэ приняли в Картли с подобающим царю уважением, но затем заточили; он вышел на свободу только благодаря «князю долин», похлопотавшему о нем перед Надир-шахом в Дербенте. Надир-шах, в свою очередь, похлопотал перед ахалцхским пашой, который восстановил Александрэ на имеретинском престоле, даже не испросив разрешения у оттоманского султана. Тем не менее Александрэ еще не избавился от врагов: главным заговорщиком против него стала его мачеха, Тамар «хрустальные щиколотки». Она была княгиней в Гурии, гостьей в Ахалцixe, пленницей у Дадияни и, таким образом, была обязана всем, кроме имеретинского царя. Александрэ принял беспощадные меры: Тамар он обезглавил, сторонников ее брата Гиорги Абашидзе изгнал, продав их семьи в оттоманское рабство. Зураб Абашидзе бежал сам, и Леван, ставший главой клана Абашидзе, но все еще тесть Александрэ, уже не знал, к кому примкнуть. В 1743 году очередной мятеж заставил Александрэ воззвать к Ахалцixe о помощи. Мятеж закончился убийством рачинского князя, наследник которого, Вахтанг, целых три года относился к Александрэ с почтением. В 1746 году, после очередного мятежа, брат

178 *Lang D. M. The Last Days of the Georgian Monarchy. N. Y., 1957.*

царя Мамука захватил престол на три года, но в 1749 году ахалцихский паша помог Александрэ вернуться к власти. Он умер царем в 1752 году.

К середине века Картли и Кахетия в отличие от Имеретии были дружны и сильны. Хотя царю Эреклэ II не хватало дипломатического таланта отца, Теймураза II, он был блестящим полководцем и правителем и расширял страну, не обращая внимания на враждебную реакцию соседей. Перестроив правительство на русский лад, Эреклэ укрепил казенный авторитет. Обложив налогами все сословия, он мог содержать и государство, и армию. Его агенты, «сгонщики» (*мкрелеби*), уговаривали или заставляли беглых крепостных в Нахичевани и Карабахе либо вернуться домой, либо заселить казенные земли. Из оттоманской Джавахети Эреклэ выманивал иммигрантов. Осетин-христиан расселили в долинах, и грузинские посланники поехали в русско-черкесский город Моздок предложить участки в Грузии грузинам-беженцам и даже черкесским и русским жителям (последним русское начальство запретило принимать приглашение). В Южной Кахетии, Тбилиси и Гори Эреклэ селил армян не всегда по их воле. Русские путешественники отмечали, что Эреклэ пытался оживить район Кварели, посадив виноградники и персики и привезя 250 туркменских семейств из Ирана.

К крепостным Эреклэ относился сурово и охотно прибегал к насилию, «чтобы они не ныли». Но и помещикам он не всегда поддакивал: «Боже упаси, чтобы крепостной пропал или сделался казаком»; те, кто развращал крепостных девушек, получали строгий выговор. В 1754 и опять в 1770 годах продажа крепостных без земли была запрещена. Эреклэ, католикос и *дарбази* объявили, что бывшие военнопленные и рабы, вернувшись на родину, станут свободными крестьянами на казенной земле. Освобождали и некоторых церковных крестьян, и отставных солдат. Хотя крестьяне большей частью оставались крепостными, среди рабочего народа уже стало гораздо больше вольных.

Сельское хозяйство в Картли и Кахетии модернизовалось: в Горной Тушети выращивали новые виды зерновых; зерно так подешевело, что голода больше не боялись. Крестьяне платили налоги фруктами или грецкими орехами. Новые заводы производили сахар, стекло, ткани и оружие, хотя порох остался правительственной монополией. В шахтах и в литейных 2000 греческих ремесленников производили драгоценные и цветные металлы, включая полтонны серебра в год. Законы о наследстве охраняли семейное богатство купцов. В Тбилиси ввели таможенную пошлину в 2,5 %. Хотя главным торговым партнером Картли и Кахетии оставался Иран, теперь Россия покупала шелк и лошадей за скобяные изделия, сервизы, бумагу и ткани. Эреклэ учредил новое правосудие, «суд главного секретаря» (*мдиванбегис сасамартло*), и царский *дарбази* расширил свою компетенцию: став постоянным верховным судом и государственным советом, он издавал декреты и приговоры. Правительственные министерства составили «особый совет», в который входили два министра иностранных дел (один христианин, один мусульманин) и влиятельный мэр Тбилиси. Была создана городская полиция.

Картлийский расцвет ободрил оттоманских христиан (армян и ассирийцев). Многие эмигрировали в Картли, где Эреклэ принимал их с радостью, как авангард, который когда-нибудь спасет Самцхе после стольких веков оттоманского гнета.

Политику Эреклэ и власть помещиков не всегда и не везде терпели: когда феодал, Елиозашвили, потребовал больше обычных 50 дней барщины, крестьяне набросились на его семью, сожгли его церковь и украли 500 бочек его вина. В 1773 году одна пшавская община разрушила замок своего феодала и два месяца держала его в заложниках; в 1777 году ксанские крестьяне взбунтовались, когда Эреклэ предложил восстановить княжество, упраздненное его же отцом. Введенные в 1780 году государственные облигации, по которым богатые должны были дать займы по 3 *тумана*, вызывали протесты.

Все 1750-е годы Теймураз II и Эреклэ II энергично распространяли свою власть на юг и восток. Мусульмане принимали христианство, Карабахское и Гянджинское ханства подчинились Грузии; Эреклэ даже захватил Тебриз¹⁷⁹, поразив афганцев и узбеков Азат-хана,

179 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 389.

взбунтовавшегося против Шахроха (Азат-хан провел целый год в заключении в Тбилиси). Изредка случались неудачи: в феврале 1751 года хан Шаки чуть не взял Эреклэ в плен. 1750-е годы были первым за несколько веков десятилетием, когда на исконно грузинской земле не было войны. Неплюев, русский посол в Константинополе, признал, что Эреклэ – неоспоримый правитель. На самом деле его завоевания в Иране встревожили Россию, которая перестала выказывать поддержку. Наоборот, Россия боялась оттоманской реакции и в то же время опасалась, что грузинский интерес к Ирану приведет к тому, что Эреклэ станет шахом.

Дагестанцы продолжали свои набеги: хотя в 1752 году лезгины согласились на мир, все 1750-е годы аварские дружины из тысяч воинов бродили по Кахетии и Картли: открытого сражения они избегали, но чинили страшные опустошения. Необходимо было оказать давление на авар с севера, и в 1760 году Теймураз, надеясь, что Россия все еще будет вести себя как покровитель, отправился туда, чтобы попросить либо войска, либо деньги, либо наемных солдат. Теймураз попытался уговорить императора Петра III возвести русскую марионетку на иранский престол (Шахрох лишился власти, и страна переходила из рук в руки разных воевод). Целиком поглощенная Семилетней войной, Россия не хотела заниматься кавказскими делами. Возвратившись с пустыми руками, 8 января 1762 года, Теймураз скоропостижно скончался в Астрахани. Эреклэ стал царем и Картли, и Кахетии.

Поездка Теймураза в Россию встревожила Карим-хана, который прибрал к рукам всю власть в Западном Иране: Карим-хан смотрел на Картли-Кахетию как на троянского коня, подосланного Россией в Иран; он не поверил Эреклэ, отмежевавшемуся от инициативы Теймураза. К счастью, азербайджанские ханы поддерживали Эреклэ, иначе Карим-хан вторгся бы в Картли. На Россию давили Англия и Франция, чтобы она оставила Закавказье оттоманской Турции: отчасти поэтому Россия начала ставить Эреклэ палки в колеса. В Петербурге ютились Багратиды, претендующие на грузинские престолы, и кое у кого была поддержка даже в Картли. Незаконный сын Вахтанга VI, Паата, опытный артиллерист и мастер по отливке пушек, уже в 1752 году был отпущен из Петербурга в Картли. Ему было горько жить в России на крошечную пенсию и фактически под домашним арестом: в Картли он участвовал в заговоре вместе со строптивыми Мухранбатони и Амилахори, из которых один возненавидел царя Эреклэ, запретившего ему жениться на царской сестре.

В 1765 году заговор вскрылся уже в широком плане. В нем были замешаны тбилисские купцы и, судя по тому, что заговорщиков выдал ремесленник из Самшвилде, и провинциальное мещанство. Эреклэ назначил особый *дарбази*, включавший и крестьян, и аристократов, и предал заговорщиков открытому суду, перед которым он сам дал показания. Вынесение приговоров Эреклэ оставил судьям: двадцать два обвиняемых (возможно, среди них азербайджанско-грузинско-армянский поэт Саят-Нова) были оправданы, остальные жестоко наказаны. Цесаревича Паату и одного из его соучастников обезглавили; некоторых сожгли на костре (обычное наказание за убийство ядом), кому-то отрезали нос, кому-то вырезали язык. Как ни странно, но российское «просвещение» сделало увечья и казни привычными вещами в царствование Эреклэ. (Записка капитана Языкова о Грузии 1770 года докладывает: «Царское правление самовластное, но народ не весьма послушлив, и не строго исполняют повеления; наказании же их: голову рубят, живых закидывают камнями, язык, нос и уши обрезавают, а легчайшее – бьют палками по пяткам; также царь наказывает по большей части отъемом всего имения, что ему не малый доход составляет»)¹⁸⁰.

После казни цесаревича Пааты Россия подбросила в Картли еще одного соперника Эреклэ. В 1766 году императрица Екатерина «изволила отпустить искать свое счастье» гвардейца цесаревича Александрэ, сына Бакара и внука Вахтанга VI, рожденного в России. Сначала Александрэ поехал в Шираз и попросил Карим-хана помочь ему. Когда в 1779 году

180 Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2 т. СПб., 1891. Т. I. С. 121–140.

умер Карим-хан, Александрэ по приглашению царя Соломона I поехал в Имеретию и оттуда попытался поднять бунт в Тбилиси. В 1782 году, вместе с изувеченным Александрэ Амилахори, цесаревич Александрэ поехал в Дагестан, но там, по просьбе Эреклэ, цесаревича арестовал русский гарнизон, и он умер через девять лет в смоленской тюрьме.

Уже в 1770-х годах Эреклэ, с помощью русских советников, руководств по военному обучению и введения офицерских чинов полностью преобразовал армию. Царская гвардия составляла ядро постоянной армии (которой, несмотря на солдатское жалование, все еще разрешалось грабить вражескую территорию). На убогом пороховом заводе в Тбилиси педальными машинами мешали селитру, серу и деревянный уголь в огромной ореховой ступе с толкушкой из гранита¹⁸¹. В 1774 году ввели обязательную военную службу: один мужчина из каждой семьи ежегодно служил месяц за свой счет. Гражданское развитие отставало от военного: ботаник Гильденштедт находил Тбилиси в 1772 году городом грязным, где 20000 человек теснились в полуразрушенных домах с окнами из промасленной бумаги, за отсутствием стекла, и он не удивился тому, что в 1770 году от чумы умерло 4000 человек.

В 1752 году, когда семнадцатилетний Соломон I унаследовал престол после смерти отца, царя Александрэ V, Имеретия и вся Западная Грузия начали оправляться от смятения: царь Эреклэ мог мечтать о скором объединении страны. У Соломона оказались та волевая сила и храбрость, без которых Имеретия не могла освободиться от османского ига и от честолюбия феодалов. Соломон хотел, как Теймураз II и Эреклэ II, централизовать и утвердить казенную власть, но его усилиям упрямо сопротивлялись развращенные местные князья. Не только Мамаи *гуриели* и абхазский католикос Бесарион, брат рачинского князя Ростом, но и царская родня – дед Леван Абашидзе, дяди Мамука и Гиорги, мать Тамар – заставляли молодого Соломона ехать в Ахалцихе просить защиты у османов. Паша рад был покровительствовать такому податливому, как ему казалось, юноше, и Соломон, сделав вид, что считает себя турецким вассалом, был восстановлен на престоле. В Кутаиси, однако, он сразу отомстил, сослав мать в Мингрелию, заточив дядей, конфисковав у деда усадьбу и отправив карательную экспедицию в Гурию, где на несколько месяцев имеретинцы свергли Мамаи и сделали его брата Гиорги *гуриели*. Рачинские феодалы, князь Ростом и католикос Бесарион, пока оставались неприкосновенными.

Соломон, как и его предшественники, развелся и женился снова, чтобы укрепиться на престоле. Сообразив, что Мингрелия – самый сильный из всех противников, он развелся с абхазской княжной Тинатин и женился на Мариам, дочери Отиа Дадияни. Мариам была намного более грамотной, чем Соломон, и оказалась мудрой советницей. Обезоружив мингрельцев, Соломон подружился с Мамаи *гуриели* и сыскал себе популярность среди мелкого дворянства. Его кампании против мусульманства и работорговли пользовались широкой поддержкой. Трудно было платить османские подати, когда платить было нечем – ни деньгами, ни льном, – кроме людей, в особенности девушек. Османские нравы глубоко проникли в жизнь Западной Грузии и испортили торговлю, государственные институты, нравы и политическую солидарность. Даже церковь, очаг нравственности, была развращена. Соломон вернул церкви земли и крепостных, которые были украдены феодалами, и освободил церковь от многих налогов. Работорговля была распространена: имеретинские феодалы продавали юношу или девушку туркам за лошадь, саблю, даже банку с икрой. Соломон не только страшил, но и обеднял феодалов, объявив карой за работорговлю смертную казнь. Казни были жестокие: приговоренных закладывали в деревянные пушки и палили ими как снарядами или заживо хоронили в негашеной извести.

В декабре 1759 года Соломон созвал парламент вместе с церковным собором всей Западной Грузии. Целый месяц обсуждали перестройку церкви и подавление работорговли¹⁸².

181 Гильденштедт И. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002; Klaproth J. Güldenstädt's Beschreibung der kaukasischer Länd. Berlin, 1834.

182 Акты I.C. 56 (представлен текст обещаний, данных феодалами церковному собору).

Благодаря Соломону имеретинская церковь, как и картлийская, стала исполнительной ветвью государственной власти. Кутаисская епархия вновь стала центром власти со своими доходами: церкви было разрешено оставить за собой землю и крепостных, взятых у мирян, и церковные крепостные освободились от государственных налогов. Миряне уже не могли вмешиваться в церковные дела, недостойных священников расстригли, церковные здания отреставрировали. Чтобы оживить сельское хозяйство и заново заселить деревню, Соломон подражал Теймуразу II и Эреклэ II, но шел еще дальше. Он даже предупреждал помещиков: «На любой земле, где у вас есть крестьяне, никакой барщины и никакого оброка нельзя требовать». Чтобы нарушить монопольную власть феодалов над крестьянами, Соломон покупал, конфисковывал или просто сносил замки. Многих феодалов Соломон превратил в «клятвенных мужей» (*пицис кацни*) : 15 мая каждого года все «клятвенные мужи» с крепостными, священниками, несшими образа, и во время войны с тысячей вооруженных солдат собирались на лугу Лекерца, повторяли клятву и две недели пировали. «Клятвенным мужам» разрешался доступ к царю, который мог прощать им все преступления, кроме измены.

Запрет на работорговлю сильно воздействовал на ахалцихского пашу. Он вовлек в заговор против царя его дядю Мамуку, сосланного в Самцхе, попробовал подкупить Мамина *гуриели* , которого уже вернул к власти в Гурии и поощрил мятеж племени Абашидзе и рачинского князя Ростом. Рача, защищенная высокогорной Сванетией с севера и рекой Риони с юга, считалась почти неприступной. Осенью 1757 года Леван Абашидзе привел в Имеретию оттоманскую армию: страна раскололась – Верхняя Имеретия поддерживала Абашидзе, Нижняя – Соломона. Турки заняли все крепости. Соломон, с поддержкой Мамина *гуриели* и Кация, сына престарелого Отиа Дадияни, призвал всех боеспособных на битву.

Битва при Хреси 14 декабря 1757 года воскресила Имеретинское царство. Хотя убитых имеретинцев и мингрельцев было много, оттоманские войска и сам ахалцихский паша были истреблены, после того как солдаты Абашидзе и Ростом перебежали к царю. Леван Абашидзе погиб, а Ростом убежал в Рачу. За этой битвой последовали в 1758 году еще две: одно поражение, а затем окончательная победа.

Оставалась турецкая угроза: Соломон согласился платить дань, но отказался вывозить рабов. В отместку за отказ Хаджи Ахмед, новый ахалцихский паша, отправил в Имеретию турок и лезгин, которые разрушили гелатский монастырь и ограбили народ. Соломон сам поехал в Ахалцихе увещевать пашу: Хаджи Ахмед отпустил его с 3-тысячным войском, якобы чтобы наказать турецкий гарнизон за грабеж. Не дойдя даже до имеретинской границы, это войско было истреблено «клятвенными мужами». Султан приказал, чтобы Хаджи Ахмеда задушили за излишнюю доверчивость. В 1759 году Соломон послал царицу Мариам в Ахалцихе, чтобы договориться о мире, но переговоры оборвались, так как новый паша Ибрагим настаивал на вывозе рабов.

Встретив Эреклэ в 1758 году в Гори и подписав договор о взаимной помощи, Соломон уже начал процесс объединения. Оба царя помогали друг другу противостоять лезгинским набегам, и в имеретинской армии служили картлийские офицеры, обученные в России. В 1760 году Соломон, Дадияни и рачинский князь отправили в Картли 15000 солдат, как подкрепление картлийской атаке на Гянджу. Амасийский мирный договор 1555 года на бумаге запретил совместные акты грузинских царей под оттоманским и иранским суверенитетом, но Иран до такой степени ослабел, что уже не мог вмешиваться. В 1760 и 1761 годах Соломон отеснил две турецкие карательные экспедиции; третье оттоманское вторжение не состоялось, когда курдские солдаты взбунтовались против паши, запретившего грабеж. Попытка вторгнуться в Имеретию через Картли не удалась: царь Эреклэ пресек атаку.

Чем сильнее становился Соломон, тем усерднее турки старались его свергнуть. В 1764 году турки отдали в распоряжение Теймураза, племянника царя, армию взамен обещания возобновить продажу рабов. Через год турки вторглись, назначили нового *гуриели* , устрасили Дадияни и переманили к себе рачинского князя, так что в 1766 году турки вместе

с феодалами-работоторговцами в Кутаиси смогли короновать Теймураза¹⁸³. Соломон с четырьмя сторонниками сбежал в крепость братьев Церетели *Модимнахе* («Приди ко мне!»). Теймураз же не смел выходить из кутаисского гарнизона. Для оттоманов, однако, расходы были чрезмерные – 300000 серебряных рублей на содержание 45000 солдат на враждебной территории; к тому же русский посол в Константинополе заявил протест. Турки предложили мирный договор, и Соломон пригласил царя Эреклэ похлопотать. В 1766 году вместе с гелатским епископом, братом Соломона, в Константинополь поехал посредник, назначенный Эреклэ. В результате Соломон согласился посылать ежегодно по 60 девушек, при условии, что девушки будут не грузинки, а турки обещали больше не вмешиваться в их «протекторат» (уже не вассальное царство). Обе стороны вели себя лицемерно: Соломон не собирался доставлять рабынь, и турки не намеревались возвращать Соломону царский венец. В 1768 году Соломон завербовал лезгинских наемников, которые разбили гурийцев, мингрельцев и рачинцев; затем сверг племянника Теймураза и заточил его вместе с братом (Теймураза больше никто не видел).

В том же году разразилась Русско-турецкая война. Соломон уже не раз взывал к России: в 1764 году он попросил царевича Александрэ Бакарисдзе похлопотать перед Екатериной II; в 1766 году, отправив архимандрита Григола, который работал миссионером в Осетии, он предупредил русского командующего Северным Кавказом, что имеретинскому царю потребуется убежище в России, если турки победят. До начала войны русский посланник в Константинополе предложил посредничество с турками, и султан Мустафа III признал «известного христианского правителя Соломона, царя Имеретии».

Последнее препятствие для Соломона составляли Ростом и его Рачинское княжество, которое с XIII века пользовалось определенной степенью автономии, и теперь было признано Россией, хотя во всей Раче жило не больше 30000 душ в 56 деревнях. Рача была сильно укреплена и богаче, чем сама Имеретия. Брат Ростом, Бесарион, стал в 1765 году католикосом; он и Ростом пользовались уважением итальянских миссионеров. Соломон завидовал Теймуразу II и Эреклэ II, упразднившим мятежные Ксанское и Арагвинское княжества: в высокогорной Раче нельзя было пользоваться артиллерией. В 1767 году с помощью лезгинских наемников Соломон попытался подчинить Рачу. Мингрельцы и *дарбази* отговаривали Соломона от дальнейших попыток, но в 1769 году он собрал все свои силы и 28 января 1769 года одержал победу. Ростом покинули черкесские союзники и царь Эреклэ, которого Ростом не раз поддерживал. Не поймав самого князя, Соломон предложил мирный договор. Но католикос Бесарион попросил у ахалцихского паши подкрепления, чтобы свергнуть Соломона. Тот в ответ нанял дагестанских лезгин и прогнал Ростом в Мингрелию. Затем царь отправил к паше своего брата Иосеба и предложил мир в обмен на закованного в цепи католикоса Бесариона. Паша опасался, что Соломон будет сражаться на русской стороне против Турции; поэтому арестовал католикоса, но тот, кулаками пробив себе выход через дымовую трубу, сбежал в Мингрелию, где Кациа Дадияни, его племянник, не только приютил его, но и сделал мингрельским «католикосом». Соломон разжаловал Бесариона и назначил католикосом собственного брата Иосеба.

Чтобы положить конец гражданской войне и позволить Имеретии участвовать с Россией в войне против Оттоманской империи, в мае 1769 года Соломон якобы помирился с Ростомом. Католикос Иосеб поехал в Рачу и поклялся в церкви на чаше с коньяком, что царь поистине прощает князя. Тогда Ростом с семьей сыновьями, как гарантией верности, и с вооруженной свитой, сотней лошадей и ишаков, бочками вина, стадом баранов и полевой кухней отправился во дворец Варцixe. Там царская гвардия встретила сыновей Ростом приглашением на пир. После того как они пропировали три недели, Соломон предложил гостям охоту на зайцев. Когда пришлось перейти реку Риони, Соломон устроил перевозку на пароме таким образом, что все телохранители Ростом остались на другом берегу реки без

¹⁸³ Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2 т. СПб., 1891. Т. 1. С. 16.

лодки. На каждого рачинского князьего сына напало по четыре имеретинца: жертвам связали руки и ноги и раскаленной кочергой выкололи глаза.

Все ожидали, что русская армия вступит в Имеретию, и никто не осмелился упрекнуть Соломона за это коварное злодеяние. Царь упразднил Рачинское княжество, конфисковал всю территорию (передав часть католикосу Иосебу), вернул врагам Ростому то, что он у них отнял, и торжественно лишил наследства потомство Ростом. Ростом он заточил, но потом освободил. Четверо из сыновей убежали в Константинополь. Врач-миссионер, капуцин Дионизио, смог частично восстановить зрение некоторым ослепленным. Старший сын Методэ, сохранивший слабое зрение в обоих глазах, посвятил остальную жизнь поиску отмщения, но, вернувшись в Имеретию, попал в плен и по приказу Соломона был окончательно ослеплен и выслан в Картли. Тем не менее, вернувшись опять в 1799 году, слепой Методэ получил от Соломона II часть своего наследства. Гиорги, одноглазый брат Методэ, выпросил у султана признание права на престолонаследование, но в 1784 году он уступил право своему зятю Давиту¹⁸⁴.

Начав открытую войну с Турцией, Екатерина II объявила Имеретии протекцию и военную поддержку. Она писала Вольтеру, что рада была открыть против оттоманов четвертый фронт, но Имеретия, по сравнению с Дунаем, Грецией и Крымом, являлась чисто символическим полем битвы. Царь Эреклэ тоже был готов воевать с турками, как только русские пообещают дать подкрепления. 21 мая 1769 года Соломон поехал в Тбилиси, чтобы обдумать совместную кампанию. Соломон хотел русским оружием сокрушить своих мятежных феодалов, забрать у турок черноморские прибрежные города и изгнать последнего турка из Западной Грузии; больше всего царь Эреклэ хотел вернуть Самцхе, подавить лезгин и расширить Юго-Восточную Кахетию до кавказского предгорья. У России, однако, были совершенно другие цели: превратить Черное море из оттоманского озера в русское: на повестке дня ни спасения, ни объединения, ни даже присоединения Грузии еще не было.

Из 20000 русских солдат, о которых мечтали грузинские цари, в 1769 году пришли всего 400 с пушками и офицерами под командованием генерала Тотлебена и Антона Моуравова (обрусевшего грузина). Тотлебен, приговоренный к смерти за передачу военных тайн пруссакам, получил отсрочку казни благодаря Екатерине, которая высоко ценила пруссаков. Он был высокомерным, коварным и некомпетентным генералом и относился к опытным грузинским царям как к диким аборигенам. Войско Тотлебена встретили офицеры Эреклэ на Крестовом перевале и солдаты Соломона – на имеретинской границе. В октябре русско-имеретинско-картлийская армия осадила турок в пограничном замке Шорапани. Но через четыре дня Тотлебен отступил под предлогом отсутствия амуниции. В марте 1770 года он вернулся, привезя еще 800 солдат и три пушки. К союзникам присоединился Дадияни, но Тотлебен решил двинуться не в Имеретию, а вверх по Куру, чтобы напасть на Ацкури на границе Самцхе. Он пренебрег советами Эреклэ, который хотел пойти в наступление на Ахалцихе и заставить пашу врасплох. Тотлебен таким образом дал паше достаточно времени, чтобы укрепить Ацкури. Эреклэ без русской помощи одержал блестящую победу рядом с Ацкури, при Аспиндзе, загнав сокрушенную оттоманскую армию во вздувшуюся Куру, где турецкие солдаты утонули. Тотлебен опять отступил именно тогда, когда турки привели подкрепление из дагестанских наемников. Тотлебен и не думал об атаке: замыслив свержение Эреклэ, он заставлял местных феодалов клясться в верности российской императрице.

Тем же летом Тотлебен «поддержал» царя Соломона в Имеретии. Соломон уже занял замки Шорапани и Цуцхвати и нуждался в русской артиллерии, чтобы захватить кутаисскую цитадель. Ночью 6 августа турки сами покинули Кутаиси без вмешательства русских офицеров. Тотлебен решил, что надо взять Поти, не для Соломона, а для русского флота. Пренебрегши советом Соломона, что воевать летом в знойных мингрельских миазмах не стоит, Тотлебен торжественно переименовал Поти именем Екатерины и напрасно бросил туда

184 Kikodze G. (intr.) [Solomon-mepe da rost'om-eristavi]. Tbilisi, 1936–1990; *Rekhviashvili M.* Imeretis samepo 1462–1810. Tbilisi, 1989. P. 209–216.

своих солдат. Затем Тотлебен начал подстрекать Гурию и Мингрелию к восстанию против Соломона и к прямому подчинению России. Русские офицеры сами доносили в Петербург, что Тотлебен всех опозорил.

В 1771 году Тотлебена сменили генералом Сухотиным, порядочным, но еще более самоуверенным офицером, свалившим вину за все неудачи на грузинских царей и подорвавшим их авторитет перед местными феодалами. Сухотин, как до него Тотлебен, осадил Поти летом и отступил, когда половина солдат умерли от болезней. К концу 1771 года Екатерина отозвала все свои силы из Грузии: единственным достижением была резня всех турецких войск, присланных на подкрепление в Поти. К маю 1772 года в Грузии не осталось ни одного русского солдата. Екатерине стало неловко перед Ираном: ей пришлось извиниться перед Карим-ханом и поклясться, что никаких враждебных целей у нее не было. В знак доброй воли она отправила в Шираз 60 русских солдат. Западной Грузии русская «помощь» обошлась еще дороже. Турция присоединила прибрежную Гурию к Трапезундскому *вилайету* и насильно обратила население в мусульманство: гуриец Максимэ стал бегом Кобулету.

Удрученный царь Эреклэ послал в Петербург католикоса Антона I, чтобы договориться о статусе протектората для Картли-Кахетии: он просил прислать 4000 солдат под картлийским командованием, сохранить престолонаследование Багратидов и отправить домой грузинских военнопленных, освобожденных в Крыму. Взамен он предложил своих сыновей в заложники, доходы от налогов, если Самцхе станет опять частью Картли-Кахетии, половину налогов от картли-кахетинских феодалов, налог, оплачивающий содержание русских гарнизонов, четырнадцать породистых лошадей и большое количество вина для русского штаба в Кизляре.

Россия не отозвалась на предложение. В 1773 году Соломон и Эреклэ, уведомив Россию, возобновили союз: собравшись в Гори, грузинские армии напали на Самцхе, но отступили, когда Соломон заболел. Затем Эреклэ выступил посредником между Имеретией и Мингрелией, помогая оттеснять оттоманские вторжения. 6 февраля 1774 года имеретинцы перебили турецкие войска в ущелье Чхеримела. На случай оттоманского контрудара Соломон попросил Екатерину II пожаловать Имеретии статус протектората; Екатерина ответила, что Кючук-Кайнарджийский мирный договор не позволяет такого вмешательства, но что, согласно 23-й статье договора, те крепости, которые русские уже взяли своей артиллерией, будут недоступны оттоманским войскам и что турки больше не имеют права ввозить рабов из Имеретии, наказывать имеретинцев за нападения или нарушать права христиан, живущих в Чылдырском пашалыке. Но к югу от реки Риони, как к югу от Дуная, договор развязал туркам руки.

У Соломона, однако, нашлось достаточно сил, чтобы покорить Мингрелию и то, что осталось от Гурии, и таким образом объединить западногрузинскую церковь. 5 октября 1776 года Оттоманская империя впервые отправила в Кутаиси посла с подарками. Враждебные отношения Турции с Ираном мешали этим империям обуздывать грузинские стремления, но союз Соломона с Эреклэ оказался шатким. Отправив посланников к ахалцихскому паше с просьбой, чтобы он порвал с Константинополем, они затем перестали сотрудничать. Цари разочаровались как друг в друге, так и в безалаберных военных действиях и в политической неблагонадежности русских. Россия стала относиться к Имеретии и к Картли-Кахетии крайне холодно, не пуская грузин дальше Астрахани, если их присутствие в Петербурге не представляло очевидной выгоды.

Грузинские цари пошли разными путями. В 1778 году, после того как турецкий султан написал иранскому воеводе Карим-хану: «Ваш вассал Эреклэ похож на льва, спущенного на нашей территории», Эреклэ пришлось прекратить нападки на Самцхе и отправить в Константинополь посольство, которое турки приняли радушно. Султан прислал Эреклэ меч и лошадь с золоченой упряжью. На Эреклэ султанское уважение произвело такое впечатление, что, в интересах Кахетии, он поддержал оттоманские претензии на иранскую территорию.

Соломон, наоборот, склонялся к иранцам как к противовесу Османской империи: он толковал демарш Эреклэ как антиимеретинскую выходку.

К этому времени весь Северный Азербайджан стал подвластным Фетху Али-шаху, будущему шаху Ирана. Несмотря на османскую поддержку Эреклэ, для Кахетии Фетх Али-шах представлял серьезную угрозу. Фетх Али-шах уговорил Гянджу больше не платить дани Эреклэ. Картли-кахетинский царь вместе с карабахцами напали на Гянджу и доходы от налогов разделили между собой. В августе 1779 года Эреклэ опередил иранцев, заняв Ереван и потребовав полной капитуляции, хотя армянский католикос предлагал подчинение и дань. Грузины разграбили Ереван, переселили тысячи армян в Тбилиси и заставили ереванского хана уступить половину власти зятю Эреклэ, Константину Мухранбатони. Все эти вторжения, не говоря о конкордате с Турцией и о планах Эреклэ пополнить свои войска, переселив черкесов в Грузию, встревожили и Иран, и Россию, которая, решив, что Эреклэ зазнался, оказала поддержку претензиям на картли-кахетинский престол Александрэ Бакарисдзе и стремлениям Фетх Али-шаха завладеть Северным Ираном.

В 1778 году, когда турецкие войска собирались на имеретинской границе, царь Соломон I сблизился с Ираном, отправив туда через Астрахань поэта и дипломата Бесики Габашвили. Соломон предлагал взаимную помощь против турок, но также решил привезти из Ирана картлийского претендента Александрэ Бакарисдзе и шантажировать им бывшего союзника Эреклэ. Сначала губернатор Астрахани не пропускал имеретинцев, но, поняв, что возврат Александрэ Бакарисдзе обуздает царя Эреклэ, передумал и разрешил Бесики плыть в Иран. Когда в 1779 году Карим-хан умер, Иран уже был не в состоянии помогать Имеретии против турок; тем не менее Бесики привез из Шираза в Кутаиси Александрэ Бакарисдзе.

Цари Эреклэ и Соломон начали предоставлять приют врагам другого. Сын Соломона, Александрэ, жил со своими придворными у Эреклэ, а Элизбар, сын бывшего ксанского князя, жил в Кутаиси, как и семья Габашвили. (Закарэ Габашвили, духовник Эреклэ, поссорился с католикосом Антоном I, племянником Вахтанга VI, который, он подозревал, имел католические и европейские симпатии.) Католикос в 1755 году вышел в отставку и уехал в Россию, но вернулся в 1764 году: Закарэ Габашвили бежал в Имеретию в 1771 году. Сын Закарэ Бесики возмущал католикоса своими скабрёзными стихами, а царя Эреклэ – романами с княгинями; заклеянный «антихристом», Бесики, бежав в Имеретию, стал самым искусным дипломатом у Соломона. Соломон поддерживал картлийского претендента Александрэ Бакарисдзе, а Эреклэ – Александрэ, блудного сына Соломона: отношения Имеретии с Картли-Кахетией неизбежно испортились. Дело начало поправляться только когда Александрэ, сын Соломона, умер в 1780 году, а Александрэ Бакарисдзе в 1782 году бежал в Дагестан.

Соломон оказался «одним воином в поле»: в 1781 году он безуспешно попытался отвоевать Аджарию. Когда в 1783 году Россия овладела Крымом, турецкий султан предостерег его от контактов с Россией. Соломону было всего 48 лет, но он был болен; когда умер его сын Александрэ, он послал своего духовника в Тбилиси, чтобы, помирившись с Эреклэ, усыновить внука Эреклэ, Давита Арчилидзе. Усыновление, несомненно, объединило бы Грузию. Эреклэ, посоветовавшись с русским агентом полковником Бурнашевым, послал в Имеретию мальчика Давита. Тем временем, несмотря на коварность Дадияни, Соломон ввел 6000 солдат в Гурию и с помощью гурийцев захватил у турок прибрежный город Кобулет, перебил всех, кто не был грузином, и, вспахав и смешав с солью все поля около разрушенного гарнизона, двинулся на юг, чтобы опустошить и потом покинуть Батум.

Нашествие закончилось катастрофой. 9 марта 1784 года в лесах при Начишкреви, Соломон и его армия попали в османскую засаду. Царскую лошадь убили. Соломона со свитой спас Вахтанг *гуриели*, но царь потерял 620 человек, включая 18 феодалов, и 200 военнопленных увезли в Константинополь. На последующие девяносто лет Аджария и половина Гурии останутся в турецких руках. От такого небывалого поражения Соломон не оправился: 23 апреля, по пути на праздник святого Георгия в Хони, севши на лошадь, он

вдруг упал замертво. Курьер, принесший весть о его смерти, получил в награду от султана халат; имеретинские феодалы писали Екатерине II: «Мы осиротели».

К 1782 году министры императрицы уже задавали себе вопрос, не пора ли привязать Грузию к России. Имеретия становилась добычей для оттоманов; Картли-Кахетия становилась неуправляемой. Екатерина начала понимать, что Грузия, Азербайджан и Армения могли бы составить великолепный кордон не только между Россией и мусульманским югом, но и между Турцией и Ираном. Русские дипломаты обсудили с главой армянской церкви, Иосебом Артуняном, как обуздать Эреклэ, способного собрать 50-тысячную армию и намеревавшегося захватить Тебриз. Россия и Австрия уже придумали «греческий проект», по которому они изгонят турок из Европы: включив Закавказье в состав России, Екатерина укрепит этот «проект». Она отправила на переговоры с Эреклэ венгерского саксонца, Якова Рейнеггса¹⁸⁵; Павел Потемкин, конфидент императрицы, стал главнокомандующим на Кавказе.

Хотя Имеретия жаждала такой протекции, Эреклэ боялся попасть в западню. Он торопливо сколотил два посольства в Европу, снабдив их письмами с просьбами о деньгах, военной и дипломатической поддержке якобы против Оттоманской империи. Хотя он иногда преследовал католиков в Тбилиси, Эреклэ регулярно совещался с отцом Доменико, который 14 марта 1781 года взял с собой письмо Эреклэ на имя австрийского императора. Доменико скоропостижно скончался в Константинополе, но письмо дошло. 14 ноября 1782 года Мауро да Верона взял с собой письма Эреклэ на имя папы римского, королей Франции, Сардинии и Неаполя и венецианского дожа. Мауро ехал через Россию, но умер при невыясненных обстоятельствах в Бердичеве¹⁸⁶.

Эреклэ пришлось дожидаться условий, продиктованных русскими.

16

Русское завоевание Картли-Кахетии

24 июля 1783 года генерал Павел Потемкин (двоюродный брат фаворита Екатерины II, Григория Потемкина), царевич Иоанэ и посол Гарсеван Чавчавадзе подписали в Георгиевске трактат¹⁸⁷. Трактат состоял из тринадцати главных артикулов, четырех «сепаратных» артикулов и текста «клятвенного обещания на верность Е. И. В. Самодержице всероссийской и на признание покровительства и верховной власти всероссийских императоров над царями карталинскими и кахетинскими». В первом артикуле «царь карталинский и кахетинский... навсегда отрицается от всякого вассальства... от Персии или иной державы»; во втором артикуле «Е. В. дает императорское свое ручательство на сохранение целости настоящих владений» Эреклэ. Третий артикул, чреватый тяжелыми последствиями, постановил, что «помянутые цари, вступая наследственно на царство их, имеют тотчас извещать о том российскому двору, испрашивая... подтверждения». Еще тяжелее будут последствия четвертого артикула, запрещающего грузинским царям «иметь сношения с окрестными владетелями», или отвечать на их письма, не посоветовавшись «с главным пограничным начальником и с министром Е. И. В.». Пятый артикул разрешал обмен послами-«резидентами». Шестой артикул, особенно важный для Эреклэ, подразумевал, что враг Грузии будет и врагом России, что наследников Эреклэ Россия будет «охранять беспременно на царстве» и что Россия обещает «власть со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу и сбор податей предоставить его светлости царю [Эреклэ]».

185 *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha, 1796–1797.

186 *Tamarati M.* L'Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 640–641.

187 *Паучадзе Г. Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; [Georgievsk'sis trakt'at'i] / Ed. G. P'aichadze. Tbilisi, 1983 (даёт и русский, и грузинский текст).

Остальные артикулы были явно невыгодны для Картли-Кахетии. Согласно седьмому, Эреклэ и его наследники обещали быть «всегда готовыми на службу Е. В. с войсками своими», удовлетворять требованиям российских начальников, повышать людей в ранге за заслуги перед Российской империей. Восьмой артикул подчинил католикоса-патриарха Святейшему синоду «в восьмой степени, именно после Тобольского», а судьбу грузинской автокефалии предоставил решить еще несоставленному «особливому артикулу».

Последние артикулы обещали феодалам Картли и Кахетии, по списку, представленному Эреклэ, равенство с русскими дворянами, всем уроженцам Картли и Кахетии свободу передвижения по России, грузинским купцам свободу отправлять свои товары в Россию (если русским купцам в Грузии будут давать такой же «проезд»), и репатриацию военнопленным, оплатившим выкуп и дорожные расходы. Договор сделался «на вечные времена», и ратификации должны «разменены быть в шесть месяцев от подписания».

Сепаратные, то есть тайные, артикулы назначили посредником между царями Эреклэ II и Соломоном I Екатерину II, обещали содержать в Картли «два полных батальона пехоты с четырьмя пушками... за положенную в штатах цену». На случай войны всеми войсками будет командовать русский «пограничный начальник». Настоящей приманкой оказался последний сепаратный артикул: российское старание «пособием оружия, а в случае мира настоянием о возвращении земель и мест, издавна к царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавших».

Трактат на самом деле придумал молодой «вице-канцлер» царя Эреклэ, Соломон Леонидзе. Внук лезгина, сын кахетинского священника, зять ксанского князя, Леонидзе блестяще знал языки и был очень красноречив. Но каверзные подробности в трактат вложил сам Григорий Потемкин, и, хотя российская сторона в переносном смысле в 1801 году разорвала трактат на клочки, он все-таки остался самым роковым документом, когда-либо подписанным грузинским царем. Многие грузины видели в трактате нарушение суверенитета намного более серьезное, чем даже требования иранских шахов. Запрет на независимую иностранную политику, в то время как согласие или помощь шли из России в Закавказье несколько месяцев, обрек Эреклэ на безнаказанные нашествия со стороны Турции либо Ирана, а артикул, касающийся церкви, мог положить конец тысячелетней независимости грузинского православия. Состояние перевалов через Кавказ исключало осуществление быстрой военной помощи от России. Эреклэ, без сомнения, сознавал, что попал в западню: уже в 1774 году (24 августа) он писал графу Панину: «Теперь турки, разиня рты свои, как змеи, окружают нас, персияне, как свирепые львы, смотрят на нас, а лезгинцы острят зубы свои против нас, как голодные волки»¹⁸⁸. Эреклэ хорошо знал, как Екатерина разделила и уничтожила Польшу. Но они с Гарсеваном Чавчавадзе и Соломоном Леонидзе были убеждены, что не подписать трактат было нельзя, так как в любом случае Россия обязательно завоевала бы Кавказ, Черное и Каспийское моря. Картли и Кахетия не могли не принять сторону победителей. К тому же через Россию откроется дверь в Европу.

В 1783 году Екатерина еще не решила, защитить или отменить власть Эреклэ: она стремилась, пока Иран не оправился, а Турция была связана мирным договором 1774 года, включить Грузию в «греческий проект», составленный Россией и Австрией, чтобы оттеснить оттоманов в Анатолию. Если бы не опасность взбудоражить Турцию, Екатерина распространила бы артикулы трактата и на Имеретию.

В самом начале трактат казался благотворным: в ноябре 1783 года Фетх Али-хан передал русским соперника Эреклэ, царевича Александрэ Бакарисдзе. В январе следующего года в Тбилиси вошли два русских батальона: звонили церковные колокола, из пушек был дан 101 залп. Трактат был ратифицирован, и Эреклэ передал России список всех грузинских дворян. Павел Потемкин спросил Эреклэ, не хочет ли он расширить свои границы до Каспийского моря, и в сентябре 1784 года приехал сам, чтобы осмотреть этот будущий «театр

¹⁸⁸ Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2 т. СПб., 1891. Т. 1. С. 408.

военных действий». Англия и Франция, как Турция и Иран, были встревожены распространением русского влияния, но пока громко не реагировали. Однако отрицательные последствия уже стали заметны: Турция предупредила Эреклэ, что он не должен позволять русским нападать на Ахалцихе, и начала нанимать лезгин, чтобы оттеснять русских. На юго-востоке от Кахетии, в Чар-Белакани, лезгины и другие дагестанцы уже считали Картли, Кахетию и Россию одним и тем же врагом: участились набеги и похищения.

Стабильность Имеретии закончилась, когда в июне 1784 года скоропостижно умер царь Соломон I. Наследник, внук Эреклэ II Давит Арчилдидзе, был еще малолетним. Престол поэтому предложили не ему, а временно Давиту Гиоргидзе, двоюродному брату Соломона. Как Давит Арчилдидзе, Давит Гиоргидзе жил в Картли, но не у Эреклэ при дворе. Эреклэ попросил полковника Бурнашева, русского резидента, добиться от Давита Гиоргидзе клятвы, что он отречется от престола и от казенных земель в 1789 году, когда наследник, внук Эреклэ, станет взрослым. Давит Гиоргидзе с большим трудом удерживал власть: ему приходилось подкупать феодалов, уступать Мингрелии пограничные территории и подавлять крестьян, убивавших царских податных инспекторов за вымогательство. Давит восстановил упраздненное Рачинское княжество и назначил князем Рачинским собственного племянника. Давит раздражал Эреклэ своей независимой политикой: он выдал овдовевшую тещу за сына Гиорги *гуриели* и отдал Гурии, в виде приданого, большую территорию. Продолжив политику Соломона I, Давит навлек на себя ненависть оттоманов: ахалцихский паша, которому поручили признать царем Имеретии Каихосро Абашидзе и помочь ему убить Давита, отправил на границу войска и укрепил турецкие гарнизоны в Сухуме, Поты и Батуме. Полковник Бурнашев убеждал Давита наброситься на турок, но новый царь не хотел, чтобы имеретинцы стали русским пушечным мясом.

В сентябре Давит отправил в Россию католикоса Максимэ, чтобы просить защиты от внутренних и внешних врагов. В Константинополе русские дипломаты напрасно уговаривали турок не поддерживать Каихосро Абашидзе: турки отступили только тогда, когда царь Эреклэ с русскими войсками, как туркам показалось, должны были вот-вот выручить Давита. В декабре настала очередь мингрелов: Турция блокировала все побережье, и Кация Дадияни воззвал к Петербургу о помощи. Турки вновь отступили, но тогда дагестанцы под властью Омар-хана пересекли Картли и опустошили Нижнюю Имеретию. Наконец в октябре 1785 года Россия заявила протест, турки бросили свою марионетку, Каихосро Абашидзе, и Давиту Гиоргидзе удалось помириться с некоторыми врагами, а других изгнать в Ахалцихе. В январе 1786 года лезгинских и турецких захватчиков заживо сожгли в их крепостях. Тем не менее Омар-хан угрожал Имеретии новой войной, если Давит не отдаст тела лезгин, лошадей и оружие. И внутри Имеретии не было мира: в июле 1786 года голодающие крестьяне опять взбунтовались.

В июле 1787 года Давит отправил в Россию поэта-дипломата Бесики Габашвили, якобы на переговоры (Бесики, судя по слухам, был на самом деле любовником царицы Аны Капланишвили, жены Давита). Бесики застрял в Украине до 1789 года, когда русские наконец разрешили ему отправиться в Петербург¹⁸⁹. Уже в августе 1787 года вспыхнула война, и турки вторглись в Имеретию. Давиту пришлось сдаться, так как Эреклэ уже заключил с Турцией, несмотря на запреты трактата, договор о ненападении. В 1788 году Давиту пришлось сразиться с новым Дадияни, Григолом, которому Эреклэ помог победить. Когда Россия собиралась объявить Турции войну, она помогла Давиту только тем, что потребовала, чтобы ахалцихский паша оставил его и царя Эреклэ в покое. В 1789 году отчаявшийся Давит уступил, как обещал, престол Давиту Арчилдидзе, внуку Эреклэ. Этот Давит переименовался в Соломона II и заключил с Эреклэ договор о взаимной помощи, очень похожий на трактат. В 1791 году католикос Антон II, сын Эреклэ, умиротворил имеретинских феодалов, и Давит Гиоргидзе примирился со своим понижением: он стал царевичем и отдал Соломону II своего сына в заложники.

189 *Mach'aradze V.* [Besiki diplomat'iur sarbielze]. Tbilisi, 1968.

В марте 1785 года вблизи Сурами русские войска помогли Эреклэ поймать 600 лезгин, но главным врагом русские считали чеченский *джихад*, поддержанный турками, который угрожал всему высокогорному Кавказу. Артиллерия Эреклэ не справлялась с подвижными дагестанцами, и он решил подкупить Омар-хана ежегодной данью в 5000 рублей, которые ему приносил новый налог *салеко* («для лезгин»). Со своей стороны, Павел Потемкин подкупил Омар-хана, заплатив ему 4000 рублей, чтобы он не трогал картлийские медные шахты, охранявшиеся русскими солдатами. Новые налоги – *салеко* и *сарусо* («для русских»), то есть 30000 рублей на провиант для русских войск, – довели крестьян до нищенства, и в 1786 году кахетинские феодалы попросили у Эреклэ военной помощи, чтобы подавить крестьянские мятежи.

Уже в 1785 году русский резидент в Тбилиси, полковник Бурнашев, докладывал, что положение царства Эреклэ стало безвыходным: ездить по дорогам купцам опасно; население пряталось от дагестанских набегов, сборщиков податей и военных вербовщиков. Мусульманские ханства, например Гянджа, раньше вассалы Эреклэ, теперь тяготели к туркам. Даже христианские армяне боялись последствий русского протектората. Грузинская регулярная армия, созданная цесаревичем Леваном, начала распадаться в 1781 году после смерти Левана. Напрасно Эреклэ умолял русских прислать больше войск. Сражаться против дагестанцев и против ханств, особенно под русским командованием, стоило так дорого, что вся экономика Картли-Кахетии была подорвана. Положение усугубилось в 1787 году, когда началась Русско-турецкая война, и, нарушив трактат, полковник Бурнашев отвел своих солдат в Чечню, чтобы бороться с *джихадом* шейха Мансура. Подвергнутый Екатериной II такому же предательству, как Вахтанг VI в 1724 году Петром Великим, Эреклэ очутился в уязвимом положении. Турция требовала, чтобы Россия отказалась от суверенитета над Восточной Грузией, и Россия, решив, что сохранить Крым важнее, чем Закавказье, посоветовала Эреклэ самому разобраться со своими враждебными соседями.

Эреклэ пожаловался генералу Потемкину, что стал «посмешищем всех наших врагов», что задается вопросом, не истек ли срок действия трактата? Вице-канцлер Соломон Леонидзе и зять царя генерал Давит Орбелиани считали, что пора помириться и с Турцией, и с Ираном. Иранский воевода Астрабада, евнух Ага Мохаммед-хан (который в 1794 г. станет шахом) якобы был готов установить дружеские отношения, так как ему нужна была русская поддержка его претензий на престол. Эреклэ быстро договорился с Оттоманской империей, хотя турки сначала требовали, чтобы Эреклэ порвал с Россией, уступил им Армению и отдал в заложники двух сыновей. Некоторые оттоманские дипломаты выражали мнение, что лучше поддерживать Эреклэ, чем угрожать ему, чтобы не пускать Россию в Закавказье¹⁹⁰. Турция, сосредоточив свои силы на борьбе с египетскими мамелюками, добивалась мира на Востоке. Тем временем Эреклэ попытался найти общий язык с иранским шахом Фетхом Али, что спровоцировало набеги дагестанского вождя Омар-хана. Но дипломатическая переориентация позволила Эреклэ выиграть время.

Вскоре он получил предложение от Сулейман-паши (потомка самцхийских атабагов) в Ахалцихе. Сулейман-паша был обеспокоен буйными и дорого обходящимися лезгинами, которых он приютил, когда пересекал Картли с севера (у лезгин были тайные лесные тропинки от Дагестана до Ахалцихе): во время мира между Турцией и Россией паше приходилось обуздывать лезгин, он опасался быть уволенным, если они нарушат мир; но каждый конный лезгин стоил в месяц пять рублей серебром и пользовался неограниченным правом грабежа. В сентябре 1786 года, когда Эреклэ поручился, что больше не впустит русские войска в Закавказье, Сулейман в обмен пообещал, что оттоманские войска не будут больше переступать границу. Этот договор оставался в силе до 1791 года: следующий паша Исхак даже взял у Эреклэ солдат-христиан, чтобы сокрушить лезгин, несмотря на то что чылдырские мусульмане пришли в ужас оттого, что паша с помощью христиан борется с

мусульманами. Обещания Эреклэ оказались опасным маневром: договор с турками якобы нарушил трактат, хотя Эреклэ оправдывался тем, что Россия отказывала ему в поддержке.

Грузинские феодалы часто винили Эреклэ в том, что он слишком торопливо принял русские условия. В августе 1787 года Эреклэ сам пожаловался послу Гарсевану Чавчавадзе: «Кому обращусь и повем мою печаль? Пойду к оттоманам, помогут ли мне? Пойду к *кызылбашам*, пожалуют ли? Пойду к дагестанцам, примут ли меня?»¹⁹¹ Но с противниками пришлось считаться: Эреклэ призвал на совет царевича Гиорги и уже больного католикоса Антона I, а затем отправил в Ахалцихе и Исфахан посланников (русским Эреклэ объяснил, что посланник ехал в Исфахан повидаться с родственниками).

Отзывчивость и терпимость ахалцихского паши поощрили Эреклэ и его внука Соломона II составить план объединения, к которому Эреклэ привлек кутаисского и гелатского епископов с представителями Гурии, Мингрелии и Имеретии. В 1789 году картли-кахетинский *дарбази* проголосовал за непосредственное объединение; наследник Гиорги красноречиво объяснял, как опасно разъединение для страны. Но Дареджан, вторая жена Эреклэ, не любила пасынка Гиорги и хотела, чтоб Соломон II, ее внук по дочери, царствовал дальше в Имеретии. Эреклэ подчинился Дареджан и ее клике (воевать за территорию он любил, но семейных распрей не выносил). Поэтому Имеретия и Картли-Кахетия остались отдельными царствами, хотя в 1790 году Соломон Леонидзе набросал черновик трактата между Имеретией и Картли-Кахетией.

Обстановка ухудшилась. В 1789 году кахетинские крестьяне, обездоленные налогами и войной, восстали, потребовав смены царя и прекращения вымогательства со стороны многочисленных детей Эреклэ, отбиравших у них пшеницу, коров и вино. Россия предложила Эреклэ всего 1000 тонн железа, 25 тонн свинца и 50 тонн жести, которые он продаст, чтобы оплатить выкуп людей, похищенных дагестанцами.

Грузию еще раз предали Русско-турецким мирным договором 1791 года, по которому Екатерина II даже вызвалась покинуть Закавказье, если турки признают Россию как защитницу христиан. В Яссах, тогда на оттоманско-российской границе, Бесики Габашвили защищал интересы Соломона II, но, не получив ни одной уступки, умер от лихорадки (через несколько недель умер и Григорий Потемкин). Таким образом, ни словом не обмолвившись о трактате и отдав Имеретию под оттоманский суверенитет, Россия оставила за собой Крым и левый берег Днестра.

В том же году царь Эреклэ II повторил ошибку Давита IV Строителя: по настоянию второй жены Дареджан он подписал завещание, по которому старший сын Гиорги обязался после смерти передать престол не своему сыну, а сводному брату Юлону, старшему сыну Дареджан, при условии, что Юлон «окажется достойным». Тем временем назрел кризис: став шахом, Ага Мохаммед-хан искал у Эреклэ уже не дружбы, а территории. Впервые за четыре столетия Оттоманская империя безоговорочно признала права Ирана на Картли-Кахетию. Русский генерал Иван Васильевич Гудович в 1792 году уже предупредил Эреклэ, что в случае иранского нашествия он получит только дипломатическую поддержку. Теперь турки, почуяв, что Картли-Кахетия ослабла, подстрекали единоверцев-суннитов в Дагестане и в Карабахе наброситься на Эреклэ. Екатерина II просто отказывалась принимать грузинского посла вплоть до 1794 года, когда Ага Мохаммед-хан уже открыто готовил вторжение. Напрасно Эреклэ отремонтировал дорогу через Крестовый перевал и просил прислать 3000 русских солдат. В июне 1795 года Ага Мохаммед-хан сражался с царевичем Александрэ в Карабахе, и армянские беженцы потоком текли в Картли. В августе хан с 70-тысячным войском перешел Аракс и, оборвав осаду Еревана, пошел прямо на Картли.

В сентябре 1795 года Эреклэ получил от Ага Мохаммед-хана ультиматум: «Ныне и Ваше Высочество знает, что в продолжение этих ста поколений Вы были подвластны Ирану; теперь же с удивлением изволим мы сказать, что Вы примкнули к русским, у которых нет других задач, как торговать в Иране и дело которых только торговля. Вы человек

191 ЦГВИА 52, 1/194, 366. ч. IV. 114. С. 41–42, цитаты в: [Nark'vevebi], IV. P. 707.

девятидесяти лет и такие вещи допускаете: привели неверных, соединились с ними и даете им волю! Хотя Ваша вера и наша неодинаковы и различны, но Вы всегда имели связь с Ираном. В Иране много татар, грузин, армян, неверных и других религий; поэтому следует, чтобы Вы постыдились пред всеми и не допустили этого дела. В прошлом году Вы заставили меня погубить нескольких грузин, хотя мы совершенно не желали, чтобы наши подданные погибли нашею же рукою. Теперь по милости Бога, силой Которого мы достигли столь большого величия, верность заключается в следующем: ныне великая наша воля, чтобы Вы, как умный человек, бросили такого рода дело, так как в этом и желание страны, и порвали бы связь с русскими. Если приказанное не исполните, то в это короткое время совершим поход на Грузию, прольем вместе русскую и грузинскую кровь и из нее создадим реки наподобие Куры. Так как следовало известить Вас об этом, для этого мы Вам написали сей фирман, чтобы Вы не ослушались нашего приказания и познали свое положение»¹⁹².

Не добившись толка от советников, Эреклэ оставил ультиматум без ответа, но отправил в Петербург курьеров и призывы на помощь. Пока генерал Гудович, получивший приказ не «впутываться в расходы или хлопоты», сидел в Георгиевске и даже принимал подарки от Ага Мохаммед-хана, цари Эреклэ и Соломон вместе с отрядом имеретинцев шли на юг, чтобы опередить иранцев. Грузины опоздали: армянский католикос уже заплатил хану 100000 рублей за мир, и половина иранской армии собиралась напасть на 5000 грузин. На короткое время грузинам удалось задержать иранское вступление под Тбилиси. Почти все грузинские разведчики погибли, но грузины смогли заманить иранцев в ущелье Куры, где артиллерия царевича Давита истребила авангард. Однако царевич Гиорги прислал всего лишь половину своих 4000 кахетинцев, и 11 сентября в утреннем тумане иранцы, сообразив, как мало сил у врага, набросились со всех сторон. Соломон привел 4000 имеретинцев, но из них только 300 участвовали в бою: остальные решили, разграбив местность, вернуться домой. Иранцы потеряли 13000 человек, одну треть армии; грузины – 4000, почти всю армию. Погибло триста горцев из долины Арагви, погиб и командир грузинской артиллерии. Семидесятипятилетний Эреклэ все еще рубил саблей вражескую пехоту, когда внук Иоане выручил его и его коня. В тот день сгорел Тбилиси: те, кто не убежал, подверглись резне или порабощению (купцы тремя днями раньше загрузили товарами арбы и уехали). За три дня превратились в прах все труды последних пятидесяти лет – исчезли школы, библиотеки, типография, военные и гражданские учреждения; были осквернены и сровняны с землей церкви и дворцы. Царские регалии были украдены. На улицах валялось 20000 трупов, а те, кто уцелел, умирали от голода и эпидемий. Остатки грузинской армии бежали вверх по долине Арагви; иранцев, которые гнались за ними, остановили триста лютых воинов-хевсур. Эреклэ собрал еще других горцев, попросил сына Гиорги прислать несколько сотен кахетинцев и попытался пойти на переговоры с иранцами, но хан уже вернулся в Тбилиси, откуда 21 сентября он уехал, вместе с 16000 пленниками. На царя напала глубокая тоска: одетый в старый тулуп, он долго сидел лицом к стене в горной крепости; оттуда он поехал жить в Телави, так как он не пережил бы вида разрушенного Тбилиси. Генералу Гудовичу он слал горькие упреки.

Русский престиж и в самом деле понес сильный ущерб: за несколько дней иранский воевода превратил их вассальное царство в щепень. Современники Эреклэ, как и не один сегодняшний историк, подозревали, что Екатерина II нарочно бросила Эреклэ на растерзание, чтобы потом легко присоединить совершенно изнуренную страну. В декабре два русских батальона наконец перешли Крестовый перевал, когда Ага Мохаммед-хан уже разбирался с мятежниками далеко от Грузии, в Хорасане. Без всякого сопротивления русские и грузинские войска добрались до Каспийского моря и отвоевали Гянджу. 6 ноября 1796 года умерла Екатерина Великая, и ее сын Павел сразу отменил как можно больше ее решений. И опять Эреклэ был покинут в беде: генерал Гудович получил приказ обращаться с ним всего

¹⁹² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 146–148 (дает персидский текст фирмана с русским переводом).

лишь как «с возможным врагом наших врагов». Гарсеван Чавчавадзе, предостерегши Гудовича, что Ага Мохаммед-хан может вскоре вернуться, смог отложить отступление русских, но Гудович не помешал Ага Мохаммед-хану захватить Ереван и Карабах. 6 июня 1797 года Ага Мохаммед-хана убил его адъютант Садек-Андреа, грузин по происхождению, которого хан собирался казнить, и тогда Эреклэ удалось отвоевать кое-что из потерянного. Но осенью этого года русские наконец отступили и лишили Картли-Кахетию финансовой поддержки, тем не менее настояв на том, чтобы Эреклэ продолжал соблюдать каждый артикул трактата, который сами русские так катастрофично нарушали. Эреклэ был парализован и с политической, и с военной точек зрения.

Картли-Кахетия перестала быть жизнеспособной: население сократилось вдвое и составляло около двухсот тысяч¹⁹³. Крестьян стало так мало, что они больше не могли кормить ни многочисленную царскую семью, ни знать, ни достаточно большую для защиты такой территории армию. 11 января 1798 года умер Эреклэ. Его сын, Гиорги XII, был слезливым, нерешительным чистоплюем и болел подагрой. Как говорил его зять, князь Вахтанг Орбелиани, Гиорги «посвящал государственным делам не больше трех часов в день, а остальное время молился или ел и пил, пока его не вырвет или пока он не заснет»¹⁹⁴. Но более решительные члены царской семьи – мачеха Гиорги XII, Дареджан, и сводные братья нового царя Юлон, Парнаоз и Александрэ – очутились в полной изоляции (Юлона уже увезли в Россию, чтобы грузины не сопротивлялись русским планам). Если бы Гиорги XII сумел проявить твердость, а Эреклэ не осложнил престолонаследие, Картли-Кахетия могла бы воскреснуть. Благодаря наполеоновскому завоеванию Египта Турция и Россия помирились, и Имеретия с Ахалцихе могли бы, объединившись с Картли-Кахетией, создать жизнеспособное государство.

Но все внимание Гиорги XII сосредоточилось на отмене завещания Эреклэ, чтобы объявить наследником сына Гиорги, Давита, человека еще более неумелого. В 1799 году российский царь Павел дал свое согласие на изменение престолонаследия, но Багратионы были большей частью возмущены. Картли раскололась на четыре фракции: сторонников сына Гиорги Давита, сторонников сводного брата царя Юлона, сторонников (особенно армяне) полного присоединения к России и сторонников возобновления традиционных связей с Ираном и разрыва с Россией.

Царь Павел, отправив в Тбилиси в ноябре 1799 года егерский полк и «советника» Петра Ивановича Коваленского, отмел все возражения и прения. Под ясным небом 10000 тбилисцев, включая стоявших на балконах и крышах женщин, одетых в белое, смотрели, как их «освободители» вступали в город под пальбу пушек и звон колоколов. Кахетинские деревни соперничали друг с другом, чтобы расквартировать русских солдат. Все были убеждены, что после десятилетий войны мир установился навсегда.

Хотя Имеретия в отличие от Картли-Кахетии не подвергалась вторжению, положение страны в 1790-х годах не улучшалось. Соломону II приходилось бороться с бывшим регентом Давитом Гиоргисдзе и с Григолом Дадияни. Похитив у Давита жену Ану и сына Константинэ, Соломон вынудил бывшего регента дать клятву верности. Тем не менее Соломон заточил Константинэ, а Ана спаслась от верной смерти, убежав лесными тропинками в Картли, где ее нашли в Сурами русские гренадеры. (Оттуда бывшую царицу переслали в Петербург, а сына Константинэ, несмотря на усилия царя Александра I, вырвали из когтей Соломона только в 1804 г.) Сам Давит умер в Ахалцихе в январе 1795 года, и Соломон расправился со вторым врагом, заменив Григола Дадияни его братом Манучаром. Но на имеретинский престол теперь претендовали другие: Гиорги, незаконнорожденный сын Соломона I, женившись на гурийской княжне, племяннице гелатского епископа, пользовался поддержкой свергнутого

193 Акты I.C. 426 (рапорт К.Ф. Кнорринга. 28 июля 1801).

194 *Jambak'ur-Orbeliani Al.* [Mepis irak'lis meoris... ambebi]/Ed. S. Kakabadze // [Ts'erilebi da masalebi sakartvelos ist'oriistvis], I. Tbilisi, 1914. P. 39–40, цит. в: [Nark'vevebi]. IV. P. 807.

Григола Дадияни. Постоянные распри мингрельских, гурийских и имеретинских фракций до такой степени надоели западногрузинской знати, что группа феодалов попросила Россию присоединить к себе всю Западную Грузию. Самый пламенный русофил, Григол Дадияни, надеялся, что Россия защитит его от Соломона II: Екатерина II наградила Григола орденом Александра Невского. Каихосро, регент *гуриели*, такой же русофил, начал преобразовывать Гурию, созвав церковные и мирские соборы, пригрозив работоторговцам казнью и отобрав замки у туркофилов: однажды Каихосро отправил к непослушному феодалу его приемного отца, который выманил феодала из замка, чтобы его застрелили¹⁹⁵. Россия была заинтересована в присоединении прибрежных городов Мингрелии и Гурии, куда турецкие гарнизоны посторонних не пускали. Но, чтобы не взбудоражить турок, Россия отправила в Западную Грузию не войска, а лишь разведчика, который должен был прозондировать настроение народа.

Картли-Кахетия полюбила Россию в ноябре 1800 года, когда благодаря общим усилиям дагестанцы Омар-хана потерпели окончательное поражение. В том же месяце Павел отправил в Тбилиси генерала Карла Федоровича Кнорринга, такого же доброго толстяка, как Георгий XII: он быстро стал для картли-кахетинского царя другом и исполнителем. Георгий XII перестал слушаться своего советника Соломона Леонидзе, настаивавшего, чтобы русские выполнили условия трактата. Георгий вел себя как проситель: от Павла он добивался ежегодной субсидии, 30000 крепостных и для сводных братьев пенсий и русских поместий. Для Георгия XII было бы достаточно, если бы Багратидов признали просто номинальными монархами. Имеретинский царь Соломон II возмутился, когда узнал, как дешево дядя Георгий продавал их наследственные царские права, и пожаловался: «Царский дом принадлежит и мне!»

28 декабря 1800 года, несмотря на русские лекарства и заботы петербургского врача Гирциуса, Георгий умер от грудной жабы. Если верить переводчику генерала Кнорринга, на смертном одре Георгий доверил России свое царство; если верить духовникам Георгия, он настаивал, чтобы на царство венчали его сына Давида¹⁹⁶. В любом случае, не уведомив грузинских посланников, царь Павел уже составил манифест, гласящий, что после смерти Георгия XII не будет ни наследника, ни коронации, а Картли-Кахетией будет управлять Российское государство. Павел надеялся, что манифест успеют доставить в Тбилиси, пока Георгий еще будет в состоянии подтвердить его царской санкцией. Кнорринг боялся объявить упразднение Картли-Кахетинского царства, не предупредив царевичей, зимой, когда русские войска еще не могли перейти Крестовый перевал. Командующий русскими войсками в Грузии, генерал-майор Иван Петрович Лазарев, не колебался: 29 декабря он призвал всю местную знать в собор Сиони, чтобы услышать русскую версию завещания Георгия. Соломон Леонидзе, громко кричавший по-грузински: «Лазарев поздравляет царя Давида XII со вступлением на престол!», прервал казенного переводчика. Леонидзе арестовали, но ему удалось улизнуть и добраться до Имеретии, где он предупредил царя Соломона II.

8 января 1801 года два картлийских посланника вернулись из Петербурга и объявили Давида «царем, подлежащим подтверждению российского царя». Давид отправил их в Россию за инвеститурой, но процесс аннексии неумолимо продолжался. К 18 января Картли-Кахетия стала русской губернией¹⁹⁷; 11 марта генерал Кнорринг, назначенный генерал-губернатором, издал тайный приказ выдворить в Европейскую Россию всех

195 Мелешко Е. Сцена из минувшего в Гурии // Кавказ. 1848. 5 янв. С. 2–3.

196 Акты I.C. 184–186, 189–190 (Lazarev's report to Knorring of 2 Jan. 1801).

197 В Британском музее (Add MS 47299) выявлена Петром Дружининым интересная копия рескрипта 20 января, возможно, 1801 г., императора Павла неизвестному грузинскому адресату: «Я хочу, чтоб Грузия, как уже к вам и писал, была Губерния, и там тотчас и поставьте ее в сношение с Сенатом, а по духовной части с Синодом, не трогая их привилегий. Губернатор пусть будет кто-либо из Царской Крови, но под вами будет шеф гусарского тамошнего нового полка».

Багратионов мужского пола (и многих женского пола). К ужасу нового правительства, Багратионов насчиталось больше восьмидесяти, и выдворение надо было организовать без их ведома. Венец и скипетр Гиорги XII замкнули в Мцхете и потом положили в Московский Кремль, но вдовствующей царице Мариам разрешили хранить царские меч и мантию.

Назначение Кнорринга совпало с убийством Павла I. Иронией судьбы главой петербургских цареубийц оказался обрусевший грузин князь Яшвиль, но он убивал, чтобы спасти от сумасбродного царя не Грузию, а Россию. Новый царь Александр I, несмотря на разногласия с отцом, был так же твердо убежден, что Картли-Кахетию надо упразднить, хотя двое министров, графы Воронцов и Кочубей, сомневались, нужно или даже законно ли одностороннее «согласованное» присоединение. Когда Кнорринг вернулся в Тбилиси, он «сверг» некоронованного Давита и назначил генерал-майора Лазарева временным губернатором новой губернии. В сентябре 1801 года, когда прибыло достаточно русских войск, чтобы подавить возможные беспорядки, тбилисскому населению был зачитан манифест Александра I: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем Мы на себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона»¹⁹⁸.

Грузинские посланники жаловались, что с них «сорвали уважение и доверие», и просили, чтобы Картли-Кахетией управляли, по крайней мере, грузины, а не русские чиновники. Но в последнюю среду перед Пасхой, 12 апреля 1802 года, манифест был повторно зачитан знати, собравшейся в Сионском соборе, и там же в субботу, перед пасхальной всенощной окруженные до зубов вооруженными русскими солдатами феодалы поклялись в верности российскому царю.

Обе вдовствующие царицы – Дареджан и Мариам – заявили протесты; генерал-майор Лазарев не обращал на них внимания, а мятежных князей Мачабели и Амилахвари арестовал. В то же время Лазареву поручили как можно энергичнее обращать нехристианских горцев в православие, вести кампанию, чтобы открыть дорогу из Тбилиси на Черное море в Потю и на Каспийское море в Баку, пополнять население Картли-Кахетии переселением туда русских и армян и, наконец, искать источники доходов, чтобы новая губерния стала самоокупаемой и способной содержать русскую армию.

В новоиспеченном «правительстве» Кнорринг стал главнокомандующим всем Закавказьем, Коваленский – первым министром, а избранные грузины – советниками и переводчиками. Правительство состояло из четырех *экспедиций*: исполнительной, гражданской, уголовной и финансовой. Новая «губерния» была разделена на пять уездов, и в каждом уезде появилось по одному (ненавистному) капитану-исправнику с примитивным судом и отдельными ведомствами для армянских и азербайджанских дел. Единственным языком правосудия и администрации стал русский, хотя 95 % населения не понимало на нем ни слова. Тем не менее к гражданским делам и мелким уголовным делам продолжали применять кодекс Вахтанга VI 1724 года, несмотря на то что на русский язык его еще не перевели. Грузинских феодалов лишили наследственных прав на такие доходные места, как должность *моурави* (провинциального губернатора), и ущемили некоторые права по отношению к крепостным. Перевернув вверх дном всю Картли-Кахетию, Кнорринг уехал в Георгиевск, и новым уделом начали повелевать и злоупотреблять задорный генерал-майор Лазарев и корыстный Коваленский. Как говорил невенчаный царь Давит, Грузией теперь управляли «четыре плута и один дурак»¹⁹⁹.

198 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 30.

199 Акты I.C. 305–306 (перехваченные письма царевича Давита. Апр. 1801 г.).

Лазарев и Коваленский не справлялись: чтобы хранить тайну от грузин, им приходилось переписываться по-немецки. Лазарев заразился чесоткой и клялся, что примет любую должность, лишь бы больше не видеть Тбилиси. Багратионы открыто бунтовали. Обе вдовствующие царицы остались без доходов и без слуг. Царица Дареджан винила Кнорринга в том, что в 1795 году разгромили Тбилиси, пасынка Гиорги – что урезал ее пособия, а его сына Давита – что пособия отменил. Она подняла в атаку всех шестерых сыновей – Юлона, Вахтанга, католикоса Антона II, Мириана, Александрэ и Парнаоза. Мириан остался верноподданным русским офицером, а Юлон, Вахтанг и Парнаоз подготовились к партизанской войне, чтобы русские соблюдали артикулы трактата и венчали Юлона на царство. Из всех детей Эреклэ II Александрэ оказался самым опасным для России: в июне 1800 года он убежал сначала в Карс, а оттуда в Иран. Объявленный государственным изменником и вне закона, он начал тридцатилетнюю кампанию сопротивления. Но самым неумолимым сыном Эреклэ оказался католикос Антон II, возглавлявший дорогую всем грузинам автокефальную церковь, которую Россия решила полностью упразднить. Понадобилось десять лет, чтобы сфабриковать достаточно веских обвинений в присвоении церковных земель и выдворить Антона II в Нижний Новгород. Русские часовые, с разрешения Гиорги XII, с самого начала окружали дворец царицы Дареджан, чтобы она, Юлон, Вахтанг и Парнаоз не уезжали из Тбилиси. Но Кнорринг не мог перехватывать всю «изменническую» переписку, которую Дареджан и ее сыновья вели с имеретинским царем Соломоном II и с разными азербайджанскими и иранскими эмирами.

Царская семья, расколотая домашними раздорами, уже не пользовалась популярностью среди народа. Эленэ, жену невенчанного царя Давита, недолюбливали, потому что она была армянкой и якобы скрягой. Из старших царевичей двое, Мириан и Иоанэ, служили в русской армии, а Юлон и Парнаоз, набросившись на сторонников сводного брата Давита, разорили осетинские поместья. Младшие дети Гиорги XII от второй жены никому не грозили и ничего не сулили.

Тбилисские купцы, отказывавшиеся продавать русским провиант ниже стоимости и обменивавшие по очень плохому курсу русские рубли, даже золотые червонцы, на грузинские серебряные абазы, тоже заявляли протесты. Кнорринг и Коваленский не знали, как обращаться с феодалами, лишенными понятия о гражданской службе, и с крестьянством, выращивавшим не больше хлеба и фруктов, чем нужно для проживания и оплаты податей, и предпочитавшим нищенство честному труду. Лазарев и Коваленский брезговали грузинами, «*die hiesigen Dummköpfe*» (местными дураками)²⁰⁰. Переписывать население они боялись по причине возможного мятежа: они прикинули, что население Картли-Кахетии в 1802 году должно насчитывать 160000 человек и способно поставлять только 20000 солдат. Государственные доходы – всего лишь 100000 рублей от таможенной пошлины и 20000 от медной руды – не покрывали расходы даже на пенсии и усадьбы для выдворенных в Россию Багратионов, не говоря уж о выкупе военнопленных у иранцев и дагестанцев или о провианте для оккупационных войск. Напрасно Коваленский замыслил новые налоги, например налог на всех женатых мужчин в Тбилиси.

Кнорринг и Коваленский быстро стали невыносимыми. Они допускали зверские злоупотребления: русские солдаты произвольно обрубали руки и носы; чиновники грабили базар, били князей, насиловали женщин. Коваленский разъярил царицу Дареджан тем, что в ее доме не снял ни шапки, ни пальто и в полдень прервал собеседование, объявив, что ему пора выпить водочки. Коваленский снес дворец одного царевича, построил из развалин завод, купил на государственные деньги тонны шерсти, а выручку от ткани прикарманил. Он воровал лошадей и фураж, спекулировал валютой: воспользовавшись высокой ценой на серебро, расплавлял русские монеты. Из-за махинаций Коваленского цены на хлеб и провиант резко поднялись, и в ноябре 1802 года царю Александру пришлось уволить и Коваленского, и Кнорринга. На этот раз царь назначил грузин: военным губернатором стал

генерал Павел Цицианов (обрусевший сын Цицишвили, родственника царицы Мариам и также придворного Вахтанга VI); гражданским губернатором стал князь Дмитрий Орбелиани. (Военным главнокомандующим, однако, стал русский генерал Гуляков.) До отъезда Кнорринг и Коваленский принесли кое-какую пользу Грузии: в ноябре 1802 года Коваленский открыл двухклассную школу для сорока пяти мальчиков, которых должны были обучать грузинскому и русскому языкам, математике, истории, гражданскому долгу и катехизису, а Кнорринг издал «правила добронравия», постановления о надзоре за «достойной» беднотой, уборке улиц, бойне, фонарях.

Цицианов, известный как «гневный князь», по крайней мере мог общаться с народом, но злоупотребления остановить не смог. Россия отправляла в Грузию самых некомпетентных и коррумпированных чиновников, которые задерживали благородных грузин и заставляли их идти пешком пятьдесят километров с веревкой на шее. Цицианов сам не был либералом: в феврале 1803 года он пожаловался графу Кочубею, что в Тбилиси нет палача, способного сечь кнутом, так что осужденных приходилось сечь шпицрутенами²⁰¹. (Типичным тогдашним заимствованием из русского языка был глагол *розгва*, «высечь», от русского «розги».) «По невозможности отправлять в Сибирь» каторжников посылали в Ахталу копать медь «к заводам гр. Мусина-Пушкина». Цицианов ввел в Тбилиси комендантский час, заставил граждан поселить у себя русских солдат и ограничил продажу мышьяка.

Весной 1803 года, как только открылся перевал, Цицианов начал выселять Багратионов. Обе царицы уже отказались от царского приглашения поселиться в Петербурге, но генерал-майор Лазарев не принимал отказ всерьез: «*A mauvais jeu ils font bonne mine*» (Они делают хорошую мину при плохой игре). В марте Лазарев с офицерами, ворвавшись в опочивальню царицы Мариам, объявил, что карета готова. Она выхватила из-под одеяла кинжал и заколола Лазарева, а ее дочь Тамар другим кинжалом ранила тбилисского полицеймейстера²⁰². В наказание Мариам послали под конвоем (с запретом на острые ножи и вилки) не в Петербург, а в Белгород. Царица Дареджан выдержала до октября: ее смогли выселить, поймав на месте преступления, когда она пыталась выкрасть образ из церкви Анчисхати. Царевича Вахтанга и невенчанного царя Давита увезли из Грузии, к их возмущению, в «запечатанной стальной коробке». Царевич Юлон подкупил осетин, ремонтировавших для русской армии дорогу к Казбегу, чтобы они снесли мосты. Тем не менее в августе 1804 года и его поймали и выдворили. В горах на севере от Тбилиси Парнаоз вместе с Александрэ Чавчавадзе, сыном дипломата Гарсевана, командовал 120 кахетинскими партизанами: главной целью было убийство генерала Цицианова. Парнаоз и его партизаны бродили по горам до октября 1804 года, когда он попал в плен. Юлона послали в Тулу: ему дали «мизерное» месячное пособие в 1135 рублей. Парнаоза отправили в Воронеж. Когда царевичи раскаялись, их пустили в Петербург. (В Воронеже Парнаоз, переводивший Жан-Жака Руссо, ослеп.) Из Ирана царевичи Теймураз и Александрэ писали в Петербург, что готовы вернуться, если русские посадят на престол любого Багратиона.

Большую часть сосланные в Россию Багратионы примирились с новой жизнью: они стали сенаторами, офицерами, помещиками, учеными. Невенчаннный царь Давит продал правительству свои тбилисские дворцы, обвинил в своем несчастье царицу Эленэ и попросил Святейший синод дать ему развод. Давит привел очень много доводов, например, «не соблюдены были ею доброта и честность девства», «прислала ко мне бобы, приправленные лекарством, привлекающим к любви», «изготовлено было ею писание заворуженное». Эленэ подробно и с достоинством опровергла каждый пункт, и Синод отказал Давиту в разводе. Удивленный Давит ответил, что его дядя католикос Антон II сразу развел бы их из-за взаимной антипатии²⁰³. (В 1810 г. царь Александр пригласил Эленэ в Петербург,

201 Акты II. С. 23.

202 Акты II. С. 111–112.

203 Акты II. С. 178–179.

где она должна была жить вместе с ненавистным мужем: Давит, став ученым генералом, составлял словари, изучал Вольтера и писал кислые стихи о том, как его понизили в сенаторы.)

Грузинские феодалы получали в качестве компенсации армейские чины, пенсии, награды за верность и оставались крепостниками. Как в любой российской губернии, они выбирали предводителя дворянства: такой чести удостоился дипломат Гарсеван Чавчавадзе, несмотря на его двусмысленное отношение к русской власти. Цицианов старался поднять настроение феодалов: он собрал остатки типографии Эреклэ, разобранной во время иранского нашествия, и открыл первую аптеку и почтамт в Грузии. Цицианов ограничил рукоприкладство полиции, просил Петербург больше не присылать коррумпированных чиновников и заказал русский перевод кодекса Вахтанга VI для пользы русских судей.

После русской оккупации наступил мир, хотя дагестанцы в поисках заложников все еще совершали набеги на окраины Тбилиси и курдские солдаты из Ахалцихе переходили границу, чтобы убивать казаков. Дмитрий Орбелиани вторгся в пашалык и заставил пашу отдать ему шестьсот курдов и лезгин, которых Орбелиани триумфально прогнал через всю Картли и Кахетию. С чар-белаканских лезгин взяли 220 пудов шелковых коконов штрафа за набеги и присоединили к России. Когда в январе 1804 года русские войска заняли Гянджу и взяли 17000 пленных, грузинам показалось, что и они победили. Вслед за Гянджей был завоеван весь Азербайджан, так что Тбилиси опять получил доступ к Каспийскому морю, а Дагестан был отрезан от Ирана. Расширение Российской империи наконец совпало со стремлениями Картли-Кахетинского царства.

Грузинские крестьяне, однако, страдали по-прежнему. Весной 1804 года, в самом уязвимом пункте, именно на западе от Крестового перевала, вспыхнул первый крупный мятеж. Местных осетин возмутила реквизиция казаками зерна и мяса; капитан-исправник бросил зачинщиков протеста в помойную яму с мертвыми кошками, дерьмом и сывороткой и затем заставил крестьян очистить дорогу от снега и камней: двух мужчин засекли, а женщин запрягли в сани и подгоняли плетью. Некоторых крестьян смело лавинами, лошадей и быков так перенапрягли, что «не осталось и кожи»²⁰⁴. Вся Арагвинская долина восстала, убила семнадцать солдат из войска генерала Волконского и заняла крепости по военной дороге; к июлю уже четыре тысячи грузинских и осетинских повстанцев просили царевича Парнаоза вести их в бой. 3 августа в битве при Ломиси пятьсот хевсуров окружили русских, которых спасли нерешительность кахетинских феодалов и неожиданный приезд генерала Цицианова, раньше осаждавшего Ереван. Сотни горцев умерли на русских штыках или были взяты в плен. На последующие восемь лет горцы были усмирены.

Имеретинский царь Соломон II, хорошо осведомленный о судьбе Картли-Кахетии, полностью разочаровался в добросовестности России, и Соломон Леонидзе, бывший вице-канцлер Эреклэ, отговорил его от дальнейших уступок. В ответ на упреки Цицианова, что Имеретия помогает мятежным картлийским царевичам убежать в Дагестан, Соломон ответил, что обязан оказывать своим дядям гостеприимство, но будет уговаривать их помириться с Петербургом. Леонидзе предупредил Цицианова, что Соломон II – человек воинственный и примет протекцию России, только если ему и его наследникам гарантируют царство, если Мингрелия и Гурия останутся подвластными Имеретии и Имеретия получит доступ к порту Поти.

В июне 1803 года Цицианов посредством бесконечных препирательств и подкупа («173 червонных и 2,291 р.») уговорил Соломона освободить царевича Константинэ, сына свергнутого Соломоном царя Давита Гиоргисдзе: русские дали истощенному юноше одежду и «благопристойный экипаж» и увезли в Тбилиси²⁰⁵. А в 1804 году Цицианов обратил против

204 Там же. С. 311.

205 Акты II. С. 348–351 (рапорт П. Цицианова царю Александру).

Соломона вооруженную силу, отправив русское войско, якобы чтобы открыть дорогу из Картли в Мингрелию к Дадияни, единственному грузинскому вассалу, которому Россия доверяла. 25 апреля Цицианов велел Соломону выполнять военные приказы и служить России по условиям трактата: если он подчинится, царь Александр может вернуть ему Лечхуми, раньше уступленную Мингрелии. (В то же время Цицианов уверил Дадияни, что Лечхуми останется за Мингрелией.) Цицианов считал неудобным аннексировать Имеретию: турки возразили бы, и, кроме проса, которого русский солдат не ел, там было нечего есть. Но дни этого царства были сочтены. Как только Гурия, вопреки возражениям молодого Мамаи *гуриели*, объявила себя вассалом России, Соломон был окружен прорусскими правителями. Представителем Цицианова в Имеретии был ненавистный Соломону генерал-майор Литвинов.

17

Конец царя Соломона

Если соблюдали свято, то почему отняли у нас город наш Кутаиси <...> во дворце нашем, в самой спальне нашей нижние чины держат наложниц – служанок, отнятых у наших же князей <...> почему солдаты схватили в Кутаисе самого зятя моего, из первых князей Имеретии, Цулукидзе Давида, волочили его, били, расшибли ему голову <...> русские войска столько лет стоят в нашем царстве как у себя дома, продовольствуясь от нас дровами, квартирами, провиантом, фуражем, быками, лошадьми, арбами, пищею и питьем <...> вместо благодарности ругают нас и презирают наших князей и благородных?

Царь Соломон II – генералу Тормасову, 5 января 1810 г. (Акты IV, 216)

Соломон II не поддавался русскому давлению: он пожаловался туркам, вступил в переговоры с ханом Гянджи; напав на Мингрелию, взял 40 заложников и убил курьеров, везших письма Дадияни в Тбилиси; он потребовал от русских правителей 120000 рублей, которые он якобы дал царю Эрекле взаймы, и тщетно настаивал, чтобы русские войска не вступали в Кутаиси. Генерал Цицианов подозревал, что Соломону давал советы не только Леонидзе, но и иностранный Макиавелли, которого он называл *se démon de prêtre* («этим бесом-священником»), патер Николай. На самом деле бесом-патером был Никола ди Рутильяно, итальянский капуцин-миссионер, который досаждал своим ватиканским хозяевам не менее, чем начальству в Закавказье. В 1795 году, когда он учился на миссионера в Тбилиси, о нем говорили, что он «голова буйная, горяч чрезмерно», неохотно занимался грузинским; в 1801 году капуцины в Петербурге жаловались на его непослушание и «скандалы» и безуспешно пытались выдворить его из Грузии; к 1809 году он «еще больше утвердился в своем упрямстве»²⁰⁶. Патер Николай больше интересовался мингрельской и имеретинской политикой, чем религией и, будучи единственным квалифицированным врачом во всей Западной Грузии, стал лейб-медиком Григола Дадияни, который подарил ему лошадь, часы и деревню в тридцать дворов.

В октябре 1804 года Цицианов придумал, как избавиться от патера Николая: он узнал от княгини Нино, жены Григола Дадияни, что Григол Дадияни только что умер мучительной смертью от отравления и что Дадияни клал в рот только то, что ему подавали она или Николай. К своему письму Нино приложила трогательную прощальную записку умирающего Дадияни. Патер Николай, напрасно оправдывавшийся тем, что целый месяц до смерти Дадияни они не встречались, потом рассказывал: «Один майор требовал меня к себе для

²⁰⁶ Archivio generale dei Cappuccini (Rome) H45 (Georgia 1795–1846), 1; Archivio Propaganda Fide (Vatican), Lettere e Decreti 281. Ff. 281–2r.; 333–4v; 283, 405–6v; 294, 510–1r.

пользования <...> заарестовал меня, и сняли с меня всю одежду <...> вывели к войску и, посадив на лошадь, связали мои ноги под брюхо лошади»²⁰⁷. Сама Нино потом призналась, что Дадияни часто рвало, когда он обжирался, приняв пилюли патера Николая, и что незадолго до смерти Дадияни съел целую курицу, жаренную в масле, попросил пилюли, а по ошибке принял опий. Но раздетого патера тем не менее заточили в Тбилиси и допрашивали целый год: когда он пожаловался царю Александру, Цицианов его освободил и отпустил в Западную Грузию, где он объездил всех своих должников и еще пять лет помогал царю Соломону сопротивляться русским. Цицианов, вероятно, подозревал, что Дадияни отравила властолюбивая молодая вдова Нино, ставшая теперь, как мать малолетнего Дадияни, настоящей правительницей Мингрелии. Нино была, однако, не только дочерью покойного царя Георги XII, но и пламенной приверженкой русской власти, и поэтому на ее преступления смотрели сквозь пальцы.

В любом случае малолетний Леван Дадияни был заложником Келеш-бея, правителя Абхазии. Келеш-бей, не обратив внимания на русские ультиматумы, освободил Левана только после того, как в апреле 1805 года его главную крепость Анаклию захватил генерал Рыкгоф. Пушки Рыкгофа убедили не одного абхазского князя перейти с оттоманской стороны на русскую. Правящая семья, Чачба-Шервашидзе, скорее склонялась к России, но народ оставался протурецким, так что переговоры и взаимные угрозы продолжались еще пять лет. В отцеубийственной и братоубийственной междоусобице Шервашидзе, христиане, мусульмане и язычники боролись друг против друга. Когда борьба утихла, заложники были освобождены и Россия начала давать послушным абхазским князьям военные чины и жалованья. Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов Келеш-бей пообещал быть верным России, но, обменявшись письмами с Турцией и с французским министром Талейраном, заигрывал с обеими сторонами. В мае 1808 года Келеш-бей был убит, по всей вероятности, по приказу Нино Дадияни, которая, как и русские, хотела, чтобы Сефер-бей Чачба, незаконнорожденный сын Келеш-бея и муж ее золовки, стал правителем Абхазии. Вину за убийство свалили на законного сына и наследника – Аслан-бея. Абхазы, однако, восстали против этого переворота, и в 1810 году русская канонерка взяла Сухум штурмом, перебив триста человек и угнав Аслан-бея в горы, а пять тысяч абхазов – в Анатолию. Сефер-бей, приняв православие и имя Георги Шервашидзе, захватил власть, но Аслан-бей пережил и не раз свергал своего сводного брата. После 1823 года, когда Михаилу (Гамуд-бею), сыну Сефер-бея (Георги), передали власть в Сухуме, Аслан-бей все еще поднимал мятежи, подавлявшиеся русскими карательными экспедициями.

Царь Александр меньше интересовался наказанием Соломона II и Аслан-бея, чем получением черноморского порта, чтобы связать Картли с Одессой через реки Риони и Квирилу. В Поти стоял турецкий гарнизон, не пускавший русские корабли даже за взятки, так что русским приходилось разгружаться в мелких водах в восьми километрах к северу, у деревни Кулеви, которую переименовали в Редут-Кале. Майор Литвинов сам ходил по болотам, утопая в грязи, и делал съемку возможного канала от моря до реки Риони. В Мингрелии, несмотря на энтузиазм Дадияни, простонародье смотрело на русских с опасением.

Когда в 1805 году Россия проиграла битву при Аустерлице, Турция и Иран воспряли духом. Талейран с радостью принимал доклады о том, что «грузинский народ еще больше, чем когда-либо, недоволен русскими», или «постыдный разврат русских отвращает большинство грузин <...>, которым не терпится сбросить иго, не менее тяжелое, чем персидское». 4 мая 1807 года, заключив с Ираном Финкенштейнский мирный договор, по которому Франция вернет Ирану Грузию, если шах поможет Франции воевать против России, в Иран отправился генерал Гардан, чтобы подтвердить договор. Артикул 4-й обязывал императора Наполеона «сделать все от себя зависящее, чтобы заставить Россию освободить

Грузию и другие персидские территории»²⁰⁸. Только летом 1807 года Тильзитский мир отменил этот план, хотя еще в 1809 году царицы Александры и Теймураз лелеяли мечту, что Наполеон освободит Картли-Кахетию от русской власти. После французов настала очередь британского посла сэра Харфорда Джонса, обещавшего Фетху Али-шаху Грузию, если он объявит войну России. В 1812 году, однако, британский посланник недоумевал, почему Иран тоскует по стране, пролившей столько иранской крови. Мирза Бозорг, погладив бороду, ответил: «Она мало дает пользы, но очень украшает».

Теперь Цицианову приходилось отбивать лезгинские и другие дагестанские атаки на Кахетию, в то время как из Ахалцихе в Картли вторглись турки. В ответ грузинско-русское войско напало на Ахалцихе и захватило Поты. Иранцы тоже попытались счастья, собрав в мае 1805 году огромную армию в Карабахе и превратив весь край в пустыню. Русская армия одержала победу, но во время переговоров Цицианов был убит агентами бакинского хана. Тогда русская армия перешла в атаку и к осени 1806 года овладела всей территорией между Грузией и Каспийским морем.

После Цицианова главнокомандующим стал уже пожилой граф Иван Васильевич Гудович. На бранном поле против иранцев ему везло, но в гражданских делах он успеха не имел. Хороших чиновников было мало; иностранные эксперты и предприниматели умирали от лихорадки или терпели банкротство. Мятежные горцы не унимались; и хотя арагвинские осетины смирились, хевсуры оставались непримиримыми. В Западной Картли случился крестьянский бунт: зачинщиков заковали и увезли в Тбилиси. Даже в 1808 году нельзя было проехать через Крестовый перевал без военного конвоя, и дорога под тяжестью тысячных войск и тяжелой артиллерии была постоянно разбита. За недовольными грузинскими феодалами нужна была постоянная бдительность. В Армении русские арестовали 260 партизан, сражающихся на стороне царицы Парнаоза. С другой стороны, Гудович понизил налоги, отменил таможенную пошлину и в «Академии для Благородных» увеличил число учеников до 85; однако ему показалось, что излишне преподавать немецкий и латинский языки, и венгерского профессора Мартини, который преподавал их, назначили инспектором государственных фруктовых садов.

Имеретия, где жить становилось все тяжелее, кипела ненавистью к русским. Соломон II жаловался, что пьяные солдаты осквернили его дворец в Кутаиси и что его советника патера Николая похитили (на самом деле в 1809 г. Николу ди Рутильяно отозвал Ватикан, который разрешил ему остаться в Грузии только потому, что за него похлопотали царицы Юлон и Парнаоз²⁰⁹.) Соломон Леонидзе в надежде, что русские войска можно выжить голодом, устроил бойкот. Претендент на престол, Гиорги, незаконнорожденный внук Соломона I, просидев девять лет в кандалах, теперь боялся, что Соломон II его казнит. Майор Литвинов с трудом освободил Гиорги и затем написал Гудовичу, что жизнь в Имеретии больше выносить не в состоянии.

Гудович, решившись окончательно свергнуть царя Соломона, писал ему в оскорбительном тоне, что он «недостойн названия царя в царстве, меньше размером, чем княжество», что «неприлично подданному [Соломону] договариваться» с императором. С генералом Рыкгофом Гудович переписывался по-немецки, чтобы патер Николай, перехватывавший и переводивший русскую переписку, не донес Соломону. Чтобы печатать правительственные прокламации, русские привезли в Кутаиси печатный станок. Теперь Гудович обвинил Соломона в том, что он тайно договаривается с Турцией, Ираном и Дагестаном. В феврале 1809 года Соломон и в самом деле предложил ереванскому Хусейн-хану вместе с царицей Александрой собрать армию в 30000 человек под своим

208 *Driault P.A. L. de. La Politique orientale de Napoléon: Sebastiani et Gardane. P., 1904; Vateishvili D. L. Грузия и Россия XVII–XVIII вв. Kn. 3. M., 2006. P. 68–78; Natchkebia I. Tbilisi dans les écrits français du début du XIXe siècle* and ‘La Place de la Géorgie dans le traité de Finkenstein / Eds. F. Hellot-Bellier, I. Natchkebia // La Géorgie entre Perse et Europe. P., 2009. P. 89–141.

209 *Tamarati M. L'Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910. P. 647–649.*

началом, захватить Тбилиси и объединить Грузию против «этих проклятых русских»²¹⁰. Для генерала Гудовича письмо к Хусейн-хану было последней каплей. Соломон понял, что взят на заметку: его больше не видели на дорогах или в городах; он кочевал из одного лесного убежища в другое. За два года Литвинову удалось повидаться с ним всего четыре раза.

Несмотря на Тильзитский мирный договор, в ноябре 1809 года генерал Дмитрий Орбелиани отбил Поти у турок после того, как гурийцы истребили 9000 турецких солдат, отправленных ахалцхским пашой, чтобы защитить порт. Теперь, когда Абхазией правил ставленник русских Гиорги Шервашидзе, из Крыма в Поти начали ходить русские корабли.

Летом 1809 года, уже утомленный Гудович, разочаровав царя неудачной кампанией против иранцев, уступил власть добросовестному, но вспыльчивому генералу Тормасову. Тормасов сразу отменил Исполнительную экспедицию, чтобы самому принимать все решения. Он объявил, что «горячая азиатская кровь требует строгого немедленного наказания» и всех обвиняемых судил полевым судом. Его чиновники носили меч (грузинским князьям было воспрещено носить оружие). Тормасов приказал каждому феодалу составить свою родословную, чтобы выявить дворян-самозванцев. Но генерал бывал жалостливым: он помогал осиротелым мальчикам, реабилитировал пьяных школьных учителей, построил семинарию, чтобы переобразовать грузинских священников, постановил, чтобы дома строили с фундаментом и с нужником и улицы обсаживали деревьями. Тормасов давал приют и освобождал от налогов католических и греческих иммигрантов из Турции, составил перепись национальных меньшинств и уговорил церковь пользоваться типографией.

Тормасов был, однако, одержим отловом беглых Багратионов. Царевич Леван, сын Юлона, обратившись в мусульманство, уже командовал отрядом мятежных осетин. Во время Рамадана 1810 года Леван питался только ячменем. Тормасов попытался выманить его из укрытия, подарив ему рыбу, но Леван бросил рыбу собакам. Тормасов арестовал осетин, скрывавших Левана, и послал некоего лейтенанта Багратиона на переговоры. Леван подверг лейтенанта пыткам и продал его черкесам. За поимку беглеца Тормасов предложил 2000 рублей и пенсию (один грузинский архиерей вызвался поймать Левана за 400 рублей и поместье). В октябре 1811 года лезгины закололи Левана посреди поля. Царевич Александрэ, однако, был неуловим: он постоянно ездил из Дагестана в Иран и вербовал осетин и кахетинцев. Тем временем царевич Теймураз, сын Гиорги XII, по совету своего воспитателя, поэта Петре Ларадзе, в 1810 году выехал из Ирана в Петербург, где, став замечательным полиглотом, историком и академиком, подготовил первого в мире иностранного картвелолога, гениального француза Мари-Фелиситэ Броссэ. В литературе Теймураза превзошел старший брат Иоанэ, написавший своеобразное сочинение в духе Лоренса Стерна, полуроман, полуэнциклопедию «Сбор милостыни» (*калмасоба*).

Тормасову легче было выдворить последнего царевича, католика Антона II (Теймураза, сына Эреклэ), сначала обвинив его в воровстве, а затем в 1811 году предложив ему пенсию в 2675 рублей серебром. Священный синод и русские экзархи овладели грузинской церковью. По воскресеньям в Сионском соборе отправляли службу по-русски, с помощью школы, обучавшей грузинских певчих. Серебро, не пришедшееся русским по вкусу, расплавили, а фрески и образа побелили. Экзарх Варлаам слил церковь с картлийской и из тринадцати картлийских епархий сделал две. Уничтожение грузинской церкви тем более возмутило народ, что армяне, католики, евреи и мусульмане сохранили религиозную автономию.

Тормасов с таким усердием преследовал Соломона II, что имеретинцы наконец полюбили своего царя: ему удалось завербовать 5000 человек. Посредники манили Соломона в Кутаиси; Тормасов и Соломон обменивались письмами, требующими друг у друга неприемлемых гарантий. Соломону стало известно, что главному посреднику, Зурабу Церетели, обещали поместья царевича, если он поймает царя; Церетели же боялся, что Соломон его убьет. Когда возобновилась Русско-турецкая война, Соломону, уже принявшему

сторону ахалцихского паши и царевича Александрэ, пришло в голову, что русские сочтут его государственным изменником.

В январе 1810 года Тормасов заставил всех имеретинских феодалов поклясться в верности русскому царю: от Соломона же он требовал, чтоб тот сдался в три дня. В полночь, в неосвещенном тереме, Павел Иванович Могилевский, правитель канцелярии главнокомандующего, провел переговоры с Соломоном и затем поужинал наедине с царским советником Соломоном Леонидзе. В марте генерал-майор Симонович, хорват на русской службе, объявил свержение Соломона и погнался за беглым царем, уже отправившим царицу и собственность в крепость и разославшим своих крестьян по горам. 18 марта 1810 года, проявив чудеса альпинизма, Симонович и майор Лисаневич окружили Соломона в ханском ущелье, не дав ему добраться до перевала, ведущего к Ахалцихе. Соломону почти удалось сбежать от конвоя в Осетию, но в конце концов царя и придворных довели до Тбилиси, где Соломон должен был жить под домашним арестом со строгим, но ненавязчивым надзором.

Через месяц в два часа ночи переодетый слугой Соломон прошел мимо часовых (в царской постели спал слуга). Имеретинцы нарочно пасли табун лошадей на пустоши вблизи от дома, и царь усакал вместе с двумя-тремя десятками имеретинцев. По дороге в Ахалцихе беглецов остановили всего раз пьяные казачьи пограничники, с которыми они обменялись шутками. Во время этого побега Тормасов находился в Карабахе, так что меры принял правитель Грузии, генерал-майор Федор Исаевич Ахвердов: он уволил коменданта, разослал поисковые группы, арестовал жену Соломона, царицу Мариам, с ее сестрой Майей, и заточил всех родственников беглеца сначала в Поты, а потом в Кутаиси, где они не были бы обречены на смерть от лихорадки. Император Александр был возмущен «неуважением к доброте монарха», выразившимся в том, что Соломон уехал без присужденного ему ордена Александра Невского. Вернувшись, Тормасов отдал под полевой суд всех ответственных (кроме себя) и вынес или утвердил драконовские приговоры всем, кто потворствовал побегу²¹¹. Генерал Иван Розен приказал, чтобы царскому слуге Табукашвили и парикмахеру Саламидзе, переодевшему царя, отрубили руки и ноги до обезглавливания, но их пощадили, сослав в Сибирь; сотника Палавандашвили, приведшего лошадей для побега, отпустили «на свободу и Божью милость», но Тормасов заменил приговор «смертью расстрелом». 30 декабря 1810 года в десять утра Ахвердов отпраповал Тормасову: «Бывшие полицейские сотники Палавандов, Пентелов, Автандилов и десятник Эриванский <...> по левой стороне течения Куры при собрании народа и по прочтению приговора расстреляны»²¹².

Добравшись до Ахалцихе, Соломон, посоветовавшись с шурином Малхазом Андроникашвили и с Соломоном Леонидзе, воззвал к османскому султану, к иранскому шаху и ко «всемирному арбитру» Наполеону. (Известно было, что в 1799 г. Наполеон приблизил к себе Ростом, египетского офицера родом из Тбилиси, и Соломону показалось, что Наполеон поэтому проявит сочувствие.) Из Ахалцихе Соломон поехал в Ереван, чтобы посоветоваться с царевичем Александрэ. Оттуда они рассылали предложения (например, проливать кровь за Россию, если их восстановят на престоле) и совершали набеги в Имеретию. Так как Россия воевала и с Турцией, и с Ираном, она считала деятельность Соломона особенно возмутительной. В любом случае письма Соломона к предполагаемым союзникам, от имеретинских епископов до мусульманских эмиров, не вызывали сочувствия, тем более что каждое письмо заканчивалось словами: «Пришлите мне немного вина и водки». Соломон не смел воспользоваться турецкой помощью, иначе имеретинский народ отвернулся бы от него. Тем не менее из-за Соломона вспыхнула гражданская война. Хотя русских поддерживали гурийцы и мингрельцы, они терпели катастрофические поражения. У Тормасова было мало заложников: кроме престолонаследника, спасенного русскими юноши Константинэ, в его руках остались дети Соломона Леонидзе – сын ходил в тбилисскую

211 Барамидзе А. А. и др. П.И. Иоселиани. Тбилиси, 1978. С. 200–201; Акты IV. С. 283–284.

212 Акты IV. С. 342–343.

школу, а дочь была замужем за картлийским феодалом. Тормасов установил над мальчиком надзор и конфисковал поместья дочери.

В августе 1811 года умер Леонидзе, и Соломону пришлось бороться одному. Тормасов ожесточился и нанял против имеретинских повстанцев лезгин из Ахалцихе. Потерпев очередную неудачу, Тормасов привел через Осетию тушей, хевсуров и пшавов, хотя его предупредили, что для горцев летняя жара в Имеретии губительна. Чтобы не давать имеретинцам других поводов к восстанию, император Александр приказал, чтобы Константинэ привезли в Петербург. В качестве меры предосторожности, Константинэ дали самую ленивую лошадь и пускали ночевать только на военных постах. К осени 1810 года все имеретинское царское племя находилось или под арестом в Тбилиси, или на пути в Россию: только Дареджан, пожилую вдову Соломона I, избавили от таких унижений.

Имеретия гибла: только в 1811 году от голода после неурожая, блокад и войн умерли 30000 человек; из-за голода потеряла половину населения и Абхазия. Из Ахалцихе, как всегда, когда нарушались оттоманские границы, пришла чума, от которой умирало три четверти заболевших, и унесла свыше 4000 имеретинских и русских жизней. Картлийцы и кахетинцы одобряли войну, так как Россия, отвоевав Ахалцихе и Ахалкалаки, возвращала Грузии провинцию, утерянную двумястами годами ранее. Тбилисцы были встревожены – беглые имеретинцы умирали у них на улицах. Тормасов, пренебрегши смертью половины населения и страданиями остальных, объявил Зурабу Церетели, что «сами спешили ввергнуть себя в бездну несчастий», что, если имеретинцы не подчинятся, «Бог, карающий клятвопреступников, отяготит их бедствиями, коих они сами ищут <...> Имеретия подвергнется совершенной своей гибели»²¹³. Тем не менее он отпустил делегацию кающихся имеретинцев в Петербург и, отменив старые законы, объединив управление страной с управлением Гурией и Мингрелией (у обоих княжеств будет по два представителя в новой администрации), он пожаловал стране «Временное правительство». Тех, кто продавал христиан в рабство, отдавали под полевой суд, так что крепостники начали закладывать своих крестьян у кутаисских и зугдидских евреев. Усмирив страну, Тормасов замышлял рубить имеретинские леса для русского кораблестроения, а Симонович уговорил духовных лиц открыть в Кутаиси школу, которую снабдили 40 экземплярами русского букваря и книжки *О должностях человека и гражданина*.

К февралю 1811 года 2000 солдат все еще искали Соломона II: Тормасов жаловался, что ни один имеретинец не хотел покушаться на жизнь беглого царя. Тормасов объявил, что феодалы, сопровождавшие Соломона, должны вернуться не позже чем в июне, иначе он конфискует их земли. Тормасов считал, что страна достаточно усмирена, чтобы обложить ее налогами. Он отверг все жалобы о недостатке и цене хлеба, хотя ввоз тысячи тонн зерна из России прекратился из-за осенних бурь на Черном море. Несмотря на бюджет в 10000 рублей, из-за войны с Турцией и закрытых непогодой портов, Имеретия была обречена на голод.

Побег Соломона II, имеретинское восстание, голод, переброс целых батальонов, воевавших с Турцией, на поимку беглого царя – все, вместе взятое, в глазах императора Александра опозорило Тормасова. В октябре 1811 года его заменили генералами Николаем Федоровичем Ртищевым и маркизом де Паулуччи. Паулуччи, итальянец, в 1807 году перебежавший с австрийской на русскую службу, управлял так блестяще, что в марте 1812 года император перевел его на еще более высокий пост. Но Ртищев и Паулуччи успели поправить дело. Пока Симонович боролся с безвыходным положением в Имеретии, Паулуччи положил конец тормасовским злоупотреблениям в Тбилиси. Ни Симонович, ни Паулуччи, общавшиеся друг с другом на разговорном французском, не говорили свободно по-русски, но были лишены предрассудков. Будучи католиками, Симонович и Паулуччи помогали миссионерам, единственным невоенным врачам в Грузии, и учредили для них три прихода и стипендии. Турки, разбитые на Балканах обрусевшим грузинским генералом Багратионом,

уже не воевали с Россией, и Паулуччи смог убедить Петербург, что преследование Соломона II и царевича Александрэ ни к чему, кроме раздувания их самомнения, не приведет. Паулуччи занялся делом: ввез с Украины тридцать чиновников, он собирал налоги, реквизирует хлеб, ограничивал торговлю водкой, строил тюрьмы, оружейную, мировой суд и полицейский штаб, пополнял число торговцев, грузин и армян, и свободных крестьян. Но с запада распространялась чума, и летом 1811 года умерло 4000 человек. Единственную школу в Тбилиси закрыли, так как родители эвакуировали детей; затем из Имеретии пришел голод, удвоивший цену на пшеницу. Паулуччи пробовал технические новшества: он раздавал крестьянам семена кунжута и призывал иностранных стеклодувов, чтобы разливать и вывозить кахетинское вино.

Паулуччи расправился с остатками Багратионов: «безнравственную» Анастасию, уже немолодую дочь Эреклэ, он поручил экзарху Варлааму заточить в монастырь. Избавившись от католикоса Антона II, Паулуччи уволил за продажу церковной собственности епископа Арсена, изблещившего католикоса по приказу главнокомандующего. Последним делом была фальсификация истории: он вынужден был реквизиовать 32 кг бронзы и положить новые гробовые плиты на царские могилы в Мцхете, так что Гиорги XII теперь прославился тем, что «доверил российскому императору свою родину».

В отношении Имеретии у Паулуччи опускались руки: там бушевала чума, малярия и лихорадка; население всё убывало: 7450 крестьян сбежали в Ахалцихе. Паулуччи заключил, что Имеретия – такая маленькая территория, что неудобно и дорого управлять ею, как будто она – провинция. Имеретинцы нуждались в быстром правосудии азиатского типа, лицом к лицу. Прокладывать дороги по такой местности не представляется возможным, и благодаря близости Ахалцихе и Соломона II Имеретию усмирить было нельзя. Только в Гурии правительство имело успех: Паулуччи распространил выращивание кукурузы, которая со временем, сменив просо, начала кормить народ, русскую армию и даже иностранный рынок (на Тереке кукурузу уже сто лет выращивали казаки и осетины, а в Западную Грузию она была ввезена намного позже: грузинское слово *симинди* происходит от греческого *семидалис* (тонкая мука), что²¹⁴ наводит на мысль, что кукурузу в Грузию привезли черноморские греки²¹⁴.

Неожиданно разразился кризис в Кахетии. Из-за голода и чумы 1811 года резко поднялись цены на зерно, а за реквизируемые пшеницу и ячмень русская армия платила гроши. Когда Паулуччи предложил всего шесть абазов (один рубль двадцать копеек) за пуд, в то время как на рынке пуд стоил пять рублей, крестьяне забастовали. Солдаты конфисковали зерно и изнашивали крестьянок. 31 января жители деревни Ахметы истребили карательную экспедицию, захватили Телави и Сигнаги. Поднялась вся Кахетия. Пока феодалы колебались, крестьянский бунт охватил и уже кипевшие досадой горные области: к Крестовому перевалу подошла тысяча хевсуров под командованием анонимного храмового сумасшедшего (*хатис-гиги*). Паулуччи на каспийском побережье тогда поднимал войска в атаку против иранцев, но он помчался в Кахетию. 1 марта 4000 повстанцев, убив адъютанта Паулуччи и генерала Вахтанга Орбелиани, провозгласили царем Картли-Кахетии Григола Иоанесдзе, старшего племянника бездетного невенчанного царя Давита и, с точки зрения многих грузин, истинного наследника престола. Паулуччи понадобился год, чтобы подавить мятеж. Он повесил восьмерых зачинщиков, но пошел на уступки, уволив ненавистного капитана-исправника, запретив конфискацию зерна и назначив следственную комиссию. Царевич Григол Иоанесдзе сам сдался в плен и был отправлен в Петербург. Паулуччи винил за беспорядки безнравственных русских чиновников, «зверский характер и непостоянство жителей», происки ссыльных Багратионов и иранцев, их поддерживавших, феодалов, лишенных бывших привилегий, слишком тяжелую барщину, медленное русское

214 Jikia S. [Shenishvnebi 'simind-semidalis' shesakheb] // St'alini sakh. tbilisi universit'et'is shromebi, XXX/1b. Tbilisi, 1947. P. 429–446.

судопроизводство и «тысячу делаемых подлостей чиновниками провиантского ведомства»²¹⁵. Партизаны и разбойники все еще скрывались в кахетинских лесах, но Паулуччи закончил свое правление успешно. Вскоре он советовал императору, как сражаться с Наполеоном, и через год со вкусом и гениальностью отстроил испепеленную войной Ригу.

Когда Паулуччи сменил генерал Ртищев, в Россию вторгались и Наполеон, и иранский шах. Кахетинским мятежникам показалось, что именно теперь силы русской армии будут напряжены до предела. Тридцать кахетинских феодалов поехали в Иран за царевичем Александрэ, чтобы вместо сосланного Григола венчать его на царство. По сравнению с Паулуччи, Ртищев был не силен в дипломатии: в ответ он отменил следственную комиссию и отправил к мятежникам двух генералов, обещавших амнистию, если те сложат оружие. Но пока Ртищев наводил порядок в Армении, царевич Александрэ с сотней сторонников перешел Куру, распространив ложное известие, что за ними идет иранская армия. В то время как Москва горела, 6000 бунтовщиков отрезали Военно-Грузинскую дорогу. Других мятежников Александрэ отправил, чтобы изолировать Тбилиси и открыть ему дорогу в горы. Сразившись с генералом Орбелиани 21 сентября, царевич одержал победу, но потерпел поражение, когда в бой вступил полковник Тихановский с пушками. Конница Александрэ навела на русскую пехоту ужас, но у мятежников не было артиллерии.

В октябре 1812 года Ртищев лично возглавил кампанию, и русская армия изрубила в куски войска Аббаса Мирзы, сына Фетха Али-шаха и главного сторонника царевича Александрэ. От банды царевича откололись грузины и лезгины, и только хевсуры, не сдавшиеся, даже когда русские окружили их горное укрытие, остались ему верны. В мае 1813 года русские убили 700 хевсур и снесли башни крепости Шатили и двадцать других деревень. Александрэ добрался до Дагестана; его лезгинские воины, взятые в плен, были либо расстреляны, либо сосланы на каторгу в рудники.

Ртищев сжег мятежные деревни, поля и виноградники, перебил или переселил несколько тысяч крестьян. Шестьдесят двух феодалов и священников он отдал под полевой суд; сажал монахов и монахинь, а остальных сослал в Сибирь на каторгу. 14 января 1813 года он повесил четырнадцать крестьян, среди них семидесятипятилетнюю старуху. Взыскав в виде штрафа с кахетинского народа 50000 серебряных рублей, тысячу с лишним тонн пшеницы и пятьсот тонн ячменя, Ртищев довел народ до уровня обнищавшей Имеретии. В качестве наказания за любое преступление он применял коллективную ответственность, воров секли, деревнями управляли военные. Лишь немногие пользовались доверием начальства: например, архимандрит Елевтери из Кварели, прославившийся тем, что прервал обедню, чтобы повести прихожан в атаку на внезапно появившихся лезгинских захватчиков, смог купить у русских тридцать кило пороха и получил ежегодную пенсию в тысячу рублей серебром²¹⁶.

Три года подряд Ртищев уговаривал царевича Александрэ сдаться, и в письмах осыпал беглеца то упреками и угрозами, то обещаниями. За выдачу царевича, мертвого или живого, Ртищев предложил аварскому хану 6000 рублей и пожизненную пенсию. Александрэ, завербовав дагестанских телохранителей, относился ко всем предложениям крайне подозрительно. Посредник Александрэ был неприемлем для Ртищева, и наоборот. Ртищев посылал к Александрэ отца Елевтери, Александрэ к Ртищеву – армянского прапорщика Корганова. Ртищев даже написал Аббасу Мирзе с предложением отпустить Александрэ в Иран, если Аббас пообещает, что больше его не выпустит. К маю 1816 года Ртищев был уверен, что Александрэ спустится с гор и сдастся русским в Кизляре, но царевич повернул на юг и в июле с одиннадцатью сторонниками, поболтав с казаками на границе, перешел Куру и добрался до Ахалцихе, чтобы ехать в Иран. (Генерал Ермолов арестовал пограничного

215 Акты V.C. 65–81.

216 Акты V.C. 254, 377, 400–403.

офицера и приказал, чтобы всех негрузин и нерусских, потворствовавших побегу, повесили на месте.)

По условиям мирного договора Россия могла оставить за собой только ту турецкую территорию, которую приобрела не вооруженной силой, а хитростью. Поэтому Ахалкалаки, Поты и Батуми пришлось вернуть оттоманам. Сухум, где христиане Шервашидзе управляли страной, остался русским портом в Грузии и мог бы процветать, если бы туда провели дорогу и построили мосты. Мирный договор обезвредил царя Соломона, еще в 1813 году лишившегося своего лейб-медика и лучшего советника, отца Николы ди Рутильяно, который умер в Ахалцихе от чумы. Хотя турки уже не оказывали ему поддержки, он получил убежище в Трабзоне, где 7 февраля 1815 года умер от плеврита. (Его духовник, отец Илларион, переселился на Афон, где оказался единственным грузинским монахом и провел тридцать лет в полном уединении²¹⁷.) С покойным Соломоном Ртищев обошелся по-рыцарски, выразив готовность похоронить его в царском мавзолее в Гелати. Но Соломона похоронили в церкви Святого Григория в Трабзоне и только в 1990 году перезахоронили в Гелати. Шестьдесят человек из придворных Соломона пустили домой в Имеретию, и его вдова и две сестры беззаботно зажили в Петербурге.

Несмотря на мир, жить в Имеретии легче не стало. В 1815 году умер от инфаркта генерал Симонович, самый доброжелательный из русских правителей. Единственным местом, где можно было разгружать корабли, был Редут-Кале, где частые бури и каботаж мешали торговле. Люди голодали. Ртищев передал русскому экзарху власть над имеретинской церковью, но в гражданском управлении порядка не наводил. Он умел только наказывать: евреев, принимавших крепостных в залог, секли и ссылали с семьей в Сибирь. Несмотря на декрет, по которому каждую купчую по продаже крепостных должны освидетельствовать три человека, юношей и девушек продолжали продавать в рабство. Ртищев боролся с разбойниками, поставив сторожей по главным дорогам, и заставив землевладельцев компенсировать ограбленных на их территории. Отчаявшись в конце концов, Ртищев объявил, что любит армян, верных только России. Но для полуармянского Тбилиси он сделал мало, напрасно попросив деньги, чтобы построить богадельню и ратушу. Судопроизводством Ртищев занимался лично: по средам и пятницам он принимал петиции и решения выносил на следующем заседании. Как и его предшественники, он старался выявлять жуликов, заставив феодалов предъявить родословную. Его попытки навести порядок в финансовой путанице не увенчались успехом. Тбилисский монетный двор еще чеканил мелкие серебряные монеты, но меди уже не было, так что ввезли копейки на полмиллиона рублей. В 1814 году Ртищев ввел в обращение бумажные ассигнации, но никто не хотел их принимать, так как они стоили всего четверть номинальной цены. Самой непростительной оплошностью Ртищева, однако, была попытка построить порт при крепости Святого Николая вблизи от Поты: стройку бросили, когда лихорадка уже унесла жизнь 3000 солдат.

4 октября 1816 года Ртищев, написав последний рапорт, утверждавший, что он принял Грузию «в бедственном его положении», а теперь оставлял «в самом цветущем состоянии», ушел в отставку. Ртищева сменил генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, который уже двадцать лет мечтал стать правителем Кавказа. Хорошо образованный и «чрезмерно трезвый» генерал любил порядок. Он начал с того, что тщательно выявил ложных грузинских дворян и назначил комиссию для устранения противоречий в уголовном кодексе Вахтанга VI и перевода его на русский. Ермолов получил у петербургского Министерства финансов огромную субсидию для пустой кавказской казны. Он уволил экзарха и нашел другого, более озабоченного церковной собственностью, чем доктринами. Отремонтировал Военно-Грузинскую дорогу, в надежде, что вешние воды и лавины больше не будут сметать мосты; наметил план шоссе, связывающего Поты с Тбилиси и Баку. Чтобы пополнить население, Ермолов привез пятьсот радикально настроенных немецких

протестантов из Вюртемберга: бесстрашные сектанты, намеревавшиеся года два спустя присутствовать на Втором Пришествии в Иерусалиме,плыли из Венгрии вниз по Дунаю и затем посуху добрались из Одессы в Грузию, где Ермолов дал им землю вблизи Тбилиси. Ермолов надеялся, что немцы обучат грузин производить молочные продукты и лучше пахать; через год немцы продавали в Тбилиси швейцарские сыры и немецкую колбасу.

Несмотря на иммиграцию, в 1817 году людей в Тбилиси было меньше, чем в 1794-м. Но Ермолов решил, что населению по карману повышенная подушная подать в 4 рубля серебром. В то же время Ермолов осуждал феодалов, доводивших крестьян до нищеты не только крутым оброком, но и требованиями, чтобы те оплачивали расходы гостеприимства, похорон, свадеб своих хозяев, дарили им пасхальные и рождественские подарки, поставляли лошадей и кормилиц. Крестьянин, работающий в городе, обязан был так дорого платить помещику, что чернорабочих не хватало. Чиновников тоже не хватало, но Ермолов щедрыми пособиями привлек новых из России и завербовал из Казани переводчиков на турецкий и арабский языки. Он построил заводы, где производили мареновый краситель и пряли шелк, и дал французу Каstellле деньги, чтобы построить шелковую фабрику европейского типа. Фабрика заработала, но прибыли не приносила; Каstellла умер, и Ермолов назначил его вдову директрисой школы для девиц. (Тем временем тбилисская школа для благородных мальчиков уже обучала 250 учеников.) Как в России, тбилисские купцы были разделены на гильдии; они пользовались налоговыми льготами, гостиными дворами и военными конвоями, когда отправляли товары по Черному морю. Французские виноделы пытались улучшить качество кахетинских вин, но на бутылки не было стекла.

Нововведения часто оказывались неудачными. Ермолов констатировал: «Можно сказать о князьях грузинских, что при ограниченных большей частью их способностях нет людей большего о себе внимания, более жадных к наградам без всяких заслуг, более неблагодарных»²¹⁸. Колонисты из Вюртемберга были неуправляемы: их либеральные взгляды и сексуальные обычаи шокировали и русских, и грузин; они плохо справлялись с лютыми зимами; азербайджанские соседи нападали на их фермы, и грузинские священники преследовали их. Когда напали иранские войска, пришлось заплатить выкуп, чтобы освободить немецких жен и детей. Тем не менее к 1824 году немецкое население выросло до 2000 человек и к ним присоединились другие протестантские фермеры.

Если учесть, что Ермолов бо́льшую часть времени громил чеченцев, дагестанцев и черкесов, его достижения в Закавказье замечательны. К 1816 году в Закавказье русская армия насчитывала 30000 человек. Имеретия же была на краю полного разорения: за год в Редут-Кале приплыло всего лишь 27 кораблей, и то, что они привезли, ушло вверх по Риони на провиант для русской армии. Пособие в 10000 рублей оказалось каплей в океане общего голода даже при том, что население всей Западной Грузии составляло меньше 120000 человек (а в Кутаиси всего тысяча). Кукурузу и просо брала для себя русская армия, которая мало платила. Помещиков лишили всякой власти; денег в обращении почти не было, но налоги на крепостных, особенно церковных, сильно повысились. Французский полковник Бернар Роттие (Rottiers), который в 1811 году приехал служить генералу Дмитрию Орбелиани главным штаб-офицером, потому что хотел «изучать совершенно новый тип войны», по пути домой в 1818 году пересек Имеретию. Сурами, последняя почтовая станция в Картли, совершенно обезлюдела после чумы, и Кутаиси был полностью развален, кроме католической миссии, где еще ухаживали за больными чумой²¹⁹. Махмуд, сын ахалцихского паши Селима, только что захватил 39 гурийцев, и генерал Курнатовский попросил Роттие договориться об их освобождении, как только он доедет до Трабзона. После упразднения епархий вспыхивали восстания, многие священники оказались безработными. Даже «верноподданный» Леван Дадияни и его мать Нино переписывались с турками и с царевичем

218 Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 298.

219 Rottiers B. Itiné raire de Tiflis a Constantinople. Brussels, 1829. P. 107–130.

Александрэ, и Нино подарила ахалцихскому паше девушку-рабыню. Роттие слышал, что ишаки, груженные порохом и дробью, переходили горы с османской территории.

В Раче вооруженные мятежники изгнали чиновников и ввергли генерала Курнатовского в панику. Ермолов прислал гренадеров с артиллерией. Племена Абашидзе и Церетели назначили царем Имеретии Иванэ Абашидзе, внука Соломона I, а остальные феодалы решили привезти царевича Александрэ из Ирана. Русские пошли на уступки, прекратив реформу церкви и вывезя экзарха Феофилакта, которого народ так ненавидел, что без конвоя в 300 человек с двумя пушками он не смог бы выехать из Кутаиси. Помощник Ермолова, генерал Сысоев, не сгибался, он потребовал «раскаяния» и клятв в верности, укрепил Кутаиси и разжег гражданскую войну между прорусскими и антирусскими имеретинцами. Кутаисского епископа Доситэ и гелатского епископа Эквтимэ, бывших посредников между Соломоном II и русскими, схватили сто егерей и выдворили из страны (Доситэ умер в пути).

В марте 1820 года восстала вся Гурия. Полковник Пузыревский, уполномоченный «истребить» гурийских князей, приехал в Гурию якобы чтобы сделать дорожную съемку. Приказав гурийскому регенту Каихосро сдать русским беглого претендента на престол, Иванэ Абашидзе, Пузыревский ударил князя плетью. Гурийцы убили Пузыревского на месте и взяли в заложники его офицеров. В тылу у Пузыревского стоял полковник Згорельский с 300 солдатами и артиллерией, но тот побоялся засад и отступил. Ермолов объявил Каихосро изменником и пообещал «террор»; он схватил жену и детей Вахтанга, сына Давита Гиоргисдзе и потому возможного кандидата на имеретинский престол. (Вахтанга раньше не выдворили в Петербург, по словам Ермолова, «по причине скотоподобной его глупости».) В апреле восстание около монастыря Шемокведи сокрушило русских, 33 из которых погибли. Затем гурийцы перебили русский тыл, перешли реку Рони и с помощью Григола, брата верного Левана Дадияни, напали на Редут-Кале. Хотя Леван сдал брата русским, гурийцы и Иванэ Абашидзе двинулись дальше на восток. Генерал Вельяминов, хваставшийся, что у него «достаточно войск, чтобы истребить всю Имеретию», сжигал мятежные деревни, вырубал сады и виноградники и вешал пленных на месте. Гурийцев заставили сдать убийцу Пузыревского, который признался, что сам Каихосро *гуриели* заказал убийство. Русские построили на месте убийства гробницу, и там солдаты гоняли убийцу сквозь строй, пока он не умер²²⁰. К осени Иванэ Абашидзе уже находился в Турции, и всех «изменников» сослали в Сибирь, где многие погибли. Довольный Ермолов отметил о Гурии, что «нищета крайняя будет их казнью».

В 1821 году вернулся экзарх Феофилакт, чтобы довести до конца упразднение имеретинской церкви. Вся Западная Грузия была уже подавлена. Кое-какие имеретинцы тайком вернулись из Сибири, но в 1824 году их поймали и сослали опять. Единственным, кто составил планы развития Имеретии, был французский консул Жак-Франсуа де Гамба. Он предлагал рубить леса и сплавлять стволы в Картли, где строил лесопилку. Ему запретили вмешиваться. В Редут-Кале приплывало еще меньше кораблей, и уже не было надежды, что Грузия станет транзитной страной для торговли с Ираном. Зато турецкий Трабзон был битком набит британскими судами, и товары из Трабзона шли в Иран через Евфрат. Мингрелия и Гурия, однако, сохранили долю независимости: пока брат Григол сидел в Сибири и мать Нино жила в Петербурге, Леван Дадияни властвовал, а в Гурии молодой Маamia стал *гуриели*, но в 1826 году умер, и после его смерти страной управляла его мать Сопио с советом регентов (Каихосро еще был в розыске).

Ермолову не удалось построить мостов и дорог, без которых страна оставалась разъединенной, и он напрасно старался стимулировать экономику. Тбилисские купцы не давали иностранцам доступа к рынку: все планы выращивать хлопок, индиго и табак покрывались пылью. Французский консул де Гамба предложил пригласить в Грузию триста французских шелководов, которые посадили бы миллион белых тутовников, и создать рынок для грузинского шелка, но это предложение не было реализовано, как и предложение другого

француза, Кастеллы, ввозить и стричь тибетских коз. Но, как с удовольствием отметил сам Гамба, к 1823 году в Тбилиси уже существовали хороший прованский ресторан и две французских кондитерских, город очистился от щебня 1795 года, публике дали доступ к некоторым дворцовым садам, и иностранные купцы, большею частью британцы, торговали с Ираном через Тбилиси²²¹.

Последним заданием Ермолова было подавление осетин, отказывавшихся платить подати. В конце концов осетин в отличие от грузинских крестьян освободили от налогов и барщины и обложили всего тремя баранами или рублями серебром и обязали двадцать дней в год пахать земли помещика. В апреле 1826 года Ермолов опозорился, когда Аббас Мирза без объявления войны напал на Закавказье. Ермолов, убежденный, что ему не доставало войск, чтобы нанести контратаку, уступил без боя Гянджу. Еще неопытный царь Николай I возмутился и сменил Ермолова генералом Паскевичем, которому уже давно надоело быть второй скрипкой у Ермолова. Паскевич распространил слухи, что Ермолов будто бы умолял грузинских феодалов просить царя оставить его на месте. Так или иначе, но Паскевич, изгнав иранцев осенью 1826 года, сразу оправдал доверие Николая I.

Грузинская знать и в самом деле не хотела прощаться с Ермоловым. Они пели: «Наступает пасха, воскресает весна. / Приехал Паскевич с адъютантом Ванькой-Каином Коргановым. / Жаль, что Паскевич уехал, настроение у народа испортилось»²²². (Адъютант Иван Корганов, увертливый тбилисский армянин, был известным вором и соглядатаем.) Паскевич, несмотря на его нетерпеливый характер и полуграмотность (его рапорты составляли секретари), оказался неожиданно талантливым администратором в гражданских делах, которыми занялся после смерти помощника, военного губернатора Тбилиси, генерал-лейтенанта Сипягина. Нанеся Ирану непоправимое поражение, Туркманчайским мирным договором Паскевич навсегда включил Армению и Азербайджан в Российскую империю. Удачной войной с Турцией в 1828–1829 годах и Адрианопольским мирным договором он присоединил к Грузии Ахалцихе и черноморские порты. Благодаря Паскевичу вся Абхазия и Сванетия подчинились российской власти, и Грузия разрослась до своих средневековых границ.

Паскевич увлекался улучшением городских учреждений: он нанял архитекторов, чтобы построить больницу, сиротский дом, богадельню, общественную библиотеку и родильный дом для матерей-одинок, конфисковал у церкви необходимые земельные участки. Он хлопотал о современных водопроводах и оптовом рынке, построил сорок почтовых станций и набросал план целого ряда тюрем. Из-за лени и коррумпированности чиновников и вечной нехватки денег, земли и трудовых сил, эти учреждения начали строиться только десять-двадцать лет спустя. Подписчиков на общественную библиотеку оказалось мало: собрано было всего 80 рублей. Заключение, содержащиеся в подвалах, мерли как мухи. Генерал Сипягин заставлял иранских военнопленных строить здания по европейским планам, но, еще не построив больницу, умер в 1828 г. от воспаления легких²²³. Паскевич превратил школу для благородных мальчиков в настоящую русскую гимназию, открыл школы в пяти других городах, не говоря уж о первой женской гимназии в Закавказье и об училище, где обучали казенных крепостных столярному делу. Он оборудовал лесопилни, приводимые в действие водяными мельницами, и ввел курсы для подмастерьев. Из России ввезли 60 кантонистов в качестве будущих чиновников. Монетный двор чеканил серебряные монеты, шахты производили медь. Паскевич даже защищал евреев: когда Сипягин, по российским законам, запретил всем восточноевропейским евреям жить в главных городах,

221 *Gamba J. -F. de. Voyage dans la Russie méridionale. P., 1826. Vol. 2. P. 26–180.*

222 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / В.А. Потто. Тифлис, 1901–1908. Т. 4. Ч. 1. С. 286 (грузинский подлинник утерян; в архиве Е. Вейденбаума находится только русский перевод).

223 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 164.

Паскевич отменил приказ, напомнив Сипягину, что без портных и корчмарей городская жизнь немыслима. (Еврейских коробейников, однако, вернули на место жительства, и русский экзарх заставил грузинскую церковь распродать еврейских крепостных.) Но те 4–6 тысяч грузинских евреев, которые жили под российской властью и платили те же налоги, что и христиане, лишились всех государственных пособий и гражданских прав.

Впервые за полторы тысячи лет в Грузии, не без русского влияния, стал проявляться антисемитизм, когда христиане и мусульмане в 1816, 1819 и в 1828 годах нападали на евреев: в Варташени замучили, изнасиловали и ограбили целую еврейскую общину за якобы ими совершенное убийство нееврейского мальчика. Грузинские евреи в отличие от восточноевропейских ни внешним видом, ни одеждой, ни языком не выделялись на общем фоне, хотя и вставляли ивритские слова в грузинскую речь. Некоторые фамилии считались типично еврейскими, но заканчивались, как и грузинские фамилии, на – *швили* или – *дзе*. Грузинские евреи раньше строили каменные синагоги, давали показания перед судом и владели землей на равных с христианами, и в гражданских делах грузинские цари разрешали споры по еврейским законам. Тем не менее, чтобы получить дворянство, грузинским евреям и раньше приходилось креститься и даже менять имя. Но фамилия *уриакопили* («бывший еврей») не считалась позорной²²⁴.

Паскевич субсидировал русскоязычную газету, *Тифлисские ведомости*, чтобы извещать народ с должным патриотизмом о войне с Ираном; печатали и грузинское приложение. Администрация не справлялась, однако, со множеством разных – грузинских, русских, мусульманских – уголовных кодексов, обязанностей и привилегий.

Жертвы чумы, горцы, сторожившие военную дорогу, жители деревень, разоренных русской армией, горожане Поти и Редут-Кале были освобождены Паскевичем от налогов. Благодаря ему тбилисские купцы наконец наладили связи с Европой и даже ездили на Лейпцигскую ярмарку: товары доходили до Мингрелии по Дунаю и Черному морю. Грузия пока экспортировала очень мало – ткани и скобяные изделия, но после взятия Ахалцихе 7000 армянских семейств начали оживлять экономику. Стекланный завод стал наконец производить бутылки, и русская мечта экономить 10 миллионов рублей в год на замене французского вина кахетинским становилась реальностью. Появлялись образцовые фермы европейского типа. Однако денег на пароходы или на коммерческий банк Паскевич добиться не мог.

Паскевич оказался садовником-акклиматизатором: открыв Тбилисский ботанический сад, он заказал у европейских ботаников растения, которые могли бы обогатить страну: впервые в Грузии появились камфорные деревья, японская хурма, новозеландский лен и, важнее всего, чайные кусты, не говоря уж о магнолиях, камелиях и тюльпановых деревьях.

Многие проекты, как экзотические деревья, не прижились. Кахетинские крестьяне упрямо отказывались выращивать больше, чем они сами могли потреблять: 80000 крестьян производили меньше 20000 тонн зерна и трех миллионов литров вина. Немецкие деревни, подверженные иранским вторжениям и эпидемиям чумы, вынуждены были сплотиться. Знаменитый предприимчивый француз Моренас, специалист по тропическим растениям, объездил всю Имеретию и рекомендовал очистить страну от лесов, чтобы улучшить знойный климат и выращивать, как турки около Поти, цитрусовые. От страшных имеретинских лихорадок Моренас предписывал хину, но, представив рапорт, сам умер от лихорадки²²⁵.

С другими французами Паскевичу приходилось проявлять строгость. Консул де Гамба больше хотел нажить капитал, чем представлять интересы местных французов, и, когда в 1831 году французского торговца Антуана Миллио (Milliot) уличили в краже 3462 слитков меди, 680 бычьих шкур и 4 баулов шелка, консул не захотел отдать его под русский суд; Паскевич настоял на своем, и Миллио, хоть и ненадолго, но сослали в Сибирь на каторгу.

224 Mamistvalishvili E. [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 230–247.

225 Акты VII. С. 209–211.

В религии Паскевич проявлял большую терпимость. Он отказывался обращать мусульманских осетин в христианство и защищал права хевсуров на языческие молельни. (Однако, завоевав Ахалцихе, он сделал из мечети церковь и в честь царя посвятил ее святому Николаю.) В политике Паскевич не был шовинистом: он говорил, что ему грузины больше по сердцу, чем русские, потому что «меньше воруют»; когда разрубленное тело Александра Грибоедова доставили в Тбилиси, Паскевич не отправил его в Россию, а по воле молодой вдовы Нино Чавчавадзе похоронил в Тбилиси. Паскевич отпустил Александра Пушкина с армией в Эрзурум, несмотря на то, что Санкт-Петербургская полиция приказала, чтобы за передвижениями поэта строго надзирали. Когда в июне 1830 года в Закавказье приехали внушавшие всем страх ревизоры Мечников и Кутаисов, они разнесли в пух и прах развратную и ленивую бюрократию, а Паскевича смогли обвинить лишь в скором правосудии и отсутствии документации: например, иранского муллу, пойманного с мятежными письмами, он повесил сначала вверх, а потом вниз ногами без учета обвинений, суда и приговора.

У Закавказья отобрали Паскевича, как раньше Паулуччи: главнокомандующий так блестяще выполнял обязанности, что его перевели на более высокую должность. Паскевича, способного одной рукой воевать, а другой – управлять, в 1831 году вызвал царь Николай, чтобы подавить польское восстание.

Царь четыре месяца обдумывал следующее назначение: выбор пал на балтийского барона Григория Владимировича Розена (родственника Ивана Розена, усмирившего Имеретию в 1810 г.), Розен был личным другом Николая; царь Александр I был посаженным отцом на его свадьбе и крестил его детей. В Тбилиси он привез с собой набожную жену Елизавету, урожденную Зубову, и пятерых младших детей. (Двое из дочерей, Лидия и Прасковья, увлекались иконографией, и Прасковья после смерти отца постриглась и прославилась как игуменья Митрофания.) Розен отличался чуткостью к людям: в жаркий тбилисский полдень он выходил из дворца и расстегивал кители у часовых. Он старался угождать начальству и поступал, как советовали ревизоры Мечников и Кутаисов, хотя его правительство все еще сидело в полуразрушенных зданиях, чиновники, подорванные лихорадками или коррупцией, ни на что не годились, и сам главнокомандующий был перегружен петициями от недовольных граждан – от так называемых дворян, которых уже не признавали без аттестаций двенадцати князей, от потомства царя Эрекла II, которых лишили титула царевичей и теперь сочли простыми князьями, и от нищих священников, недовольных роскошной жизнью епископов.

Розен добивался любви народа. *Тбилисские ведомости* теперь издавались и на азербайджанском, и на персидском языках. Установив долговечный мир с Турцией и с Ираном, легче стало осчастливить народ, увеличить население и оживить хозяйство. Грузинских крепостных теперь угнетали не больше, чем русских, и даже кое от чего освобождали, например возвращавшихся военнопленных раскрепощали. В Грузию впускали евреев и раскольников. Наконец, в 1833 году, закрыв Тбилисский монетный двор, ввели русские рубли и копейки и перестали принимать иранские *туманы*, грузинские абазы и турецкие куруши. Были введены российские нормы мер и весов. Каспийский сахар рафинировался в Тбилиси, крестьяне сеяли табак и кукурузу, де Гамба наконец мог рубить имеретинские леса. Но шерстяные заводы оказались нерентабельными: все – от питания до одежды – стоило так дорого, что грузинскому работнику приходилось платить больше, чем английскому. И стеклодувов было так мало, что бутылок не производили: из Турции пригласили бондарей, чтобы сколачивать деревянные бочки.

Но в одном отношении Грузия считалась передовой страной: русские офицеры завидовали качеству тбилисских сабель и кинжалов. В 1832 году царь Николай I отправил двух старших кузнецов из Златоуста, чтобы научиться тайнам ремесла у Карамана Элизбарашвили: они узнали, что Элизбарашвили ввозил сталь из Индии, сплавлял ее с местным чугуном и затем растягивал и складывал, как слоеное тесто.

В Картли-Кахетии все выглядело благополучно до 9 декабря 1832 года, когда известный смутьян Иесэ Палавандашвили пришел в гости к брату Николозу, уважаемому гражданскому губернатору Тбилиси, и раскрыл ему заговор, предполагавший свержение русской власти. Либо Иесэ хотел завербовать брата, либо он узнал, что офицеры Розена уже перехватили переписку заговорщиков с царевичем Александрэ в Иране, и надеялся спастись от беды. Николоз пригрозил Иесэ, что покончит с собой, если тот не признается начальнику Штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майору Вольховскому. Вследствие признаний на следующий день вышли ордера на арест, но понадобилось три месяца, чтобы задержать всех подозреваемых. Царь Николай, не забыв, как его вступление на престол было омрачено декабристами, такими же интеллигентскими революционерами, и только что подавив польское восстание, энергично вмешался: он передал дело в следствие и в полевой суд.

Следствие сразу установило, что заговорщики были скорее безалаберными фантазерами, которые, как Розен писал следующей осенью, «не представляли опасности государству». Следователи свалили вину на петербургских Багратионов, хотя те вряд ли подозревали, что дело едва не дошло до государственного переворота. Царевич Димитри, младший сын Юлона, внушал недоверие своим свободомыслием и недовольством своим низким чином. В Москве царевич Окропири, ученый внук Гиорги XII, уже состоял под негласным надзором из-за своих увлечений Жан-Жаком Руссо и тайной поездки в Грузию в 1830 году. Самый опасный из царевичей Александрэ в заговоре не участвовал: в свои 64 года он считал себя престарелым и велел заговорщикам «сделать, как им угодно». Основным заговорщиком оказался крестьянин-учитель, журналист и литератор Соломон Додашвили, который, присутствовав при декабристском восстании 1825 года, утверждал, что декабристам следовало занять не Сенатскую площадь, а Оружейную. Один из декабристов, Василий Сухоруков, переехал в Тбилиси, где служил у Паскевича казенным историком. Среди других заговорщиков были офицеры, служившие в русской армии под командованием Паскевича в кампании против поляков: они якобы понимали то, в чем поляки ошибались. (Вслед за восстанием около 4000 поляков были переселены в Закавказье, где, как солдаты, администраторы, врачи и инженеры, ускоряли развитие края.) Только один заговорщик съездил в Иран: писатель Соломон Размадзе поехал в Тебриз в поисках помощи от англичан и иранцев. В заговоре был изобличен один иностранец, канцлер французского консульства Луи Виктор Летелье (Letellier). Блестящий филолог и, судя по переписке французского консула, разведчик²²⁶, он выучил грузинский и в апреле 1831 года съездил в Петербург, где встречался с царевичами Окропири и Димитри и, по полицейским доносам, держал неблагонамеренные речи. (Если полиция не ошиблась, Летелье нарушал инструкции французского посла в Петербурге, барона де Бургуана, в августе 1830 года приказавшего консулу в Тифлисе «смотреть, чтобы ни поведением, ни речами французы не давали повода для недовольства начальства в стране... любой провинившийся будет вынужден тут же уехать из России»²²⁷.)

Заговорщики старались соблюдать конспирацию и никогда не собирались группами. Пока они не узнали о трагической судьбе поляков, они надеялись на бескровный переворот и на сочувствие Европы. В 1832 году они замыслили уже вооруженное восстание, когда каждый феодал, состоящий в их обществе, должен был вывести на улицы Тбилиси вооруженных людей, чтобы обезоружить русских. Одно время они хотели, устроив бал или банкет, пригласить и там же арестовать всех крупных русских чиновников. Подробностей

226 CADN 598 PO/2, 724, 9; 34, 1. О В. Летелье консул отозвался весной 1829 г.: «Мне трудно было бы обойтись без канцлера, который объединяет, как господин Летелье, большой разум с тактом и который хорошо привык справляться с щепетильными делами». По неизвестным причинам французское Министерство иностранных дел в 1840 г. выдало удостоверение, что Летелье работал канцлером всего до 1830 года. (См. Archive MAE & E, La Courneuve: Personnel 1ère série, dossier 2603. P. 11.) Вторая часть воспоминаний Летелье (именно о Грузии) не была опубликована, а рукопись пока не найдена.

акции они еще не выработали и какое правительство образуют не решили. Большей частью они представляли себе конституционного монарха, царевича Александрэ, в одной палате с шестью министрами, как *сабчо* Давита Строителя, и со второй палатой избранных народом делегатов.

10 февраля 1834 года, когда 70 обвиняемых уже год томились в тбилисской цитадели (француз Летелье после хлопот французского посла вышел на свободу), полевой суд вынес десять смертных приговоров²²⁸. Барон Розен и царь Николай, однако, боялись вызвать ненависть грузин, без поддержки которых Россия не смогла бы подавить северокавказский джихад. К тому же русская репутация в Европе была уже испорчена сотнями повешений, которыми закончилось польское восстание тремя годами раньше. Все смертные приговоры были заменены ссылкой. Лишь одного заговорщика, Муллу Замана, курьера царевича Александрэ, отправили на сибирскую каторгу. Царевичей Димитри и Окропири и царевну Теклу, дочь Эреклэ II, переселили в провинциальные города²²⁹. (Чтобы шантажировать царевича Александрэ, его молодой жене и ребенку, очутившимся в Ереване, когда Паскевич занял город, запретили уехать в Иран: после многолетних угроз и уговоров удалось их переселить в Петербург.) Несчастливого Соломона Додашвили сослали в Вятку, где он умер от чахотки. Более мелких обвиняемых понизили в службе или подвергли полицейскому надзору. Через короткое время бо2льшую часть заговорщиков простили и даже определили на завидные должности в тбилисском управлении.

Заговор 1832 года привел Розена к умозаключению, что надо включить грузинскую знать в правительство. Семь лет обдумывали нужные реформы и последующие четыре года их осуществляли. Заговор был последней попыткой восстановить грузинское монаршество; с тех пор грузинские либералы и революционеры ставили общественную справедливость выше национальной независимости и связывали судьбу Грузии с судьбой России: философские принципы, а не старинные обычаи вдохновляли следующие поколения грузинских радикалов.

Несмотря на арест Летелье, Розену удалось наладить хорошие отношения с европейскими иностранцами в Тбилиси. Французский консул Бенуа-Улисс Ратти-Ментон до такой степени доверял тбилисскому управлению (хотя жаловался в Париж, что всю его почту перлюстрировала тбилисская полиция), что в феврале 1837 года попросил полицеймейстера арестовать молодого француза «оскорбительно отвергнувшего мои отеческие увещевания»²³⁰.

Восстановив порядок в Картли-Кахетии, Барон Розен сосредоточил внимание на Западной Грузии. Условия в Имеретии заставили консула Ратти-Ментона, несмотря на то, что ему понравился Розен, написать послу в Петербург: «Невозможно представить себе плохое состояние дорог в этой несчастной стране. <...> Но что можно ожидать от управления, где чиновники думают только как разбогатеть и где никогда нет контроля. Каждый уезд – сатрапия, которая должна увеличить богатства своего правителя»²³¹. В Имеретии временное правительство продолжало преследовать насилие и анархию, не обращая внимания на причины беспорядков. Все уголовные дела в Имеретии решал полевой суд. В Мингрелии разыгралась кровная месть, и члены семьи Дадиани убивали друг друга. Когда в 1834 году умер Николоз Дадиани, барону Розену пришлось под угрозой расстрижения заставить митрополита, его кровного врага, похоронить покойного. Новый Дадиани, Леван V, мечтал разбогатеть продажей леса в Египет и превратить Зугдиди в блестящий город, названный в честь отца Григориополь. После смерти регентши Сопио в Турции в Гурии уже не было

228 Surguladze A. & P. [Sakartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni]. Tbilisi, 1991. P. 47.

229 Акты VIII. С. 391–423 (Дело о грузинском заговоре); Guruli V., K'up'at'adze B. [Sakartvelos ist'oria: XIX sauk'une]. Tbilisi, 2004. P. 93–100.

230 CADN: 598/PO/298, 735, 3.

231 CADN: 598/PO/2, 27, 1/19 ii 1834.

порядка: детей Сопио, кроме наследника Давита, Розен отправил в Петербург. В Абхазию возвратился из сибирской ссылки князь Хасан-бей, которому Розен даже вернул меч. Но Розен напрасно боролся с легитимным абхазским князем Михаилом Шервашидзе, решившим взять себе в качестве второй жены собственную племянницу: борьба кончилась ссылкой Михаила в Россию. Последним этапом в усмирении самых диких краев оказалось наведение порядка в Сванетии, находившейся тогда во власти двух ветвей племени Дадешкелиани. Пообещав, что царь и царица будут крестными отцом и матерью сванских князей, Розен уговорил их принять российский суверенитет и крещение, вместе с 2000 язычников-сванов. Дикий племенной строй исключал возможность в Сванетии принятия чужих политических и религиозных сил, но Розен считал, что подчинением сванов России и христианству, пусть даже чисто символическим, он довел до конца покорение Закавказья.

Осенью 1837 года, однако, карьера Розена оборвалась. Царь Николай объявил торжественный объезд Закавказья. Высадившись в Поты, он поехал в Кутаиси, Тбилиси и Ереван. 7 октября, при въезде в Тбилиси, царская карета перевернулась (в благодарность за то, что царь уцелел, на этом месте был воздвигнут железный крест «Всевидающее око»). Хуже того, Розен, выдав девятнадцатилетнюю дочь Лидию за обрусевшего полковника Александра Дадияни, заключил альянс, типичный для бывших хозяев Грузии. Царю донесли, что Дадияни плохо обращался со своими солдатами, у которых не было сапог, и сек солдатских жен, отказывавшихся косить его сено. (Французский консул уже заметил, что Дадияни отстроил себе мраморный дворец и что Розен «ослабел».) На глазах у всего народа, перед плачущим Розеном, до тех пор укрывавшим преступления зятя, царь сорвал с Дадияни погоны и отправил его под полицейским конвоем в Россию. Розена перевели на унижительную сенатскую должность в Москву, где в 1839 году его сразил инфаркт. Он умер два года спустя²³².

18

Наместничество

Своевольный подход барона Розена к управлению Закавказьем беспокоил императора Николая и его министров, которые хотели, чтоб с Закавказьем обращались как с любой другой российской губернией. Уже несколько лет военный министр, а также министры финансов, юстиции и внутренних дел заседали в «Кавказском комитете» в Петербурге, пытаясь выработать политику централизации. В 1837 году император поручил сенатору Павлу Гану составить план преобразования. Ган рекомендовал разделить весь кавказский край от левого берега Дона до иранской границы на три провинции и подчинить петербургским министерствам правителя края.

В ноябре 1837 года главнокомандующим Кавказским корпусом и главным гражданским правителем всего Кавказа назначили генерала Евгения Головина, стяжавшего себе репутацию не только бюрократическим азартом, но и беспощадной репрессией польских повстанцев. Ему внушили, что необходимо дисциплинировать и русифицировать грузин, армян и азербайджанцев. Военный министр, генерал Александр Чернышев, настаивал, что важнее всего истребить Шамиля, чей дагестано-чеченский эмират уже выигрывал кровавый джихад против России. (Генерал Ермолов предсказал, что Головин не выдержит и что его преемник, генерал Нейдгардт, который до отъезда в Тбилиси взял в аренду московский дом, сдастся еще быстрее: Ермолов был убежден, что с Закавказьем справится только наместник²³³.)

232 Розен П. Г. (Митрофанья) Записки. М., 2010. С. 25–30. (Как и отец, игуменья Митрофанья к концу жизни опозорилась: она обогащала свой монастырь посредством поддельных чеков.)

233 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 4. Ч. 1. С. 286.

Несмотря на без малого сорок лет российской власти, Грузия еще не встала на ноги. Население прибавилось главным образом не благодаря повышению рождаемости или сокращению смертности от эпидемий, голода и разбоя, а расширению территории и приходу иммигрантов – греческих шахтеров, армянских торговцев, немецких колонистов и русских сектантов. Головину удалось построить в Тбилиси Институт благородных девиц, новые казармы и военные конюшни и задействовать печатные станки; Ахалцихе ожил, и немецкие колонисты начали копать ирригационные каналы. Головин упразднил кодекс Вахтанга VI, справедливо решив, что, кроме статей, касавшихся ирригации, никакой пользы от него не было. (Кодекс так халтурно перевели на русский, что пользоваться им было невозможно: например, там, где подлинник постановил, что вор должен вернуть краденое и заплатить штраф вдвое выше стоимости краденного, русский перевод гласил, что он «должен передать двух из своих сообщников»²³⁴.)

Головину было не под силу привести в порядок пути сообщения и промышленность. Только что открытый порт Сухум, как и вся Абхазия, был отрезан от Мингрелии и остальной Грузии, когда развалился деревянный мост над рекой Ингури; Тбилисский шелковый завод, где заключенные отбывали каторгу, пришлось превратить в казарму; Сахарный завод Зубалишвили оказался нерентабельным, так как его сахар был хуже и стоил дороже, чем импортный; в тбилисской обсерватории не было ни оборудования, ни метеорологов, ни бюджета²³⁵. Несмотря на истраченные на них огромные деньги, две единственные магистрали, из Тбилиси на Крестовый перевал и в Имеретию, были чаще всего непроходимыми. Когда в 1837 году географ Дюбуа де Монтперё (Montpeřeux) по инициативе французского правительства и с поддержкой Николая I проезжал Грузию, он назвал Сурами «мизерным поселком», а раньше известный Шорапани – заброшенной деревней²³⁶. Мало кто из русских поселился в Грузии, да и у тех, кто остался, отношения с местными грузинскими женщинами не сложились, и ни грузинская, ни русская община не признавала их детей. В Имеретии, по словам Монтперё, в кукурузе и вине не было недостатка, но только очень богатые позволяли себе пить чай. Мингрелия под властью Левана V Дадияни стала ксенофобской диктатурой. Неудивительно, что предложение консула Бенуа-Огюста Ратти-Ментона в мае 1839 года привезти в Западную Грузию триста французских колонистов, несмотря на поддержку Головина, не реализовалось²³⁷.

В 1838 году из Ахалцихе опять распространилась чума, унесшая сотни жизней. Дагестанские захватчики снова начали брать тушей-пастухов в заложники, и генералу Головину приходилось платить выкуп и запрещать тушам контакты с мусульманскими соседями. Весной 1839 года среди лезгинских мятежников уличили четырнадцать знатных грузин. Четверых Головин приказал казнить²³⁸.

Головин следил за соблюдением антиеврейских законов, запретив кутаисским евреям развозить товары: имеретинские феодалы якобы жаловались, что евреи доводят крестьян до нищеты. Только по отношению к хевсурам Головин проявил либерализм, отказавшись осудить их как язычников за то, что они в своих молельнях приносили в жертву быков, и объяснив, что достаточно крестить детей, чтобы считаться христианином.

10 апреля 1840 года вступили в силу реформы сенатора Гана, и Имеретия, Картли, Кахетия и Армения слились в одну провинцию под управлением закавказского

234 Charachidzé G. Introduction a l'étude de la féodalité géorgienne (le Code de Georges le Brillant). P., 1971. С. 30.

235 Акты IX. С. 56–60.

236 Montpeřeux F. D. de. Voyage autour du Caucase II. P., 1839. P. 351–361.

237 CADN 598/PO/253, 31, 8.

238 CADN 598/PO/23, 31.

главнокомандующего и его помощника, тбилисского военного губернатора; оба подчинялись Совету главнокомандующего, назначенному императором²³⁹. Этот Совет равнялся микрокосмическому центральному правительству. В Тбилиси назначили городского главу; ремесленники, купцы и помещики получили право выбирать шестерых членов городского совета. Создав Комитет для составления бюджетов и сбора податей, армия ленивых и коррумпированных бюрократов душила любую инициативу: сам Головин признался, что «жалобы жителей края обращаются на многочисленность чиновников и на крайнюю медленность в решении дел»²⁴⁰.

Неадекватность Головина доказало гурийское восстание 1841 года. 22 мая крестьяне из Ланчхути изгнали сборщиков налогов, и два дня спустя вооруженные банды требовали, чтобы денежные налоги отменили полностью. Гурийские деревни патрулировали русские солдаты, но к августу вся Гурия, включая знать, старалась избавиться от русских военных. (Гурийские мятежники даже сожгли образцовую ферму, дом и библиотеку любимца *гуриели* Джеймса Марра.) После четырехчасовой битвы гурийцы отеснили полковника Брусилова в цитадель Озургети. От аджарского оттоманского бея гурийцы получали амуницию, от британского консула в Трабзоне – моральную поддержку. Гурийцы сражались так успешно, что на время отрезали Кутаиси от моря. Только в сентябре русско-грузинским войскам удалось вторгнуться в Озургети и подавить восстание, убив шестьдесят крестьян и арестовав пятьдесят мятежников (которых год спустя амнистировали). Предполагаемого вождя восстания, Амбако Шаликашвили, сослали в Сибирь и всю Гурию объявили «военным округом», где обитатели, как казаки, будут служить пограничниками.

В октябре 1842 года Головин под предлогом болезни ушел в отставку; на его место вступил такой же посредственный, но более везучий генерал Нейдгардт. Перепись населения при вступлении Нейдгардта в должность указывала, что относительно мирные времена наконец принесли пользу Грузии: рождаемость вдвое превышала смертность, хотя эмигрантов было больше, чем иммигрантов. Но из болота невежественности и темноты страна поднималась медленно. Нейдгардт посылал в Петербург всего лишь пять студентов в год, чтобы учить восточные языки и потом служить у него в администрации. Приобретая Ахалцихе, грузинское правительство не сумело воскресить жизнь города, теперь отрезанного от анатолийской торговли. Колонисты доставляли Нейдгардту лишь хлопоты. Русских скопцов пришлось выдворить: душевно больных – в приют в Воронеж, вменяемых – в Сибирь. В 1843 году группа немецких колонистов была одержима чаением Второго Пришествия: их старейшина, Барбара Шпон, собиралась повести их пешком в Иерусалим. Казаки Нейдгардта арестовали зачинщицу и разрешили только трем колонистам идти в Иерусалим²⁴¹. (Год спустя павшие духом делегаты пришли обратно, и немцы-раскольники вернулись в лютеранскую церковь.)

Нейдгардт брал с народа все больше налогов, но в Тбилиси под его управлением расцветали только шорничество и кирпичные заводы. Землемеры уже демаркировали границу и измерили поместья, но к этим границам и поместьям дороги не строились: не было ни инженеров, ни денег. Хотя Сухум объявили открытым портом, на практике иностранные корабли туда не пускали, и торговля в Сухуме свелась на нет.

В глазах императора Нейдгардт опозорился своей беспомощностью перед Шамилем и дагестанским джихадом. Осенью 1844 года его уволили. Николай умолил Михаила Семеновича Воронцова, удивительно успешного губернатора Новой России (края от Одессы до Крыма), взять в свои руки Закавказье. За десять лет Воронцов уже превратил только что приобретенную территорию в образцовую провинцию. Либерализм и терпимость Воронцова,

239 Lominadze R. [Rusuli martva-gamgebloba sakartveloshi I] (1801–1844). Tbilisi, 2011. P. 309–325 (на груз. яз.).

240 Акты IX. С. 39.

241 Акты IX. С. 690–697.

скрытые под маской консервативной набожности, не соответствовали представлениям императора, но Николай понял, что ни у кого, кроме Воронцова, нет ни нужного военного опыта, чтобы победить Шамиля, ни административного таланта, чтобы сделать из Закавказья цивилизованную провинцию. Объездив Кавказ в 1840 году, военный министр Чернышев уже откомендовал Воронцова как человека, способного одержать победу. Ермолов считал Воронцова «лучшим из людей, другом и дорогим братом», идеальным наместником и отправил своих сыновей служить под его началом. Воронцову, однако, было уже 63 года, он часто хворал; говорил, что примет наместничество, если будет уполномочен и подотчетен только императору: император и министры всю зиму 1844/45 года договаривались, и лишь давнишняя дружба Воронцова с Чернышевым и Канкриным, министром финансов, помогла ему преодолеть все интриги и возражения чиновников.

Первого кавказского наместника тбилисская публика приняла с энтузиазмом: Воронцов станет единственным иностранным правителем Грузии, в память которого добровольные подписчики воздвигнут статую (снесенную в советские времена). С Воронцовым приехала его супруга-полька, графиня Екатерина Браницкая, за которой в бессарабской ссылке ухаживал Пушкин (Воронцов избавился от Пушкина, поручив ему доложить о положении в степи после налета саранчи). Графиня, хотя ей тяжело было жить летом в Тбилиси, так же усердно, как муж, занималась делом, особенно женским образованием, и часто подписывала от имени мужа государственные бумаги. Воронцов сразу начал преобразовывать Закавказье: помещикам он разрешил освободить крепостных, грузинским студентам – учиться в любом русском университете. Бюрократическую структуру сенатора Гана наместник упразднил, отделив Имеретию от Тбилисской губернии и введя в Кутаиси правительственное присутствие. По всей Грузии, даже у хевсуров и пшавов, открывались школы. Воронцов заказал из Англии пароходы и открыл круглогодичную навигацию из Одессы и Астрахани в Сухуме и Баку. В Тбилиси появилась общественная библиотека и печатались еженедельные газеты.

В соответствии с политикой Николая I, однако, в 1845 году Воронцов изгнал католических миссионеров, большею частью итальянцев, говорящих по-грузински, несмотря на их хлопоты перед царицей. Обращать православных в католичество было запрещено, и изгнанных итальянцев заменили поляками, отказывавшимися учиться грузинскому языку (судя по докладам французского консульства) и поэтому отвергавшимися прихожанами²⁴². Вследствие преследования католиков отец Харисчирашвили уехал в Константинополь, где основал католический монастырь в Ферикёе, ставшем очагом для заграничных грузинских христиан²⁴³. Старания Воронцова насаждать православие нередко кончались плохо: он привез русских мастеров, чтобы отлить колокол весом в тонну для Тбилисского собора Сиони, и в январе 1848 года солдаты перетащили колокол на ту сторону Куры. Воронцов пренебрег предупреждением колокольного мастера, что евреев к колоколу близко подпускать нельзя, и один еврейский солдат был случайно раздавлен колоколом²⁴⁴.

Самым большим достижением Воронцова оказалась интеграция всех слоев и народностей закавказского общества. Его часто обвиняли в том, что он якобы предпочитал русским «туземцев, даже татар». Приехав в Тбилиси, Воронцов даже начал брать уроки грузинского. С членами семьи и администрации Воронцов общался по-французски; с самим собой – по-английски (сын русского посла в Лондоне, Воронцов получил там образование, и его сестра была замужем за графом Пемброкским, так что он приходился дядей Сидни Герберту, британскому военному министру с 1845 года)²⁴⁵. Родственников Багратионов

242 CADN 598/PO/2, 98, 793.

243 *Gabašvili N.* La Georgia e Roma: duemila anni di dialogo. Vatican, 2003.

244 *Фадеев А. М.* Воспоминания. Одесса, 1897. С. 80–83.

245 *Rhineland A. L. H.* Prince Michael Vorontsov: viceroy to the Tsar. Montréal, 1990; *Удовик В. А., Кацук В. О.* Светлейший князь М. С. Воронцов. СПб., 2000.

Воронцов реабилитировал: военным губернатором Тбилиси стал племянник Соломона II, Иван Малхазович Андроников; генерал-губернатором Кутаиси – Гиорги Эристави, арагвинский князь; среди генералов, сражавшихся с Шамилем, были Григол II Дадиани, Григол Мухранбатони и Ясон Чавчавадзе. Когда в марте 1850 года умерла царица Мариам, Воронцов, прежде чем похоронить ее в Мцхете, устроил отпевание в Чудовом монастыре: гроб был поднят на колесницу шестью чиновниками Министерства иностранных дел, и за гробом шли духовенство, пехотный полк и двенадцать орудий пешей артиллерии; во Мцхете последовала не менее грандиозная церемония, с 36 выстрелами из пушек, несмотря на то что покойная в 1803 году заколола генерала Лазарева²⁴⁶. Воронцов отдавал должное и кавказским языкам: русские школьники в Закавказье вынуждены были изучать один из местных языков. Воронцов был обязан своими знаниями ученому Мари-Фелиситэ Броссэ, которому в 1846–1847 годах он поручил публиковать старые рукописи, переводить летописи и ездить по всей стране, чтобы составить научное описание всех древних памятников и их исторического и этнологического значения. (*Путешествия* Броссэ до сих пор остаются актуальными, так как многие памятники, описанные им, с тех пор полностью разрушились.) Несмотря на интерес к науке, Воронцов считал, что Грузия еще не готова для университета. Тем не менее он развил образование: к 1850 году у мусульман, шиитов и суннитов были свои школы, и в 1852 году в семинарии священников начали обучать не только греческому языку, но и медицине и сельскому хозяйству.

К вопросам экономики Воронцов подходил своеобразно: в Тбилиси стали производить спички; у шотландского торговца и агронома, а теперь гурийского помещика Джеймса Марра (отца Николая Марра) военные врачи заказали несколько пудов гурийских пиявок²⁴⁷; из США ввезли семена табака и хлопка, из Китая – чайные семена; из Мальты – ослов, чтобы производить более крепких ишаков; из Крыма (из воронцовских садов) – цитрусовые и виноградные лозы; из России – пчеловодов; из Испании – баранов породы меринос. Чайные семена засохли, ослы сдохли от солнечного удара, виноградные лозы заразили всю Кахетию филлоксерой, но кое-что из воронцовских нововведений все-таки прижилось. Немецкие колонисты около Гори выращивали качественный табак, и через тридцать лет грузинский чай в Париже получил золотую медаль и начал приносить большие доходы. Запретив вывоз дуба и грецкого ореха, Воронцов спас гурийские леса от топора Джеймса Марра. Он также запретил военным продавать труд своих солдат, так что ремесленники тбилисских гильдий преуспевали. К 1850 году в Тбилиси отливали орудия, и немцы управляли сталеплавильным заводом. В Гори появились крестьянские рынки, а в Сигнаги ежегодная ярмарка. В 1850 году в Тбилиси состоялась сельскохозяйственная выставка. Благодаря английским связям Воронцова грузинским продуктам присудили медали на Великой Лондонской выставке 1851 года.

Как любой завоеватель Закавказья со времен Помпея, Воронцов был озабочен отсутствием хороших путей сообщения. Каждый год внешние воды сметали мосты; шотландец Киль (Keill) построил в Гори каменный мост: через год мост смыло. Но в Тбилиси Михайловский (в честь Воронцова) мост, построенный итальянским архитектором Скудьери, до сих пор стоит над Курой. А вот отстроить Военно-Грузинскую дорогу, способную устоять против снегопадов, лавин и внешних вод, было для местных инженеров непосильной задачей: в Тбилиси говаривали, что дорогу можно было бы выстелить деньгами, уходившими на постоянный ее ремонт. По Куре из Каспийского моря и по Риони из Черного моря могли бы ходить плоскодонные суда, но для этого нужно было углублять обмелевавшее летом дно и вылавливать обломки деревьев, смывавшихся внешними водами. С целью увеличить поставки

246 Акты Х.С. 112–114.

247 Марр не был единственным иностранцем, поставлявшим закавказской армии пиявок: француз Жан Аллари, в октябре 1847 г. скоропостижно умерший по пути из Редут-Кале в Тбилиси, значился «торговцем пиявками». CADN 598/PO/2144, 2186.

топлива для этого предполагаемого судоходства, Воронцов расширил производство рачинского угля и затем пригласил иностранных экспертов, чтобы они сделали возможным переправку людей и товаров водным транспортом из Имеретии по Черному морю и вверх по Дунаю в сердце Европы.

Благодаря усилиям Воронцова пароходы начали разгружаться в Потти и в Сухуме, что удвоило таможенные доходы. Появились места отдыха, например Боржом (куда не допускались евреи). Зачатки нового процветания, однако, привели к новому виду преступности: кареты с правительственными деньгами стали для разбойников (а потом и социал-демократов) чрезвычайно соблазнительными. Приходилось бороться и с коррупцией, и отдавать под полевой суд солдат, продававших горным партизанам амуницию.

В удачном подавлении мятежных гурийцев, мингрелов, абхазов и сванов Воронцов превзошел всех своих предшественников. В 1847 году, помилив абхазов и мингрелов, поссорившихся из-за пограничного края Самурзакано, он передал спорную территорию в руки кутаисского военного губернатора и рассчитался с Дадияни компенсацией в 25000 рублей. Когда в 1846 году умер Леван V Дадияни и потом в 1853 году его наследник Давит, Воронцов положил конец мингрельской автономии, назначив регентшей малолетнего Николоза его бабушку Екатерину Чавчавадзе, свояченицу покойного Грибоедова, скорее великосветскую петербурженку, чем Дадияни. К 1850-м годам Дадияни, живя в европейской роскоши в зугдидском русскоязычном дворе со швейцарскими поварами, распоряжались страной как хотели (например, пригласили к себе французского агронома и шелководы графа Лэонарда Росмордюка, но в 1847 году выдворили его). Такая жизнь не могла долго продолжаться, ибо 12000 знатных мингрелов жили трудом всего лишь 100000 крестьян²⁴⁸.

Воронцов, решив, что гурийцы не годятся в пограничники, подчинил княжество имеретинским властям. Абхазии же он предоставил временную автономию и смотрел сквозь пальцы на то, что Шервашидзе занимался работорговлей и договаривался с оттоманами. Сванетия тоже считалась вне закона: в 1843 году Николоз Дадешкелиани, напав на главу своих соперников, Константинэ Дадешкелиани, убил семнадцать слуг, сжег заживо бабушку Константинэ и взял в заложники его сестру.

Победы Воронцова заставляли императора безропотно сносить его либерализм и даже неповиновение. Когда в 1850 году наследник Александр объезжал Закавказье, его реакция совсем не походила на реакцию отца в 1837 году. Двор Воронцова банкетами, балами и салонами походил на Петербург в миниатюре. Воронцова окружала полуобрусевшая грузинская знать, он составил новый список аристократов, в который не вошли 1300 самозванцев. Везде царил порядок: даже крепостного невозможно было освободить без документации. Главное, что Воронцов сделал для горожан, – это учреждение Тбилисского оперного театра: русский граф Соллогуб и итальянский импресарио и дирижер Барбьери, пригласив в Тбилиси итальянских певцов и танцовщиков, превратили город в оазис европейской культуры. Воронцов нанял актера Михаила Щепкина, и в Тбилиси появился театральный репертуар. Говорили, что таким образом Воронцов навсегда отвлек грузин от антирусских заговоров. Для европеизации страны это имело огромное значение: грузины и армяне не только начали называть своих детей Гамлет и Дездемона, но благодаря опере, даже не зная европейских языков, познакомились с миром Шекспира, Вальтера Скотта и Александра Дюма. Воронцов поощрял и грузинских драматургов (цензура дозволила двадцать пьес, большею частью фарсы) и лично похвалил Гиорги Эристави – в 1832 году заговорщика, потом в Польше младшего офицера и романтического поэта, затем старшего чиновника и теперь ведущего журналиста, актера, режиссера и драматурга – как «грузинского Мольера». Эристави основал журнал «Заря» (*Цискари*), где печатались первые грузинские рассказы и романы. Но его пьесы *Тяжба*, *Сумасшедшая*, *Семейный раздел* до сих пор развлекают театральную публику. Эристави воспитывал младших драматургов, Антонови и Кереселидзе.

248 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 480–491.

Театр и «Зарю» субсидировал Воронцов из казны и из собственного кармана, так что наместник оказался акушером современной грузинской литературы, несмотря на то что главная цель тбилисского театра состояла в том, чтобы сделать из грузин и армян русскоговорящих европейцев.

Грузинам особенно нравился яркий характер наместника. Несмотря на возраст, он был бесстрашным воином, преследовавшим Шамиля по дагестанским перевалам, ночевавшим в палатке, изрешеченной пулями, чудом вышедший из засады в Дарго, орлином гнезде Шамиля, потеряв 3000 человек. Он откровенно признавал, как и Ермолов, что завоевание Дагестана не стоило ни капли крови и что врага надо умирять не пулями, а переговорами. Воронцов любил и хорошую мирную жизнь. Его «страстью», вероятно, неуголенной, была княгиня Эленэ Орбелиани, а в летний зной, когда Екатерина Браницкая-Воронцова отдыхала в Крыму, Воронцов ходил к вдове венгерского виноградаря Ирме Чесеньи, которая одевалась амазонкой и, окруженная кавалерами, забавляла весь город. (Воронцов хладнокровно справлялся с соперниками: застав ее врасплох, он услали офицера на кавказскую передовую линию, вызвал горничную и приказал «омовение для мадам и перемените наволочку и простыни на постели»²⁴⁹.) Уважаемый всеми, даже Шамилем, Воронцов дружил и с девяностолетним армянским патриархом Нерсесом V. Писатель Акакий Церетели, вообще скупой на похвалы, вспоминал потом:

«В те годы в сердцах грузин жила еще светлая память о Воронцове и считалось невозможным, живя в России или направляясь туда, не побывать в Одессе и не повидаться с его вдовой. Вот почему мои родные обязали меня зайти к княгине и передать ей привет, а в качестве подарка от них я вез крест из гишера со скульптурным изображением распятия <...> Княгиня Воронцова приняла меня, точно сына, с подлинно материнской лаской. Она расспросила меня подробно обо всех, а когда я в конце концов поднес ей крест, на ее лице отразилось живейшее удовольствие. – Значит, грузины еще помнят нас? Надеюсь, они не скоро забудут моего мужа! – Пока не исчезнет память о самой Грузии, будет жить имя Воронцова, – промаякал я фразу, которую мне часто приходилось слышать дома от старших и которая запечатлелась в моей памяти.

Старая княгиня прослезилась, взглянула на меня и, улыбнувшись, поцеловала. Преподнесенный мною крест переходил из рук в руки. Гишер, который гости княгини приняли за черный янтарь, им нравился, но скульптурное изображение распятого Христа, видимо, не соответствовало их эстетическим требованиям. Княгиня обратилась к одной из дам со словами: – Мы же не в Италии. Не забывайте, что эти вещи изготавливаются в Имеретии обыкновеннейшими резчиками по гагату. Все это крестьяне, которые ничего не видели и не знают других образцов, кроме плащаницы и церковного образа. Природа Грузии для них все – и картинная галерея и школа. Но ведь природа эта – восхитительная, сказочная. И разве это не свидетельствует о том, что, если бы не препятствовали условия, у них были бы свои Рафаэли и свои Микеланджело? Покойный князь восторженно любил грузин, с великим уважением относился к их прошлому и верил в их будущее. Он часто, бывало, говорил: «Эта маленькая Грузия станет со временем самым прекрасным, самым надежным золотым шитьем на многоцветной ткани Великой России. Мы только должны дать ей возможность свободно развиваться и при этом руководить ею и помогать, не нарушая исконных обычаев»²⁵⁰.

Воронцов хотел, чтобы Европа, особенно Великобритания, смотрела на него как на просвещенного и современного правителя, но этой репутации в 1850 году угрожала первая широко известная в Грузии «кровная клевета»: в лесу под Сурами нашли мертвого мальчика, в убийстве которого обвинили евреев, совершивших преступление якобы для того, чтобы печь хлеб на Песах. Еврейские дома были разгромлены, и местный феодал Димитри Абашидзе сфабриковал улики (кровавую тряпку, малолетнего свидетеля). Делегация из

249 Лесков Н. С. Лорд Уоронцов // Литературное наследство. Т. 87. Ленинград, 1977. С. 121–126.

250 Церетели А. Пережитое. М., 1950.

четыре евреев отправилась в Тбилиси повидаться с Воронцовым; восьмерых евреев отдали под суд, но оправдали. Когда константинопольские евреи поставили в известность об этом негласного главу европейских евреев, Сэра Моисея Монтефиоре, Воронцов уверил его, что таких случаев кровной клеветы, не говоря уж о судах, не могло быть в его управлении. Но Воронцов скрывал от Монтефиоре, что прокуратура передала дело в Сенат, где решили, что семеро евреев останутся «под подозрением», и сослали их под полицейский надзор; влиятельные друзья Воронцова, в особенности чиновник Михаил Щербинин, не переставали убеждать наместника, что в Боржоми евреи режут христианских детей²⁵¹.

Только один раз император поставил под сомнение деятельность Воронцова. В 1851 году на армянском базаре в Тбилиси произошла массовая драка: лавки разгромили и одного азербайджанского еврея убило кирпичом²⁵². Императору доложили, что убитых было пять, и Воронцову пришлось оправдываться тем, что массовые драки – традиционный спорт грузинских горожан, поощрявшийся его предшественниками. (Николай I приказал, чтобы отныне драки устраивались вне черты города под полицейским надзором и только голыми руками.)

В конце 1853 года Воронцов пал духом и захворал, удрученный надвигавшейся Крымской войной, которая не только заставит его собственного племянника, Сидни Герберта, бомбить его дворец в Ливадии, но могла поставить под угрозу все, чего Россия достигла на Кавказе и на Балканах. Он подал в отставку. Отпустив наместника по болезни, весной 1854 года император назначил генерала Реада главнокомандующим Кавказом, сначала по гражданской, а затем и по военной части. Реед старался продолжать политику Воронцова, хотя ему не хватало знаний и решительности предшественника. Судьба войны с Турцией целиком поглощала внимание командования; война, закрывшая черноморские порты, парализовала Закавказье. Уже не было соли. Не было материалов и рабочих, чтобы построить шоссе через Сурамский перевал, хотя без новой дороги русские войска, защищавшие Имеретию и Мингрелию и передвигавшиеся по старой дороге с ее болотами и лавинами, были часто отрезаны от Тбилиси. Английские и французские предприятия, несмотря на мнительность тбилисского управления, продолжали работать в Грузии. Французское консульство, в отличие от посольства в Петербурге, во время войны не закрывалось. Генерал Реед, не доверявший горцам, запретил продавать им хлеб, который они могли бы передавать партизанам Шамиля, ставшего союзником турок, англичан и французов. В октябре 1854 года все жители Шорапани, лишенные хлеба, соли, скота (падшего от голода), посевного зерна и доходов от аренды лошадей и телег для путешествующих, сбежали: генерал Реед отнесся к ним как к мятежникам. Стонала и вся Мингрелия, и Гурия. Реед преследовал имеретинских католических священников (в особенности иезуита Дона Антонио), которых он считал французскими шпионами; он подозревал ссыльных поляков и даже американского бизнесмена Сэн-Клэра. Двух агрономов, работавших в Гурии и Мингрелии, шотландца Джеймса Марра и француза Альфреда Розмордюка, вызвали в Кутаиси. Когда французы и британцы осаждали Севастополь, русские боялись, что союзники могут также высадиться в Поты и в Сухуме, в то время как мингрельцы, гурийцы и абхазы готовились приветствовать захватчиков.

Репутация Реада сильно пострадала в июле 1854 года, когда лезгины совершили набег на Кахетию, убив сотню кахетинцев и захватив почти семьсот человек, среди которых были две княгини, Чавчавадзе и Орбелиани, с детьми и французской гувернанткой²⁵³. Знатных

251 *Mamistvalishvili E.* [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 220–226 (на груз. яз.).

252 Акты Х.С. 825.

253 *Drançay M.* Les Princesses russes prisonnières au Caucase / Ed. *Й. Merlieux.* P., 1857; *Dumas A.* Le Caucase. P., 1990. P. 378–413. Частично виноват в следствиях этого похищения был Воронцов: гувернантка мадемуазель Дрансэй, одинокая мать, раньше служила приказницей у крупного, но сварливого тбилисского торговца Толлэ (Tollet), уволившего ее. Консульство отказало ей в помощи, и она воззвала к Воронцову, который ее поместил в

заложников передали Шамилю, и, чтобы освободить их, императору пришлось отдать Шамилю его сына Джамала ад-Дина и затем щедро компенсировать обеих княгинь.

В сентябре 1854 года до отъезда из Тбилиси Реад успел похоронить последнюю из грузинских царевен, Майю, сестру Соломона II, дав ее сыну генералу Андроникову 4000 рублей взаймы, чтобы оплатить похороны, и назначив ее внучку императорской фрейлиной. После Реада бразды закавказского правления взял в руки грозный генерал Михаил Николаевич Муравьев, в 1849 году известный всей Европе как «Муравьев-вешатель» или «Муравьев-палач». 1 марта 1855 года, в день, когда объявили о смерти императора Николая (на которую грузинский поэт Гиорги Эристави написал элегию, единственную, может быть, в Российской империи), Муравьев приехал в Тбилиси. Как новый наместник Муравьев сделал все от себя зависящее, чтобы отменить воронцовские инициативы или противодействовать им: под предлогом смерти императора он закрыл театр (и грузинская драматургия вымерла на целые тридцать лет); он предложил уволить всех итальянских певцов и танцовщиков и заменить оркестр полковым духовым оркестром. Его помощник граф Соллогуб, неожиданно поменявший свое мнение, объявил грузинский репертуар «развратным». Напрасно больной Воронцов протестовал, что «развал театра будет иметь самые тяжелые последствия». Муравьев Кавказа не знал и любил только парады и военную муштру. Грузины возненавидели его. Он закрыл в Тбилиси шерстяной завод и образцовую ферму и жаловался, что ботанический сад не окупается. С армянским патриархом Нерсесом V он обращался как с вражеским агентом, потому что тот получал письма от армян в Британской Индии. Муравьев уволил грузинских чиновников и русифицировал администрацию. Он ругал сектантов за длинные волосы, вегетарианство и супружеское целомудрие. Особенно он недолголюбил просителей, а от женщин, если не овдовевших, петиций никогда не рассматривал. В результате равнодушия Муравьева и строгостей военного режима развалилась система образования: из 1323 выпускников только 368 смогли получить аттестаты, и школы в Ахалцихе и Редут-Кале превратились в госпитали или сгорели. Муравьев требовал от учеников одного: чтобы они знали наизусть молитвы и носили форму. Он выказывал свое презрение к тбилисским гражданам тем, что ходил совершенно голый через улицу из дворца в баню²⁵⁴. Муравьев общался всего с одной грузинкой, обрусевшей дамой Екатериной Дадияни, регентшей Мингрелии, и смотрел сквозь пальцы – а может быть, и с одобрением – на ее страшную жестокость, от которой мингрельские крестьяне убегали в Турцию, и на кровную вражду с деверями, из-за которой Мингрелия впадала в анархию.

Вся Грузия вздохнула с облегчением, когда Муравьев решил передать гражданские дела князю Бебутову, потомку армян, которые, по обычаю, возглавляли тбилисских торговцев. Муравьев посвятил себя борьбе с турками, которые теперь нападали на трех фронтах: с юга одна армия, осадив Ахалцихе, старалась вторгнуться вниз по Куре до Тбилиси; с юго-запада турецкие сухопутные и морские силы отвоевали прибрежные города, незадолго до этого взятые русскими, и овладели опорными пунктами в Абхазии, Мингрелии и Гурии, откуда они надеялись вторгнуться вверх по Риони до Кутаиси; с северо-востока банды Шамиля нападали на Кахетию. Хотя имеретинская милиция, призванная Муравьевым, отбила Ахалцихе у врага, русско-грузинским войскам пришлось отступить от реки Ингури, и к осени 1854 года Мингрелия и Абхазия оказались незащищенными от турецкой атаки. Михаил Шервашидзе, похоже, опять ходил под именем Хамид-бея и начал договариваться с турками в надежде самому овладеть всем Восточным Черноморским побережьем, но хранил нейтралитет, пока «не высадутся британцы и французы». (Удивительно, что Муравьев не обращал внимания на двурушничество Шервашидзе и поверил ему, когда тот оправдывался после поражения оттоманов, что вел себя так, чтобы ограничить турецкое грабительство.) Мингрельская же

дом княгини Чавчавадзе. Вряд ли император отдал бы сына Шамиля, если бы Воронцов не похлопотал, чтобы спасти гувернантку. CADN 598/PO/2104, 1470 & 1472.

регентша, Екатерина Дадияни, туркам не поддакивала, и вся Мингрелия была разорена оттоманскими войсками, которые в Зугдиди сожгли дотла дворец, церкви и дома. Гурию спас от оттоманов генерал Андроников, племянник Соломона II. Сам Муравьев провел бо́льшую часть времени, осаждая карсскую цитадель: в конце концов, после страшных потерь, Карс был взят, и Муравьев стал Муравьевым-Карсским. Когда весной 1856 года подписывали Парижский мирный договор, Карс оказался ценным залогом: в обмен на Карс Турция уступила России черноморские прибрежные города от Поти до Сухума и отказалась от претензий на Гурию, Мингрелию и Абхазию.

Вступив на престол в 1855 году, император Александр II, руководствовавшийся не только либеральным воспитанием, но и свежими впечатлениями после поражений и позора Крымской войны, убедился, что единственное спасение – в коренных реформах. Отозвав 22 июля 1856 года генерала Муравьева и назначив наместником князя Александра Ивановича Барятинского, бывшего адъютанта и сторонника Воронцова, Александр пробудил во всех тбилисских кругах неописуемые, может быть, несбыточные надежды. Барятинский, как и Воронцов, получил полномочие и право докладывать только императору, с которым он с детства был связан взаимной привязанностью²⁵⁵.

Император был сначала одержим мыслью, как обезвредить Шамиля и его дагестанцев и чеченцев. Барятинский, как Воронцов, предпочитал с врагом не сражаться, а рубить леса, укрывавшие партизанов, подкупать союзников Шамиля, торжественно обещать почитать мусульманство и традиционные законы и не пускать колонистов дальше равнины. В любом случае у Барятинского теперь было трехсоттысячное войско, снабженное ружьями, такими же современными, как вооружение чеченцев; Шамиль после смерти любимого сына стал одиноким меланхоликом. Загнав Шамиля в горное логовище и в августе 1859 года схватив его живым, Барятинский достиг того, что раньше казалось недостижимым.

Освобожденный от военных забот, Барятинский мог заняться гражданскими делами. Он брал уроки грузинского у историка Платона Иоселиани²⁵⁶. Как фельдмаршал Барятинский чувствовал себя даже свободнее, чем Воронцов: он вырвал бюджет, за исключением таможенного, из рук Министерства финансов и сам распоряжался доходами. Лишив Совет исполнительных прав, он сотрудничал с группой из четырех доверенных чиновников, известных в Тбилиси как «Министерство прогресса». Барятинский отделил Армению и Азербайджан от Грузии, и Имеретия вместе с Мингрелией, Абхазией и Гурией тоже стала отдельной провинцией; Картли-Кахетия теперь называлась Тбилисским генерал-губернаторством. Барятинская весна началась с того, что гурийцы получили деньги, чтобы отстроить сожженные деревни, а тбилисская беднота – бесплатный хлеб. Черное море открылось для торговли, как и пути в Иран и Туркестан. Хотя начальство все еще подозревало, что британские корабли возят оружие и даже воинов для Шамиля, все-таки и эти и другие иностранные суда уже свободно плавали в Сухум и Редут-Кале. Свобода передвижения распространилась на всех граждан, кроме крепостных. Тбилисские и затем кутаисские купцы, раньше считавшиеся просто горожанами (*мокалаке*), получив статус русского мещанина, освободились от телесного наказания. Старинные грузинские гильдии (*амкари*) сосуществовали с русскими гильдиями. Мелким дворянам (*азнаури*) в Имеретии и Гурии дали права, равные правам высшего дворянства (*тавади*). Освобождение грузинских крепостных было еще только обещанием, но Барятинский уже собирал землемеров, чтобы делать съемки и переписи, нужные для избавления крестьянства от дворянской власти.

Все мракобесие Муравьева было отменено: в Тбилиси и Кутаиси открылись школы садоводства, а в Кахетии – школа виноградарства. Государство дотировало голландское шелководство в Кутаиси, а в Зугдиди шелководством заведовали Давит Дадияни с Альфредом

255 The Politics of Autocracy: letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii 1857–1864 / Ed. A.J. Rieber. P., 1966.

256 Церетели А. Пережитое. М., 1950.

Розмордюком, связанным браком с Дадияни. Государственный конный завод улучшал качество грузинских лошадей. Были приложены невероятные усилия для прокладки прочных дорог через Крестовый и Сурамский перевалы и новой дороги от Кутаиси в Северную Осетию. Из Петербурга при поддержке императора выехали пять геологов в поисках цветных металлов, угля и сланца. Государство взяло в свои руки почтовые станции, и путешественники могли менять лошадей без задержки, взяток или рукоприкладства.

Из вихря таких проектов неизбежно всплывала масса наличных денег, которые чиновники – титулярные советники, или армейские генералы, – не могли не воровать. Чтобы вырастить новое поколение порядочных чиновников, Барятинский задумал расширение системы образования. В этом ему помогала вдова Воронцова, из личных фондов присылавшая огромные суммы, включая 80000 рублей для женских гимназий. Вследствие улучшения образования появилось целое поколение хорошо образованных грузин, среди них не только добросовестные чиновники, но и литераторы и ученые. Теперь бывшие семинаристы, как Платон Иоселиани, или университетские доценты, как Давит Чубинашвили, печатали критические и исторические монографии, словари и новые издания старинных рукописей. Читателей уже было достаточно, чтобы расходы на публикацию окупались. Появились и частные школы: в 1856 году в Свири священник открыл образцовую начальную школу. Тот факт, что в 1856 году грузины отправили по почте почти 600000 писем, доказывает, что образовалось грамотное гражданское общество.

Речная паромная навигация началась до приезда Барятинского; он же настойчиво добивался в Петербурге денег на постройку железной дороги от Тбилиси до Черного и Каспийского морей. Императору Александру идея понравилась, особенно после того, как он сам проехал по Грузии паромом и на лошадях от Поти до Тбилиси²⁵⁷. Но министр финансов ответил Барятинскому, что банк братьев Бэринг в Лондоне не хочет вкладывать деньги в территорию недавнего врага и что Грузия может довольствоваться конной железной дорогой. Западная Грузия, разоренная недавней войной, еще не была готова к такому строительству, и Барятинскому пришлось разбираться с беспорядками. Гурийцам, торговавшим с мусульманскими грузинами в Османской империи, он угрожал переселением в Россию. В Имеретии контрабандисты и разбойники безнаказанно занимались своим делом: даже Гелатский монастырь был ограблен. Холера распространялась из Имеретии в Кахетию.

Грузинских феодалов встревожил, а крестьян ободрил императорский рескрипт 1857 года, в котором дворянам предлагалось образовывать губернские комитеты для обсуждения условий освобождения крестьян. Реформы в Грузии отставали от российских в среднем на семь лет. Когда в Европейской России, пусть только теоретически, каждый русский подданный становился равным в глазах закона, неравенство в Грузии раздражало нетерпеливый народ. Грузинские дворяне в отличие от русских настаивали, что старинные обычаи исключают возможность освободить крепостных. Чиновники Барятинского поняли, что освобождение в том виде, в каком оно происходило в России, неприменимо к Грузии: многие дворяне были безземельными, жили только трудом и оброком своих крепостных и требовали, чтобы правительство компенсировало им потерянные доходы. Грузинская крепостная система, по которой дворяне и духовные лица могли или владеть крепостными, или сами подвергаться закрепощению, оказалась лабиринтом, в котором надо было ориентироваться, прежде чем преобразовать или отменить ее. Как в России, так и в Грузии комитет дворян в каждом уезде призвали представить проект реформы, но в отличие от русских дворян грузинские дворяне вообще хотели только препятствовать прогрессу.

В отношении автономных княжеств – Мингрелии, Сванетии и Абхазии – Барятинский либерализма не проявлял. Император Александр в отличие от отца не допускал, чтобы нерусские управляли собой на Кавказе. Екатерина Дадияни сама давала поводы свергнуть ее: она попросила у полковника Михаила Коллюбакина, военного губернатора Имеретии, казаков,

257 *The Politics of Autocracy: letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatsinskii 1857–1864* / Ed. A. J. Rieber. P., 1966. P. 105, 148.

чтобы подавить крестьян, и жаловалась, что радикальные мингрелы ропщут, что «дворянства не должно быть», что «роскошь – грех». В мае 1857 года в Зугдиди вспыхнула перестрелка: 4000 крестьян, вооруженных дубинами и серпами, подняли весь край, набросились на духовенство, сорвали со стен образа, заставили слуг убежать от феодалов. К маю 1857 года кузнец Уту Микава, названный Екатериной Дадияни Дантоном мингрельской революции²⁵⁸, повел в сторону Кутаиси армию крестьян, частично вооруженных ружьями. Колубакин и генерал-губернатор князь Гагарин, поговорив с Микава и арестовав зачинщиков, все-таки согласились, что виновато во всем вымогательство Екатерины Дадияни.

Осыпавшая Барятинского чуть не ежедневными письмами Екатерина Дадияни вынуждена была передать казакам Колубакина управление Мингрелией. Ее сварливые девери были сосланы в Тбилиси, пока следственный комитет советника Ипполита Дюкруази не представил наместнику доклад. Дюкруази в частном письме писал, что упрямство Екатерины превысило все границы, и рекомендовал, чтоб она «отреклась» в обмен на компенсацию. Екатерина Дадияни пользовалась такой страшной репутацией, что пришлось найти посредников для переговоров: ее брата, императорского адъютанта, и сестру, Нино Грибоедову-Чавчавадзе (которая во время переговоров умерла). Тем временем князю Гагарину так понравился кузнец Микава, что он его освободил и назначил своим помощником. Мингрельские феодалы подписывали петиции и за и против Дадияни, обвиняя все семейство в таких преступлениях, что, если бы даже десятая их часть была обоснованна, весь дадианский род пришлось бы посадить. К августу 1857 года Мингрелией управлял Временный совет, который фактически отменил крепостную систему: крестьяне платили за аренду земли и выбирали своих старейшин, сборщиков налогов и мировых судей. (Имеретинцы начали требовать такой же свободы.) В конце концов Екатерину Дадияни отослали в Петербург, и через десять лет, когда ее сын Николоз стал взрослым, ему заплатили миллион рублей, чтобы он окончательно отрекся от княжества.

Покончить со сванетской автономией было намного труднее. После кровавой стычки 1843 года двух племен Дадешкелиани, Сванетия продолжала кипеть. Восточная «свободная» Сванетия признала Россию и власть западногрузинского феодала князя Микеладзе, но западная оставалась для Дадешкелиани спорной территорией. В 1855 году по законам кровной мести братья Константинэ Дадешкелиани убили Джансуга, сына Николоза Дадешкелиани, когда он ехал в Гурию поступить в русскую армию; к тому же Константинэ уговаривал «свободных» сванов клясться против России. В следующем году, как только начал таять снег, с севера пришел ученый и солдат Барон Услар якобы с намерением сделать съемку и учить язык. Услара и его людей сваны приняли радушно; Услару даже позволили отправить заподозренных в убийстве Джансуга братьев Тенгиза и Ислама в Тбилиси, где их допросили и затем сослали в Вятку. (Другой брат Дадешкелиани поступил служить в русский полк.) Возмущенному арестом Тенгиза и Ислама Константинэ кто-то предложил пожаловаться Наполеону III и таким способом спасти автономию Сванетии. Барятинский, узнав о письме, счел его изменническим: Дадешкелиани вызвали в Кутаиси к князю Гагарину, который уведомил сванского князя, что в тот же день его ссылают в Армению²⁵⁹. Несмотря на привязанность к военному губернатору, Константинэ кинжалом заколол Гагарина, одного чиновника и еще переводчика; затем перебежал улицу и заперся в доме напротив. Уже раненного выстрелом Дадешкелиани схватили, отдали под полевой суд и, несмотря на опасность кровной мести для русских, расстреляли²⁶⁰.

258 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 496.

259 Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 518–522.

260 Акты XII. С. 374–385.

Три года спустя, когда Колубакин, уже генерал-майор, управлял всей Имеретией, он разрешил вдове Дадешкелиани выкопать тело мужа и потихоньку похоронить его на освященном кладбище²⁶¹. (Жандармерия доложила императору, и Колубакин вынужден был подать в отставку.) Осиротевшие дети Константинэ получили бесплатное образование в Петербурге, а Сванетией управлял грузинский чиновник. Чтобы покончить с автономией Сванетии, стоило всего лишь назначить одного правителя, одного переводчика и заплатить пострадавшим за потерянную территорию 150000 рублей.

Для Абхазии император и Барятинский готовили судьбу намного суровее. Усмирив чеченцев и дагестанцев, Российская империя мечтала прибрать к рукам все Черноморское побережье. Абхазы, как и черкесы и убыхи, занимали стратегическую территорию и плодородные земли, богатые лесом и реками. Раньше Россия оставляла Северо-Западный Кавказ в покое, не обращая внимания даже на контакты Михаила Шервашидзе-Чачбы с британскими судами, польскими ссыльными и другими врагами империи; но теперь у России было достаточно сил, чтобы аннексировать побережье и Северо-Западный Кавказский хребет. К 1864 году все будет готово к акции, сравнимой с геноцидом.

Путешественники 1860-х годов находили, что Барятинский совершенно преобразовал Грузию. В Тбилиси воскрес итальянский театр, улицы были освещены двумястами самыми современными «фотонафтильными» фонарями, потреблявшими бакинский керосин. Разбили центральный Александрийский сад. (Модернизация города приостановилась, когда итальянский архитектор Скудери упал с лесов строящегося собора и погиб.) Сто пятьдесят французских граждан, каждого из которых, судя по всему, Барятинский знал по имени, наполнили город самыми последними французскими корсетами, книгами, кухней, манерами и мнениями. В гимназиях Кутаисской и Тбилисской губерний насчитывалось без малого три тысячи школьников, и между двумя главными городами сновали быстрые дилижансы. Барятинский смел нищих с улиц в богадельни и тюрьмы. Но кое-какие азиатские черты еще преобладали: при подъезде к Тбилиси с востока путешественника поразила виселица, на которой качались трупы двух повешенных разбойников; с ноября по март главная улица, Головинский проспект, была покрыта жидкой грязью по щиколотку, а иногда по ось кареты, остальные улицы были вымощены речным гравием, так как булыжник дорого стоил, и домохозяева платили за дорожные работы. В Тбилиси каждый год было почти 70 убийств и бесчисленные грабежи. Европейская цивилизация обходилась дорого: Александр Дюма жаловался, что обед в ресторане, новая шляпа, наемная лошадь или прислуга обходились впятеро дороже, чем во Франции²⁶². Иностранные товары стоили дорого, как и жалованья чиновников, которых манили в Закавказье обещаниями стопроцентных пенсий и безнаказанностью за проступки.

Армяне, заправлявшие промышленностью и торговлей в Тбилиси, извлекали из либерализма Барятинского особую пользу. Когда в 1857 году умер патриарх Нерсес V, армянам предоставили право выбирать нового: сам Барятинский привез патриарха Матеоса из Константинополя и торжественно принимал в Тбилиси, пока Матеос не отправился в свою столицу Эчмиадзин. Такое снисхождение Барятинского к армянам тревожило православных, как и его терпимость к сектантам, особенно к староверам. Но наместник помог грузинским верующим основать Общество святой Нино, которая поставила себе целью обращение всех осетин в христианство. Это общество также занималось разработкой азбуки и грамотности для осетин и для других кавказских народов. Барятинского консультировали лингвисты, в особенности Барон Услар, который также разрабатывал алфавиты и писал материалы для начальных школ на осетинском и чеченском языках. Но распространение христианства и

261 Воспоминания А. А. Колубакиной // Исторический вестник. № 11. СПб., 1894.

262 Dumas A. Voyage au Caucase. P., 1983. P. 337–350; Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т. / Н. Н. Белявский. Тифлис, 1901–1908. Т. 12. С. 459–460 (обвиняет в дороговизне *amkari* (картель купцов), несмотря на попытки Воронцова разрешать свободную торговлю).

грамотности иногда осуществлялось грубо: казаки насильно крестили горцев в грязных лужах и вызывали у имамов возмущение, доходившее до вооруженных конфликтов.

Барятинский походил на Воронцова не только хрупким здоровьем, но и любвеобильностью: говорили, что для женатого молодого офицера он был намного опаснее, чем дагестанский партизан. (Армяне жаловались, что не могли продвигаться по службе, потому что их жены не отвечали на заигрывания наместника, и ворчали, что «грузинки не прочь быть под наместником».) Как и прежние правители Грузии, Барятинский любил вино и страдал от подагры: к 1861 году он считался немощным. Он уехал из Тбилиси и поплыл из Поти в Триест, где сел на поезд и отправился в Дрезден к знаменитому врачу Вальтеру. Там он исчез, но появился на Канарских островах и в Малаге, объявив, что ему надо дальше лечиться в Дрездене. На самом деле он проводил медовый месяц с двадцатисемилетней любовницей Элисабед Орбелиани, «своего рода кошкой», по словам С.Ю. Витте. Муж Элисабед, Владимир Давыдов, рассчитав, что за потворство его могут наградить по службе, смотрел на эту связь сквозь пальцы. Давыдов оказался недостойным продвижения и, уехав в Европу, вызвал Барятинского на дуэль; но его уговорили развестись с женой, и родители Элисабед, князь Димитри и княгиня Мариам Орбелиани (которая слыла самой умной женщиной в Грузии²⁶³), в 1862 году поехали в Петербург, чтобы холостяк Барятинский женился на их дочери²⁶⁴. Император Александр, совсем не осудив это «деликатное дело», благословил чету. Единственной причиной отставки Барятинского была подагра; он прожил еще шестнадцать лет в провинции с Элисабед Орбелиани и ее приемной сестрой; боль от подагры облегчали молитвы Шамиля, который с истинной привязанностью переписывался со своим бывшим врагом. Тем временем в Тбилиси наместника заменял князь Гиорги Орбелиани.

Барятинского, обосновавшегося после женитьбы в Вильно, посетил великий князь Михаил Николаевич, младший брат императора. В ноябре 1862 года император и Барятинский согласились, что великий князь, хотя ему было всего лишь тридцать лет, идеально подходил к наместничеству. Второй младший брат императора, Константин Николаевич, был наместником Польши, и императору, боровшемуся с яркими противниками своих реформ, очень хотелось, чтобы в управлении империей ему помогали братья. Константин, встревоженный Польским восстанием 1863 года, подал в отставку, а Михаил Николаевич сумел упрочиться в Закавказье на без малого двадцать лет, пока его племянник Александр III не унаследовал престол.

Великому князю не хватало энергии и ума ни брата, ни предшественника; все, что он знал о Кавказе, он выяснил во время короткого объезда несколькими десятилетиями раньше. Но он охотно передавал выдающимся грузинам, например генералу Григолу Орбелиани или Димитри Кипиани, все свои обязанности, кроме церемониальных. Братские отношения наместника с императором внушали надежду, что Закавказье будет процветать, как Одесса и Крым, и что у Османской империи отвоюют еще больше утерянной исконной грузинской территории.

16 марта 1863 года празднично освещенный Тбилиси принял великого князя, спустившегося с Крестового перевала; великая княгиня, уже беременная (она родит в Тбилиси еще не одного ребенка), высадилась в Поти, где ее встретил великий князь²⁶⁵. Первое задание нового наместника состояло в осуществлении беспощадных планов этнической чистки Северо-Западного Кавказа. Шамиль сидел в Калуге, и в 1861 году его чеченского наиба Байсангура повесили по приговору полевого суда. Сопротивление на остальном Кавказе было подавлено, и последними непокорными народностями оставались

263 *Javakhishvili M. Arsena Marabdeli. Tbilisi, 1935. P. 587.*

264 *Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007; Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 22–23.*

265 *Струков Д. П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. СПб., 1906.*

черкесы, убыхы, абхазы и абазыны. Их утомили и в 1863 году предъявили ультиматум: уступить плодородные земли казакам и русским колонистам или подвергнуться депортации в Османскую империю. Все убыхы (сегодня полностью вымершие) и половина черкесов, абхазов и абазин выбрали выселение. В следующие три года их лишили всего, кроме ручной клади, и сгоняли на корабли-корыта, которые поставляли армянские подрядчики, бравшие по три рубля с человека. Из двухсот тысяч, переправленных в Анатолию, выжило около половины. Столько кавказцев умерло от тифа, дизентерии, голода и кораблекрушений, что эту чистку справедливо называют геноцидом. Враждебное отношение не только к русским, но и к грузинам, занимавшим покинутые абхазами земли, порождено именно этой «хеджирой»²⁶⁶.

Михаил Шервашидзе-Чачба понял, что, сохранив нейтралитет во время Русско-турецкой войны, он потерял Абхазию. Его мольбы – чтобы на его место назначили сына, чтобы ему заплатили миллион рублей, но позволили жить в Абхазии частным лицом – были отвергнуты. В 1864 году наместник Михаил Николаевич объявил Абхазию «военным округом». Шервашидзе попросил разрешения уехать в Иерусалим – ему отказали. Он попросил турецкого султана прислать корабль – это сочли государственной изменой, и Шервашидзе был сослан в Воронеж, где в 1866 году умер. Затем, погасив последнюю искру туземного самоуправления на Кавказе, Абхазию переименовали в Сухумский округ Кутаисской губернии. Те абхазы, которые остались (в 1864 г. их было 60000, а в 1867-м – 38000), стали национальным меньшинством у себя в стране: в Абхазии поселились армяне, мингрелы, турки, грузины, греки и русские; Сухум и опустелые деревни на его окраине были заняты чиновниками и офицерами. Летом 1866 года во время этнической чистки в Лыхны, сердце абхазских бзыбских племен, восстали 5000 абхазов: они убили русского полковника, капитана и отряд солдат, составлявших список крестьян в связи с освобождением, затем пошли на Сухуми, где перебили всех до одного повстанцев. К 1869 году в Сухумском округе две трети населения, по официальным данным, приняли христианство, но в городе, где раньше насчитывалось 1600 обитателей, даже через двадцать лет жили всего лишь 412 человек.

Великие реформы Александра II в Закавказье Михаил Николаевич осуществлял запоздало и неполностью. Последние грузинские крепостные освободились в 1871 году, но остались «временно обязанными», иногда отдававшими помещикам даже бо́льшую долю урожая, чем раньше. Директор канцелярии наместника, Алексей Федорович Крузенштерн, дал комитетам губернских феодалов шестимесячный срок, чтобы предложить Центральному крестьянскому комитету план освобождения. Несмотря на возражения предводителя дворянства Григола Орбелиани, комитетом руководил Димитри Кипиани, правая рука наместника. Комитет требовал, чтобы за каждого освобожденного крепостного помещику давали 100 рублей, крестьянин платил налог на приобретенную им помещичью землю и бесплатная барщина осталась обязательной. Анкеты разослали 240 крупным картли-кахетинским помещикам, и с 27 апреля по 7 июня 1863 года 552 помещика присутствовали на съезде. Проект «большинства» (с которым Григол Орбелиани был несогласен) предлагал «пожертвовать» правами в обмен на 400 рублей с крестьянского семейства, но утверждал, что освобожденным крестьянам нельзя передавать земли из-за спорности границ, что земли так мало, что помещики рискуют стать нищими бродягами, и что крестьяне уже владеют самой лучшей землей. (Проект «меньшинства» отказывал крестьянам даже в той земле, которую они обрабатывали для себя, и признавал крестьянской собственностью только те здания, которые они построили, и виноградные лозы, которые они посадили, хотя некоторые из этих помещиков были готовы продавать землю бывшим крепостным.)

266 Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 270–295; Рейфилд Д. Дневник А. С. Суворина / Под ред. О. Макаровой. Лондон, 2000. С. 40.

Тбилисский военный губернатор Нико Чавчавадзе настаивал, что освобождение без земли было бы бессмысленно; наместник и император внесли в «проект» нужные изменения. Наконец 8 ноября 1864 года под грохот 101 залпа картли-кахетинским крепостным пожаловали «царскую милость». Только через семь лет крепостные получили свои пять или десять гектаров на семейство; мелкие помещики (у которых было меньше 60 гектаров) сохранили все поместье. Помещику платили 25 рублей за каждого взрослого мужчину (50 – если у него было меньше двадцати одного крепостного). В отличие от русских грузинские крестьяне теперь владели землей не общинами, а индивидуально, но у них не было земства или местных избирательных прав. Для дворян реформы прошли безболезненно: в Тбилисской губернии за помещиками осталось две трети тех 85000 гектаров, которые они раньше обрабатывали. В 1865 году Кутаисская губерния тоже «освободилась», а в 1866 году – Гурия и Мингрелия. В Абхазии, где крепостная система, если вообще существовала, была уму непостижима и многие крестьяне жили лучше, чем их князья, вместо освобождения в 1870 году правительство ввело на землю, которой крестьяне раньше владели бесплатно, выкупные платежи. Те абхазы, которые еще не выселились, взбунтовались²⁶⁷.

Самой большой реформой в России после освобождения крестьян была Кодификация российских законов, уголовных и гражданских, и введение всеобщего равноправия. Средневековое правосудие одним росчерком пера сменилось самой передовой системой в Европе: появились следователи, защитники, присяжные, выборные судьи; смертную казнь и телесные наказания сильно ограничили. Но в Закавказье, как и в других неевропейских территориях империи, реформы осуществлялись несколькими годами позже (1868 г.) и очень поверхностно: появились новый кодекс, равноправие и защитники, но в Грузии не было ни следователей, ни присяжных, ни выборных судей. Хуже того, судебный процесс шел на русском и судьями могли стать только русские: грузин, не говорящий по-русски, которому не по карману было платить за переводчика, оказывался перед судом беспомощным.

Хотя в Закавказье не было земств, крестьяне уже могли с разрешения губернатора избирать старейшин и судей, которые заседали в местном совете с ограниченными правами. Крупным городам сначала отказали в избирательных правах, хотя правительство обложило новыми налогами тбилисских ремесленников и торговцев, чтобы оплачивать реформы. Вспыхнули кровавые протесты; налогоплательщики требовали прав. 26 июня 1865 года члены гильдий собрались на армянском кладбище Ходжеванк и объявили забастовку: все лавки, харчевни, извозчики, ямщики, рестораны перестали работать, требуя отмены новых налогов. Нико Чавчавадзе приказал солдатам открыть огонь: за два дня погибло два десятка забастовщиков и один сборщик налогов; присутственные места были разграблены. Хотя шестнадцать забастовщиков сослали в Сибирь и тридцать два заточили, тбилисские торговцы восторжествовали, а налоги отменили. В апреле 1866 года по новому выборному закону 5 % мужского населения в Тбилиси (мужским налогоплательщикам старше 25 лет, с собственностью) позволили избирать городской совет с доходами и бюджетом. (Членами совета стали преимущественно грузинские дворяне, хотя торговлей занимались почти исключительно армяне.) Большие расходы на полицию и постоянный контроль губернатора мешали этому совету серьезно заниматься развитием Тбилиси. В 1870-х годах Кутаиси, Гори и затем Ахалцихе получили те же права, а в 1880-х – Поти и Батуми.

С 1856 по 1875 год, когда Россия с Турцией жила в мире, Грузия процветала. В 1865 году из 1300000 жителей Грузии (на 40 % больше, чем в 1832 г.) почти миллион были грузины. К 1886 году население выросло до 1641000, но грузины уже составляли лишь 70 %, в то время как число армян и русских увеличилось. За время наместничества великого князя Михаила Николаевича население Тбилиси и Кутаиси удвоилось (до 140000 и 20000 соответственно). В 1870-е годы ежегодно производилось 50 миллионов литров вина и 200000 тонн зерна. Хотя шелководство из-за заболевания червей и тутовников в Грузии погибло²⁶⁸, выращивание хлопка стало доходным, когда по всему миру возник дефицит из-за

267 Guruli V., *K'up'at'adze B.* [Sakartvelos ist'oria: XIX sauk'une]. Tbilisi, 2004. P. 145–156 (на груз. яз.).

американской Гражданской войны. В Мингрелии были чайные плантации, чай сушили и упаковывали в Зугдиди. В Южной Картли крестьяне приобретали швейцарских коров, и по всей Грузии предприимчивые крестьяне и помещики покупали землю с помощью ипотек от Тифлисского дворянского земельного банка, основанного в 1874 году.

Промышленность и торговля не могли расцвести без улучшения путей сообщений. К 1864 году спрос на нефть и керосин из Баку уже оправдывал проведение железной дороги от Черного моря до Каспийского, спроектированной британскими и польскими инженерами и построенной христианами рабочими из иранского Азербайджана. В 1871 году поезд уже шел от Поти почти до Кутаиси, а в 1872 году Тбилиси наконец соединился с Черным морем. В 1873 году иранский шах Насер ал-Дин, вернувшийся из Европы, ехал поездом из Поти до Тбилиси. К 1883 году дорога соединила Тбилиси с Баку, но Закавказская железная дорога начала работать круглогодично, только когда польский инженер Фердинанд Рыздзевский построил четырехкилометровый туннель под Сурамским перевалом. С 1875 года поезда шли из Москвы и Петербурга до Владикавказа, откуда можно было доехать за двенадцать часов до Тбилиси. Однако железная дорога окупалась перевозом на экспорт нефти, угля и марганца скорее, чем пассажирами.

Благодаря индустриализации, торговле, возрастающему числу мелких чиновников и освобождению крепостных грузинские города быстро росли. В них создавался новый рабочий класс и интеллигенция, которая ходила в книжные лавки, театры, клубы. Цензура стала легче, и новые грузинские газеты, сначала еженедельные, затем ежедневные, начинали влиять на общественное мнение. «Заря» (*Цискари*), раньше закрытая генералом Муравьевым, стала лучшим журналом; в 1866 году *Тифлиссские ведомости* уступили место *Временам* (*Дроеба*); в 1877 году журнал Ильи Чавчавадзе *Иверия* сразу и на следующие тридцать лет стал любимым чтением тбилисцев. Инициаторами этого возрождения были грузины, получившие образование в русских университетах и известные как «попившие воды реки Терека» (*тергдалеулеби*). Неоспоримым главой этого поколения был Илья Чавчавадзе, сочетавший политику воскресения грузинского самосознания с собственной литературной гениальностью. Грузинская художественная проза, как *Кациа-адамиан?! (Человек ли он?!)* Чавчавадзе, стала не только назидательной, но и достаточно хорошо написанной, чтобы отвлекать читателей от русского реализма, вдохновлявшего новых грузинских писателей. Деятельность Чавчавадзе приняла удивительно широкий размах: он стал председателем Тифлиссского дворянского земельного банка – съезды пайщиков банка скоро стали называться грузинским парламентом. Он вдохновил еще более влиятельное учреждение, Общество для распространения грамотности среди грузинского населения, которое сильнее, чем любая другая сила, боролось с русификацией и упрочило грузинский язык, как язык не только частного, но и общественного и государственного общения. Чавчавадзе вдохновил целое поколение светил, среди которых самым влиятельным стал Иакоб Гогебашвили, составивший в 1865 году *Букварь* и в 1876 году *Материнский язык*, по которым до сих пор все грузинские дети учатся грамоте.

Русские радикалы 1870-х годов, однако, уговорили молодое грузинское поколение, «вторую группу», отколоться от «первой группы» *тергдалеулеби*. Чавчавадзе был христианином, идеалистом, объединителем, который поддерживал просвещение и прогресс, но не имел определенной политической программы. Хотя Чавчавадзе как либерал боролся против смертной казни, он все-таки был консерватором в том смысле, что мечтал о такой Грузии, где дворянин будет жить с крестьянином с общим всем классам пламенным патриотизмом и уважением к прошлому. Молодые интеллигенты, например Серго Месхи и Гиорги Церетели, были сторонниками равенства и не доверяли ни самодержавию, ни православии. Но восстановление независимости не интересовало ни тех ни других: все

мечтали о прогрессивной России, где будут уважать местные языки и обычаи и универсальные человеческие права.

Радикализацию народа замедлял тот факт, что грузины в отличие от закавказских армян и русских большей частью жили в деревне. Реформы крестьянской жизни откладывались, и в 1870-е годы вспыхивал не один бунт: в Зугдиди, где крестьяне еще платили оброк Дадиани, мятежники вооружились; сваны, возмущенные деятельностью землемеров, закрывали дороги и убивали офицеров и чиновников. Правительство сожгло мятежные деревни и отдало зачинщиков под суд, но мятежников перед судом и в газетах защищали такие светила, как Николоз Николадзе и Акаки Церетели²⁶⁹. Национальное чувство всех грузин было ущемлено: три четверти населения Закавказья было грузинским, а из школьников – меньше чем четверть (армяне, десятая часть населения, составляли четверть школьников, а русские, 5 % населения, больше чем треть школьников).

Последствия освобождения крепостных были непредвиденными: евреи, раньше разбросанные по деревням, собирались в городах, особенно в Кутаиси. (Евреи начали покидать деревню уже в 1830 году, когда рачинский феодал Григол Церетели попросил тбилисские власти закрепить их за ним.) В городах грузинские евреи сталкивались с евреями-ашкенази из Польши и России. Ашкенази считали грузинских евреев примитивными, а грузинским ашкенази представлялись безбожниками. Но грузинские евреи впервые почувствовали себя отшельниками среди грузинского народа: они начали учить иврит и заинтересовались сионизмом. Распространялся и русский антисемитизм, вспыхнувший в апреле 1878 года в безобразном судебном деле в Кутаиси: Натана Цициашвили и восьмерых других евреев судили за то, что они якобы убили девочку из Сачхере, Сару Модебадзе, и выпили ее кровь на Песах²⁷⁰. К счастью, кровавая клевета привлекла внимание двух ведущих юристов России, Льва Куперника и Петра Александрова, которые бесплатно взяли на себя защиту, вследствие чего в 1879 году обвиняемые были оправданы.

Не только антисемитизм, но и русская алчность волновала грузинское общественное мнение. В 1873 году великий князь Михаил Николаевич забрал, как и следующее поколение великих князей, ценнейшие территории, заплатив всего четыре рубля за гектар, присвоил Боржомский уезд с минеральными источниками, лесами и курортом. (Сплетничали, что наместника на этот захват побудила великая княгиня Ольга: очень скупая, она якобы распоряжалась, чтобы собирали цветы, брошенные перед экипажем наместника, и отправляли их в наместничью конюшню, где несколько дней даром кормили коней²⁷¹.)

Но в правлении великого князя было много хорошего: грузины, хотя почти все консерваторы-аристократы, играли главные роли в администрации. Сам великий князь даже научился общаться по-грузински и обходился без переводчика, когда беседовал с крестьянами. Благодаря его политике в начальных школах преподавали по-грузински. Он привязался к датскому этнологу Густаву Радде и вместе с ним построил и снабдил экспонатами и книгами лучшие учреждения в Тбилиси, Кавказский естественно-исторический музей и Публичную библиотеку. Великий князь похоронил Радде на территории своего боржомского дворца.

К концу правления Михаила Николаевича началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Хотя на Балканах русские армии одержали такие победы, что вся Европа встревожилась, на Кавказском и Анатолийском фронтах положение, особенно в начале войны, было катастрофичным. Сражались и 38000 грузинских милиционеров, мечтавших отвоевать территорию средневековой Грузии, но турки заставили русских и грузин

269 Surguladze A. & P. [Sakartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni]. Tbilisi, 1991. P. 78–79.

270 Ракитин А. И. Загадочные преступления прошлого (интернет). 2000–.

271 Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 30.

прекратить осаду Карса и отступить от Еревана; хуже всего, оттоманы смогли высадиться в Гудауте в Абхазии и летом 1877 года захватить Сухум. Сухум отвоевал генерал Алхазисвили, но наткнулся на враждебно настроенных абхазов, ставших еще более агрессивными, когда русские власти запретили им владение землей²⁷². Русские не могли вторгаться в Аджарию, пока Сериф-бег Химшиашвили не перебежал к русским и не пригласил их взять Батуми. Сан-Стефанский и Берлинский мирные договоры (апрель и июнь 1878 г.) все перевернули: России пришлось отказаться от многих территорий, завоеванных на Балканах, но завоевания в Восточной Анатолии она смогла сохранить: Карс и Ардахан стали русско-грузинскими городами, и Батуми – самая лучшая гавань на Юго-Восточном Черноморском побережье, – в который русская армия вошла 25 августа, стал «свободным портом» под русским управлением. Общественное мнение в Тбилиси обрадовалось восстановлению границ царицы Тамар и возвращению 100000 «утерянных» грузин. За войну надо было платить, и обнищавшие от военных налогов кахетинские крестьяне, взбунтовавшись, подожгли усадьбу губернатора князя Вачнадзе (двадцать одного кахетинца сослали в Сибирь). Затем наместник закончил этническую чистку Закавказья, «поощрив» 30000 мусульманских грузин уехать из Аджарии и поселиться в Турции.

Убийство императора Александра II в январе 1881 года означало конец либеральных реформ и увольнение наместника. Сменив бо2льшую часть министров, Александр III аннулировал «вредную» политику и «вседозволенность» отца и ввел новую политику русификации и централизации. Его дядя, великий князь Михаил Николаевич, стал тем, кем он был раньше, – генерал-фельдцейхмейстером, хотя его сделали и председателем Государственного сената. В Закавказье он больше роли не играл, хотя в 1885 году приехал как частное лицо в Боржоми.

19

Реакция и революция

После казни народовольцев, убивших Александра II, до венчания его наследника Александра III на царство, состоялись довольно странные переговоры, впервые вовлекавшие в государственные дела Российской империи представителя грузинской интеллигенции. Илларион Воронцов-Дашков, тогда отвечавший за безопасность нового императора, но прежде товарищ Михаила Воронцова (а через двадцать пять лет сам наместник Кавказа), связался с Николозом Николадзе, радикально настроенным журналистом и юристом с цюрихской докторской степенью, лидером «второй группы» грузинских мыслителей. Питомец Александра Герцена, Николадзе пользовался доверием народовольцев и русских эмигрантов в Париже и в Лондоне: Карл Маркс один раз попросил Николадзе стать представителем Социалистического интернационала в Закавказье. Но Николадзе, порвавший с Герценом, когда тот попытался помириться с Александром II, все-таки отвергал насилие. Он оказался единственным посредником, способным уговорить *Народную волю* в обмен на амнистии и реформы воздержаться от покушений на жизнь нового императора и его министров. Николадзе был убежден, что сам Александр III, скрывавшийся за занавесками, подслушивает переговоры с Воронцовым-Дашковым. Такое посредничество требовало большого мужества: предыдущий посредник повесился, догадавшись, что он просто подсадная утка, чтобы выманить террористов из укрытия. Николадзе смело поехал в Харьков и поговорил с Верой Фигнер, главой народовольцев; затем в декабре 1882 года он поехал в Париж. Вместе с К.А. Бороздиным, бывшим кутаисским военным губернатором, Николадзе сумел свести требования террориста к минимуму: (1) освобождение одного крупного политического заключенного; (2) установление свободы печати и провозглашение широких амнистий и (3) в виде гарантии вложение на счет народовольцев миллиона рублей. Но *Народная воля* была уже так разгромлена, что больше не могла предпринимать значительных

272 Дзидзария Г. А. . Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 314–356.

акций, и глава полиции Плеве, решив удовлетворить всего лишь одно из требований, освободил Николая Чернышевского²⁷³, после чего Воронцов-Дашков сообщил Николадзе, что переговоры окончены.

Александр III сразу начал политику централизации, русификации и репрессий. Закавказьем теперь управлял не наместник, а генерал, подчиненный Министерству внутренних дел. Тбилисские чиновники отвечали перед петербургскими. Первый «главноуправляющий», Александр Дондуков-Корсаков, раньше служил в Закавказье под Михаилом Воронцовым: в 1890 году его сменил граф Шереметев, и в 1896 году новый император Николай II назначил генерала Григория Голицына, который в 1904 году, раненный армянскими террористами, ушел в отставку. Никто из этих трех правителей не мог или не хотел справляться с должностью: последний и самый некомпетентный из них, Голицын, принял предложение императора только при условии, что в Тбилиси его будет сопровождать любовница. За эти двадцать с лишним лет из тбилисского управления убрали всех грузин, а в провинции главной задачей стало назначение полицейских чиновников, которым поручали истребление политических «преступников».

Попечитель Кавказского учебного округа, Кирилл Яновский, исключил грузинский и другие кавказские языки из программ всех школ, кроме некоторых приходских. На местном языке преподавали только для того, чтобы подготовить детей к русскоязычному обучению, так что детей, совсем не говорящих по-русски, учили преподаватели, говорившие по-русски плохо. Исключение из этих правил делали, когда считали нужным ослабить преобладание грузинского языка: поэтому в Западной Грузии начинающих детей обучали и церковную службу отправляли по-мингрельски, по-абхазски и по-свански. Грузины считали, что эти языки годятся только для частного, семейного общения и что введение грамотности, особенно на основе кириллицы, – коварная комбинация, цель которой – отчуждение и русификация западных провинций Грузии. Некоторые мингрелы, например Григол Дадияни, епископ Мингрелии и Гурии, с усердием переводили Священное Писание на мингрельский язык: не все мингрелы считали (и сегодня считают), что их язык должен в общественной сфере уступать грузинскому.

К 1898 году в Абхазии церковную службу чаще всего отправляли на церковно-славянском, а не на грузинском языке; в школах Абхазии и Самурзакано пользование грузинским языком было запрещено. Скорее из-за реакционной политики, нежели из-за революционной пропаганды, возмущенное грузинское общественное мнение заметно полевело. Даже старшие светила – Илья Чавчавадзе, Акаки Церетели, Николоз Николадзе – яростно обличали аристократов, сотрудничающих с правительством, например, генерала Багратиона-Мухранского; грузинские историки, назло русификаторам, начали восхвалять средневековое Грузинское царство.

Тбилисская семинария была тогда чуть ли не единственным учреждением, откуда грузинский студент мог без труда поступать в любой университет Российской империи, но атмосфера в 1880-е годы стала такой угнетающей, что многие студенты покидали ее с волчьим билетом. Для них почти единственная возможность получения высшего образования была в Польше: поступали чаще всего в Варшавский ветеринарный институт, где учились скорее социализму, чем медицине (хотя писатель, автор рассказов и повестей, Шпо Арагвиспирели получил место ветеринара на тбилисской бойне). Грузины узнали, что плыть из Батуми в Триест и поступать в швейцарский или немецкий университет стоило меньше денег и хлопот.

Реакционная политика 1880-х годов привела к тому, что центры грузинской эмиграции приобрели большое значение. Уже в XVIII веке грузинские католики, как и армянские, находили, что османские власти в Ахалцихе лучше относятся к новообращенным католикам, чем к православным. В 1846 году армянское братство миссии Санто-Лазаро в Венеции открыло грузинское отделение, и к 1880 году в константинопольском квартале

273 Николадзе Н. Переговоры Священной дружины с партией «Народной воли» в 1882 г. Петроград, 1917.

Ферикёе начали работать школа и семинария, обучающие грузин латинскому и греческому языкам, так что они могли служить священниками в любой европейской стране. Открыть католическую семинарию в Ахалцихе после русского завоевания было немыслимо, но протестантский богословский факультет в Монтобане вблизи Тулузы оказал бескорыстное гостеприимство, пригласив трех монахов из Ферикёе открыть там новую семинарию. Монахи купили печатный станок и получили от сочувствовавшего француза оборудование для типографии: к 1881 году в Монтобане напечатали 25 школьных и семинарских учебников и составляли латино-грузинский словарь. В Ферикёе построили четырехэтажное здание, купили подсобное хозяйство; приняв сто с лишним учеников, Турецкая семинария стала институтом высшего образования наравне с Тбилисской семинарией²⁷⁴.

Мракобесие Кирилла Яновского, попечителя Кавказского учебного округа, вызвало яростные статьи педагога Иакоба Гогебашвили, усилило деятельность *Общества за распространение грамотности* и, несмотря на строгую цензуру, оживило грузиноязычную печать. Русификация Абхазии особенно волновала грузинских патриотов: в 1900 году, кутаисский генерал-губернатор Федор Константинович Гершельман объявил, что население «некультурных, ненадежных» абхазов надо разбавлять русскими колонистами. Чиновники и русская печать вообще издевались над выступлениями обиженных народных меньшинств: после постановки пьесы Давита Эристави «Родина-мать», *Московские ведомости* бесили читателей высказываниями, что флаг надо бы продать цирку.

Тем не менее грузинская культура в 1880–1890-х годах продолжала расцветать. В 1884 году Александрэ Казбеги написал роман *Элгуджу*, ставший любимым чтением публики, так что типографщики забастовали, когда автор принес последнюю главу, в которой решил убить своего героя. Самый великий из грузинских поэтов, Важа Пшавела, создал из смеси хевсурского фольклора с греческими мифами, Библией, Шекспиром и романтизмом пять потрясающих героических поэм. Иванэ Мачабели блестяще перевел трагедии Шекспира и привил грузинам (у которых было достаточно своих собственных Макбетов, Лиров и Ричардов III) любовь к западной драматургии. Книга *Элгуджа*, вышедшая в журналах, была запрещена цензурой, хотя консервативный генерал Григол Орбелиани и признавал, что это первый по-настоящему популярный грузинский роман. В 1893 году сорокапятилетний Казбеги умер от сифилиса. Журнал *Дроеба* под редакцией Иванэ Мачабели, закрыли за радикализм, и в июне 1898 года Мачабели утром вышел из дома и навсегда исчез.

Когда в октябре 1885 года великий князь Михаил Николаевич приехал в Кутаиси, к нему подошел Димитри Кипиани – личность среди грузин, может быть, самая уважаемая. В 1832 году его сослали как заговорщика, в 1840–1850-е годы он стал главой воронцовской администрации, потом тбилисским городским главой и, наконец, предводителем кутаисского дворянства. Кипиани спросил великого князя, понимает ли его племянник, император Александр III, как много вреда он нанес Грузии, упразднив наместничество и назначив Дондукова-Корсакова, преследовавшего использование грузинского языка. Получив строгий выговор от кутаисского военного губернатора, Кипиани, однако, не прекратил протестов: он громко упрекнул Дондукова-Корсакова за печатание букварей на мингрельском языке русскими буквами и за подрыв престижа грузинского языка. Императора Александра III особенно раздражала критика от людей, не им самим назначенных: Кипиани повезло, что после выговора дело прекратили.

24 мая 1886 года его высокопреподобие протоиерея Павла Ивановича Чудецкого, жестокого ректора Тбилисской семинарии, заколол исключенный им ранее студент Иосеб Лагиашвили (Чудецкий только что отправил на два года в штрафной батальон студента Силибистро Джибладзе, избившего и чуть не сбросившего его с балкона). Правительство Дондукова-Корсакова сочло убийство типичным грузинским предательством, и на похоронах ректора экзарх Павел предал анафеме «круг и среду, породившие разбойника Лагиашвили»:

274 Lomsadze Sh. [Gviani shua sauk'uneebis sakartvelos ist'oriidan: akhaltsikhuri kronik'ebi]. Tbilisi, 1979. P. 75–82 (на груз. яз.).

из печатного текста эта фраза была исключена, но услышавшая ее публика толковала фразу как предание анафеме всего народа. (Самого Лагиашвили по молодости пощадили, но отправили на Сахалин каторжанином на двадцать лет; там он преподавал в школе и, сбежав на Пасху 1890 года, либо попал на американский корабль, либо пал жертвой товарищей.) Димитри Кипиани в открытом письме предложил «проклявшему» Грузию экзарху изгнать себя из «проклятой» им страны. Дондуков-Корсаков сослал Кипиани в Ставрополь, где в 1887 году его убили якобы грабители (а по мнению грузинской публики, агенты главноуправляющего). Похороны Кипиани 16 октября превратились в массовую антирусскую демонстрацию.

Получив заграничное образование и полностью разочаровавшись в русском чиновничестве, искушенные грузинские интеллигенты 1890-х годов читали Маркса и Прудона и видели в новом свете историю и экономику Грузии. Интеллигенция раскололась на два лагеря: первый, социал-демократический, отождествив себя с русскими социал-демократами, представлял себе будущую Грузию неотделимой от освобожденной России, где каждая народность будет самоопределяться; второй лагерь, социал-федералисты, искал для Грузии автономии в пределах конфедеративного с Россией Кавказского государства. Ни один из лагерей не требовал независимости Грузии, еще менее – восстановления Грузинского царства.

К 1890 году с открытием туннеля под Сурамским перевалом, Батуми и Баку связала железная дорога, ветви которой дали доступ к новым источникам угля и марганца. В Закавказье появился пролетариат: рабочие тбилисских железнодорожных мастерских, бакинских нефтяных месторождений, а также фабрик по производству металлических бочек в Батуми, принадлежащих Ротшильду. И вне Грузии – в Варшаве, Москве, Петербурге – возникли крупные грузинские землячества и студенческие союзы. В июле 1892 года студенты устроили в Кутаиси большой съезд, который учредил полутайное общество «Лига свободы Грузии», нацеленное на самоопределение всего Кавказа.

В отличие от европейских пролетариев, грузинские рабочие могли возвращаться во время забастовок или безработицы на свои крестьянские участки; кроме того, они были достаточно самостоятельными, чтобы обходиться без наставлений интеллигентов. Уже к концу 1870-х годов они успешно проводили забастовки на заводах, принадлежащих мощным иностранным компаниям. Грузинские интеллигенты свободно разъезжали по стране под прикрытием двух благотворительных обществ, Общество для распространения грамотности и Кавказский комитет по филлоксере. (Комитет по филлоксере был обязан своим возникновением Воронцову, ввозившему зараженные лозы из Крыма, так что в Грузии, как и во Франции, приходилось прививать местные виноградные лозы на американских филлоксероустойчивых подвоях.) Политические активисты появлялись во всех сферах – среди школьных преподавателей, фольклористов, ветеринаров; они учреждали союз портных и пивные, учились типографскому делу, или переводили политическую литературу – уже к 1887 году на грузинском языке печатали Карла Маркса.

В мае 1894 года Силибистро Джигладзе, отбыв наказание за избивание ректора семинарии, основал профессиональную марксистскую революционную группу, вскоре названную «третьей группой». Группа породила таких крупных вождей, как Ноэ Жордания, через двадцать с лишним лет президента независимой Грузии, и Пилипэ Махарадзе, идеолога большевистской Грузии. И Жордания, и Махарадзе получили образование в Польше и, вернувшись в Грузию, сотрудничали с крестьянином и фабричным рабочим Эвгени Ниношвили. В «третьей группе», однако, существовали разногласия: образованные за границей активисты были теоретиками и марксистами, батумские и гурийские рабочие – прагматиками и народниками. Среди них были сторонники подпольной организации, партийной дисциплины, макиавеллизма и насилия, например семинаристы Ладос Кецохели (в 1903 г. застреленный в метехской тюрьме) и Иосеб Джугашвили (впоследствии известный как Коба и Сталин). Правительству не удавалось хорошо следить за тайными подрывными

группами: даже грузинская знать сочувствовала местным революционерам, а полицейские чиновники и жандармы плохо знали грузинский язык и охотно брали взятки.

При правлении императора Александра III Россия ни с кем не воевала, и, несмотря на относительный застой, население и экономика в Закавказье росли. В 1900 году поезда со спальными вагонами шли из Тбилиси через Баку в Европу, а после 1909 года на такси доезжали до Владикавказа, чтобы там сесть на поезд. К этому времени население Тбилиси достигло 160000; к 1913 году в Тбилиси были хорошие парки, девять трамвайных маршрутов, восемь мостов над Курой, фуникулер, чистая городская вода, электростанция, шесть театров или концертных залов, семь кинотеатров и двенадцать типографий. В магазинах было полное изобилие, даже херес из усадьбы наместника. Построили великолепный католический собор Святых Петра и Павла, единственное общественное место, где разрешено было говорить по-польски²⁷⁵. В Кутаиси жили 32000 человек; в городе, разбогатевшем на вывозе шелковых коконов в Лион, построили великолепные бульвары. Грузин в Кутаиси было больше, чем армян и русских, и они смотрели на город как на настоящую столицу. Даже Сухум, оправившись от этнической чистки, стал приличным портом, где жили 8000 человек. С 1894 года Николоз Николадзе стал мэром Поти и преобразовал его из «рая для лягушек» и «самой мизерной ночевки для путешественника»²⁷⁶ в процветающий порт. (Николадзе был обязан успехами польскому ботанику Лудвику Млокосевичу, который провел всю взрослую жизнь в Грузии и приучил народ сажать эвкалипты, чтобы осушать болота и защищать народ от комаров.) Хотя 85 % грузинского населения жило в деревне, во всех отношениях страна расширялась и становилась более современной. Фермы барона Кученбаха под Тбилиси снабжали всю Россию швейцарским сыром; из шахт в Алаверди в 1913 году вывезли 1500 тонн чистой меди. Половина населения была моложе двадцати лет и с равным энтузиазмом относилась к общественному равенству и к грузинскому самосознанию. В 1896 году газета Чавчавадзе *Иверия* напечатала серию статей под названием «Молодые иверцы». Статьи были направлены против «иезуистских методов» преподавания в Тбилисской семинарии. Закрыв *Иверию* на несколько месяцев, цензура только повысила авторитет газеты и Чавчавадзе у молодого поколения.

Правительство «главноуправляющих» не было полностью реакционным. В 1891 году безземельных крестьян (*хизнеби*) перестали гонять с занятых ими участков; в 1901 году подушную подать упразднили и ввели налог на землю. Остальные меры, однако, вызывали протесты: последние остатки крепостной системы раздражали и крестьян, и помещиков. В 1902 году гурийские крестьяне отказались платить два рубля ежегодно духовенству, которое и так получало государственное жалованье и гонорары за обряды; этот бойкот быстро распространился на восток. Затем гурийцы перестали платить за участки земли и начали отбирать землю у помещиков. Население росло, а пахотной земли было мало (например, в Кутаисской губернии помещик мог владеть менее чем четырьмя гектарами, а крестьянин – двумя): конфликт был неизбежен. Из-за тяжелого налогообложения и отсутствия хороших рынков никто не хотел вкладывать деньги в мелиорацию сельского хозяйства. Крестьяне, особенно гурийские и рачинские, искали работы в России: от Владивостока до Москвы в станционных буфетах пассажиров обслуживали имеретинцы.

Из всех главноуправляющих самым недалеким оказался генерал Голицын: в 1903 году, конфисковав земли и фонды армянской церкви, он одним ударом превратил армянскую русофилию в русофобию. Создав поколение армянских террористов, Голицын вызвал в Тбилиси этнические конфликты и смуту. Все министры в Петербурге отнеслись к «сумбурности» Голицына с крайним неодобрением: Сергей Витте заметил, что придется заново покорять Кавказ²⁷⁷. Царь Николай II, однако, одобрил меры, принятые Голицыным.

275 *Furier A.* Polacy w Gruzji. Warsaw, 2009. P. 249–277.

276 *Bryce J.* Transcaucasia and Ararat. L., 1877; N. Y., 1970. P. 372.

277 *Bumme C. Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 395–398.

Лозунгом генерала был «холод и страх», а единственным его развлечением – выращивание роз. Ни с кем, кроме трех русских офицеров, он никогда не советовался. Когда по средам во второй половине дня он принимал просителей, мало кто осмеливался показаться, а тем более высказаться, такой он внушал страх. Когда он приходил на рынок «навести порядок», испуганные лавочники разбегались. В июле 1904 года Голицын с женой спускались с гор в Тбилиси, когда трое «просителей» остановили карету: Голицыну воткнули кинжал в голову: покушение оказалось неудачным благодаря генеральше, которая бешено отбивалась от убийц зонтиком. Казаки-телохранители были вооружены одними дубинами (кара за потерю ружья была такая страшная, что казаки оставляли огнестрельное оружие под замком в казарме), но через несколько минут догнали армянских террористов и забили их до смерти. Голицын был так ошеломлен, что уехал в Петербург и больше на Кавказ не возвращался²⁷⁸.

К уходу Голицына грузинские революционеры уже приняли меры: в апреле 1904 года на женевском съезде студентов и ссыльных двадцать один делегат проголосовал за Социал-федеральную партию, требующую независимости Грузии в пределах преобразованной России. Социал-демократы вышли из зала и объединились с русской партией социал-демократов, как и социал-революционеры, которые, надеясь со своими русскими товарищами на поддержку крестьянства, решились на совместный бой за разрушение старого порядка. Через год появилась и грузинская анархистская партия, но, как можно было ожидать, она была слишком хаотична, чтобы соперничать с тремя социалистическими партиями²⁷⁹.

Вся Россия была объята смутой в начале 1905 года. Поражение в Русско-японской войне разрушило финансовую систему и уверенность в будущем: бывшие солдаты, бастующие рабочие и хорошо организованные революционеры парализовали страну. После событий перед Зимним дворцом в Кровавое воскресенье император лишился доверия народа. Не только в Петербурге и в Москве, но и в Гурии, где Крестьянский бойкот 1902 года перерос в массовый отказ платить налоги, возникли рабочие советы. Многие гурийские социал-демократы работали на Батумском нефтеперерабатывающем заводе: их совет фактически сверг власть кутаисского губернатора. В начале 1905 года взбунтовались вся Гурия и Имеретия: убивали полицейских, грабили казну, поджигали усадьбы. 18 февраля грозный дагестанский генерал Максуд Алиханов объявил чрезвычайное положение и девять дней спустя, став губернатором Кутаиси, жестокими ударами против повстанцев навел порядок²⁸⁰.

Даже императору стало очевидно, что к Закавказью нужен другой подход, и он поступил так, как ему уже восемь лет советовали премьер-министр Витте и два доверенных грузинских генерала, Иванэ Амилахвари и Закарэ Чавчавадзе²⁸¹, назначив наместником опытного кавказца, Иллариона Воронцова-Дашкова. В мае 1905 года, скрепя сердце, хилый, шестидесятидвухлетний Воронцов-Дашков, попросив тех же полномочий, что у предыдущих наместников, принял предложение. «Несложному, но порядочному и честному», женатому на внучке Михаила Воронцова, ему не доставало только гениальности²⁸². Он ехал не

278 Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа // И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник / Д. И. Исмаил-Заде. М., 2005. С. 403–404.

279 Surguladze A. & P. [Ssartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni]. Tbilisi, 1991. P. 138–139.

280 Иванов Р. И. Генерал Максуд Алиханов. Махачкала, 2003. С. 490–613.

281 Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа // И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник / Д. И. Исмаил-Заде. М., 2005. С. 406.

282 Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа // И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник / Д. И. Исмаил-Заде. М., 2005. С. 406.

в усмиренную, доброжелательную колонию, а к легко восплаляемому и скептически настроенному населению. Консерваторы или марксисты, грузины уже не питали доверия к восстановленному наместничеству. В Тбилиси социалисты уже сражались с русскими шовинистами, и мирное армянское население заразилось революционным, республиканским духом. Даже съезд грузинской знати в апреле 1905 года голосовал за автономию.

Воронцов-Дашков предвосхитил капитуляцию императора, Манифест 17 октября 1905 года, давший России свободу слова и собраний и выборной Думы. Наместник проявил смелый радикализм, освободив тысячу с лишним армян, арестованных Голицыным, упразднив все ограничения прав мусульман и евреев. Он руководствовался принципом «максимального спокойствия и хладнокровия», приглашал демонстрантов к себе во дворец и выслушивал их. Кормил крестьянских мятежников, поил гурийцев вином, а мусульманских аджарцев – коньяком. Жертвовал благотворительным обществам свое месячное жалованье в 1700 рублей. По крайней мере в Тбилиси не было тех мародеров из бывших военных, которые составляли ядро петербургских и московских советов: в Русско-японской войне участвовало мало грузин.

Всю весну Тбилиси наводняли жалобы на генерала Максуда Алиханова, усмирявшего страну массовыми арестами, полевым судом, комендантским часом. Народ не переставал сопротивляться: в апреле Павлэ Дадияни убили, и убийцы запретили семье похоронить его. Воронцов-Дашков решил убрать Алиханова и назначил на его место в Кутаиси личного друга, «красного губернатора» социал-демократа и агронома Владимира Александровича Старосельского. Раньше Старосельский был известен как борец против филлоксеры, а теперь Воронцов-Дашков уверил Петербург, что был единственным человеком, способным вылечить Западную Грузию от революционной инфекции. Император был в ужасе оттого, что наместник назначил радикала, попросившего население «служить новому правительству, как вы раньше служили царю», и заметил, что надо было повесить Старосельского на иве. Но Старосельский спас народ от истребления, уговорив генерала Маламу вывести из Имеретии десять тысяч солдат.

К осени 1905 года Грузия, как и бо2льшая часть России, была парализована забастовкой почтовых, телеграфных и железнодорожных рабочих; два паровоза, заблокировав Сурамский туннель, разделили Грузию на две части. Гурия – к ноябрю первое марксистское государство в мире – оказалась в руках вооруженных повстанцев, которые ввели систему, когда каждые сто и тысяча хозяйств выбирали по одному организатору в защиту гурийской революции.

Воронцову-Дашкову приходилось везде и постоянно разбираться с конфликтами. Армяне и азербайджанцы начали резать друг друга по всему Закавказью, но Воронцов-Дашков действовал так же смело и либерально, как Старосельский: он пригласил на чай главу меньшевиков Исидорэ Рамишвили (который скоро станет в Думе депутатом Кутаиси и исключит Иосеба Джугашвили из партии социал-демократов). Воронцов-Дашков был уверен, что человек «с такими ясными глазами» не может лгать, и принял предложение Рамишвили передать социал-демократам 500 ружей, чтобы они, как бескорыстные миротворцы, положили конец армяно-азербайджанским конфликтам. Такая доверчивость ужаснула не только царя, но и казаков Тбилисского гарнизона, которые, попытавшись вернуть ружья силой, открыли огонь и убили нескольких социал-демократов. В конце концов, социал-демократы отдали кое-какие ружья, большей частью поломанные, но жандармерия, армия и чиновничество стали смотреть на наместника как на простофилю, обманутого революционерами.

Беспорядки продолжались: в Тбилиси убили полицеймейстера, на рынке взрывались бомбы, витрины забивали досками, и в Батуми, и в Кутаиси вспыхивали вооруженные бунты. Военный помощник наместника генерал-майор Владимир Альфтан принял крайние меры: выселил целые деревни, дал казакам приказ открыть огонь по демонстрантам, но не вмешивался, когда армяне и азербайджанцы резали друг друга. Наместник выразил протест против всех мер, кроме выселения, и 5 декабря назначил гражданским и военным губернатором генерала Маламу, но 26 декабря уступил настоятельным просьбам начальника

штаба генерала Федора Грязнова сменить Маламу более страшным Алихановым. Алиханов правил как мусульманский хан – он каждый день лично принимал просителей, но ввел суровые меры: запретил быструю езду, потребовал, чтобы обо всех переночевавших гостях докладывали в полицию. В несколько дней снова заработала электростанция, открылись школы и «под военным контролем» пришли в движение железные дороги. Забастовщиков арестовали и зачинщиков отдали под полевой суд, а домохозяевам приказали запирались у себя, чтобы избежать перестрелок.

8 января 1906 года Воронцов-Дашков назначил Алиханова временным генерал-губернатором Кутаисской губернии. Центр Кутаиси горел, все железные станции вокруг были разграблены и сожжены. Алиханов задержал и отправил в Тбилиси Старосельского и его грузинского помощника и через неделю погнал железнодорожников на работу. Казаки с пулеметами и пушками поехали на запад. Алиханов арестовывал социал-демократов, крестьян, врачей, учителей. Собрал толпы деревенских или городских жителей, заставлял их клясться в верности императору, возвращать краденое оружие, сдавать дезертиров и уклонистов от армии, указывать, где проживали агитаторы и революционеры, чтобы его артиллерия могла взорвать их дома. Жителей Западной Грузии убивали, насиловали и поджигали. Алиханов вешал и расстреливал любого человека, заподозренного в убийстве чиновника. Он расстрелял девятих «делегатов», которые ехали на паровозе, якобы за намерение столкнуться с военным поездом. В Гурии погибли многие мятежники, и триста человек были сосланы в Сибирь, но остальное население упрямо поддерживало меньшевиков. В феврале Алиханов въехал в Цхинвали и дал обитателям десятиминутный срок, чтобы сдать всех революционеров, краденые деньги и оружие. Толпа, сославшись на полное незнание, стала на колени: их заставили заплатить тысячу рублей за якобы краденые ружья и указать на дома социалистов, которые Алиханов затем снес. Страдали не только крестьяне и рабочие: в картлийском городе Карели, когда солдаты стучали в дверь, а князь Цицишвили медлил с ответом, дом и двор взорвали орудийным залпом.

Ободренный успехами Алиханова, Воронцов-Дашков написал о нем хвалебный отзыв в Петербург и затем натравил генерала на Абхазию и Сванетию: к 20 февраля Алиханов арестовал двести дезертиров, конфисковал 6300 единиц огнестрельного оружия и вернул государству полмиллиона рублей. Но тбилисские, петербургские и московские газеты обличали генерала в незаконных арестах и в бессмысленных погромах: взгляды Алиханова были несовместимы с новым демократизмом думской России. Наместник вдруг спохватился и приказал Алиханову освободить врачей, учителей, помещиков и старших чиновников. Но Алиханов не переставал наводить ужас на Мингрелию, и наместнику пришлось его уволить.

К весне 1906 года в Тбилиси царил хаос. Казаки открывали огонь по демонстрантам и в отместку за теракты убивали «кудрявых граждан», как казаки называли кавказцев, десятками. Военный губернатор приказал запереть чердаки и огородить все балконы с видом на улицу, чтобы беглецам негде было укрыться. 5 июля 1906 года пьяные казаки, убедившись, что из тбилисской гимназии бросили бомбу, разгромили школу, разогнали учительское собрание, вдребезги разбили рояль и, застрелив инспектора Шио Читадзе, посмертно обвинили его в терроризме²⁸³.

20 февраля того же года Воронцов-Дашков, который все это время, несмотря на покушение на его жизнь в августе 1905 года, свободно ездил по городу и ни от кого не слышал ни упрека, ни протеста, провел в своем дворце, последнем безопасном месте в Тбилиси, съезд духовных лиц, журналистов и представителей всех сословий и народностей, и попросил их предложить возможные выходы из армяно-азербайджанских конфликтов. Предложений было много, но они были недостаточно убедительны, чтобы положить конец резне. В результате съезда, однако, в школах восстановилось преподавание местных языков и были составлены местные комитеты «примирения». Грузины, русские и азербайджанцы

283 Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа // И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник / Д. И. Исмаил-Заде. М., 2005. С. 421–423.

ругали Воронцова-Дашкова, и еще больше его жену, за то, что они якобы слишком сочувствовали армянам и в особенности армянской церкви, которая получила из рук наместника часть собственности, конфискованной Голицыным.

Наместник уже лично пострадал от террора: в июне 1905 года был убит его зять Павел Шувалов, градоначальник Москвы, а затем были подожжены поместья Воронцовых-Дашковых в Тамбовской губернии. Теперь террор обрушился на грузинскую церковь: на экзарха Николая напали священники, требовавшие восстановления автокефалии; на помазании его преемника Никона в августе 1906 года грузинское духовенство присутствовать отказалось. Никон старался понравиться своим подопечным, введя выборы на епархиальные должности, отреставрировав мцхетский собор, приказав, чтобы в семинарии преподавали по-грузински, построив приходские школы, издав на деньги церкви Библию на абхазском и осетинском языках, даже разрешив в Тбилиси религиозно-философские дебаты по образцу петербургских. Никон отрекся от всякого шовинизма, но движение за грузинскую автокефалию продолжало относиться к нему враждебно.

Следующие годы были отмечены рядом громких убийств. 16 января начальник Кавказского штаба генерал Федор Грязнов, высадившись из кареты, подорвался на бомбе. Грязнов раньше грозил, что будет истреблять мятежников и вешать рабочих. Иосеб Джугашвили (Сталин), судя по всему, организатор покушения, сразу свалил вину на совершенно невинного прохожего, чтобы убийца-большевик смог скрыться. Некого Арсена Джорджиашвили (возможно, Джоиашвили), продававшего в тот момент пьяным солдатам часы, избили до потери сознания и затащили в жандармский участок. Прокуратуру предупредили, что, если через час не будет предъявлено обвинение, разъяренные русские войска разгромят центр города. Джорджиашвили быстро осудили, тем более что Джугашвили выпустил листовку, требующую, чтобы «нашего товарища спасли от когтей царя». Тбилисский палач отказался повесить несчастного, так что пришлось привезти палача из Баку. (В 1921 г., когда снимали фильм о якобы героическом Джорджиашвили, Сталин сказал режиссеру, что настоящий убийца выжил и стал комиссаром²⁸⁴.) Тогда Сталин еще был двадцативосьмилетним агитатором без русского, сибирского и европейского опыта, но он уже перестал быть семинаристом и поэтому и проявлял макиавеллиевскую коварность, любовь к насилию и такое бессердечие, что готов был оклеветать и обречь невинного гражданина, даже товарища по партии.

16 мая Алиханов приехал на кутаисский вокзал, чтобы отправиться в Тбилиси; в его карету подбросили бомбы. Одного казака убили, и шрапнель задела одно из легких генерала, но он тем не менее сел в поезд и отказывался от лечения, пока не доехал до Картли. В Кутаиси казаки избили до полусмерти буфетчика, сожгли дом, где террористы подстерегали Алиханова, и отштрафовали домохозяина на 20000 рублей. (Алиханов затем поехал в Европу, где его легкое оперировали; вернувшись, он стал командиром Казачьей дивизии в Армении, и 3 июля 1907 года, когда ехал в карете, раньше принадлежавшей генералу Грязнову, погиб от рук более профессиональных террористов.)

13 июня 1907 года Тбилиси был потрясен большевистским терактом: товарищ Сталина Камо Тер-Петросян, сбежав из тюрьмы и приняв имя князя Дадияни, с группой вооруженных людей в центре города ограбил банковскую карету и захватил четверть миллиона рублей: погибли два городских, три казака и большое число прохожих. (Деньги в крупных купюрах были конфискованы, когда в Европе большевики попытались обменять их.) Грузины, возмущенные и большевистской, и казацкой бесчеловечностью, сплотились около социал-демократов-меньшевиков, более гуманных, хотя и хуже организованных революционеров. (Социал-федералисты и анархисты, в октябре 1907 года ограбив

284 Guruli V., Shavladze A. [Rogor gadaarchina st'alinma tbilisi dabombvas da rogor gats'ires 3 manetad rusma saldatebma arsena jorjiashvili?]. Tbiliselebi, 2009. 17 sept.

казначейство в Душети, изъяли еще больше, чем Камо Тер-Петросян в Тбилиси, но без человеческих жертв.)

Когда же в полдень 30 августа 1907 года убили Илью Чавчавадзе, вся Грузия оцепенела. Чавчавадзе, уважаемого даже политическими противниками, только что избранного предводителем дворянства, но ярого борца против тайной полиции, смертной казни и русификации, подстерегла вооруженная банда на дороге вблизи от его дома в Сагурамо под Тбилиси. Чавчавадзе и одного слугу застрелили, жене разбили голову обухами. Жандармы вскоре задержали шесть человек, включая местного старосту, кучера и повара Чавчавадзе. Заключенных быстро осудили и приговорили к смерти, но чудом выжившая вдова Чавчавадзе уговорила начальство заменить казнь каторгой. Улизнули двое убийц – местный старшина и Гигла Бербичашвили, ружейным выстрелом разорвавший сердце Чавчавадзе.

Объяснение жандармов, что Чавчавадзе убили в отместку за увольнение взяточника-старосты, никого не убедило: публика винила либо тайную полицию, либо большевиков и не исключала возможности, что обе организации сотрудничали, чтобы избавиться от всеми любимого либерала. Но история указывает скорее на большевиков, в особенности на Серго Орджоникидзе и Сталина. В 1921 году в Грузию вдруг вернулся Бербичашвили, из красноармейца быстро превратившийся в секретаря райкома, а затем благодаря покровительству Пилипэ Махарадзе председателя колхоза. В старости Бербичашвили работал сторожем в универмаге, а 5 января 1942 года, после «реабилитации» Чавчавадзе как «буревестника революции», его расстрелял НКВД за убийство великого поэта по приказу царской охранки. (Димитри Джаши, якобы организовавший убийство и отсидевший несколько лет в одиночной камере, чтобы другие заключенные не нападали на него, был расстрелян НКВД. Интересно, что к концу 1950-х годов прокуратура отказалась его реабилитировать²⁸⁵.)

28 мая 1908 года священник заманил экзарха Никона на лестницу дома Синода, чтобы убийца на улице смог застрелить его в спину из пистолета. В смерти Никона обвинили грузинское духовенство, так как экзарх с помощью казачьих плетей незадолго до этого разогнал их неофициальный церковный совет. По приказу из Петербурга были арестованы шестьдесят два грузинских священника, среди них трое будущих патриархов независимой церкви. Сам Воронцов-Дашков объявил автокефалию «пустой мечтой». Обстановку разрядил новый экзарх Питирим, читавший молитву на грузинском и осетинском языках.

Наместник изо всех сил старался угождать каждому сословию, поколению и классу. Напрасно он убеждал петербургских министров создать в Тбилиси университет, объяснив, что грузины в поисках высшего образования уезжают за границу, а возвращаются уже радикально и враждебно настроенными к началству. Армяне и азербайджанцы требовали не университета, а политехникума, который они построят на свой счет и где будут преподавать сельское хозяйство, горное дело, инженерное дело и экономику. Чтобы сделать здание сейсмоустойчивым, Воронцов-Дашков наскреб триста тысяч рублей. Он настаивал, опять напрасно, чтобы Петербург разрешил на Кавказе, как в России, местное самоуправление, и даже рекомендовал, чтобы во избежание колониального восстания Россия присвоила Закавказью, как Великобритания – Австралии и Канаде, статус доминиона.

Однако к весне 1906 года в России уже укоренялась реакция, и император одерживал верх над Первой Государственной Думой, слишком радикальной, чтобы предлагать осуществимые законы или находить общую с министрами почву. Среди думских социал-демократов оказался Исидорэ Рамишвили и выпускник Варшавского ветеринарного института, будущий вождь независимой Грузии Ноэ Жордания, которые, не настаивая на автономии Грузии, выдвигали программу радикального преобразования для всей Российской империи. В апреле Думу распустили, левое крыло, объявленное вне закона, бежало в Выборг, где публиковало манифесты. Избранная по новым избирательным законам Вторая Дума отражала интересы помещиков и профессиональных классов, больше чем рабочих и

крестьян: тем не менее в ней участвовало еще больше грузинских радикалов – восемь социал-демократов и социал-федералистов, среди которых ведущая роль отводилась красноречивому Иракли Церетели, который выступал «устаами» слегка косноязычного Ноэ Жордания, как Аарон для Моисея. Но летом 1907 года, распустив и эту Думу, царские министры арестовали бо́льшую часть социал-демократов. В Третьей, значительно более консервативной Думе участвовали всего три грузина – два социал-демократа и один абхазский монархист.

Пока Столыпин в России арестовывал и вешал, Воронцов-Дашков в Закавказье оберегал народ от ужасов, творимых в Одессе, Вильнюсе и Киеве. Тем не менее в сибирских тюрьмах умерли три грузинских социал-демократа, а Иракли Церетели провел в сибирской ссылке десять лет. Воронцов-Дашков, как Илья Чавчавадзе, с омерзением смотрел на смертную казнь, но был не в состоянии мешать русским черносотенцам (из мелких чиновников и железнодорожников) и большевикам всех национальностей расправляться со своими врагами. В 1907–1908 годах, грузинские жандармы, несмотря на присутствие в их рядах взяточников и социалистов, отправляли тысячи мнимых социалистов либо на место рождения, либо в Северную Россию и Сибирь.

Впервые с 1782 года грузины просили у Европы вмешательства. Вторая мирная конференция в Гааге приняла *Меморандум от имени грузинского народа*, представляющий Трактат 1783 года как единственную законную основу для русско-грузинских отношений. Хотя европейские державы сочли такие вопросы второстепенными и достойными только показного сочувствия, меморандум послужил первым шагом в попытках освободить Грузию от Российской, а затем и Советской империи.

Воронцов-Дашков не всегда принимал умелые меры. Восстановив, хоть и ограниченное, преподавание грузинского языка в школах и даже осознав опасность того, что из-за русификации армяне и грузины могут забыть родной язык, он все-таки в отличие от Михаила Воронцова недооценивал грузинскую культуру и даже объяснял петербургским министрам, что грузинская литература хотя и написана по-грузински, но «продумана по-русски». Как и его предшественники, Воронцов-Дашков пытался привлечь колонистов, чтобы нейтрализовать этнические распри: когда 8000 духоборов, решив, что в России жить тяжело, собрались на Аляску, наместник без успеха предложил им заселить опустевшие территории в Абхазии. Наместник верил в свободное владение землей и в 1907 году снял с «провинившихся» абхазов запреты в этом отношении. В то же время он хотел, чтоб Западную Грузию заселили европейцы. К 1907 году в Абхазии и Мингрелии насчитывалось восемьдесят девять новых русских селений, но бездорожье, эдемическая малярия и враждебность абхазских и мингрельских соседей заставляли колонистов бросать новое жилье. Наместник начал приглашать более выносливых крестьян из Украины, и к 1915 году на грузинской территории уже насчитывалась сотня русских поселков. Остальные инициативы дали промах: император не захотел разрешить на Кавказе введение земств; армяне и грузины не могли договориться о здании политехникума и после освящения фундамента прекратили работу; Министерство финансов отказалось финансировать прямую железнодорожную связь под Крестовым перевалом, хотя уже в 1873 году польский инженер Болеслав Стаковский запланировал путь и туннель и с тех пор грузинское управление не раз лоббировало проект.

Здоровье наместника подтачивали тбилисский летний зной, и с 1908 года он начал проводить лето у себя в тамбовской усадьбе. Состояние духа подрывали нападки националистических депутатов в Думе: в декабре 1908 года Владимир Пуришкевич, лидер *Союза русского народа* и создатель *Союза Михаила Архангела* обвинил Николая Петерсона, директора канцелярии и правую руку наместника, во взяточничестве и сказал, что «престарелый» наместник «так стар и слаб, что иногда с конфеткой во рту засыпает за своими делами». Петерсон привлек Пуришкевича к уголовной ответственности за инсинуации. На самом деле Петерсона никто не собирался трогать, так как его жена и невестка наместника были почетными членами Тбилисского теннис-клуба. Но наместник

раздражал премьер-министра Петра Столыпина своей снисходительностью к армянским националистам-федералистам (*дашнакцутянам*) . В ответ на упрёки Воронцов-Дашков сказал, что надо подмазываться к армянам на случай русско-турецкой войны, к которой Россия плохо подготовлена. Владимир Альфтан, тогда генерал по особым поручениям Кавказского военного округа, получил от петербургской полиции приказ собирать доносы на наместника, вследствие чего Воронцова-Дашкова обозвали «антирусским, сомнительным, даже красным». Император тем не менее не захотел уволить наместника, но «кавказская секция» петербургских министерств начала активно противодействовать его либерализму.

Благодаря финансовым и полицейским реформам 1908 года и мудрой политике Витте и Столыпина, уровень терроризма стал снижаться, а экономика и культура Грузии пошли на подъем. Из шахт в Чиатуре железнодорожные вагоны вывозили сотни тонн марганца, хотя для европейцев обходилось дешевле возить его морем из Индии, чем узкоколейкой с Кавказа; несмотря на адские условия, интенсивно обрабатывали уголь в Ткибули и старые медные пласты в Алаверди и Ахтале. Из Европы возвращались с высшим образованием грузины, которые, за отсутствием на родине другого поприща, пасли отцовских баранов. Подрастало новое поколение образованных грузин, которые окажут большое влияние на весь мир. Шотландский агроном и торговец Джеймс Марр на старости лет женился на гурийской крестьянке, которая родила ему сына Николая Марра, впоследствии гениального востоковеда, филолога и языковеда и к 1902 году профессора Петербургского университета. Грузинские деятели принимали активное участие в российской политике, легальной и подпольной: Карло Чхеидзе и пятеро других меньшевиков – в Третьей Думе, Сталин – в сибирской ссылке и в венских кафе. В Грузии жандармерия и революционные партии были связаны сложной игрой, где взятки и взаимная подрывная деятельность часто преобладали над физическим насилием. Подрывная деятельность и подделка больше чем бомбы волновали власть имущих. С 1900 года юрист-самоучка Соломон Ашордиа фабриковал «доказательства дворянского происхождения» сначала для себя, а затем для сотен других мещан: когда в 1908 году его наконец арестовали в Омске, где он пытался обналичить поддельный чек на 30000 рублей, Сенат все еще отсеивал настоящих от «ашордийских» *азнаутов* ²⁸⁶.

В июне 1910 г. Воронцов-Дашков подал императору Николаю «записку», возражающую против подчинения наместника Совету министров и дающую оптимистическую оценку развивающейся кавказской экономики²⁸⁷: промышленность росла, у населения были сберегательные счета, крестьяне производили пятьдесят миллионов литров вина и сто тонн чая в год, не говоря о лавровом листе, мандаринах и бамбуке; наместник ни на что не жаловался, кроме выкупа иностранцами абхазских поместий и непоправимого бездорожья.

Чтение тбилисского адресного календаря за 1913 год показывает, что главной проблемой города являлся этнический состав. Тбилиси был армянским городом под русским правлением. Из двадцати трех книжных магазинов, только четыре были грузиноязычными; в списке домохозяев, врачей и зубных врачей грузины составляли лишь десять процентов. Упоминаются всего две грузинские акушерки; в городе нет ни одного грузинского ветеринара, в консерватории все преподаватели немцы, русские или армяне. Даже учительницы в Институте святой Нино, основанном Ермоловым, были русские (секретаршей, однако, работала княжна Чавчавадзе). Грузины преобладали только как владельцы винных погребов. В профессиях и на военной, и на гражданской службе их было поразительно мало, так как даже образованные грузины предпочитали жить у себя в деревне. Вытесненные армянами, обессиленные русскими, грузины всех сословий поддерживали социал-демократов.

286 *Ashordia T.* [Solomon ashordia – zugdideli kartveli avant'urist'is tavgadasavali]. Tbilisi, 2009; *Линден В.* Высшие классы коренного населения кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тбилиси, 1910.

287 *Воронцов-Дашков И. И.* . Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом. СПб., 1910.

Воронцов-Дашков доложил императору, что убедился, что армянская проблема возникла единственно оттого, что Россия пренебрегает армянскими стремлениями к самостоятельности, он упразднил все меры, ограничивавшие армянские занятия и вероисповедание. Наместница Екатерина часто приглашала видных армян на чай, так что некоторые грузины смотрели на наместника как на агента не русского империализма, а армянского республиканства. (Немецкий консул граф Шуленбург заметил, что «грузины чувствуют себя как брошенная любовница, так как Воронцов-Дашков теперь благосклонен к армянам».) Наместник стал и в самом деле стар и слаб: в 1913 году с ним случился инсульт и, когда вспыхнула Первая мировая война, он уже был не в состоянии повести Закавказье в бой. Тем не менее с появлением угрозы нападения на страну оттоманской армии, грузины и армяне помирились и сплотились, чтобы защищать Российскую империю.

Новое сообщество – *Комитет за свободу Грузии*, поддержанный знатными грузинами, – накануне войны перенесло свой штаб из Женевы в Берлин. *Комитет* сформировал грузинский легион, который сражался вместе с турками, и предложил образовать правительство из всех партий, включая Ноэ Жордания и социал-демократов, которое управляло бы независимой Грузией под немецкой протекцией. Левые партии считали «нецелесообразным» подстрекать антирусских мятежников, пока в Грузии не охладится патриотический пыл. Правые партии не стеснялись: в начале войны социал-федералист Леван Кереселидзе, участник душетского грабежа 1906 года, очутился в Берлине: его пригласили в Берлин вместе с князем Гиорги Мачабели, интернированным немцами в Брюсселе. В Берлине они совещались с гейдельбергским ассирологом доктором Михеилом Церетели, и 27 сентября 1914 года Мачабели и Церетели представили немецкому Министерству иностранных дел меморандум, предлагающий нейтрализацию Кавказа и создание содружества из Царства Грузии с армяно-татарскими кантонами и с федерацией горцев: границы будут демаркированы с помощью Германии, Австро-Венгрии и Турции²⁸⁸. Берлинские переговоры закончились обещанием, что Германия, если она победит, учредит в Грузии конституционную монархию, как в Болгарии, с царем из западноевропейских династий. Из Берлина Кереселидзе и Мачабели поехали в Константинополь, где к ним присоединились два грузинских католических священника²⁸⁹: они занимались пропагандой, отговаривающей грузин от службы в российской армии. Кереселидзе поселился в немецком штабе в Трабзоне, где ему дали деньги и возможность вербовать грузинских военнопленных. В 1916 году в Лозанне состоялся съезд национальных меньшинств, где Михеил Церетели, опубликовавший по-французски и по-немецки монографию *Грузия и мировая война*, выдвинул программу, по которой Россия должна была соблюсти все статьи Георгиевского трактата 1783 года и таким образом предоставить Грузии такую же независимость, какую уже обещала Польше.

В начале войны русские армии на европейском фронте одерживали блестящие победы над Австрией; в Закавказье же первые битвы кончались злоеце. Нападения на Эрзурум провалились из-за лютой зимы и недостатка подкреплений; турки, нанеся контрудар, взяли Батуми и, когда русские войска их оттеснили, еще крепче сплотились вокруг Эрзурума. В декабре 1914 года оттоманский «Наполеон» Энвер-паша взял командование в свои руки и окружил большую армию под Сарыкамышем. Только блестящая храбрость грузинского офицера «сатаны-капитана» Тараса Вашикидзе, прорвавшего окружение, выручила русские войска и сокрушила третью турецкую армию.

Несмотря на победу Вашикидзе, общественное мнение свалило вину за окружение под Сарыкамышем на Воронцова-Дашкова, якобы одержимого расширением и обороной

288 Kress von Kressenstein F. Meine Mission im Kaukasus / Ed. D. Paichadze. Tbilisi, 2001. P. 227–231 (appendix, document № 15).

289 Zürrer W. Kaukasien 1918–21: der Kampf der Grossmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978. P. 12–15.

восточных армянских границ за счет грузинских территорий на западе²⁹⁰. Карло Чхеидзе жаловался, что войсками командовали наместница и ее армянская клика. Когда в ноябре 1914 года царь Николай, приехав в Тбилиси, обедал сначала с армянами, а затем с грузинами, Воронцов-Дашков уже слег, но камфорные уколы помогли ему встать, чтобы приветствовать императора. Графу уже было 79: летом 1915 года царь разрешил ему уйти на пенсию именно тогда, когда сам принял катастрофическое решение стать главнокомандующим русской армии, вытеснив своего предшественника, дядю великого князя Николая Николаевича, который стал кавказским наместником.

Хотя император теперь положил начало целому ряду катастроф, которые разрушат его империю, приезд Николая Николаевича на Кавказ, похоже, изменил ход военных событий. Этот высокий человек на маленькой белой в серых яблоках лошади, с окровавленной от сыромятных вожжей рукой, объездив грузинский и армянский соборы, суннитскую и шиитскую мечети, начал кричать на подобострастных генералов. С великим князем приехали его брат Петр и двести охранников (дворцовым телохранителям Николай Николаевич не доверял); он ездил осматривать фронт на «Роллс-Ройсе» (пришлось изъять 100000 рублей из военного бюджета, чтобы построить шестикилометровую дорогу от летнего дворца до тбилисского шоссе). Новый наместник уволил всех помощников Воронцова-Дашкова, в особенности поруганного Петерсона, и назначил новичков из русских: кавказцев он к себе не допускал. При его командовании армия взяла Эрзурум и Трабзон, хотя Россия была обязана победой не блестящей русско-грузинской стратегии, а расшатанности османского правительства, скоцентрировавшего все силы на истреблении армян в Восточной Анатолии. С приездом великого князя в Тбилиси уже не было ни бомб, ни покушений; но не было и реформ, кроме жалкого подобию местного самоуправления. Население было поглощено мыслями о победе в Анатолии и озабочено ранеными солдатами и беженцами.

Хотя на анатолийском фронте боевой дух не ослабевал, на еще более кровавом европейском, где сражались многие грузины, те, кто уцелел, очутились в австро-венгерских лагерях, где некоторые согласились вступить в немецкую или австрийскую армию. Из всех грузин самые страшные потери понесли хевсуры, брошенные в бой против немцев, которых они не считали кровными врагами, вооруженные саблями и скошенные пулеметами. Одна из последних хевсурских героических поэм оплакивает погибших: «Какие вести из России? Есть грех против Бога. Который двадцатилетний мужчина умирает на границе? <...> Здесь вымерла вся архотская долина»²⁹¹. Смерть и дезертирство на европейском фронте, дефициты и забастовки в Петрограде и Москве привели к тотальному развалу государства и к отречению императора от престола.

20

Независимость

15 марта 1917 года Карло Чхеидзе, лидер легальных социал-демократов в Петрограде, послал в Тбилиси на имя Ноэ Жордания следующую телеграмму: «Мтавробадзе [*господин Правительствов*] скончался, сообщите родным и знакомым». Жордания с Исидорэ Рамишвили немедленно отправились во дворец наместника, чтобы оповестить великого князя Николая Николаевича, и тот, убедившись, что Временное правительство призывает его вести российские армии к победе, через три дня уехал в Петроград. *Особый закавказский комитет (Озаком)* с разрешения Временного правительства занял опустевший наместничий дворец.

290 Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа // И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник / Д. И. Исмаил-Заде. М., 2005. С. 412.

291 Rayfield D. The Soldier's Lament: Folk Poetry in the Russian Empire 1914–1917 // Slavonic & E. E. Review. 1988. LXVI, 1. P. 66–90.

В этот первый год делегированной власти о независимости мало кто даже говорил. В Думе главенствовали два грузинских социал-демократа – Карло Чхеидзе и Иракли Церетели. Чхеидзе стал председателем Петроградского совета и затем Всероссийского съезда советов; Церетели, вернувшегося из сибирской ссылки, Керенский назначил министром внутренних дел. Грузия с удовольствием участвовала во всероссийском правительстве, отрекшемся от шовинизма и жандармского правления и состоявшем в основном из социалистов и либералов. Она чувствовала себя защищенной от оттоманского и даже иранского вторжения, так как Временное правительство наотрез отвергло возможность любого мирного договора, уступающего территорию Германии, Австро-Венгрии или Турции. *Озаком*, заменивший наместника, пять главных членов которого были депутатами Четвертой Думы, заседал в Тбилиси. Председателем стал русский либерал Василий Харламов, комитет включил двух грузин, социал-демократа Акаки Чхенкели и федералиста Киту Абашидзе, одного армянского *дашинака* Михаила Пападжанова и одного азербайджанского националиста Мамед-Юсуфа Джафарова. Они отметили первое заседание, выпив вино, припасенное великим князем для окончательной победы. В марте 1917 года в Тбилиси сформировалась параллельная власть, *Совет рабочих* (а потом *рабочих и солдат*), которым управлял настоящий лидер Грузии, Ноэ Жордания, также председатель *Краевого центра закавказских рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*.

В апреле новый *Грузинский межпартийный совет*, в котором Акаки Чхенкели и социалисты играли ведущую роль, поставил два вопроса: какие будут границы у автономной, может быть, независимой Грузии и какие будут полномочия у национального парламента (который они, как поляки, называли *сеймом*)? Что касалось границ, члены совета проявили великодушие, граничащее с безумием: Грузию будут делить на кантоны двух родов неоспоримые и спорные, так что Тбилиси и уезды, где большинство было грузинским, считались неоспоримыми, а в уездах, где грузины составляли меньшинство, результаты референдума должны решить, к какой стране они принадлежат. Националисты, встревоженные такой фрагментацией, протестовали, что Грузия должна сохранить территорию объединенного царства 1450 года или состоять из территорий под русским управлением, то есть из тбилисской и кутаисской губерний, Батуми, Сухума и других пограничных краев. Что касается второго вопроса, *Межпартийный совет* объявил, что если Россия станет федеративным государством, то Грузия составит автономную часть России, а если – республикой, то Грузия пойдет по тому же пути, но свяжется с Россией по новому договору, основанному на Георгиевском трактате. В обоих случаях *сейм* должен представлять все Закавказье, но заниматься только экономическими вопросами.

Пока закавказские политики обсуждали вопросы, грузинские крестьяне, тбилисские рабочие и русская армия принимали меры. Столыпинские реформы, освободившие русских крестьян и превратившие их либо в фермеров, либо в наемных рабочих, не касались Грузии. Крестьяне теперь отказывались платить выкуп за розданные им в 1870 году участки; они пасли скот и рубили лес на помещичьей земле. В прениях *Совета рабочих и солдат* рабочие в отличие от солдат были против сотрудничества с буржуазией. Большевики, вообще русские, оказывали давление на солдат, чтобы те ушли с фронта, где изнуренные турки и русские уже были не в силах вести перестрелку. Демонстрации против войны участились, и, когда 25 июня 1917 года 4000 человек протестовали против нового наступления, меньшевики подавили протест.

Но политическая и военная обстановка в бывшей Российской империи ухудшалась: грузинские политики попросили Ноэ Жордания найти способ избрать членов народного съезда, который справился бы не с мнимым будущим, а с настоящим кризисом. 25 октября 1917 года, однако, Временное правительство, колебавшееся между, с одной стороны, советами и рабочими, требующими мира любой ценой, и, с другой стороны, консерваторами и офицерами, настаивающими на войне «до победного конца», было свергнуто большевистским переворотом. *Озаком* сразу лишился своего мандата и сменился *Закавказским комиссариатом*, в котором заседали три грузина, один русский, три армянина

и четыре азербайджанца под председательством Эвгени Гегечкори. Появилось независимое федеративное Закавказье; его гражданам казалось, что оно проживет до тех пор, пока январское Учредительное собрание не разгонит большевиков и не создаст демократическую федеративную Россию.

Действительная власть в Грузии перешла к *Народному съезду*, который впервые собрался 19 ноября из членов *Совета рабочих и солдат*, представителей всех уездов, национальностей, сословий и исповеданий. Присутствовали и разные «значительные лица» – Кирион II, первый патриарх восстановленной автокефальной церкви, генерал Пржевальский от российской армии, представители других закавказских краев и даже кое-какие иностранцы. Ноэ Жордания был избран председателем: вместе с другими социал-демократами он руководил *Национально-политической секцией*, объявившей, что Грузия «ориентируется» на демократическую Россию, но что каждая национальность империи обязана управлять сама собой, пока не утвердится легитимное российское правительство. Грузия будет поддерживать закавказский *Комиссариат* и будущее Учредительное собрание, но грузинские вопросы пока должен решать грузинский совет с пропорциональным представительством всех партий. Самым срочным заданием, по словам Жордания, оказывалось установление границ с соседними государствами, в особенности с Арменией и, в случае Гражданской войны, с Россией; к тому же надо было задействовать собственное Учредительное собрание. 22 ноября был избран *Грузинский народный совет* из 66 членов: председателем совета и его исполнительного комитета стал Ноэ Жордания.

Выборы во всероссийское Учредительное собрание были проведены в ноябре 1917 года: большевики получили около четверти голосов, социал-революционеры – половину. Когда 5–6 января 1918 года *Собрание* попыталось открыть первое заседание, ленинские солдаты открыли огонь и разогнали делегатов. Эта акция катастрофично отразилась на Закавказье: красноармейцы, якобы покидавшие фронт и возвращавшиеся домой, захватили грузинские железные дороги и попытались занять Тбилиси и Батуми. Правительство Жордания блокировало некоторые линии, а на других сворачивало поезда на восток, наводнив русскими солдатами Баку.

17 декабря 1917 года Великобритания и Франция, еще надеявшиеся возобновить войну на кавказском фронте, сформировали грузино-армянскую бригаду²⁹² и отправили в Тбилиси тринадцать французов-инструкторов и двенадцать миллионов рублей. Но напряженные отношения царских казаков с грузинскими войсками мешали вербовке; американский консул Ф. Уиллоби Смит и британский генерал-бригадир Оффли Шор, не умевшие отличать социал-демократа от большевика, не знали, кого принимать в бригаду. В любом случае 18 декабря царская армия уже заключила с турками перемирие, а британская армия в Ираке находилась слишком далеко, чтобы вмешаться.

Для новоиспеченного грузинского правительства большевистские дезертиры оказались намного более опасными, чем любые турецкие войска: 30000 солдат, возвращавшиеся из Сарыкамыш, попытались взять Тбилиси штурмом, подбили горийский гарнизон и некоторые кутаисские отряды на бунт: грузины разрешили туркам и немцам помогать подавлять красноармейцев. К началу 1918 года Баку находился в руках большевиков, и в Тбилиси вдруг появился видный бакинский революционер Шаумян с тридцатью миллионами рублей для пропаганды и пятью тысячами ружей, которые он собирался спрятать в Кутаиси. Но социал-демократическая солидарность оказалась крепче, чем инстинкт самосохранения: Жордания не арестовал Шаумяна, а помог ему сбежать. (Французский консул Никола заметил, что реформы Жордания отличаются от ленинских только отсутствием кровопролития и что «Грузия озабочена только независимостью, ей все равно, кто овладеет Россией».)

292 Zürrer W. Kaukasien 1918–21 // Der Kampf der Grossmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978. P. 20–22.

Грузинским социал-демократам незачем было оставаться в составе России: Карло Чхеидзе вернулся на Кавказ и 10 февраля, вместе с другими кавказскими депутатами разогнанного Учредительного собрания, учредил *Закавказский сейм*. Месяц спустя этот сейм уже отжил свой век. 3 марта по Брест-Литовскому мирному договору в обмен на мир Троцкий уступил Германии и Турции огромную часть Российской империи. Распотрошив Грузию без предупреждения и без совещания, Троцкий передал оттоманам Батуми, Ахалцихе, Ахалкалаки, не говоря уж о недавно завоеванных Артвине, Ардагане, Карсе и Эрзуруме: одним росчерком пера грузинские военные успехи были сведены на нет. (Месяцем раньше, однако, грузины признались Энвер-паше, что не будут бороться за восточноанатолийские территории.) Турки теперь потребовали, чтобы в одну неделю грузины эвакуировали уступленную Троцким территорию; 1 марта Акаки Чхенкели поехал в Трабзон с делегацией, но турки наотрез отказались от переговоров. Грузию не только исключили из списка подписантов Брест-Литовского договора: она стала никем не признанным государством. 8 апреля вторглись турки. Хотя Акаки Чхенкели приказал войскам сопротивляться, в Грузии уже не было вооруженных сил, способных остановить турок, которые за одну неделю заняли Батуми, затем Гурию и Западную Картли вплоть до Боржоми и реки Куры. С одобрения оттоманских военных *Закавказский сейм* объявил Закавказье «независимой, демократической, федеративной республикой», и председателем избрали Акаки Чхенкели в надежде, что турки вступят с ним в переговоры. Турки преследовали три цели: вернуть территорию, завоеванную Россией за последние сто лет; забрать в свои руки бакинскую нефть; окружить армянских партизан, боровшихся против оттоманских угнетателей.

Внутри Грузии вспыхнули мятежи национальных меньшинств. В ноябре 1917 года абхазы, сформировав собственный *Народный совет*, объявили себя членами федеративной горской кавказской республики. Возмущенное новое грузинское правительство в июне 1918 года отправило генерала Мазнишвили занять Сухум и назначило генерал-губернатором Абхазии Исидорэ Рамишвили, который сумел организовать выборы в более послушный Абхазский народный совет. Из-за конфликта красных и белых армий на Северо-Восточном Черноморском побережье наступило такое безначалие, что грузинские войска смогли без труда занять всю Абхазию вплоть до Туапсе. Однако британцы, решив выручить белого генерала Деникина, уговорили его признать грузинские территориальные права, при условии, что грузинские войска отступят до Батуми и что обе стороны признают своей границей реку Бзыбь.

Южная Осетия (тогда еще известная как Самачабло) в феврале 1918 года, объявив, так же как Абхазия, независимость, отказалась платить налоги: мятеж привел к кровавым стычкам в Цхинвали, где в населении еще преобладали грузины. К концу года правительство Жордания предоставило абхазам и мусульманским аджарцам ограниченную автономию, осетин же оно продолжало считать марионетками большевиков. Последовавшие репрессии подтвердили подозрения, так что Южная Осетия, как и Абхазия, стала на самом деле большевистским, прорусским пограничным анклавом.

Без посторонней помощи Закавказье было не в состоянии отбиваться от турок. Армяне искали помощи у британцев, грузины – у немцев, а азербайджанцы все еще считали своими братьями турок. Поэтому все попытки армян, грузин и азербайджанцев согласовать конституцию кончились ничем. Переговоры с турками в Батуми только ухудшили положение: в середине мая 1918 года Акаки Чхенкели в отчаянных тайных письмах докладывал, что турки теперь требуют передачи почти всей Ереванской губернии, управления всеми закавказскими железными дорогами и правопорядком, а в случае отказа угрожают насилием. (Тем не менее турецкое управление в Батуми, общавшееся с населением по-французски и по-русски, оказалось либеральным: город объявили открытым портом.) 4 июня, турки, вернув себе почти всю юго-западную часть страны, признали независимость Грузии. Турки провели референдум, якобы доказавший, что бо2льшая часть населения Самцхе поддерживает аннексию; затем турки потребовали, чтобы Грузия уступила им Восточную Кахетию (сегодняшнюю Саингило на азербайджанской границе).

Единственным спасением грузинских социал-демократов от турецких захватчиков были связи с консервативными коллегами, вернувшимися из Германии. Только Германия как союзник Турции могла смягчить неумолимые оттоманские условия. Чхенкели получил разрешение вступить в переговоры с генералом фон Лоссовом, который подтвердил, что положение хуже, чем можно было ожидать: Турция собиралась заключить с Советской Россией тайный союз, предполагавший уничтожение Грузии как державы. Но Германия нуждалась в грузинской поддержке настолько же, насколько Грузия – в немецкой: в своих отчаянных усилиях одержать в последний момент победу над Францией и Великобританией, Германия искала источников нефти и марганца: только доступ к Закавказской железной дороге и к грузинским шахтам (где находилось больше половины всех известных запасов марганца на планете) дал бы материал для войны на Западном фронте. В 1918 году для Германии в отличие от Турции власть над Грузией стала вопросом жизни или смерти.

Главнокомандующие немецкой армии фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Лудендорф отправили в Грузию баварского генерала Кресса фон Крессенштейна с военной миссией. Кресс, уже прославившийся на Ближнем Востоке как упрямый, но гуманный вояка, получил власть над всеми немецкими силами в Закавказье, включая бывшего консула в Тбилиси графа Вернера фон дер Шуленбурга, которого грузины уже давно полюбили за осведомленность и «любовь к вину и к женщинам». Лудендорф тешился мыслью, что, изгнав британцев из Франции, он сможет использовать Грузию как идеальный трамплин для немецкого вторжения в Британскую Индию²⁹³.

Находясь в Берлине, князь Мачабели просил немцев сделать Батуми портом, открытым для всех; он сам собирался поехать в Москву с немецким послом графом Мирбахом и заставить Ленина признать независимость Грузии. Но 14 апреля грузинский генерал Гедеванишвили вывел три тысячи своих солдат из Батуми: британцы были недовольны, немцы – разочарованы, а турки вторглись в город. Граф фон дер Шуленбург попытался заключить договор, по которому Батуми и железная дорога до Баку будут принадлежать всем заинтересованным: четыре седьмых – Германии, две седьмых – Закавказью, а одна седьмая – Турции. Шуленбург предупредил турок, что не надо оказывать столько давления на грузин²⁹⁴. Чхенкели, всегда более народник, чем социал-демократ, был убежден, что Грузия должна ориентироваться на Западную Европу: теперь он переубедил все остальные партии. 22 мая он написал из Батуми в Тбилиси, что надо сразу объявить Грузию независимой республикой: «Никто без риска не основывал государства! Надо смелости, и еще больше смелости!» 28 мая на немецком крейсере *Минна Хорн*, бросившем якорь вблизи Поти, Чхенкели подписал с генералом фон Лоссовом мирный договор, согласно которому немцы обещали лоббировать всеобщее признание грузинской независимости. Затем Чхенкели отправился в Берлин с Лоссовом, Николадзе (тогда мэром Поти) и Зурабом Авалишвили. В Берлине обсудили включение Грузии как доминиона в немецкий *Рейх*, но кайзер Вильгельм отверг это предложение. Чхенкели же отказался подкреплять немецкую армию грузинскими солдатами. В Грузии даже левый *Совет рабочих и солдат* согласился, что единственное, на что новая держава может надеяться, – это на статус немецкого протектората. 26 мая в десять утра *Закавказский сейм* был распущен, и два часа спустя *Грузинский народный съезд* объявил Грузию суверенным государством под председательством Ноэ Жордания.

Социал-демократы фактически образовали однопартийное правительство, в котором Жордания, вытеснив Ноэ Рамишвили (который все-таки остался министром внутренних дел), стал также премьер-министром; но правительство оказалось неожиданно компетентным и в целом толерантным (например, печать была достаточно свободной, чтобы безнаказанно опубликовать карикатуру на Жордания в виде козла). В последующие три года социал-демократы провели огромное число чрезвычайно мудрых законов, которые могли бы

293 Kress von Kressenstein F. Meine Mission im Kaukasus / Ed. D. Paichadze. Tbilisi, 2001 P. 43–119.

294 Zürrer W. Op. cit. P. 60.

сделать Грузию одним из самых равноправных и свободных государств в мире, если бы у правительства нашлось достаточно денег, опыта, времени и спокойствия, чтобы все эти законы провести в жизнь. Бесперывно создавались учреждения: государственный университет, национальная галерея, мировые суды, верховный суд, многопартийные городские управления. Но большевистская революция вслед за Первой мировой войной уничтожила торговлю: с 1918 по 1920 год бушевала такая инфляция, что пятикопеечная марка стала пятидесятирублевой; занятость и сельскохозяйственное и фабричное производство катастрофически падали. Государство тратило вчетверо больше, чем зарабатывало, и принимало отчаянные меры, издав вместо валюты ваучеры, которые по крайней мере сохраняли паритет с так же быстро обесценивавшимся русским рублем.

4 июня турки заставили грузин капитулировать, и генералу Крессу пришлось высадиться не в Батуми, а в Потти. Когда Германия заявила протест, что ее союзник нарушил Брест-Литовский договор, турки сдались и условились соблюдать этнические границы Грузии и уступить Германии руководство железными дорогами. Что касалось вопроса Ахалцихе и Ахалкалаки, турки и грузины согласились, что решение будет принято после переговоров и референдума. 10 июня немецкие войска вступили в Тбилиси. В июле немцы взяли у турок и перевели под свой контроль все грузинские порты и железные дороги и затем учредили совместную акционерную компанию с тридцатилетней монополией на марганец из Чиатуры: до конца года было добыто и вывезено в Потти около двадцати тысяч тонн, что принесло грузинской казне значительную сумму необходимой валюты. Вдобавок Грузия получила займы от Германии 54 миллиона немецких марок, хоть и под большие проценты. Другие займы дали Грузии возможность расширить гавань в Потти и проектировать прокладку черноморского кабеля и нефтепровода от Баку до Потти²⁹⁵. 27 июня 1918 года первый пароход с марганцем вышел из Потти, но грузчиков было мало и они либо страдали от голода, либо бастовали, так что на верфях осталось больше марганца, чем было погружено. По тем же причинам трудно было вывозить абхазский табак, шерсть высокогорных овец и кахетинскую медь; так же трудно было ввозить муку. Немецкая миссия нашла, что в Тбилиси был острый дефицит всего – керосина, гвоздей, стаканов, лампочек, чулок. Правительство было не в состоянии собирать налоги или таможенную пошлину. Иностранцы, в особенности застрявшие в Грузии русские офицеры, умирали от голода, и из-за инфляции царские рубли и керенки почти полностью обесценились. Но, странным образом, тбилисские театры и опера были битком набиты народом.

Кресс фон Крессенштейн не одобрял социал-демократии, но преодолел грузинскую мнительность и добился уважения не только от шести тысяч тбилисских немцев, но и от всего населения города. Кресс понял, что националисты-эмигранты, такие как князь Мачабели и Михеил Церетели, надеявшиеся, что немцы помогут им свергнуть грузинское социалистическое правительство, не пользуются доверием народа. Немецкого генерала волновали некомпетентные чиновники и недисциплинированные солдаты и рабочие в портах и на железных дорогах: в июле он убедил правительство восстановить смертную казнь и сформировать «политическую» полицию и полевой суд. Его особенно раздражала социалистическая «национальная гвардия», сама избиравшая своих офицеров и отказывавшаяся служить дольше чем шесть часов в день, так как она якобы защищала не страну, а революцию. Кресс настаивал на том, что, если Грузия хочет продолжать получать деньги и амунисию от Германии, должна быть сформирована постоянная, дисциплинированная армия, пусть даже из царских офицеров и рядовых-большевиков. Но Жордания был не в состоянии сдержать обещание слить эту армию с национальной гвардией и создать боеспособные войска. Увидев, как немецкие солдаты шествуют по Головинскому проспекту (сегодняшнему проспекту Руставели), Михеил Церетели попросил, чтобы немецкие войска восстановили порядок. Кресс занялся и гражданскими делами: он открыл в

295 Kress von Kressenstein F. Meine Mission im Kaukasus / Ed. D. Paichadze. Tbilisi, 2001. P. 185–205 (приложение: документы).

Тбилиси немецкую гимназию, воскресил антисоциалистическую немецкоязычную газету *Кавказская почта* и раздавал грузинским студентам немецкие университетские стипендии. Народу особенно понравились меры Кресса и фон дер Шуленбурга, убедивших правительство не национализировать, а раздавать крестьянам конфискованные у знати поместья. Немецким попечителям Грузии, однако, удавалось не все: попытки перевести грузинские паровозы с угля на бакинскую нефть и выселить в Крым несколько тысяч застрывших русских солдат, дестабилизировавших страну, не увенчались успехом.

Не подлежит сомнению, что, подкрепив администрацию и сформировав постоянную армию, осенью 1918 года немецкая военная миссия спасла Грузию от внутренних беспорядков, турецкого вторжения и армянских посягательств на ее территорию. В октябре Оттоманская империя, изгнанная британцами из Баку и лишенная поддержки Болгарии, вдруг расшаталась. В Тбилиси от эпидемии испанского гриппа слегли все иностранные советники. В ноябре немецкая армия на Западном фронте сдалась, и Первая мировая война закончилась перемирием. В Тбилиси немецкие войска, отдав грузинам своих лошадей и тяжелые орудия, вдруг превратились в пьяный, буйный сброд. Грузины поняли, что поставили не на ту лошадь.

Благодаря Мудросскому мирному договору, заключенному на острове Лемнос, продиктованному британцами и французами, Грузия вернула себе бо2льшую часть Самцхе, аннексированную Турцией. В начале декабря в Тбилиси приехали французский лейтенант и три британских майора, и за ними последовали, к удивлению немцев и грузин, индийские отряды. Сгорел отель «Палас», где размещался немецкий штаб; 23 декабря немецкие войска начали отступать из Тбилиси, и 4 января 1919 года в Поті высадился британский батальон. Пока грузинское правительство на банкете приветствовало британскую военную миссию, военный министр кормил Кресса прощальным обедом. Британцы, относившиеся отрицательно ко всем грузинским договоренностям с Отто фон Лоссовом, взяли в свою власть Батуми и железнодорожную сеть. Британцы, однако, нацелились не на завоевание Грузии, а на овладение бакинской нефтью, чтобы она не попала в руки врага, то есть Советской России. Генералу Кук-Коллису, назначившему самого себя батумским генерал-губернатором, было все равно, что случится с Грузией: он платил грузинам, чтобы управлять городом, и был очень недоволен, когда эти новоиспеченные чиновники забастовали. Кресса и его немцев, очутившихся в Батуми, Кук-Коллис считал обыкновенными военнопленными, но, когда он начал отправлять немцев в Поті для репатриации, грузины попросили у британцев разрешения вербовать их в свою армию. За шесть месяцев между немцами и грузинами возникла такая взаимная симпатия, усилившаяся после высокомерного презрения, выказанного британцами, что армяне начали открыто завидовать грузинам. Грузины долго не забывали водопроводы и стипендии, подаренные расщедрившимися немцами.

К осени 1918 года независимости не только Грузии, но и Азербайджана и Армении угрожали, с одной стороны, британцы, твердо решившие завладеть железными дорогами и не давать ни советским, ни турецким войскам доступа к бакинской нефти, а с другой стороны – деникинская Добровольческая армия, уже захватившая Северный Кавказ и враждовавшая с новыми закавказскими государствами, которые могли бы помешать восстановлению старой Российской империи. Хуже того, вплоть до конца 1919 года, когда стало очевидно, что интервенция обречена, британцы поддерживали Деникина и других белых генералов, борющихся с большевиками. Тем не менее британцы признавали, что Грузия – это уже вполне жизнеспособная и стабильная держава в отличие от Армении, расколотой разными военачальниками и фракциями, иногда мечтающими об империи от Черного моря до Средиземного, или в отличие от Азербайджана, неуправляемого из-за анархической смеси русских большевиков, националистов, исламистов и армян. Грузия же довольно гладко переориентировалась, назначив министром иностранных дел вместо германофила Чхенкели франкофила Эвгени Гегечкори. Тем временем члены Восточного комитета британского Министерства иностранных дел препирались друг с другом, не зная, что делать в Закавказье.

Артур Балфур, министр иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа, ужасался при мысли о расходах. Но его преемник с 23 октября 1919 года лорд Керзон, считавший Закавказье стратегически важным, настоял на контроле над Закавказской железной дорогой; Черчилль, тогда военный министр, был озабочен единственно проблемой подкрепления антибольшевистских сил. Все, кроме некоторых принципиальных молодых чиновников, забыли о грандиозных обещаниях, данных во время войны, наделять малые народы самоопределением.

Грузины сначала недолго любили британцев, желанных гостей только в том смысле, что после ухода немцев они защищали Грузию от России, красной или белой. Новая республика отбивалась от множества территориальных претензий, из которых самыми диковинными были армянские. Сначала Армения требовала вернуть себе смешанные или пограничные уезды, например Лоре и Джавахети, но 18 октября 1918 года армяне посягнули на Батуми, Тбилиси и всю внутреннюю Картли вплоть до Гори. 20 декабря армяне объявили Грузии войну, попробовали захватить Ахалкалаки и Лоре и вторглись почти до окраины Тбилиси. Грузин спасли британцы, оккупировав зону конфликта в Лоре и Борчалю и 31 декабря заставив обе стороны заключить перемирие. Батуми стал «свободным городом» под генералом Кук-Коллисом, который не впускал в город вооруженных людей. Дипломаты из уфимского белого правительства и от деникинских казаков требовали, чтобы им отдали Батуми. На грузинские протесты Кук-Коллис ответил угрозой, что не будет больше впускать грузин в Батуми и что выселит в Индию забастовщиков из батумских рабочих. Тем временем деникинская армия вторглась по Черноморскому побережью: без британской помощи Жордания не мог демаркировать границу в Абхазии. В обмен на помощь Жордания обещал запрещать газетам печатать антибританские статьи. Грузинская полиция начала арестовывать абхазских общественных деятелей. На неодобрительные высказывания британцев, например генерала Бриггса в Тбилиси, грузины внимания не обращали. Генерал Деникин заявил протест генералам Милну и Форестье-Уалкеру: «Абхазскому народу пришлось попросить у грузин помощи против большевиков. Воспользовавшись случаем, грузины привели свои войска в сухумский район и провели самое беспощадное угнетение ведущих влиятельных абхазских политиков». Британцы уже окопались: генерал Бич из британской разведки занял в Тбилиси прекрасный особняк, пока полковник Ролинсон осматривал границы и боеготовность вооруженных сил. Ролинсону социал-демократия не понравилась: «Все теряют собственность, и никто ее не приобретает», и армия его не обнадеживала: «посредственные отряды конницы под руководством офицеров-хвастунов»²⁹⁶.

Два самых известных за границей грузинских социал-демократов, Карло Чхеидзе и Иракли Церетели, без приглашения отправились на Парижскую мирную конференцию, чтобы умолять участников оказать помощь. Британцы сочли поездку «неожиданным и неприятным ходом событий» и не пустили Чхеидзе и Церетели дальше острова Принкипо, где часть конференции обсуждала будущие размеры небольшевистской России. Этим двум социал-демократам все-таки удалось доехать до Парижа, но там им разрешили всего лишь подать меморандум. Делегация Чхеидзе с марта 1919 года до декабря 1920-го в Париже добивалась признания независимости Грузии. Победившие союзники сознавали стратегическое и экономическое значение Грузии, но, учитывая нестабильность в Закавказье и растущую мощь Советской России, отказывали Грузии в признании. Некоторые, в особенности американский штатский секретарь Бэнбридж Колби, предсказывали, что Советская Россия займет все пространство бывшей Российской империи, и поэтому считали, что даже в Прибалтике никаких отколовшихся государств не будут признавать.

Британцы, уже решившие отступить из Закавказья в марте 1919 года, считали, что грузины смотрят на будущее сквозь розовые очки; Черчилль даже хотел, чтобы Грузия вернулась в состав России, как только сокрушат большевиков. Но когда белые фронты развалились и большевики, захватив нижнюю часть Волги, уже были в состоянии

вторгнуться в Каспийское море и Баку, обстановка представилась совершенно в новом свете. Британцы решили отдать свой протекторат итальянцам, нуждающимся в нефти и в угле. В марте 1919 года, с согласия грузин, миссия полковника Габбы приехала в Тбилиси, а британцы отложили отступление до мая. Габба договорился с грузинами, что будет получать монополии, двадцать процентов выручки со всех контрактов, касающихся леса, угля и гидроэлектрических станций. Затем он попросил итальянское правительство прислать 40000 солдат для поддержания порядка и выполнения договора²⁹⁷. Правительство Франческо Нитти, придя в ужас от расходов и от неизбежной враждебности России, красной или белой, отреклось от Габбы. Грузины затем попросили британцев остаться, и ввиду приближающейся советской угрозы британцы согласились.

Летом 1919 года британцы отправили Закавказским верховным комиссаром в Тбилиси Оливера Уардропа с тремя помощниками. Уардроп в отличие от других британцев в Грузии давно был любимцем грузинской интеллигенции. В 1880–1890-е годы он служил там консулом и выучил не только грузинский, но и сванский язык: он уже издал в замечательных переводах грузинскую прозу и написал книгу-панегирик о Грузии; его сестра и спутница Марджори, преждевременно скончавшаяся в 1909 году, впервые перевела Руставели на английский и не стеснялась своего положения сестры дипломата, чтобы озвучить на весь мир не только богатство грузинской поэзии, но и страдания грузинского народа под русским гнетом. Уардроп своими неподдельными прогрузинскими взглядами подсластил горькое унижение британской оккупации, но британский министр иностранных дел с большой неохотой выбрал его комиссаром: Уардроп с наивным оптимизмом надеялся создать в Закавказье три прозападные демократические антибольшевистские республики, которые бы жили друг с другом в мире и согласии. События ничего такого не предвещали: после приезда Уардропа британский военный хирург был убит большевиками, и в ноябре 1919 года отмечающие вторую годовщину революции большевики восстали. Чтобы подавить мятеж правительству Жордания пришлось расстрелять триста и заключить в тюрьму тысячу человек («преступников и дезертиров», уверял Уардроп Лондон). Верховный комиссар был убежден, что спасает Грузию от еврейского заговора, нацеленного на порабощение всех христиан. Когда он написал лорду Керзону, цитируя Книгу пророка Захарии: «На дом Иудин отверзу очи Мои; всякого же коня у народов поражу слепотою», его перестали воспринимать всерьез²⁹⁸. Предсказаниям Уардропа противоречили озлобленные стычки азербайджанцев с армянами, благодаря чему Красная армия смогла к концу 1919 года спуститься с Северного Кавказа и в феврале 1920 года завоевать весь Азербайджан. Черчилль обругал Уардропа за то, что он отнял у Деникина подкрепления. Оккупация Грузии не принесла Великобритании ничего: лондонские банки отказались вкладывать деньги в грузинские электростанции, и даже грузинский марганец не манил британские фирмы (компания «Форуард и Селлар» согласилась торговать марганцем, только если риски возьмет на себя грузинская государственная монополия). Хотя Батуми управляли британский генерал и индийские солдаты, почтовые рабочие и грузчики так плохо работали, что вся торговля хромала. Британское терпение лопнуло. Мирная конференция получила рекомендацию, а Деникин – приказ признать государственность Грузии и Азербайджана. Поручив Уардропу невыполнимое задание – к февралю 1920 года он должен заставить все три закавказские республики демаркировать границы, – британцы в сентябре 1919 года начали эвакуировать Тбилиси. Итальянский консул советовал грузинам изгнать британцев из Батуми, так же как д'Аннунцио за год до этого изгнал югославов из Риеки (Фиуме). В январе 1920 года, узнав, что британцы собираются отдать туркам Батуми, горожане взбунтовались, но генерал Кук-Коллис остался при власти и не обращал внимания на армянские претензии на Батуми.

297 Zürrer W. Op. cit. P. 300.

298 PRO, FO 371/ 3657–3673; FO 608/85/1, 88/1.

Тем временем Красная армия приближалась по Черноморскому побережью, и в Батуми потоками бежали отступающие белые солдаты, неохотно пропущенные через Мингрелию грузинскими властями. Серго Орджоникидзе уже хвастался, что к 15 мая Красная армия вступит в Тбилиси. В Осетии вспыхнуло еще одно большевистское восстание, которое грузинская армия с большим кровопролитием подавила. Британцы решили все-таки остаться в Батуми, и в мае 1920 года генерал Милн приказал всем грузинским войскам покинуть город; но через месяц, когда грузины угрожали взять Батуми силой, полковник Стокс отменил это решение и вернул город.⁷ 7 мая настало, пусть только для оптимистов, временное облегчение, когда Сергей Киров, представитель Советской России и соратник Сталина, неожиданно предложил Грузии признание и мирный договор в обмен на свободу действия для «революционного комитета» внутри Грузии. Этим «облегчением» Грузия была обязана Польше, вторгшейся в Украину, полностью изменившей военную обстановку и заставившей Ленина искать мира на южной границе. Но британцы сочли советский мирный договор хорошим предлогом, чтобы бегством спасти положение. (Ночью без предупреждения британцы отцепили от эвакуационного поезда вагон с невестами британских офицеров; одна Амирэджиби, в отличие от остальных грузинских «княжон», спряталась в мужском вагоне и доехала до Англии, откуда ее сын Ричард Амирэджиби потом вернулся в Грузию и женился на филологе Мзекале Шанидзе.)

Парижская конференция Грузии ничего не принесла. Грузинская делегация под руководством Акаки Чхенкели и Нико Николадзе поехала в Берлин, где опять получила обещания, что Германия их признает и похлопочет за них перед Россией. В сентябре 1920 года полковник Стокс помог министру иностранных дел Гегечкори лоббировать Рим и Лондон, где его заставили целый месяц дожидаться аудиенции. В то время как правительства уклонялись от признания Грузии, европейские социалисты усердно поддерживали ее. Подруга Герберта Уэллса Одет Кён (Keun) опубликовала восторженную оценку грузинских мужчин и грузинской власти²⁹⁹; осенью 1920 года делегация европейских социалистов, среди которых были Рамсей Макдоналд и Карл Каутский, объездила Грузию и обратилась к депутатам парламента в Тбилиси. Великобритания начала намекать, что подумает о признании, если Грузия будет относиться примирительно к Советской России и если остальная Европа тоже согласится на *де-факто* признание. О *де-юре* признании никто не хотел упоминать до 1921 года. Напрасно Эвгени Гегечкори взывал к *Лиге наций* : всего лишь десять стран (а из крупных держав только Италия) проголосовали за включение Грузии. Надо было получить шестнадцать голосов, чтобы стать членом Лиги.

После майского договора с Советской Россией возникла надежда, что Ленин даст Грузии ту степень свободы, которой пользовались прибалтийские государства и Финляндия. Договорившись с Россией, Грузия якобы выполнила условия, поставленные Великобританией для признания. Но когда в апреле 1920 года Красная армия вторглась в Азербайджан, возобновилась угроза самому существованию Грузии; хуже того, в ноябре, после неудачной войны с Турцией и несмотря на поддержку Соединенных Штатов, Армения также была оккупирована Красной армией.

Лето 1919 года казалось идиллией и зарей новой жизни: Грузия цвела под британским надзором. Несмотря на инфляцию и резкое сокращение импорта и экспорта, страна чувствовала себя благополучной, особенно по сравнению с Советской Россией. По мере того как грузинский парламент раздавал национализированные поместья, крестьяне становились фермерами. В Тбилиси, Кутаиси и Батуми возродилась культура: русские актеры, художники и поэты – Осип Мандельштам, Илья Зданевич, – подружившись с грузинскими художниками – Давидом Какабадзе, Ладом Гудиашвили, – нашли здесь убежище от холода, голода и грозной *Чека* . Грузинская, русская, даже армянская, азербайджанская и иранская культуры слились со свежими европейскими веяниями. Поэты, познакомившиеся в Париже с Аполлинером и Пикассо, воссоздали на выставках, концертах и выступлениях в тбилисском

299 Keun O. Au pays de la Toison d'or (En Géorgie menché viste indé pendante). P., 1923.

Фантастическом кабачке и в бесчисленных недолговечных журналах убедительное подобие парижской жизни.

Чем острее нарастало предчувствие надвигающейся катастрофы, тем энергичнее бушевала эта культурная деятельность. Советская власть по приказу Ленина и Сталина поручила Серго Орджоникидзе и Пилипэ Махарадзе сформировать в Грузии подрывное *Кавказское бюро*. Жордания и его министр внутренних дел Ноэ Рамишвили арестовали самого опасного из сталинских подручных Камо Тер-Петросяна, будущего чекиста Титэ Лордкипанидзе и большевиков, собиравшихся покуситься на жизнь грузинских генералов. В первой половине 1920 года насчитывалось 87 грузинских, 88 русских и 49 армянских политических заключенных, и 749 иностранцев были выдворены за подрывную деятельность. В Озургети правительство прибегло к смертной казни³⁰⁰. Рамишвили жаловался, что никаким русским доверять нельзя: белые превращались в красных и наоборот. В мае 1920 года Грузия и Советская Россия обменялись послами, и безопасность республики сильно пошатнулась, так как советский посол настоял на освобождении заключенных коммунистов, например молодого Лаврентия Берия, и советская разведка вербовала пятую колонну грузинских большевиков. Советская Россия отказалась принимать тех большевиков, которых выдворил Жордания. Феликс Дзержинский открыто требовал, чтоб грузинских меньшевиков свергли вооруженной силой. В Батуми и Сухуме русские объединялись в антигрузинские союзы, и вооруженные большевики захватывали власть в некоторых пограничных районах, например в Душети. В провинциальных городах недавно воевавшие крестьяне иногда поддерживали большевиков и бунтовали. В мае 1920 года Орджоникидзе удалось убить в Батуми одного генерала, но пойманного убийцу освободили британцы, чтобы вступить с красными в переговоры. Сталин и Орджоникидзе поручили Геккеру, командиру 11-й Красной армии, подготовиться к вторжению. Геккер, составив подробный план вторжения, все-таки предупредил армию, что грузины способны «оказывать серьезное сопротивление, если Красная армия когда-нибудь потеряет инициативу»³⁰¹. В ноябре 1920 года грузинские большевики собрались в Баку, чтобы планировать государственный переворот.

К концу года Грузию окружили новые большевистские республики: осталась одна международная граница с Турцией, но Ататюрк уже собирался заключить договор с Советской Россией. Грузии не хватало дружественных соседей, не говоря уж о внутренней солидарности, с помощью которых Финляндия и Эстония смогли сохранить независимость. В октябре после армяно-турецкой войны Турция была в состоянии заново захватить Батуми. В России Гражданская война уже подходила к концу, и польское вторжение в Украину было отбито. Европа и Америка уже не видели смысла в интервенции: разочарованные в белых армиях, они теперь размышляли о возможности признания советской власти и возобновления торговли с Россией. Ленин и Сталин поняли, что смогут безнаказанно сокрушить Грузию.

Предлогом для советского вторжения стала «нейтральная» зона Лоре на границе Грузии и Армении, откуда 13 февраля 1921 года Грузия должна была по договору отступить. Серго Орджоникидзе организовал «спонтанное» восстание «грузинских» рабочих и русских колонистов в Лоре, чтобы скрыть вторжение 36000 пехотинцев 11-й Красной армии под командованием Геккера. Возмущенный Жордания сразу арестовал русского посла Шейнмана. К несчастью, грузинская армия разделилась на постоянную армию с офицерами, служившими при царе, и необузданную национальную гвардию. Эти две части не могли сражаться плечом к плечу, и генералы регулярной армии открыто презирали правительственных министров. Хуже того, у грузин было вчетверо меньше пехоты и артиллерии и вдесятеро меньше конницы, чем у Красной армии. Жордания надеялся, что сможет собрать 100000 солдат, но у него не было ни ружей, ни сапог. Французы обещали

300 *Suladze G.* [Kartuli ant'isabch'ota emigratsia da sp'etssamsakhurebi 1918–1953]. Tbilisi, 2010. P. 45–47.

301 *Surguladze A. & P.* [Sakartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni]. Tbilisi, 1991. P. 391–392 (на груз. яз.).

прислать амуницию: первый корабль приплыл в Батуми 6 марта, когда все уже было потеряно. Генерал Квинитадзе задал риторический вопрос: как смогли русские в 1914 году завербовать 155000 грузин, а он в 1921-м – всего 10000³⁰²? (На такой вопрос легко ответить: четверть призыва 1914 года погибла, четверть сидела в австро-венгерских лагерях, и бо́льшая часть уцелевших поклялись больше ни с кем не сражаться.) Тем не менее 16 февраля генералу Квинитадзе удалось на реке Храми под Тбилиси приостановить наступление Красной армии, убив 530 красных солдат. Но прошла неделя, и, хотя грузины взяли 1600 военнопленных и отбили несколько атак, от грузинской армии остался всего лишь полукруг длиной в тридцать километров вокруг Тбилиси. Национальная гвардия часто отказывалась бороться и не хотела передавать профессиональной армии своих орудий. Пятью бронепоездами большевики замкнули полукруг; генералы Квинитадзе и Одишелидзе винили друг друга в этом фиаско и 25 февраля, чтобы Тбилиси не пострадал от снарядов, прорвали окружение и посоветовали Ноэ Жордания отступить с армией. Другие большевистские войска либо вторглись из Азербайджана, либо, несмотря на снегопады, спустились с высоких перевалов в Рачу и вступили в Кутаиси, либо двинулись по побережью до Сухума и Поты. Абхазский вождь Нестор Лакоба сам захватил Сухум во имя советской власти. Самачабло объявила себя большевистской Южной Осетией. Турки воспользовались безвыходным положением меньшевиков, потребовав отделения Ардагана и Артвина.

24 февраля все правительство Жордания село на поезд, направлявшийся сначала в Кутаиси, а затем в Батуми. Накануне отъезда по совету французского верховного комиссара Абеля Шевалье, последнего иностранного сторонника Грузии, правительство поручило профессору (теперь святому) Эквтимэ Такашвили спасти от большевиков (которые, как было уже известно, в России под руководством Сталина и Троцкого грабили церкви, монастыри, музеи и частные коллекции, снимали с икон оклады и продавали золото и серебро за рубеж) все грузинские сокровища. Такашвили с удивительной быстротой упаковал и отправил на поезде в Батуми все экспонаты государственного музея, национальной галереи и главных церквей. Советский комиссар иностранных дел, Чичерин, предупредил британцев, чтобы они не вмешивались (и британцы, отметили французы, со «скандальной» готовностью послушались). Жордания все еще надеялся начать переговоры. 12 марта, когда Такашвили успел забрать сокровища из Зугдиди, Кутаиси, Боржомского дворца и Гелатского монастыря, Жордания безуспешно попытался дозвониться в Москву.

17 и 18 марта Жордания отправил адъютанта и военного министра Григола Лордкипанидзе в Кутаиси на переговоры с тремя большевиками: шурином Сталина Алешей Сванидзе, закадычным другом Сталина Авелем Енукидзе и будущим первым секретарем Закавказской коммунистической партии Мамаи Орахелашвили³⁰³. Тройка потребовала от меньшевиков капитуляции. Лордкипанидзе отказался. Но обе стороны были заинтересованы в том, чтобы турки, уже захватившие Артвин и Ардаган, не вторглись в Батуми. Город был нужен Лордкипанидзе, чтобы эвакуировать в Европу правительство; большевикам – чтобы привезти из России подкрепления. Меньшевики согласились впустить в Батуми Красную армию как дружественную силу, изгоняющую турок, но железные дороги за сто километров до Батуми пока останутся в руках меньшевиков, хотя они дадут большевистской коннице командира Жлобы нужные вагоны и освободят всех большевиков, заключенных в батумской тюрьме (среди которых был Серго Кавтарадзе, самый догловечный дипломат при Сталине). Большевики в ответ якобы обещали, что покаявшиеся меньшевики смогут участвовать в новом грузинском правительстве и получить амнистию за предыдущие должностные действия.

302 *Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. Париж, 1985.

303 *Surguladze A. & P.* [Sakartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni]. Tbilisi, 1991. P. 231, 397–401 (дает стенограмму переговоров).

На самом деле Красную армию в Батуми можно было не приглашать: генерал Мазниашвили сам уже вытеснил турецкий авангард. Грузинские меньшевики теперь пользовались благосклонностью влиятельного француза Аристида Бриана, ставшего премьер-министром и министром иностранных дел: три французских крейсера обстреливали большевиков на Черноморском побережье около Поты, так что меньшевики смогли благополучно уплыть. 11 марта французский крейсер *Эрнест Ренан* увез правительственные архивы и церковные и музейные сокровища (несмотря на то, что Енукидзе наложил запрет на их вывоз), которые в Стамбуле перегрузили на госпитальный корабль, плывущий в Марсель. Правительство, военные и несколько простых граждан сели на два французских и один итальянский корабль и высадились в Стамбуле.

Последним делом независимой Грузии явилось принятие в Батуми 21 февраля конституции уже мертвого государства. Через четыре дня Серго Орджоникидзе отправил из Баку телеграмму на имя Ленина: «Над Тифлисом веет красное знамя советской власти. Да здравствует советская Грузия!»³⁰⁴ Улицы Тбилиси опустели: люди шли потоком на юг, на поля битвы Коджори и Табахмелы, откуда привозили мертвецов на похороны. Надгробные речи читал патриарх Леонид. *Чека* атаковала вдов и сирот, а пока толпа отбивалась от чекистов, красноармейцы грабили лавки и дома голодающей столицы.

17 марта турки в очередной раз попытались захватить Батуми: 10000 грузин без труда изгнали 2000 турок. Некоторые грузинские офицеры, например генерал Мазниашвили, остались в Батуми, чтобы потом предложить свои услуги советской власти. На следующий день в Батуми вступила Красная армия, и 22 марта турки согласились на переговоры.

21

Советизация

Вслед за Красной армией в Тбилиси подоспели русские и грузинские партийные деятели и чекисты, которым было поручено демонтировать только что построенную грузинскую демократию. Грузию объявили «Советской республикой», но за отсутствием советов и выборов каждым уездом управляли *ревкомы*, назначенные верховным *ревкомом* под руководством Пилипэ Махарадзе, который сочинил помеченную задним числом просьбу от грузинских рабочих и крестьян прислать советские подкрепления. Махарадзе затем привез из ссылки других грузинских коммунистов, в том числе Мамаи Орахелашвили, который будет десять лет возглавлять местную партию, и одноногого Александрэ Гегечкори, на племяннице которого женится Лаврентий Берия. Махарадзе был подотчетен Орджоникидзе и Кавказскому бюро ЦК РКП(б).

За несколько недель большевики провели в Грузии операции, для которых в России понадобилось три года. 24 марта 1921 года разогнали грузинское Учредительное собрание, а затем и все инстанции правосудия. В апреле вся земля была национализирована и стала собственностью «рабочего народа», то есть *ревкома*. Отменили автокефалию грузинской православной церкви и уволили патриарха. Вместо меньшевистских министров верховный *ревком* назначил народных комиссаров. Сформировали грузинскую Красную армию, и в мае Грузия и Россия объявили себя «союзниками». Из «выборов» в Советы в конце 1921 года исключили нерабочие элементы и некоммунистические партии; к марту 1922 года Грузия стала Советской социалистической республикой с центральным исполкомом под руководством Пилипэ Махарадзе.

Чтобы до конца обессилить грузинское государство, приступили к созданию «автономных республик». В марте 1921 года Орджоникидзе провел в Батуми обсуждения с абхазскими большевиками и превратил Абхазию сначала в «независимую советскую республику», а несколько месяцев спустя, по настоянию Сталина, – в «автономную

304 Guruli V. [Sakartvelos ist'oria: XX s.]. Tbilisi, 2003. P. 84 (дает факсимиле телеграммы Орджоникидзе) (на груз. яз.).

республику» в составе Грузии. Аджария же получила автономию не благодаря Орджоникидзе, а потому что турки требовали для этого края особый статус по советско-турецкому договору «О дружбе и братстве» от 16 марта 1921 года, прежде чем отречься от своих территориальных претензий. Таким образом, 16 июля 1921 года Аджария стала автономной советской республикой, которой якобы управлял *меджлис*. Создание Южно-Осетинской автономной республики оказалось намного сложнее, так как в бывшем Самачабло осетины и грузины давно жили в смешанных деревнях, даже хозяйствах. При меньшевиках, когда южные осетины начали требовать присоединения к Северной Осетии, граф фон дер Шуленбург успешно выступил посредником с грузинским правительством. Теперь же единая Осетия, Северная и Южная, уже не была приемлема для советской власти с ее политикой «разделяй и властвуй». Осетинскую проблему разрешили, объявив Восточную Рачу и часть Северной Картли «автономной южно-осетинской республикой». Этому решению сопротивлялись даже грузинские большевики, тем более что бо́льшую часть населения намеченной столицы новой республики, Цхинвали, тогда составляли грузинские евреи: в Цхинвали были грузинский, армянский и еврейский рынки, но, судя по переписи 1870 года, всего восемь осетинских хозяйств³⁰⁵. Вплоть до ноября 1921 года о границах Южной Осетии и статусе Цхинвали спорили между собой даже коммунисты.

Грузинское общественное мнение возмутила советская власть, не только расколовшая страну на «республики», но и раздавшая ненавистным соседям ключевые территории: туркам уступили города Ардаган, Артвин и Олту (всего 12000 км²), занятые ими в феврале 1921 года; армянам подарили часть района Борчалло (около 4000 км²); азербайджанцам – большую часть Закаталы. Грузинская интеллигенция протестовала, но напрасно: 7 мая 1921 года писатель и бывший дипломат Константинэ Гамсахурдия написал на имя Ленина открытое письмо, выдвигавшее идею, что Грузия примет коммунизм, если ей разрешат сохранить независимость. Если нет, то Грузия станет для советской России тем, чем Ирландия стала для Великобритании. Среди грузин есть свои Роджеры Кейсменты и Теренсы МакСуини. Оправившись от шока, грузины начали выходить на демонстрации. 24 мая в Тбилиси забастовали. 26 мая 1922 года, к четвертой годовщине грузинской независимости, правительство закрыло школы и заказало литерные поезда, вывозившие учителей и учеников из города, заперло в казармах грузинских солдат и наводнило улицы красноармейцами. В Гори забастовали железнодорожники; зазвенели церковные колокола; начали играть народный гимн независимой Грузии *Дидеба* («Величание»). Чекисты открыли огонь. Кое-где, например в Сухуме, русские солдаты отказывались стрелять, но выходить на демонстрации было так опасно, что в следующем году подпольный *Комитет свободы* просил людей не выходить из домов.

Очередной шаг Москвы взбесил даже большевиков: объявили, что Советский Союз состоит из России, Украины, Беларуси и новой Закавказской республики, в которой Грузия станет всего одним из трех подчиненных составных элементов. Эту Закавказскую федерацию признала Турция в мирном договоре 13 октября 1921 года. Комиссия советского центрального комитета долго слушала прения сторонников федерации (Серго Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского) и противников (Буду Мдивани, представителя большинства грузинских коммунистов, уже обозванных «националистами-уклонистами»). Прения кончились тем, что Буду Мдивани ударили кулаком в лицо. Ленин, считавший Сталина и Орджоникидзе типичными грубыми «обрусевшими аборигенами», принял сторону Мдивани, но был так слаб, что не смог настоять на своем. 10 декабря 1922 года Совет Закавказской федеративной республики, который ведал всеми иностранными, военными и экономическими делами Грузии, провел в Баку первое заседание.

Хотя в 1923 году Грузия продолжала вывозить огромное количество марганца в США, Германию и Великобританию и 6000 тонн шелковичных коконов, хозяйство не восстанавливалось. Социалистические экономические меры сурово отразились на населении.

В 1923 году распределили землю, учитывая местные условия и размер семей: в Картли средняя крестьянская семья обрабатывала около четырех гектаров, а в Имеретии – два с половиной. Однако арифметика показала, что грузинскому населению не хватало 30000 гектаров пахотных земель. Общий развал экономики, неурожай 1920 года, война 1921 года, оккупация красноармейцами и чекистами привели к повальному голоду. Правительство конфисковало у граждан запасы провианта: тбилисский лавочник Ражден Мирианашвили был расстрелян за то, что скрывал 79 сыров и 12 окороков; тбилисский купец Акопян – за то, что не отдал 44 пары чулок; русский бакалейник Новосильцев – за то, что припрятал сахар и мыло³⁰⁶.

Советское вторжение вызвало два мятежа, один спонтанный, другой обдуманный. Летом 1921-го Сванетию поднял князь Мосестро Дадешкелиани, изгнав *ревком*, разоружив красную милицию и заблокировав горные тропинки; затем сванская делегация, отправившаяся в Тбилиси с требованием, чтобы Красная армия отступила и чтобы провели свободные выборы, была арестована. Восстание распространилось на Лечхуми, но хорошо подготовленная *Чека* привела опытных людей, в том числе Лаврентия Берию, изощренного мучителя, проверенного кровавым опытом в Баку. Советская Россия теперь располагала опытными следователями и военными, чтобы усмирить и Закавказье, и Среднюю Азию. Первым делом чекисты начали обрабатывать упрямых меньшевиков, бывших офицеров и непокорных рабочих. В апреле 1921 года три тысячи социал-демократов собрались, чтобы требовать свободных выборов; в июле 1921 года Сталин с чекистами-телохранителями вдруг появился в Тбилиси (на родину он редко ездил) и обратился к сходу рабочих в театре в Надзаладеви: его освистали и не выслушали. В августе на конференции меньшевики покинули зал, когда вопрос о свободных выборах был вычеркнут из повестки дня. *Чека* проводила массовые аресты и расстреливала своих жертв ночью в парке Вакэ. Бывшего военного министра выселили (он вернулся, но в 1937 г. был расстрелян). Хотя некоторые меньшевики, например Григол Урутадзе, стали чекистскими шпионами, *Чека* вынуждена была искать стукачей среди коммунистов и слушателей бакинской академии милиции. Ненужная дубликация учреждений мешала работе: закавказская *Чека* жаловалась, что грузинская *Чека* арестовывает ее стукачей³⁰⁷. Обе *Чека* освобождали и вербовали преступников, которые потом превышали полномочия, грабя и убивая не только аристократов и мятежников, но и партийных работников. *Чека* даже прибегла к милосердию, освободив в 1922 году шестьдесят двух интеллигентов и в 1923 году выселив без дальнейшего наказания семьдесят восемь меньшевиков: ей удалось сделать из 260 апостатов верноподданных коммунистов.

С Церковью *Чека* вела ожесточенную борьбу, арестовав нового патриарха Амброси, открыто воззвавшего к Генуэзской мирной конференции 1922 года. *ОГПУ* (переименованная *Чека*) закрыло тысячу с лишним церквей и расстреляло большое число священников и монахов. В марте 1924 года самого Амброси и старших епископов приговорили к смерти за государственную измену, но общественное возмущение после казни пятерых духовных лиц в Кутаиси в сентябре этого года заставило *ОГПУ* смягчить приговор, вынесенный Амброси и его коллегам. Амброси даже освободили, но в 1927 году он умер, после того как Берия заново обличил его. «Исполняющий обязанности» патриарха Кристепорэ, послушно потребовавший, чтобы Амброси расстригли, сам к 1930 году жаловался на преследование и на беспощадное налогообложение; в 1931 году умер и он, и Калистратэ, товарищ Сталина по тбилисской семинарии, стал неофициальным патриархом, пользующимся большой свободой (открывал новые церкви, освящал епископов) – немыслимой в Советской России³⁰⁸. Как в

306 Saarkivo moambe I, 2008. P. 11–13.

307 Gldani 14, 2, 28, 12–14.

308 Saarkivo moambe 8, 2010. P. 44–53.

России, в Грузии рабочих заставляли записываться в *Союз безбожников*, в котором к 1938 году числились 120000 человек, но который в Грузии был распущен в 1947 году. Некоторые раскольники, в особенности молокане, даже обрадовались советским нападкам на православных, но *ОГПУ* было встревожено поведением таких сектантов, как «духовные прыгуны»³⁰⁹, которые теперь стали прыгать даже зимой.

Гонение на религию, подражание нападкам Сталина и Троцкого на российского патриарха Тихона и на русское православие, оказались последней каплей: вспыхнуло восстание. Весной 1922 года кахетинский феодал Каихосро Чолокашвили, известный как Какуца, повел своих партизан, *Дружину поклявшихся мужчин (Шепиццulta разми)*, вместе с солдатами социал-демократического командира Мхеиლა Лашкарашвили в горы, где они объединились со взбунтовавшимися хевсурами. Против Какуцы боролись бомбами и артиллерией, но он продержался целых два года, то и дело скрываясь в Чечне. 19 мая 1923 года *ОГПУ* расстреляло пятнадцать хевсурских мятежников. Отомстив палачам, Какуца и Лашкарашвили стали народными героями. Хотя брат Какуцы погиб в бою, а тесть был казнен, повстанцы захватили город Манглиси и совершили набег на пригороды Тбилиси, прежде чем признать себя побежденными³¹⁰. Осенью 1924 года, оставив в Грузии жену и детей, Какуца перешел турецкую границу и убежал во Францию. Среди сторонников Какуцы был Леван Разикашвили, старший сын поэта Важи Пшавелы. Леван служил большевикам, как служил меньшевикам, главой милиции в Тианети. За участие в мятеже *ОГПУ* приговорило его к смерти. Грузинские писатели хлопотали перед Орджоникидзе: тот ответил, что «казнил бы самого Вaju», и 13 февраля 1923 года расстрелял Левана.

Хотя Какуца отказывался от услуг преступников, бандиты с таким же успехом боролись против коммунистов. Иванэ Крацашвили, внук бандита, завербовав людей, объявленных вне закона, весь 1922 год ускользал от конницы и посредников *Чека*. В конце концов Крацашвили погиб от рук своих же людей, которым *Чека* пообещала амнистию³¹¹. С другой стороны, большевики иногда сами вербовали бандитов: горийская шайка Басилэ Касрадзе, в 1920 году прощенная меньшевиками, в феврале 1921 года по просьбе Александрэ Гегечкори наводила порядок в Цхинвали, где грузины дрались с осетинами. Но люди Касрадзе, ограбив евреев и осетин, начали убивать коммунистов: *чекисту* Саджая понадобилось три года, чтобы ликвидировать всю банду.

10 февраля 1923 года в Гурии убили трех чекистов: *ОГПУ* в ответ расстреляло 92 гурийца и пригрозило в случае дальнейших беспорядков перестрелять всех заключенных. Орджоникидзе заявил, что готов убить полтора миллиона грузин ради СССР, и партизанская война продолжалась до 1927 года. 27 марта 1924 года *зампред Чека* Лаврентий Берия доложил, что уезды «буквально наводнены были сетью банд уголовного и политического характера <...> первую скрипку играли меньшевики»³¹². Он отправил 168 заключенных в Москву на следствие, закрыл четыре подпольные типографии, разгромил отдел милиции, выдававший фальшивые паспорта, и поймал двух меньшевистских вождей, Ноэ Хомерики и философа Сеита Девдариани. Заключенным приходилось тяжело. В *Исправдоме № 2* заключенный Челидзе объявил голодовку и написал Берии: «Лучше смерть, чем незаконное мучение». Около семисот «бандитов» было убито или поймано, но положение оставалось критическим.

То, что осталось от социал-демократической и других партий, от грузинской армии и национальной гвардии, слилось в подпольное сопротивление. В апреле 1921 года заседали «межпартийные комитеты», сформировавшие из всех партий комитет независимости

309 Gldani 14, 2, 28, 496.

310 Saarkivo moambe 4, 2009. P. 4–11.

311 Saarkivo moambe 4, 2009. P. 56–75.

312 Gldani 14, 2, 28, 2–10.

(*дамком*), известный в Грузии и за границей как «Паритетный комитет». Практической деятельностью занимались *Военный центр* и *Дружина поклявшихся мужчин* Какуцы. Тактикой руководили два генерала, князь Котэ Апхазы и Варден Цулукидзе: 19 мая 1923 года обоих поймали и расстреляли вместе с четырнадцатью другими. Генерала Гиорги Мазниашвили, ставшего красноармейцем, заподозрили в пособничестве, но пока не трогали. *ОГПУ*, встревоженное обнаруженным, под предлогом борьбы с бандитизмом, профильтровало всех бывших меньшевиков и изъяло у них архивы и печатные станки.

Несмотря на очевидное превосходство *ОГПУ* и коммунистической партии, *Военный центр*, как и социал-демократическое правительство, находившиеся в парижской ссылке, и в особенности неуступчивый Ноэ Рамишвили, были убеждены, что хорошо подготовленное и профинансированное восстание пробудит в Европе сочувствие и уничтожит в Грузии советскую власть. Продав половину из 69 ящиков сокровищ, меньшевистское правительство с помощью французского правительства купило себе усадьбу в Лёвиль-сюр-Орж (Leuville-sur-Orge) к югу от Парижа и начало платить своим министрам жалованье. Пока Франция не признала *де-юре* советской власти, правительство и посольство Жордании пользовались легитимностью. Нетрудно было поддерживать связь с родиной: большевики и меньшевики, те, кто остался, и те, кто уехал, были все-таки школьными товарищами, даже родственниками. К тому же Карсский мирный договор 13 октября 1921 года оставил границу, проведенную через горную и почти безлюдную территорию, частично открытой: несмотря на протесты *Чека*, вплоть до 1937 года, грузины или турки, проживающие не дальше чем в пятнадцати километрах от границы, имели право переходить границу на три недели, а проживающие не дальше чем в трех километрах – на целый год³¹³. Мятежники могли таким образом ускользнуть из страны, а агенты-эмигранты – проскользнуть в нее, когда в этом была необходимость. Мусульманским грузинам охотно давали визы на поездки в Турцию, а турецким грузинам – в Грузию. С одной стороны, Жордания и Рамишвили с большим энтузиазмом поощряли повстанцев, с другой – Лаврентий Берия, уже признанный Вячеславом Менжинским, главой московского *ОГПУ*, звездой закавказской разведки за раскрытие эмигрантских заговоров, с равным оптимизмом занимался инфильтрацией и дезинформацией парижских эмигрантов. К концу 1924 года Берия и его коллеги пользовались такой репутацией, что Москва запретила закавказскому *ОГПУ* вмешиваться в их дела.

Подпольные социал-демократы в Грузии предупредили Жорданию, что *ОГПУ* узнавало все заранее; завербованных бывших министров, например Ноэ Хомерики, заставляли писать во Францию, что борьба безнадежна. Несмотря на зловещие сведения, было намечено восстание – сначала на февраль, потом на август 1924 года. В мае генерал Валико Джугели, обучавшийся во Французском национальном военном училище Сэн-Сир (Saint-Cyr), тайком пересек турецкую границу, чтобы руководить восстанием, но в августе его поймали, подвергли пыткам и заставили всех письменно оповестить об отмене восстания. После неудачной попытки покончить с собой Джугели был якобы заживо сожжен агентами *ОГПУ*³¹⁴. 28 мая подпольная организация провозгласила всеобщую забастовку: Мамия Орахелашвили в телеграмме к Сталину объявил, что бывших меньшевиков отправляют в Москву или задерживают в Грузии как заложников, чтобы расстрелять в случае восстания, и 12 июля по всей Грузии провели массовые аресты.

Несмотря на очевидную готовность *ОГПУ* и партии, *дамком* воззвал к народу. 28 августа, в четыре утра, в шахтерском городе Чиатура 112 социал-федералистов с одним пулеметом, который часто давал осечку, заняли вокзал и мосты и перебили или арестовали коммунистов. Затем тысяча с лишним мятежников, среди которых были крестьяне и школьные учителя, напали на деревни около Кутаиси. Имеретинские большевики отступили

313 Gldani 14, 2, 28, 249–267.

314 Suladze G. [Kartuli ant'isabch'ota emigratsia da sp'etssamsakhurebi 1918–1953]. Tbilisi, 2010. P. 81–85 (на груз. яз.).

в маленький город Свири, где получили подкрепление армейскими курсантами и войсками *ОГПУ* под командованием беспощадного Титэ Лордкипанидзе. Плохо вооруженные и организованные мятежники не смогли взять ни одного крупного населенного пункта. В Кахетии группа под руководством священника попыталась захватить базу Вазияни, где стояли 120 орудий. В Тбилиси милиция была слишком хорошо подготовлена, и жители столицы не верили заявлениям меньшевиков, что восстание распространяется на все Закавказье и что британцы будут поддерживать их десантом. В три дня восстание было подавлено: самолеты бросали листовки, обещающие «прощение» в обмен на капитуляцию. По пути из Ростова в Москву меньшевистских заложников расстреляли. Имеретинских мятежников втолкнули в битком набитые вагоны и повезли под Зестапони к братским могилам, где их расстреляли кого из маузера, а кого из пулемета и покрыли трупы известью. В селе Руиси семьи расстреляли целиком, включая маленьких детей. В Сенаки расстреляли 500 мингрельских мятежников (из крестьян, дворян и даже советских служащих)³¹⁵. Вождь *Паритетного комитета* нашли в монастыре Шио-Мгвимэ. Им предложили выбор: либо приказать мятежникам сдаться, либо расстрел на месте. Председатель комитета князь Котэ Андроникашвили, уже в кабинете у Берии, издал приказ прекратить огонь. (Только Какуца в Кахетии продолжал бороться еще два месяца.) Из членов *дамкома* расстреляли не всех, а Котэ Андроникашвили даже позволили заявить членам французской делегации: «Восстание было неминуемым последствием политики оккупационных властей, и мы до сих пор остаемся на той же позиции. Главной целью и лозунгом восстания было восстановление независимости Грузии <...> за нами осталась моральная победа». По расчетам Андроникашвили, в расправе погибло не меньше 4000 человек.

Свидетель восстания и расплаты немецкий профессор Эрих Обст писал: «Когда мы прибыли в Тбилиси, там царил траур. Особенно в грузинской части города. Много женщин ходило в черных одеждах, и их лица выражали глубокую скорбь. Среди мужчин тоже попадались носящие траурные повязки. Но они старались быть более осторожными, чтобы их не заподозрили. Не осталось почти ни одной семьи, у которой бы не было потери и которой бы не касался этот траур. Восстание было подавлено с невероятной жестокостью. <...> Настоящие жертвы мстительного солдата исчисляются тысячами, их расстреливали без суда, часто даже когда было очевидно, что никакого участия в восстании они не принимали. Да, была беспредельная жестокость, беззаконие, унижение человеческого достоинства, террор и высылки, расстрелы и закапывание живьем». Обст замечает, что восстание является скорее национальным и антироссийским, чем антисоветским, и что в Тбилиси и Батуми никаких признаков мятежа не было³¹⁶.

1 сентября 1924 года не меньше 980 человек, большею частью выдающихся дворян и интеллигентов, были расстреляны по приговорам тройки партийцев и чекистов (палачами работали татары и азербайджанцы). Многие из жертв были случайно схваченными невинными родственниками или друзьями мятежников. Столько же жертв, среди них писателя Константинэ Гамсахурдия, вернувшегося из интернирования, а затем из грузинского посольства в Германии, отправили в арктические лагеря.

Среди немногочисленных пощаженных был прозаик Михаил Джавахишвили, за жизнь которого хлопотал Союз писателей. Жестокая расправа шокировала даже Сталина, 2 сентября приказавшего закавказской партии прекратить все казни³¹⁷. Но Орджоникидзе, вызванный Центральным комитетом РКП (б), извиняться не собирался: «Эти господа <...> дали нам возможность немного прочистить наши ружья. Мы провели массовые расстрелы; может быть, мы перестарались немножко, но сейчас ничего не поделаешь».

315 Saarkivo moambe 9, 2010. P. 63–89.

316 Zeitschrift für Geopolitik. Berlin, 1924. Heft 12. dec. S. 747–756; Obst E. Russische Skizzen. Berlin: Grunewald, 1925. S. 207–220 (перепечатано с фотографиями).

317 TsA FSB RF 2, 2, 86, 40.

Подавление восстания привело Жордания, Рамишвили и Гегечкори в такое же отчаяние, как тремя годами ранее их изгнание из Грузии. Многие свалили вину за кровопролитие на них; эмигранты начали раскалываться на враждебные фракции. Хотя грузин в Европе было относительно мало – всего 2000, из которых половина проживала во Франции, а остальные в Германии, Чехословакии и Польше, – они оказывали на политику серьезное влияние. После событий 1924 года советские грузины связывались с братьями по несчастью и пытались вкрадываться к ним в доверие. В декабре 1924 года Буду Мдивани с шурином Сталина Алешей Сванидзе приехали с торговой делегацией в Париж, встретились с Григолом Вешапели, одним из основателей *дамкома*, и дали ему деньги, чтобы издать в Париже примиренческий журнал *Новая Грузия*. Остальные эмигранты сразу порвали с Вешапели, напугали его метранпажа, и Вешапели почувствовал себя «затравленным зверем». В 1925 году приехал сам Анатолий Луначарский, чтобы устроить в Париже выставку грузинского искусства и уговорить эмигрантов принять в ней участие. 9 июня 1926 года *ОГПУ* захлопнуло ловушку: Григола Вешапели застрелил в такси Автандил Мерабишвили, социал-демократ, признавшийся, что его завербовал *ОГПУ*, но который затем настаивал, что на самом деле он – ярый антисоветчик, член грузинской правой националистической группы «Белый Георгий». (Французские жандармы уже его арестовывали за нападение в кафе «Вольтер» на Вешапели и его друзей.) Мерабишвили защищали перед судом адвокаты-коммунисты, и судья, как многие французы относившийся с сочувствием к политическим убийствам, его оправдал. Берии не в последний раз удалось убить эмигранта, а убийство представить как результат эмигрантских распрей³¹⁸.

Подобными провокациями в Берлине и Париже занимался агент *ОГПУ* Пирумов. В 1924 году в Праге некий Дзиндзибадзе открыл огонь на сходке грузинских студентов, но избежал ареста под предлогом того, что его действия были якобы результатом «личной провокации». Впоследствии были распространены слухи, что на самом деле массовое покушение на студентов замыслил Ноэ Рамишвили. (Потом стало известно, что Берия предложил Дзиндзибадзе репатриацию в обмен на признание, что он – убийца-меньшевик.) Одним из главных центров грузинской эмиграции стал автомобильный завод «Пежо» в Оденкуре вблизи швейцарской границы (на этом заводе социал-демократы из профсоюза решали, кого нанимать, а кого увольнять). В сентябре 1926 года националисты (приверженцы Какуцы), просоветские рабочие и меньшевики начали драться между собой: из семнадцати раненых двое погибли, среди них Шалва Карцивадзе, коллега Ноэ Рамишвили. Меньшевики сделались главной мишенью: в 1926 году Карло Чхеидзе был найден зарезанным – мало кто поверил, что он совершил самоубийство. Во Францию приехал известный большевистский киллер Алиханашвили (убивший до революции генерала Алиханова-Аварского): он вернулся в Грузию и упрекнул *ОГПУ*, что мало убивают меньшевиков. Меньшевики во Франции приняли меры обороны: когда Давит Чхеидзе, участник восстания 1924 года, объявил, что он примирился с советской властью, меньшевики положили его в психиатрическую лечебницу. Чхеидзе освободил блестящий адвокат, коммунист Анри Торрес (Torrès), специалист по защите левых убийц, прославившийся оправданием «одиноким мстителем» Шулэма Шварцбарда, убийцы Симона Петлюры.

Польская разведка, решительно и любыми средствами подрывавшая большевизм, охотно поддерживала грузинских меньшевиков. Ноэ Рамишвили и потом Эвгени Гегечкори ездили в Варшаву, поляки финансировали тайные поездки в Грузию, проверявшие существование в стране подпольного сопротивления. Эти поездки иногда кончались тем, что *Чека* ловила и казнила агентов: люди Берии были озабочены тем, что меньшевикам помогали не только агенты польской, турецкой и французской разведки, но и компании, искавшие доступа к бакинской нефти. Немцы тоже проявляли интерес к грузинским эмигрантам: у многих офицеров сохранились приятные воспоминания о Грузии 1918 года, и в немецких университетах работали хорошие грузинские специалисты и ученые. В 1925 году

Спиридон Кедиа, национальный демократ и член *дамкома*, встретившись с Адольфом Гитлером, сделал попытку вытеснить из меньшевистского правительства Ноэ Рамишвили, чтобы сформировать новое германофильское правительство.

Берии удалось уговорить генерала Мазниашвили, приговоренного к смерти после восстания, но не казненного, а выдворенного, стать агентом *ОГПУ*: из Франции Мазниашвили написал Берии об отчаянном состоянии эмиграции после разгрома восстания³¹⁹. (В 1926 году Мазниашвили вернулся в Грузию и поселился у себя в деревне, пока его не расстреляли в 1937 году.) Следующей мишенью Берии оказался Какуца. Расстреляв тестя Какуцы, но сохранив жизнь жене и дочери, Берия и шантажировал, и манипулировал его презрением к меньшевикам: Какуце больше нравились квазифашистские члены «Белого Георгия». Несмотря на предложенные две тысячи долларов и усилия советского агента Григола Гегелиа, Какуца, как и его союзник Спиридон Кедиа, не захотел публично заявить о новых просоветских взглядах. Берия отомстил, сначала подбросив Какуце поддельные золотые монеты и донеся на него во французскую полицию, а затем пришив ему дело о краже у французского Военного министерства³²⁰. Французская полиция не поверила доносам, и советским агентам пришлось распространять слухи, что Какуца готовит покушения на Жордания и Рамишвили.

Смерть Какуцы в 1930 году от чахотки потребовала другого подхода. К этому времени советская пропаганда винила меньшевиков за неудачи в коллективизации крестьянства. 7 декабря, когда Ноэ Рамишвили шел к метро, его застрелили. Его спутник был ранен пулей, но задержал убийцу и передал его в руки жандармов. Убийца Пармен Чануквадзе заявил, что выстрелил в Рамишвили по личным причинам, что из-за Рамишвили его уволили с работы на заводе «Пежо», но затем прибавил, что он винил Рамишвили в кровопролитном восстании 1924 года. Чануквадзе придумал вторую причину в последний момент, так что защитник Анри Торрес не смог добиться его оправдания³²¹. Убийцу приговорили к десяти годам тюрьмы, но через несколько месяцев освободили по невменяемости. По всей вероятности, Чануквадзе являлся агентом *ОГПУ*, а Рамишвили давно сам подписал себе смертный приговор, в 1919 году приказав арестовать Берию и до этого у всех на глазах оскорбив Сталина, даже кулаками сбив его с ног. Во многих отношениях убийство Рамишвили напоминает убийство Петлюры Шварцбардом.

Спиридон Кедиа и другие «правые» грузины, незаметно для себя управляемые бериевским агентом Гегелиа, признали, что они «воспользовались» Чануквадзе. Одним ударом, казалось, обезоружили всех меньшевиков: Эвгени Гегечкори перестал интересоваться политикой, и борьба эмигрантов перешла в руки правого крыла, поддержанного немецкими фашистами и антисоветской Польшей.

События 1924 года в Грузии повлекли за собой голод и анархию: в докладах *ОГПУ* пишут о том, что горожане в Ахалкалаки кормятся травой, ходят голыми, спят на земле³²². Сиротские дома были переполнены, и в 1926 году Наркомат просвещения передавал воспитанников детдомов в крестьянские семьи, «для подготовки к сельскохозяйственному труду»³²³. Через год стало легче: без малого тысячу заключенных освободили, с крестьян брали меньше налогов, и бандитизма было меньше. Но, несмотря на НЭП с его частичной реставрацией рыночной экономики и раздачей земли крестьянам, Грузия уже не могла прокормить собственное население. В декабре 1927 года *ОГПУ* докладывало, что в Тбилиси

319 Gldani 14, 2, 28, 652–654.

320 Suladze G. Op. cit. P. 162–163.

321 Suladze G. Op. cit. P. 209–215.

322 TsA FSB RF 2, 2, 657, 10–16.

323 Gldani 14, 3, 241.

и Зугдиди царит голод и поездные бригады из-за недоедания не справляются с работой³²⁴. Весной 1928 года в Тбилиси вспыхивали хлебные бунты. Крестьян особенно возмущали репрессии против религии, заставлявшие верующих ходить за сто километров на крещение или похороны; в 1929 году аджарские мусульмане взбунтовались, когда партия запретила хиджаб и закрыла все медресе (тут вмешался Берия, отменив ограничения на мусульманство).

Однако партия с блестящим успехом мирила коммунистов с интеллигенцией: секретари парткомов, например Бесо Ломинадзе, учились вместе с поэтами-символистами Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили. К концу 20-х годов творческая интеллигенция и большевики пировали вместе и женились друг на друге. В этих кругах выделялся поэт Николо Мицишвили, в 1925 году вернувшийся из Франции в качестве бериевского агента. В 1927 году Константин Гамсахурдия вернулся из соловецких лагерей, перевел дантовский *Ад* и навел на более принципиальных интеллигентов ужас, подружившись с Берией.

Вся власть в Грузии в принципе сосредоточивалась в руках первого секретаря Закавказского краевого комитета ВКП(б) Мама Орахелашвили, который отвечал перед московскими грузинами Орджоникидзе и Сталиным. Закавказским *ОГПУ* управлял сначала Соломон Могилевский с помощью кровожадного друга Сталина, Георгия Атарбекова. Но мозгом и мотором службы безопасности с самого начала был молодой инженер-недоучка Лаврентий Берия, родившийся в 1899 году. В 1923 году московское *ОГПУ* наградило Берию именным браунингом. В 1925 году Могилевский и Атарбеков погибли, когда самолет «юнкерс» вдруг по необъяснимым причинам разбился. В катастрофе видно руку Берии, на которого сваливали вину за не одну скоростную смерть, например «самоубийство» его тестя, старого большевика Александр Гегечкори. Номинальным шефом Берии после смерти Могилевского стал свояк Сталина Станислав Реденс, который по-грузински не говорил и к тому времени уже спился. Берия, использовавший Реденса, чтобы сблизиться со Сталиным, в то же время дискредитировал и позорил его. Назначив грузин и мингрелов, Берия избавился от поляков, азербайджанцев и латышей, руководящих закавказской тайной полицией.

Берия, репрессировав в Грузии социал-демократов, меньшевиков, православных и свободомыслящих интеллигентов, подражал Менжинскому в Москве, но там, где это можно было сделать безнаказанно, он подстраивал советскую политику под грузинские обстоятельства. Больше всего нужно было произвести на Сталина хорошее впечатление и предотвратить распространение врагами слухов, что в 1919 году он был не показным, а настоящим агентом азербайджанских националистов. Берия, как и другие коммунисты, был вынужден хотя бы временно терпеть фактическую независимость Абхазии и ее вождя Нестора Лакобы, которому Сталин доверял и покровительствовал, как никому другому. Для Сталина Абхазия осталась последним островом спокойствия и благополучия, где можно было самому отдыхать, вознаграждать друзей и изолировать врагов, поэтому вплоть до 1936 года Абхазии разрешали не участвовать в классовой и экономической борьбе, опустошающей остальной Советский Союз.

Своим восхождением Берия был обязан главным образом безалаберности грузинских партийных вождей – Петрэ Агнияшвили, Мама Орахелашвили с женой Мариной, Михеила Кахиани. Партийцы старались быть предприимчивыми, разрешив в одно время торговлю землей, а в другое – слив частные фермы в кооперативы. Подписывали контракты с американским бизнесменом Авереллом Харриманом, чтобы отстроить Поты и вывозить марганец. Но даже к 1927 году грузинская промышленность и сельское хозяйство производили меньше, чем в 1913-м. Новых путей сообщения и новых заводов не было, только новые гидроэлектростанции поднимали уровень жизни. Правительство Орахелашвили потворствовало краже государственных фондов, вымогательству и кумовству. После мусульманского бунта 1929 года Аджария стала фактически неуправляемой. В Абхазии

Лакоба оставлял безнаказанным целый ряд убийств и злоупотреблений властью (в любом случае, пока Сталин был привязан к Лакобе, грузинские власти не могли избавиться от него).

Но в расслабленной и попустительской атмосфере расцветала культура: грузинские историки, лингвисты, прозаики и поэты, художники, композиторы, режиссеры и кинематографисты лихорадочно творили. Благодаря выставкам, переводам, обменам делегациями писателей, театральным декадам грузинская культура становилась известной не только в СССР, но и в Европе. Расцветало высшее образование: из Тбилисского университета вышло новое поколение историков, искусствоведов, физиков и биологов, так что конец 1920-х и начало 1930-х можно считать возрождением. Марксистская доктрина, судя по всему, меньше препятствовала ученым в Тбилиси, чем в Москве.

Внутрипартийная борьба также слабее отражалась на Грузии, чем на остальном СССР. Хотя и в Тбилиси приверженцев Троцкого исключали из власти, их было мало; в Закавказье незачем было бороться со сторонниками Зиновьева, Каменева или Бухарина, которые на Грузию мало влияли. Тех, кто ругал Сталина или Орджоникидзе, изгоняли из партии, но часто через некоторое время прощали и принимали назад. Но в Грузии особенно заметна была смена поколений. Старые большевики, например Махарадзе и Ломинадзе, либо уходили на задний фон, либо занимали должности в других республиках СССР или даже в Коминтерне; из рядов комсомола и *ОГПУ* появлялись новые люди, никогда не стрелявшие во врага и никогда не излагавшие марксистских учений.

Жизнь грузинских крестьян и партийных деятелей перевернул сталинский «великий перелом» 1929 года, поработивший крестьянство, чтобы финансировать создание советской промышленности и военной мощи и создать нужный для такого подвига городской пролетариат. Как и в других республиках, крестьянство разделили на бедняков, которые станут крепостными XX века, кулаков, которых лишат всей собственности и переселят, если не перебьют, и на середняков, которых, скорее всего, лишат собственности. В этом хождении по мукам, унесшем за четыре года, по всей вероятности, десять миллионов, Грузия, где выращивалось относительно мало хлеба, страдала меньше, чем Россия или Украина: из крестьян всего 1–2 % числилось кулаками (Абхазия, которая, по словам Лакобы, уже была равноправной, почти совсем избежала коллективизации). Но первое «головокружение от успехов» отразилось и на Грузии, где крестьяне, так же как в России, не сдавали, а резали скот и летом 1930 года уходили из новых колхозов. *ОГПУ* управляло всем ходом коллективизации – в конце 1930 года оно докладывало, что Грузия потерпела катастрофу: 41000 голов рогатого скота, 36000 баранов и 60000 свиней были истреблены крестьянами³²⁵. Тракторы и оборудование, обещанное новыми МТСами, не были доставлены; новые колхозники бастовали. В колхозах дома председателей поджигали и активистов избивали; *ОГПУ* приходилось спасать заложников и партийных. Обездоленные кулаки занялись бандитизмом. Реденс и Берия попросили прислать тысячу вооруженных солдат, 30 пулеметов, 500 гранат и 300000 пуль, чтобы подавить крестьянские волнения³²⁶. Решили задержать не больше 500 кулаков и не больше 500 меньшевистских диверсантов; в 1933 году всего лишь 300 кулацких семей переселили из Грузии в Сибирь. Коллективизация проводилась медленно: к 1932 году в колхозы вошла только четверть всех крестьянских семейств и только к 1937 году – три четверти.

Москва сочла, что в Грузии партия дала промах и уже в конце 1929 года сняла Орахелашвили с женой; на пост первого секретаря Закавказья назначили русского и перевели грузинские кадры в Украину, Среднюю Азию и Москву. Бесо Ломинадзе, критиковавшего Сталина, перевели на Урал, где Орджоникидзе смог несколько лет сохранять ему жизнь (Ломинадзе в 1937 году самоубийством опередил арест и расстрел). Все эти перемены расчистили путь Берии к власти; к августу 1931 года он наконец получил место в коллегии

325 RGAЕ 7486, 37, 133, 165.

326 APRF 3, 30, 146, 74–77.

всесоюзного *ОГПУ*. Уже в июле этого года Орджоникидзе обсуждал со Сталиным и Лакобой, можно ли передать Закавказье в руки этого тридцатидвухлетнего выскочки. В архиве Лакобы (теперь находящемся в Гуверовском институте Стэнфордского университета) сохранилась карандашная стенограмма совещания:

12 июля я застал Кобу [*Сталина*], Серго и Ворошилова. Произошел следующий разговор (диалог):

СЕРГО: Что, вышибаете Мамию?

Я [*Лакоба*]: Нет, мы его не вышибаем.

СЕРГО: А кто его вышибает?

Я: Он сам себя вышибает.

СЕРГО: Как это он себя вышибает?

Я: Мамия никого и ничего не организует, никого не призывает к порядку, он хочет, чтобы все делалось само по себе. <...>

КОБА: А Берия подойдет? В Закавказье?

Я: Единственный человек, который работает по-настоящему, – это Берия. Мы можем быть пристрастны к нему. Это вам виднее. Я могу сказать только одно.

СЕРГО: Берия молодец, работает.

Отец Берии был мингрельским крестьянином, а мать – родом Джакели, потомком атабагов Самцхе. Берия, как и Сталин, уже в школе проявлял решительность и ум; при поддержке честолюбивой матери Берия стал патологически злопамятным. В отличие от Сталина он берег семью, в особенности глухонемую сестру Ану. О ранних годах Берии мы знаем только понаслышке: школьный учитель будто бы ему сказал, что он станет «либо бандитом, либо жандармом». Во всех его инициативах мы видим чрезвычайный управленческий талант, беспощадность и неуправляемую, садистскую чувственность. Вначале Берия учился на инженера-гидравлика и одно время даже отпрашивался с чекистской работы, чтобы поехать в Бельгию учиться дальше. В 30-е годы он с большим знанием дела заведовал индустриализацией Грузии, надзирая за инженером Володей Джикия, осушающим рионские болота. По бериевским проектам расширяли цитрусовые и чайные плантации и вводили культивацию таких экзотических фруктов, как фейхоа. Бактериолог Гоги Элиава боролся с эпидемиями, пока его не расстрелял Берия, влюбленный в его любовницу. По всей Грузии строили дороги и копали шахты. Берия поощрял фольклористов и кавказологов-лингвистов Акаки Шанидзе и Арнолда Чикобаву. В первые годы его руководства члены Союза писателей, особенно после Первого Всесоюзного съезда 1934 года, преуспевали, подрабатывая в райкомах и парткомах. Но в борьбе с коррупцией даже Берия оказался беспомощным: в 1934 году милиционеры все еще угоняли скот, а аджарский нарком юстиции присваивал конфискованное добро и за взятки освобождал преступников.

В щепетильных этнических вопросах Берия проводил скорее шовинистическую прогрузинскую политику. Грузины всегда возмущались, когда русские власти разрешали преподавание и печатание на мингрельском. В других республиках СССР создавались несколько десятков «новописьменных» языков, и некоторые мингрелы, которые в таких районах, как Гали, не всегда владели грузинским, требовали того же статуса. В 20-х годах Орахелашвили то потворствовал мингрельскому «сепаратизму», то наказывал за «сепаратистский национализм». С 1929 по 1931 год, однако, Закавказский центральный комитет обсуждал разные предложения относительно того, разрешить или запретить издание мингрельской газеты *Казакиши* [*Крестьянская*]. В 30-е годы национализм уже считали антисоветским преступлением, и Берия, сын мингрела, начал подавлять язык, якобы из-за опасности, что мингрелы потом будут требовать автономии³²⁷. Издание сочинений Сталина и Ленина на мингрельском языке было прекращено, а другие книги – запрещены, несмотря на

327 Gldani 14, 6, 266, 47–222 (Материалы по мингрельскому вопросу 16 окт. 1930 – 17 авг. 1933).

воззвания к Сталину. По радио перестали вещать по-мингрельски. Последним официальным мероприятием на мингрельском языке был показательный суд в 1937 году.

Каждый раз, когда Сталин приезжал на Кавказ (чаще всего в Абхазию, в Тбилиси в последний раз он был в 1935 г.), Берия невероятными вывертами демонстрировал свою лояльность: инсценировав атаку на сталинский катер, он вклинился между вождем и воображаемыми захватчиками (этот теракт 23 сентября 1933 года он потом приписал Лакобе³²⁸), махал топором на врагов, якобы спрятавшихся в кустах, качал Светлану Сталину на коленях. Главным же делом Берии было внедрение своих агентов в хозяйство Сталина. (Иногда Сталин обращался к Берии с просьбами, например в 1933 году освободить преподавателя Николоза Махатадзе («Знаю его по семинарии и думаю, что не может быть опасным для соввласти»). В 1934 году, когда *ОГПУ* расширили в огромный Наркомат внутренних дел с новой формой, Берия вырядился павлином. Хотя Берия стал первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, он предпочитал внушать интеллигенции страх, надев яркую форму НКВД, перед тем как произнести речь в опере или в партийном доме.

В 1936 году Берия сменил тщеславие на тиранию, такую страшную, что ее можно сравнить только с опустошениями Тамерлана или Шах-Аббаса. В Москве Сталин уволил и потом арестовал главу НКВД Генриха Ягоду, якобы слишком вяло истреблявшего оппозицию, и назначил «кровавого карлика» Николая Ежова. Наконец Сталину удалось сделать своего человека главой тайной полиции. Судя по всему, Сталин эту должность предлагал Нестору Лакобе, который от нее отказался. «В аду нет фурии страшнее Сталина, отвергнутого с презрением»: вождь разрешил Берии уничтожить Лакобу. «Демократическая» конституция 1936 года распустила Закавказскую ССР и сделала Грузию, Армению и Азербайджан отдельными республиками в составе СССР. Берия продемонстрировал новые полномочия, пригласив к себе в кабинет первого секретаря ЦК КП(б) Армении Агаси Ханджяна (неудачно пошутившего, что Тбилиси – армянский город), застрелил его, завернул труп в ковер и объявил, что Ханджян покончил с собой. Лакоба уже был не в состоянии отказаться от такого же приглашения: Берия с женой и матерью накормили абхазского вождя отравленной форелью, и он умер в судорогах в опере у всех на глазах. Берия с женой приехали в Сухум на похороны, но в последующие годы могила была раскопана, а семья и друзья Лакобы почти целиком истреблены. Абхазия была подвергнута жестокой чистке и заселена мингрелями и грузинами, которые должны были управлять племенем, «довольствующимся своими мандариновыми деревьями».

На самом деле Берия начал подкапываться под Лакобу, фаворита Сталина, и потому – соперника, десятью годами раньше. В 1925 году Берия вытеснил из *ОГПУ* сводного брата Лакобы Михаила, обвинив его в разбойничестве, в том, что он подверг пыткам родственников девушки, отвергнувшей его, и что защищал белогвардейцев (обвинений было всего сорок одно). Берия ругал абхазских партийцев за то, что они связывались браками с аристократами³²⁹. Все, чего Берия тогда добился, была резолюция: «Н. Лакобе указать на необходимость обратить серьезное внимание на подбор работников» – и выговор от Сталина, что Лакоба еще не создал хотя бы фасад социализма в Абхазии.

В 1937–1938 годах Берия избавился от всех членов партии, способных его разоблачить, – например наркома просвещения Эдуарда Бедия, настоящего автора *Истории большевизма на Кавказе* (на самом деле панегирика Сталину), якобы написанной Берией, – от всех, кто мыслил независимо, кто нечаянно или нарочно обижал его, кому он завидовал и кого ревновал. Из партии было исключено 6572 человека. Исключенных чаще всего арестовывали, а иногда расстреливали. Уже к концу 1936 года Берия с разрешения Сталина арестовал ведущих большевиков, включая Буду Мдивани и Малакию Тороршелидзе, ректора Тбилисского университета, с которым Сталин в 1932 году горячо целовался. Всех

328 Gldani 14, 11, 49.

329 Gldani 14, 2, 361, 166–263.

«замешанных в контрреволюционных троцкистских группах» вскоре расстреляли. К лету 1938 года больше половины кадров *НКВД* и партии, от четы Орахелашвили (якобы британских шпионов) до мелких виновников, приговорили как шпионов или троцкистов к смерти. Даже Орджоникидзе, усердный покровитель Берии, после того как Сталин в феврале 1937 года заставил его покончить с собой, если верить Берии, оказался вредителем, собиравшимся «обезглавить Грузию». Берия, присмотрев дочку или подругу жертвы, уничтожил самых блестящих ученых и техников в Грузии – Володю Джикия и Гоги Элиава. Он убил режиссера Сандро Ахметели, у которого перенял методы Станиславского, чтобы заставлять обвиняемых признаваться в самых невероятных преступлениях (в покушениях на Сталина и Берию, передаче Аджарии Турции, отравлении водохранилищ сибирской язвой). В отличие от Сталина Берия музыку не любил: он расстрелял дирижера и композитора Эвгени Микеладзе (жена Микеладзе Кетеван в конце концов вернулась из ГУЛага и вдохновила режиссера Тенгиза Абуладзе на фильм «*Покаяние*»).

Берия перестал относиться с терпимостью к Церкви: старого священника Павла Дашниани расстреляли 27 ноября 1937 года за то, что крестил сто двадцать детей, хотя у него был мандат от кутаисского и гелатского епископов³³⁰. В июне 1937 года Берия разгромил писателей, которых раньше так опекал: вождь *голуборожцев* (неосимволистов), романист и драматург Григол Робакидзе с разрешения Орджоникидзе поехал с женой в Германию, полюбил Гитлера и не вернулся. Побег Робакидзе оправдал в глазах Берии истребление четверти членов Союза писателей. Арестовав двенадцать писателей, Берия в июне 1937 года созвал остальных на встречу и предупредил: «У некоторых из вас есть необъявленные связи с врагами народа... Пропускаю фамилии». Членов Союза заставляли сидеть всю ночь напролет, доносить друг на друга и сознаваться в идеологических преступлениях, пока в фойе ждали агенты НКВД, которые должны были уводить обвиненных и сознавшихся. Поэт Паоло Яшвили застрелился во время заседания; остальные члены объявили его поступок «омерзительным», а прозаик Михеила Джавахишвили, вслух выразившего сочувствие, увели на пытки и казнь³³¹. Арестованных пытали и шантажировали, пока они не называли десятков сообщников. Несчастная «троцкистка» Лида Гасвиани, дочь главного издателя, дала компромат на всех своих любовников среди писателей, снабдив Берию показаниями, которые могли обречь на смерть почти всех членов Центрального комитета грузинской компартии, не говоря уж о Союзе писателей. Горсточка писателей, с идеологической точки зрения самых уязвимых, были освобождены от этого хождения по мукам: поэты Галактион Табидзе, Иосеб Гришашвили и прозаик Константин Гамсахурдия (в романе *Похищение луны* изобразивший Берию как насильника и отцеубийцу). Берия знал, что Сталин читал и ценил всех троих. На заседаниях Гамсахурдия мог безнаказанно говорить что хотел: он напоминал коллегам, что «посылать интеллигентов в лагерь – значит подражать Гитлеру», что «тот факт, что русские обрезают елки, не значит, что грузины обязаны обрезать грецкие орехи». Некоторые бывшие члены антикоммунистических партий, например социал-федералист и фольклорист Тедо Сахокия, жили на свободе, хотя свидетели отмечали, что после 1937 года они перестали спать по ночам. В Тбилиси свободно ходил и работал Петр Багратион, прямой наследник последнего царя Картли-Кахетии.

В конце июля 1937 года Ежов предложил массовое кровопролитие (или «разгрузку») ненадежных элементов, сначала в рядах НКВД и партии, а затем среди городского населения, особенно образованного и профессионального. Ежов и Сталин установили *лимиты*, то есть максимальное число обреченных на арест и расстрел. За следующие четыре месяца около 1 % населения (главным образом мужчины рабочего возраста) должны были быть арестованы. Выбив признания, чекисты должны были затем расстреливать 20 %, а остальных отправлять в ГУЛАг. Грузинский *лимит* определили в 5000 человек, но из них 40 %

330 Saarkivo moambe 7, 2009. P. 19–33.

331 Rayfield D. The Death of Paolo Iashvili // Slavonic & E.E. Review. October 1990, LXVIII, 3. P. 631–664.

подлежали расстрелу. После падения Ягоды все – от Ежова и Берии до рядового чекиста – поняли, что лучше пересолить, чем недосолить. Все просили разрешения повышать *лимит*, иногда в 5 раз. Чтобы доказать преданность, чекисты хватали всех, кого могли: в Грузии одного пчеловода расстреляли за то, что оставил пчелам на зиму слишком много меда, а другого – за то, что мало³³². Расстреливали, как никогда в истории казней: помощник Берии Надарая хвастался, что за одну ночь пускал в расход 500 человек, а палач Захар Шашуркин без перерыва расправлялся с тремястами. пытки были до того жестокими, что бо2льшая часть партийцев и комсомольцев называли родственников и коллег врагами народа. До сих пор полностью не выяснено, сколько было расстреляно. Заместитель Берии в НКВД Авксенти Рапава в 1937 году, до перевода в Абхазию, подписал 2465 смертных приговоров. Берия написал Сталину³³³, что тюрьмы переполнены (за три-четыре месяца в 1937 г. была арестовано 1000 человек). Берия жаловался не из гуманных соображений: уже нельзя было изолировать арестованных, которые теперь друг с другом согласовывали показания и даже совершали самоубийства. Поэтому Берия потребовал больше *коллегий*, выносивших смертные приговоры. (В 1957-м году Седьмому пленуму грузинской компартии сообщили, что во время «Большого террора» Берия арестовал 50000 человек, из которых 20000 было расстреляно.) В отношении же к уголовникам власти принимали самые мягкие меры: в феврале 1937 года освободили и выпроводили за турецкую границу 198 бандитов. В водовороте арестов об экономике забыли: 1937 год был голодным. Кукуруза не уродилась, из-за отсутствия шин грузовики стояли. Милиция не мешала пьяным рабочим и солдатам бродить по улицам.

Чтобы пополнить ряды истощенной расстрелами партии, необходимо было завербовать 18000 новых коммунистов. К 1939 году коммунистов стало больше, чем в 1935-м. Разница была в том, что теперь среди партийцев и чекистов преобладали белоручки, некоторые даже с высшим образованием, заменившие собой прежних чернорабочих и крестьян (которые помнили дореволюционную борьбу и веру), и они были всем обязаны сталинизму. Несмотря на ужасы раскулачивания и «Большого террора», унесших около 40000 грузинских жизней, бо2льшей частью мужчин от тридцати до пятидесяти лет, с 1926 по 1937 год население выросло с 2670000 до 3300000 благодаря плодovitости грузинской крестьянки.

Осенью 1938 года Сталин понял, что пора покончить с неистовством ежовщины. Он вызвал Лаврентия Берия в Москву, чтобы сначала следить за Ежовым, а затем избавиться от него. Террор сразу сократился: Ежов уже не мог осудить человека без подписи Берии. Но Берия сам пытал и казнил дипломатов и еще уцелевших военачальников: замучив маршала Блюхера, Берия навлек на себя неутолимую ненависть армии. В то же время Берия пополнял разреженные ряды НКВД не только «колонами», но и грамотными следователями. Сам Сталин, похоже, отпустил бразды правления и заинтересовался забытой им грузинской культурой. Он уже истребил в Москве почти всех грузинских товарищей – Авеля Енукидзе, Серго Орджоникидзе, шурина Алешу Сванидзе. Когда приехал Берия, Сталин окружил себя другими грузинами: в порядке исключения ответив на мольбу одиннадцатилетней дочери арестованного, он даже освободил из тюрьмы старого большевика, дипломата Серго Кавтарадзе. В Москве появились профессор Петрэ Шария, переводивший с русского на грузинский и наоборот все, что писал Сталин, и Шалва Нуцубидзе, освобожденный Сталиным, когда тот прочитал его перевод Руставели. Пометки синим карандашом на полях сталинских книг показывают, что с 1939 по 1941 год Сталин усердно читал грузинскую историю, художественную прозу и лингвистику; он сам вызвался отредактировать перевод Нуцубидзе, вставив в поэму две строки, якобы лучше переведенные им самим. Сам Нуцубидзе жил в труппе рядом с тюрьмой: ему сказали, что арестуют, если он не закончит

332 Saarkivo moambe 2, 200. P. 49.

333 Gldani 14, 11, 152, 171 (телеграмма Сталину).

перевод за один год. Экспромт Нуцубидзе выражает безысходность всей тогдашней грузинской творческой интеллигенции:

С одной стороны тюрьма, с другой – дурдом,
Вот как мир устроен для меня.
Между обоими храбро стою
И хохочу, как Мефистофель³³⁴.

Вместе с Берией в Москву переехала дюжина тбилисских чекистов. В 1939 году Грузия оказалась в том же парадоксальном положении, как двести пятьдесят лет назад, когда иранскими провинциями управляли большей частью грузинские губернаторы и иранской армией командовали грузинские цари и царицы. Пока Берия в Москве управлял всесоюзным НКВД, в Беларуси властвовал его подчиненный мингрел Джанджгава (с упрощенной фамилией Цанава), во Владивостоке – Гвишиани, в Узбекистане – Саджая, в Грузии – Рапава. Таким образом, грузины еще раз оказывались и правителями, и рабами чужой империи. В 1939 году террор в Грузии был рационализирован. Авксенти Рапава так же жестоко управлял грузинским НКВД, но Сталин настоял на том, чтобы назначить первым секретарем партии Кандида Чарквиани, относительно гуманного инженера и журналиста, служившего до этого секретарем Союза писателей. Возможно, Чарквиани повысили, потому что Сталин видел в нем родственника того отца Кристофорэ Чарквиани, который так хорошо обучил его русскому языку, что он смог поступить в семинарию. В любом случае, назначив Чарквиани, Сталин отнял у Берии власть над Грузией.

Чарквиани послушно выполнял приказы из Москвы, но не предпринимал кровавых инициатив. Он разобрал в метехской тюрьме грозные «паровые» и «снежные» карцеры, кипятившие или замораживающие заключенных до смерти. Хотя головорезы Рапавы не переставали избивать и казнить арестованных, казней и сфабрикованных дел стало намного меньше. Чарквиани ввел почти либеральную цензуру, расширил металлургический и минеральный заводы в Рустави и разрешил крестьянам продавать на открытом рынке то, что выращивали. В Тбилиси царила странная атмосфера: князь Петр Багратиони не только ходил на свободе, но стал популярным композитором песен («*Чито-гврито*»). Вплоть до нацистского вторжения люди меньше боялись и лучше жили. Но после подписания Молотовым и Риббентропом Договора о ненападении *чекисты* начали искать других врагов – агентов Великобритании, Франции, Турции (и иногда Германии), якобы намеревавшихся захватить Закавказье и бакинскую нефть. Берия теперь заинтересовался Грузией с точки зрения контрразведчика. К сожалению, он с Ежовым уже до того разгромил арестами и казнями лучшие, иногда незаменимые силы советской контрразведки, что те уже не справлялись со своим делом. Авксенти Рапава (раньше заведовавший курортами в Абхазии) и его подчиненные оказались неумелыми дилетантами.

После убийства Рамишвили и смерти Какуцы парижские меньшевики уже не считались опасными для советской власти. Бывший министр иностранных дел Эвгени Гегечкори ушел из политики и, благодарный НКВД, финансировал в Париже модный магазин, которым заведовала его жена. В 1933 году французы заключили с СССР договор и перестали признавать легитимность грузинского правительства в ссылке, которое они переименовали в Управление грузинских беженцев. Французское правительство затем отняло у Жордания уцелевшие тридцать девять ящиков грузинских сокровищ: грузины стали только «кураторами», и им пришлось защищаться от графини Оболенской, урожденной Дадияни, требовавшей возвращения сокровищ зугдидского дворца.

Эмигрантами теперь управляли другие личности, связанные с Турцией, Польшей и Германией. В 1930 году Шалико Беришвили, племянник покойного Ноэ Рамишвили, тайком пересек границу из Турции и встретился в Грузии с уцелевшими членами меньшевистского

подполья и таким же образом вернулся во Францию. Четвертая секция польской разведки, «Проект Прометей», включила более предприимчивых правых грузин в свои антисоветские программы. Сотрудник Беришвили, Менагарашвили, поехал в Иран как гражданин Польши и организовал тайные переходы советской границы. В Берлине Михеил Церетели, в 1918 году сотрудничавший с немцами, возглавил общество «Белый Георгий» и создал Грузинскую народную организацию. Среди влиятельных грузин в Германии был инженер фирмы «Сименс», Михеил Каучхишвили. Появлялись и жулики, вымогавшие деньги у французской и немецкой разведки, но бо2льшая часть грузин, работающих на немцев, были патриотически настроенными грузинскими офицерами, например герой 1921 года генерал Квинитадзе и бывший тбилисский генерал-губернатор Шалва Маглакелидзе (который вместе с нацистами вторгнется в Польшу и в Кракове возьмет на себя руководство антисоветскими украинцами, а затем поедет в Италию и Ватикан).

После 1937 года, более консервативное правительство во Франции уже не дружило с СССР и проявляло сочувствие к эмигрантам из Российской империи. Такие агенты, как Шалико Беришвили, могли теперь рассчитывать на поддержку Франции, Германии, Польши и Турции. Горсточка грузинских эмигрантов даже начала работать на НКВД, после того как Сталин отправил своего личного посланника Давита Канделаки на переговоры с нацистским министром финансов доктором Шахтом и Гитлер смягчил антибольшевистскую риторику. Но эти агенты оказались ненадежными.

В 1940 году Шалико Беришвили, опять тайком прокравшись в Грузию, скрылся в обсерватории Абастумани³³⁵. Узнав, что Франция и Турция согласились, что в случае войны Турция получит грузинскую территорию и оттуда разрешит французским самолетам бомбить советские города, Беришвили возмутился и отправил на имя Берии анонимное письмо: он признался, что его попросили провести рекогносцировку Тбилиси и Баку в целях предполагаемой французами и турками бомбежки. Ответа не последовало, но с другими эмигрантами-шпионами в советских тюрьмах начали обращаться лучше. В августе 1940 года Беришвили опять появился в Грузии с двумя товарищами. Из укрытия в лесах под Батуми он опять написал Берии и потребовал встречи. Через две недели, связавшись с ним посредством объявлений в кобулетской газете, появился чекист, который привез Беришвили к Рапава, а затем отправил в Москву. В Москве Беришвили стал «агентом Гомером», который должен был проживать в Стамбуле и доносить на всех своих сотрудников в эмиграции, а также разыскивать сорок пять тонн сокровищ Романовых, якобы закопанных в Стамбуле генералом Врангелем. (На это задание Беришвили дали пять тысяч долларов на покупку участка, откуда можно было бы выкопать туннель под развалины православной церкви, где якобы были зарыты сокровища: к 1942 году, после очередной встречи с Беришвили, даже НКВД перестал верить в эту басню.) У Беришвили были, кроме разочарования в французах, еще другие побуждения: он злился не на советскую власть, а на меньшевиков за убийство дяди Ноэ Рамишвили и поэтому хотел погубить социал-демократов. У него в Грузии еще жили на свободе братья, сестры и родители, которых Рапава мог арестовать или убить, если он перестанет быть полезным. Поэтому Беришвили в Стамбуле вербовал грузин и для немецкой, и для советской разведки.

Поляки, французы и многие в грузинской эмиграции остерегались Беришвили, узнав, что он часто видится с советским адмиралом. Зато всем нравились сведения и услуги, поставляемые этим двойным агентом. Японский военный атташе в Стамбуле смог через Беришвили уверить Берия, что в 1941 году Япония не собирается нападать на СССР. Беришвили прекратил все незаконные (кроме собственных) пересечения границы и убедил немецких агентов, любовавшихся его уникальным профессионализмом, что лучше не подстрекать грузинский народ к восстанию. В то же время он убеждал немцев и грузинских эмигрантов в Стамбуле, что, оккупировав Закавказье, Германия может рассчитывать на светлое будущее в политике и в экономике. В октябре 1942 года немцы и турки разрешили

Беришвили в последний раз тайком добрался до Москвы, где он должен был предпринять покушение на Сталина. Но Берия счел Беришвили битой картой и дал ему двадцатипятилетний срок. Шалико в любом случае был уже полностью раздавлен: одного брата расстрелял НКВД, другого взяли в плен нацисты, а сестру забрал Рапава и подверг пытке. В тюрьме, где он сидел с иностранцами, Беришвили работал стукачом. (После войны французский Красный Крест и генерал де Голль попробовали вернуть его, французского гражданина, домой; он сам объявил себя убежденным коммунистом и в Тбилиси дожил свой век на свободе.)

Инфильтраторы и двойные агенты перестали быть полезными после 22 июня 1941 года, когда нацисты вторглись в СССР. На грузинской территории не было военных действий (немцы бросили десятка три бомб на Сухум, Поти и Тбилиси), но Грузия все-таки сильно пострадала. Летом 1941 года тбилисские немцы были выселены в Казахстан – относительно гуманно: каждому семейству разрешили увезти с собой по тонне движимой собственности. (Тбилисские немцы давно потеряли привилегированное положение: в 30-е годы те, кто встречался с немецким консулом, востоковедом Везендонком, были арестованы по обвинению в шпионаже.) В первые военные месяцы на фронт отправили сто тысяч грузин: почти все погибли – или в бою, или в страшных немецких лагерях. Когда немцы захватили Крым, в особенности в битвах на Керченском полуострове с декабря 1941 по май 1942 года, грузинские потери от пуль, снарядов и потопления были чудовищными не из-за мощи немецких армий, а из-за полного равнодушия к человеческим потерям со стороны Сталина и из-за идиотизма ненавистного политического комиссара Льва Мехлиса. Из 550000 мобилизованных грузин 300000 не вернулись: эта демографическая катастрофа искалечила Грузию до конца века. (В 1940 г. население Грузии было 3,6 миллиона, а в 1945 г. 3,4 миллиона: если учесть довоенную рождаемость, население должно было за пять лет вырасти на полмиллиона. Поэтому военные потери, если включить повышенную смертность, особенно детскую, можно определить как 700000, то есть 20 % населения.)

Хотя Гитлер не хотел, чтобы «восточные люди» сражались в немецкой армии, на русском фронте он понес такие потери, что другого пути не было. Офицеры-востоковеды выдвинули идею, что кавказские народы по происхождению арийцы, даже остrogоты, и добились разрешения формировать батальоны из грузин с офицерами бывшей меньшевистской армии. Немцы обходили лагерь, вербуя пленных советских грузин, и предоставили грузино-кавказскому комитету как источник доходов четыре варшавские фабрики, отнятые у евреев. В этом комитете заседали генерал Маглакелидзе с Сеидом Шамилем, внуком великого имама. Некоторые из грузин в Варшаве сквозь пальцы смотрели на нацистское уничтожение евреев и инвалидов; другие же грузины, например князь Иракли Багратион, возмутились и уехали. Во Франции, однако, грузинские евреи связались с правительством Петэна в Виши и добились того, чтобы французы вычеркнули летальный пятый пункт («еврей») из паспортов грузинских евреев, проживающих во Франции. Немцам они объясняли, что грузинские евреи на самом деле грузины, принявшие иудаизм и не подлежащие расовым законам. Многие из 650 грузинских евреев во Франции выжили.

Эмигранты надеялись отвоевать Грузию и превратить ее, как Словакию, в немецкий протекторат. Немцы поддерживали идею, что генерал Маглакелидзе станет грузинским *фюрером*, а Константин Гамсахурдия должен выполнить роль местного героя в партизанской антисоветской борьбе. Завербованные грузинские военнопленные, однако, думали не о политике, а о том, как избежать голодной смерти в немецких лагерях. Финансируемые гестапо Спиридон Кедиа и Эвгени Гегечкори сидели в монмартрском кафе и обдумывали, как перевоспитать грузин из Красной армии, чтобы они служили в немецких вспомогательных отрядах. Эти грузинские вспомогательные отряды – *Тамар I* и *Тамар II* – редко оказывались боеспособными: их использовали в тылу как полицию на оккупированной территории; иногда распускали и даже расстреливали за дезертирство. Ни один грузин не хотел сотрудничать с русскими власовцами, шовинистически презиравшими кавказцев. Многие из грузинских перебежчиков выражали возмущение жестокостями нацистов в

отношении гражданского населения. Все они боялись, что будут расстреляны на месте, если попадутся в руки советской армии. Тем не менее целый ряд немецких командиров – адмирал Канарис в *Абвере* (контрразведке) и бывшие дипломаты, как граф фон дер Шуленбург, востоковеды, например Теодор Оберлендер, тбилисский немец Вальтер фон Круцшенбах, – убеждали немецких генералов, что можно захватить кавказскую нефть в Майкопе, Грозном и Баку единственно при поддержке туземцев, то есть с черкесскими, чеченскими, грузинскими и азербайджанскими солдатами. Оберлендер предложил разделить весь Кавказ по языковым критериям, вернуть крестьянам землю и заменить как *лингва франка* русский язык немецким³³⁶.

Летом 1942 года немцы одерживали в предгорьях Кавказа блестящие победы: черкесы и тюркские народы – карачаевцы и балкарцы – приняли немцев как спасителей. Немецкие альпинисты взойшли на Эльбрус и заняли несколько главных перевалов. К сентябрю, однако, наступление ослабло, так как Сталинградская битва всасывала солдат и оборудование и кавказское бездорожье исключило возможность быстрого вторжения в Закавказье. Всего лишь на несколько дней немцы заняли несколько квадратных километров грузинской территории: одна группа, спустившись с Клухорского перевала по дороге в Сухум, добралась до византийской крепости и сванского села Клыч; вторая группа в 70 километрах к северо-западу заняла абхазскую деревню Псху. Первый снег и советские грузины помешали немцам, пытавшимся перейти из Осетии в Сванетию. Грузинские войска на своих спинах унесли двадцать тонн ценных металлов, таких как молибден, из осетинских шахт. Из Москвы прилетел Берия, чтобы подкрепить красноармейцев энкавэдэшниками и очистить население от людей, сочувствующих националистам или желающих немецкой победы. (Летом 1942 г. несколько грузин, среди них младший сын Важи Пшавелы, Вахтанг, отдыхали в горах в надежде приветствовать немецкую армию.)

Осенью того же года немцы отступили на север: как ни странно, отступление было победоносным. Многие кавказцы – солдаты, беженцы, которые привязались к военным, опасавшиеся наказания за сотрудничество, – шли за немцами; грузинских солдат заманивали немецкие громкоговорители, радиовещание и брошюры на грузинском языке. В северокавказской степи грузинские солдаты тысячами исчезали в полях, засаженных подсолнечниками и хлопком. Красной армии пришлось заменить грузин надежными азербайджанцами³³⁷; немцы жаловались, что, вместо того чтобы сражаться, они все время кормили и обучали грузин. Перебежавшие солдаты вдруг очутились с товарищами, с которыми они учились в школе, и под командованием таких легендарных генералов, как Маглакелидзе.

Среди перебежчиков, конечно, были агенты НКВД и *Смерша*; в Германии агент «Шаховский» вербовал из военнопленных антинемецких агентов. Таким образом, Авксенти Рапаве удалось найти двух перебежчиков, готовых совершить покушение на жизнь генерала Маглакелидзе. (Попытка не удалась; Рапава, придумав фиктивное восстание, нуждающееся в командире, попробовал заманить генерала в Грузию.) Немецкий «юнкерс» сбросил в Болниси семь человек с рацией: четверо из них были советскими агентами, так что следующие 30 десантников с 30 миллионами рублей пропали не за что. Гестаповцы вдруг узнали, что у их грузинских альпинистов есть свой «Коминтерн», и 8 августа 1942 года, не обратив внимания на мольбы Спиридона Кедиа, расстреляли двенадцать инфильтраторов. В 1944 году восемьдесят разочарованных грузинских перебежчиков уговорили вернуться в Красную армию – всех без исключения расстреляли. Несмотря на собственные сомнения и на всем известные приказы НКВД казнить немецких десантников на месте, немцы продолжали забрасывать грузин на родину в надежде взять Сухуми и Батуми, парализовать советские войска на побережье и вызвать восстание среди народа, чтоб открыть себе путь к бакинской

336 Saarkivo moambe 4, 2009, P. 50–55; *Hoesli E. A la Conquête du Caucase*. P., 2006. P. 402–406.

337 Saarkivo moambe 3, 2008, P. 42–43.

нефти. До немцев дошли слухи о том, что русские солдаты насилюют сванских женщин и убивают имеретинцев, – они убедились, что вся Грузия готова взбунтоваться. Но десантники либо сдавались, либо были пойманы через несколько дней. В городе Вани восемь десантников сразу отчитались перед властями, которые тем не менее отвезли их на место десанта, расстреляли перед населением и похоронили там же. Поймали голодного немецкого десантника, воровавшего картошку, – Рапава приказал расстрелять его, чтоб не сообщил другим пленным о методах НКВД. Таким образом, к марту 1943 года немцы на Кавказе прекратили операции в тылу противника.

После отступления немцев те народы, которые Сталин считал коллаборационистами, вывезли под надзором Берии в Среднюю Азию, на север или в Сибирь. Народы, населявшие республики на грузинской границе, подвергали обстрелам, поджогам, отправляли страшными этапами на грузовиках, поездах и пешком в места, где были лютые морозы и их морили голодом. Берия собрал своих подручных со всех уголков СССР: Михеил Гвишиани прилетел из Владивостока, чтобы участвовать в геноциде 1944 года. Обезлюдившая Ингушетия была потом заселена грузинскими горцами. Сама Грузия тоже подверглась чистке: к августу 1944 года Берия и Рапава выселили из Грузии около 20000 человек – без малого 15000 турок и 1764 аджарца. Дело было не в сотрудничестве с врагом, а в грузинском шовинизме: Берия расширил границы Грузии на север, выселив или подавив всех не-грузин (кроме русских). Когда в следующем году Молотов напирал на турок, чтоб они отдали Грузии Ардаган и Артвин (а Армении – Карс), вероятно по подсказке Берии, Турция вынуждена была искать защиты у НАТО.

В 1944 году немцы, понесшие катастрофические потери, уже не стеснялись услуг советских военнопленных. Грузины большей частью боролись в оккупированных странах с партизанским сопротивлением. Они предпочитали не участвовать в перестрелках: в типичной солдатской песне, непонятной немецким офицерам, были такие слова: «Меня не пугает белый хлеб, / Намазанный сливочным маслом. / Если враг что-нибудь попробует, / Мы бежим домой в казарму»³³⁸. Во Франции, Голландии и в Праге грузины иногда перебежали во второй раз и помогали партизанам против нацистов. На голландском острове Тессел 5–6 апреля 1945 года грузины *Тамар II* и их вождь Эвгени Артемидзе (который прожил до 2010 г.) проявили героизм, перебив четыреста немцев; союзники не подоспели, и немцы в отместку, несмотря на капитуляцию 8 мая, казнили 565 грузин. (Из уцелевших 228, многие погибли в ГУЛаге.) Но не все грузины в *вермахте* были пацифистами или героями: в Бретани грузины в немецкой форме выкалывали глаза пойманным партизанам, за что французы в августе 1944 года казнили их, а с партизанами в альпийской «свободной республике» Веркор грузинская милиция обращалась со зверской жестокостью³³⁹.

На немецкой стороне было около восьми тысяч грузин, половину из которых американцы и британцы передали советской власти. Грузинскую медсестру Тину Баланчивадзе оторвали от ребенка и немецкого мужа и отправили в ГУЛаг³⁴⁰. Смерш расстреливал некоторых перебежчиков на месте, большей частью их стирали в лагерную пыль, кое-какие умудрялись вернуться к гражданской жизни или найти убежище на Западе. 12 ноября 1951 года Кандид Чарквиани доложил Сталину, что 5897 грузинских военнопленных, иногда с семьями, 190 «возвращенных» эмигрантов, 433 родственника и 2644 незаконных иммигранта отправлены в лагеря. Предусмотрительные эмигранты, например Спиридон Кедиа и Григол Робакидзе, опубликовавший *Адольфа Гитлера, увиденного иностранным поэтом и Муссолини: Видения на Капри*, сбежали в Швейцарию (где в 1952 г. Кедиа погиб от дефенестрации, вряд ли по своей воле).

338 *Rayfield D.* The Soldier's Lament: Folk Poetry in the Russian Empire 1914–1917 // *Slavonic & E.E. Review*. 1988, LXVI, 1. P. 66–90.

339 *Aron R.* Histoire des années 40. P., 1976. T. 3. P. 285, 288.

340 *Saakvivo moambe* 2, 2008. P. 55–61.

Сталин считал, что вернуть в СССР надо не только дезертиров и военнопленных, но и музейные и церковные сокровища, увезенные меньшевиками. В июле 1944 года, в медовый месяц франко-советских отношений, генерал де Голль напомнил Сталину, что учился в Сэн-Сире вместе с грузинским генералом «Базоркой» Деметрэ Амилахвари, командовавшим батальоном свободных французов и погибшим в битве при Эль-Аламейне. Де Голль тогда добивался места на Потсдамской конференции, в котором Рузвельт ему отказывал: заискивая перед Сталиным, он договорился, что Франция вернет в СССР все оставшиеся ящики, из которых тридцать лежали в марсельском банке юридически как собственность французского правительства, но под попечением профессора Эквтимэ Такайшвили и бывшего министра иностранных дел Эвгени Гегечкори. Сокровища были спасены от нацистов благодаря католическому священнику Гиорги Перадзе, привезенному немцами из Варшавы, но убедившему их, что никакой ценности, кроме как сентиментальной (для грузин), они не представляют. (В 1942 г. на отца Перадзе, спасавшего евреев, донесли варшавские грузины, и он добровольно пошел в газовые камеры Освенцима умереть со своими еврейскими подопечными.) Такайшвили, овдовев и упав духом, отдал сокровища³⁴¹: в 1944 году советский посол в освобожденной Франции отправил грузовик за сокровищами, но посредник, требовавший 50000 франков, ящиков не передал. В апреле 1945 года Сталин отправил своего учителя марксизма, профессора Петрэ Шариа, через Тегеран и Каир в Париж. Такайшвили вернулся с сокровищами в Тбилиси, где его назначили профессором университета и переиздали его труды. (Но когда Шариа в 1952 г. арестовали в связи с «мингрельским делом» и за религиозную поэму, написанную на смерть сына и тайком напечатанную в 1948 г., Такайшвили также наказали, уволив из университета: он умер в 1953 г.)

Не только советская власть, но и свободные французы наказывали коллаборационистов среди грузинских эмигрантов и перебежчиков: 170 были арестованы, 150 — объявлены в розыск, четверо — расстреляны. Самого Ноэ Жордания задержали на две недели, затем по просьбе Леона Блюма освободили, вслед за чем он был арестован американцами, спутавшими пожилого президента с молодым родственником, Датико Жордания, которого затем приговорили к десяти годам заключения за сотрудничество с «грузинским гестапо» под руководством Шалвы Одишария. (Одишария сообщил о смягчающих обстоятельствах: он скорее шантажировал евреев, чем передавал нацистам, и даже спас двух французских евреев, используя их в своем «гестапо».) В октябре 1945 года Одишария передали в Смерш, и 1 января 1947 года он был расстрелян в Тбилиси. Во Франции был составлен список из 150 евреев, отправленных правительством Виши в лагерь Дранси: уцелевшие французские евреи хлопотали перед новым правительством за тех грузин, которые спасали евреев от нацистов. Несмотря на опасность со стороны Смерш, почувствовав, что к грузинской эмиграции правительство де Голля относится с подозрением, Ноэ Жордания и Эвгени Гегечкори решили встретиться с Петрэ Шариа в Фонтенбло и объявить ему, что они не прочь сотрудничать с Советским Союзом. После встречи Шариа создал Союз грузинских патриотов, занимавшийся добровольной репатриацией. Из бывших меньшевистских министров упрямым лишь Акаки Чхенкели, воскликнувший: «Лучше умереть, чем дожить до такого позора!»

Берия с усердием занимался репатриацией, в особенности родственников своей жены. Эвгени Гегечкори был очень дальним родственником, к тому же немощным, но другие Гегечкори вернулись в Грузию и, миновав фильтрационные лагеря, получали доходные места, чаще всего на Черноморской железной дороге. Из бериевских репатриантов самым сомнительным был Тенгиз Шавдия, племянник и приемный брат Нины Гегечкори-Берии: Шавдия перебежал из Красной армии и стал офицером в *вермахте*; освобожденный из французской тюрьмы, он сопровождал музейные сокровища в СССР; и, хотя в 1952 году получил срок, он открыто гулял по тбилисским улицам³⁴². В Грузии видные люди оказались

341 Suladze G. Op. cit. P. 445–448.

342 Gldani 14, 27, 12, 97 (подполковник Джгмадзе, осудивший Шавдию, увидел его на улице).

скомпрометированы, например Авксенти Рапава, министр госбезопасности. Шурин Рапавы, Гиви Жордания, племянник Ноэ Рамишвили, в 1930 году сбежал после того, как его обвинили в убийстве, и кончил тем, что сражался на нацистской стороне. Хуже того, брат Авксенти, полковник Капитон Рапава, попав в плен, стал вербовать солдат для немецкой армии и помогал немцам производить химическое оружие.

Закончилась подпольная борьба грузинских эмигрантов: последним агентом оказался Мамаи, брат Шалико Беришвили, тайком пересекавший турецкую границу в 1949 и 1950 годах. В 1949 году он узнал, что Шалико еще жив; в 1950 году – что родителей, братьев и сестер выселили за то, что приютили Шалико, мать повесилась в Казахстане, а одна сестра умерла в тюрьме.

Победа не принесла народам СССР облегчения: кончилось даже крошечное военное послабление, и грузинских студентов, обсуждающих политику, арестовывали. В 1945 году последнего наследника на престол, композитора Петрэ Багратиони, заперли в дом для умалишенных, где он заразился чахоткой. Жизнь в Грузии стала суровой: в полях и на заводах женщинам помогали только старики, мальчики и инвалиды. (В 1945 г. население сократилось до 3232000, став на 10 % меньше, чем в 1939 г., и до 1960 г. не поднимется до уровня 1939 г.) Все, что производили деревня и город, уходило на обеспечение и восстановление европейской части России. За отсутствием товаров и рыночной экономики деньги обесценились. Городские рабочие были так же прикреплены к месту работы, как крестьяне, когда в 1948 году рабочих лишили паспортов и нельзя было искать другой работы. (В 1949 г. Берия предложил вернуть рабочим и крестьянам паспорта и свободу передвижения, но Совет министров отверг предложение под предлогом недостатка рабочих сил.) За неудовлетворительную работу можно было выселить человека в «отдаленные места» на принудительный труд. С 1947 по 1952 год около девяти тысяч крестьянских семейств переселили из горных районов в малонаселенные – либо в Абхазию, либо в только что осушенные мингрельские болота, либо в орошенные самгорские поля, – где их бросили на произвол судьбы. Колхозы сливали в еще более неуправляемые гигантские совхозы. Пятилетний план 1946–1950 годов, установивший недостижимые нормы, оторвал крестьян от полей и рабочих от фабрик на русские промышленные проекты. Лютая зима 1949/50 года погубила расширенные грузинские чайные и цитрусовые плантации. Крестьянские участки обложили крутыми налогами – крестьянин должен был платить государству 500 рублей в год, вчетверо больше, чем до войны, и продавать государству за гроши 40 килограммов мяса, 300 литров молока и сто яиц, которые государство перепродавало гражданам в девять раз дороже. Девальвация рубля в декабре 1947 года уничтожила все сбережения: прекратив инфляцию, она довела крестьян до нищеты. (В любом случае слухи о предстоящей мере заранее опустошили магазины и рестораны, где граждане как можно быстрее потратили все наличные.) Цены на продукты начали падать, а зарплаты – подниматься, но дефицит стал острее, а жизнь – намного дороже, чем в 1940 году.

Когда в 1947 году Сталин и Жданов громили литературу, искусство и науку, в Грузинской ССР дотошно следовали партийной линии. Литературные журналы сменили редакторов и начали печатать только скучную макулатуру; из оперы, балета, театра, кино и галерей изгнали всех и все, что намекало на талант или оригинальность. Ученые всех областей науки были вынуждены отречься от нее и подчиниться новым доктринам: марризму – в лингвистике, шовинизму – в истории, ламаркизму – в биологии.

После войны Сталин начал относиться к Грузии очень своеобразно. Хотя он читал историю и художественную прозу по-грузински и проявлял интерес к языку, заказав подготовку восьмитомного толкового словаря и отредактировав предисловие, он считал себя выше любой национальности. «Наш отец был грузином», – объяснил сестре Василий Джугашвили. Обратившись к группе грузинских историков, Сталин попрекнул их – «вы грузины», а русских историков – «эти русские», как будто сам он не грузин и не русский. К своим грузинским подопечным Сталин теперь относился мнительно: несмотря на то что

Берия выполнял функции и Гиммлера, и Алберта Шпеера, Сталин все-таки расколол НКВД, отдав госбезопасность сначала бериевскому подопечному Всеволоду Меркулову, а затем бериевскому врагу, «фокстроттеру» Виктору Абакумову, а террором в Красной армии начал руководить вместо Берии Лев Мехлис. После войны до 1949 года Берия был почти целиком занят созданием советской атомной бомбы, но, пока это задание поглощало его, грузины в номенклатуре, особенно в хозяйстве Сталина, один за другим подвергались чистке. В 1948 году Шария впал в немилость, и Рапава из-за брата-изменника был переведен из МВД Грузии в Министерство юстиции. Новый министр безопасности Николоз Рухадзе по наущению Сталина подвинтил все гайки: в 1948 году 25 студентов-«националистов» приговорили к двадцатипятилетнему сроку, затяжной форме только что «отмененной» смертной казни.

У Сталина теперь открылись независимые от Берии источники информации о Грузии: он подозревал, что Грузия стала протекторатом Берии, куда русских не пускают, под руководством развращенных коррупцией мингрелов. Сван Кандид Чарквиани, назначенный Сталиным на должность первого секретаря, был не в состоянии нейтрализовать мингрельское влияние. В июне 1951 года Сталин сначала арестовал не по чину барственного Абакумова и назначил министром всесоюзной госбезопасности Семена Игнатьева, украинского железнодорожника с крайне репрессивными инстинктами, фанатически ненавидевшего Берию. Таким образом было начато «мингрельское дело». Отдыхая в Цкалтубо, Сталин встретился с Николозом Рухадзе и приказал ему собрать компромат на Берию, его закадычных мингрельских друзей и на родственников жены, вернувшихся из Франции. Министерство госбезопасности ничего не знало об этом договоре, так как Сталин и Рухадзе переписывались по-грузински. Но Павел Судоплатов, опытный разведчик, приехав в Тбилиси, был ошеломлен невежеством Рухадзе: у МГБ остался только один человек, Григол Гегелия, пользующийся доверием эмигрантов, а Рухадзе заточил его как мингрела; вместо Гегелия Рухадзе посылал в Париж свою жену, неопытную в разведочных делах оперную певицу, чтобы заманивать эмигрантов на родину.

По приказу Сталина Рапаву и других мингрелов в грузинской партии арестовали. Грузию разделили на две области, как в царские времена; новая, немингрельская когорта завладела грузинской партией под руководством первого секретаря Акаки Мгеладзе. Несчастных мингрелов допрашивали не только как взяточников, но и как националистов-заговорщиков. Николоз Рухадзе, как министр госбезопасности, подверг мингрелов таким пыткам, что все признались, что они агенты западного империализма. Кандиду Чарквиани повезло: его перевели главным инженером в Ташкент. В апреле 1952 года испуганный Берия прилетел из Москвы на десятый съезд грузинской партии, но ничего не смог поправить. К счастью, идиотизм Рухадзе быстро надоел Сталину, вызвавшему министра в Москву и приказавшему арестовать его, так что забытые следователями мингрелы томились в тюрьме. Уцелел только один мингрел: Лавренти Джанджгава, убийца Соломона Михоэлса, остался на короткое время белорусским министром госбезопасности.

Акаки Мгеладзе обрушил на Грузию шквал «великорусского шовинизма». В Тбилиси подоспели сотрудники центральной госбезопасности и партийного аппарата, чтобы помочь Рухадзе выселить провинившихся и подозрительных лиц. 25 декабря 1951 года поезда из Тбилиси, Кутаиси, Сухума и Батуми вывезли 20000 человек в Казахстан и Среднюю Азию. Среди жертв были бывшие политические заключенные, переселенцы с семьями, бывшие военнопленные (даже те, кто удачно прошел фильтрационный лагерь): половина из выселенных, особенно старики и дети, умирали в пути или по приезде на место переселения: никто не думал, что через два года их простят и вернут на родину. Выдворение мингрелов, турок, мусульман лишило Грузию квалифицированных специалистов и усугубило демографическую катастрофу военных потерь. (До «мингрельского дела» были и другие депортации из Грузии: 30000 греков, беженцы из Анатолии или от русской Гражданской войны, были вывезены из Абхазии вместе с «нежелательными» армянскими *дашнаками* и русскими духоборами в Среднюю Азию. Случайно замешанных в выселении советских греков через год вернули в Абхазию.)

5 марта 1953 года смерть Сталина осчастливила его ближайших соратников и два миллиона заключенных в ГУЛаге, но ввергла грузинское население, как и население других республик, в тревогу, даже отчаяние.

22 После Сталина

Не прошло и трех недель после смерти Сталина, как Берия, министр внутренних дел, стал главным в коллективном руководстве СССР. Партийные вожди и армейские генералы встревожились. Берия, в отличие от Сталина, был для них сначала грузином, а потом уж советским гражданином; кроме того, в нем видели всезнающего беспощадного интригана, способного подкопаться под любого, не говоря уже о том, что его ненавидели за посягательства на жен и дочерей. Красноармейцы не могли простить Берии убийство маршала Блюхера. Берия обрек себя на смерть, посвятив свои сто суток у власти невероятной программе коренных реформ, противоречивших всему, за что он раньше боролся, и подрывавших основы советской власти. Сфабрикованные Сталиным дела кремлевских врачей и евреев-«националистов» были моментально пересмотрены, и уцелевшие жертвы – освобождены. Сотни тысяч заключенных, кроме политических, были выпущены из ГУЛага; национальным республикам разрешили пользоваться своим языком как государственным; кровожадного венгерского вождя Матьяша Ракоши заставили делиться властью с либеральным бериевским агентом «Володей», Имре Нодем³⁴³. Берия предложил переговоры с Югославией, воссоединение Германии, окончание корейской войны путем мирного договора; организовал московское первомайское торжество без портретов членов правительства.

Когда в июне 1953 года соратники с помощью маршала Жукова схватили Берия, подвергли шестимесячному допросу (хотя не исключено и то, что его расстреляли сразу и протоколы допросов были сфабрикованы), а затем в декабре расстреляли вместе с самыми близкими сотрудниками МГБ и МВД, его обвиняли не в массовых убийствах (в чем были не меньше виновны и его враги – Хрущев, Молотов и Маленков), а в излишнем либерализме – с апреля по июнь 1953 года в СССР не было сфабрикованных дел, казней, пыток (кроме советского посла в Северной Корее), санкционированных государством убийств врагов, внутренних и внешних, – который считали губительным для безопасности СССР³⁴⁴.

Когда Берия пришел к власти, вся Грузия почувствовала облегчение. Мингрелов освободили, переселенцев вернули на родину: жертвам заплатили компенсацию и дали работу. Как только посадили Рухадзе, его помощник Нодар Кочлашвили возглавил уже бездеятельное Министерство госбезопасности. Акаки Мгеладзе, ставленник Сталина и Рухадзе, покаялся: «Я не знал ни насчет наручников, ни насчет карцеров» ответил он, когда его допрашивали об 11000 человек, выселенных им в 1951 году: Берия милосердно назначил Мгеладзе лесничим и заменил его только что освобожденным мингрелом, Алешей Мирцхулавой. Авксенти Рапаву тоже освободили, но понизили в статусе, назначив министром госконтроля. Уже весной 1953 года партийные вожди и секретари райкомов в Тбилиси, Сухуме, Кутаиси и Батуми являлись ставленниками Берии, который либо вернул на место старых назначенцев, например Валериана Бакрадзе, председателя Совета министров, либо выдвинул людей из рядовых чекистов и партийцев. Отменив деление на провинции, Берия воссоединил Грузию; в Абхазии он назначил первым секретарем не абхаза, а мингрела Григола Карчаву. Вся бериевская революция свершилась без ареста и казни тех, кого назначили Сталин с Рухадзе.

343 В советской и российской политико-исторической терминологии принято написание «Надь». – *Прим. ред.*

344 Наумов В. П., Сигаев Ю. Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

В июне весна 1953 года внезапно кончилась. Никита Хрущев, свергнув Берия, с помощью Красной армии в Москве восстановил полную власть над республиканскими, особенно грузинской, партиями и министерствами госбезопасности. В сентябре Хрущев назначил товарища по армии генерала Василия Мжаванадзе первым секретарем ЦК КП Грузии, а председателем грузинского КГБ – другого генерала, сына кузнеца Алекси Инаури. Мжаванадзе, рано осиротев, провел детство в семье одесского извозчика, высшее образование получил в Ленинграде, где женился на украинской студентке Виктории Терешкевич, и владел русским лучше, чем грузинским. Грузинам он показался «главноуправляющим» девятнадцатого века. Его скоро обозвали «Кваркварэ» в честь антигероя-жулика из комедии Поликарпэ Какабадзе, а Викторину – «королевой Викторией» за хищность и повелительный тон. Железная рука Мжаванадзе еще двадцать лет будет висеть над Грузией, а Алекси Инаури, смолоду конный фанатик, прошедший всю войну с 15-м конным полком в Иране, где поддерживал связи с британскими офицерами, тридцать четыре года будет наводить страх на народ. В Аджарии и Абхазии были назначены на соответствующие посты люди того же закала.

Хрущевский переворот отличался от бериевского тем, что Хрущев начал с того, что созвал съезд партии, чтобы возбудить истерическую ненависть к своему предшественнику, и затем через прокуратуру провел ряд казней в Москве, Ленинграде и Тбилиси. Жертвы, хотя и заслуживали расстрела, были выбраны безо всякой справедливости. Столько же тысяч невинных погибли благодаря росчерку пера Хрущева, Молотова, Маленкова и Микояна, но возмездие коснулось только подопечных Берии и Абакумова. 23 декабря 1953 года вместе с Берией были расстреляны Владимир Деканозов, Серго Гоглидзе, Богдан Кобулов, Всеволод Меркулов, Павел Мешик и Лев Влодзимирский. В Тбилиси бериевцы томились в ожидании расстрела до сентября 1955 года: безграмотного князя Шалву Церетели, заведовавшего тайными убийствами, или Авксенти Рапаву вряд ли кто оплакивал. Бериевцы-разведчики же, например Петрэ Шария и Чичико Папулия (глава абхазского НКВД), сидели в относительной роскоши Владимирской тюрьмы, где тюремщики обращались к ним на «вы»³⁴⁵. Водители, сводники и личные палачи Берии, например Сардон Надарая и Рафаэль Саркисян, очутились в тюрьмах куда более страшных. Михеил Гвишиани спасся, женив сына на дочери А.Н. Косыгина, а Лавренти Цанава сначала торговался, предложив открыть Ворошилову одному ему известное местонахождение нефти и угля под Кутаиси, и затем в октябре 1955 года покончил с собой. Агента Берии, резидента КГБ в Сирии и Ираке, отправили на смерть в психиатрическую лечебницу. Последней бериевской жертвой хрущевской мести оказался мятежный премьер-министр Венгрии Имре Нодь, бывший агент «Володя», повешенный в июне 1958 года.

Расстрел Берии взволновал многих грузин: даже до официального объявления чекисты сослали пятнадцать его родственников на Урал, в Казахстан и Сибирь, чтобы не пытались будить в Грузии сочувствия. 25 августа 1953 года Алеша Мирцхулава пожаловался Хрущеву: «его близкие родственники занимаются невыдержанными, злого характера разговорами, являются источниками распространения разных провокационных слухов. Мать Берии – Марта, глубоко верующая женщина, посещает церкви и молится за своего сына – врага народа. После разоблачения Берии участились подозрительные встречи родственников на ее квартире»³⁴⁶. На заседаниях грузинской компартии, в отличие от всесоюзной, тех, кто разоблачал Берия, часто перебивали: «Вы бывший арестованный? Сейчас арестованные

345 *Волин О.* С бериевцами во Владимирской тюрьме; *Благовецкий Ф.* В гостях у П. А. Шарии // *Минувшее.* М., 1992. № 7. С. 357–374, 451–472. Чичико Папулия был освобожден в 1970 году. Он жил в Тбилиси и умер скоропостижно в подъезде, когда нес в КГБ донос на собственную дочь за слушание «Голоса Америки».

346 *Наумов В.П., Сигачев Ю.* Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 380.

выступают и говорят что хотят»³⁴⁷. Сотни агитаторов партии и КГБ торопливо провели «беседы» по всей Грузии: их научили, как отвечать на двадцать три «щепетильных вопроса», например: связаны ли бериевские преступления с событиями 1937 года, обвинят ли Берия в участии в смерти Вождя?³⁴⁸ Улицы и колхоз имени Берии переименовали в честь Маленкова. Тысячи изданий, прославлявших или просто упоминавших Берия, были превращены в макулатуру или исправлены с помощью чернил и ножниц. Составили список всех поэтов, посвящавших Берии стихотворения³⁴⁹. Подписчики *Большой советской энциклопедии* получили инструкции, как изъять лезвием страницу о Берии и вклеить очень подробную статью о Беринговом проливе.

В 1954 году аннулировали решение Берии перевести абхазский и южноосетинские языки на грузинский алфавит. В Южной Осетии в приступе грузинского шовинизма прекратили преподавание на осетинском языке. Осетины на юге теперь писали по-осетински так же, как на севере, а абхазов оберегали такой произвольной и сложной кириллицей, что по-абхазски фактически почти перестали писать, кроме как в официальных целях. Что касается настоящих преступлений Берии, их старались замалчивать: в декабре 1954 года прокуратура попыталась пересмотреть решения XIII конференции Абхазской организации КП(б) Грузии января 1932 года, когда абхазы громко критиковали грузин за присвоение абхазской собственности, а грузины обвиняли абхазов в троцкизме. Оказалось, что стенограммы либо стерты, либо утеряны. Реабилитация репрессированных интеллигентов, например Тициана Табидзе и Михеила Джавахишвили, позволила издательствам цитировать и даже публиковать их, но даты и причины смерти оставались государственной тайной. Однако одного интеллигента, Константинэ Гамсахурдия, все-таки попытались осудить. С августа 1953 года по июнь 1956 КГБ и прокуратура готовили обвинение против Гамсахурдия как друга Берии, служащего меньшевистского правительства, фашиста, ставленника нацистов в случае завоевания ими Грузии³⁵⁰. Даже при Берии возник вопрос об измене, но в конце концов партия, решив, что преследование лучшего из живых грузинских прозаиков только повредит престижу грузинской культуры, ограничилась постоянным надзором за его семьей.

Переименовав МГБ в КГБ, Хрущев невольно подверг грузинских чекистов издевательствам, так как акроним КГБ переводится по-грузински СУКИ. Алекси Инаури и его помощник Нодар Маисурадзе сначала сосредоточили внимание «СУК» на эмигрантах. Уже умерли Ноэ Жордания (в 1953 г.) и Эвгени Гегечкори (1954 г.), но остался в живых и в розыске грузинский «фюрер» генерал Маглакелидзе, которого Рапава поймать не смог. Несмотря на недавно опубликованные воспоминания, отношения генерала с советской властью остаются таинственными: в 1945 году он встретился с Берией в Германии и даже обещал предпринять поиск особой краски для него; потом жил с семьей в Пакистане, но вернулся в Германию, чтобы стать советником Аденауэра. 31 августа 1954 года Маглакелидзе остановился в берлинской гостинице вблизи от советского сектора: его «схватили» сотрудники КГБ, уже отправившие его семью из Лейпцига в Москву и Тбилиси. Неизвестно, насколько Маглакелидзе, сотрудничавший с нацистами и до этого лично арестовавший советского посла в Грузии, удивился тому, что его в Тбилиси представили счастливым репатриантом (хотя над ним всю остальную жизнь надзирал КГБ, конфисковавший продиктованные им воспоминания)³⁵¹. Самого видного из оставшихся эмигрантов, Григола

347 Gldani 14, 27, 12 (V совместный партийный пленум 13–14 июля 1953 г.). С. 97.

348 Gldani 14, 27, 262 «О проведении митингов о действиях Берия».

349 Gldani 14, 27, 12 (V совместный партийный пленум 13–14 июля 1953 г.).

350 Gldani 14, 31, 300. Материалы по делу Константинэ Гамсахурдия.

351 *Maghlak'elidze S. Mogonebebi*. Tbilisi, P'egasi. 2012; *Suladze G.* [Kartuli ant'isabch'ota emigratsia da sp'etssamsakhurebi 1918–1953]. Tbilisi, 2010. P. 344–345.

Робакидзе, посетил агент КГБ Гиви Джорбенадзе, но не смог выманить его в Тбилиси из уютного швейцарского дома; молодые эмигранты в Париже остались равнодушными к соблазнительной грузинской балерине, работающей на КГБ.

С 1953 года Грузия, как и весь Советский Союз, постепенно оправлялась от крайней нищеты: крестьянам разрешили кормить свои семьи и продавать на рынке овощи и фрукты; были сняты запреты на передвижение, чтобы собрать рабочие силы на такие проекты, как тбилисское метро. Высшее образование развивалось, но московская оттепель 1954 года слабо отражалась на Грузии, где журналы и издательства томились под строгим партийным контролем, в отличие от России, предоставившей Союзу писателей некоторую степень автономии. В правительстве Мжаванадзе грузин больше всего волновала коварная русификация: на новых заводах кадры были русскими, на турецкой границе, укрепленной на случай агрессии со стороны НАТО, служили большей частью русские отделения, презрительно третировавшие товарищей-кавказцев; везде, особенно в Абхазии и в Южной Осетии, распространялись кириллица и русский язык. Видно было, что Мжаванадзе и Инаури подчинялись прямо Москве и не смели или не хотели брать инициативу в свои руки. Народное возмущение вспыхнуло на футбольном матче: 4 апреля 1954 года, когда тбилисское «Динамо» играло против московского «Спартака», антирусскую демонстрацию подавили огнестрельным оружием, унеся двадцать жизней.

«Секретный доклад» Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС был прочитан почти во всех военных частях, партийных комитетах и колхозах. Вместо тайны получилась взрывчатка. Русские считали, что Хрущев разоблачил убийства и ложь 30-х годов, оправдав себя и своих коллег, обвинив Сталина и тех, кто потворствовал террору, – мертвых или уже не в чести. Грузинам же казалось, что речь была несправедливо нацелена на Лаврентия Берию и на Грузию, как будто только они отвечали за все мучения СССР. Какой исковерканной и наивной ни кажется реакция, грузинские студенты и школьники не могли иначе реагировать на «тайную» речь: все их воспитание было направлено на то, чтобы они научились равно обоготворять и Сталина, и Грузию. Разоблачения в Москве наравне с русификацией принимались как колониальное давление. 5 марта 1956 года, в третью годовщину смерти Сталина, студенты начали класть цветы у его памятника (который уже наметили на слом); на набережной Куры толпа зевак вдруг превратилась в демонстрацию, длившуюся почти пять суток и втянувшую чуть не десять тысяч граждан, и не только тбилисцев. В город въехали кагэбисты и красноармейцы. Вечером 9 марта одна группа попыталась захватить главный телеграф и радиостанцию, чтобы известить весь мир о том, что случилось. Солдаты под командованием генерала Гладкова пулеметами скосили более двадцати демонстрантов, но неусмиренные студенты грозили взять Дом правительства штурмом, начали осквернять портреты таких вождей, как Микоян, и требовать восстановления независимости, даже венчания Вячеслава Молотова на престол. Москва, уже тридцать лет не выдавшая такого мятежа, готовила на бакинском и ростовском аэродромах самолеты, чтобы бомбить Тбилиси. Всю ночь напролет солдаты патрулировали улицы, стреляя в подозрительную молодежь, разгоняя толпы на набережной и на главных площадях. Студенты наносили контрудары, набрасываясь на армейских офицеров; одна группа похитила ГАЗ-69 и с тремя кровавыми знаменами в руках поехала в Гори, откуда в ответ приехали в Тбилиси три автобуса с демонстрантами³⁵². И в других городах собирались около памятника Сталину: 2000 в Сухуме, 2500 в Кутаиси, 1000 в Батуми; но там начальство решило не вмешиваться, пока ситуация сама по себе не уладится. (Потом тбилисские власти объявили абхазскому обкому и сухумскому горкому выговор за «растерянность и благодушие, [что] не сумели быстро мобилизовать трудящихся на отпор распоясавшимся провокаторам и дезорганизаторам»³⁵³.) Генерал-майор Инаури в панике слал в Москву телеграммы;

352 Saarkivo moambe 9, 2010, P. 127–143; Gldani 14, 31, 41, 303–314.

353 Gldani 14, 32, 209, 396.

некоторые офицеры, тоже приученные бороться за Сталина, сочувствовали демонстрантам. Мятежники выдвигали различные требования, например реабилитацию Берии, но все настаивали на том, чтобы Москва перестала оскорблять Грузию. Наконец 24 марта Инаури смог уверить Москву, что в Тбилиси все спокойно. Убито было около 150 человек и сотни – тяжело ранены. Во избежание таких беспорядков в дальнейшем 28 марта Инаури вместе с партийной комиссией приказал удалить из Тбилиси «лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом»³⁵⁴. Впоследствии Мжаванадзе пытался угодить народу: в Гори отстроили сталинский музей, а в Тбилиси начали строить метро.

Беспорядки 1956 года, породившие среди молодежи тайные общества, крестили огнем грузинское диссидентское движение. Сына Константинэ Гамсахурдия, нервного семнадцатилетнего юношу Звиада, арестовали: вместе с другом Мерабом Коставой он воскресил общество *Горгаслиани* («Люди царя Вахтанга Горгасали»), основанное им же в 1953 году в защиту репутации Берии против клеветы Хрущева. Семь школьников, включая Гамсахурдия и Коставу, расклеивали по городу прокламации, восхваляющие антисоветские мятежи в Познани и в Венгрии. К концу 1956 года всех забрали, но отпустили с условными приговорами после того, как Мжаванадзе предупредил Хрущева, что смерть Гамсахурдия, потрясенного судьбой единственного сына, катастрофично отразится на общественном мнении. В кахетинском городе Сигнаги возникла еще одна студенческая организация, *Симеби* («Струны»), и в течение двадцати последующих лет несколько обществ срослись в такое широкое движение, что даже Инаури, преследовавший диссидентов всеми средствами – психиатрией, шантажом, взяточничеством, избиением и тюрьмой, – был не в состоянии подавить его: даже внуки главы КГБ были замешаны в диссидентском движении.

После марта 1956 года грузинская компартия ничего и никого замечательного не выдвигала. На VII пленуме в октябре 1957 года единственным докладчиком, встреченным «громовыми аплодисментами», был молодой 1-й секретарь ЦК ЛКСМ Грузинской ССР Эдуард Шеварднадзе, выступавший с докладом о мире³⁵⁵.

Иногда сумасбродная политика Хрущева будила в Грузии еще больше ненависти. Его кампания, требовавшая, вопреки советам агрономов, чтобы везде вспахивали целину, лишала грузинский скот пастбищ и отвлекала крестьян и технику на проекты, обреченные на провал. Съездив в США, Хрущев приказал, чтобы, как и там, везде сеяли кукурузу: в Кахетии выкорчевали виноградники, а кукуруза погибла. Когда объявили, что к 1960 году надо перегнать США по производству молока и мяса и поэтому удвоить продуктивность, колхозы начали резать скот как можно раньше, таким образом создав дефицит молочных и мясных продуктов. Гигантские заводы – химические в Рустави, электровозные в Тбилиси – привлекли главным образом русских и азербайджанских рабочих, а от загрязнения цементной пылью жить в таких городах, как Зестапони, стало опасным. Излюбленный Хрущевым проект – Ингурскую ГЭС на абхазско-мингрельской границе – начали строить в 1961 году, но тока она не давала до 1987 года: двадцать шесть лет портилась местная экология от заливания цементом и строительства рабочих поселков. Растрчено было огромное количество государственных денег. Борьба с растратой и кражами, начатая Хрущевым, привела к восстановлению смертной казни, которую применяли, часто задним числом, к ворам, спекулянтам и другим мошенникам, так что число расстрелов достигло сталинских уровней – 3000 в год. Дело в том, что расстреливали особенно часто в Закавказье, где, в понимании партии, экономические преступления стали эпидемией. Внешняя политика Хрущева, напрягавшего отношения с США, тоже возмущала грузин: туннель, ведущий к Ботаническому саду, был превращен в убежище, где партийная элита надеялась пережить ядерную войну. Хрущева возненавидели, несмотря на то что уровень жизни заметно

354 Gldani 14, 31, 41, 314.

355 Gldani 14, 32, 209.

поднялся, Москва разрешила в 1958 году чествование грузинской культуры и 1500-летие Тбилиси и что в Грузии появилось поколение благополучных молодых людей с высшим образованием, но без видимого источника дохода. Группу мужчин осудили за попытку взорвать Хрущева бомбой, встроеной в микрофон, когда он придет в Тбилиси: Мжаванадзе удалось уговорить Хрущева смягчить расстрельный приговор. Но последними каплями были вынос сталинского тела из мавзолея и изъятие купюр с портретом Сталина. В октябре 1964 года с нескрываемой улыбкой генерал Инаури по приказу Политбюро задержал Хрущева в Пицунде и конвоировал в Кремль, где его лишили всех должностей.

С приходом Леонида Брежнева положение в Грузии не улучшилось; уже в 1964 году Хрущев начал уничтожать диссидентов, художников и писателей, но не пулями, а психиатрическим «лечением». Правительство Мжаванадзе продолжало существовать, потворствуя коррупции, и теневая экономика производила и продавала товары, сфабрикованные из ворованного государственного материала. Из-за всеобъемлющего взяточничества многие грузины – доценты, врачи, чиновники, милиционеры – жили почти как при капитализме. Существовал неписаный закон первенства грузин, согласно которому национальные меньшинства могли работать только в некоторых «черных» отраслях: осетины – гаишниками, курды – мусорщиками, армяне – служащими в магазинах, украинцы – контролерами или прислугой.

Несмотря на хорошие отношения Мжаванадзе с Брежневым, доклады и слухи о грузинских коррупции и кумовстве вызывали все больше раздражения в московских официальных кругах. А очевидная свобода и благополучие Грузии, притом что официальный уровень оплаты и цены на сельскохозяйственные продукты были очень низкими, разжигали в Москве зависть. 22 февраля 1972 года, вслед за XXIV съездом КПСС в марте – апреле 1971 года, Центральный комитет Компартии Грузии принял несколько резолюций, первая из которых осудила «вредные традиции и обычаи» – присутствие на религиозных праздниках, роскошные бракосочетания и похороны – и ввела новые гражданские праздники, например *Тбилисоба* (Тбилисщина), который впервые отметили в 1979 году. Вторая резолюция была направлена против национализма, а третья – против незаконного присвоения государственной собственности. От резолюций было мало прока: Москву стали еще больше недолюбливать, и антисоциалистические злоупотребления участились. К концу 1970-х годов «частный» сектор грузинской экономики производил не треть, а уже половину валового внутреннего продукта.

Летом 1972 года вся Грузия была ошеломлена сменой власти. В июле Эдуарда Шеварднадзе, уже пятнадцать лет восходящую звезду и теперь министра внутренних дел Грузинской ССР, назначили первым секретарем тбилисского горкома партии, а в сентябре – Первым секретарем ЦК КП Грузии. Мжаванадзе с женой уехали с украденными образами и музейными экспонатами в подмосковный особняк, находящийся вблизи особняка Вячеслава Молотова. Все надеялись, что Шеварднадзе, сын верующей матери и зять репрессированного «врага народа», окажется либералом. Стилем поведения Шеварднадзе не походил на своих предшественников, меньше всего в Грузии: он ходил без предупреждения в общественные места, например в фабричные столовые; арестовывал чиновников у всех на глазах; выступал, хотя чаще по-русски, чем по-грузински, экспромтом; пожимал руку ошарашенным иностранцам. Во время голосования на партийном съезде он якобы сорвал с рук делегатов часы «Ролекс», приобретенные взятками или спекуляцией. Но у Шеварднадзе была и менее лицеприятная сторона: своих подручных он инструктировал «бить своих, чтобы другие боялись»³⁵⁶.

И партию, и общество волновал разгул преступности: июльский доклад 1973 года сообщает о двадцати девяти убийствах и двадцати семи изнасилованиях за три месяца³⁵⁷.

356 Иоселиани Д. Три измерения. М., 2000. С. 80.

357 Gldani 14, 48, 148.

Шеварднадзе объявил войну взяточничеству: Петрэ Гелбахиани, ректор медицинского института, будто бы брал с каждого поступающего 50000 рублей: его, вероятно, виновного только в кумовстве, приговорили к расстрелу, замененному пятнадцатилетним сроком. (Через двадцать один год Шеварднадзе приговорит к расстрелу внука ректора, также Петрэ Гелбахиани, попытавшегося взорвать боевика Джабу Иоселиани.) Кахетинских виноделов отдали под суд за то, что они добавляли в вино слишком много сахара, хотя другого способа выполнить приказы Шеварднадзе увеличить производство не было. Несмотря на кампании, коррупция не унималась: например, в 1973 году было трудно достать билет в Москву, так как все рейсы были битком набиты мандаринами, отправляемыми черным рынком на московские рынки.

Самой популярной среди грузин политикой Шеварднадзе был национализм: он добился репатриации сотни ферейданцев, потомков грузин, переселенных в XVII веке Шах-Аббасом. Всех обрадовал тот факт, что ферейданцы сохранили не только язык, но и религию, хотя хозяев смущали мусульманские обычаи, перемешанные гостями с христианством, и некоторые из возвращенцев решили вернуться в Иран³⁵⁸. С другой стороны, к концу 1972 года Шеварднадзе вызвал к себе представителей еврейской общины, чтобы объявить новости: и плохие – ожидается разгром черного рынка, и хорошие – грузинским евреям будут выдавать выездные визы в Израиль. В 1970 году в Грузии жили 55400, а в 1979-м – 28300 евреев³⁵⁹. Ашдод и Хайфа обросли еврейскими кварталами, а тбилисский рынок, от которого зависели даже официальные учреждения, развалился. До 1973 года машины ползали у тротуара вблизи колхозного рынка, и водители заказывали все, что хотели, – резину для «мерседеса», запчасть для пищащей машинки, чтобы точно через сутки получить требуемое за наличные.

Передавать наличные деньги стало опасным; но рука все-таки руку мыла: ленивый сын инспектора милиции сдавал экзамены, если милиция прекращала дело пьяного профессорского сына, сбившего двух пешеходов. Все знали, что хирурги оперируют только «благодарных» больных; водители привыкли вкладывать в документы трехрублевку, чтобы гаишник вернул права. Тех, кто протестовал, наказывали как раньше: певчая Валентина Паилондзе, пожаловавшаяся на коррумпированных духовных лиц, была отдана под суд. В КГБ ей сказали, что сам Шеварднадзе приказал арестовать ее «под любым предлогом»³⁶⁰. В Тбилиси в предварительном заключении арестованных били, пока те не сознавались или не выпускали дух. Всего раз, в 1975 году, когда одна жертва умерла не в тюремной больнице, а в камере, и насильственную смерть уже нельзя было скрыть, обвинили мучителей (обыкновенно преступников, зарабатывающих себе сокращение срока): один из этих «колунов», Цирекидзе, удивился, когда ему прибавили шесть лет за убийство по приказу, – ведь Шеварднадзе пожал ему руку и похвалил его за то, что он сломил двести подсудимых³⁶¹.

Шеварднадзе, однако, заигрывал с интеллигенцией, назначив творческих людей вместо часто криминальных подручных Мжаванадзе директорами театров и институтов. Как многие партийные вожди, Шеварднадзе больше всех других видов искусства любил кино и грузинским режиссерам разрешал создавать фильмы, которые по жанру и по идеологии не следовали линии партии. Даже в 1967 году Мжаванадзе не помешал Тенгизу Абуладзе снять экспрессионистский и глубоко религиозный фильм *Мольба* по мотивам трех поэм Важи Пшавелы. В 1980 году при поддержке Шеварднадзе сняли фильм *Покаяние*, хотя из-за

358 Sanikidze G. Islam et musulmans en Géorgie contemporaine / Eds. F. Hellot-Bellier, I. Natchkebia // La Géorgie entre Perse et Europe. P., 2009. P. 275–297.

359 Mamistvalishvili E. [Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana)]. Tbilisi, 1995. P. 87 (на груз. яз.).

360 Хроника текущих событий. 1976. № 32–33. С. 46–47.

361 Хроника текущих событий. 1978. № 34–35. С. 183–186 (материалы, доставленные анонимно Звиадом Гамсахурдия).

открытой религиозности и гротеска на Берию, фильм нельзя было показывать в кинотеатрах в СССР до начала перестройки, когда публика настроилась на гласность и отречение от прошлого. Но Шеварднадзе считал нужным расстрелять актера Гиорги Кобахидзе, игравшего Торникэ, внука тирана, за то, что тот попытался угнать самолет, и Абуладзе пришлось заново снять фильм. *Покаяние* много значило для Грузии, так как история героини отражала всем известную судьбу Кетеван Орахелашвили, лишившейся родителей и мужа, композитора Микеладзе, из-за кровавой мстительности Берии. Поведая о страданиях миллионов советских людей при сталинизме, Абуладзе, грузинские художники и сам Шеварднадзе смогли занять моральную высоту и стать подвижниками перестройки.

Чем усерднее Шеварднадзе заигрывал с интеллигенцией, тем быстрее она вставала в оппозицию и беспощаднее проявляла диссидентство. Поводом к диссидентским акциям служила коррумпированность КГБ, неизменно возглавляемого Инаури, несмотря на уход Мжаванадзе. Сочувствующим иностранцам КГБ дарил экспонаты из государственного музея и образа из церквей. Последнее стало возможным при потворстве нового патриарха Давита Х, ставленника епископа Гайоза, человека сомнительных моральных качеств. Все улики преступной деятельности КГБ были сожжены, чтобы не вмешался прокурор Давит Коридзе, но в 1973 году Звиад Гамсахурдия и Мераб Костава начали публиковать подпольный журнал *Золотое руно*, разоблачавший преступления КГБ и рассказывавший о горькой судьбе грузинской интеллигенции в 1920-х годах. К 1975 году Гамсахурдия стал влиятельным: СССР подписал Хельсинкский заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе и в обмен на «закрепление политических и территориальных итогов Второй мировой войны» вынужден был принять обязательства по вопросам прав человека. По всему социалистическому миру диссиденты могли теперь искать защиты от карательных мер коммунистической партии. В Грузии Гамсахурдия организовал собственную «Хельсинкскую группу» и связался с московским офисом «Международной амнистии». Он сумел уговорить американского депутата Уаггонера из Луизианы зачитать Конгрессу воззвание грузинского патриарха Амброси, обращенное к Генуэзской конференции 1922 года, и затем убедить депутатов, что США обязаны признать *де-юре* независимую Грузию, как они уже признали прибалтийские республики.

В 1975 году умер самый значительный из современных грузинских прозаиков, Константин Гамсахурдия, написав завещание, в котором отказался от похорон в Пантеоне, потому что «в каждой стране Христа и Иуду упоминают на одном и том же дыхании, и только в Грузии их хоронят рядом». (Выпуск журнала *Мнатоби*, в котором это завещание собирались напечатать, был превращен в макулатуру.) Звиад унаследовал не только дом отца, но и его мантию и стал гвоздить правительство и партию. В апреле 1976 года Звиад обвинил КГБ в попытках отравить отца, ограбить дом и изъять архив (он обвинил КГБ и в инсценировке самоубийства поэта Галактиона Табидзе, выбросившегося из окна психиатрической лечебницы в 1958 г.). Нападки Гамсахурдия до такой степени взволновали Шеварднадзе, что он все лето встречался с представителями Союза писателей, КГБ и партии³⁶². Уже несколько лет Звиад и Мераб Костава сидели у властей в печенках: они печатали не только свои материалы, но и *Архипелаг ГУЛаг* Солженицына, разоблачали разрушение экологии и уничтожение памятников искусства – например описывали, как Красная армия своей артиллерией громила монастыри Давит-Гаресджа и Гелати. Диссиденты остановили строительство ядерной станции на Черноморском побережье и железной дороги под Крестовым перевалом, хотя им не удалось остановить строительство Рокского туннеля, сегодня соединяющего Южную Осетию с Северной.

Шеварднадзе и Инаури посредством дезинформации старались заставить диссидентов замолчать, уговорив иностранных друзей, в особенности профессора Дэвида Ланга, объявить, что все, что пишут Гамсахурдия и прокурор Давит Коридзе, попытавшийся

362 Gldani 14, 51, 541 (материалы совместных обсуждений КГБ и Союза писателей 1 мая – 7 сентября 1976) «по вопросу Звиада Гамсахурдия».

расследовать грабеж музеев, – выдумки парижских эмигрантов. После вброса дезинформации диссидентов начали травить газом. Когда Звиад опубликовал в *Хронике текущих событий* статью «О пытках в Грузии», терпение Шеварднадзе лопнуло. В 1976 году в Москве Звиад уже активно контактировал с Андреем Сахаровым, Андреем Амальриком и Юрием Орловым: его не раз задерживал КГБ. Западные друзья (включая автора этой книги) пытались спасти его, пригласив в Великобританию и Швейцарию, но чиновники Союза писателей СССР отказали в выезде. Весной 1977 года грузинский Союз писателей получил инструкцию осудить Звиада. Два поэта, Мурман Лебанидзе и Ана Каландадзе (крестная мать Звиада), осмелились защищать его, но в конце концов и они проголосовали за исключение. Люди, которые печатали и переплетали диссидентские материалы, были уволены с работы. Звиада изгнали из университета и арестовали. Досье КГБ в 56 томов содержит обвинение Звиада и Мераба Коставы в измене родине. В августе Звиада положили в Институт психиатрии им. Сербского, выйти из которого ему помогли Всемирный съезд психиатров в Генолулу и Союз французских психиатров, открыто заявившие, что использование Советским Союзом пыток является злоупотреблением психиатрией. Но к весне 1977 года Звиада уже сломали и заставили участвовать в телевизионной программе, составленной из допросов, в которых он отрекался от своей деятельности. (Поклонники Звиада были убеждены, что ему вкололи наркотики, и прокуратура в Москве преследовала двух западных журналистов, обличивших программу как фальсификацию.) Тбилисские газеты печатали статьи епископа Гайоза, ругавшего диссидентов; 19 мая 1977 года Звиад и Мераб были приговорены к трем годам лагерей и двум годам ссылки; врача, который лечил Звиада, заключили в психиатрическую лечебницу³⁶³. Шеварднадзе сразу освободил Звиада «для занятий культурной работой с грузинскими пастухами в ногайских степях»; не раскаявшийся же Мераб проведет десять лет в ГУЛаге³⁶⁴. В 1979 году уже старый Инаури вызвал Звиада в Тбилиси и предложил ему отеческую защиту. Несмотря на то что американцы выдвинули Гамсахурдия на Нобелевскую премию, и коммунисты, и диссиденты старались не иметь дело с Звиадом как с парией и подопечным КГБ: первый раунд в двадцатилетней борьбе первого секретаря с будущим президентом выиграл Шеварднадзе. Гамсахурдия попытался оправдать свое покаяние, утверждая, что спас сообщников от преследования, прекратил разгром монастыря Давит-Гаресджа и помог Шеварднадзе сохранить официальный статус грузинского языка. Он написал в газете *Правда*, что остается патриотическим и гуманитарным подвижником. Погрузив себя в религиозные занятия (они с Мерабом уже давно были приверженцами теософии и розенкрейцерства), он начал страдать болезненным мессианским самолюбием.

Компартия Грузии больше всего боялась повторения волнений марта 1956 года, но демократические высказывания Шеварднадзе поощряли студенческие протесты. Партия сидела сложа руки, когда тбилисцы начали выходить на улицу. Уже в 1975 году их насчитывалось сотни тысяч. Когда в июле 1975 года хоронили Константинэ Гамсахурдия, звонили церковные колокола. В 1977 году появился новый патриарх, Илья II: диссиденты и некоторые верующие считали, что Илья II, как и большая часть православной элиты, был проверенным подопечным КГБ и не раз участвовал в репрессиях против истинно верующих священников, но в отличие от предшественников был образованным богословом и в определенной степени грузинским патриотом. При Илье II освящались новые церкви и молодые люди принимали постриг, пока в 1983 году в Москве не пришел к власти и не начал давить на православие воинствующий атеист Юрий Андропов.

Кое в чем, однако, Шеварднадзе и Звиад Гамсахурдия оказывались единомышленниками: обоих возмутил возродившийся абхазский национализм. В апреле 1957 года, еще при Мжаванадзе, абхазы потребовали, чтобы их республику перевели из состава

363 Хроника текущих событий. 1979. № 41–42, С. 250, 251; там же. 1982. № 59–61. С. 162.

364 Хроника текущих событий. 1978. № 50. С. 20–40.

Грузии в состав РСФСР, в 1961 году по всей Абхазии указатели и объявления на грузинском языке закрашивали или перечеркивали; в 1973-м, когда курортом Гагры начал распоряжаться Тбилиси, абхазы настаивали, что только они должны управлять абхазскими городами, хотя в населении республики преобладали картвелы (большей частью мингрелы) и русские. В 1977 году 130 абхазских интеллигентов попросили Кремль принять Абхазию в РСФСР, и в сухумской аудитории на Шеварднадзе шипели. В мае 1978 года в Сухуми вспыхнули протесты против грузинских иммигрантов и назначенцев. Москва приказала Шеварднадзе пойти на уступки, и в 1978 году Сухумский пединститут стал Абхазским государственным университетом, в нем начали преподавать на абхазском языке. (В Тбилиси грузины в свою очередь протестовали, когда абхазы попытались закрыть в Сухуми грузинский театр.)

Борьба за превосходство грузинского языка ожесточилась, когда новая советская Конституция 1977 года отменила статью, признающую грузинский язык официальным республиканским языком, таким образом намекнув, что национальные меньшинства должны общаться с тбилисскими властями по-русски. Более того, Москва потребовала, чтобы на всех уровнях в системе образования, от детских садов до университетских курсов, по крайней мере один из главных предметов преподавался на русском языке и чтобы докторские диссертации защищались на русском. 14 апреля 1978 года студенты и профессора митинговали около университета; десятки тысяч человек, включая женщин с детьми, осаждали Дом правительства. Армия и КГБ готовились принимать те же беспощадные меры, что и в 1956 году; Шеварднадзе висел на телефоне, пока Кремль не убедился, что надо восстановить статью 75-ю, гарантирующую официальный статус грузинского языка. Но волнения не унялись: в апреле 1981 года предложение сократить преподавание грузинского языка в школах привело к молебнам в Мцхетском соборе.

В начале 1980-х годов общественное мнение не раз одерживало победу: правительство приняло меры, чтобы воскресить жизнь в обезлюдевшей Хевсуретии; уволенных профессоров восстановили в должностях; даже номенклатуре больше не препятствовали креститься, венчаться и отпевать усопших в церкви. Гамсахурдия осыпал Шеварднадзе жалобами³⁶⁵. Но в 1983 году Юрий Андропов заставил Шеварднадзе подчиниться партии: грузины были вынуждены с благодарностью отметить двухсотлетие Георгиевского трактата (хотя в это же время в Тбилиси издали полный текст трактата на обоих языках с такими комментариями, что всем стало ясно, что Россию благодарить не за что). События 18 ноября 1983 года лишили, однако, Шеварднадзе общественного доверия: несколько молодых людей и девушка, решив полететь в Турцию и рассказать президенту Рейгану о жизни под тоталитарной властью, угнали самолет, летевший рейсом Тбилиси – Батуми – Ленинград. Пилот посадил самолет в Тбилиси, где родители уже были готовы вывести угонщиков; но *спецназовцы*, открыв огонь, убили девять человек – членов экипажа и пассажиров. Уцелевшие угонщики вместе с учителем богословия отцом Теодорэ Чихладзе (хотя он уже год не виделся с угонщиками) были отданы под суд. 23 августа 1984 года, после потока петиций (за и против), трех угонщиков и священника расстреляли в тюрьме Орточала. Шеварднадзе заверил родителей, что угонщики отсидят срок в Магадане, но когда через год они начали наводить справки, приказал им забрать в ЗАГСе свидетельства о смерти. Слепое подчинение жесткой линии Андропова аннулировало все то положительное, чего достиг Шеварднадзе в либерализации страны и в повышении уровня жизни за последние десять лет.

Когда в 1985 году Михаил Горбачев пришел к власти, пообещав новую эру без вранья, репрессий и международной напряженности, он назначил министром иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. Хотя Шеварднадзе, кроме русского, не знал иностранных языков, своим актерским обаянием он сумел убедить мир, что появился новый, лояльный СССР. В июле 1985 года Шеварднадзе уехал в Москву членом Политбюро, оставив перестройку в Грузии в руках посредственного Джумбера Патиашвили. В Грузии перестройка никого не

вдохновляла: грузинский термин *гардакмна* был любимым словечком Берии в конце 1930-х годов и также означал «вырождение».

Между тем грузинский КГБ боролся не только с противниками войны в Афганистане и государственной лжи и коррупции, но с национальным движением, грезившем о независимости. В мае 1987 года Мераб Костава вернулся из ГУЛага: обняв у всех на глазах Звиада Гамсахурдия, он вновь сделал и его и себя лидерами оппозиции. Появились и другие народные партии, конкуренты Хельсинкской группы, под руководством поэтов Мухрана Мачавариани и Гиа Чантурия, без не для всех приемлемого антропософического мистицизма Звиада и Мераба. Эта неофициальная оппозиция умела защищать окружающую среду, приостановив постройку ГЭС и железных дорог, но против армии, обстреливающей древние памятники, она оказалась бессильной. Инаури ушел в отставку, его сменил Гумбаридзе, но КГБ не переставал арестовывать и избивать диссидентов и их родственников, хотя под давлением общественного мнения арестованных все же освобождали. Невозможно было запретить Гамсахурдия летать в Москву, беседовать с американскими телевизионными журналистами и в мае 1988 года вместе с семьей встретиться с президентом Рейганом. 26 мая 1988 года, впервые с 1922 года, на улицы Тбилиси вышли тысячи людей, отмечавших 70-ю годовщину грузинской независимости (и день рождения Мераба Коставы). Осенью на демонстрациях в Тбилиси и Батуми народ уже требовал независимости.

Требование независимости в Закавказье походило на удар ногой по осиному гнезду. Абхазы боялись в случае грузинской независимости попасть под грузинское ярмо: 18 марта 1989 года в Лыхнах движение *Адждгылара* («Единство») собрало около тридцати тысяч человек, требующих, чтобы Абхазия стала полноправной республикой Советского Союза. В этот момент Гамсахурдия и Костава, став союзниками коммуниста Джумбера Патиашвили, полетели в Сухум, чтобы взбаламутить мингрелов, проживающих в Абхазии (оба диссидента были по происхождению мингрелами). Забастовки и демонстрации превращались в драки и беспорядки. Картвелы Сухумского университета отделились, основав собственный университет и тем самым очаг будущей гражданской войны. Тем временем в Южной Осетии организация по защите прав человека *Аджмон Ныхас* («Народное собрание») требовала либо полной автономии, либо объединения с Северной Осетией в пределах РСФСР. Грузины, считавшие, что Южную Осетию искусственно создали из грузинской Самачабло, решили объединить ее с Картли, и в январе 1989 года сотни автобусов и машин выехали из Тбилиси, чтобы занять Цхинвали. В пограничной деревне Эргнети им перекрыли дорогу БТРы Министерства внутренних дел, и Гумбаридзе лично уговорил грузинских националистов вернуться в Тбилиси.

Тбилисские диссиденты освоили новые методы: с осени 1988-го по апрель 1989 года они выводили на улицы не только студентов, но и фабричных рабочих. После футбольного матча 40000 болельщиков наводнили весь город и парализовали КГБ и милицию. С гигантских заводов Рустави в Тбилиси потоком текли рабочие. Забастовщики, объявившие голодовку, разбили лагерь у Дома Правительства. Горбачеву пришлось обратиться к ним по радио из Москвы. Патиашвили и Гумбаридзе воззвали к Политбюро о помощи, и Москва отправила войска МВД, чтобы подкрепить закавказскую армию. 8 апреля 1989 года Шеварднадзе прервал работу и полетел в Тбилиси: после телефонного разговора с Горбачевым (тот находился тогда в Лондоне) он получил неограниченные полномочия. Ночью с 8 на 9 апреля патриарх Илья II, хорошо осведомленный о планах КГБ, умолял демонстрантов больше не кричать «Независимость!», а пойти в церковь молиться. Гамсахурдия предупредили, что надо распустить митинг, но громадная толпа уже стала упрямой и яростной. Войска МВД бросились на демонстрантов с саперными лопатами и газовыми пистолетами. Двадцать один человек был убит на месте – кто от ударов лопат, кто от концентрата хлорацетифена, а может быть, и от нервно-паралитического газа³⁶⁶. Мнимых

зачинщиков арестовали и избили сотрудники КГБ; в Тбилиси был объявлен комендантский час.

Эта расправа, так же как убийства в Вильнюсе и беспорядки в Праге, обрекла весь советский блок на развал. Напрасно Шеварднадзе освобождал арестованных, отменял комендантский час и объявлял об образовании следственной комиссии, которая якобы объективно расследует причины, по которым демонстрантов, несших только знамена и свечи, убили и искалечили газом и лопатами. Джумбер Патиашвили уступил должность Гиви Гумбаридзе, но компартия и КГБ уже не пользовались влиянием, поскольку власть перешла к толпе. В конце мая, в День независимости, после еще более многочисленного митинга, был объявлен бойкот армии призывниками. Кроме антирусского гнева, появилась зловещая враждебность к местным меньшинствам – абхазам, осетинам, армянам, азербайджанцам, дагестанцам. Речи Гамсахурдия, как и новые брошюры псевдоисториков и псевдоязыковедов, утверждавшие, что единственными гражданами Грузии являются христиане-картвелы и что всех остальных надо считать более или менее желанными «гостями», придавали новой идеологии фашистский оттенок. Даже языковеды, до тех пор пользующиеся заслуженной международной репутацией, например Тамаз Гамкрелидзе, оказались приверженцами нелепых теорий, по которым изначальный «абхаз» относится к исконно грузинским племенам, а сегодняшний абхаз, «апсуа», – это обманщик, только что переселившийся из-за Кавказского хребта.

В октябре 1989 года Костава, возвращавшийся в Тбилиси из Кутаиси, погиб в аварии. Его похороны стали поводом для очередной демонстрации: без вдумчивого и осторожного Коставы Гамсахурдия вышел из-под контроля. Ему помог новый президент Чехословакии Вацлав Гавел, добившись для него иммунитета от ареста и представив его Борису Ельцину. У грузин появилась надежда на «бархатную» революцию чехословацкого типа. В марте 1990 года Национальный форум подготовил план свободных выборов в многопартийный парламент, бескровного роспуска всех коммунистических организаций и народной независимости. Хаотичный распад СССР – инфляция, обесценившая сбережения и пенсии, закрытие заводов, брошенные на произвол стихии пашни – обреч экономику на гибель. Само общество раскололось, исчезли блюстители закона и порядка. Политические и криминальные шайки, которые трудно было отличить друг от друга, разграбляли склады оружия. Джаба Иоселиани, вор в законе, ставший ученым-востоковедом и преподавателем драматургии, основал дружину *Мхедриони* («Боевики»), которая якобы должна была укрепить независимую, этнически вычищенную Грузию. *Мхедриони* нервировали Гамсахурдия, который уговорил политические организации – свою Хельсинкскую группу, *Общество святого Ильи [Чавчавадзе]*, Общество Коставы и другие – объединиться вокруг *Круглого стола* под его председательством. *Мхедриони* воссоздали эмигрантское фашистское общество *Белого Георгия*, но пока защищали Национальный форум. Поклонницы Гамсахурдия, фанатичные женщины средних лет, одетые в черное, получившие прозвище *Дедриони* («Матери-боевички»), внушали страх, преследуя подозрительных «красных интеллигентов», на которых иногда набрасывались с ножницами.

Все это время Шеварднадзе поддерживал контакт с неофициальными вождями, тем самым помогая каждому дискредитировать остальных. Шеварднадзе предупреждал русских диссидентов, что Гамсахурдия – расист: в Праге и в Тбилиси Гамсахурдия осудили как врага национальных меньшинств. Но *Круглый стол* беспрепятственно шел к власти: блокировал железнодорожный узел в Самтредиа, где пересекались пути между Москвой и Батуми, и на два месяца лишил Тбилиси бензина и сигарет. Наконец 19 августа 1990 года грузинский Верховный совет не без давления со стороны московского министра внутренних дел провел закон, по которому, как того и хотел Гамсахурдия, свободные выборы дадут выигравшей партии неограниченную власть над страной. 28 октября 1990 года впервые за семьдесят лет свободные выборы в Грузии кончились тем, что Гамсахурдия получил более половины голосов и без малого две трети всех мест в Верховном совете, а коммунисты – 30 % голосов и

четверть мест. 14 ноября 1990 года Гамсахурдия стал председателем Верховного совета и пообещал восстановить в пересмотренном виде Конституцию 1921 года.

В Грузии настал беспредел. Гамсахурдия, обращавшийся с министрами как с прислугой, не признававший своего невежества в экономических, дипломатических и военных делах, не умел управлять. Вооруженные шайки, не только *Мхедриони*, грабили дома и пешеходов, угоняли машины, похищали людей. Коммунальные службы перестали функционировать по мере того, как инженеры переставали работать на электро- и компрессорных станциях; инфляция обесценила рубль, и к оплате принимались только доллары. Больницы, школы, магазины, сельское хозяйство пребывали в бездействии. Правительство Гамсахурдия получало международную помощь товарами или деньгами, но большая часть шла в карманы чиновников и министров. Гамсахурдия временно примирился с дружинниками Джабы Иоселиани и Тенгиза Китовани (бывшего преподавателя рисования, а теперь вождя Национальной гвардии) и с самым влиятельным из молодых националистов, Гиа Чантурия. Гамсахурдия даже угодил публике, предоставив Илье II права автокефального патриарха.

Все были озабочены этническими вопросами. Абхазы избрали президентом Владислава Ардзинбу, неожиданно искусного и упрямого политика, который добился для абхазов, пятой части населения Абхазии, ведущей роли в местном парламенте. Абхазией управляли три интеллигента: Ардзинба, специалист по древним языкам Анатолии, археолог Юрий Воронов и историк Станислав Лакоба, один из немногих уцелевших родственников Нестора Лакобы. В Цхинвали осетины избрали председателем Верховного совета РЮО учителя-коммуниста Тореза Кулумбегова, с которым грузины расправились немилосердно. В декабре 1990 года, особенно лютой зимой, в Южной Осетии вырубili газ и электричество, а *мхедриони* угнали грузовики с продуктами, шедшие из Северной Осетии через Рокский туннель. В январе Кулумбегова пригласили в Тбилиси и посадили; грузинские дружины подожгли 117 осетинских деревень, осетины в отместку подожгли грузинские. Этническая чистка была доведена до кровавого завершения: выселение одного семейства кончилось опустошением целого края. Толпы беженцев шли кто во Владикавказ, кто в Гори. Население Южной Осетии сократилось почти в половину. Кулумбегов сидел до декабря 1991 года, когда Международная амнистия добилась его освобождения; вернувшись на родину, он провел референдум и стал президентом никем не признанной республики. Такова была родильная горячка современной независимой Грузии.

23

Восстановленная независимость

Мне думалось, что раз грузины – жизнелюбы, раз, обладая чувством юмора, смогли сохранить сердце и старинный образ рыцарства, значит, остались индивидуалистами, скептиками и т. д. Значит, их невозможно поработить окончательно. <...> Вернулся, и оказалось, что это было иллюзией, что процесс ментального, психологического, словесного порабления зашел слишком далеко.

Мераб Мамардашвили (Новое русское слово, 25 ноября 1995 г.)

31 марта 1991 года плебисцит сделал Грузию независимой. Гамсахурдия сразу начал агрессивно включать Абхазию и Южную Осетию, переименованную в Самачабло («земля Мачабели»), в единое государство, но по крайней мере успокоил Турцию, подтвердив, что никаких претензий на бывшую грузинскую провинцию Самцхе он не имеет. Вся страна была одержима безумным шовинизмом³⁶⁷: умеренно настроенных, например философа Мераба

³⁶⁷ Leeuw C. van der. Storm over the Caucasus. Richmond (UK), 1999. P. 152–153 (extracts of Gamsakhurdia rhetoric).

Мамардашвили, заглушали, даже умерщвляли. Кремль, озабоченный резней в Нагорном Карабахе, решил послушать Шеварднадзе и не вмешиваться, а остальной мир, озадаченный московской политикой и встревоженный этническим конфликтом, на время отказался признавать независимую Грузию. Правительство Гамсахурдия было парализовано неуправляемыми дружинами: пятитысячной национальной гвардией, приватизированной министром военных дел Тенгизом Китовани, *Мхедриони* Джабы Иоселиани, *Белыми орлами* Георги Каркарашвили, *Белым легионом* Зураба Самушиа, *Лесными братьями* Дато Шенгелаи, из которых последние три были откровенно бандитскими. В августе 1991 года (с 19 по 21), пока Горбачев сидел в плену в Форосе и ГКЧП совершал путч в Москве, Гамсахурдия трусил и пресмыкался перед Кремлем. Поразив путчистов, Ельцин принес Москве мир, а Кавказу хаос. Пригласив всех: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», Ельцин позволил любому осколку империи суверенитетом подавиться. Гамсахурдия отреагировал, присвоив себе диктаторские полномочия, и враждебно настроенные толпы вышли на улицы Тбилиси. Он закрывал газеты, арестовывал бывших сторонников (в частности, Иоселиани)³⁶⁸, изгонял из парламента коммунистов, бомбил Цхинвали и открывал огонь по демонстрантам: невменяемость президентской власти и криминализация его окружения обрекли Гамсахурдия. *Белые орлы* захватили телевизионную станцию, национальные гвардейцы начали бороться за президента и против него: боевики грабили и обстреливали город три месяца, до 22 декабря 1991 года, когда Китовани и Иоселиани, сбежавший из горевшей тюрьмы, подогнали танки, обстреляли бункер президента, сожгли архивы КГБ и МВД и 2 января 1992 года захватили власть³⁶⁹.

В поисках некриминальной «крыши» Иоселиани и Китовани уговорили Илью II благословить их переворот. Затем они освободили осетинского лидера Кулумбегова и назначили премьер-министром Грузии коммуниста Тенгиза Сигуа, надзиравшего за первыми выборами 1990 года. Иоселиани в своих преступлениях не раскаивался: летом 1992 года, когда автор этой книги встретился с ним, у него на столе лежали фотографии 49 осетинских беженцев, расстрелянных из пулеметов. Гамсахурдия признал поражение после смерти 113 своих сторонников и улетел, сначала в Армению, а затем в Грозный, где его грузинское правительство в изгнании приютил генерал Дудаев.

Войскам Китовани пришлось спешить в Мингрелию, чтобы подавить мятеж мингрельских *звиади́стов*. Пока Китовани был в Западной Грузии, он успокоил аджарцев и абхазов, пообещав признать их автономию: таким образом Китовани создал для Аслана Абашидзе, чуть ли не наследственного правителя Аджарии, доходное удельное княжество, которое просуществует еще десять лет. Подоспевшие *мхедриони* Иоселиани грабили и истребляли мятежных мингрелов. Под руководством, словами самого Иоселиани, «неизвестного художника и всем известного бандита», Грузия становилась парией в мировом сообществе.

Новорожденную республику выручило совпадение ее потребностей с потребностями Шеварднадзе. Несмотря на дружественные отношения с Ельциным, он уже стал лишним в российской политике: его возненавидели военные и КГБ за участие в развале СССР. 7 марта 1992 года Шеварднадзе прилетел в Тбилиси и был принят с радушием, тремя годами раньше немыслимым. Он сразу попросил патриарха Илью II быть его крестным отцом и крестился патриотическим именем Георги. Сначала он стал серым кардиналом в тройке Китовани – Иоселиани – Сигуа и за две недели, не сдержав обещания, вернуть Грузию в ельцинское *Содружество Независимых Государств*, добился для нее международного признания. В Грузии открылись посольства США, Германии, Великобритании и Турции. В почти вымершей экономике появились признаки жизни. Шеварднадзе оправдал прозвище Белого Лиса, слив дружины с национальной гвардией и создав единую постоянную армию: он

368 Иоселиани Д. Три измерения. М., 2000 (дает яркий, но не всегда достоверный отчет).

369 Leeuw C. van der. Op. cit. P. 156–160.

заигрывал с народом, потребовав, чтобы русские покинули базы в Грузии и перестали контролировать границу с Турцией. Незаметно для тройки Шеварднадзе превратился из серого кардинала во всеми приветствуемого диктатора³⁷⁰.

Новая грузинская армия, однако, была не в состоянии справляться с партизанами, оттеснявшими ее в Абхазии и Южной Осетии (в которой торговали оружием, наркотиками и поддельными долларами). Как только Шеварднадзе вернулся, Зугдиди захватил звиадистский *Комитет национального неподчинения*, убивший шесть солдат. При поддержке мингрельского ополчения и генерала Дудаева, прилетевшего из Чечни, на целый месяц в Зугдиди восстановилось правительство Звиада. Повстанцы к концу марта уже готовились вторгнуться в Картли: только с помощью тяжелых орудий и танков, переданных русским генералом Беппаевым, к 3 апреля Шеварднадзе и Китовани удалось подавить мингрельских звиадистов. В мае Шеварднадзе заключил мир, но в Тбилиси 13 июня автомобильная бомба, предназначенная Иоселиани, убила пятерых пешеходов. 24 июня телевизионную станцию захватили якобы *звиадисты*, которых с удивительной ловкостью и, судя по всему, с многочисленными жертвами переловили (инцидент был первым из ряда театральных событий, известных скептической публике как «Эдуард-шоу»). На следующий день толпа подожгла дом Гамсахурдия. Победоносный Шеварднадзе наладил отношения с Россией, уговорил Объединенные Нации принять Грузию и благословить миротворческий батальон из шестисот русских, пятисот осетин и четырехсот грузин, в то время как ОБСЕ отправила в Цхинвали наблюдателей.

К концу лета партизанское сопротивление в Мингрелии ограничилось ограблением поездов, и многие звиадисты отреклись от вооруженной борьбы: 4 августа 1992 года Шеварднадзе ввел в действие Конституцию 1921 года, лишившую абхазов всякой автономии. Возмущенные абхазы объявили, что восстановят советскую Конституцию 1924 года, признавшую Абхазию независимой республикой. После мингрельского восстания Южная Абхазия (район Гали) стала беспокойной. Когда Шеварднадзе отправил в Сухум министра внутренних дел, его вместе с чиновниками взяли в заложники. Шеварднадзе отправил в Абхазию три тысячи солдат под предлогом, что надо защищать железную дорогу, связывающую Россию с Грузией. 14 августа абхазы мобилизовались. Хотя *звиадисты* еще занимали такие мингрельские города, как Сенаки, абхазов они, к счастью, не поддерживали. Тем не менее вспыхнула кровавая гражданская война: грузинские морские десантники, заняв Гагры, отрезали Абхазию от России и затем осадили сухумский парламент. Когда абхазы освободили грузинских заложников, грузинские войска отступили, но оставили генерала Китовани городским комендантом. Абхазское правительство с президентом Ардзинбой бежало на север, в Гудауту, на русскую базу, откуда Ардзинба воззвал к северокавказским народам о помощи. Ответ оказался неожиданно положительным: приехали чеченцы, чьи прадеды оттеснили абхазов на побережье. В результате этого альянса грузин заставили вернуться из Гагр в Сухум, где Китовани поджег все абхазские культурные достоия — архивы, библиотеки, институты, ботанический сад³⁷¹. На такое кровавое опустошение гражданское правительство не было способно ответить контрударом, и власть в Абхазии перешла к вооруженным людям, которым русские солдаты передавали оружие и давали советы. (В Осетии произошел аналогичный процесс, заменивший Кулумбегова боксером Эдуардом Кокоиты.)

В Абхазии предприняли покушение на жизнь Шеварднадзе, который, потеряв здравомыслие, назначил аджарского правителя Аслана Абашидзе вице-президентом. (Абашидзе, бывший мусульманин, по примеру президента сам обратился в христианство.) После выборов 11 октября грузинское правительство отправило сотни неопытных, но

370 *Schewardnadze E.* Als der eiserne Vorhang zerriss. Duisburg, 2007. P. 213–365 (довольно выборочно излагает историю президентства Шеварднадзе).

371 *Anchabadze J.* History: the modern period; *Billinsley D.* Military aspects... / Ed. G. Hewitt // *The Abkhazians*. Richmond, 1999. P. 132–156.

горящих патриотизмом юношей и девушек на смерть в Абхазию. Очередная абхазская атака, очередной клиффхэнгер в «Эдуард-шоу», чуть не убила Шеварднадзе. Пятьдесят беженцев погибли, когда грузины сбили вертолет. Ельцин предложил помочь при условии, неприемлемом для грузинских националистов, что Грузия вернется в Содружество. Секретарь ООН, Бутрос Бутрос-Гали, отправлял не войска, а наблюдателей. Несмотря на то что у них было вдвое больше танков и солдат, грузины вынуждены были покинуть Сухум. 29 апреля 1993 года, выбравшись живым из сбитого вертолета, Шеварднадзе взъярился на генералов: уволив Китовани, он сделал генералом двадцатисемилетнего капитана Гиорги Каркарашвили, который обещал с помощью своих *Белых орлов* истребить весь абхазский народ³⁷². Наконец 20 мая при помощи Ельцина огонь прекратили, Абхазия получила автономию, и грузинские войска ушли. Последствия войны для Грузии оказались губительными: люди голодали, и, несмотря на замену русского рубля «купоном», бушевала инфляция и вымирала экономика.

Ардзинба и абхазы со своей стороны занялись этнической чисткой. В июле, когда грузинских солдат почти не осталось, абхазы осадили Сухуми и очистили картвельские (большей частью мингрельские) деревни на окраине города. Деревня Камани пострадала сильнее других: мужчин, женщин и детей мучили и хладнокровно убивали. Обе стороны предавались зверским безобразиям, расстреливая и обезглавливая даже пленных, которыми они по договору должны были обмениваться. Около 220000 человек, бо́льшая часть картвелов, проживавших в Абхазии, сбежали; многие погибли от холода и голода на высоких перевалах. Шеварднадзе остался в Сухуме до 27 сентября, когда он согласился присоединить Грузию к Содружеству, в результате чего Ельцин прислал самолет, на котором Шеварднадзе смог вылететь в Батуми и оттуда вернуться в полностью деморализованный Тбилиси. За полтора года погибли 15000 человек. Около миллиона грузин уехали, большей частью в Украину и Россию, чтобы зарабатывать на хлеб; четверть миллиона беженцев из Абхазии и Осетии устремились главным образом в Тбилиси.

В середине сентября абхазско-грузинская война возобновилась, когда грузинские войска пытались окончательно подавить мингрельских *звиадистов*. Абхазы сбили два самолета, переправлявших беженцев, и наконец заняли разрушенный Сухум. Русские военные корабли охраняли абхазов от грузинских контрударов. 1 декабря 1993 года наступило новое перемирие, и Грузия лишилась всей Абхазии, кроме Верхней Кодорской долины, населенной сванами. Замечательно, однако, что на протяжении всех конфликтов, абхазы и грузины, работающие на Ингурской ГЭС, мирно сотрудничали: плотина находится в Грузии, а турбины – в Абхазии.

Мингрельские повстанцы, воодушевленные возвратом Звиада Гамсахурдия из Чечни 24 сентября 1993 года, возобновили мятеж: Зугдиди стал «столицей» легитимного правительства. Теперь Гамсахурдия поддерживал мингрельскую независимость, предложив разделить Грузию, как двумястами годами раньше, на две части. С помощью брошенного грузинами оборудования *звиадисты* захватили Поты и начали наступление на восток с таким успехом, что Шеварднадзе пришлось выпросить у России две тысячи элитных солдат, оружие и амуницию. Шеварднадзе решил не распускать *мхедриони*, а натравить их на мингрелов. 6 ноября Зугдиди сдался, а 1 января 1994 года правительство объявило, что Гамсахурдия покончил с собой в Джихашкари под Зугдиди. (Расследование, подтвержденное грузинским парламентом 24 февраля 2011 г., не оставляет сомнения, что на самом деле Гамсахурдия застрелили в затылок спецназовцы, судя по всему, русского «*Вымпела*»; свидетели утверждают, что незадолго до этого «самоубийства», на предложения министра госбезопасности Игоря Гиоргадзе взять Звиада, Шеварднадзе сказал: «Мне живого Гамсахурдия не надо».

Оперевшись на российские Вооруженные силы, Грузия не могла не подчиняться Москве³⁷³. 3 февраля 1994 года Ельцин отправился в Тбилиси с предложением коммерческой, военной и политической помощи и с готовностью уничтожить запасы русского ядерного и химического оружия, размещенного в Грузии. К этому времени Россия была встревожена собственными сепаратистами, особенно в Чечне, и до такой степени нуждалась в расположении Грузии, что поддерживала реинтеграцию Абхазии и Южной Осетии в состав Грузинского государства. В мае в Москве было заключено более прочное перемирие, и между сепаратистами и остальной грузинской территорией согласовали демилитаризованные зоны под надзором 2500 солдат из Содружества (большой частью из России) и 136 наблюдателей из ООН.

Шеварднадзе уже год двурушничал, потребовав как последний советский министр иностранных дел от США и воссоединенной Германии вознаграждения за услуги. Новый американский президент Билл Клинтон относился к нему не менее благосклонно, чем Джордж Буш и Джеймс Бэкер, но отказался вмешиваться в конфликты с Абхазией и Южной Осетией. Клинтон только подтвердил, что считает Россию ответственной за упрямство сепаратистов. Отношения между американцами и грузинами сплотил тот факт, что во главе командования американскими вооруженными силами стал Джон Шаликашвили, сын полковника грузинской армии в 1918–1921 годах. Россия была готова на любые меры, чтобы отвлечь Грузию от новой западной ориентации. Вечером 7 августа, агент ЦРУ Фред Вудрафф (Woodruff), который ехал вместе с главным телохранителем Шеварднадзе, был убит выстрелом в затылок. Грузинские агенты схватили Анзора Шармаидзе, случайно оказавшегося на обочине солдата, били его, пока он не признался в убийстве, и приговорили к пятнадцатилетнему заключению. (Юристы ФБР и семья Вудраффа без труда установили, что Шармаидзе никого не убивал, но несчастный отсидел свой срок.) За неделю до смерти к Вудраффу приезжал известный агент Олдрич Эймз, которого уже тогда подозревали в шпионаже. Бывший министр безопасности Игорь Гиоргадзе до сих пор не хочет говорить об этом деле³⁷⁴.

Не только Америка, но и некоторые европейские державы начали – так же осторожно, как в 1918–1921 годах, – оказывать поддержку Грузии. Хельмут Коль давал деньги на восстановление промышленности, британцы посылали специалистов по разминированию, французы модернизировали производство коньяка и табака. Импортом металлолома и разрешением грузинам въезда на машине, чтобы продавать товары на рынках близлежащих городов от Сарпа до Трабзона, Турция выручала многие нищие грузинские семейства. Но грабежи и перестрелки в Тбилиси отбили у иностранных бизнесменов и дипломатов охоту обосновываться в Грузии.

Продолжать двойную игру стало невозможно, когда летом 1994 года 200000 демонстрантов вышли на улицу с громким осуждением прорусских демаршей правительства. Демонстрации превратились в беспорядки. *Мхедриони* отказались служить в армии. Шеварднадзе пришлось еще раз прибегнуть к помощи российского спецназа, чтобы очистить мингрельские леса от мятежников. Генерал Каркарашвили, «герой» абхазской войны и военный министр, получил серьезные ранения от разрыва бомбы: он сбежал в Москву (в самолете, которым он летел, была обнаружена еще одна – невзорвавшаяся – бомба) и начал работать в военной академии. От бомб и пулеметов погибли многие – и министры, и воры в законе, и 3 декабря тбилисский беспредел кончился убийством последнего популярного оппозиционера Гиа Чантурия, собиравшегося выступить на открытом собрании. (Его вдова Ирина Саришвили выжила и в парламенте с такой яростью обличила Шеварднадзе, что многие министры ушли в отставку.) В январе 1995 года, непонятно, по чьей вине – служб безопасности России или Грузии, мафии или сепаратистов, – погибло несколько

373 Razoux P. Histoire de la Géorgie: la clé du Caucase. P., 2009. P. 199–235 ('L'ombre du grand frère').

374 <http://www.arlingtoncemetery.net/frwoodruff.htm>; Higgins A. Our Man in Tbilisi // Wall St Journal. 2008. № 18.

высокопоставленных военных. Электростанции были выведены из строя бомбами; дружинники убивали, насиловали, освобождали заключенных грабителей. Шеварднадзе делал все, чтобы положить конец анархии. Он арестовал Китовани, уже замыслившего сумасбродную попытку отвоевания Абхазии; затем посадил Иоселиани и объявил *мхедриони* вне закона. Наконец Вооруженные силы Грузии подчинились Шеварднадзе, и генерал Грачев попытался втянуть Шеварднадзе в совместную кампанию против чеченцев и оставшихся грузинских мятежников. Отделавшись от Грачева, Шеварднадзе тем не менее в сентябре 1995 года сдался российскому премьер-министру Виктору Черномырдину и разрешил российской армии двадцать пять лет пользоваться грузинскими базами.

Несмотря на благодарность Буша и Бейкера, Шеварднадзе уже разочаровывал западных друзей и наблюдателей. Восстановив Конституцию 1921 года, отменившую смертную казнь, Шеварднадзе в мае 1994 года по приговорам, основанным на признаниях, выбитых пытками, расстрелял шесть человек, в августе – одного и в 1995 году не меньше семи (международные протесты заставили Грузию в конце 1996 года приостановить расстрелы). Основным источником доходов населения были денежные переводы от миллиона грузин, работающих главным образом в России (несмотря на введение визового режима), и от продажи в Турцию заброшенных заводов и металлолома. Когда Шеварднадзе в Тбилиси повесил новые троллейбусные провода, воры за одну ночь сняли их и вывезли в Турцию.

1995 год можно считать годом отчаяния. 29 августа взорвалась заложенная в автомобиль бомба, судя по всему нацеленная на Шеварднадзе. Министр госбезопасности Гиоргадзе вдруг объявил президенту войну и, не скрывая своих связей с российской ФСБ, улетел в Россию. Шеварднадзе понял, что все его противники исчезли и что можно наконец открыто вести прозападную политику. В сентябре 1995-го он заменил Конституцию 1921 года новым режимом, по которому президент решал все, а парламент только комментировал. Появились обнадеживающие министры нового поколения: Зураб Жвания, несмотря на армянскую и еврейскую кровь, энергией и блестящим умом добился главенства в монопольной партии Шеварднадзе *Союзе грузинских граждан*, а Нино Бурджанадзе принесла правительству семейное богатство и связи с бывшей советской номенклатурой.

С минимальной фальсификацией итогов подсчета команда Шеварднадзе получила 74 % голосов на ноябрьских выборах 1995 года. Грузия стала либеральной, относительно стабильной диктатурой, в которой Жвания играл роль спикера, а Бурджанадзе занималась проверкой законодательства. Страной управляли не вооруженные бандиты, а жулики-белоручки. Введение новой, привязанной к западным валютой *лари* остановило инфляцию. Но правительство не умело собирать налоги, а население платить не хотело. Государство финансировалось по средневековым обычаям: должности продавали – посольскую за \$ 100000, губернаторскую – за \$ 50000, инспекторскую в ГАИ – \$ 5000. Откупщики быстро возвращали себе капитал, торгуя недвижимостью или контрабандой, освобождая арестованных, вымогая «штрафы». В больших городах электричество, газ и воду подавали с перерывами, деревня жила в темноте и холоде: на починку гидроэлектростанций или на покупку русского газа денег не было. Шеварднадзе ввез из Китая полмиллиона счетчиков, но, вместо того чтобы платить за газ и электричество, население предпочитало давать взятку, чтобы служащий отмотал счетчик назад. Бандиты, устраивая банкет, сначала собирались на подстанции, чтобы предупредить служащих не вырубать электричество.

Коррупция достигла невероятного масштаба. Миллионы долларов от иностранных доноров прикарманивали чиновники, вместо того чтобы купить мазут или муку. Семья Шеварднадзе подавала пример: племянник президента Нугзар, владелец казино, брал 10 % со всех отмытых в казино денег. Монополии и недвижимость продавались бизнесменам, неотличимым от воров в законе. Гаишники похищали бизнесменов по дороге из аэропорта и перепродавали заложников чеченцам в Панкисском ущелье.

Несмотря на явное безначалие, Европа и США расщедрились, так что грузины получали самый высокий в мире уровень помощи на душу населения. Международный валютный фонд и Европейский банк реконструкции и развития давали займы сотни

миллионов долларов: некоторые проекты, например отстройка порта Поти, нефтепроводы Баку – Супса и Баку – Тбилиси – Джейхан, были успешно доведены до конца. Но мечта о воскрешении древнего Шелкового пути, который бы сделал Грузию главной транзитной страной для торговли товарами и энергией с Китаем, была осуществлена только частично: проект служил средством заманивания в ловушку иностранных инвесторов, вкладывающих деньги в несуществующие дороги. Тем не менее было видно, что страна выкарабкивается из болота: по улицам больше не бродили вооруженные мафиози, не так часто уже вырубалось электричество, чуть-чуть уменьшилась безработица (хотя работу находили главным образом переводчики, водители и менеджеры гостиниц, обслуживавших иностранные неправительственные организации). За все это Шеварднадзе если не хвалили, то терпели.

Чтобы иностранцы не переставали поддерживать правительство, пришлось хотя бы сделать вид, что ведется борьба с коррупцией. В парламенте начали открыто обвинять министров в спекуляции бензином или хлебом; правительство или подавало иск за клевету, или объявляло бесполезные кампании. Были отменены некоторые законы (например, связанные с пропиской), позволявшие обогащаться коррумпированным чиновникам. И хотя налогообложение оставалось фиктивным, доноры были удовлетворены. По настоянию Зураба Жвания, были проведены законы, облегчающие работу иностранных неправительственных организаций, приводивших в порядок советами и деньгами судопроизводство, экологию, образование, здравоохранение и права человека. Эти организации часто сталкивались с неумолимым упрямством: Нанули, жена Шеварднадзе, объявив, что лучше умереть на родине, чем жить на чужбине, запретила усыновление иностранцами грузинских сирот. Сам Шеварднадзе дотировал православие, которое раньше преследовал: он уговорил олигархов и воров в законе вложить миллионы долларов в постройку в Тбилиси нового Троицкого (*самеба*) собора. Илья II перешел от марксизма к мракобесию и, несмотря на то что в 1999 году вместе с Шеварднадзе пригласил в Грузию папу Иоанна Павла II, теперь сделался твердым противником экуменизма и толерантности в отношении католичества и протестантства. Грузинские священники руководили толпами, нападавшими на баптистов и свидетелей Иеговы. Тем не менее иностранные проповедники выигрывали, предлагая новообращенным не только спасение, но и муку, и подсолнечное масло.

В начале февраля 1997 года Шеварднадзе поехал с визитом к французскому президенту Жаку Шираку и добился обещания, что НАТО когда-нибудь примет Грузию в полноправные члены. Комитет Российской государственной думы по обороне отправил в Тбилиси генерала Льва Рохлина, утверждавшего, что лучшую гарантию грузинской безопасности дадут русские военные на закавказских базах. Шеварднадзе с лисьей изворотливостью нашел другой путь: вместе с Гейдаром Алиевым, азербайджанским президентом, он в конце года основал ГУАМ, альянс Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (с кратковременным участием Узбекистана). Как в 1918–1920 годах, непримиримая вражда между Азербайджаном и Арменией делала невозможным объединение Закавказья, которого так желала Европа, но ГУАМ тем не менее пользовался поддержкой Запада.

В 1998 году гражданская война стихла: 9 февраля при ракетном обстреле бронированного «мерседеса» Шеварднадзе, убило двух телохранителей; президент получил легкое ранение. В мае последние *лесные братья* и партизаны *Белого легиона* напали на галийский район Абхазии, где жили преимущественно мингрелы. В октябре взбунтовался полковник-звизадист, но его отряд был отбит генералом Тевзадзе, ставшим в результате министром обороны. В Грузии наконец установились мир и стабильность, но страна подвергалась опасности раскола: Аслан Абашидзе, присвоив себе таможенные пошлины Батуми, превратил Аджарию в личное княжество, а армянским населением Джавахети фактически управляли русские военные. Дефолт 1998 года не только мешал России оказывать давление на своих уязвимых соседей, но и помог Грузии добиться серьезных уступок: в результате переговоров Россия в апреле 1999 года эвакуировала две военные базы – Вазияни вблизи Тбилиси и Гудауту вблизи Сухума – и даже отдала Грузии небольшую часть советского Черноморского флота. Шеварднадзе до такой степени приободрился, что стал

открыто высказывать прозападные взгляды. Западные спецслужбы забрали советские ядерные запасы, оставленные в Грузии, и представители Клинтона, начав обучать и снабжать грузинскую армию, обсуждали расписание, по которому Грузия сможет присоединиться к НАТО.

Грузия занялась дипломатией. С Израилем ее уже связывали тесные узы, возникшие в результате то ли обманного представления, что Грузия, как Израиль, состоит из людей с высшим образованием, фермеров и военных и, окруженная, как Израиль, враждебными мусульманскими государствами, может так же быстро стать богатой и грозной, то ли потому, что евреи две тысячи лет жили в Грузии без притеснения или преследования, то ли из-за того, что в обеих странах теперь были общины евреев с двойным гражданством. Израильские бизнесмены, продающие оружие, стали чаще летать в Тбилиси. Отличные отношения были у Грузии и с Ираном, опять благодаря историческим связям и общине билингов в Ферейдане, двадцати тысячам носителей языка, потомкам поработенных шахом Аббасом в 1620-х годах. Грузия до сих пор остается уникальным посредником в общении Ирана с Западом; вдобавок Иран продавал газ и топливо, когда Россия отключала поставку.

С 1993 года Турция закрыла границу с Арменией не только из солидарности с Азербайджаном, но и потому, что турки не могли признать, что массовые убийства анатолийских армян в 1915 году являлись геноцидом. Единственный путь из Турции в Азербайджан теперь лежал через Грузию. Уговорив или заставив экологов замолчать, Грузия с энтузиазмом согласилась на прокладку нефтепровода Баку – Джейхана через свою территорию, чтобы Европа могла получать каспийскую нефть независимо от России. Потом, закрыв железную дорогу из Армении в Карс, спроектировали новую линию Баку – Тбилиси – Ахалкалаки – Карс. Грузия могла рассчитывать на доходы от транзита нефтепроводом или железной дорогой азербайджанских ископаемых и мечтать о поездках без пересадок прямо в Лондон. Благодаря новым доходам, несмотря на страшную заброшенность сельского хозяйства и промышленности, оживлялась гражданская и коммерческая жизнь. Но вопиющий обман и фальсификация парламентских выборов 1999 года возмутили всех, даже иностранных наблюдателей; очевидно было, что кандидатов интересовали только собственное обогащение и парламентский иммунитет. В следующем году на выборах единственным оппонентом Шеварднадзе оказался коммунистический ставленник Джумбер Патиашвили: на выборы вышло меньше половины населения, но Шеварднадзе объявил, что получил 80 % голосов от 76 % избирателей.

Никто не мог предвидеть, что у Путина, выдвинутого, чтобы заменить больного Ельцина, окажется такая железная воля. В октябре 1999 года Путин обвинил Грузию в том, что она помогает чеченцам сплотиться с земляками в Панкисском ущелье. На самом деле Грузия уже давно потеряла контроль над ущельем, но Путин заставил Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе вместе с грузинами патрулировать границу с Чечней и Дагестаном. Затем Путин ввел более строгий визовый режим с Грузией и, несмотря на официальный нейтралитет, выдал русские паспорта жителям Абхазии и Южной Осетии. Появились серьезные перебои в доставке газа и бензина из России.

Невзирая на враждебность нового русского режима, Шеварднадзе почувствовал себя достаточно неуязвимым, чтобы освободить своих злейших врагов, сначала Тенгиза Китовани, затем Иоселиани. (Иоселиани, сидя в тюрьме, писал воспоминания: в книге *Три измерения* он достаточно откровенно признается в том, что в Грузии перемешались политика, криминал и академическая среда.) Но дни Шеварднадзе как президента были сочтены: Зураб Жвания пригласил вернуться из США талантливого юриста Михеила Саакашвили, у которого под плотным западным лоском скрывалось элитарное советское образование, полученное в Киеве. Саакашвили, став министром юстиции, искал поддержки неправительственных организаций в борьбе за гласность и правопорядок. К ноябрю 2000 года Шеварднадзе разрешил схватку молодых радикалов со старой гвардией, уволив, а затем большей частью восстановив всех своих министров. Кризис не стихал, и в сентябре 2001 года Шеварднадзе ушел из собственной партии (*Союза граждан Грузии*), таким образом уничтожив ее. У

Саакашвили появился советник Гига Бокерия (сын чемпионки мира по шахматам), который тщательно изучил тактику, позволившую молодежи в Сербии изгнать Милошевича. Организация *Институт свободы* подражала сербскому движению *Отпор*, основав студенческую организацию *Кмара!* («Баста!»), которая проведет революцию без кровопролития.

Когда 11 сентября 2001 года «Аль-Каида» нанесла США страшный удар, Путин напомнил президенту Бушу, что Грузия все еще скрывает в Панкисском ущелье международных террористов. Шеварднадзе понял, что любое совпадение американских и русских интересов может стать угрозой грузинской независимости: он сразу полетел в Вашингтон и предложил грузинское подкрепление для войн «долговечной свободы». Миссию Шеварднадзе подорвали министр госбезопасности Вахтанг Кутателадзе и Каха Таргамадзе, бывший сотрудник КГБ, а теперь министр внутренних дел. Министры вывезли на грузовиках чеченских боевиков из Панкисского ущелья в Верхнюю Кодорскую долину, откуда те напали на Абхазию. (Чеченцы, уже не союзники абхазов, с радостью набрасывались на любых российских подопечных.) Власть в Абхазии застали врасплох: президент Ардзинба страдал тяжелой мотонейронной болезнью, Воронова в сентябре 1995 года убили, скорее всего, грузинские агенты, а Станислав Лакоба ушел из политики и стал ученым-историком.

И Путин, и бывшие боевики, которые в Абхазии принимали решения, с яростью отреагировали на демарш Кутателадзе и Таргамадзе: в Абхазии провели мобилизацию, 8 октября был сбит вертолет ООН. Российские самолеты бомбили Верхнюю Кодорскую долину. Путин не шел ни на какие уступки: чеченцев Таргамадзе выгнали из долины. В ноябре русские самолеты бомбили Панкисское ущелье и *спецназовцы* совершили не один рейд на Грузию. Президент Буш, опасавшийся за закавказский нефтепровод, предложил увеличить грузинский военный бюджет на 200 %, так что Грузия вдруг стала четвертой из стран по объему американской военной помощи. Тем не менее к августу 2002 года грузинам пришлось очистить Панкисское ущелье от вооруженных чеченцев и даже согласиться (только на словах) восстановить железную дорогу из Сухума в Зугдиди, чтобы Армения могла получать помощь из России.

Владимир Путин, считавший, что распад СССР является самой великой катастрофой XX века, никогда не прощал Шеварднадзе его роли в этом распаде, даже когда в июне 2003 года тот приехал в Петербург отметить трехсотлетие города. Всю зиму и весну 2003 года Россия отрубала, то взрывами, то отказами чинить трубы и провода, поставку в Грузию газа, электричества и нефти. Когда Шеварднадзе начал заискивать перед НАТО, Россия предложила Абхазии зенитные ракеты С-300.

Шеварднадзе уже исполнилось 75, и, хотя он изредка отзывался на события с энергичной суровостью, чаще всего он отвечал на требования реформы и модернизации пожатием плеч и вопросом: «Что мы можем сделать? У нас государство несостоятельное». Коррупция и коммерческие манипуляции заражали всю страну: американская АЭС, уже пять лет старавшаяся навести порядок в поставке электричества, в 2003 году сдалась; доходы от импорта нефти прикарманивал военный министр генерал Тевзадзе. 25 февраля 2002 года Нугзар Саджая, глава президентской службы безопасности, которого подозревали в организации убийства Гамсахурдия, застрелился у себя в кабинете. Таким образом, каждый по своему разумению, Буш и Путин (не говоря уж о «молодых турках» среди грузинских министров) решили, что пора выбросить Шеварднадзе за борт. Выборы ноября 2003 года, когда состояние экономики показывало, что правительство спотыкается, были явно фальсифицированы: с помощью хороших специалистов по информатике даже обитатели тбилисских кладбищ голосовали за президента и его новую партию «За новую Грузию». У оппозиции, «Народного движения» Саакашвили, была более правдоподобная статистика, доказывавшая, что на самом деле Шеварднадзе проиграл. В этом отношении взгляды грузинской публики, Путина и Буша совпадали.

До сих пор успех переворота 23 ноября 2003 года, или Революции роз, совершенной Михеилом Саакашвили, Зурабом Жвания и Нино Бурджанадзе, часто приписывают

американскому влиянию. В июле того года в Тбилиси прилетел Джеймс Бейкер, но не смог уговорить Шеварднадзе поменять курс; затем американский посол Ричард Майлз и неправительственная организация «Прозрачность» начали поощрять Мхеи́ла Саакашвили. На самом деле американцы довольно прохладно относились к «молодым туркам» среди грузинских политиков: зеленый свет Саакашвили дал Путин. Осенью 2003 года Путин отправил в Тбилиси, Батуми и Ереван своего неофициального представителя, Григория Лучанского, который переговорил со всеми главными действующими лицами. Кремль наверняка разделял скептицизм Бейкера относительно Саакашвили, но предпочитал иметь дело со сговорчивыми новичками.

Революция роз была театральной постановкой, начавшейся с торжественного кортежа автомобилей, следующих из Мингрелии в Тбилиси, и запасшейся гарантиями нейтралитета от армии. Затем толпа взяла штурмом только что «избранный» и благословленный патриархом парламент. В последнем акте Шеварднадзе, оглушенный свистками и шиканьем, ушел с трибуны, а Саакашвили подбежал, поднял оставленный Шеварднадзе стакан чая и выпил до дна. Шеварднадзе, не показывавший, какое почувствовал облегчение, вернулся в свою резиденцию с гарантией иммунитета, а Саакашвили, Жвания и Бурджанадзе, как рок-группа, играли на публику³⁷⁵, раздавая толпе розы (такие непохожие на зажатый кулак, символ *Кмара!*).

Россия сразу выразила поддержку, отправив в Тбилиси министра иностранных дел Игоря Иванова, сына грузинки: Иванов выступил по-грузински, жест уникальный для московских властителей. Затем Колин Пауэл позвонил из Вашингтона, и Джордж Сорос пообещал финансировать реформаторов. На последующих выборах января 2004 года Саакашвили получил 96 % голосов, возможно, безо всякой манипуляции. Новый президент со свойственной ему гордыней принес присягу в Гелатском монастыре и сравнил себя с царем Давидом Строителем. Хотя у Саакашвили не было военной гениальности, глубокого ума, присущих средневековому царю, или даже благоприятной политической обстановки, у него оказалось достаточно смелости, чтобы составить кабинет из людей с опытом международной работы. Большею частью новые министры учились или работали юристами в США и в Европе. Саакашвили был женат на голландской переводчице и провел закон, разрешающий назначение иностранных граждан на министерские должности. Русско-грузинский олигарх Каха Бендукидзе ввел в Грузии экономику американского типа. Очаровав президента Ширака, Саакашвили смог назначить министром иностранных дел талантливую француженку грузинского происхождения Саломэ Зурабишвили, занимавшую ранее должность французского посла в Тбилиси³⁷⁶. Приватизация, проведенная Бендукидзе («Все продается, кроме совести!»), поощряла иностранных банкиров и чиновников Европейского союза, которые дали Грузии столько денег, что правительство смогло впервые за пятнадцать лет платить вовремя и сполна пенсии и зарплаты. Саломэ Зурабишвили вела с Кремлем переговоры с таким умением, что Россия начала выполнять с небывалой добросовестностью свои обещания. В марте 2004 года Путин приказал генералу Неткачеву, командующему российскими войсками в Батуми, больше не охранять Аслана Абашидзе: в последней попытке отделить Аджарию от Грузии Абашидзе взорвал мосты и железную дорогу, но, поняв, что и аджарский народ увлекся Саакашвили, сбежал на русскую военную базу и оттуда к своему другу Лужкову в Москву. Затем Россия согласилась на вывод из Грузии всех российских войск и даже выдала Грузии союзника Абашидзе генерала Романа Думбадзе. Зурабишвили и Жвания, судя по всему, дали понять, что, как только положение на Северном Кавказе наладится и если Грузия не прибегнет к насилию, Россия позволит ей вернуть себе Южную Осетию (никто в России, особенно ингуши и чеченцы, не хотел, чтобы

375 Shewardnadse E. Op. cit. P. 19–36.

376 Zourabichvili S. La tragédie orgienne 2003–2008. P., 2009. P. 42–53.

объединенная в составе Российской Федерации Южная и Северная Осетия преобладала в кавказской политике), но Абхазия останется подконтрольным России государством.

Спектакль продолжался – Саакашвили на авансцене, Бурджанадзе в фойе, Жвания за кулисами. Уволили всю дорожную полицию: вместо крепких осетинских хапуг на «жигулях», появились вежливые девушки в «фольксвагенах». Никто не брал взятки (по крайней мере, наличными). Не только полицию, но и таможенную и министерства таким же образом профильтровали: чиновников стало меньше, но им платили достаточно, чтобы они не брали взятки. По телевидению показывали, как арестовывают коррумпированных следователей и прокуроров. Железный министр внутренних дел Вано Мерабишвили ввел закон, по которому своим существованием вор в законе уже нарушает закон. Так как вор в законе должен по своим правилам всегда признаваться в своем титуле, их всех переловили: Мерабишвили хвастался, что главным экспортным товаром из Грузии в Россию были воры в законе. Электростанции починили, счета заставили оплачивать: больше не было перебоев с электроэнергией, и на улицах, хотя бы в Тбилиси, уже не валялся мусор.

26 января 2004 года в церкви Кашуети в Тбилиси Саакашвили официально реабилитировал Звиада Гамсахурдия, чтобы «покончить с разъединением в нашем обществе». Гамсахурдия был объявлен «великим государственным лицом и патриотом»; его тело приказали перезахоронить в Тбилиси, так как «покинуть могилу президента в зоне конфликта значит не уважать ни самого себя, ни своего народа». Улица в Тбилиси получила имя Гамсахурдия, и Саакашвили освободил *звиадистов*, заключенных Шеварднадзе в тюрьму в 1993–1994 годах.

Вначале Саакашвили поддерживал хорошие отношения с Кремлем и обещал восстановить железную дорогу из Абхазии в Армению. Он пытался склонить на свою сторону Эдуарда Кокоиты, пообещав полу-автономию для Южной Осетии и помощь с экономическим развитием, но Кокоиты, оказавшийся заложником осетинских националистов, не клюнул на приманку. В июле 2004 года осетинские милиционеры похитили пятьдесят грузинских полицейских, заехавших на территорию Южной Осетии. Саакашвили опрометчиво потребовал в ответ, чтобы русские убрали из Южной Осетии бо́льшую часть «миротворцев». Русско-грузинское согласие на этом завершилось: разрыв произошел, когда Саакашвили объявил, что Грузия присоединится к НАТО независимо от мнения России и что он отказывается «финляндизировать» свою страну. 18 августа вспыхнула двухнедельная стычка с осетинами, которую Саакашвили прекратил только после давления дипломатов. Путин уже стал непреклонным личным врагом Саакашвили, и новый лидер абхазов Багапш прервал переговоры с Грузией. Когда в декабре 2004 года Саакашвили недвусмысленно поддержал Оранжевую революцию в Украине, Путин поставил цель избавиться от него.

Вступив в конфронтацию с Россией и с сепаратистами, Саакашвили выигрывал в глазах грузинской публики. Но и с грузинами его медовый месяц заканчивался.

3 февраля 2005 года было объявлено, что премьер-министр Зураб Жвания с заместителем уполномоченного президента Грузии в регионе Квемо-Картли Раулем Юсуповым погибли от отравления угарным газом в наемной квартире, где собрались ночью, якобы чтобы сыграть партию в нарды. Телохранитель давал противоречивые показания, даже фотографии квартиры менялись (без окурков, с простыми окурками, с окурками, скрученными, как их скручивал Жвания) с каждым выпуском газет; тела торопливо предали земле, врачи-патологоанатомы и журналисты подвергались избиению или умирали таинственной смертью. Вызвали экспертов из ЦРУ, но они смогли проверить только иранскую печь и вентиляцию квартиры: в английском заключении ЦРУ говорится, что окиси углерода недостаточно (а в грузинском переводе «больше чем достаточно»), чтобы причинить смерть. До сих пор все, кроме поклонников Саакашвили, задаются вопросом, при каких обстоятельствах погиб Жвания – не в результате ли ссоры или потасовки в президентской резиденции? Но то, что последовало, – убийство Юсупова, установка иранской печи (с даже не просохшей еще штукатуркой), нелепая фальсификация вскрытия (в желудке Жвания будто бы нашли остатки продуктов, которых он никогда не ел), неуклюжая

попытка инсценировать гомосексуальное свидание, – объективному наблюдателю показалось бы вопиющим государственным преступлением. Известно, что после распада Советского Союза в Тбилиси КГБ оставил достаточно токсикологических материалов, чтобы служба безопасности могла легко симулировать смерть от инфаркта или угарного газа. Почти все министры, уволенные впоследствии Саакашвили, намекали, что Жванию убили.

Саакашвили начал работать больше с группой советников, чем с министрами, которых он увольнял и нанимал слишком часто, чтобы они могли войти в курс дела. Кроме Гига Бокерия, только Ванო Мерабишвили, министр внутренних дел и госбезопасности, силовик, который осваивал огромную часть бюджета, оказался незаменимым. Именно Мерабишвили, распространив часа через два-три после смерти Жваниа информацию, что причиной смерти является угарный газ, намекнул, что лучше не вникать в дело, чтобы не опозорить близких фактом гомосексуального свидания. Гиорги Барамидзе, друг Жваниа, продолжал пользоваться доверием Саакашвили.

Потеря умного и в отличие от президента толкового премьер-министра все-таки была менее катастрофична для правительства, чем отставка Саломэ Зурабишвили 19 октября 2005 года после ее протеста, направленного на подрыв президентом дипломатии и вмешательство парламента в назначение дипломатов. Те, кто не пользовался доверием Саакашвили, становились статистами в театре грузинского управления.

Каха Бендукидзе оставался у власти дольше других, до февраля 2009 года: благополучие страны зависело от его энергии и предприимчивости. Приватизация проходила очень быстро: всем было все равно, что государственные предприятия продавали нелепо дешево людям, которых разыскивал Интерпол: главное, чтобы Грузия теперь считалась «другом бизнеса», урезав бюрократию. Турецким компаниям отдали наземные пограничные пункты и два международных аэропорта Батуми и Тбилиси. По завершении приватизации Бендукидзе стал ректором экономического университета.

Другие реформы, несмотря на неотложность, воспринимались как нарушения прав. Александрэ Лома, бывший директор Фонда Сороса в Грузии и министр просвещения до 2007 года, положил конец взяточничеству в университетах, где родители лентяев подкупали нищих доцентов: он ввел единый государственный экзамен и присоединил грузинскую систему образования к болонской – некоторым профессорам пришлось уволиться, пока они не защитили более внушительную докторскую диссертацию. Возмущенные профессора и родители заставили Лома подать в отставку, но в результате высшее образование в Грузии стало на ноги.

Саакашвили иногда проявлял замечательную находчивость: чтобы заставить торговцев платить НДС, он ввел лотерею, по которой номер любого счета-фактуры и квитанции мог сделать покупателя богатым: люди начали требовать квитанции, что заставило торговцев платить налог. Но чаще всего внешний блеск прикрывал внутреннюю серость. Деревня была заброшена, и то, что осталось от советской промышленности, зависело от казахского или русского капитала, а туристические маршруты вели по асфальтированным бульварам и новым мостам к пятизвездочным гостиницам и средневековым городам, переделанным в диснейленды. Хорошие рестораны с «мерседесами» на парковке, изысканными фонтанами и безвкусыными статуями отвлекали взгляд от ветхих домов и непроходимых дорог. Правительство Саакашвили равнодушно смотрело на культуру, но благодаря относительному благополучию появились издательства, писатели и читатели. Гордость Грузии – театр и кино – воскресали не так быстро. Но то, что скрывалось от публики, становилось все хуже. Уголовная и тюремная система, где полиция нередко выбивала признания, прокуроры действовали по наущению министров и судьи почти никогда не оправдывали, а выносили чудовищные приговоры – например, пять лет старику, взявшему валежник из государственного леса, – тюрьмы, битком набитые заключенными, – в 2012 году за решеткой оказалось 22000 человек, 0,7 % населения, – где заболевали неизлечимым туберкулезом: именно такой вопиющий скандал привел в конце концов к поражению Саакашвили на

выборах. Нищие на свободе не имели доступа к лечению и, учитывая развал традиционной семейной сплоченности, пенсионеры часто недоедали и мерзли.

Иностранные советники либо не могли, либо не хотели критиковать. Некоторые, например американец Мэтью Брайза, становились платными лоббистами (в Брюсселе и Вашингтоне грузинское правительство наняло дорогостоящий пиар). Но пиар часто просчитывался: в поисках сочувствующих политиков Грузия ухаживала не за Обамой, а за Джоном МакКейном и Миттом Ромни. Однако лоббистам удалось заглушить в Америке голоса армян, пытающихся остановить прокладывание железной дороги Тбилиси – Карс, обходившей Армению (хотя США в конце концов отказались финансировать дорогу).

В мае 2005 года Саломэ Зурабишвили с помощью 250 миллионов долларов, полученных от американцев, удалось уговорить Россию эвакуировать, как было обещано, все войска из Грузии. Но Россия продолжала наказывать Грузию, отказывая грузинам в визах, запрещая ввоз грузинских вин и минеральной воды. (Эффект от запретов был минимальным: грузины летали без визы в Минск и оттуда на ночном поезде доезжали до Москвы; виноделы улучшили качество и начали продавать вино на западном рынке; и Грузия получила предлог, чтобы наложить вето на присоединение России к ВТО.) Россия объявила, что готова ответить на любую агрессию со стороны Грузии, так как 80 % населения Абхазии и Южной Осетии – обладатели российских паспортов (мобильные телефоны в Грузии вблизи границ сепаратистской территории уже сообщали «Добро пожаловать в Россию!»). На Кавказском хребте и Черном море российские Вооруженные силы начали военные маневры. 27 сентября 2006 года, публично депортировав четырех русских шпионов, Грузия усилила напряжение. Все пограничные пункты с Россией закрылись, и газ либо переставали подавать, либо продавали вдвое дороже. Европейские друзья Грузии советовали не реагировать, американские – как можно быстрее перейти под эгиду НАТО. Запад не хотел осуждать опрометчивых шагов Саакашвили даже осенью 2007 года, когда по тогдашнему независимому каналу *Имеди* уволенный военный министр Иракли Окруашвили сказал, что президент приказал ему организовать убийство олигарха Бадри Патаркацишвили. (Это настоящая «Хроника объявленной смерти», ибо 12 февраля 2008 г. совершенно здоровый 53-летний Патаркацишвили скоропостижно умер в Англии естественной, по мнению незнакомца с Кавказом следователя, смертью.) Окруашвили арестовали, заставили отречься от высказываний и признаться во взяточничестве и выпустили, получив с него в залог 10 миллионов долларов (с тех пор Окруашвили арестовывают и освобождают не только в Грузии). 7 ноября 2007 года была разогнана толпа демонстрантов, а потом телестанция *Имеди* была взята штурмом и передана в руки друзей президента.

В местных выборах сентября 2006 года и в президентских января 2008 года Саакашвили, хотя бы в глазах иностранных наблюдателей, легко поддававшихся обману, получил мандат на агрессивную политику. В оппозиции участвовали, кроме настоящих идеалистов, разочарованные или уволенные министры и бизнесмены, заинтересованные в торговых отношениях с Россией: согласиться на единого кандидата, способного повлиять на общественное мнение, или просто сочинить толковый манифест, они не могли. Хуже того, после победы Саакашвили никто в парламенте или в СМИ не хотел освещать деятельность тех, кого один бывший министр называл «ночным правительством» Саакашвили.

В августе 2008 года назрел кризис. Благодаря внешней помощи и новому налогообложению Грузия ежегодно тратила на оборону чуть ли не миллиард долларов, на которые купила у Израиля и восточноевропейских стран (Запад предлагал только обучение и ручное огнестрельное оружие) зенитные ракеты и сторожевые корабли. Но воздушные силы Грузии были ничтожны, а новое оборудование – несовместимо со старым советским. С обеих сторон на границах сепаратистских территорий и Грузии собирались вооруженные силы. Весной Саакашвили хвастался, что овладел Верхней Кодорской долиной, которую Абхазия оставила местным сванам. Риторика становилась все громче. В феврале 2008 года западное признание независимости Косово не только возмутило Россию, но и оправдало в ее глазах признание независимости Абхазии и Южной Осетии; в апреле предложения НАТО на

Бухарестском съезде принять Грузию в свой состав взвинтили напряжение. В Кремле шовинисты составляли планы раздела или даже полной аннексии Грузии; нешовинисты просто поняли, что, пока США завязли в Ираке и в Афганистане, можно проучить грузинское правительство и свергнуть режим. Быстро отремонтировали железную дорогу от Сочи до грузинской границы; военные корабли пошли вдоль Черноморского побережья в сторону Поти, и на Северном Кавказе в армии отменили отпуска. Пятьдесят русских журналистов поехали в Цхинвали.

Саакашвили также считал момент благоприятным: Путин уехал в Пекин на Олимпийские игры, Джон МакКейн, которого грузины прочили в президенты, уже не раз заявлял о своей любви к Грузии и ее вооруженным силам. На самом деле западня была расставлена, и раздраженный зверек попался. Осетинские милиционеры ранили грузинских полицейских и убили трех солдат. Грузины в ответ открыли огонь. Кондолиза Райс и дипломаты умоляли Саакашвили сдержаться, но 117 американских военных советников, никому не доложив, не помешали грузинской армии, надвигающейся на Цхинвали. (Может быть, им было любопытно узнать степень грузинской и русской боевой готовности.) Южные осетины уже эвакуировали женщин и детей на север. 6 августа грузины обстреляли Цхинвали ракетами «Град». На следующий день 16000 солдат и 150 танков пошли в наступление, главным образом для вторжения в Южную Осетию и для того, чтобы укрепить абхазскую границу. В Цхинвали гибли и русские солдаты, и мирные граждане. Почему-то грузины не перекрыли Рокский туннель, и русские подкрепления без труда проехали с севера. Чеченские дружинники с диким энтузиазмом подоспели «помочь» осетинам, которых они до этого всегда ненавидели, и разграбить грузинские села. 360 русских танков и 320 самолетов смели грузинских солдат. Возмездие благодаря плохим средствам коммуникации русских и хорошим зенитным батареям грузин пришло через несколько дней, но тем временем русские корабли, самолеты и танки систематически разрушали дорогостоящее грузинское оборудование, перекрыли единственные железную и автомобильную дороги, связывающие Западную Грузию с Восточной. (Русские шадили, однако, электрические провода и заводы, в которые был вложен русский капитал.) 20000 грузинских крестьян, изгнанных из Южной Осетии, подверглись насилию, грабежу и убийству от рук осетинских и чеченских дружинников, а осетинские крестьяне в свою очередь натерпелись от рук грузинских солдат. Над Тбилиси летали военные самолеты, но бомбили только старый аэропорт. 10 августа с разрешения русских офицеров абхазы пересекли реку Ингури и заняли Зугдиди и Сенаки; абхазский отряд очистил Верхнюю Кодорскую долину от всех обитателей.

Саакашвили, увидев, что армия сокрушена, морской и воздушный флот истреблен и русские орудия могут обстреливать столицу, на грани нервного срыва вызвал из Ирака 2000 элитных солдат, обученных американцами (президент Буш не прерывал отпуска). Без усилий секретаря ООН Пан Ги Муна, секретаря НАТО Хавьера Соланы и секретаря ОБСЕ Александра Стубба никто не согласился бы прекратить огонь. Эка Ткешелашвили, министр иностранных дел, как и некоторые другие министры, назначенные не за профессионализм, а за внешние данные, не справлялась с заданием; европейцы пререкались – Польша и Прибалтика считали виноватой Россию, Италия и Германия – Грузию. Не будь предприимчивых французов, Николя Саркози и его министра иностранных дел Бернара Кушнера, полетевших в Москву и затем в Тбилиси, август 2008-го мог бы кончиться так же плохо, как февраль 1921 года. Саркози настоял на шести пунктах: все они – отказ от насилия; прекращение военных действий; пропуск гуманитарной помощи; двустороннее отступление на первоначальные позиции; включение в международную повестку дня вопроса Абхазии и Южной Осетии – были неоднозначными, но спасительными. Громкое требование президента Медведева, чтобы Саакашвили ушел в отставку, на самом деле спасло президента в глазах грузинской публики: в Грузии критиковать Саакашвили мог только русский ставленник. Саакашвили вынужден был принять все условия Саркози: единственным возможным протестом оказался запоздалый выход из уже полумертвого Содружества Независимых Государств.

Несмотря на перемирие, границы Южной Осетии постепенно расширялись, включив грузинские районы, раньше подчиненные Тбилиси: Ахалгори получил свое советское название, Ленингори, и грузинские граждане проходили через русские КПП. 26 августа Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми республиками и добилась их признания Венесуэлой, Науру, Никарагуа и (до 2011 г.) Вануату. Русские коммерческие интересы сразу одержали верх в обеих странах. Неразрывно связав будущее с Россией, не все абхазы приняли новый статус с радостью, а Южной Осетии не давали ни объединиться с Северной Осетией, ни стать частью России, чтобы не вызывать протестов у ингушей. Европа и США за закрытыми дверями упрекали Саакашвили в безответственности и перестали обещать прием в НАТО. Грузии повезло в том, что мировой финансовый кризис только назревал: Европейский союз и США дали Грузии без малого два миллиарда долларов, чтобы восстановить разрушенные заводы, дороги и здания. В СМИ союзники Грузии продолжали притворяться, что Саакашвили просто защищается от коварной русской атаки, но независимые наблюдатели и доклад Тальявини, заказанный через год Европейским союзом, осудили обе воюющие стороны.

С поразительной самоуверенностью Саакашвили отметил победу: Тбилиси почти совсем не бомбили, Путин не выполнил угрозы «повесить его за гениталии». Но Грузия теперь играла уже второстепенную роль в политике Барака Обамы, и Турция со своей беспроblemной иностранной политикой, поддерживающая хорошие отношения с взаимно враждебными государствами, теперь стала идеальным покровителем Закавказья. Война отпугнула инвесторов: работы на железной дороге Баку – Тбилиси – Карс были заморожены на два года.

Грузия искала поддержки у других государств, прежде всего у Израиля, но новая грузинская политика, при которой правительство круто и задним числом штрафовало иностранных бизнесменов, придумав нарушения неизвестных законов, охлаждала энтузиазм иностранных бизнесменов. Неожиданным источником доходов стал Иран: Грузия оказалась страной, куда богатые иранцы могли без визы (по крайней мере, до июля 2013 г.) и без стеснений ездить отдыхать, лечиться или учиться. Занимая и тратя огромные суммы, грузинское правительство построило новые дороги, ведущие к туристическим достопримечательностям, например к пещерному монастырю Вардзия на армяно-турецкой границе, и к Местиа в Сванских горах.

Потерю Абхазии и Южной Осетии можно сравнить с ампутацией гангренозной руки: остальной организм от операции в конце концов здоровеет. Самые смелые журналисты даже намекали, что стоит признать независимость Абхазии, чтобы поддерживать связи и мешать стране полностью слиться с Россией. Граница остается полуоткрытой: крестьяне, проживающие в Мингрелии, ездят, несмотря на вымогательство абхазских дружинников, в Гали, чтобы собирать орехи со своих плантаций и продавать урожай в Зугдиди, где платят вдвое больше, чем в Сухуме. Огромную ингурскую гидроэлектростанцию отремонтировали, так что абхазы и грузины не только снабжают свои страны электричеством, но и делятся доходами от экспорта в Турцию. В 2010 году Россия построила расширенный пограничный пункт в Ларсе, чтобы открыть дорогу в Армению (ни один грузин не осмелится на своей машине ездить из Тбилиси во Владикавказ). Российский капитал все еще инвестировал в грузинскую инфраструктуру, и после 2010 года члены грузинской оппозиции и патриарх Илья II начали ездить в Москву и даже пожимать руку российским властью имущим.

Риторика президента и его озлобленные припадки не прекращались. В марте 2010-го после его выступления по телевидению объявили о якобы грядущем втором российском нашествии: тысячи граждан поверили вещанию, впали в панику, сели в машины и помчались к азербайджанской границе. 26 мая 2011 года полиция набросилась на демонстрантов, избива нескольких до смерти и затем арестовала четверых фотожурналистов за «шпионаж».

На существенные проблемы экономики, особенно в деревне, не обращали внимания: до сих пор Грузия производит меньше 10 % чая и цитрусовых от объема тридцатилетней давности, а повышенные цены на импортные продукты почему-то не стимулируют сельское

хозяйство: наоборот, правительство закрыло тбилисские рынки, так что граждане покупают помидоры и салат, выращенные в Турции.

Министры сельского хозяйства придумывали все более нелепые проекты: крокодиловые фермы, чтобы производить сумки; приглашение фермеров из Южной Африки или Панджаба для заселения и обработки оставленных под паром земель картлийских и кахетинских крестьян. Когда европейцы потребовали от полиции большей прозрачности, министр внутренних дел Вано Мерабишвили построил новые участки со стеклянными стенами, выставяющими полицейских на обозрение, как проституток в голландском борделе. Гиорги Угулава, молодой мэр Тбилиси, чинил трубы, пек хлеб, заправлял автомобили, как будто политика – реалити-шоу.

Тем не менее СМИ пользовались достаточной свободой, чтобы показать программу, разоблачавшую нестыковки в официальной версии гибели Жвани. Судя по книгам, продаваемым в книжных лавках, – *Майн кампф* Гитлера, *Государь* Макиавелли, – грузинская публика еще склонна к крайним взглядам. Новая проза, однако, показывает, до какой степени молодое поколение становится европейским: в романе *Последний звонок* Лаша Бугадзе школьники сопротивляются влиянию учителей и родителей, молодые избиратели не хотят слушать дешевой риторики.

Парламентские выборы 2012 года стали значительной вехой в истории Грузии. Впервые старое правительство после справедливых выборов без споров и трюков уступило место новой партии. До выборов вспыхнул громкий скандал, когда все смотрели видеофильм, показывающий, как тюремные надзиратели мучают и насилуют заключенных. Это привело к отставке (а затем аресту) министра внутренних дел и к массовым демонстрациям (в Грузии, как нигде в мире, судьба заключенных вызывала сочувствие у публики, так как почти каждый человек имел арестованных родственников или знакомых). Тем не менее мало кто ожидал, что выборы выиграет олигарх Бидзина Иванишвили и его многопартийная коалиция *Грузинская мечта* и что Саакашвили великодушно смирится с результатами. По новой Конституции власть перешла от президента к парламенту и выбранному победившей партией премьер-министру. Иванишвили, несмотря на щедрую благотворительность (от реставрации Батумского ботанического сада до поддержки одиноких пенсионеров), внушал многим опасение тем, что якобы представляет интересы Кремля³⁷⁷. Волна арестов бывших министров весной 2013 года, часто за незначительные нарушения закона, пахла мстительностью. К тому же многие реформы Саакашвили, и хорошие, и плохие, были отменены; президента без нужды унижали, вырубив электричество в президентском дворце и уволив почти всех им назначенных послов. Осенью 2013 года, когда стало ясно, что с Россией вступили в переговоры, добившись возобновления экспорта вина и минеральной воды, но не примирившись с российскими нарушениями территориальной целостности и не поменяв курса на Европу, оппоненты Иванишвили успокоились. Строится, хотя медленно, железная дорога в Карс, экономическая, экологическая и иностранная политика пусть не улучшилась, но и не стала хуже. Самым положительным достижением нового правительства является то, что амнистией и пересмотром дел смогли освободить половину всех заключенных в грузинских тюрьмах. Президент Гиорги Маргвелашвили, избранный после почти безупречных выборов 27 октября 2013 года, вряд ли повлияет на будущее, а новый премьер-министр, молодой Иракли Гарибашвили, к концу 2015 года уступивший место более представительному и независимому Гиорги Квиркашвили, делал вид, что выполняет задания Иванишвили. Главное достижение последних лет – реализм ожиданий: никто уже не верит, как уверял народ Саакашвили, что Грузия станет похожей на Израиль и еще менее на Сингапур или что грузинская армия, как обещал почти каждый грузинский политик, через год отвоюет Сухум.

377 См.: *Gente R. Bidzina Ivanishvili, a man who plays according to Russian rules? // Caucasus Survey. 2013. Vol. 1. P. 117–126* (трезвая оценка вопроса, до какой степени Иванишвили обязан России).

Приложения

Хронология

Год	События в мире	События в Грузии
1112 до н.э.		Ассирийский царь поражает диаухи (таоских картвелов)
790 до н.э.		Урартский царь Менуа вторгается в Шешети (Шавшети, Юго-Восточную Грузию)
743 до н.э.		Урартский царь Сардури II поражает Кулху (Западную Грузию)
ок. 720 до н.э.	Скифы и киммерийцы завоевывают Закавказье	Картвельские племена распрстраняются на запад и север
450 до н.э.		Саспери (иберийцы) и колхи подчиняются Ирану (по Геродоту)
400 до н.э.		Ксенофон встречается с грузинами, мингрелами и лазами
334–331 до н.э.	Завоевания Александра Македонского	Греческий сатрап (Азон или Митридат) в Иберии
299–234 до н.э.		Царствование царя Парнаваза

Год	События в мире	События в Грузии
188 до н. э.	Римляне завоевывают Анатолию; Армения занимает часть Закавказья	Колхида становится автономной
169 до н. э.		Евреи переселяются в Мцхету
66 до н. э.	Гней Помпей вторгается в Понт	Помпей подчиняет иберийского царя Артага
47 до н. э.		Колхида входит в состав Понта
40–36 до н. э.	Марк Антоний вторгается в Анатолию	Царь Парнаваз II укрепляет дружеские отношения с Римом
51 н. э.		Парфяне и римляне воюют с Закавказской империей Парсмана I
131		Адриан отправляет Флавия Арриана в Колхиду и Иберию
134 или 138		Парсман II принят в Риме
242–272		Персидский царь Шапур I вторгается в Иберию
298	Нисибисский мирный договор между римлянами и иранцами	Иберия подчиняется Риму
313	Миланский эдикт узаконивает христианство	
317	Затмение солнца на Ближнем Востоке	Крещение царя Мириана III
370		Император Валенс вторгается в Иберию
378		Иберия подчиняется Ирану
465		Губаз I, царь Лазики, мирится с императором Львом I
460–480		Царь Вахтанг Горгасали объединяет западных и восточных

Год	События в мире	События в Грузии
554	Армяне, приняв монофизитство, уходят из православия	Византийцы убивают царя Лазики Губаза II
626		Император Ираклий, опустошив Тбилиси, подчиняет себе Иберию и Лазику
643–645	Арабы начинают завоевание Закавказья и Анатолии	
736		Марван Глухой разоряет Картли и основывает Тбилисский эмират
800		Армянин Васак Багратун женится на иберийской княжне и основывает в Тао-Кларджетскую грузинскую династию Багратидов
853		Буга Турок разоряет Картли и мятежный Тбилисский эмир
975		Давит III усыновляет будущего Баграта III, который становится наследником грузинских престолов
979	Император Василий II и таосский царь Давит III поражают Варду Склира	
1004		Баграт III объединяет Западную и Восточную Грузию
1021		Василий II занимает Южную Грузию
1071	В битве при Манцикерте турки поражают византийцев и берут в плен	Баграт IV заключает мир с Ал Арсланом

Год	События в мире	События в Грузии
1092	Смерть Малик-шаха и визира Низама ул-Мулка	Давит IV Строитель отвоевывает потерянные земли и создает армию и государство
1099	Крестоносцы берут Иерусалим	
1104		Руис-Урбнисский собор перестраивает церковь и подчиняет ее государству
1105		Присоединение Кахетии
1118		Давит IV приглашает кипчаков, разводится с Русудан и женится на кипчачке Гурандухт
1121–1123		Дидгорская битва: мусульмане терпят поражение, Тбилиси освобожден и становится столицей
1131		Царь Деметре I выкалывает глаза сводному брату Вахтангу
1155		Деметре I против своей воли стрижется в монахи. Престол переходит к его сыну Давиту. Давит V отравлен
1156		Георги III наследует престол
1177–1178		Георги III казнит племянника Демну и венчает дочь Тamar на царство
1188–1189		Царица Тamar разводится с Юрием Боголюбским и выходит замуж за Давита Сослана
1195		После битвы при Шамкоре Грузия расширяется

Год	События в мире	События в Грузии
1204	Константинополь сожжен и разорен рыцарями Четвертого крестового похода. Создание Трапезундской империи	
1220		Монгольский авангард в Грузии
1225–1228	Чингисхан завоевывает Среднюю Азию	Хорезмшах Джелал ад-Дин сокрушает грузин в битвах при Гарниси и Болниси
1231	Джелал ад-Дин убит	
1235		Монголы вторгаются в Грузию
1243–1247		Давит Улу и Давит Нарын едут в Каракорум за утверждением на царство
1260		Монголы разрешают Саргису Джакели управлять Самцхе: Грузия делится на три части
1289		Димитри II казнен монголами
1334		Гиорги V Блестящий объединяет и укрепляет страну своим кодексом
1347		Чума уносит половину населения
1386		Первое вторжение Тамерлана
1402	Тамерлан сокрушает Беязыта	
1405	Смерть Тамерлана	
1407		Вторжение Тохтамыша

Год	События в мире	События в Грузии
1438–1445	Папа Евгений IV созывает Ферраро-Флорентийский собор	Грузинские представители отвергают союз с Римско-католической церковью
1452	Оттоманы берут Константинополь	
1459–1460		Грузинские правители предлагают папе Пию II и венецианскому дожу коалицию против турок
1470	Царь Иван III собирает русские земли: Москва — Третий Рим	
1490		Константинэ II созывает дарбази, кончается гражданская война, но объединения Грузии не происходит
1555	Султан Сулейман и шах Тахмасп заключают Амасийский мир, на 175 лет делят Закавказье на две сферы, но война продолжается	
1569		Шах Тахмасп заточает царя Симона I в крепость, возводит на престол Дауд-хана
1578		Шах Худабанда освобождает царя Симона
1585		В Кахетии русские посланники
1599		Турки берут в плен Симона и заточают в Константинополе
1605	Смерть царя Бориса, русская Смута	Кахетинский царь Александрэ II и его сын Гиорги убиты по приказу шаха Аббаса вто-

Год	События в мире	События в Грузии
1620–1624		Шах Аббас кастрирует сынов Теймураза I, пытает и убивает его мать, Луарсаба II душат тетивой
1625		Гиорги Саакадзе в битве при Марткопи поражает Аббаса; Теймураза венчают на царство в Картли и Кахетии, он шлет посла в Испанию и в Рим
1626		Теймураз побеждает армию Саакадзе в битве при Базалет
1633		Теймураз бежит из Картли в Имеретию
1637		Русские послы в Кахетии
1649–1652		Теймураз и имеретинский царь Александрэ связываются с Москвой
1658–1661		Теймураз возвращается из Москвы, Вахтанг V пленит Теймураза и привозит пленника ко двору шаха Аббаса II. Смерть Теймураза. Грузия временно объединена
1688	Царь Петр I Великий едет в Голландию с Александрэ Багратионом	
1703–1711	Грузинские книги печатаются в Москве и в Тбилиси	Цари Гиорги XI и Каихосро погибают, сражаясь в иранской армии. Эреклэ I умирает в Иране, так и не вернувшись на родину

Год	События в мире	События в Грузии
1721–1722		Петр I уговаривает Вахтанга V вместе вторгнуться в Дербент, а затем покидает его
1723–1730		Турки правят почти всей Грузией
1749		Цари Теймураз II и Эреклэ II правят Картли-Кахетией и оказывают большое влияние на иранского шаха Шахроха. Расцвет культуры, в Тбилиси печатаются книги
1752		Соломон I наводит порядок в Западной Грузии и сближается с Эреклэ II
1762	Екатерина II, вступив на престол, интересуется Грузией	
1768–1774	Русско-турецкая война (1768–1774)	Генералы Г. Тотлебен и А. Сухошин «помогают» Грузии против турок
1783		Эреклэ II подписывает Трактат и признает русский суверенитет
1795		Иранский шах Ага Мохаммед хан полностью разрушает Тбилиси и разоряет Картли
1800–1801		Смерть Гиорги XI; царь Павел I издает Манифест об управлении Картли-Кахетией Российским государством. Александр I выселяет Багратионов
1803		Царица Мариам убивает ге-

Год	События в мире	События в Грузии
1806–1812	Русско-турецкая война (1806–1812)	
1807	Наполеон предлагает иранскому Фетху Али-шаху Грузию в обмен на союз против России	
1810		Царь Соломон II кочует по лесам, потом бежит из Грузии Генерал А. Тормасов казнит четырех полицейских, помогавших царю бежать
1811		Русский экзарх Варлаам сменяет грузинского патриарха, грузинская церковь практически уничтожена. В Имеретии голод из-за неурожая, население гибнет и бунтует
1812–1813	Наполеон вторгается в Россию	Кризис в Кахетии, крестьянский бунт. Мятеж подавлен только через год
1820		Мятеж в Гурии
1826	Декабристы казнены и сосланы	Генерал И. Паскевич сменяет генерала А. Ермолова
1828	Иран заключает мир с Россией в Тюркменчае	
1829	Турки заключают мир в Адрианополе	Россия возвращает себе и Грузии Ахалцихе и черноморские порты
1830–1831	Подавление польского восстания	
1832–1834		В Тбилиси раскрыт заговор, обвиняемых — 70 человек. Грузинские заговорщики арестованы, осуждены и прощены
1837		Царь Николай I едет в Закавказье; барон Г. Розен уволен из-за преступлений зятя Александра Дадияни

Год	События в мире	События в Грузии
1853	Начало Крымской войны	Конец мингрельской автономии после смерти Левана V Дадияни и его сына Давита
1854		М. Воронцов уходит в отставку
1855	Александр II наследует престол	
1856	Конец Крымской войны	Россия сохраняет черноморские порты; А. Барятинский назначен наместником
1857		Бунт под предводительством кузнеца Уту Микавы в Мингрелии. Кровная вражда двух племен Дадешкелиани в Сванетии. Казнь свана Константинэ Дадешкелиани
1859	А. Барятинский пленяет Шамиля	
1860		Оперный театр в Тбилиси вновь открывается
1861–1862		А. Барятинский женится на Элисабед Орбелиани; брат царя Михаил Николаевич назначен наместником
1864–1866	Россия выдворяет в Турцию убыхов и другие народы	
1872		Мингрелы, а также армяне, турки, грузины и русские заселяют Абхазию. Ремесленники в Тбилиси бастуют, требуя отмены новых налогов.

Год	События в мире	События в Грузии
1877		Выпускается «Иверия», до 1879 года газета, с 1879 по 1886 год — первый популярный журнал
1878	Сан-Стефанский и Берлинский мирные договоры возвращают России Карс и Ардахан	
1879		Кутаисские евреи оправданы
1881	Убийство Александра II	Царь Александр III упраздняет наместничество
1886		Убийство ректора семинарии П. Чудецкого
1903	Генерал Г. Голицын конфискует земли и фонды армянской церкви	
1904	Съезд грузинских социалистов в Женеве	После покушения генерал Г. Голицын уходит в отставку
1905	Россия проигрывает войну с Японией; революция в городах	И. Воронцов-Дашков назначен наместником; «красный» В. Старосельский — губернатором. Забастовки, мятеж
1906	В России избрание и роспуск Первой Думы	Большевики убивают генерала Ф. Грязнова
1907		Убийство И. Чавчавадзе. Камо Тер-Петросян грабит банковскую карету: много убитых
1908		Уровень терроризма снижается, а экономика и культура на подъеме
1914	Начало Первой мировой	

Год	События в мире	События в Грузии
1917	В России Февральская революция, отречение царя Николая II от престола. Затем Октябрьская революция: большевики захватывают власть	Особый закавказский комитет (Озакком) с разрешения Временного правительства берет власть; в ноябре правят страной Народный съезд и его председатель Н. Жордания
1918	Брест-Литовский мирный договор: турки претендуют на Южную Грузию. Германия и Турция побеждены	В мае немецкая миссия руководит грузинскими делами
1919		Британцы занимают Батуми и устанавливают контроль над Закавказской железной дорогой
1920		В мае Ленин признает Грузию Советская Россия и Грузия обмениваются послами. Британцы уезжают
1921		Красная армия вторгается в Грузию, которая к маю 1922 года становится советской республикой. Большевики уезжают с сокровищами (экспонаты Государственного музея, Национальной галереи и главных церквей)
1924	Смерть В. И. Ленина	Антисоветское восстание жестоко подавляется
1931	Сталин без противников: начало коллективизации	Л. Берия назначен первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, в 1932 году — первым секретарем Закавказского крайкома
1936	Показные суды над старыми большевиками	По Конституции 1936 года Грузия становится ГССР. Л. Берия

Год	События в мире	События в Грузии
1937	Назначив «лимиты», И. Сталин и Н. Ежов начинают Большой террор	В Грузии 50 000 человек арестованы, из которых 20 000 расстреляны
1938	Л. Берия едет в Москву, становится главой НКВД	К. Чарквиани назначен первым секретарем ЦК КП Грузии
1941	Германия вторгается в СССР	
1953	Смерть И. Сталина; Берия арестован, расстрелян	
1954		В. Мжаванадзе назначен первым секретарем ЦК КП Грузии А. Инаури — председателем грузинского КГБ
1956	«Секретный доклад» Н. Хрущева	Мятеж в Тбилиси: убито около 150 человек, сотни ранены
1964	Л. Брежнев у власти	
1972		Э. Шеварднадзе назначен первым секретарем ЦК КП Грузии
1977		З. Гамсахурдия арестован. Абхазы требуют отделения
1985	Начало перестройки	Э. Шеварднадзе назначен министром иностранных дел СССР
1989		Тбилисские диссиденты выводят на улицы студентов и рабочих с требованиями независимости. В ночь с 8 на 9 апреля убиты 21 человек, в Тбилиси объявлен комендантский час

Год	События в мире	События в Грузии
1991–1992	Распад СССР. Приход Б. Ельцина к власти в России	Независимость, затем гражданская война в Грузии. Переворот Д. Иоселиани. Э. Шеварднадзе возвращается. Война с Абхазией
1993		З. Гамсахурдия убит
1999	Путин становится президентом	
2003		Революция роз М. Саакашвили и З. Жвания
2005		З. Жвания убит
2008		Война в Южной Осетии с Россией
2012–2013		Победа Грузинской мечты — Демократической Грузии Б. Иванишвили

Библиография

на русском языке

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. / Под ред. А. Берге. Тифлис, 1866–1904.

Багратиони В. История Царства Грузинского / Пер. Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1985.

Белокуров С. А. Посольство дьяка Федора Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских: В 2 кн. М., 1887. Кн. 2.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып I. 1578–1613 гг. М., 1889.

Броссэ М. -Ф. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1779 г. СПб., 1861.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869.

Ватейшвили Д. Л. Грузия и Россия: В 4 кн. // Грузия и европейские страны: В 3 т. М., 2003–2006. Т. 3.

Воронцов-Дашков И. И. Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом. СПб., 1910.

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991.

Иванов Р. И. Генерал Максуд Алиханов. Махачкала, 2003.

- Исмаил-Заде Д. И.* И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005.
- Какабадзе С. С.* Грузинские документы в собрании ленинградского отдела Института востоковедения. М., 1987.
- Какабадзе С. С.* Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967.
- Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии. 1917–1921. Париж, 1985.
- Летопись Картли / Пер., введ. и примеч. Г.В. Цулая.* Тбилиси, 1982.
- Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 / Сост. М. А. Полиевктов.* Тбилиси, 1937.
- Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Муханов В. М.* Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007.
- Наумов В. П., Сигачев Ю.* Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
- Полиевктов М. А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650–1652. Тифлис, 1926.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1881–1915. Вып. 1–45.
- Струков Д. П.* Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. СПб., 1906.
- Удовик В. А., Кацик В. О.* Светлейший князь М. С. Воронцов: Человек, полководец, государственный деятель. СПб., 2000.
- Утверждение русского владычества на Кавказе: В 12 т.* Тифлис, 1901–1908.
- Цагарели А. А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2 т. СПб., 1891.

на английском языке

- Ancient Christianity in the Caucasus / Ed. T. Mgaloblishvili.* Curzon, 1998.
- Avalishvili Z.* Teimuraz I and his poem 'The Martyrdom of Queen Ketevan' // *Georgica*, 4. U. K. № 17.
- Barbaro J., Contarini A.* Travels to Tana and Persia. L., 1873.
- Braun D.* Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.
- Furtwängler A.* Iberia and Rome. Langenweissbach, 2001.
- Gonzalez de Clavijo R.* Embassy to Tamerlane. L., 1860–1958.
- Jones S. F.* Socialism in Georgian Colors. Harvard, 2005.
- Lang D. M.* The Last Days of the Georgian Monarchy. N. Y., 1957.
- Leeuw C. van der.* Storm over the Caucasus. Richmond (UK), 1999.
- Metreveli R.* The Golden Age / Translated by Elene Paghava. Tbilisi, 2010.
- Minadoi G. T.* History of the Wars between the Turkes and the Persians / Translated by A. Hartwell. L., 1595.
- Rapp S. H. Jr.* Studies in medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, 2003.
- Russian Embassies to the Georgian Kings 1589–1605 / Ed. W.E.D. Allen.* L., 1970.
- Rayfield D.* The Literature of Georgia. L., 2010.
- Salia K.* History of the Georgian Nation / Translated by Katharine Vivian. P., 1983.
- Suny R. G.* The Making of the Georgian Nation. L., 1994.
- The Abkhazians / Ed. G. Hewitt.* Richmond, 1999.
- The Georgian Chronicle: the period of Giorgi Lasha / Translated by K. Vivian.* Amsterdam, 1991.
- Thomson R. W.* Rewriting Caucasian History. Oxford, 1996.
- Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.

на грузинском языке

- Dolidze I.S.* Kartuli samartlis dzeglebi. Vol. I. Tbilisi, 1963.
Guruli V. and K'up'at'adze B. Sakartvelos ist'oria: XIX sauk'une. Tbilisi, 2004.
Guruli V. Sakartvelos ist'oria: XX sauk'une. Tbilisi, 2003.
Hasan rumlus tsnobebi sakartvelos shesakheb / Ed. V. Puturidze. Tbilisi, 1966.
Ist'oriani: sametsniero k'rebuli / Ed. B. K'udav. Tbilisi, 2009.
Javakhishvili I. Kartveli eris ist'oria. Vols. 1–5. Tbilisi, 1953–1964.
Kartul-sp'arsuli ist'oriuli sabutebi / Ed. V. Puturidze. Tbilisi, 1955.
Lominadze R. Rusuli martva-gamgebloba sakartveloshi I (1801–1844). Tbilisi, 2011.
Mamistvalishvili E. Kartvel ebraelta ist'oria (ant'ik'uri da peodalizmis khana). Tbilisi, 1995.
Melikishvili G. Kartuli ist'oriis nark'vevebi. Vols. I–VII. Tbilisi, 1970–1980.
Met'reveli R. Davit Aghmashenebeli. Tbilisi, 1990.
Met'reveli R. Kartlis tskhovreba. Tbilisi, 2008.
Met'reveli R. Mepe tamari. Tbilisi, 1991.
Met'reveli R. Saist'orio nark'vevebi. Tbilisi, 2009.
Met'reveli R., Samushia J. Mepet mepe giorgi II. Tbilisi, 2003.
Munshi I. Tsnobebi sakartvelos shesakheb. Tbilisi, 1969.
Rekhviashvili M. Imeretis samepo 1462–1810. Tbilisi, 1989.
Rekhviashvili M. Samtskhis samtavro XIII–XVI ss. Tbilisi, 1992.
Sakartvelos ist'oria I / Ed. N. Vachnadze. Tbilisi, 2008.
Suladze G. Kartuli ant'isabch'ota emigratsia da sp'etssamsakhurebi 1918–1953. Tbilisi, 2010.
Surguladze A. & P'. Sakartvelos ist'oria: sak'itkhavi ts'igni. Tbilisi, 1991.
Surguladze I. Kartuli. Samartlis dzeglebi. Tbilisi, 1970.
Svanidze M. Sakartvelo-osmaletis urtiertobis ist'oriidan (XV–XVII ss). Tbilisi, 1971.
Tamarashvili M. Ist'oria k'atolik'obisa kartvelta shoris. Tbilisi, 1902.
Vakhushti. Sakartvelos tskhovreba. Tbilisi, 1913.
Zhordania T. Kronik'ebi I, II. Tbilisi, 1892–2004, 1897.

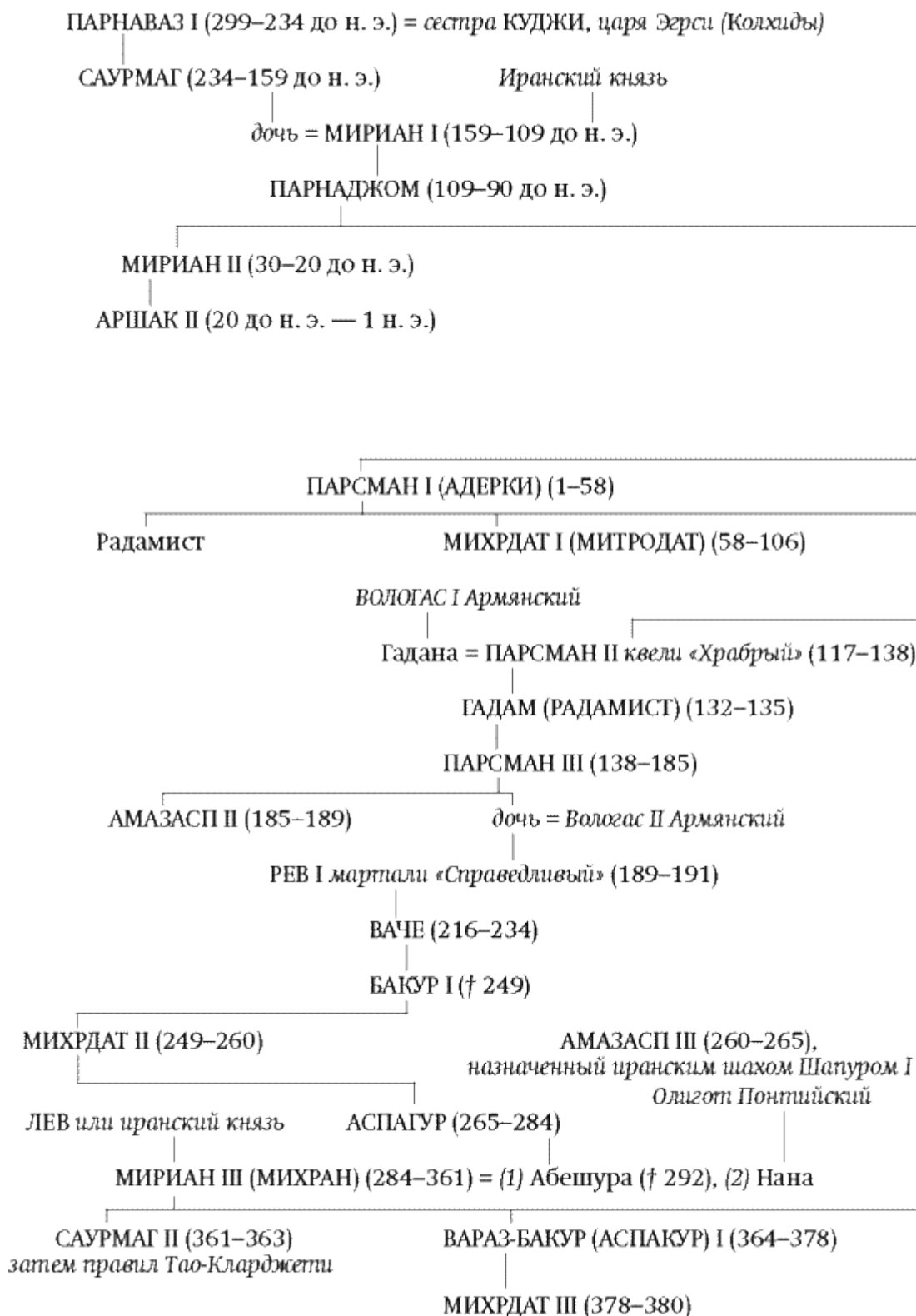
на других языках

- Brosset M.-F.* Éclaircissements a l'histoire de la Géorgie depuis l'antiquité. P., 1851.
Brosset M.-F., Chubinov D. Histoire de la Géorgie I–II. Petersburg, 1849–1858.
Charachidzé G. Introduction a l'étude de la féodalité géorgienne (le Code de Georges le Brillant). P., 1971.
Chardin J. Voyage de Paris a Ispahan / Ed. S. Yerasimos. P., 1983.
Fekete L. Zur Geschichte der Grusiner des 16. Jahrhunderts. Budapest: Acta orientalia hungarica, 1951. Vol. 1.
Furier A. Polacy w Gruzji. Warsaw. 2009.
Gabašvili N. La Georgia e Roma: duemila anni di dialogo. Vatican, 2003.
Gouvea A. de. Relations des grandes guerres. Rouen, 1646.
Il Caucaso: Cerniera fra culture dal Mediterraneo all Persia / Ed. W. Seibt. Spoleto, 1996.
Keun O. Au pays de la Toison d'or (En Géorgie menchéviste indépendante). P., 1923.
Klaproth J. Güldenstädt's Beschreibung der kaukasischer Länder. Berlin, 1834.
Kress von Kressenstein F. Meine Mission im Kaukasus / Ed. D. Paichadze. Tbilisi, 2001.
La Géorgie entre Perse et Europe / Eds. F. Hellot-Bellier, I. Natchkebia. P., 2009.
Lamberti A. Relatione della Colchide hoggi detta Mengrelia. Naples, 1654.
Peçevi I. Tarih-i Peçevî. Istanbul, 1968–1969; Ankara, 1981–1982.
Razoux P. Histoire de la Géorgie: la clé du Caucase. P., 2009.
Rottiers B. Itinéraire de Tiflis a Constantinople. Brussels, 1829.

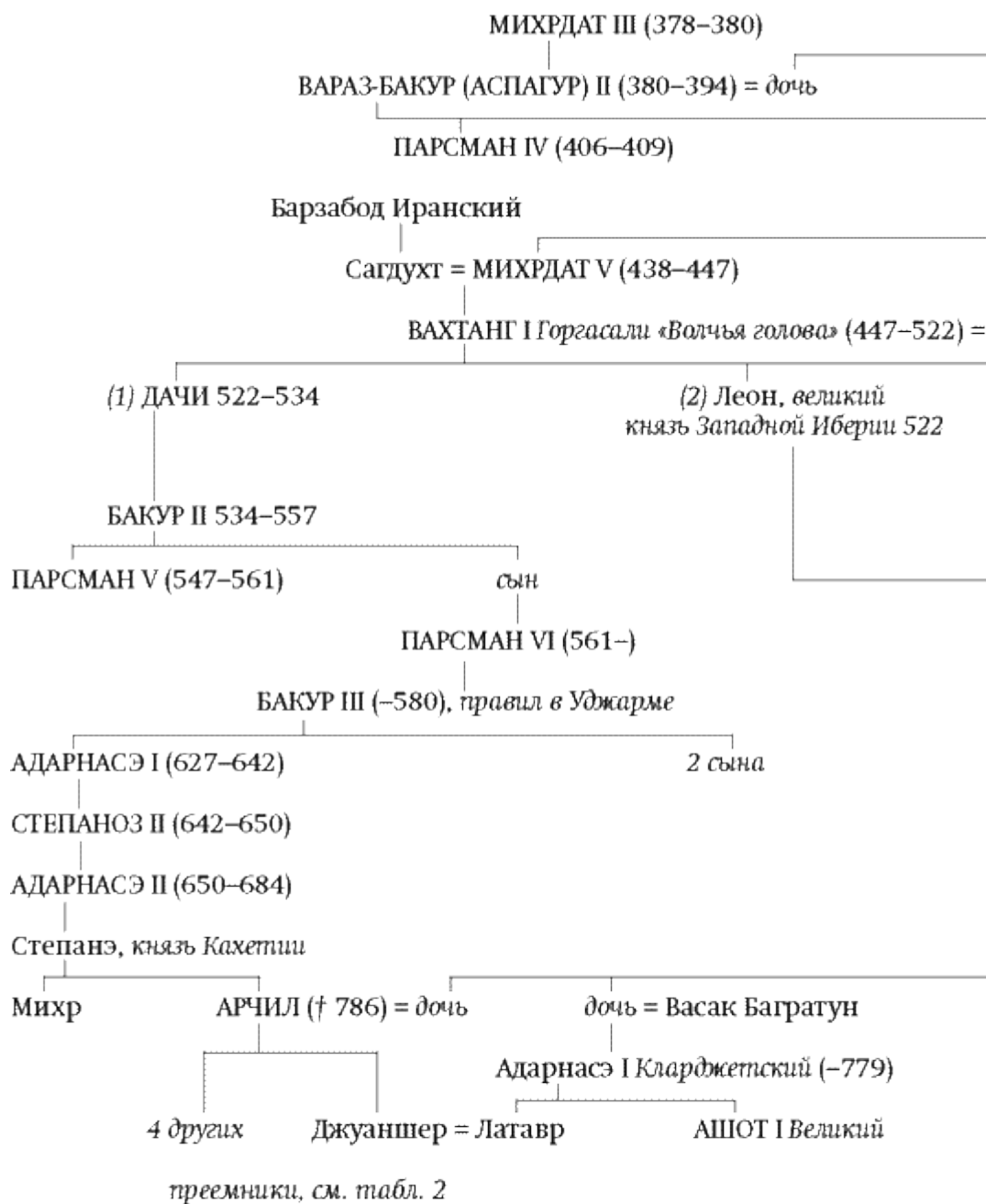
- Schewardnadse E.* Als der eiserne Vorhang zerriss. Duisburg, 2007.
- Tamarati M.* L'Église géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome, 1910.
- Toumanoff C.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasic chrétienne. Arménie – Géorgie – Albanie. Rome, 1976.
- Zampi G.-M.* Relation de la Colchide et de la Mingrélie, in J.F. Bernard Recueil des voyages au nord. P., 1715. Vol. 7.
- Zourabichvili S.* La tragédie géorgienne 2003–2008. P., 2009.
- Zürner W.* Kaukasien 1918–1921: der Kampf der Grossmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Таблица 1. Добагратидские цари

Таблица 1. ДОБАГРАТИДСКИЕ ЦАРИ

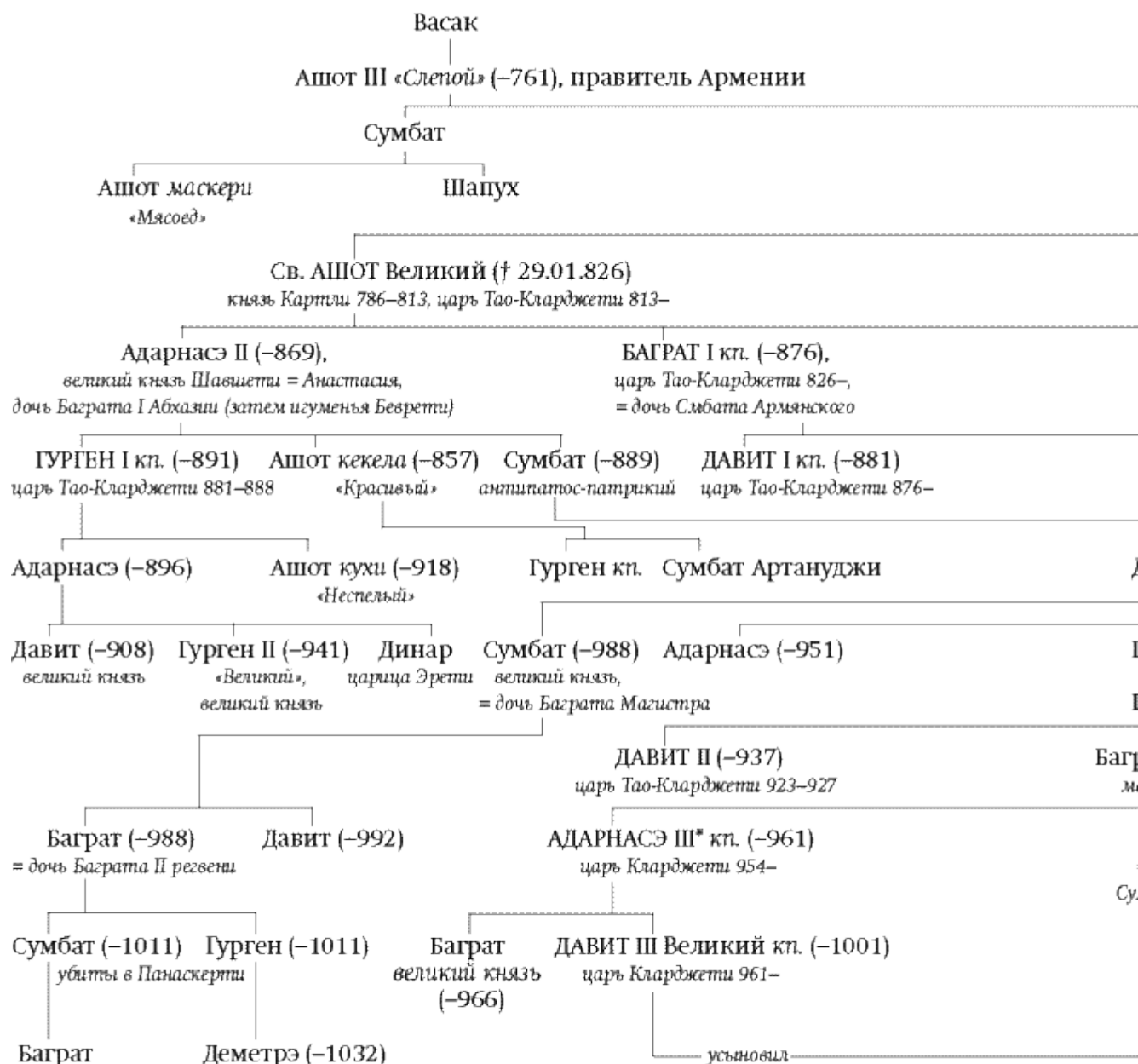
Продолжение таблицы 1

Эта родословная составлена как из легендарных, так и из исторических источников, согласно датировкам Кирилла Туманова. Есть более подробная и немного отличающаяся версия в книге: *Settipani C. Continuité des élites à Byzance durant les siècles obscurs. Les princes caucasiens et l'empire du VIe au IXe siècle.* P., 2006. P. 538 (Stemma IV).

Таблица 2. Тао-Кларджетские багратиды

Таблица 2. **ТАО-КЛАРДЖЕТСКИЕ БАГРАТИДЫ**

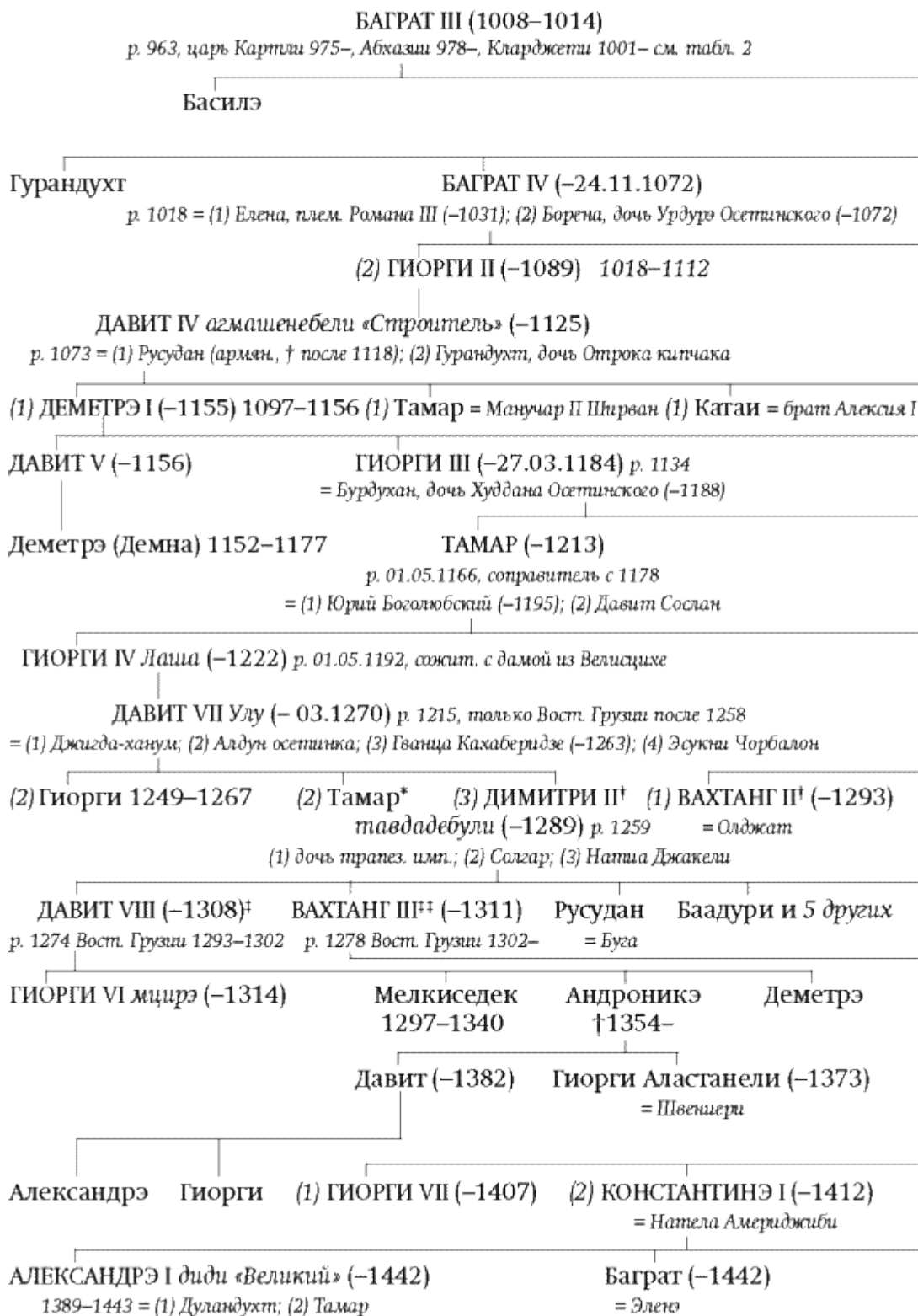

кп. — куропалат; * — или V

Эта родословная составлена как из легендарных, так и из исторических источников, согласно датировкам Кирилла Туманова. Есть более подробная и немного отличающаяся версия в книге: *Settipani C. Continuité des élites Byzance durant les siècles obscurs. Les princes caucasiens et l'empire du VIe au IXe siècle. P., 2006. P. 539 (Stemma V).*

Таблица 3. **Всегрузинские багратиды**

Таблица 3. **ВСЕГРУЗИНСКИЕ БАГРАТИДЫ**

Продолжение таблицы 3

АЛЕКСАНДРЭ I დიდი «Великий» (~1442)

1389–1443 = (1) Дуландухт; (2) Тамар

ВАХТАНГ IV (~1446)

= Ситихатун Панаскертели

Деметрэ

1414–1463 = Гушара

ГИОРГИ VIII (~1466)

1417–1476

см. табл. 7

КОНСТАНТИНЭ II (1441–1505)

см. табл. 4

Давит

† 1475

* = (1) Арзун; (2) Садун Манкабердели

** = (1) Султан Хусрау II (†1246); (2) сын Перванэ Му'ин ад-Дин Сулеймана

‡ = (1) Олджат; (2) Амада Сумарели

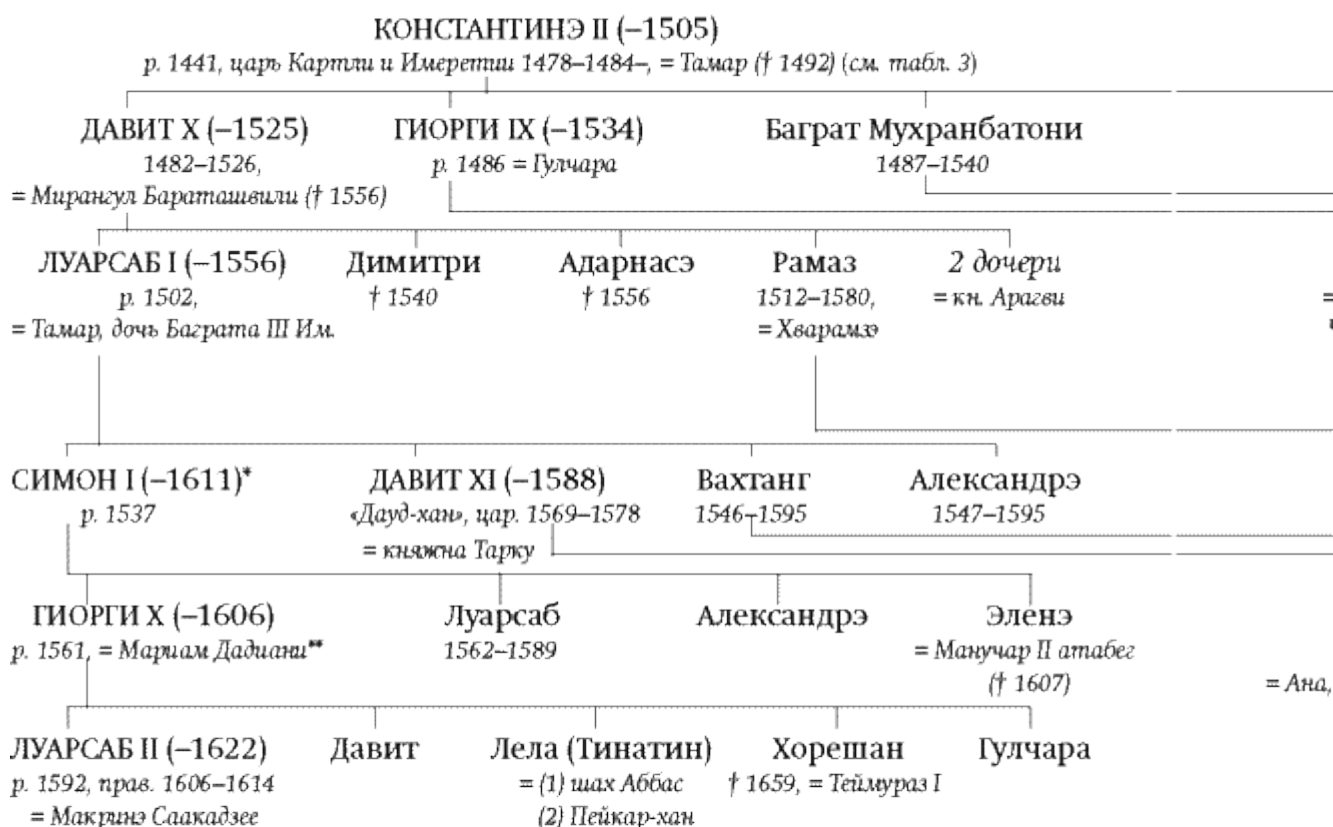
‡‡ = дочь Шабурисдзе

† «пожертвовавший собой», правил только Восточной Грузией

§ правил только Западной Грузией

Таблица 4. Картлийские багратиды

Таблица 4. **КАРТЛИЙСКИЕ БАГРАТИДЫ**

* правил 1556–1569, 1578–1599, = Нестан-Дареджан, дочь Левана I Кахетинского

** † 1610 дочь Гиорги III Дадияни

§ = (1) Кетеван Абашишвили; (2) Мариам Дадияни († 1683, дочь Манучар I Дадияни, до этого была замужем за Симоном Гуриели (1621) и за Вахтангом V) (см. табл. 5: Мухранбатони)

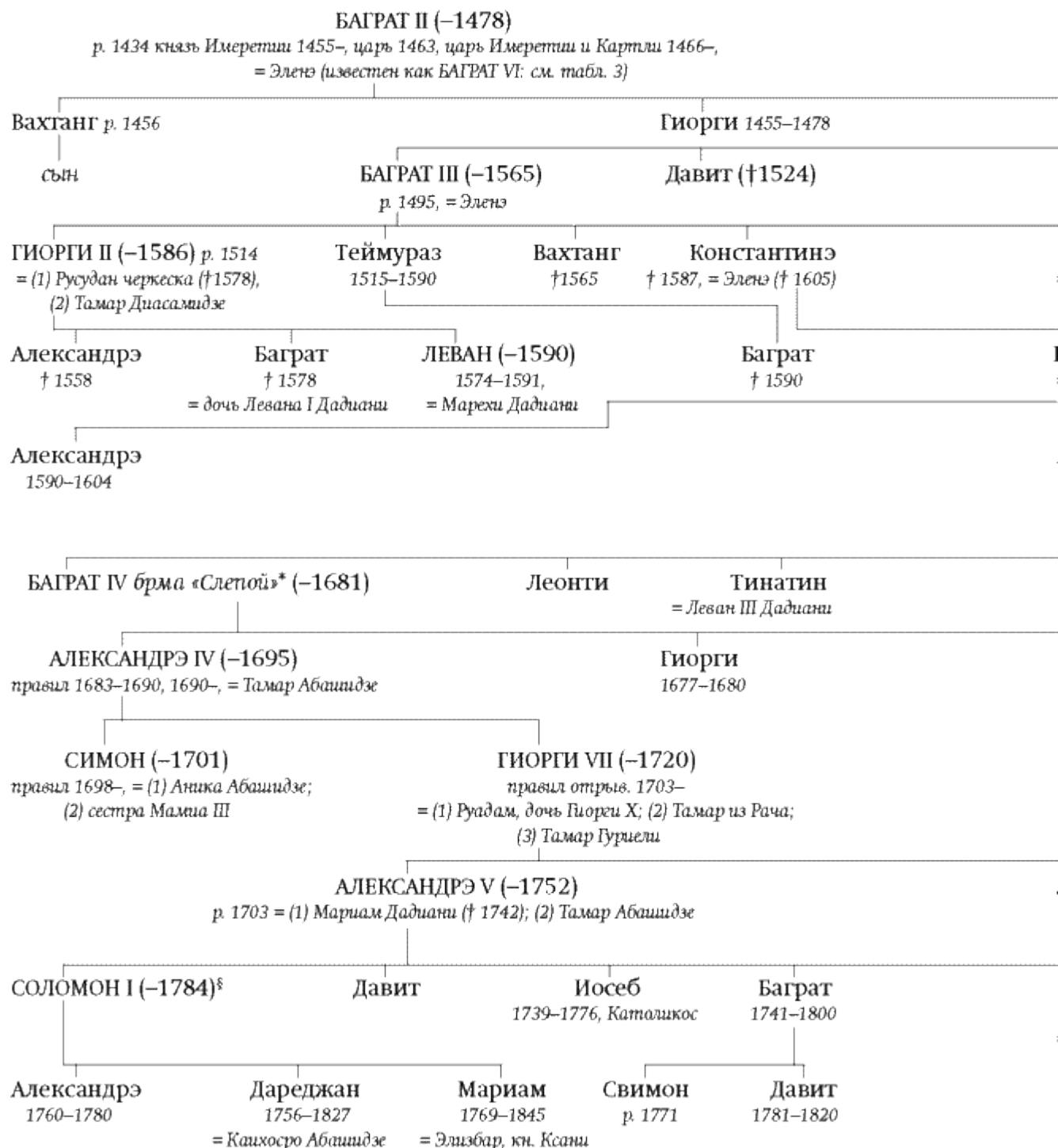
КАРТЛИ 1658–1744: см. табл. 5

Таблица 5. Багратиды мухранбатони

Таблица 6. Имеретинские багратиды

Таблица 6. **ИМЕРЕТИНСКИЕ БАГРАТИДЫ**

Продолжение таблицы 6

Александрэ
1760–1780
|
Гиорги
1778–1807

СВИМОН
р. 1771
|
РОСТОМ
р. 1791

ДАВИТ
1781–1820
|
ИВАНЭ
1810–1869

КОН
182

* р. 1617, правил 1660–1661, 1663–1665, 1667–1668, 1679–

= (1) Кетеван внучка Теймураза I; (2) Тамар Мухранбатони († 1683)

**= Ростом, кн. Рача

§ р. 1735, = (1) Тинатин Шервашидзе; (2) Мариам Дадиани;

(3) Гулкан Цулукидзе

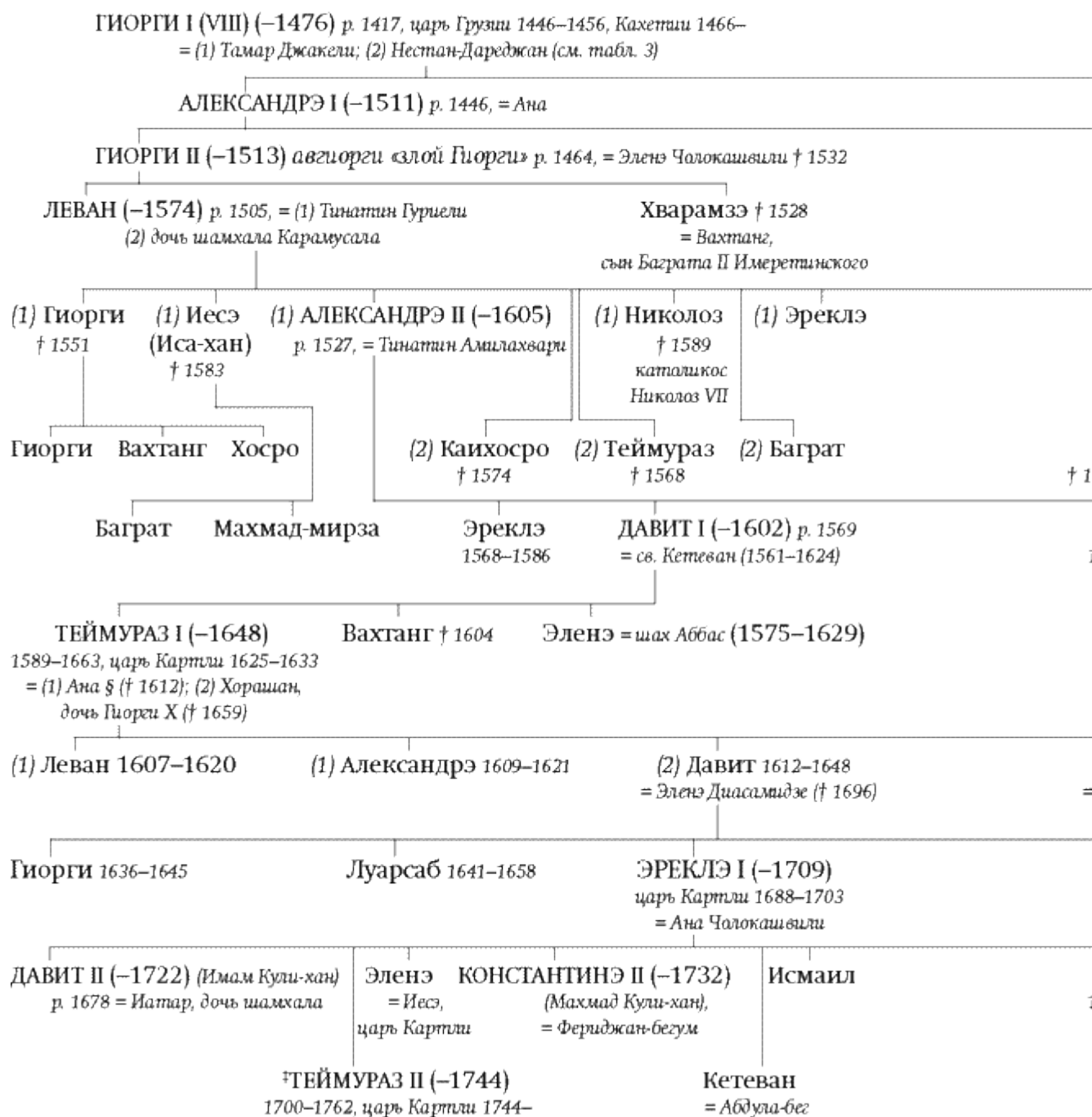
† =Мамия IV Гуриели

‡ = (1) Анастасия Абашидзе; (2) Анна Лопеш да

§ § раньше известен как Давит Арчилисдзе

Таблица 7. Кахетинские багратиды

Таблица 7. **КАХЕТИНСКИЕ БАГРАТИДЫ**

Продолжение таблицы 7

ДАВИТ II (–1722) (Имам Кули-хан)

р. 1678 = Иатар, дочь шамхала

Махмад-мирза

Ганджа-хан

† 1734

Назар Али-мирза

правил Картли 1735–

† 1737

Асан-мирза

† 1750

*ТЕЙМУРАЗ II (–1744)

1700–1762, царь Картли 1744–

ЭРЕКЛЭ II (–1798)

р. 1720, царь Картли и

Кахетии 1762–

(1) Кетеван Капланшвили † 1750;

(2) Ана Абашидзе;

(3) Дареджан Дадияни (1726–1807)

* 1532–1574 =Кетеван

** = Абел Андроникашвили

† = (1) Тамар, дочь кн. Арагви; (2) Тамар, дочь царя Вахтанга VI († 1746);

(3) Ана Бараташвили (1734–1784)

§ дочь Мамиа II Гуриели

Таблица 8. Картли-кахетинские багратиды

ЭРЕКЛЭ II (1762–1798)
р. 1720 = (1) Кетеван Каплианишвили † 1750; (2) Ана Абашидзе; (3) Дареджан Дадиани (1726–1807)

(1) Русудан 1740–1760	(2) Тамар 1749–1786 = Давит Орбелиани	(3) Эленэ = (1) Арчил, сын Александрэ, царя Им. (2) Закария Андроникашвили	(3) Мариам*	(3) Леван 1756–1781	(3) Сопио	(3) А...
<hr/>						
(1) ВАХТАНГ 1740–1760	(2) ГИОРГИ XII (1798–1800) р. 1746, = (1) Кетеван Андроникашвили (1754–1782); (2) Мариам Цицишвили (1768–1850)	(3) Кетеван 1765–1840 = Иоанэ Мухранбатони	(3) Мириан 1767–1834 = Мария Хылкова (1788–1815)			
<hr/>						
(1) ДАВИТ XII 1767–1819 = Эленэ Абамелик (1770–1836)	(1) Барбарэ 1769–1801	(1) Нино^б 1772–1847	(1) Рипсимэ † 1847	(1) А...	(1) Э...	(1) А...
<hr/>						
(1) Иоанэ 1768–1830 = Кетеван Церетели (1772–1832)	(1) Сопио 1770–1840	(1) Баграт 1776–1841 = Кетеван Чолокашвили (1781–1831)	(1) Гаянэ 1780–1820	(1) А...	(1) Э...	(1) А...
<hr/>						
<div style="display: flex; justify-content: space-between;"><div style="width: 48%;">^а Юлон (1760–1816) = Саломэ Амилахвари 1766–1827</div><div style="width: 48%;">^и Александрэ (1171–1844) = Анна Агамалова (1808–1882)</div></div>						
<hr/>						
Леван 1786–1811	Луарсаб 1789–1850	Димитри 1803–1845	Тамар 1792–1857	Эреклэ 1826–1882		

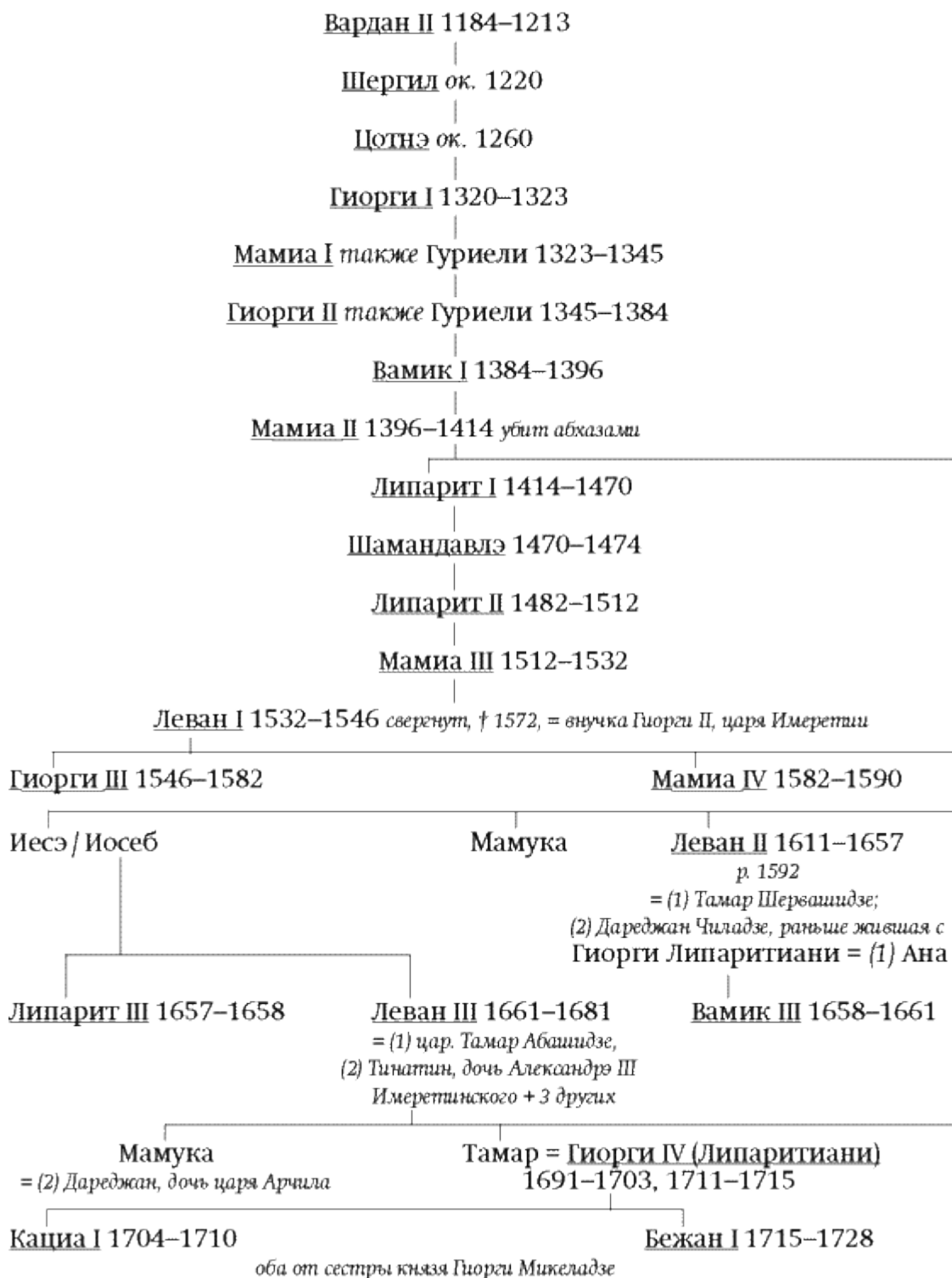
§ = Григор VI Дадлиани († 1804)

§ 8 = Елена, дочь царя Павла I

§ § = Елена, дочь царя Павла Петровича

Таблица 9. Дадзани (мингрельские князья)

Таблица 9. **ДАДИАНИ (мингрельские князья)** (упрощена;
подчеркнуты имена правящих князей)

Продолжение таблицы 9

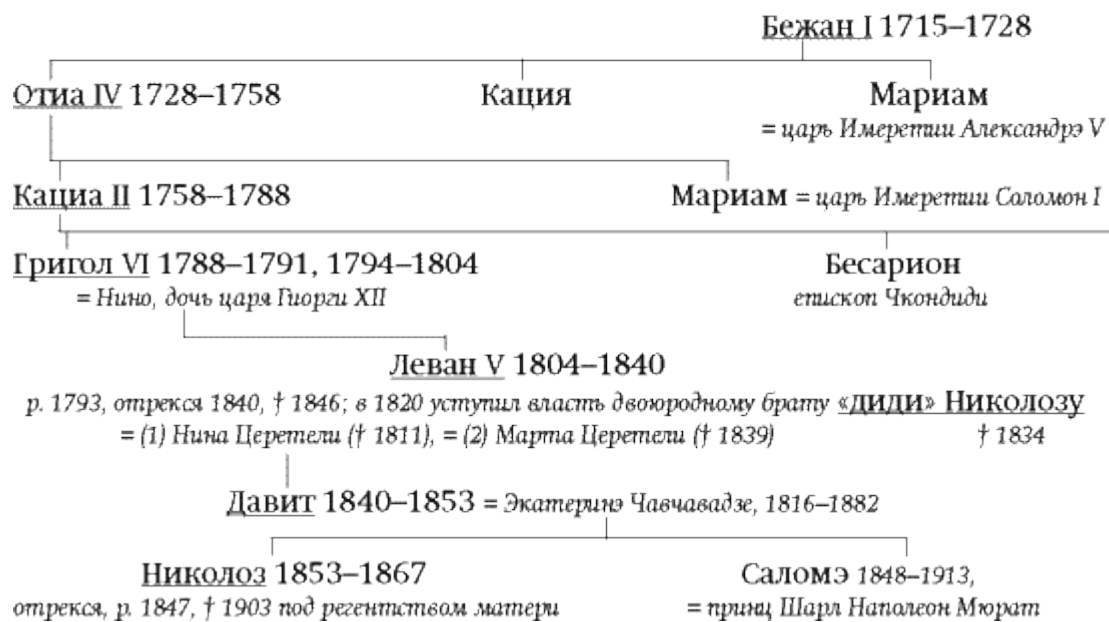

Таблица 10. Князья Гурии (гуриели)

Таблица 10. **КНЯЗЬЯ ГУРИИ (гуриели)** (упрощена)

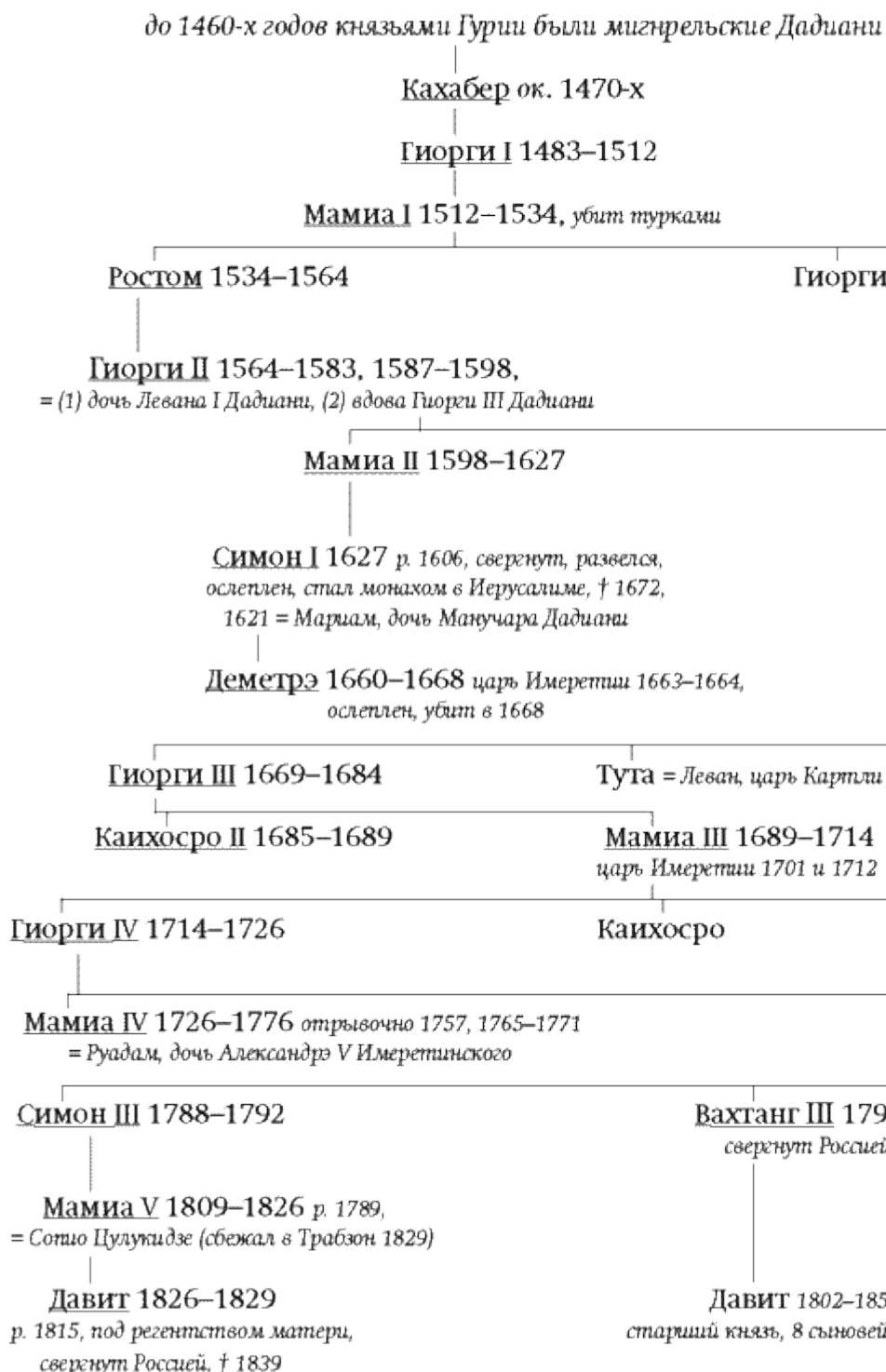
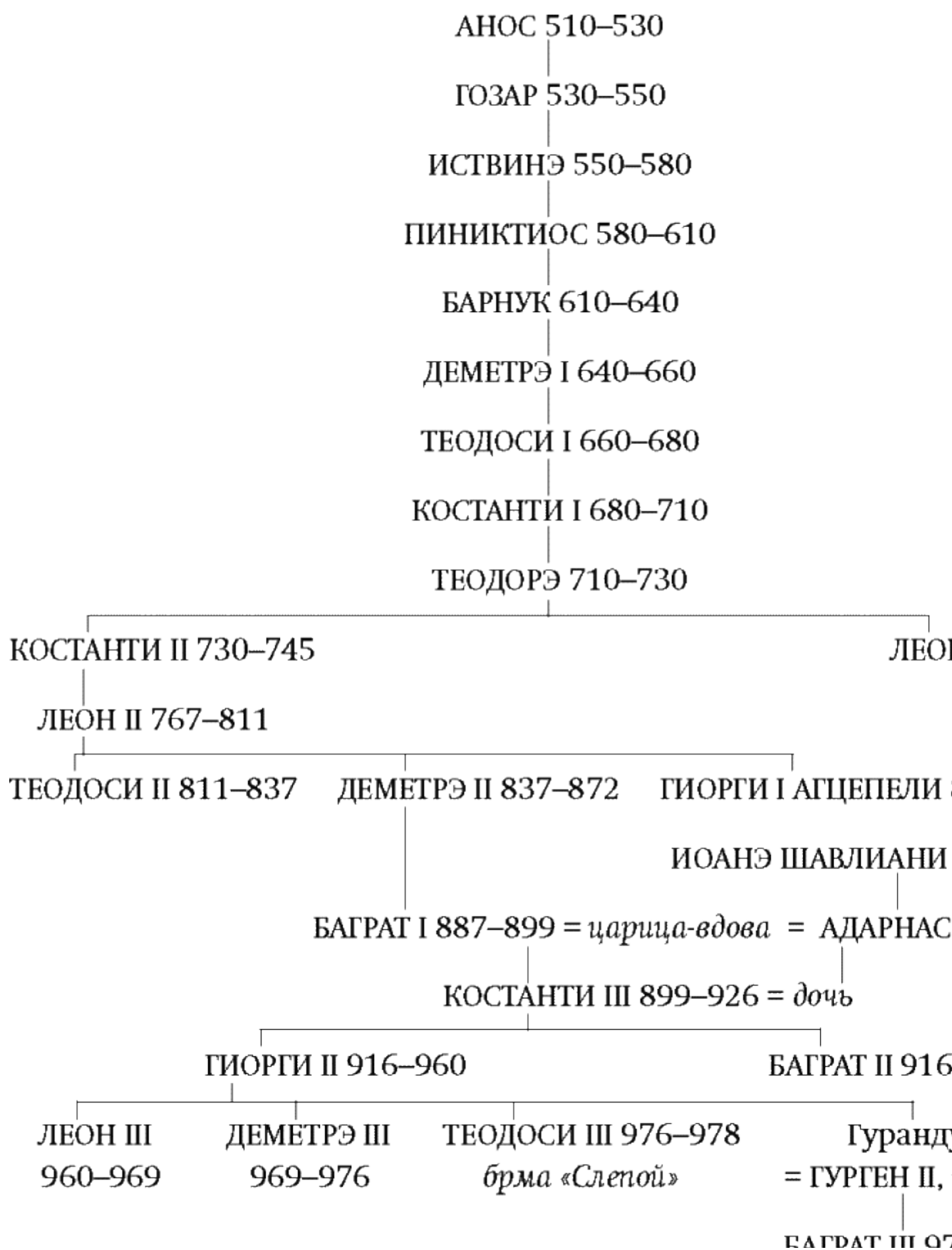

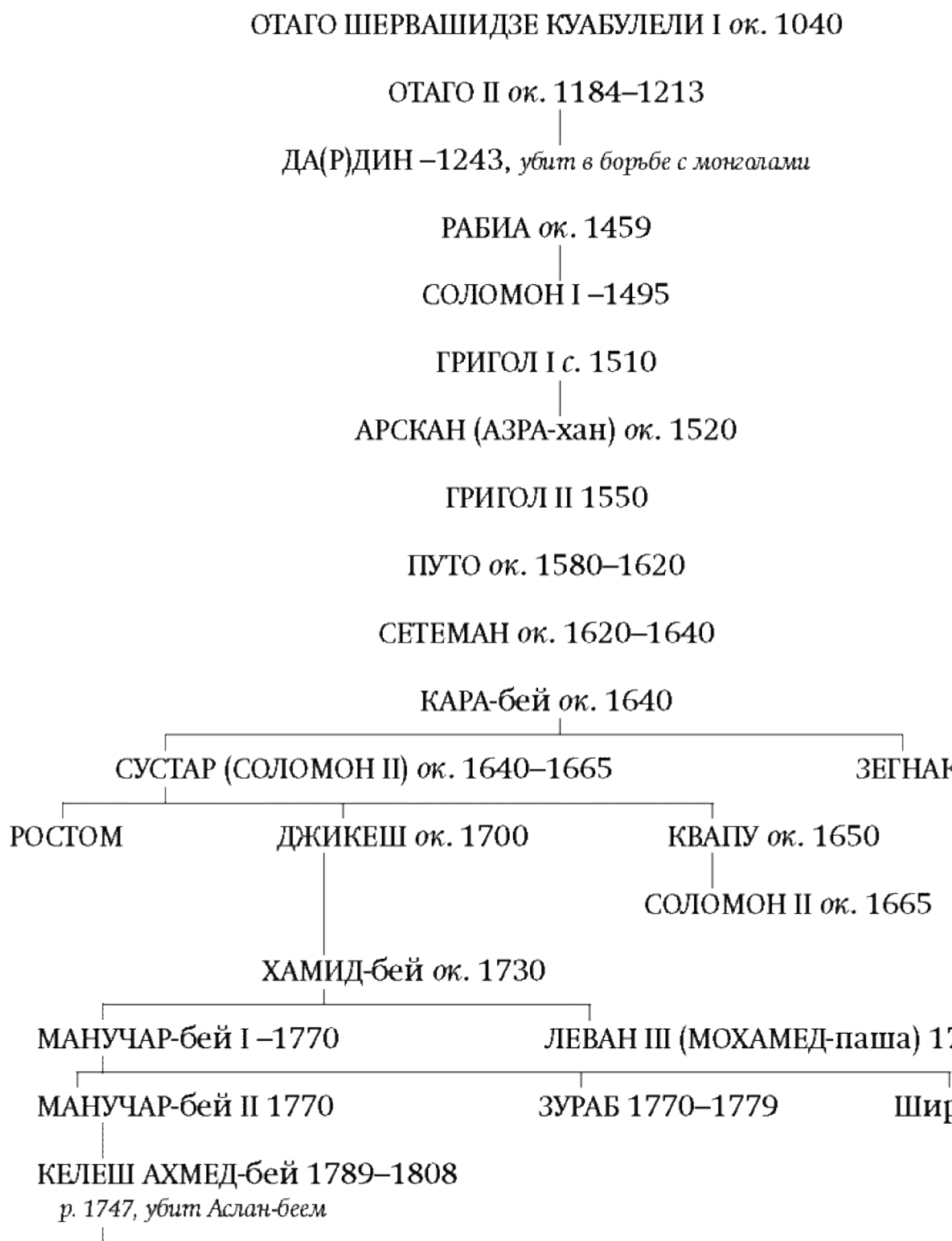
Таблица 11. Абхазские цари Анча

Таблица 11. АБХАЗСКИЕ ЦАРИ АНЧБА

Таблица 12. Абхазские князья Шервашидзе (Чачба)

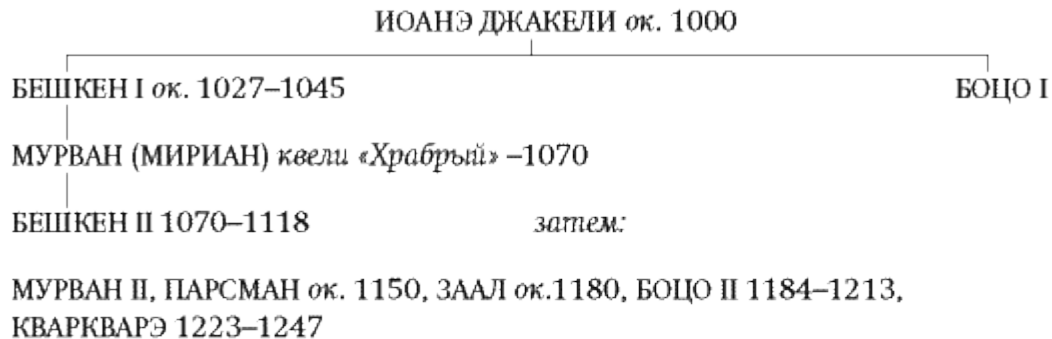
Таблица 12. АБХАЗСКИЕ КНЯЗЬЯ ШЕРВАШИДЗЕ (Чачба)

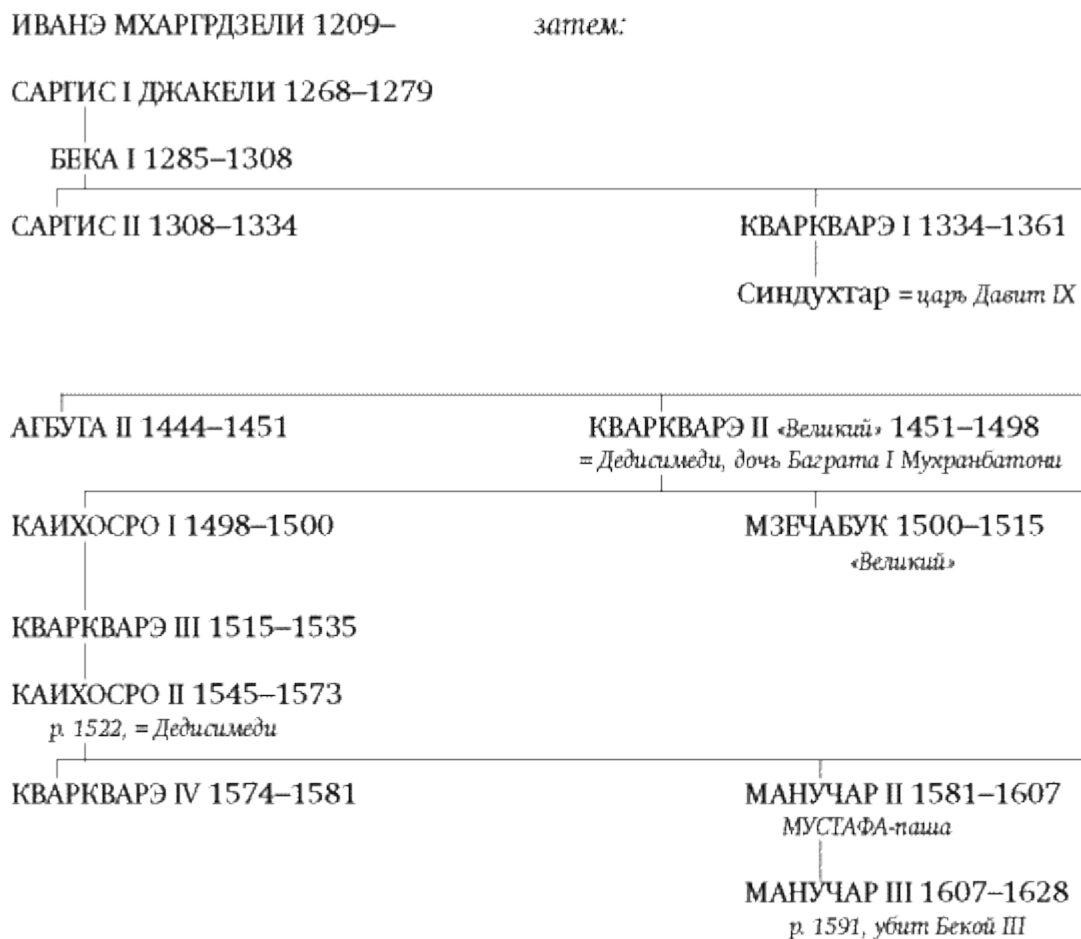
Таблица 13. Самцхе-ахалцихские князья, атабаги и паша

Таблица 13. САМЦХЕ-АХАЛЦИХСКИЕ КНЯЗЬЯ, АТАБАГИ И ПАША

КНЯЗЬЯ

АТАБАГИ

Продолжение таблицы 13

ЮСУФ-паша II 1680–1690
ИСХАК-паша 1701–1705, 1708–1716, 1718–1737
ЮСУФ-паша III 1737–1744

Впоследствии Джакели-паша неизвестного родства:

ХАДЖИ-АХМЕД-паша 1747–1758	ХАСАН-паша 1758–1759, 1761–1767
ИБРАГИМ-паша 1759–1761	СЮЛЕЙМАН-паша 1767–1795

Таблица 14. Тбилисские эмиры

Таблица 14. ТБИЛИССКИЕ ЭМИРЫ

Шуабиды

Исмаил ибн Шу'аиб	до 813
Мухаммед ибн Атаб	813–829
Али бин Шу'аиб	829–833
Исхак ибн Исмаил ибн Шу'аиб	833–853

Шайбаниды

Мухаммед ибн Халил	853–870
Иса бин аш-Шейх аш-Шайбан	870–876
Ибрагим	876–878
Габулоц	878–880

Джаффариды

Джаффар I ибн Али	880–914
Мансур ибн Джаффар	914–952
Джаффар II ибн Мансур	952–981
Али бин Джаффар	981–1032
Джаффар III ибн Али	1032–1046

Карты

● столица ● городище ■ крепость ✕ поле битвы † церковь или монастырь
ГРУЗИЯ около 1200 г

● столица ● городище ■ крепость ✕ поле битвы † церковь или монастырь
КАХЕТИЯ около 1500 г.

С цветной вкладки

Джемма V века с изображением царя грузинского Вахтанга Горгасала (422–502) (слева – из граната, справа – из золота). С разрешения Британского музея

Грузинский царь (с 1089 г.) Давит IV Строитель (1073–1125). Гелатский монастырь. С разрешения Государственного музея Грузии

Грузинская царица (с 1184 г.) Тамар (1160–1213). Бетания. С разрешения Государственного музея Грузии

Сафавиды с грузинскими пленниками (1620-е гг.). Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Грузинский царь Гиорги IV Лаша (1192–1222). Фреска из церкви Бертубани. С разрешения Грузинского национального музея

Карталинский царь (1556–1569 и 1578–1599 гг.) Симон I (1533–1611). Гравюра Доменикуса Кустоса (1560–1612) из книги *Atriumheroicum* (1602–1604)

Мингрельский князь (с 1611 г.) Леван II Дадияни (1592–1657). Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Город Гори в 1620-х гг. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Николоз Ирабукидзе (1600–1659), грузинский посланник в 1620-х гг. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

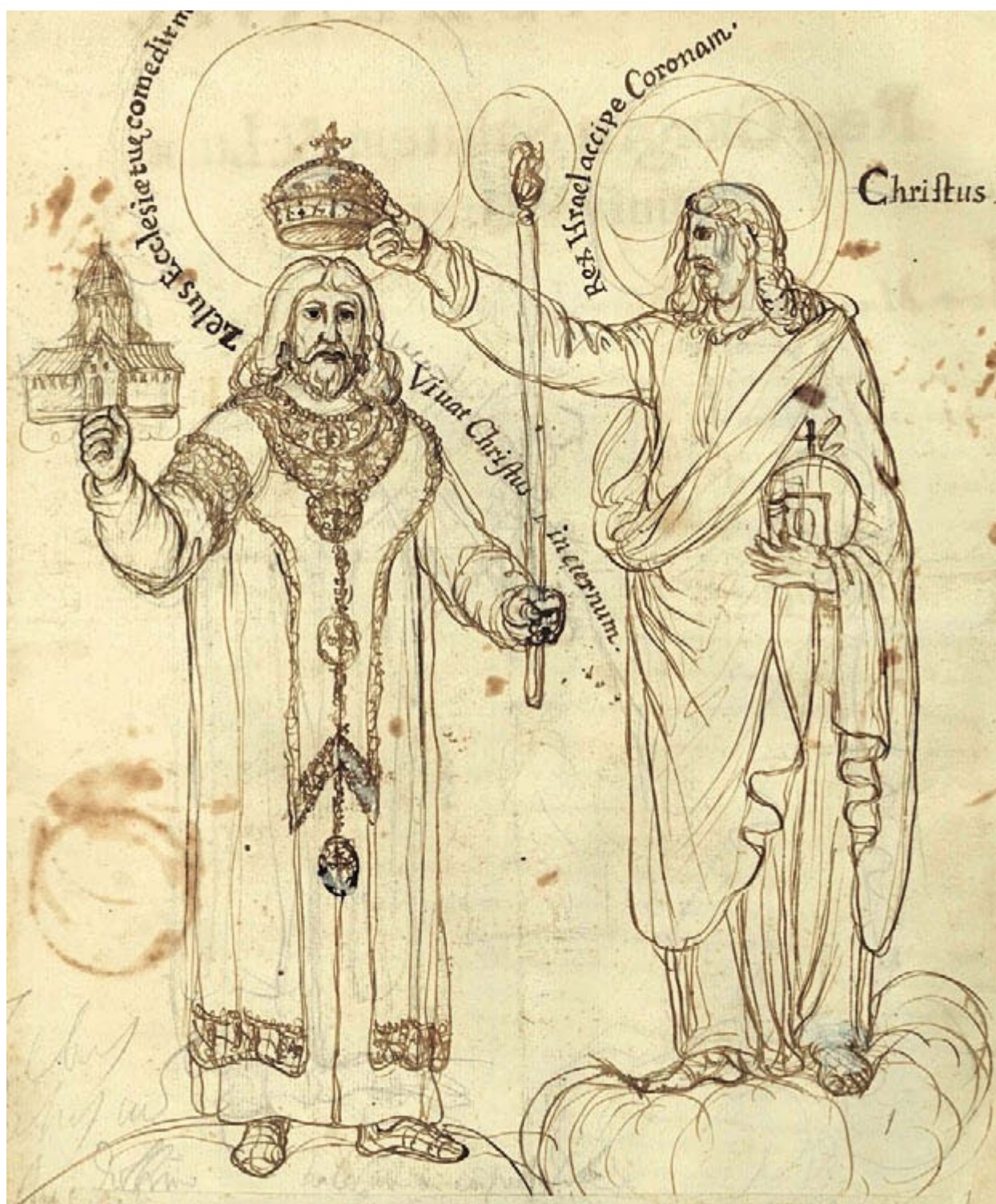
Имеретинский царь (1605–1639) Гиорги III на смертном одре. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Великий моурави Гиорги Саакадзе (1570–1629). Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Венчание Имеретинского царя (с 1660 г.) Баграта IV Слепого (1617–1681). Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Карталинский царь (с 1630 г.) Ростом (1575–1658). Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Имеретинская царица (1640–1660-е гг.) Дареджан Коварная, дочь Теймураза I. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Карталинский (1625–1633 гг.) и кахетинский царь (1605–1648 гг.) Теймураз I (1589–1663), со второй женой Хорашан. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Карталинская царица Мариам (1599–1682), дочь Манучара Дадияни, жена Симеона Гуриели (с 1621 г.) и потом карталинских царей Ростома (с 1638 г.) и Вахтанга V (с 1658 г.). Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Мученичество царицы Кетеван (22 сентября 1624 г.). Монастырь Да Граса, Лиссабон

Никифор Толочанов и Алексей Иевлев, русские посланники в Имеретии. 1650. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Тамар Шервашидзе, отверженная и изувеченная жена Левана II Дадияни. Рисунок Кристофоро Кастелли (1600–1659). С разрешения Городской библиотеки Палермо

Теймураз II (1700–1762), карталинский и кахетинский царь. *С разрешения Грузинского национального музея*

Карталинский (с 1762 г.) и кахетинский царь (с 1744 г.) Ираклий (Эреклэ) II (1720–1798). *Литография XIX в. Б. Эсадзе. Летопись Грузии. СПб., 1913*

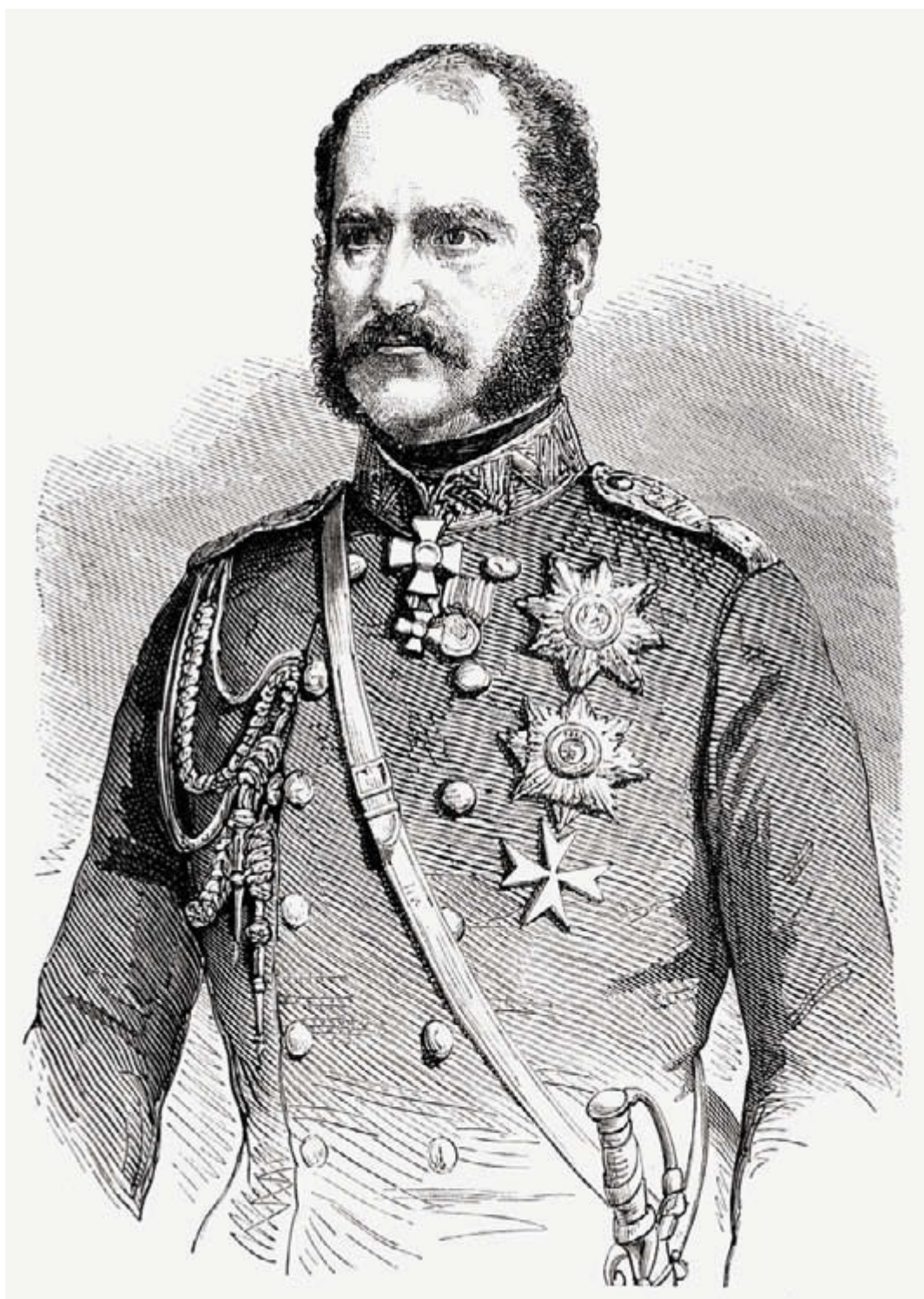

Георги XII (1746–1800), последний карталинский и кахетинский царь. *С разрешения Грузинского национального музея*

Граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), наместник Кавказа (1844–1853 гг.).
Oleg Golovnev / Shutterstock.com

Фельдмаршал Александр Барятинский (1814–1879), наместник Кавказа (1856–1862 гг.).
Рисунок 1860-х гг. L'illustration, Париж. 1860

Иосиф Джугашвили (Сталин) (1879–1953) с матерью и с семьей Сванидзе у гроба первой жены. 1907. *С. Разрешен* (1814–1879), наместник Кавказа (1856–1862 гг.). *из архивов Грузинского МВД*

Генерал Илья Одишелидзе (1865 – ум. после 1924) (2-й слева, второй ряд). Ок. 1917. С разрешения Национальной парламентской библиотеки Грузии (Тбилиси)

Генерал Фридрих Кресс фон Крессен-штейн (1870–1948), глава немецкой военной миссии в Грузии 1918 г. *Баварский военный архив*

Британский уполномоченный Оливер Уардроп (1864–1948) встречается с Эвгени Гегечкори (МИД Грузии) 30 августа 1919 г. *С разрешения председателя Уардропского треста*

Какуца Чолокашвили (1888–1930), антикоммунистический партизан. 1920-е. С разрешения архива Грузинского МВД

Лаврентий и его жена Нина Гегечкори-Берия на похоронах Нестора Лакобы. 1936. С разрешения Гуверского института (Стэнфорд)

Демонстранты 5 марта 1956. *С разрешения Грузинской прокуратуры*

Виктория Мжаванадзе-Терешкевич (1921–1982), жена первого секретаря ЦК КП Грузии. 1970-е. *С разрешения Национальной парламентской библиотеки Грузии (Тбилиси)*

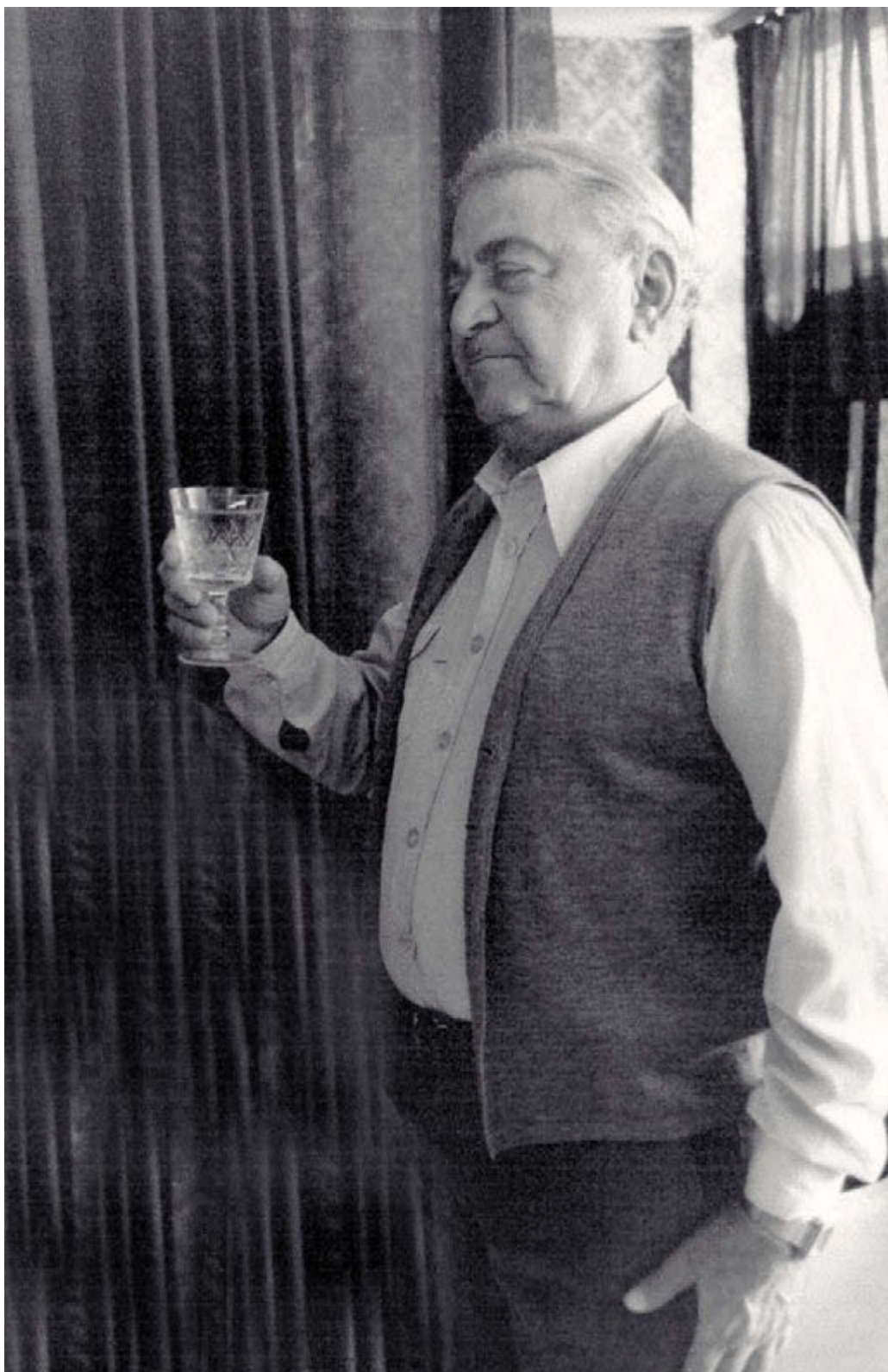

Эдуард (1928–2014) и Нанули (1929–2004) Шеварднадзе встречают Константина Черненко в тбилисском аэропорту. 1984. *С разрешения архива КП ГССР*

Звиад Гамсахурдия, президент Грузии (1991–1992 гг.). 1992. Фото Левана Уруша-дзе.
С разрешения Национальной парламентской библиотеки Грузии (Тбилиси)

Василий Мжаванадзе (1902–1988), первый секретарь ЦК КП Грузии (1953–1972 гг.).
1980-е. С разрешения Национальной парламентской библиотеки Грузии (Тбилиси)

Демонстрантка. 9 апреля 1989. С разрешения фотографа Юрия Мечитова

Эдуард Шеварднадзе (президент Грузии в 1995–2003 гг.) с министрами. 1993. С разрешения Национальной парламентской библиотеки Грузии (Тбилиси)

Карта Кавказа 1667 г. Французская национальная библиотека

Грузия и грузины. А. А. Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Европа, 2006. С разрешения А. А. Цуциева

1774–1783: Кавказское поле имперского соперничества к началу российских завоеваний. А. А. Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Европа, 2006. С разрешения А. А. Цуциева

1774–1829: первый этап присоединения Кавказа к России. А. А. Цуцев. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Европа, 2006. С разрешения А. А. Цуцева

Михаил Саакашвили в 2005 г., с женой Сандрой Рулофс и старшим сыном Эдуардом, на острове Тесель, Голландия. С разрешения грузинской англоязычной газеты *The Messenger*

50 ლარი образца 2016 г. с изображением царицы Тамар и пещерного монастыря Вардзия.
Ppart / Shutterstock.com